

УДК 821.111
ББК 84(7США)
Ю16

Eliezer YUDKOWSKY
Harry Potter and the Methods of Rationality

Элиезер ЮДКОВСКИЙ
Гарри Поттер и методы рационального мышления

Перевод с английского — коллектив переводчиков:
Дмитрий Новицкий, Александр «Аларик» Бидерман, Глеб Мазурский, Виктор Гавриш, Мария Шадрина, Светлана «Chaika-che» Выприцкая, Юлия Ноздрина, Илья Nighthawk, Анна Новицкая, Юлий Лобарёв, StrangeCat, Sergcold, Polina, You_know_who, baskakov_dima, kle, Elspet, Asya, Dima, Kaplya smysla, Remlin, Constantine, Kuuff, Антон Скобин, Валя Гаврилова, Berik, Alexqwesa, Lavash, Denker.

Коллектив переводчиков разрешает распространять и использовать перевод на условиях лицензии Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International в случаях, когда его распространение и использование позволяют другие правообладатели, в частности, Дж. К. Роулинг и Элиезер Юдковский.

Полный текст книги доступен бесплатно на <https://гпмрм.рф>

Юдковский, Элиезер Шломо

Ю 16 Гарри Поттер и методы рационального мышления. Роман в трёх книгах. Книга вторая / Элиезер Шломо Юдковский ; [пер. с англ. коллектива переводчиков]. — Москва: ИП «Самин Михаил Иванович», 2018. — 592 с.

Петунья вышла замуж не за Дурсля, а за университетского профессора, и Гарри попал в гораздо более благоприятную среду. У него были частные учителя, дискуссии с отцом, а главное — книги, сотни и тысячи научных и фантастических книг. В 11 лет Гарри знаком с квантовой механикой, когнитивной психологией, теорией вероятностей и другими вещами. Но Гарри не просто вундеркинд, у него есть загадочная Тёмная Сторона, которая явно накладывает свой отпечаток на его мышление. Умный Гарри Поттер сталкивается с магией, размышляет, как она работает, почему нарушает привычные законы физики, и применяет научный метод, чтобы в ней разобраться и подчинить себе.

УДК 821.111
ББК 84(7США)

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Дж. К. Роулинг, 1997–2007 — весь волшебный мир, включая персонажей, сюжеты, магию и всё-всё-всё.

© Элиезер Юдковский, 2011–2015 — текст.

© Элиезер Юдковский, 2018 — предисловие к русскому изданию.

Элизер Юговский

Гарри Поттер
и методы
рационального
мышления

книга вторая

Москва
2018

Глава 38

Смертный грех

5 января 1992 года. 9:45 утра.
Яркое солнце, чистый воздух, счастливые ученики и их родители, ухоженная мостовая платформы Девять и три четверти. Зимнее солнце, низко висящее над горизонтом. На некоторых учениках помладше — шарфы и перчатки, но большинство просто в мантиях. В конце концов, они же волшебники.

Отойдя в сторонку, Гарри снял шарф и пальто, открыл одно из отделений своего сундука и убрал в него зимнюю одежду.

Постоял несколько секунд, просто чтобы прочувствовать морозный январский воздух.

Затем достал и надел мантию.

И наконец, Гарри вытащил волшебную палочку. Он не мог не думать о своих родителях, которых он только что поцеловал на прощание, и о мире, чьи проблемы оставлял за спиной...

Со странным чувством вины за неизбежное Гарри произнёс:

— *Термос*, — и тепло окутало его.

Мальчик-Который-Выжил вернулся.

Гарри зевнул и потянулся. Под конец каникул в его чувствах преобладала апатия — этим утром он не испытывал тяги ни к учебникам, ни к серьёзной научной фантастике. Всё, что ему сейчас было нужно — это занять себя каким-нибудь совсем лёгким чтивом...

И достать его совсем несложно, нужно лишь расстаться с чеперьмя кнатами.

Кроме того, раз уж «Ежедневный пророк» — продажное издание, а единственное конкурирующее с ним — это «Придира», то именно там могут быть какие-нибудь настоящие новости, которые пытаются скрыть от общественности.

Гарри побрёл к тому самому газетному ларьку, где он покупал газету в сентябре, размышляя, сможет ли сегодняшний заголовок «Придиры» поразить его сильнее, чем в прошлый раз.

Продавец начал было улыбаться приближающемуся покупателю, но выражение его лица мгновенно изменилось, стоило ему увидеть шрам.

— Гарри Поттер?! — сдавленно воскликнул продавец.

— Нет, мистер Дуриан, — ответил Гарри, мельком взглянув на бирку с именем на груди продавца, — всего лишь удачная имитация...

Слова застряли у него в горле, как только глаза поймали видимую часть заголовка сложенного пополам номера «Придиры»:

**ПЬЯНЫЙ ПРОРОК ДЕЛИТСЯ СЕКРЕТАМИ:
ТЁМНЫЙ ЛОРД ВОЗВРАЩАЕТСЯ**

Он попытался сохранить на лице невозмутимое выражение, но почти сразу же понял, что если он вообще не будет выглядеть потрясённым, это будет ещё более подозрительно...

— Будьте добры, «Придиру», пожалуйста, — сказал Гарри слегка встревоженным голосом. Он никак не мог понять, выдаёт ли себя этим, или такой бы и была его нормальная реакция, если бы он ничего не знал. Проводя слишком много времени среди слизеринцев, забываешь, как вести себя в таких случаях с обычными людьми.

Четыре кната звякнули о прилавок.

— О, не волнуйтесь, мистер Поттер! — поспешно сказал продавец, замахав руками. — Это... не стоит, просто...

Газета влетела прямо в руку Гарри, и он, развернув её, прочитал заголовок целиком:

**ПЬЯНЫЙ ПРОРОК ДЕЛИТСЯ СЕКРЕТАМИ:
ТЁМНЫЙ ЛОРД ВОЗВРАЩАЕТСЯ
И ЖЕНИТСЯ НА ДРАКО МАЛФОЕ**

— ...Это будет бесплатно, — продолжил мистер Дуриан, — для вас, в смысле...

— Не надо, я всё равно собирался её купить.

Продавец взял монеты, и Гарри приступил к чтению.

— Обладеть, — сказал Гарри полминуты спустя, — да любая предсказательница, вдрызг пьяная после шести глотков виски, поделится с вами абсолютно любыми секретами. То есть, кто бы мог подумать, что Сириус Блэк и Питер Петтигрю на самом деле один и тот же человек?

— Не я, — отозвался продавец.

— Тут даже есть колдография, где они вместе, чтобы все знали, как выглядит эта персона.

— Ага, хитро замаскировался, правда?

— А мне на самом деле шестьдесят пять лет.

— На вид и половины не дашь.

— И ещё я помолвлен с Гермионой Грейнджер, Беллатрисой Блэк и Луной Лавгуд, да, чуть не забыл, ещё с Драко Малфоем...

— Весёлая свадьба будет, — кивнул продавец.

Гарри оторвался от газеты и весело сказал:

— Знаете, когда я впервые услышал, что Луна Лавгуд сумасшедшая, у меня были сомнения, действительно ли это так, или она придумывает все эти истории просто для смеха. Потом мне на глаза попался другой номер «Придиры», и я решил что она никак не может быть сумасшедшей, совершенно же не просто придумывать такие вещи, это точно не случайность. А знаете, что я думаю теперь? Я думаю, она всё-таки безумна. Когда люди несут чушь, это обычно выглядит совсем по-другому. Такое придумать можно, только если с головой что-то уже серьёзно не в порядке.

Мистер Дуриан уставился на Гарри.

— Нет, серьёзно, кто читает эту чепуху? — спросил Гарри.

— Вы.

Гарри двинулся дальше в поисках места, где можно было бы дочитать газету.

Он не стал присаживаться за тот же столик, где сидел с Драко, дожидаясь поезда в первый раз. Зачем искушать судьбу — вдруг история повторится?

И дело было не только в том, что, если верить «Придире», его первая неделя в Хогвартсе длилась пятьдесят четыре года. Просто по скромному мнению Гарри, в его жизни и без того хватало сложностей.

Наконец, он нашёл маленький железный стул вдали от скопления людей и хлопков аппарации. Усевшись, Гарри продолжил читать «Придиру», выискивая настоящие новости, которые пытаются скрыть от общественности.

Но помимо очевидного бреда (Мерлин упаси, если хотя бы половина из этого правда), Гарри обнаружил там лишь кучу романтических сплетен, ни одна из которых, даже будь она правдой, не имела хоть сколько-нибудь важного значения.

Гарри как раз читал, что Министерство предложило закон, который запрещает все браки, когда...

— Гарри Поттер, — эти слова, сказанные вкрадчивым голосом, впрыснули в кровь Гарри ударную дозу адреналина.

Он поднял голову. И устало отозвался:

— Люциус Малфой.

В следующий раз Гарри поступит умнее: останется на магловской стороне вокзала Кинг Кросс вплоть до 10:55 утра.

Люциус вежливо кивнул, его длинные светлые волосы скользнули по плечам. В его руках была всё та же трость — чёрная с серебряной головой змеи вместо рукоятки. И отнюдь не немощный человек опирался на трость; то, как он её держал, безмолвно говорило: это оружие и оно смертоносно. Лицо Малфоя не выражало никаких эмоций.

Двое мужчин, постоянно осматриваясь по сторонам, прикрывали его с боков, с палочками наготове. Они двигались как единый организм с четырьмя руками и ногами: мистер Крэбб-и-Гойл старшие. Гарри даже мог бы догадаться, кто из них кто, но сейчас это не имело значения. Ведь они всего лишь придатки Люциуса, всё равно что два лишних мизинца на левой ноге.

— Извините, что отвлекаю, мистер Поттер, — прозвучал ровный, шёлковый голос. — Но вы не ответили ни на одно моё письмо. И, вероятно, это единственная возможность встретиться с вами.

— Я не получал ваших писем, — спокойно ответил Гарри. — Полагаю, их перехватил Дамблдор. Но я бы всё равно на них не ответил, разве что через Драко. Потому как общение с вами напрямую, в обход Драко, было бы злоупотреблением нашей с ним дружбой.

Уйди, пожалуйста, уйди, пожалуйста...

— Что ж, если это ваша позиция, тогда... — сказал Малфой старший, сверкнув серыми глазами. — Хорошо. Я поддерживаю вашу игру. Какую цель вы преследовали, загоняя своего друга, моего сына, в ситуацию, когда ему пришлось публично пойти на союз с этой девочкой?

— О, — весело ответил Гарри, — это же очевидно, не правда ли? Работая вместе с Гермионой, он рано или поздно придёт к пониманию, что маглорождённые — тоже люди. Муа. Ха. Ха.

Тень улыбки пробежала по губам Люциуса.

— Да, очень похоже на план Дамблдора. Но он тут ни при чём.

— Именно. Это часть моей игры с Драко, а не работа Дамблдора. И это всё, что я могу сказать.

— Давайте отставим игры в сторону, — выражение глаз Малфоя старшего вдруг стало очень жёстким. — Если мои подозрения верны, вы в любом случае вряд ли станете следовать указаниям Дамблдора, мистер Поттер.

Небольшая пауза.

— Итак, вы знаете, — холодно ответил Гарри. — Скажите мне, в какой именно момент вы это поняли?

— Когда прочитал ваш ответ на маленькую речь профессора Квиррелла, — блондин мрачно усмехнулся. — Сначала я был сбит с толку. Мне казалось, это противоречит вашим интересам. Мне

потребовалось несколько дней, чтобы понять, чьи интересы вы отстаивали, и тогда всё стало ясно. Также очевидно, что вы слабы, по крайней мере, в некотором смысле.

— Вы весьма догадливы, но, возможно, заблуждаетесь насчёт моих интересов, — по-прежнему холодно заметил Гарри.

— Возможно, — в шёлковом голосе появился оттенок стали. — На самом деле, именно этого я и боюсь. Вы играете в странные игры с моим сыном, и я могу только гадать о ваших намерениях. Подобное не принято среди друзей, и вы не могли не ожидать, что я буду очень этим обеспокоен!

Люциус теперь опирался на трость двумя побелевшими от напряжения руками, а его телохранители заметно подобрались.

Инстинкт подсказывал, что нельзя показывать свой страх, нельзя показывать Люциусу, что Гарри вообще можно запугать. В конце концов, на платформе полно людей...

— Однако же интересно, — сказал Гарри, тоже добавив стали в свой голос, — вы полагаете, я могу получить выгоду, причинив Драко вред. Но это бессмысленно, Люциус. Он мой друг, а я не предаю своих друзей.

— Что?! — потрясённо прошептал Люциус.

И в эту секунду...

— У нас гости, — сказал один из приспешников. Судя по голосу — Крэбб-старший.

Люциус выпрямился, обернулся и буквально зашипел от недовольства.

К ним с напуганным, но решительным видом, приближался Невилл на буксире у высокой женщины, чей вид напуганным назвать было никак нельзя.

— Мадам Лонгботтом, — ледяным тоном произнёс Люциус.

— Мистер Малфой, — с не меньшим холодом отозвалась женщина. — Не досаждаете ли вы нашему Гарри Поттеру?

Смех Люциуса прозвучал неожиданно горько.

— О, полагаю, нет. Пришли защитить его от меня, не так ли? Блондин перевёл взгляд на Невилла.

— А это, должно быть, верный лейтенант мистера Поттера, последний из Лонгботтомов, называющий себя Невиллом из Хаоса. Как причудливо вертится мир. Порой мне кажется, что он совсем сошёл с ума.

Гарри не представлял, что на это ответить. Невилл выглядел испуганным и растерянным.

— Сомневаюсь, что с ума сошёл именно мир, — ответила мадам Лонгботтом с оттенком злорадства. — Похоже, у вас дурное настроение, мистер Малфой? Неужели речь профессора Квиррелла стоила вам пары союзников?

— Достаточно ловкая клевета на мои таланты, — холодно отозвался Люциус, — но она производит впечатление лишь на глупцов, которые верят, что я и вправду был Пожирателем Смерти.

— Что?! — выпалил Невилл.

— Я находился под заклятием *Империиус*, молодой человек, — устало ответил Люциус. — Тёмный Лорд вряд ли смог бы вербовать членов чистокровных семей без поддержки Дома Малфоев. Увидев мои колебания, он предпочёл действовать наверняка. И его Пожиратели Смерти до самого конца не знали, что я ношу фальшивую Метку, которая, поскольку я не давал на неё согласия, надо мной не властна. Некоторые Пожиратели Смерти всё ещё верят, что я был одним из них, и ради спокойствия нации я позволяю им думать так, чтобы держать их в узде. Но я никогда не был настолько глуп, чтобы сознательно поддерживать этого злосчастного авантюриста...

— Не слушайте его, — сказала мадам Лонгботтом, обращаясь как к Гарри, так и к Невиллу. — Он вынужден притворяться всю оставшуюся жизнь, страшись ваших показаний под Сывороткой Правды. — Это прозвучало со злобным удовлетворением.

Люциус отвернулся от неё, прекращая разговор, и снова обратился к Гарри:

— Вы не попросите эту каргу удалить, *мистер Поттер*?

— Думаю, нет, — сухо ответил Гарри. — Я предпочитаю иметь дело с представителем Дома Малфоев моего возраста.

Повисла долгая пауза. Серые глаза изучали его.

— Конечно... — медленно проговорил Люциус. — Вот теперь я чувствую себя глупцом. Всё это время вы лишь притворялись, что не имеете ни малейшего понятия, о чём мы говорили.

Гарри встретил его взгляд и ничего не ответил.

Люциус приподнял трость на пару сантиметров и с силой воткнул её в землю.

Мир исчез в тусклой мгле, все звуки стихли, во вселенной не осталось никого, кроме Гарри Поттера, Люциуса Малфоя и змеглавой трости.

— Мой сын — моё сердце, — сказал Малфой-старший, — кроме него для меня в этом мире нет ничего ценного. Я предупреждаю вас во имя дружбы: если ему будет причинён вред, месть станет

смыслом моей жизни. Но если вы не собираетесь вредить ему, желаю вам удачи во всех ваших начинаниях. И, поскольку вы ничего более не потребовали от меня, я ничего более не потребую от вас.

Затем мгла растворилась, явив взбешённую мадам Лонгботтом. Путь ей преградил Крэбб-старший, и палочка уже была у неё в руке.

— Как вы смеете! — прошипела она.

Люциус развернулся так резко, что его тёмные одежды взметнулись, и бросил Гойлу-старшему:

— Возвращаемся в Малфой-манор.

Раздались три хлопка аппарации, и они исчезли.

Стало тихо.

— Святые небеса, — выдохнула мадам Лонгботтом. — И к чему всё это было?

Гарри беспомощно пожал плечами. Затем взглянул на Невилла. На лбу у того выступили капли пота.

— Спасибо тебе огромное, Невилл, — сказал Гарри. — Твоя помощь очень пригодилась, Невилл. А теперь, Невилл, думаю, тебе стоит присесть.

— Да, генерал, — отозвался Невилл и, вместо того, чтоб добраться до стула рядом с Гарри, едва ли не рухнул прямо на тротуар.

— Благодаря вам многое в характере моего внука изменилось, — сказала мадам Лонгботтом. — кое-что я одобряю, но не всё.

— Пришлите мне список того и другого, — ответил Гарри. — Я посмотрю, что можно сделать.

Невилл застонал, но ничего не сказал.

Мадам Лонгботтом тихо рассмеялась.

— Непременно. Спасибо, юноша. — Она понизила голос. — Мистер Поттер... Речь профессора Квиррелла — это то, что нашей нации следовало услышать уже давно. Не могу сказать того же о ваших комментариях к ней.

— Я приму ваше мнение к сведению, — кротко отозвался Гарри.

— Искренне на это надеюсь, — сказала мадам Лонгботтом и повернулась к внуку. — Должна ли я всё ещё...

— Нет, можешь идти, бабуль, — ответил Невилл. — Я как-нибудь сам.

— Вот это я одобряю, — сказала мадам Лонгботтом и исчезла с хлопком, словно лопнувший мыльный пузырь.

Два мальчика немного посидели в тишине.

Наконец Невилл устало спросил:

— Постарайся исправить всё то, что она одобряет, да?

— Не всё, — невинно ответил Гарри. — Просто хочу быть уверенным, что я тебя не порчу.

* * *

Драко выглядел очень-очень взволнованным. Он продолжал вертеть головой по сторонам, даже несмотря на то, что по его настоянию они спустились в сундук Гарри и наложили настоящие чары Тишины, а не просто включили размывающий звуки барьер.

— Что именно ты сказал отцу? — выпалил Драко, как только чары начали действовать и шум от платформы Девять и три четверти исчез.

— Я... слушай, можешь сначала сказать, что он говорил тебе перед уходом?

— Что я должен сразу же сообщить ему, если ты вздумаешь угрожать мне, или если я сам сделаю что-то, что можно расценить как угрозу тебе! Отец думает, что ты опасен, Гарри. И что бы ты ни сказал ему сегодня — это напугало его! А пугать отца — это очень плохая идея!

О, чёрт...

— О чём вы говорили? — потребовал ответа Драко.

Гарри устало откинулся на спинку маленького складного стула, стоявшего на дне сундука.

— Знаешь, Драко, помимо фундаментального вопроса рациональности — «Что ты знаешь и почему ты думаешь, что ты это знаешь?», существует также и смертный грех — когда ты думаешь прямо противоположным образом. Например, как это делали древнегреческие философы. Они понятия не имели, как всё вокруг устроено, и потому просто говорили: «Всё есть вода» или «Всё есть огонь»*, и никогда не задавали себе вопрос: «Стоп, даже если всё в самом деле — вода, то как я об этом узнал?» И не спрашивали себя, есть ли у них свидетельства, которые позволяют считать, что эта теория предпочтительнее всех остальных. Свидетельства, которые они не смогли бы наблюдать, если их теория неверна...

— Гарри, — напряжённо повторил Драко, — о чём ты говорил с отцом?!

— На самом деле, я понятия не имею, — сдался Гарри, — поэтому очень важно, чтобы я не начал выдумывать...

Гарри ещё никогда не слышал, чтобы Драко так визжал от ужаса.

Глава 39

Притворная мудрость. Часть 1

Фюить. Тик. Вжжж. Динь. Чпок. Хлоп. Шмяк. Дон. Тук.
Пуфф. Дзинь. Буль. Бип. Бум. Кряк. Ввух. Шшш. Ффф.
Ууу.

В понедельник, на уроке Заклинаний, профессор Флитвик молча передал Гарри сложенный пергамент. В записке говорилось, что Гарри следует посетить директора в любое удобное время, причём так, чтобы никто этого не заметил, в особенности Драко Малфой и профессор Квиррелл. Одноразовым паролем для горгульи была фраза «брезгливый ягнятник»*. Послание завершалось весьма выразительным рисунком, изображавшим профессора Флитвика, который строго глядел на Гарри, периодически мигая, а под ним была трижды подчёркнутая фраза: **БУДЬ ОСТОРОЖЕН**.

Так что после урока трансфигурации Гарри какое-то время занимался с Гермионой, поужинал, поговорил с лейтенантами Хаоса и наконец, когда часы пробили девять, сделался невидимым, вернулся во времени к шести часам вечера и устало поплёлся к горгульям. Вращающаяся винтовая лестница, деревянная дверь, комната, полная маленьких занятных вещей, и седая борода директора.

На этот раз Дамблдор выглядел довольно серьёзно. Привычная для него улыбка отсутствовала, а фиолетовый цвет пижамы был темнее и вменяемее, чем обычно.

— Спасибо, что пришёл, Гарри, — сказал директор. Старый волшебник поднялся со своего трона и начал медленно вышагивать меж странных устройств, наполнявших комнату. — Прежде всего скажи, взял ли ты с собой запись вчерашнего разговора с Люциусом Малфоем?

— Запись? — удивился Гарри.

— Ты, конечно, записал его... — голос старого мага прервался.

Гарри сильно смутился. Разумеется, после тяжёлого разговора, полного непонятных, но несомненно важных намёков, просто напра-

шивается идея сразу же его записать, пока не забылись подробности, и попробовать разобраться позже.

— Ладно, — вздохнул директор, — значит, по памяти.

Гарри покорно начал пересказывать разговор, стараясь припомнить как можно больше подробностей, и только где-то на середине повествования сообразил, что не слишком-то умно выкладывать всё подчистую возможно сумасшедшему директору, по крайней мере, не обдумав предварительно. Правда, Люциус определённо «плохой парень» и вдобавок противник Дамблдора, так что, с другой стороны, рассказать всё директору — вполне разумно. К тому же Гарри уже начал говорить, и изобретать что-либо было поздно...

Так что он честно закончил пересказ.

И чем больше Гарри говорил, тем более отрешённым становился взгляд Дамблдора, а под конец его лицо стало совсем старым. В воздухе повисло напряжение.

— Да... — протянул Дамблдор. — Советую тебе приложить все усилия, чтобы наследник Малфоев оставался цел и невредим. И я тоже сделаю всё возможное. — Директор нахмурился, пальцы беззвучно выбивали дробь на иссиня-чёрной поверхности пластины с надписью «Лелиэль»*. — Кроме того, с твоей стороны будет чрезвычайно благоразумным впредь избегать абсолютно любых контактов с лордом Малфоем.

— Вы перехватывали сов, которых он мне посылал? — спросил Гарри.

Директор смерил Гарри долгим взглядом, затем неохотно кивнул.

Почему-то Гарри это возмутило не так сильно, как должно было. Возможно, потому, что сейчас принять точку зрения директора было очень легко. Даже Гарри понимал, почему Дамблдор против его общения с Люциусом. Этот запрет не был злым деянием.

В отличие от шантажа Забини... правда, об этом шантаже известно только со слов самого Забини, который совершенно не заслуживает доверия. Да и трудно, на самом деле, представить причину, по которой Забини не стал бы рассказывать историю, которая вызвала бы максимум сочувствия со стороны профессора Квиррелла...

— Как насчёт такого варианта: я скажу, что понимаю вашу точку зрения и не стану протестовать, — предложил Гарри, — а вы продолжаете перехватывать моих сов, но сообщаете мне, от кого они были?

— Боюсь, я перехватил очень много твоих сов, — рассудительно заметил Дамблдор. — Ты знаменитость, Гарри, и если

бы не я, ты получал бы по дюжине писем в день. Некоторые из них шли даже из дальних стран.

— А вот это уже чересчур... — Гарри почувствовал поднимающееся негодование.

— Многие из этих писем, — спокойно продолжил старый волшебник, — содержали просьбы, которые ты не смог бы выполнить. Конечно, я не читал их, просто отправлял обратно. Но я знаю, о чём они, потому что и сам получаю подобные. Ты слишком юн, Гарри, чтобы каждое утро по шесть раз перед завтраком чувствовать, как разбивается твоё сердце.

Гарри опустил голову, разглядывая башмаки. Он должен настоять, он должен читать эти письма и сам решать, вот только... голос здравого смысла в его голове на этот раз просто кричал.

— Спасибо, — пробормотал Гарри.

— Я пригласил тебя ещё по одной причине, — сказал Дамблдор. — Я хотел бы обратиться к твоему уникальному таланту.

— Трансфигурации? — уточнил Гарри, удивлённый и польщённый одновременно.

— Нет, к другому уникальному таланту. Скажи мне, Гарри, какое злодейство можно совершить, если дементору будет позволено ступить на землю Хогвартса?

* * *

Выяснилось, что профессор Квиррелл попросил, или, скорее, даже потребовал, чтобы, выучив слова и жесты заклинания Патронуса, его ученики могли проверить свои навыки на настоящем дементоре.

— Сам профессор Квиррелл не способен использовать заклинание Патронуса, — сказал Дамблдор, медленно расхаживая между устройствами. — А это никогда не было хорошим знаком. С другой стороны, он сам в этом признался и потребовал нанять стороннего инструктора, который обучит заклинанию Патронуса всех учеников, которые выразят желание ему научиться. Он также предложил за свой счёт оплатить все расходы, если для школы это затруднительно, что весьма меня впечатлило. Но теперь он просит привести дементора...

— Директор, — тихо сказал Гарри, — профессор Квиррелл глубоко убеждён, что испытания должны проводиться в условиях, максимально приближённых к боевым. Желание привести настоящего дементора — совершенно типично для него.

Директор странно посмотрел на Гарри.

— Типично? — с нажимом переспросил старый волшебник.

— В смысле, это полностью соответствует тому, как профессор Квиррелл обычно себя ведёт...

Гарри осёкся. Почему он высказался именно таким образом?

Директор кивнул:

— Значит, у тебя тоже возникло ощущение, что это предлог. Очень разумный предлог, даже разумнее, чем ты можешь представить. Зачастую волшебники, у которых заклинание Патронуса не получается, впервые успешно используют его в присутствии настоящего дементора. Вместо короткой вспышки света, которая казалась их пределом, у них получается настоящий телесный патронус. Почему так происходит — никто не знает. Но это факт.

Гарри нахмурился:

— Тогда я совсем не понимаю ваших подозрений...

Директор беспомощно развёл руками:

— Гарри, профессор *Защиты* попросил меня провести темнейшее из всех созданий через врата Хогвартса. Я просто обязан быть подозрительным. — Директор вздохнул. — И всё же дементор будет под охраной, заперт в чрезвычайно прочной клетке, и я сам буду наблюдать за ним всё это время... Не могу придумать, что плохого может произойти. Но, возможно, я просто не в состоянии это увидеть. Поэтому я спрашиваю тебя.

Гарри с открытым ртом уставился на директора. Он был настолько потрясён, что даже не чувствовал себя польщённым.

— Меня?! — переспросил Гарри.

— Да, — с лёгкой улыбкой ответил Дамблдор. — Я изо всех сил стараюсь предсказать действия моих врагов, проникнуть в их коварные замыслы и предугадать их злобные планы. Но лично мне бы никогда не пришло в голову заострить кости пuffedуицев, чтобы использовать их как оружие.

Неужели Гарри придётся жить с этим вечно?!

— Директор, — устало произнёс Гарри. — Я знаю, что это не очень хорошо прозвучит, но со всей серьёзностью заявляю: я не злодей, я просто очень творчески мыслю...

— Я и не утверждаю, что ты злодей, — серьёзно ответил Дамблдор. — Некоторые говорят, что понять зло — значит стать злом. Но они лишь притворяются мудрыми. Скорее, зло не может любить, и не смеет представить любовь, и не может даже понять любовь, не перестав быть злом. Но, хотя ты и знаешь, что такое любовь, я подозреваю, что ты можешь представить мысли Тёмных

волшебников лучше меня. Поэтому, Гарри, — директор пристально посмотрел на него, — если бы ты был на месте профессора Квиррелла, какое злодеяние ты бы мог совершить, уговорив меня выпустить дементора на территорию Хогвартса?

— Подождите, — сказал Гарри. Глубоко задумавшись, он подошёл к большому мягкому креслу перед директорским столом и сел. Сегодня это было именно большое и удобное кресло, а не привычная деревянная табуретка, и Гарри в нём почти утонул.

Дамблдор просит его перехитрить профессора Квиррелла.

Пункт первый: профессор Квиррелл нравится Гарри больше, чем Дамблдор.

Пункт второй: есть гипотеза, что профессор Защиты планирует какое-то злодеяние, и в этом гипотетическом случае Гарри обязан помочь директору это предотвратить.

Пункт третий...

— Директор, — сказал Гарри, — если профессор Квиррелл что-то замышляет, я не уверен, что действительно смогу перехитрить его. У него намного больше опыта, чем у меня.

Старый волшебник покачал головой. Каким-то образом, даже несмотря на улыбку, он выглядел очень серьёзным.

— Ты себя недооцениваешь.

Никто и никогда не говорил Гарри подобных слов.

— Я помню, — продолжил старый волшебник, — как один молодой человек в этом самом кабинете хладнокровно противостоял декану Слизерина и шантажировал директора школы, чтобы защитить своих одноклассников. Я верю, что этот молодой человек хитрее и профессора Квиррелла, и Люциуса Малфоя. И что он вырастет опасным соперником даже для Волдеморта. Вот с ним-то я и хотел бы посоветоваться.

Гарри подавил холодок, вызванный последним именем, нахмурился и задумчиво посмотрел на директора.

Как много ему известно?..

Директор видел его в тот момент, когда он погрузился в свою загадочную Тёмную Сторону глубже, чем когда-либо ещё. У Гарри тоже была возможность понаблюдать за собой со стороны, он прекрасно помнил сцену из своего первого дня в Хогвартсе: невидимость, Маховик времени и он — против слизеринцев-старшекурсников. Мальчик со шрамом, который ведёт себя не так, как все. Так что директор никак не мог не заметить какую-то странность в поведении мальчика в эпизоде со Снейпом...

И Дамблдор пришёл к выводу, что его ручной герой достаточно хитёр, чтобы сравниться с врагом, предначертанным ему судьбой, с Тёмным Лордом.

Что в принципе и не требует особых умений, учитывая, что Тёмный Лорд ставил видимую Тёмную Метку на левую руку своим прислужникам и убил всех в школе боевых искусств, где хотел учиться.

Но перехитрить самого профессора Квиррелла — задача совсем другого порядка.

Также было ясно, что директор не удовлетворится до тех пор, пока Гарри не погрузится в свою Тёмную и расчётливую Сторону и не выдаст какой-нибудь ответ, который прозвучит впечатляюще хитроумно... и лучше бы этому ответу не помешать профессору Квирреллу преподавать Защиту...

Впрочем, Гарри, конечно же, сделает это — окунётся в своё Тёмное «я» и тщательно обдумает все возможности, просто на всякий случай и чтобы быть честным.

— Расскажите мне всё о том, как будут охранять дементора и как его доставят.

Брови Дамблдора на мгновение взметнулись, и старый волшебник начал рассказывать.

Дементора доставят трое авроров. Всех троих директор знает лично, и все они способны сотворить телесного патронуса. Дамблдор встретит их на границе Хогвартса и проведёт дементора через защитные чары...

Гарри спросил, будет ли брешь в защитных системах постоянной или временной и сможет ли кто-нибудь провести дементора этим же путём на следующий день.

Директор, одобрительно кивнув, ответил, что проход будет временным, и продолжил повествование.

Дементор будет находиться внутри клетки из настоящих, а не трансфигурированных, толстых титановых прутьев. Со временем присутствие дементора, конечно, разъело бы даже этот металл в пыль, но не за один день.

Ожидающие своей очереди ученики будут стоять вдали от дементора, ограждённые двумя телесными патронусами, которых будут постоянно поддерживать двое из трёх авроров. Дамблдор же с собственным патронусом будет встречать учеников у самой клетки. Когда один из них приблизится, директор отпустит своего патронуса, и ученик попытается выполнить заклинание. Если у него не получится, Дамблдор снова вызовет патронус до того, как ученику

будет нанесён сколь-нибудь необратимый вред. Ну и для гарантии рядом всё время будет находиться профессор Флитвик — в прошлом чемпион дуэлей.

— Почему только вы будете стоять около дементора? Не лучше ли, чтобы вы плюс аврор...

Директор покачал головой:

— Аврор не сможет выдержать многократный контакт с дементором после каждого снятия патронуса.

И если патронус Дамблдора по какой-то причине всё-таки не справится, когда один из учеников будет находиться рядом с дементором, третий аврор создаст ещё одного телесного патронуса и отправит на защиту этого ученика...

Гарри потыкался со всех сторон, заходя то так, то эдак, но брешь в системе безопасности найти не смог.

Поэтому он набрал в грудь воздуха, расслабился в кресле, закрыл глаза и вспомнил:

«А что до вас... минус пять баллов. Нет, минус десять баллов с Когтеврана за дерзость».

Холод пришёл медленно и неохотно. В последнее время Гарри нечасто обращался к своей Тёмной Стороне...

Он мысленно пробежался по всему памяtnому уроку зелий, и только тогда кровь застыла в жилах, а разум приблизился к знакомому состоянию смертоносной кристальной чёткости.

Затем Гарри подумал о дементоре.

Ответ был очевиден.

— Дементор нужен для отвлечения внимания, — холод ясно слышался в голосе Гарри, ведь именно этого Дамблдор хотел и ждал. — Большая, заметная угроза, но в конечном итоге прямолинейная и легко предотвратимая. Поэтому, пока всё ваше внимание будет приковано к дементору, настоящий замысел будет осуществляться в другом месте.

Дамблдор пристально посмотрел на Гарри и медленно кивнул:

— Да. И, кажется, я знаю, от чего профессор Квиррелл хочет отвлечь внимание, если он задумал недоброе... спасибо тебе, Гарри.

Дамблдор продолжал смотреть на Гарри с каким-то странным выражением в старческих глазах.

— Что ещё? — с тенью недовольства бросил Гарри. Холод ещё не успел покинуть кровь.

— У меня есть ещё один вопрос к этому молодому человеку, — сказал директор. — Я давно им задаюсь, но понять так и не смог. Почему?! — в его голосе послышалась затаённая боль. — Зачем

кому-то умышленно делать себя чудовищем? Зачем творить зло просто ради зла? Почему Волдеморт?

* * *

Вжж, бззэт, тик; динь, паф, шлёп...

Гарри удивлённо уставился на директора.

— Мне-то откуда знать? Я что, должен каким-то волшебным образом понимать Тёмного Лорда просто потому, что я герой, или как?

— Да! — воскликнул Дамблдор. — Моим главным врагом был Гриндевальд, и уж его-то я понимал великолепно. Гриндевальд был моим тёмным отражением, волшебником, в которого я превратился бы, если бы поддался искушению поверить, что я хороший человек и потому всегда прав. «Ради высшего блага» — таков был его девиз; и он искренне в него верил, даже когда раздирал Европу, словно раненый зверь. И в конце концов я его победил. Но следом пришёл Волдеморт, вознамерившись разрушить в Британии всё, что я защитил. — В голосе и на лице Дамблдора ясно проступила боль. — Он совершал поступки, которые были хуже даже самых ужасных злодеяний Гриндевальда: ужас ради самого ужаса. Я принёс в жертву всё, только чтобы его сдержать, и до сих пор не знаю почему! Почему, Гарри?! Почему он это делал? Он не мой предначертанный враг, а твой. Так что если у тебя есть хоть малейшая догадка, Гарри, умоляю, скажи! Почему?!

Гарри опустил взгляд на свои руки. На самом деле он ещё не читал про Тёмного Лорда, и прямо сейчас у него не было никаких догадок. Но почему-то ему казалось, что такой ответ директора не удовлетворит.

— Может, слишком много Тёмных ритуалов? Сначала он думал, что совершит только один, но при этом пожертвовал частью своей хорошей стороны, и в каждый следующий раз у него было всё меньше сомнений. Один ритуал следовал за другим, он попал в цикл с положительной обратной связью и в итоге стал до ужаса могущественным чудовищем...

— Нет! — голос Дамблдора дрожал, как от мучительной боли. — Я не могу в это поверить, Гарри! Должно быть что-то ещё!

Почему должно? — подумал Гарри, но не сказал вслух, потому что директор явно считал, что у вселенной есть сюжет, и что громадные трагедии не могут происходить при отсутствии столь же громадных, значимых причин.

— Прошу прощения, директор. Но мне Тёмный Лорд вовсе не кажется моим тёмным отражением, ну вот нескролечко. Я не вижу

совершенно ничего заманчивого в том, чтобы прибить кожу семьи Йерми Уиббла к стене издательства.

— Ты совсем не можешь поделиться мудростью? — старый волшебник чуть ли не умолял.

Зло просто случается, — подумал Гарри, — и оно ничего не значит и ничему не учит, кроме разве что «не будь злодеем»? Тёмный Лорд скорее всего был просто эгоистичным подонком, который плевать хотел на то, что он кому-то причиняет боль, или дурнем, который совершал глупые банальные ошибки, которые росли как снежный ком. Никакой злой рок не стоит за болезнями мира. Если бы Гитлера приняли, как он хотел, в архитектурное училище, вся история Европы могла бы пойти другой дорогой. Если бы мы жили во вселенной, в которой ужасным вещам разрешено происходить только по веским причинам, они бы вообще никогда не происходили.

Но, очевидно, директор хотел услышать что-то совсем другое.

Старый волшебник всё ещё взирал на Гарри поверх неуклюжей конструкции, похожей на застывший выхлоп дыма, с болезненным отчаянием и ожиданием во взгляде древних глаз.

Ладно, вещать мудрёными словами не так уж сложно. Вообще-то это даже легче, чем говорить умными словами, потому что нет необходимости придумывать что-то неожиданное или излагать какие-нибудь новые догадки. Достаточно позволить механизму мозга, который отвечает за сопоставление похожих образов, дополнить штамп и исторгнуть из себя запасённую ранее Глубокую Мудрость...

— Директор, — торжественно провозгласил Гарри, — я предпочитаю, чтобы обо мне не судили по моим врагам.

Каким-то образом даже посреди всего шипения и тиканья воцарилась тишина.

Получилось даже Глубже и Мудрее, чем Гарри планировал.

— Это звучит очень мудро, Гарри... — медленно произнёс директор. — Я бы хотел... чтобы обо мне судили по моим друзьям.

Горечь в его голосе только усилилась.

Гарри спешно порывлся в голову в поиске ещё одной Глубокой Мудрости, которая бы смягчила неумышленный удар...

— А может быть, — тихо сказал он, — враг определяет гриффиндорца, друг определяет пуффендуйца, и цель определяет слизеринца. Я точно знаю, что всегда, в каждом поколении, учёного определяет загадка.

— На жестокую ношу ты обрекаешь мой факультет, Гарри, — боль из голоса директора никуда не ушла. — Теперь, когда ты это сказал, я вижу, что меня и впрямь во многом сформировали мои враги.

Гарри снова посмотрел на руки, лежавшие на коленях. Сейчас, похоже, лучше всего будет промолчать.

— Но ты всё-таки ответил на мой вопрос, — тихо, словно самому себе, пробормотал Дамблдор. — Я должен был догадаться, в чём ключик к душе слизеринца. Ради цели, всё ради своей цели; и её я знаю, но вот почему...

Некоторое время Дамблдор смотрел в пустоту, потом выпрямился, и его взгляд снова сфокусировался на Гарри.

— А ты, Гарри, называешь себя учёным? — в голосе директора проскользнула тень удивления с лёгкой примесью неодобрения.

— Вам не нравится наука? — устало уточнил Гарри. Он надеялся, что у Дамблдора более положительное отношение к этой стороне магловской жизни.

— Полагаю, для лишённых палочек она полезна, — нахмурился Дамблдор. — Но характеризовать себя этим термином мне кажется странным. Разве наука важнее любви? Доброты? Дружбы? Наука ли вызывает твою симпатию к Минерве МакГонагалл? Разве из-за науки ты заботишься о Гермионе Грейнджер? К науке ли ты обращаешься, пытаешься разбудить тепло в сердце Драко Малфоя?

Знаете, грустнее всего то, что вы, наверное, думаете, будто выдали только что какой-то невероятно мудрый и сногшибательный аргумент.

А теперь как бы так составить возражение, чтобы оно тоже прозвучало невероятно мудро...

— Вы не когтевранец, — со спокойным достоинством вскинул голову Гарри, — и поэтому вам, возможно, не приходило на ум, что уважать истину и искать её каждый день своей жизни — тоже акт добродетели.

Директор вздёрнул бровь, а потом вздохнул.

— Откуда столько мудрости в столь юном возрасте? — с лёгкой грустью молвил старый волшебник. — Конечно, она тебе ещё пригодится.

Только для того, чтобы производить впечатление на древних волшебников, которые возомнили о себе невесть что, — подумал Гарри. Вообще-то доверчивость Дамблдора его немного разочаровала. Не то, чтобы Гарри солгал, но Дамблдор казался уж слишком поражённым способностью Гарри глубокомысленно выражаться,

вместо того чтобы считать мудростью простую и доходчивую речь, как у Ричарда Фейнмана...

— Любовь важнее мудрости, — сказал Гарри, просто чтобы проверить терпимость Дамблдора к ослепительно очевидным клише, сконструированным прямолинейным сопоставлением образов безо всякого детального анализа.

Директор важно кивнул:

— Именно.

Гарри поднялся из кресла и потянулся. *Ну, пойду я тогда что-нибудь полюблю — это мне обязательно поможет одержать верх над Тёмным Лордом. А когда вам снова понадобится мой совет, я вас просто обниму...*

— Сегодня ты мне очень помог, Гарри, — сказал директор. — И поэтому мне хотелось бы задать этому молодому человеку последний вопрос.

Отлично.

— Скажи мне, Гарри, — начал директор (теперь он выглядел лишь озадаченным, хотя в его глазах всё ещё отдавалось эхо боли), — почему Тёмные волшебники так боятся смерти?

— Э-э, — протянул Гарри, — простите, но здесь я вынужден поддержать Тёмных волшебников.

* * *

Ввух, шшш, дзинь; хлоп, хлоп, бульк...

— Что?! — сказал Дамблдор.

— Смерть — это плохо, — Гарри отбросил мудрость ради ясности. — Очень плохо. Чрезвычайно плохо. Боязнь смерти — это как боязнь огромного-преогромного монстра с ядовитыми клыками. Она весьма и весьма разумна и отнюдь не указывает на наличие психического отклонения.

Директор вытаращился на Гарри, словно тот превратился в кошку.

— Ладно, — продолжил Гарри, — давайте зайдём с другой стороны: вы хотите умереть? Потому что если хотите, существует такая маговская штука как «горячая линия по предотвращению самоубийств»...

— Когда придёт моё время, — тихо сказал старый волшебник. — Не раньше. Я не стану торопить этот день, но и не буду искать способа его избежать.

Гарри строго сдвинул брови:

— Похоже, у вас не очень-то сильная воля к жизни, директор!

Дамблдор зашагал по комнате, а потом остановился у хрустального аквариума с золотыми рыбками. Его борода попала внутрь и начала приобретать зеленоватый оттенок, но директор этого не заметил.

— Гарри... — в голосе старого волшебника появилась беспомощность. — Я, похоже, непонятно выразился. Тёмные волшебники не стремятся жить. Они боятся смерти. Они не тянутся к свету солнца, они бегут от ночи в созданные ими бесконечно тёмные пещеры без луны и звёзд. Они тяготеют не к жизни, но к бессмертию. И они так сильно жаждут им овладеть, что жертвуют даже собственными душами! Ты хочешь жить вечно, Гарри?

— Да, и вы тоже, — ответил тот. — Я хочу прожить ещё один день. Завтра я тоже буду хотеть прожить ещё один день. Следовательно, я хочу жить вечно — это доказывается через математическую индукцию*. Если вы не хотите умереть, это значит, что вы хотите жить вечно. Если вы не хотите жить вечно — значит, вы хотите умереть. Или одно, или другое... Вы меня не понимаете, да?

Две культуры взирали друг на друга через непреодолимую пропасть принципиального непонимания.

— Я прожил сто десять лет, — тихо сказал волшебник (вылавливая бороду из аквариума и потряхивая ею, чтобы избавиться от зелени). — Я видел и делал великое множество вещей. Слишком многие из них я желал бы не видеть и не делать никогда. Но я не сожалею о том, что живу: я радуюсь, наблюдая, как растут мои ученики. Однако я не хотел бы дожить до того дня, когда мне это наскучит! Что бы ты делал с вечностью, Гарри?

Гарри набрал в грудь побольше воздуха:

— Я бы встретился со всеми интересными людьми в мире, прочитал все хорошие книги и написал что-нибудь ещё лучше, отпраздновал десятый день рождения первого правнука на Луне, отпраздновал сотый день рождения первой пра-пра-правнучки около колец Сатурна, узнал глубочайшие и окончательные Законы Природы, понял природу сознания, выяснил изначальный смысл существования всего на свете, посетил дальние звёзды, обнаружил инопланетян, создал инопланетян, сходил на вечеринку на другой стороне Млечного Пути, когда мы исследуем его вдоль и поперёк, понаблюдать вместе со всеми родившимися на Старой Земле за угасанием Солнца*, и раньше я боялся, что не найду способа покинуть эту вселенную прежде, чем в ней закончится негэнтропия*, но с тех пор, как я обнаружил, что так называемые законы физики — всего лишь условные утверждения, надежды у меня гораздо больше.

— Я немного из этого понял, — сказал Дамблдор. — Но должен поинтересоваться: это список тех поступков, что ты на самом деле отчаянно желаешь совершить, или ты просто воображаешь их таковыми, чтобы не устать, пока всё убегаешь и убегаешь от смерти?

— Жизнь — это не конечный список пунктов, которые следует вычеркнуть перед смертью, — твёрдо сказал Гарри. — Жизнь — это жизнь, её просто продолжают жить. Возможно, я не буду делать то, что сейчас перечислил, а придумаю что-нибудь ещё лучше.

Дамблдор вздохнул и побарабанил пальцами по часам. От прикосновений цифры превращались в непонятные буквы, а стрелки на мгновение меняли направление.

— В том маловероятном случае, если мне будет позволено замешкаться на этом свете до ста пятидесяти, — сказал старый волшебник, — я не огорчусь. Но двести лет — это уже чересчур. Хорошего понемножку.

— Ага, — сухо сказано сказал Гарри, раздумывая о папе с мамой и сроке, который отмерен им, если Гарри ничего по этому поводу не предпримет, — подозреваю, директор, что если бы вы происходили из культуры, где люди привыкли жить четыреста лет, то умереть в двести вам казалось бы столь же трагичным, как, к примеру, в восемьдесят, — последнее слово Гарри произнёс резко, с нажимом.

— Возможно, — миролюбиво согласился старый волшебник. — Я бы не хотел умереть прежде своих друзей, равно как и жить после их смерти. Самое сложное время в жизни — это когда любимые люди ушли до тебя, но приходится оставаться ради других... — Взгляд Дамблдора погрузнел. — Не скорби по мне слишком сильно, Гарри, когда придёт моё время. Я буду с теми, по кому я давно скучаю, в нашем следующем великолепном приключении.

— А! — внезапно понял Гарри. — Вы верите в загробную жизнь. Мне казалось, у волшебников нет религии?

* * *

Чух-чух. Бип. Бум.

— Как ты можешь в неё не верить?! — с ошарашенным видом смотрел на него директор. — Гарри, ты же волшебник! Ты видел призраков!

— Призраков, — бесцветно повторил Гарри. — Вы имеете в виду эти штуки вроде портретов. Сохранившиеся воспоминания и черты характера без самосознания и жизни, которые из-за случай-

ной вспышки магической энергии, сопровождающей насильственную смерть волшебника, впечатались в окружающую материю...

— Я слышал эту теорию, — резко перебил директор, — от людей, которые путают цинизм с мудростью и считают, будто смотреть на кого-то сверху вниз — значить возвышать себя. Это одна из глупейших мыслей, которые я слышал за сто десять лет! Да, призраки не учатся и не растут, потому что им здесь не место! Душам положено двигаться дальше, у них не осталось жизни здесь! Хорошо, оставим в покое призраков, как насчёт Вуали? Как насчёт Воскрешающего камня?

— Ладно, — Гарри старался говорить спокойно, — я выслушаю ваши наблюдения, ибо таков долг учёного. Но сначала, директор, позвольте рассказать небольшую историю, — голос Гарри задрожал. — Знаете, директор, до того как я попал сюда, сойдя с поезда от вокзала Кингс Кросс, — не вчера, а в сентябре, — я никогда не видел призраков. И я совсем не ожидал увидеть призраков. Поэтому когда я их увидел, директор, я сделал кое-что очень глупое. Я... поспешил с выводами. Я... я подумал, что загробная жизнь в самом деле существует, что никто никогда не умирал на самом деле, я подумал, что со всеми, кого человеческий род потерял, оказывается, в действительности всё хорошо, я подумал, что волшебники умеют разговаривать с ушедшими, нужно только произнести правильное заклинание и их призвать, что у волшебников есть для этого способ, я подумал, что смогу встретиться с родителями, которые за меня умерли, и сказать, что я знаю про их жертву и что я начал звать их мамой и папой...

— Гарри, — прошептал Дамблдор. В глазах старого волшебника блеснули слёзы. Он сделал шаг навстречу...

— А затем, — выплюнул Гарри, и гнев в полной мере зазвучал в его голосе — холодная ярость на вселенную за то, что она такая есть, и на себя за свою глупость, — я спросил у Гермiony, и она сказала, что призраки — просто остаточные изображения, выжженные в камне замка смертью волшебника, словно силуэты, оставшиеся на стенах Хиросимы. И я должен был догадаться! Я должен был догадаться ничего не спрашивая! Я даже на тридцать секунд не должен был поверить! Потому что если бы у людей были души, не существовало бы повреждений мозга — если душа может продолжать разговаривать, даже когда от мозга ничего не осталось, как может повреждение левого полушария головного мозга лишить живого человека способности к речи? И профессор МакГонагалл, рассказывая о смерти моих родителей, не вела себя так, будто они

просто отправились в далёкое путешествие в другую страну, как если бы они эмигрировали в Австралию в эпоху морских путешествий, как люди вели бы себя, если бы действительно знали, что смерть — это просто уход куда-то ещё, если бы у них были твёрдые доказательства существования загробной жизни, а не самоуспокоительные выдумки. Это бы изменило абсолютно всё, было бы совершенно не важно, что все кого-то потеряли в войне, это было бы немного грустно, но не ужасно! А я уже видел, что люди в волшебном мире так себя не ведут! Поэтому я должен был догадаться! И тогда я понял, что мои родители на самом деле мертвы и ушли на веки вечные, и от них ничего не осталось, и у меня никогда не будет возможности их встретить, и — и — и остальные дети думали, что я плачу, потому что испугался призраков...

На лице старого волшебника было потрясение и ужас. Он открыл рот, чтобы что-то сказать...

— Так что говорите, директор! Говорите о своих наблюдениях! Но не смейте преувеличивать ни одной детали, ведь если вы меня снова обрадуете ложной надеждой, а впоследствии я об этом узнаю, я вас никогда не прощу! Что за Вуаль?!

Гарри поднял руку и стёр с щёк слёзы. Стеклообразные вещи в кабинете всё ещё звенели от его последнего крика.

— Вуаль, — с лёгкой дрожью в голосе начал старый волшебник, — это огромная каменная арка, хранимая в отделе тайн, портал в страну мёртвых.

— А откуда это известно? — спросил Гарри. — Не надо описывать свои убеждения, опишите то, что видели!

Физическим проявлением барьера между мирами была огромная каменная арка, древняя и высокая, с острым углом в вершине. Рваная чёрная вуаль, словно водная поверхность, растянувшаяся между каменными сводами, постоянно колеблется из-за нескончаемого потока пролетающих сквозь неё душ. Если встать рядом с Вуалью, становятся слышны голоса мёртвых, зовущие, всегда зовущие, на грани слышимости. Но если замереть и попытаться их разобрать, то они становятся всё громче и многочисленнее. И если продолжать слушать их попытки дозваться до тебя слишком долго, то ты отправишься им на встречу, и в тот самый миг, когда коснёшься Вуали, тебя засосёт внутрь, мгновенно и безвозвратно.

— Даже на интересный трюк не похоже, — отрезал Гарри, теперь уже спокойнее, когда не было на что надеяться и не было на что злиться за крушение надежд. — Кто-то построил каменную

арку, сделал между сводами чёрную колеблющуюся поверхность, при соприкосновении с которой всё исчезает, и заколдовал её гипнотизировать людей шёпотом.

— Гарри... — с некоторым беспокойством произнёс директор. — Я могу поведать тебе правду, но если ты отказываешься её слышать...

Тоже не интересно.

— Что за Воскрешающий камень?

— Я бы не стал тебе рассказывать, — медленно начал директор, — если бы не боялся того, что твоё неверие может с тобой сделать... так что слушай, Гарри, пожалуйста, слушай...

Воскрешающий камень был одним из трёх легендарных Даров Смерти, как и мантия Гарри. Камень умел призывать души мёртвых — вытягивать их в мир живых, хоть и не в прежнем виде. Кадм Певерелл использовал камень для того, чтобы призвать душу потерянной любимой, но её сердце осталось с мёртвыми и не попало в мир живых. Со временем это свело его с ума, и он совершил самоубийство, чтобы быть с ней по-настоящему...

Гарри вежливо поднял руку.

— Да? — неохотно отозвался директор.

— Очевидная проверка, чтобы убедиться, на самом ли деле Воскрешающий камень призывает душу мертвеца, а не проецирует его образ из памяти того, кто его использует, — задать вопрос, ответ на который вы не знаете, но мёртвый человек должен знать, и который можно проверить в этом мире. Например, вызвать...

Здесь Гарри запнулся, потому что на этот раз он успел подумать на шаг вперёд и не сболтнуть первые пришедшие на ум имя и эксперимент.

— ...мёртвую жену и спросить её, где она оставила потерявшиеся серёжки, ну или что-то в этом духе, — закончил Гарри. — Кто-нибудь нечто в этом роде пробовал?

— Воскрешающий камень утрачен многие века назад, Гарри, — тихо сказал директор.

Гарри пожал плечами:

— Ну, я учёный, и я всегда готов пересмотреть свои взгляды. Если вы правда верите, что Воскрешающий камень призывает мёртвых, то должны ожидать, что такого рода эксперимент пройдёт успешно, правильно? Не знаете, где его можно поискать? Я уже получил один Дар Смерти при крайне таинственных обстоятельствах, и, ну, мы же оба знаем, как работает ритм мира в таких случаях...

Дамблдор пристально посмотрел на Гарри.

Тот спокойно встретил его взгляд.

Старый волшебник провёл ладонью по лбу и пробормотал:

— Это безумие.

(С огромным трудом, но Гарри удалось не расхохотаться.)

И тогда Дамблдор велел Гарри вынуть Мантию невидимости из кошель. Следуя директорским указаниям, Гарри рассмотрел заднюю внутреннюю поверхность капюшона и увидел едва различимый среди серебристых нитей тускло-алый, цвета высохшей крови, символ Даров Смерти: треугольник с нарисованным внутри кругом и линией, разделяющей обе фигуры пополам.

— Спасибо, — вежливо сказал Гарри. — Я постараюсь не пропустить камень с такой отметкой.

Дамблдор, похоже, боролся сам с собой.

— Гарри, — голос старого волшебника окреп, — ты ступил на опасную тропу. Я не уверен, что правильно вступаю, говоря это, но я обязан тебя с нею столкнуть! Гарри, как мог Волдеморт пережить смерть своего тела, если у него не было души?!

И вот тут до Гарри дошло, что ровно один человек первоначально сообщил профессору МакГонагалл, что Тёмный Лорд выжил, и этот человек — безумный директор этой помеси школы и сумасшедшего дома, который считает, что мир работает на штампах.

— Хороший вопрос, — сказал Гарри после небольшого внутреннего совещания. — Возможно, он нашёл способ сделать дубликат Воскрешающего камня, только загрузил в него заранее полную копию состояния своего мозга. Или ещё что-то в этом духе.

Гарри уже не был уверен, что пытается найти объяснение тому, что на самом деле произошло.

— Впрочем, не могли бы вы просто перечислить мне всё, что знаете о способах, с помощью которых Тёмный Лорд мог выжить, и что может потребоваться для его умерщвления?

Если он вообще существует где-то кроме заголовков «Придиры».

— Ты меня не обманешь, Гарри, — проговорил старый волшебник. Его лицо выглядело древним, и морщины на нём сейчас были не только от прожитых лет. — Я знаю, почему ты на самом деле задаёшь этот вопрос. Нет, я не читаю мысли, это не обязательно — тебя выдаёт колебание! Ты желаешь узнать секрет бессмертия Тёмного Лорда, чтобы использовать его на себе!

— Неверно! Я хочу узнать секрет бессмертия Тёмного Лорда, чтобы использовать его на всех!

Тик, треск, вжжж...

Альбус Персиваль Вульфрик Брайан Дамблдор застыл на месте и вытаращил глаза на Гарри, по-дурацки открыв рот.

(Гарри присудил себе балл за понедельник, поскольку ему удалось до конца дня потрясти кого-то по полной программе.)

— На случай, если я непонятно выразился, — продолжил Гарри, — под «всеми» я понимаю и маглов тоже, не только волшебников.

— Нет, — замотал головой старый волшебник, его голос стал громче. — Нет, нет, нет! Это безумие!

— Муа-ха-ха! — отозвался Гарри.

На лице старого волшебника отразились гнев и беспокойство.

— Волдеморт украл книгу, из которой он почерпнул свой секрет: её не оказалось на месте, когда я пытался её отыскать. Но вот что я знаю и вот что я тебе поведаю: он стал бессмертным благодаря ритуалу ужасному и Тёмному, темнее крошечной тьмы! И Миртл, бедная милая Миртл, поплатилась за его бессмертие жизнью: ритуал требовал жертвы, требовал убийства...

— Ну, очевидно, я не собираюсь распространять метод достижения бессмертия, который требует смерти людей! Это противоречит самой идее!

Дамблдор вздрогнул и замолчал.

Постепенно гнев сошёл с лица старого волшебника, но беспокойство осталось.

— Ты не станешь использовать ритуал, требующий человеческих жертв.

— Не знаю, за кого вы меня принимаете, директор, — холодно ответил Гарри, чувствуя, как пробуждается его собственный гнев, — но не забывайте: я хочу, чтобы люди жили! Хочу всех спасти! Это вы считаете, что смерть — это круто и что всем нужно умереть!

— Я в недоумении, Гарри, — старый волшебник снова стал медленно расхаживать по своему странному кабинету. — Я не знаю, что сказать, — он взял в руки хрустальный шар, внутри которого виднелась рука, объятая пламенем*, и посмотрел в него с грустью. — Я знаю только, что ты меня совсем не понял. Я не хочу, чтобы все умерли, Гарри!

— Вы просто не хотите, чтобы кто-то становился бессмертным, — весьма иронично закончил за него Гарри. Похоже, простейшие логические тавтологии вроде « $\forall x: \text{Умирают}(x) = \neg \exists x: \text{НеУмирают}(x)$ » находятся за рамками понимания самого могущественного мага в мире.

Старый волшебник кивнул:

— Я теперь меньше за тебя боюсь, но всё-таки меня это тревожит, Гарри, — тихо сказал он и немного высохшей от старости, но всё ещё сильной рукой поставил хрустальный шар на место. — Ибо страх смерти — горькая штука, болезнь души, которая извращает и искажает людей. Волдеморт не единственный Тёмный волшебник, пошедший этой дорогой, хотя, боюсь, он зашёл дальше всех.

— И вы думаете, что сами вы не боитесь смерти? — Гарри даже не пытался скрыть недоверие в голосе.

Старый волшебник примирительно посмотрел на него:

— Я не совершенен, Гарри, но я думаю, что принял смерть, как часть себя.

— Угу, — хмыкнул Гарри. — Видите ли, есть такая штука под названием «когнитивный диссонанс», а если выражаться проще — «зелен виноград». Если бы людей каждый месяц лупили дубинкой по голове и никто не мог ничего по этому поводу сделать, довольно скоро появились бы всякого рода философы, которые, притворяясь мудрыми, как вы выразились, нашли бы уйму изумительных преимуществ в том, что тебя ежемесячно лупят дубинкой по голове. Ну, например, что это делает тебя сильнее или что ты счастливее в те дни, когда тебя не дубасят. Но если вы подойдёте к кому-то, кого не лупят дубинкой, и спросите, не хотят ли они, чтобы их начали, в обмен на эти изумительные преимущества, они откажутся. И если бы вам не приходилось умирать, если бы вы пришли откуда-то, где даже не слышали о смерти, и я предложил бы вам, что будет удивительно, замечательно и круто, если люди начнут покрываться морщинами, стареть и в конце концов прекращать существование — что ж, вы бы меня упекли в психушку! Так почему же кто-то додумался до такой глупости, что смерть — это хорошо? Потому что вы её боитесь, потому что на самом деле вы не хотите умирать, и мысль о смерти вас терзает так сильно, что вы придумываете отговорки, чтобы смягчить эту боль. Чтобы вам не приходилось об этом думать...

— Нет, Гарри, — мягко прервал его старый волшебник, проводя рукой по поверхности светящейся воды в одном из сосудов, которая от лёгких прикосновений его пальцев мелодично зазвенела. — Хотя мне и понятно, почему ты мог так подумать.

— Вы хотите понять Тёмных волшебников? — с угрюмой непреклонностью продолжил Гарри. — Тогда взгляните на ту часть себя, которая бежит не от смерти, но от страха смерти, которая находит этот страх столь невыносимым, что она с радостью обнимет Смерть,

словно друга, и приласкает её, попытается стать единой с ночью, чтобы можно было считать себя владычицей бездны. Вы взяли самое ужасное из зол и назвали его добродетелью! Лишь слегка извернувшись, та же ваша часть могла бы убивать невинных и называть это дружеской услугой. Если вы способны сказать, что смерть лучше жизни, то вы способны повернуть стрелку своего морального компаса абсолютно в любую сторону...

— Думаю, — Дамблдор стряхнул капельки воды с рук под звук тоненького перезвона колокольчиков, — что ты понимаешь Тёмных волшебников очень хорошо, не будучи одним из них. — Это было сказано с абсолютной серьёзностью и без осуждения. — Но твоё понимание меня, боюсь, оставляет желать много лучшего.

Старый волшебник теперь улыбался, и в его голосе слышалась добродушная усмешка.

Гарри старался не становиться ещё холоднее. Откуда-то в сознание потоком лилась ярость обиды — на снисходительность Дамблдора и на смех, которым старые дурни любят заменять разумные доводы.

— Знаете, забавно: я думал, что это с Драко Малфоем будет невозможно разговаривать, а на самом деле, в своей детской невинности, он оказался стократ сильнее вас.

На лице старого волшебника проступила озадаченность:

— Что ты этим хочешь сказать?

— Я хочу сказать, — язвительно повторил Гарри, — что Драко всерьёз задумался над своими убеждениями и попытался понять мои слова, вместо того чтобы выбросить их в окно с доброжелательной улыбкой превосходства. Вы настолько стары и мудры, что даже не замечаете, что я говорю! Не просто не понимаете — не замечаете!

— Я тебя выслушал, Гарри, — уже более серьёзно сказал Дамблдор, — но выслушать — это не всегда согласиться. Но отставим разногласия в сторону — что, по-твоему, я не понял?

Что, если бы вы правда верили в загробную жизнь, вы бы тут же отправились в больницу Святого Мунго и убили родителей Невилла, Алису и Фрэнка Лонгботтонов, чтобы они могли отправиться в «следующее великолепное приключение», вместо того чтобы прозябать в растительном состоянии...

Гарри с трудом, с очень большим трудом удержался, чтобы это не сказать.

— Ладно, — холодно произнёс он. — Я тогда отвечу на ваш первоначальный вопрос. Вы хотели узнать, почему Тёмные волшебники боятся смерти. Притворитесь, директор, будто вы на самом

деле верите в души. Притворитесь, будто любой может проверить их существование в любое время. Притворитесь, будто никто не плачет на похоронах, потому что все знают, что их любимые всё ещё живы. А теперь вы можете представить себе уничтожение души? Что её разорвали в клочья, и в следующее великолепное приключение отправиться уже нечему? Можете представить, насколько это было бы ужасно — худшее из совершённых за всю историю вселенной преступлений, для предотвращения которого вы бы сделали всё возможное? Потому что именно это и есть Смерть — аннигиляция души!

Старый волшебник теперь смотрел на него внимательным, грустным взглядом.

— Наверно, теперь я и правда понял, — тихо сказал он.

— О? — поднял брови Гарри. — Поняли что?

— Волдеморта, — сказал старый волшебник. — Я наконец-то его понял. Ведь чтобы верить, будто мир на самом деле таков, необходимо также верить, что в нём нет справедливости, что сердцевина его сплетена из тьмы. Я спросил тебя, почему он стал чудовищем, и ты не смог мне назвать причин. А если бы я спросил его самого, полагаю, ответ бы был таким: «Почему нет?»

* * *

Они стояли и смотрели друг другу в глаза. Старый волшебник и мальчик с шрамом-молнией на лбу.

— Скажи мне, Гарри, — произнёс старый волшебник, — ты станешь чудовищем?

— Нет, — ответил мальчик с железной уверенностью.

— А почему? — спросил старый волшебник.

Мальчик выпрямился и гордо вскинул голову:

— В законах Природы нет справедливости, директор. Нет понятия «честь» в уравнениях движения. Вселенная не добрая и не злая, ей просто всё равно. Звёздам всё равно, и солнцу, и небу. Но это не важно! Нам не всё равно! В мире есть свет, и этот свет — мы!

— Интересно, кем ты станешь, Гарри, — мягко сказал старый волшебник, как будто удивляясь и даже сожалея. — Настолько интересно, что мне хочется жить, просто чтобы это увидеть.

Мальчик отвесил подчёркнуто ироничный поклон и вышел. Дубовая дверь захлопнулась за ним с глухим стуком.

Глава 40

Притворная мудрость. Часть 2

Удерживая чашку точно так, как уже трижды вынужден был продемонстрировать ему профессор Квиррелл, Гарри осторожно сделал небольшой глоток. Профессор Защиты, устроившийся напротив него за длинным широким столом в центре Комнаты Мэри, отпил из своей чашки с куда большей лёгкостью и изяществом. Название этого чая Гарри даже выговорить не мог. Каждый раз, когда он пытался повторить китайские слова, профессор его поправлял, и, в конце концов, Гарри сдался.

Во время прошлого посещения ресторана Гарри попытался встать так, чтобы хоть одним глазком взглянуть на счёт, и профессор Квиррелл не стал ему мешать.

Причём перед этим Гарри очень хотелось выпить Прыского чаю.

И всё равно он был потрясён до глубины души.

И всё же на вкус это был, ну...просто чай.

У Гарри в голове вертелось тихое назойливое подозрение, что профессор Защиты прекрасно знает об этом, и намеренно заказывает до смешного дорогой чай, который Гарри не сможет оценить по достоинству, просто чтобы Гарри понервничал. Возможно, чай и самому профессору Квирреллу не особо нравится. Может быть, этот чай вообще никому не нравится, и его единственное предназначение — быть смехотворно дорогим и вызывать у жертвы чувство, что она не способна его толком оценить. И вообще, вдруг это на самом деле обычный чай, который заказывают, говоря кодовую фразу, чтобы у него был фальшивый ценник с гигантской суммой...

Выражение лица у профессора Защиты было рассеяннo-зaдумчивым.

— Нет, — сказал он, — вам не следовало пересказывать директору вашу беседу с лордом Малфоем. Пожалуйста, постарайтесь впредь сообщать быстрее, мистер Поттер.

— Извините, профессор, — смиренно ответил Гарри, — я всё ещё не понимаю, почему.

В присутствии Квиррелла Гарри порой ощущал себя жалким имитатором, лишь изображающим хитрость.

— Лорд Малфой — противник Альбуса Дамблдора, — сказал профессор Квиррелл. — По крайней мере, в настоящее время. Для них вся Британия — шахматная доска, все волшебники — фигуры на ней. Задумайтесь: лорд Малфой угрожал бросить всё, даже собственную игру, ради того, чтобы отомстить вам, если пострадает мистер Малфой. Из чего следует?..

Гарри потребовались долгие секунды, чтобы осмыслить это, но профессор Квиррелл явно не собирался больше давать подсказок. Не то чтобы Гарри их хотел.

Затем его разум наконец нашёл связь. Гарри нахмурился.

— Дамблдор убьёт Драко, заставит всех думать, будто это сделал я, и Люциус пожертвует своей игрой против Дамблдора, чтобы отомстить мне? Это... не похоже на директора, профессор Квиррелл...

На мгновение ему вспомнилось аналогичное предупреждение от Драко. Ему он ответил то же самое.

Профессор пожал плечами и глотнул чаю.

Гарри тоже отпил из своей чашки, и стало тихо. Скатерть на столе поначалу казалась сделанной из обычной, ничем не примечательной ткани, но если смотреть достаточно долго или достаточно долго молчать, можно было увидеть медленно проступающий, ажурный цветочный рисунок. Занавеси в комнате менялись тем же образом и колыхались словно от лёгкого ветерка. Профессор Защиты пребывал в созерцательном настроении в эту субботу, как и Гарри, и, похоже, Комната Мэри не преминула это заметить.

— Профессор Квиррелл, — спросил вдруг Гарри, — существует ли загробная жизнь?

Гарри сформулировал вопрос аккуратно. Не «верите ли вы в загробную жизнь?», а просто «существует ли загробная жизнь?». Люди не воспринимают то, во что действительно верят, всего лишь как мнение. Они не говорят: «Я серьёзно убеждён в том, что небо синее!». Они просто говорят «небо синее». Своё личное мнение о мире ты обычно как раз и считаешь тем, чем мир в действительности является...

Профессор Защиты с задумчивым видом снова поднёс чашку к губам.

— Если она существует, мистер Поттер, — сказал он, — значит, немало волшебников потратило впустую кучу сил на поиски бессмертия.

— Это не ответ, — заметил Гарри. Он уже выучился подмечать такие вещи в разговорах с профессором Квирреллом.

Чашка профессора тонко звякнула о блюде.

— Некоторые из тех волшебников были достаточно умны, мистер Поттер, поэтому вы можете заключить, что существование загробной жизни отнюдь не очевидно. Я и сам исследовал данный вопрос. Есть множество утверждений, продиктованных надеждой и страхом, что не удивительно. Среди тех свидетельств, чья достоверность не подлежит сомнению, нет ни одного, которое нельзя было бы счесть результатом обычного волшебства. Существуют определённые приборы, которые, как утверждается, позволяют связаться с умершими. Но, подозреваю, они лишь проецируют образ из памяти. Результат кажется неотличимым от воспоминаний, потому что это и есть воспоминания. Якобы вызванные духи не могут раскрыть ни секретов, известных им при жизни, ни тех, которые они могли бы узнать после смерти, ничего, что не знал бы сам вызывающий...

— И поэтому Воскрешающий Камень — не самый ценный в мире артефакт, — сказал Гарри.

— Именно, — ответил профессор Квиррелл, — хотя я не стал бы отказываться от возможности его опробовать, — его губы сложились в слабую, сухую улыбку, и что-то тёмное, далёкое промелькнуло в глазах. — Полагаю, вы говорили с Дамблдором и об этом.

Гарри кивнул.

Занавески понемногу приобретали бледно-голубой рисунок, а на скатерти, казалось, теперь был виден неясный узор из причудливых снежинок. Голос профессора звучал очень спокойно.

— Директор может быть крайне убедительным, мистер Поттер. Надеюсь, вас он не убедил.

— Ни на йоту, — ответил Гарри. — Я ни секунды не сомневался.

— Надеюсь, — повторил профессор Квиррелл всё тем же очень спокойным тоном. — Я был бы крайне выбит из колеи, узнав, что директор уговорил вас потратить свою жизнь впустую ради какого-нибудь глупого плана, просто сказав вам, что смерть — лишь очередное великолепное приключение.

— Вообще-то, я не думаю, что директор сам в это верит, — сказал Гарри и снова глотнул чая. — Он спросил меня, что бы я делал с вечностью, выдал мне стандартную сентенцию о том, как это скучно, и, похоже, не заметил никакого противоречия между этим и собственным утверждением о бессмертии души. Фактически, он прочёл мне целую лекцию о том, как ужасно хотеть бессмертия, прежде чем

заявил о бессмертии души. Я не могу толком вообразить, что творится у него в голове, но не думаю, что он действительно мысленно представляет себя живущим вечно в загробной жизни...

Температура в комнате ощутимо падала.

— Вы подозреваете, — донёсся голос, подобный льду, с другого конца стола, — что Дамблдор сам не верит в то, что говорит. Что он не шёл на компромисс со своими принципами. Что их у него никогда и не было. Неужели вы становитесь циником, мистер Поттер?

Гарри уронил взгляд в чашку.

— Немножко, — ответил он своему вероятно-сверхвысококачественному, возможно-просто-смехотворно-дорогому китайскому чаю. — Меня определённо начинает слегка разочаровывать... неразбериха, которая царит у людей в головах.

— Да, — отозвался ледяной голос. — Меня она тоже разочаровывает.

— Есть какой-то способ это исправить? — спросил Гарри у своей чашки чая.

— Действительно, существует весьма полезное заклинание, которое решает проблему.

Гарри с надеждой поднял глаза и увидел очень холодную улыбку профессора Защиты.

До него дошло.

— Я имею в виду, кроме Авада Кедавры.

Профессор Защиты засмеялся. Гарри — нет.

— В любом случае, — поспешно добавил он, — я соображал достаточно быстро, чтоб не предложить Дамблдору очевидной идеи с Воскрешающим Камнем. Вы когда-нибудь видели камень с чертой внутри круга, который нарисован внутри треугольника?

Мертвенный холод, похоже, отступил, вернув привычного профессора Квиррелла. — Не припоминаю, — отозвался тот после паузы, задумчиво нахмурившись. — Так и выглядит Воскрешающий Камень?

Гарри отодвинул свою чашку и нарисовал на блюдечке символ, который видел на внутренней стороне своей мантии-невидимки. Он ещё только потянулся за своей волшебной палочкой, а блюдце уже услужливо подплывало к профессору Квирреллу. Гарри очень хотел научиться колдовать без помощи палочки, но сейчас, к сожалению, это было за пределами его возможностей.

Профессор изучающе посмотрел на чайное блюдце, затем отрицательно качнул головой, и оно поплыло обратно к Гарри.

Гарри опустил чашку на блюдце, рассеянно отметив, что символ, нарисованный им на блюдце, исчез.

— Если вам доведётся увидеть этот символ на каком-нибудь камне, — сказал Гарри, — и с его помощью действительно будет возможно разговаривать с мёртвыми, дайте мне знать. У меня есть несколько вопросов к Мерлину и жителям Атлантиды.

— Непременно, — ответил профессор Квиррелл и запрокинул чашку, допивая чай. — Кстати, мистер Поттер, боюсь, я вынужден завершить пораньше наш визит в Косой переулок. Я надеялся, что... впрочем, не важно. Будем считать, что у меня есть важное дело после полудня.

Гарри кивнул и допил чай. Затем они с профессором Защиты синхронно поднялись.

— Последний вопрос, — сказал Гарри, пока мантия профессора Квиррелла, слетев с вешалки, плыла по воздуху к своему владельцу. — Реальность пронизана магией, и у меня больше нет уверенности в том, что мои предположения верны. Так что, если не принимать желаемое за действительное, каково ваше собственное мнение? Вы сами верите в жизнь после смерти?

— Если бы я верил, мистер Поттер, — ответил профессор Квиррелл, накидывая мантию, — что бы я делал здесь?

Глава 41

Лобовое столкновение

Ключий январский ветер завывал вокруг огромных каменных стен, ограничивающих замок Хогвартс в материальном мире. Он шептал и свистел странными голосами, кружась около закрытых окон и каменных башен. Последний выпавший снег почти полностью снесло ветром, но некоторые клочки подталяли и обледенели, украсив каменный фасад яркими бликами солнца. Издали создавалось впечатление, что Хогвартс перемигивается сотнями глаз.

Драко вздрогнул от внезапного порыва ветра и, что казалось невозможным, попытался ещё сильнее вжаться в ледяную на ощупь стену. Она даже пахла льдом. Какой-то абсолютно бесполезный инстинкт вопил, что его вот-вот сдует с наружной стены Хогвартса. И лучший способ этого избежать — судорожно дёргаться и, возможно, расстаться с обедом.

Драко изо всех сил старался не думать о шести этажах пустоты под ногами. Вместо этого он попытался сосредоточиться на том, как он будет убивать Гарри Поттера.

— Знаете, мистер Малfoy, — светским тоном заметила девочка рядом с ним, — если бы мне предсказали, что однажды я буду цепляться за стену замка кончиками пальцев, пытаясь не смотреть вниз и не думать, как громко кричала бы моя мама, если бы видела меня сейчас, то я бы точно не догадалась, как такое может случиться. Но я была бы уверена, что в этом будет виноват Гарри Поттер.

* * *

Ранее:

Два генерала вместе перешагнули через тело Лонгботтома. Их башмаки стукнули об пол почти синхронно.

Теперь только один солдат стоял между ними и Гарри, мальчик из Слизерина по имени Самуэль Клэмонс, чья побелевшая от напряжения рука сжимала поднятую вверх палочку, удерживая Радужный щит. Мальчик тяжело и часто дышал, но на его лице

была написана та же холодная решимость, что горела в глазах его генерала, Гарри Поттера. Тот стоял под защитой Радужного щита у окна в конце коридора, откуда не было другого выхода, и почему-то держал руки за спиной.

Численно они превосходили врага вдвое, но сражаться сегодня было до нелепости тяжело. Драко ожидал, что бой будет легче, чем обычно. Совместные тренировки Армии Драконов и Солнечного Отряда прошли на отлично — за предыдущие битвы они успели хорошо узнать возможности друг друга. И, поскольку на этот раз битва шла не просто за победу над однокурсниками, а за мир, свободный от предателей, боевой дух был высок как никогда. Несмотря на удивлённые протесты генералов, солдаты объединённой армии настояли на новом названии — Артяд Солконов Драмионы и самостоятельно сделали себе новую эмблему — улыбающееся лицо в окружении языков пламени.

В ответ солдаты Гарри затемнили свои эмблемы, причём, судя по всему, они воспользовались не краской, а попросту выжгли эту часть своей униформы и сражались за верхние этажи Хогвартса с отчаянной решимостью. Холодная ярость, которую Драко время от времени замечал в Гарри, похоже, каким-то образом передалась его солдатам, и битва в этот раз очень мало напоминала игру. К тому же Гарри использовал уйму новых трюков. На этажах и лестницах были разбросаны крошечные металлические шарики (Грейнджер назвала их «шариками от подшипников»), затруднявшие движение всем, кроме легионеров Хаоса, которые заранее отработали перенос друг друга над препятствиями с помощью скоординированных чар Парения.

По правилам, на поле боя нельзя было приносить какие-либо устройства или приспособления, но всё необходимое можно было трансфигурировать прямо во время битвы, при условии, что это безопасно — крайне несправедливое правило, когда приходится сражаться против мальчика, который вырос в семье учёных и знает про такие штуки, как шарикоподшипники, скейтборды и тарзанки.

И вот чем всё закончилось...

Оставшиеся в живых союзные войска загнали остатки армии Гарри Поттера в коридор, из которого не было выхода.

Уизли и Винсент так слаженно обрушились на Лонгботтома, будто практиковали совместные действия несколько недель, а не пару часов. И тем не менее Лонгботтом умудрился застрелить их обоих, прежде чем его вывели из игры. В итоге «в живых» остались только Драко, Грейнджер, Падма, Самуэль и Гарри. И, судя по виду Самуэля, его Радужный щит долго не продержится.

Драко направил палочку на Гарри. Необходимости тратить силы на Пронзающий бур не было. Проще подождать, пока Радужный щит исчезнет сам. Падма держала на прицеле Самуэля, а Грейнджер — Гарри...

Но вместо того, чтобы выбрать цель для своей палочки, тот всё ещё прятал руки за спиной. Лицо Поттера было непроницаемо, как маска, вырезанная из льда.

Возможно, он блефовал. Но скорее всего — нет.

Несколько секунд напряжённой тишины.

И Гарри наконец заговорил, холодно и спокойно:

— Нынче я злодей, и если вы думаете, что злодеи легко сдаются, вы ошибаетесь. Одолейте меня, когда я сражаюсь всерьёз, и я соглашусь с вами. Но если вы проиграете — вам придётся всё начинать сначала.

Гарри вытянул руки вперёд, демонстрируя необычные перчатки, со странным сероватым материалом на кончиках пальцев и застёжками, плотно обхватывающими запястья.

Генерал Солнечных ахнула от ужаса, и Драко, даже не спрашивая, что это и чем грозит, бросил заклинание Пронзающего бура.

Самуэль вскрикнул и пошатнулся, но Щит удержал. Если сейчас Падма и Грейнджер начнут стрелять, то они трое исчерпают свои силы настолько, что окажутся на грани поражения.

— Гарри! — закричала Грейнджер. — Ты с ума сошёл!

Но тот уже начал действовать. Распахивая створки окна, Гарри холодно бросил:

— Следуйте за мной, если осмелитесь.

* * *

Ледяной ветер завывал вокруг.

Руки Драко уже начали уставать.

...Как выяснилось, вчера Гарри во всех деталях продемонстрировал Грейнджер, как трансформировать нечто, называемое «щетинками геккона», и как приклеить кусочки этого материала к перчаткам и носкам башмаков. Затем Гарри и Грейнджер просто ради интереса попробовали лазить по стенам и потолку. И вот сейчас на Поттере были именно такие перчатки.

А ещё вчера Гарри выдал Грейнджер ровно две дозы зелья замедленного падения и попросил всегда носить их в кошельке, «просто на всякий случай».

Впрочем, Падма и не собиралась следовать за ними. Она-то не сошла с ума.

Драко осторожно отцепил правую руку, вытянул её подальше и снова прицепился к стене. Рядом с ним Грейнджер сделала то же самое.

Зелье мягкого падения они уже выпили. Это было на грани нарушения правил игры, но зелье активировалось только в момент падения, следовательно, пока никто из них не упал, предмет не считался использованным.

Профессор Квиррелл наблюдал за ними.

Они оба в полной, абсолютной, совершенной безопасности.

А вот Гарри Поттеру, наоборот, предстоит умереть.

— Любопытно, зачем Гарри это делает, — задумчиво сказала генерал Грейнджер, медленно, с липким чпокающим звуком, отцепляя перчатку от стены. Её рука тут же вновь уцепилась за стену. — Обязательно спрошу его после того, как убью.

Удивительно, как много у них двоих оказалось общего.

В данный момент Драко был не расположен к болтовне, но нашёл в себе силы прошипеть сквозь стиснутые зубы:

— Это может быть мстью. За то свидание.

— Правда? — сказала Грейнджер. — После стольких дней.

Шлёп. Чпок.

— Как мило с его стороны, — заметила Грейнджер.

Шлёп. Чпок.

— Думаю, я найду какой-нибудь романтический способ отблагодарить его, — продолжила Грейнджер.

Шлёп. Чпок.

— А против тебя-то он что имеет? — спросила Грейнджер.

Шлёп. Чпок.

Ледяной ветер завывал вокруг них.

* * *

Кому-то может показаться, что человек, который в конце концов обрёл землю под ногами, будет чувствовать себя в большей безопасности.

Но если эта «земля» — наклонная крыша, покрытая грубой черепицей, на которой льда больше, чем на стенах, и по ней приходится быстро бежать...

То этот кто-то допускает очень печальную ошибку.

— Люминос! — закричал Драко.

— Люминос! — закричала Грейнджер.

— Люминос! — закричал Драко.

— Люминос! — закричала Грейнджер.

Фигура вдалеке уворачивалась и карабкалась, не сбавляя хода. Не было ни одного попадания, но они нагоняли.

Пока Грейнджер не поскользнулась.

Если задуматься, это было неизбежно, в реальном мире нельзя так быстро бегать по обледеневшей наклонной крыше.

И так же неизбежно было то, что случилось дальше. У Драко не было времени на размышления, он просто повернулся и попытался схватить Грейнджер за руку, и даже поймал её, вот только она уже потеряла равновесие и падала, утаскивая Драко за собой. Всё произошло слишком быстро...

Жёсткий, болезненный удар. Драко ударился о крышу всем своим весом и ещё принял на себя часть веса Грейнджер. Если б она просто упала чуть ближе к краю, всё бы обошлось, но её опять повело, ноги соскользнули с крыши, а свободная рука судорожно схватила...

Вот так Драко и оказался сжимающим руку Грейнджер побелевшими пальцами, пока другая её рука судорожно хваталась за край крыши. Башмаки Драко упёрлись в край черепицы.

— Гермiona! — раздался вдалеке крик Гарри.

— Драко, — прошептала Грейнджер.

Он посмотрел вниз.

Это было ошибкой. Там было очень много пустого пространства, ничего кроме воздуха, они находились на краю крыши, выдающейся за пределы основных стен Хогвартса.

— Он прибежит помочь мне, — шептала девочка, — но сначала он использует Люминос на нас обоих, точно. Тебе нужно меня отпустить.

Такой пустяк.

Она просто грязнокровка, просто грязнокровка, просто грязнокровка!

Ей даже не будет больно!

...Мозг Драко отказывался слушать, что Драко сейчас ему говорил.

— Ну же, — шептала Гермiona Грейнджер, в её сверкающих глазах не было и тени страха. — Отпусти, Драко, отпусти, ты можешь одолеть его, нам нужно победить, Драко!

Звук бегущих ног приближался.

Ну и где твоя рациональность?

Голос в голове Драко звучал до жути похоже на Гарри Поттера во время их занятий.

Ты позволишь мозгу управлять твоей жизнью?

Послесловие 1

В женской гостиной Слизерина (удивительно уютной комнате в подземельях под озером Хогвартса, где за окнами плавают рыбки, а на мягких кушетках при желании можно прилечь) Милисента Булстроуд пересказывала произошедшее.

Дафне Гринграсс с трудом удавалось хранить молчание. В основном потому что, по мнению Дафны, история была отличной и без всяких якобы улучшений, привнесённых Милисентой.

— А что потом? — ахнули Флора и Гестия Кэрроу.

— Генерал Грейнджер посмотрела на него, — с надрывом продолжала Милисента, — и сказала: «Драко! Ты должен меня отпустить! Не беспокойся обо мне, Драко, обещаю, со мной всё будет хорошо!» И как вы думаете, что потом сделал Малфой?

— Он ответил: «Никогда!», — крикнула Шарлотта Виланд, — и сжал её руку ещё крепче!

Все девочки, за исключением Панси Паркинсон, закивали.

— А вот и нет! — сказала Милисента. — Он бросил её. А потом вскочил и застрелил генерала Поттера. Конеч.

В комнате воцарилось ошеломлённое молчание.

— Но ведь так нельзя! — возмутилась Шарлотта.

— Она же грязнокровка, — озадаченно заметила Панси. — Ну разумеется, он бросил её!

— В таком случае Малфою изначально не следовало её ловить! — сказала Шарлотта. — Но раз уж он её поймал, то просто обязан был держать! И особенно перед лицом приближающейся неминуемой гибели!

Трейси Дэвис, которая сидела рядом с Дафной, одобрительно кивала.

— Не пойму почему, — нахмурилась Панси.

— Потому что в тебе нет ни капельки романтики, — заявила Трейси. — И вообще, нельзя просто так бросать девочек. Мальчик, который может вот так бросить девочку... он может бросить вообще кого угодно. Он может бросить даже тебя, Панси.

— Бросить меня?! Как это, бросить меня?!

Дафна не выдержала:

— Представь себе, — злоеце произнесла она, — однажды утром ты завтракаешь за нашим столом, а в следующий момент понимаешь, что Малфой тебя бросил, и ты падаешь с крыши Хогвартса. Вот так!

— Точно! — кивнула Шарлотта. — Он бросает ведьм!

— Ты знаешь, почему утонула Атлантида? — продолжила Трейси. — Кто-то вроде Малфоя бросил её, вот почему!

Дафна понизила голос:

— На самом деле... что если это Малфой сделал так, что Гермиона, в смысле, генерал Грейнджер, поскользнулась? Что если он собирается сделать так, что вообще все маглорождённые поскользнутся и упадут?

— Ты же не хочешь сказать?.. — прошептала Трейси.

— Именно! — драматично заявила Дафна. — Что если Малфой — наследник Скользера?

— Тот-Кого-Нельзя-Называть-А-То-Бросит! — подхватила Трейси.

Последняя идея была слишком хороша, чтобы держать её в тайне. К вечеру она разошлась по всему Хогвартсу, а на следующее утро появилась в «Придире» в качестве заголовка.

Послесловие 2

Этим вечером Гермиона постаралась прийти в класс, где они обычно встречались, пораньше, чтобы Гарри застал её спокойно сидящей в кресле и мирно читающей книгу.

Если бы двери умели скрипеть, как будто прося прощения, то сейчас дверь скрипнула именно так.

— Гм... — послышался голос Гарри Поттера.

Гермиона продолжала читать.

— Я, э-э, как бы извиняюсь, я не предполагал, что ты действительно упадёшь с крыши...

На самом деле, произошедшее оказалось опытом довольно увлекательным.

— Я, э-э... Я не знаю, как правильно просить прощения. Если хочешь, я встану на колени или куплю тебе что-нибудь дорогое... Гермиона, я не знаю, как мне попросить прощения, что я могу сделать, просто скажи мне?!

Она продолжала молча читать книгу.

Не то чтобы у неё не было никаких идей, как Гарри мог бы извиниться.

Но прямо сейчас ею овладело странное любопытство — что будет, если она просто продолжит читать книгу?

Храбрость

Романтично? — переспросила Гермиона. — Но они же оба мальчики!

— Ничего себе, — похоже, Дафна была слегка потрясена. — Ты хочешь сказать, маглы в самом деле ненавидят это? Я думала, это одна из выдумок Пожирателей Смерти...

— Нет, — ответила незнакомая Гермионе слизеринка постарше. — Всё правда. Таким маглам приходится вступать в брак тайно, и если кто-нибудь когда-нибудь узнает их секрет, то обоих сожгут на костре. И девушку, которая думает, что это романтично, тоже сожгут.

— Не может быть! — возразила какая-то гриффиндорка, пока Гермиона пыталась понять, что ей ответить, — тогда магловских девушек вообще бы не осталось!

Гермиона могла бы и дальше спокойно читать книгу, слушая, как Гарри Поттер извиняется снова и снова, но вдруг поняла, что он, возможно, впервые в жизни осознал, что сделал что-то скверное, и определённо был в ужасе от перспективы потерять её дружбу. Она начала чувствовать себя: а) виноватой и б) обеспокоенной направлением мыслей Гарри — его предложения становились всё более отчаянными. Но Гермиона никак не могла придумать, как Гарри мог бы извиниться, и поэтому сказала, что устроит голосование среди девочек Когтеврана (и мысленно добавила, что какое бы решение они ни приняли, на этот раз она не будет вмешиваться) — с чем тот немедленно согласился.

На следующий день практически все девушки Когтеврана старше тринадцати лет проголосовали за то, чтобы Драко бросил Гарри.

Гермиона была слегка разочарована простотой решения, хотя, конечно, оно было справедливым.

Однако прямо сейчас, пока Гермиона стояла у главных ворот замка в окружении половины женского населения Хогвартса, у неё возникло стойкое подозрение, что происходит что-то большее, чем она способна понять. И Гермиона отчаянно надеялась, что разговоры вроде тех, которые она сейчас слышит, никогда не доходили до ушей Гарри или Драко.

* * *

С крыши Хогвартса сложно разглядеть мелкие детали. Но было очевидно, что снизу на них в предвкушении смотрит целое море женских глаз.

— Ты ведь не понимаешь, чего это они? — весело поинтересовался Драко.

Но Гарри прочёл немало книг, которые ему бы читать не следовало, не говоря уже о нескольких заголовках «Придиры»:

— «Драко Малфой залетел от Мальчика-Который-Выжил?»

— Что ж, ты всё-таки знаешь, о чём идёт речь. Я думал, маглы такое ненавидят?

— Только идиоты. Но, эм, тебе не кажется, что мы для такого, э-э, несколько молоды?

— Для них, — Драко кивнул вниз и фыркнул, — не слишком. Девчонки!

Они молча подошли к краю крыши.

— Итак, я здесь, чтобы отомстить тебе, — сказал Драко. — Но тебе-то это зачем?

Разум Гарри молниеносно взвесил все за и против, вычисляя, не слишком ли он торопит события...

— Честно? Я, конечно, планировал заставить её лазить по ледяным стенам, но я совсем не хотел, чтобы она упала с крыши. И, э-э, я теперь действительно чувствую себя ужасно. В смысле, возможно, со временем я и вправду начал видеть в ней дружественного соперника. Так что это на самом деле извинение, а не какой-то хитрый план.

Драко ненадолго задумался.

— Да, — сказал он, — понятно.

Гарри не улыбнулся. Никогда в жизни ему не было настолько сложно сдержать улыбку.

Драко посмотрел на край крыши и поморщился:

— Н-да, ронять кого-то умышленно гораздо сложнее, чем нечаянно.

* * *

Рука Гарри рефлекторно вцепилась мёртвой хваткой в ледяной камень крыши.

Сознание может отлично понимать, что ты выпил зелье замедленного падения. Но донести это сообщение до подсознания — совсем другое дело.

Сейчас Гарри испытывал такой же страх, какой по его мнению довелось пережить Гермione, и это было справедливо.

— Драко, — сказал Гарри. Говорить было сложно, но этого требовал сценарий, подготовленный для них девушками Когтеврана. — Ты должен отпустить меня!

— Ладно! — ответил Драко и разжал руку.

Другая рука Гарри попыталась вцепиться в край крыши, но, прежде чем он хоть о чём-то успел подумать, пальцы соскользнули с черепицы и Гарри полетел вниз.

На мгновение желудок подскочил к горлу, а тело безуспешно попыталось сориентироваться в пространстве.

А ещё через секунду Гарри почувствовал рывок — начало действовать зелье. Падение замедлилось, возникло странное укачивающее ощущение мягкости.

Но затем что-то потянуло его, и Гарри вновь полетел вниз, даже с большим ускорением, чем могла бы вызвать сила тяжести...

Рот Гарри уже захлёбывался криком, пока часть его мозга пыталась мыслить творчески, а другая часть пыталась прикинуть, сколько времени у него осталось на то, чтобы мыслить творчески, а ещё одна, совсем крошечная, — заметила, что он грохнется ещё прежде, чем закончит вычислять время...

* * *

Гарри отчаянно старался совладать с собственным рваным дыханием. Визги девочек, валявшихся теперь вповалку на земле и друг на друге, процессу не помогали.

— Святые небеса! — воскликнул незнакомый человек, державший Гарри на руках. Его одежда была далеко не новой, а лицо — в едва различимых шрамах. — По-разному я себе представлял нашу следующую встречу, но и предположить не мог, что ты свалишься на меня прямо с неба.

Гарри припомнил последнее, что он увидел: падающее тело. И с трудом выдохнул:

— Профессор... Квиррелл...

— С ним всё будет в порядке через пару часов, — ответил незнакомец. — Он просто истощён. Я не думал, что такое возможно... Похоже, он разом сбил с ног целых две сотни учениц, чтобы наверняка зацепить ту, которая насылала на тебя проклятие...

Мужчина мягко поставил Гарри на землю, поддерживая его.

Осторожно восстановив равновесие, Гарри кивнул.

Тот отпустил его, и Гарри немедленно упал.

Мужчина снова помог ему встать на ноги. Всё это время он старался держаться между Гарри и толпой девочек, которые уже потихоньку поднимались с земли. Мужчина постоянно бросал короткие взгляды в их сторону.

— Гарри, — тихо и очень серьёзно сказал он. — Ты можешь хоть отдалённо предположить, какая из этих девочек может желать тебе смерти?

— Это не убийство, — раздался сдавленный голос. — Это скудоумие.

Тут незнакомец сам чуть не упал. На лице у него было написано полнейшее потрясение.

Профессор Квиррелл уже принял сидячее положение на том месте, где ранее повалился наземь.

— Святые небеса! — выдохнул человек. — Вы ведь не должны...

— Мистер Люпин, вы не о том беспокоитесь. Ни один волшебник, как бы он ни был силён, не станет полагаться лишь на силу, накладывая подобные чары. Действовать следует эффективно!

Но встать профессор Квиррелл всё же не стал.

— Спасибо, — шепнул Гарри. Затем поблагодарил и незнакомца рядом.

— Что произошло? — спросил тот.

— Я должен был это предвидеть, — с жёстким осуждением отозвался профессор Квиррелл. — Некоторые девочки попытались направить падающего мистера Поттера к себе в объятия. Полагаю, каждая из них думала, что всё пройдёт в лучшем виде.

Ой.

— Считайте это уроком предусмотрительности, мистер Поттер, — сказал профессор Квиррелл. — Если бы я прямо не настоял, чтобы на этом скромном мероприятии присутствовало как минимум двое взрослых наблюдателей, и что мы оба должны держать палочки наготове, мистера Люпина могло бы не оказаться рядом, чтобы замедлить ваше падение, и вы бы серьёзно пострадали.

— Сэр! — воскликнул этот человек... мистер Люпин, очевидно. — Не следует говорить мальчику о таких вещах!

— Кто... — начал Гарри.

— Единственный человек, кроме меня, который был свободен для роли наблюдателя, — ответил профессор Квиррелл. — Позвольте представить вам Ремуса Люпина. Он прибыл сюда на время,

чтобы провести инструктаж по чарам Патронуса. Хотя, насколько я понял, вы уже встречались.

Гарри в замешательстве рассматривал представленного ему человека. Он бы запомнил это лицо в едва различимых шрамах и эту странную мягкую улыбку.

— Где мы встречались? — спросил он.

— В Годриковой лощине, — ответил мужчина. — Я сменил тебе немало пелёнок.

* * *

Временным кабинетом мистера Люпина стала маленькая комната с каменными стенами и небольшим деревянным столом. Гарри не мог со своего места рассмотреть, на чём мистер Люпин сидел, и предположил, что это маленький табурет вроде того, что стоял у стола. Гарри также предположил, что, поскольку мистер Люпин не пробудет в Хогвартсе долго и не собирается часто пользоваться кабинетом, он попросил домовых эльфов не усердствовать понапрасну. Нежелание беспокоить домовых эльфов немало говорило о человеке. Конкретнее, это говорило о том, что он был распределён на Пуффендуй, поскольку, по наблюдениям Гарри, Гермиона была единственным человеком не с Пуффендуя, кто не хотел лишний раз тревожить домовых эльфов. (Сам Гарри считал её угрызения совести глупыми. Кто бы изначально ни создал домовых эльфов, он, очевидно, был неописуемым злодеем. Но из этого никак не следовало, что Гермиона поступает правильно *сейчас*, отрицая право мыслящих существ на рабский труд, раз уж они всё равно созданы так, чтобы им наслаждаться).

— Присаживайся, пожалуйста, Гарри, — тихо сказал мужчина. Его учительская мантия не отличалась качеством. Она была не то чтобы изорванной, скорее изношенной настолько, что простые чары типа Репаро уже не могли её починить. Эпитет «потрёпанная» первым приходил в голову. И несмотря на это, мужчина обладал каким-то достоинством, которого не принесли бы ему и хорошие дорогие одежды, оно бы просто не подошло к ним, оно было отличительной чертой этой потрёпанности. Гарри лишь слышал о скромности раньше, но никогда прежде не встречал настоящей — только показную умеренность людей, считающих, что быть скромным стильно.

Гарри присел на маленький деревянный табурет у небольшого стола мистера Люпина.

— Спасибо, что пришёл, — сказал тот.

— Нет, это вам спасибо, что спасли меня, — ответил Гарри. — Дайте мне знать, если вам когда-нибудь понадобится сделать что-то невозможное.

Человек помедлил.

— Гарри, могу я... задать личный вопрос?

— Конечно, можете, — ответил Гарри. — У меня тоже к вам много вопросов.

Мистер Люпин кивнул.

— Гарри, твои приёмные родители хорошо с тобой обращаются?

— Мои родители, — уточнил Гарри. — У меня их четверо. Майкл, Джеймс, Петуния и Лили.

— А-а-а, — отозвался мистер Люпин. И снова, «А». Он довольно часто моргал. — Я... приятно это услышать, Гарри. Дамблдор никому из нас не сказал, где ты... я боялся, он решит, что тебе следует жить у злых приёмных родителей, или вроде того...

Гарри не был уверен, что тревоги мистера Люпина необоснованны, с учётом своей первой встречи с Дамблдором. Но всё вышло совсем неплохо, поэтому он промолчал.

— Насчёт моих... — Гарри попытался подобрать слово, которое не принижало бы и не возвышало их... — других родителей. Я, ну, хочу знать всё.

— Непростая задача, — мистер Люпин потёр лоб. — Ну, начну с самого начала. Когда ты родился, Джеймс был так счастлив, что целую неделю не мог коснуться своей палочки без того, чтобы она не засияла золотистым светом. И даже позднее, стоило ему поддерживать тебя, или увидеть, как тебя держит Лили, или просто подумать о тебе, это случилось снова...

* * *

Каждый раз, когда Гарри смотрел на часы и обнаруживал, что прошло ещё полчаса, он ощущал укол совести: из-за него Ремус пропустит ужин, к тому же сам-то Гарри просто вернётся обратно во времени к семи часам, и тем не менее их обоих это не останавливало...

Наконец Гарри набрался храбрости, чтобы задать неудобный, но всё же необходимый вопрос. Ремус как раз был в середине развёрнутого повествования о великолепных талантах Джеймса в квиддиче, и Гарри не мог выбрать более подходящее время для своего вопроса.

— А затем, — глаза Ремуса ярко сияли, — Джеймс выполнил «тройной обратный нырок Мулханни», да ещё и с дополнительной

подкруткой! Зрители просто обезумели, даже некоторые пuffedуицы аплодировали...

Так и напрашивается сказать: «Наверное, это надо было видеть», — подумал Гарри. — Хотя в любом случае, маловероятно, что он бы оценил финт по достоинству, даже если бы увидел всё своими глазами.

— Мистер Люпин? — начал Гарри, и что-то в его голосе заставило Ремуса прерваться на полуслове.

— Мой отец издевался над другими учениками? — спросил Гарри.

Прежде чем ответить, Ремус наградил его долгим взглядом:

— Было время, когда он действительно так поступал, но он быстро это перерос. От кого ты услышал об этом?

Гарри быстро перебрал варианты, что правдивого он может сказать, не выдавая источник информации, но, к сожалению, его разум оказался недостаточно проворен.

— Впрочем, неважно, — сказал Ремус и вздохнул. — Я догадываюсь, от кого.

Гримаса неодобрения изогнула едва видимые шрамы на его лице:

— Как можно говорить такое...

— Было ли что-то оправдывающее поведение моего отца? — прервал его Гарри. — Плохая обстановка в семье, или вроде того? Или он просто... по природе был негодяем?

У него была Тёмная Сторона?

Ремус провёл рукой по волосам, откидывая их назад — первое замеченное Гарри проявление нервозности.

— Гарри, неправильно судить своего отца по тем поступкам, которые он совершил, будучи ещё мальчишкой!

— Я тоже мальчишка, — ответил Гарри, — и себя я могу судить.

В замешательстве, Ремус дважды моргнул.

— Я хочу узнать причину, — сказал Гарри. — Хочу понять, почему он это делал, потому что не вижу никаких оправданий его действиям! — его голос слегка дрожал. — Пожалуйста, расскажите мне всё, что вы знаете, пусть даже это прозвучит не лучшим образом. *Чтобы я сам не попал в ту же ловушку, в чём бы она ни заключалась.*

— В Гриффиндоре так было принято, — сказал Ремус медленно и неохотно. — И... Тогда я думал по-другому, мне казалось, всё было иначе, но... возможно, на самом деле Джеймса в это втянул Блэк. Он так сильно хотел показать всем, что он против слизеринцев, и нам всем хотелось верить, что наша судьба не зависит от того, какая кровь течёт у нас в венах...

— Нет, Гарри, — сказал Ремус. — Я не знаю, почему Блэк погнался за Питером, вместо того чтобы сразу же пуститься в бега. В тот день он словно решил вершить зло во имя зла, — голос Ремуса дрогнул. — Не было ни намёка, ничего, что могло бы насторожить, мы все считали... и подумать не могли, он ведь должен был стать...

Ремус умолк.

Гарри ничего не мог с собой поделать — он плакал. Было невыносимо слышать об этом от Ремуса, это было больнее, чем всё, что он когда-либо испытывал на собственном опыте. Гарри потерял обоих родителей, но сам он их не помнил, он знал их только по рассказам других людей. А у Ремуса Люпина было четыре лучших друга, и в один день он потерял их всех. Причём смерть последнего, Питера Петтигрю, была совершенно бессмысленной.

— Временами мне бывает больно думать о том, что он до сих пор там, в Азкабане, — голос Ремуса опустился почти до шёпота. — И знаешь, Гарри, я даже рад, что к Пожирателям Смерти не пускают посетителей и мне не нужно стыдиться, что я не навещаю его.

Прежде чем снова заговорить, Гарри с трудом сглотнул комок в горле:

— Вы можете рассказать мне о Питере Петтигрю? Он был другом моего отца, и мне кажется... я должен о нём знать, должен помнить о нём...

Ремус кивнул, в его глазах заблестели слёзы.

— Я думаю, что если бы Питер с самого начала знал, чем всё закончится... — сдавленным голосом начал мужчина. — Питер боялся Тёмного Лорда сильнее, чем кто-либо из нас, и если бы он с самого начала знал, чем всё закончится, я не думаю, что он бы пошёл на это. Но Питер знал, на какой риск он идёт, он знал, что риск был более чем реальным, и тем не менее он остался верен Джеймсу и Лили. Когда я учился в Хогвартсе, то часто недоумевал, почему Питер попал не в Слизерин или Когтевран. Он настолько обожал тайны, что не мог пропустить ни одной из них, и если кто-то желал что-то скрыть — для него это было подобно сигналу к действию... — Ремус бросил взгляд искоса. — Но он никогда не использовал эти секреты, Гарри. Он просто хотел знать. И когда над нами нависла тень Тёмного Лорда, он собрал все свои таланты и встал плечом к плечу с Джеймсом и Лили, и именно тогда я понял, почему Шляпа отправила его в Гриффиндор.

В голосе Ремуса слышалась искренняя гордость:

— Защищать друзей — легко, если ты герой вроде Годрика, храбрый и сильный, каким большинство людей и представляет себе настоящего гриффиндорца, но Питер боялся, боялся больше, чем все остальные. Не делает ли это его самым храбрым из нас?

— Да, — у Гарри перехватило горло, он почти не мог говорить. — Если вас не затруднит, мистер Люпин, если у вас найдётся время, я думаю, что есть кое-кто, кому было бы очень полезно услышать историю Питера Петтигрю — это первокурсник с Пуффендуя, Невилл Лонгботтом.

— Сын Фрэнка и Алисы, — печально пробормотал Ремус. — Что же, это не самая радостная история, но я могу рассказать её ещё раз, если ты думаешь, что она ему поможет.

Гарри кивнул.

Наступило недолгое молчание.

— У Блэка было какое-нибудь незаконченное дело к Питеру Петтигрю? — спросил Гарри. — Что угодно, что могло бы заставить его разыскивать мистера Петтигрю, пусть даже не ради убийства? Например, секрет, который знал только Петтигрю и который был нужен Блэку. Или, может, наоборот, Блэк хотел убить его, чтобы навсегда что-то скрыть?

В глазах Ремуса что-то блеснуло, но он лишь покачал головой и сказал:

— Нет, ничего особенного.

— Это лишь означает, что тут есть какая-то тайна, — ответил Гарри.

Под тронутыми сединой усами Ремуса появилась кривая улыбка.

— В тебе тоже есть немного от Питера, как я погляжу. Но это и правда не важно.

— Я когтевранец, и мы не из тех, кто сопротивляется манящему шёпоту тайны, — отшутился Гарри и продолжил уже более серьёзно: — Если эта тайна стоила того, чтобы Блэк из-за неё попался, я просто не могу считать её не заслуживающей внимания.

Ремус выглядел так, словно внезапно оказался не в своей тарелке.

— Я полагаю, что смогу рассказать тебе, когда ты станешь старше, но на самом деле, Гарри, это вовсе не так уж важно! Просто старая история из наших школьных дней.

Гарри не был уверен, что именно послужило источником его догадки: может быть, тон, которым Ремус сказал это, или его нервозность, или шаблонность фразы «когда ты станешь старше»,

сказанной с опять-таки шаблонной интонацией, но что-то из этого, а может, и всё сразу, подтолкнуло Гарри к озарению...

— Извините, но, кажется, я уже догадался.

Брови Ремуса взметнулись.

— Неужели? — произнёс он слегка скептически.

— Они были любовниками, я прав?

После неловкой паузы, Ремус медленно и серьёзно кивнул.

— Однажды. Очень давно. Печальная история, закончившаяся большой трагедией, или по крайней мере так нам казалось, когда мы были молоды.

Грустное недоумение отразилось на лице Ремуса:

— Но я думал, что всё это уже давно в прошлом, надёжно захоронено под фундаментом их взрослой дружбы. До того дня, когда Блэк убил Питера.

Глава 43

Человечность. Часть 1

За пределами Хогвартса ласковое январское солнце освещало замёрзшие поля.

Именно здесь для части учеников проходил урок, остальных же просто отпустили с занятий пораньше. Первокурсники изучали заклинание, осваивать которое лучше всего не в классе, а на улице, ярким солнечным днём, под ясным голубым небом. Считается, что печенье и лимонад также способствуют процессу.

Первые жесты заклинания были сложными и требовали точности: сначала несколько резких взмахов палочкой: раз, два, три и четыре, с небольшими наклонами на чётко выверенные углы, при этом нужно сдвигать большой и указательный пальцы на строго определённое расстояние...

Министерство считало, что учить этому заклинанию раньше пятого курса — пустая трата времени и сил. В прошлом было несколько случаев, когда дети разучивали его, опережая программу, и тогда Министерство называло их «гениями», но принимать во внимание их опыт отказывалось.

Гарри начинал понимать, почему профессор Квиррелл заявил, что от министерской комиссии по учебному плану было бы больше пользы, если бы её пустили на удобрения, пусть это и прозвучало не очень вежливо.

Итак, хоть жесты и были сложными, требующими определённой сноровки, это не было непреодолимой преградой для изучения нового заклинания, пусть даже и в одиннадцать лет. Нужно лишь чуть больше старания и практики в отработке каждой части заклинания, вот и всё.

Большинство заклинаний, которые изучаются исключительно старшекурсниками, просто требуют больше магической силы, и потому недоступны ученикам младших курсов. Но заклинание Патронуса не из их числа. Оно является сложным не потому что для него необходим большой запас магической силы, а потому что требует большего, чем просто волшебство.

Для него необходимы тёплые и счастливые чувства, идущие от самого сердца, самые драгоценные воспоминания — совсем другой вид силы, который не требуется для обычных заклинаний.

Гарри сделал несколько резких взмахов палочкой: раз, два, три и четыре, сдвигая пальцы на строго определённое расстояние...

— *Удачи в школе, Гарри. Как думаешь, я купил тебе достаточно книг?*

— *Книг никогда не бывает достаточно... Но это была хорошая попытка... Очень, очень, очень хорошая попытка.*

Когда Гарри в первый раз попытался вспомнить и вложить в заклинание своё счастливое воспоминание, к его глазам подступили слёзы.

Круговым движением он поднял палочку вверх и сделал выпад — в последнем жесте не важна точность, только отвага и вызов:

— *Эспекто Патронум!*

Ничего не произошло.

Ни одной искорки.

Когда Гарри поднял взгляд, Ремус Люпин всё ещё изучал его палочку. На лице, покрытом бледными шрамами, застыло обеспокоенное выражение.

Наконец, Ремус покачал головой и тихо сказал:

— Мне очень жаль, Гарри. Движения твоей палочки были абсолютно правильными.

Вокруг тоже не было ни единой искорки света, все прекратили свои попытки создать патронуса, и как бы невзначай следили за Гарри.

К глазам снова подступили слёзы, вот только уже не слёзы радости. Он ожидал чего угодно, чего угодно, но только не этого.

Узнать, что ты недостаточно счастлив — есть в этом что-то за пределами унижительное.

Что есть такого в Энтони Голдштейне, чего нет в Гарри? Что заставляет его палочку испускать яркие искры? Энтони любит своего отца сильнее?

— Что ты вспоминал, произнося заклинание? — спросил Ремус.

— Моего отца, — дрожащим голосом ответил Гарри. — Я попросил его купить мне кое-какие книги, когда собирался в Хогвартс, и он купил их, и они были дорогими, и он спросил: достаточно ли у меня книг...

Гарри остановился, решив не объяснять девиз семьи Верресов.

— Гарри, отдохни немного, а потом попробуй другую мысль, — сказал Ремус и указал в сторону, где на траве сидели смущённые,

разочарованные и даже печальные ученики. — Ты не сможешь создать патронуса, пока чувствуешь стыд за то, что недостаточно благодарен.

В голосе мистера Люпина звучало мягкое сострадание, и на мгновение Гарри почувствовал желание крепко по чему-нибудь ударить.

Но вместо этого он просто развернулся и пошёл туда, где сидели остальные ученики, чьи движения палочки также были признаны безупречными, и которые по идее должны были сейчас воскрешать в памяти более счастливые моменты своих жизней. Правда, судя по их виду, они вряд ли далеко продвинулись. Среди собравшихся здесь преобладали синие цвета Когтеварана, несколько красных пятен гриффиндорцев, и одна-единственная девочка из Пуффендуя, которая всё ещё плакала. Дафна Гринграсс и Трейси Дэвис всё ещё осваивали жесты заклинания, остальные Слизеринцы даже не удосужились появиться на уроке.

Гарри плюхнулся на холодную, пожухлую траву, рядом с ученицей, чья неудача удивила его больше всего.

— Значит, у тебя тоже не вышло, — сказала Гермиона. Когда у неё не получилось заклинание, она просто убежала с поля, но позже вернулась, и по её покрасневшим глазам было件нятно, что она недавно плакала.

— Я, я... — неуверенно начал Гарри. — Я бы, наверно, чувствовал себя намного хуже, если бы у тебя получилось. Ты самый добрый человек из всех, кого я когда-либо встречал, Гермиона. И если даже ты не можешь выполнить это заклинание, то, возможно... возможно, я тоже хороший человек.

— Мне надо было выбрать Гриффиндор, — прошептала Гермиона и часто заморгала, сдерживая подступающие слёзы.

* * *

Мальчик и девочка шли рядом. Они, определённо, не держались за руки, но присутствие друг друга придавало им какую-то силу, что-то позволяющее игнорировать перешёптывания одноклассников, на пути к главным воротам Хогвартса.

Какую бы счастливую мысль ни пробовал Гарри, он так и не смог вызвать Патронуса. Окружающие, казалось, были не слишком-то удивлены таким результатом, что делало всю ситуацию только хуже. Гораздо больше всех поразило то, что у Гермионы тоже ничего не получилось, и Гарри замечал, что теперь на неё бросают такие же косые взгляды. Никто не смотрел подобным образом на других

коттевранцев, проваливших заклинание. Но Гермиона была Солнечным генералом, и её поклонники вели себя так, как будто она их подвела, нарушила обещание, которого она вообще-то никогда не давала.

Чтобы узнать побольше о заклинании Патронуса, они пошли в библиотеку. Это был обычный способ борьбы с неудачами для Гермионы, а иногда и для Гарри. Учись, узнавай, пытайся понять настоящую причину...

Книги лишь подтвердили то, что директор рассказал Гарри: зачастую, волшебник, неспособный вызвать патронуса на уроках, оказывался способным на это в присутствии настоящего дементора. Человек, с палочки которого не сходило и искорки, вызывал полного телесного патронуса. Это противоречило любой логике: аура страха, распространяемая дементором, должна была наоборот мешать концентрации на радостных мыслях, но факт оставался фактом.

Так что они оба решили сделать ещё одну последнюю попытку, они просто не могли не попробовать ещё один, последний раз.

И вот наступил день, когда в Хогвартс прибыл дементор.

С утра Гарри растрасфигурировал камень своего отца, который носил на кольце в виде крошечного бриллианта, и положил этот огромный серый камень в свой кошель. Просто на случай, если магия Гарри полностью истощится при встрече с самым Тёмным из всех созданий.

Гарри уже поддался пессимизму, а ведь он ещё даже не подошёл к дементору.

— Готов поспорить, что у тебя получится, а у меня нет, — прошептал Гарри. — Спорим, что так и будет?

— Я чувствовала фальшь, — сказала Гермиона ещё тише него. — Я пробовала сегодня утром и осознала. Когда я сделала последний взмах палочкой, ещё перед тем, как сказать слова, я почувствовала фальшь.

Гарри промолчал. Он чувствовал то же с самого начала, хоть ему и пришлось сделать ещё пять попыток с разными радостными мыслями, прежде чем он это признал. Каждый раз, когда Гарри пытался сделать выпад палочкой, он ощущал пустоту. Заклинание, которое он пытался выучить, не подходило ему.

— Это не значит, что мы станем Тёмными магами, — заметил Гарри. — Многие из тех, кто не может вызвать Патронуса, — обычные волшебники. Годрик Гриффиндор не был Тёмным магом...

Годрик побеждал Тёмных лордов, защищал простых людей от Благородных Домов, и маглов от волшебников. У него было много замечательных и верных друзей, половину из которых он потерял в своих

битвах за доброе дело. Он слышал стоны раненых солдат из армий, которые он собирал для защиты невинных. Молодые смелые волшебники откликались на его зов и заканчивали свой путь в могилах. И наконец, когда его магия только-только начала истощаться из-за старости, он собрал ещё троих самых могущественных волшебников своего времени, чтобы на пустом месте воздвигнуть Хогвартс — единственное великое деяние Годрика, которое не было связано с войной. И первым преподавателем Боевой Магии стал Салазар, а вовсе не Годрик. Он взялся обучать травоведению, магии зелёной, растущей жизни.

И до своего последнего дня он так и не был способен вызвать патронуса.

Годрик Гриффиндор был хорошим человеком. Но не счастливым.

Гарри не верил в экзистенциальный страх, он терпеть не мог хныкающих героев, он знал, что миллиарды людей были бы готовы отдать что угодно, лишь бы поменяться с ним местами, и...

И на своём смертном одре Годрик сказал Хельге (Салазар покинул его ранее, а Ровена к тому времени уже умерла), что не жалеет ни о чём. Он не отговаривал своих учеников следовать по его стопам, никто никогда не слышал, чтобы он говорил кому-то не следовать по его стопам. Он считал себя не вправе запрещать даже самым юным ученика Хогвартса поступать так, как он сам считал правильным. Годрик надеялся, что ученики, которые действительно пойдут по его стопам, запомнят последнее напутствие Гриффиндора своему факультету: он будет рад, если они окажутся счастливее его, сделав красный и золотой цветами тепла и света.

И рыдающая Хельга пообещала, что, став директором, передаст его завет. После чего Годрик умер и призрака после него не осталось.

Гарри передал книгу Гермионе и вышел на минутку, чтобы она не увидела, как он плачет.

Кто бы мог подумать, что книга с невинным названием «Закливание Патронуса: Волшебники, которые могли и которые не могли» окажется самой печальной книгой из всех прочитанных Гарри.

Он...

Он не хотел.

Гарри не хотел оказаться в этой книге.

Он не хотел.

Остальные ученики, казалось, считали, что волшебник Без Патронуса значит «Злой волшебник» — просто и ясно. Тот факт, что Годрик Гриффиндор был не способен вызывать патронуса, почему-то оказался малоизвестен. Возможно, люди помалкивали из уважения к его последне-

му желанию. Фред и Джордж наверняка не знали, и Гарри не хотелось им об этом рассказывать. Или же, возможно, другие провалившиеся не упоминали об этом, поскольку считаться Тёмным не так постыдно, не так ущербно для гордости и статуса, как считаться несчастливым.

Гарри видел, как Гермиона, сидя рядом, часто-часто моргала. Возможно, она думала о Ровене Когтевран, которая тоже любила читать.

— Ну хорошо, — прошептал Гарри. — Более радостные мысли. Если у тебя получится создать полный телесный патронус, как ты думаешь, какое это будет животное?

— Выдра, — тут же ответила Гермиона.

— Выдра? — недоверчиво переспросил Гарри.

— Да, выдра, — сказала Гермиона. — А кто у тебя?

— Сапсан, — без заминки выдал Гарри. — Он может пикировать со скоростью более трёхсот километров в час, это самое быстрое существо на земле.

Сапсан всегда был любимым животным Гарри. Когда-нибудь Гарри обязательно станет анимагом, только ради того чтобы получить это тело — летать на собственных крыльях и смотреть на землю сверху своим острым взглядом....

— А почему именно выдра?

Гермиона улыбнулась, но промолчала.

* * *

Громадные ворота Хогвартса распахнулись.

Какое-то время дети шли по дороге к не-запретному лесу, потом углубились в него. Солнце стояло низко над горизонтом, тени были длинными, свет просачивался сквозь голые ветви зимних деревьев. Был январь, и последний день, чтобы выучить заклинание.

Тропинка сменила направление и вдали показалась лесная поляна: обычный зимний пейзаж с жёлтой сухой травой, местами прикрытой снегом.

Фигурки людей, крохотные на таком расстоянии. Два пятна тусклого белого света — патронусы авроров и более яркое серебристое пятно от патронуса директора, рядом с чем-то....

Гарри зажмурился.

Чем-то...

Наверняка это лишь игра его воображения, дементор никак не смог бы пробраться через три телесных патронуса, но Гарри казалось, что он чувствует лёгкое прикосновение пустоты к своему разуму,

где-то в самом уязвимом центре своего сознания. Прикосновение пустоты, которой плевать на любые барьеры окклюменции.

* * *

Мертвенно-бледный, дрожащий Симус Финниган присоединился к ученикам, топчущимся на увядшей и местами заснеженной траве. У него получилось заклинание Патронуса, но тем не менее между исчезновением патронуса директора и попыткой ученика был некоторый интервал. И в это время ничто не защищало ученика от страха, вызываемого дементором.

На расстоянии в пять шагов воздействие, длящееся менее двадцати секунд, было определённо безопасным, даже для одиннадцатилетнего волшебника со слабой сопротивляемостью и всё ещё развивающимся мозгом. Дементоры действовали на разных людей с совершенно разной силой, и причин этого тоже до конца никто не понимал. Но с уверенностью можно было сказать, что воздействие в течение двадцати секунд — безопасно.

Воздействие дементора с пяти шагов в течение сорока секунд, возможно, могло нанести необратимые повреждения, правда, только самым чувствительным людям.

Это была суровая тренировка даже по стандартам Хогвартса, где на гиппогрифе учили летать, просто сажая на него и отдавая команду на взлёт. Гарри не был фанатом сверхизбыточной защиты: если сравнивать зрелость ученика четвёртого курса Хогвартса и четырнадцатилетнего магла, становилось очевидным, что маглы душат своих детей заботой... Но даже Гарри начал сомневаться, не чересчур ли это. Не все травмы можно впоследствии излечить.

Но если человек не мог применить заклинание в этих условиях, это означало, что он не может полагаться на заклинание Патронуса, чтобы защитить себя. Самонадеянность для волшебника гораздо опаснее, чем для магла. Дементор может высосать твою магию и твои жизненные силы, а значит, ты не сможешь аппарировать прочь, если будешь ждать слишком долго или если не распознаешь приближение страха до тех пор, пока дементор не окажется на достаточном расстоянии для атаки. (В книгах Гарри с изрядным ужасом обнаружил, что, по мнению некоторых авторов, дементор при Поцелуе съедает душу, в результате чего жертва впадает в вечную кому. И волшебники, которые в это действительно верили, умышленно использовали Поцелуй дементора для казни преступников! С уверенностью можно

было утверждать, что кто-то из этих преступников на самом деле был невиновен, но даже если это было не так — разрушать их души? Если бы Гарри верил в существование душ, он бы... оставим, он просто не мог придумать, как на это реагировать).

Директор подошёл к вопросу безопасности серьёзно — на страже стояло трое авроров. Главный из них, человек с азиатской внешностью, по имени Комодо, с серьёзным — но при этом не мрачным — видом не выпускал палочку из рук. Его патронус — орангутан из плотного лунного света — ходил взад-вперёд между дементором и первогодками, ожидавшими своей очереди. Орангутана сопровождала ярко-белая пантера аврора Бутнару, человека с пронзительным взглядом, длинными черными волосами, собранными в конский хвост, и длинной заплетённой в косичку козлиной бородкой. Эти два аврора и их патронусы следили за дементором. Позади учеников отдыхал аврор Горянов, высокий худой бледный и небритый мужчина. Он сидел на стуле, который сам сотворил без слов и взмахов палочки, и с рассеянным бесстрастным лицом обзирал всю сцену. Профессор Квиррелл появился вскоре после того, как первокурсники начали свои попытки, и его взгляд постоянно возвращался к Гарри. Крохотный профессор Флитвик, в прошлом чемпион дуэлей, рассеянно поигрывал своей палочкой. Его глаза, видневшиеся над огромной пушистой бородой, заменявшей ему лицо, не отрывались от профессора Квиррелла.

И хотя скорее всего дело было в воображении Гарри, но казалось, что профессор Квиррелл вздрагивает всякий раз, когда патронус директора исчезает, чтобы дать проверить силы следующему ученику. Возможно, на профессора действовал тот же эффект плацебо, что и на Гарри — отголосок пустоты касался и его разума.

— Энтони Голдштейн, — раздался голос директора.

Гарри тихо подошёл к Симусу. Энтони приближался к сияющему серебряному фениксу и... чему-то в изодранном плаще.

— Что ты видел? — тихо спросил Гарри у Симуса.

Большинство учеников не ответило Гарри, когда он пытался собрать информацию. Но Симус был Финниганом из Хаоса, одним из лейтенантов Гарри. Может, это и нечестно, но...

— Мертвеца, — прошептал Симус, — серого и склизкого... мертвеца, пролежавшего долго в воде...

Гарри кивнул:

— Большинство именно это и видит, — он изучал уверенность, хотя и фальшивую, потому что это было нужно Симусу. — Съешь шоколада, полегчает.

Симус кивнул и побрёл к столу с целительными сладостями.
 — *Эспекто патронум!* — выкрикнул мальчишеский голос.
 Раздалось потрясённое аханье, даже со стороны авроров.
 Гарри обернулся...

Между Энтони Голдштейном и клеткой стояла сияющая серебряная птица. Она вскинула голову и испустила крик, и крик был тоже серебряный, яркий, твёрдый и прекрасный, как металл.

И что-то в глубине сознания Гарри произнесло: *если это сапсан, я задушу Энтони во сне.*

Заткнись, ответил Гарри, ты хочешь, чтобы мы стали Тёмным волшебником?

А что? Ты и так им станешь рано или поздно.

Это... были не совсем обычные мысли для Гарри...

Эффект плацебо, напомнил Гарри сам себе. Дементор не может добраться до меня через трёх телесных патронусов. Я лишь воображаю то, на что по моему мнению похоже влияние дементора. Когда я встречу с дементором на самом деле, всё будет совершенно по-другому, и тогда я пойму, как глуп я был раньше.

По спине Гарри пробежал холодок. Он чувствовал, что всё действительно будет по-другому, причём не в лучшую сторону.

Пылающий серебряный феникс опять появился из палочки директора. Меньшая птица исчезла, и Энтони Голдштейн пошёл назад.

Вместо того, чтобы выкрикнуть следующее имя, директор зашагал рядом с ним. Патронус остался сторожить дементора.

Гарри бросил взгляд на Гермиону, стоявшую рядом с сияющей пантерой. Гермиона должна была идти после Энтони, но, судя по всему, это откладывалось.

Девочка выглядела подавленной.

Ранее она вежливо попросила Гарри оставить попытки её подбодрить.

Дамблдор слегка улыбался, сопровождая Энтони к остальным. Слегка — потому что он выглядел очень и очень усталым.

— Невероятно, — голос Дамблдора был гораздо слабее, чем его обычный рокот. — Телесный патронус на первом курсе. И поразительное количество успехов среди остальных учеников. Квиринус, я должен признать, что вы доказали свою точку зрения.

Профессор Квиррелл склонил голову:

— Довольно простая догадка, на мой взгляд. Дементор воздействует через страх, а у детей страхов меньше.

— Страхов меньше? — переспросил аврор Горянов со своего места.

— Я тоже удивился, — сказал Дамблдор, — но профессор Квиррелл указал, что у взрослых больше смелости, а не меньше страхов. Эта мысль, признаюсь, не приходила мне раньше в голову.

— Это не совсем точная передача моих слов, — сухо произнёс Квиррелл, — но пусть так. А что насчёт второй части нашего соглашения, директор?

— Как скажете, — неохотно ответил Дамблдор. — Признаюсь, я не ожидал, что проиграю этот спор, Квиринус, но вы доказали свою мудрость.

Все ученики смотрели на них с озадаченным видом. Исключение составляли Гермиона, которая не отрывала взгляд от клетки и высокого существа в гниющем плаще, и Гарри, который следил за всеми, потому что чувствовал себя сегодня параноиком.

Тоном, не подразумевающим дальнейшей дискуссии, профессор Квиррелл произнёс:

— Мне разрешено учить Смертельному проклятию учеников, которые захотят ему научиться. Это позволит им меньше опасаться Тёмных волшебников и прочих неприятных существ. Глупо полагаться на то, что те не знакомы со смертоносной магией, — профессор Квиррелл помолчал, затем его глаза сузились. — Директор, при всём к вам уважении, я хочу заметить, что вы плохо выглядите. Предлагаю вам на остаток дня передать свой пост профессору Флитвику.

Директор покачал головой:

— Осталось уже немного, Квиринус. Я выдержу.

Гермиона подошла к Энтони. Её голос самую малость подрагивал:

— Капитан Голдштейн, вы можете дать мне какой-нибудь совет?

— Главное не бояться, — твёрдо ответил Энтони, — и не думать обо всём том, что оно попытается внушить. Нужно не просто держать свою палочку в качестве щита, а самому атаковать страх движением палочки, заставить его отступить, вот так радостные мысли превращаются во что-то материальное... — он прервался и беспомощно пожал плечами, — Я хочу сказать, я слышал всё это и раньше, но...

Вокруг Энтони начали собираться и другие ученики, у которых тоже были вопросы.

— Мисс Грейнджер? — позвал директор мягким, а может, просто уставшим голосом.

Она выпрямила спину и пошла следом за Дамблдором.

— Что ты видел под плащом? — спросил Гарри у Энтони.

Тот посмотрел с удивлением, но всё же ответил:

— Очень высокий, мёртвый человек, то есть, по форме и по цвету... Смотреть на него было больно, и я знал, что дементор так пытается добраться до меня.

Гарри опять посмотрел туда, где перед клеткой и существом в плаще стояла Гермиона.

Она подняла волшебную палочку, встав в позицию, с которой начинается заклинание.

В мгновение ока, сияющий феникс директора исчез.

Из рта Гермионы вырвался жалкий, тонкий визг, она дёрнулась...

...и сделала шаг назад, Гарри видел как двигается её палочка, как она делает финальный взмах, сопровождаемый словами: «Экспекто Патронум!»

Ничего не произошло.

Гермиона развернулась и побежала.

— *Эспекто Патронум!* — произнёс глубокий голос директора, и перед клеткой вновь засиял серебряный феникс.

Девочка спотыкалась, но всё равно продолжала бежать, из её горла начали вырываться странные звуки.

— Гермиона! — закричали Сьюзен, Ханна, Дафна и Эрни и побежали к ней. В тот же миг Гарри, который как всегда думал на шаг вперёд, сорвался с места и побежал к столу с шоколадом.

Гарри поднёс шоколад к самому рту Гермионы, но даже прожевав и проглотив его, она всё равно плакала, тяжело дышала и смотрела в пустоту.

Она не могла получить неизлечимых повреждений, — он отчаянно цеплялся за спасительную мысль, в то время как жуткий ужас и смертоносная ярость сплетались в его душе, — это невозможно, она подвергалась воздействию дементора менее десяти секунд, и это гораздо меньше безопасных сорока...

Но вслед за этой мыслью пришла другая — её повреждения могли быть временными, потому что нет никаких правил, которые бы гласили, что особо чувствительные люди не успеют получить временных повреждений за десять секунд.

Взгляд Гермионы сфокусировался, она огляделась вокруг и уставилась на него.

— Гарри, — с видимым усилием воскликнула она. Все ученики замерли. — Гарри, нет. Не делай этого!

Неожиданно Гарри охватил страх, он боялся спросить — чего он не должен делать? Неужели именно он был в её худших воспоминаниях или ночных кошмарах, которые теперь преследовали её наяву?

— Не приближайся к нему! — крикнула Гермиона. Она схватила его за отвороты мантии, — Гарри, ты должен держаться от него как можно дальше! Он говорил со мной, Гарри, он ищет тебя, и знает, что ты здесь!

— Что... — спросил было Гарри, но осёкся и мысленно себя обругал.

— Дементор! — Гермиона почти визжала. — Профессор Квиррелл хочет, чтобы он тебя съел!

Все разговоры стихли. Профессор Квиррелл приблизился на пару шагов и остановился (ведь рядом с Гермионой стоял Гарри).

— Мисс Грейнджер, — веско сказал профессор, — я думаю, вам необходимо съесть ещё шоколада.

— Профессор Флитвик, не позволяйте Гарри подходить к дементору, отправьте его в школу!

Подоспевший директор обменялся встревоженными взглядами с профессором Флитвиком.

— Я не слышал, чтобы дементор что-то говорил, — начал Дамблдор. — И тем не менее...

— Просто спросите, — утомлённо предложил профессор Квиррелл.

— Дементор сказал, как он будет поедать Гарри? — спросил директор.

— Сначала самые вкусные части, — ответила Гермиона, — он... он съест...

Гермиона моргнула. Её взгляд немного прояснился.

И она заплакала.

— Вы просто слишком отважны, Гермиона Грейнджер, — мягко, но отчётливо сказал директор. — Гораздо отважней, чем я предполагал. Вам следовало сразу же развернуться и бежать, а не пытаться завершить заклинание. Когда вы станете старше и сильнее, я знаю, вы сделаете ещё попытку, и я уверен, она точно окажется удачной.

— Мне так жаль, — бормотала Гермиона, судорожно глотая воздух, — мне так жаль. Мне... Мне... Гарри, я ужасно сожалею, но я не смогу сказать, что я увидела под плащом, потому что я не смогла посмотреть на него, я знала — это слишком ужасно...

Гарри следовало бы помочь Гермионе подняться, но его руки были в шоколаде, и пока он сомневался, Эрни и Сьюзен подняли её с травы, на которой она лежала, и повели к столику со сладостями.

Спустя пять плиток шоколада, Гермиона уже настолько пришла в себя, что даже попросила прощения у профессора Квиррелла. Тем не менее, она то и дело бросала на Гарри встревоженные взгляды.

Гарри попытался подойти к ней, но она тут же сделала шаг назад, так что от дальнейших попыток он воздержался. Взгляд Гермионы молча просил прощения и так же молча сообщал: мне нужно побыть одной.

* * *

Невилл Лонгботтом видел нечто мёртвое и полуразложившееся, подтекающее, с лицом напоминающим сплюснутую губку.

И, судя по описанию, пока ещё никто не видел ничего более омерзительного. Невиллу удалось произвести своей палочкой небольшое мерцание света, прежде чем он благоразумно и не теряя присутствия духа повернулся и сбежал, решив не пытаться вызвать настоящий патронус.

(Директор ничего не сказал другим ученикам, не советовал никому быть менее храбрым, но профессор Квиррелл спокойно заметил, что если вы совершаете ошибку уже после того, как вас предупредили, то это тот случай, когда невежество переходит в глупость.)

— Профессор Квиррелл? — тихонько спросил Гарри, подойдя к нему так близко, как только осмеливался. — Что вы видите, когда...

— Не спрашивайте, — голос был совершенно безжизненный.

Гарри уважительно кивнул.

— А можно поинтересоваться, что вы сказали директору? Дословно?

— Наши худшие воспоминания с возрастом становятся только хуже, — сухо ответил профессор.

— А, — выдавил Гарри. — Логично.

Что-то странное мелькнуло во взгляде профессора Квиррелла, когда он посмотрел на Гарри.

— Будем надеяться, — сказал Квиррелл, — что в этот раз у вас получится, мистер Поттер. Тогда директор сможет научить вас, как с помощью патронуса посылать сообщения, которые невозможно подделать или перехватить. Военную ценность такого умения невозможно переоценить. Это может стать огромным преимуществом для Легиона Хаоса, а когда-нибудь, я подозреваю, и для всей страны. Но если у вас не получится, мистер Поттер... ну, я это пойму.

* * *

Мораг МакДугал дрожащим голосом сказала «Ой», и Дамблдор тут же вызвал своего патронуса обратно.

Парвати Патил вызвала телесный патронус в виде тигра, который был крупнее, чем феникс Дамблдора, правда, значительно уступал тому в яркости. Все присутствовавшие громко зааплодировали, но такого шока, какой вызвал патронус Энтони, уже не было.

А затем настала очередь Гарри.

Директор назвал его имя, и Гарри ощутил страх.

Гарри знал, он знал, что провалит попытку, и он знал, что это будет больно.

Тем не менее, он должен был попробовать, потому что иногда, в присутствии дементора, волшебнику, который ранее не мог произвести даже искорки света, удавалось вызвать полный телесный патронус, и никто не понимал, почему.

И если Гарри не сможет защититься от дементора, он всё равно должен уметь распознать его приближение, узнать это ощущение и сбежать пока не поздно.

Какое же у меня худшее воспоминание?..

Гарри ожидал, что директор посмотрит на него с беспокойством или с надеждой или даст мудрый совет, но Альбус Дамблдор лишь наблюдал за ним с тихим спокойствием.

Он тоже считает, что я проважусь, но он не станет говорить об этом, чтобы не подорвать мою уверенность. Если бы у него были верные слова поддержки, он бы их сказал...

Клетка приблизилась. Её металл уже потускнел, но пока ещё не был повреждён.

Плащ приблизился. Он почти разваливался, и в нём зияли про-
рехи, хотя, по словам аврора Горянова, ещё утром плащ был новым.

— Директор? — произнес Гарри. — Что вы видите?

Голос директора был спокоен, как и его вид.

— Дементоры — существа, сотканные из страха, по мере того, как твоя боязнь дементора уменьшается, уменьшается и отвратительность его вида. Я вижу высокого, худого, обнажённого человека. Он не разлагается. Просто на него немного неприятно смотреть. Это всё. А что видишь ты, Гарри?

...Под плащом Гарри не увидел ничего.

Вернее, это его разум отказывался видеть что-либо под плащом...

Нет, его разум пытался увидеть под плащом что-то очень неправильное, Гарри чувствовал, как его глаза пытаются совершить ошибку. Но он заранее приложил массу усилий, чтобы натренироваться замечать подобные крохотные ощущения замешательства, натренироваться отмахиваться от попыток подделать реальность.

Каждый раз, когда его разум пытался придумать какую-то ложь относительно того, что же было под плащом, этот выработанный рефлекс быстро его останавливал.

Гарри смотрел под плащ и видел...

Непростой вопрос. Гарри не позволял себе увидеть что-то ложное, и потому он не видел ничего, будто отмерла часть коры мозга, отвечающая за зрение. Под плащом было слепое пятно. Гарри не мог узнать, что же там было на самом деле.

Он только знал, что это было хуже любой разлагающейся мумии.

Непознаваемый ужас под плащом был уже совсем близко, но белый феникс, сияющая птица из лунного света, всё ещё разделял их.

Гарри захотелось сбежать, как уже сбежали некоторые ученики. Половина тех, у кого не получилось вызвать патронус на первом занятии, сегодня попросту не пришла. Из оставшихся половина сбежала прежде, чем директор убрал свой патронус, и никто не сказал им ни слова. Когда Терри повернулся и ушёл ещё до того, как наступила его очередь, раздалась редкие смешки, но Ханна со Сьюзен, уже отказавшиеся от своей попытки, крикнули остальным заткнуться.

Но Гарри был Мальчиком-Который-Выжил, и если он сдастся даже не попробовав, то заметно упадёт в глазах окружающих.

Однако гордость и статус, как оказалось, сильно обесценились в присутствии того, что находилось под плащом.

Почему я всё ещё здесь?

Не стыд за возможную трусость удерживал ноги Гарри.

Не надежда на восстановление репутации заставила его поднять палочку.

Не желание овладеть заклинанием Патронуса сдвинуло его пальцы в исходную позицию.

Это было что-то другое, что-то, что просто обязано было противопоставить себя той крошечной тьме под плащом. Гарри должен был проверить, есть ли в нём силы отбросить эту тьму.

Сначала Гарри собирался последний раз попробовать воспоминание о покупке книг отцом, но в последнюю минуту, уже стоя перед дементором, он решил использовать другое воспоминание, которое он ещё не пробовал. Это воспоминание не было тёплым и счастливым в обычном смысле, но почему-то он чувствовал, что оно подойдёт лучше.

Гарри вспомнил звёзды, ужасно яркие, немигающие, сияющие в безвременной пустоте. Он позволил этой картине заполнить себя, заполнить целиком, как барьер окклюменции, закрывающий весь разум, он потерял тело и вновь стал чистым созерцанием пустоты.

Яркий, сияющий серебром феникс исчез.

И дементор врезался в его разум, как кулак бога.

СТРАХ / ХОЛОД / ТЬМА

На мгновенье, когда две силы столкнулись, мирные воспоминания о сияющих звёздах выдержали давление страха, а пальцы Гарри начали совершать натренированные до автоматизма движения палочкой. Они не были тёплыми и счастливыми, эти сияющие точки света в абсолютной черноте, но именно этот образ задержал дементора. Ибо безмолвные горящие звёзды громадны и не ведают страха, их природное состояние — светить в холоде и тьме.

Но был изъян, трещина, слабое место в этом статичном образе, противостоявшем неудержимой силе. Гарри почувствовал вспышку гнева, когда дементор попытался присосаться к нему и будто поскользнулся на мокром льду. Его мысли начали съезжать в сторону, к горечи, чёрной ярости, смертельной ненависти...

Наступило время сделать финальный выпад.

Он почувствовал фальшь.

— *Экспекто Патронум*, — прозвучали пустые, бессмысленные слова.

И Гарри провалился в свою Тёмную Сторону, глубже и глубже, быстрее и дальше, чем когда-либо, вниз, вниз, вниз, ускоряясь по мере того, как дементор вцепился и стал пожирать неприкрытые, уязвимые части его разума, выедавая свет. Угасающий рефлекс цеплялся за остатки тепла, но даже когда к нему пришли образы Гермiony, мамы и папы, дементор извратил их, показал ему Гермiony, лежащую мёртвой, трупы его мамы и папы, а затем и это было высосано без остатка.

В этом вакууме просыпались воспоминания, худшие воспоминания, нечто забытое так давно, что эти нейронные цепи вообще не должны были сохраниться.

— *Лили, хватай Гарри и уходи! Это он!* — кричал какой-то мужчина. — *Уходи! Беги! Я задержу его!*

В пустых глубинах своей Тёмной Стороны Гарри не мог не подумать, каким невообразимо самоуверенным был Джеймс Поттер. Задержать Лорда Волдеморта? Чем?

Затем послышался другой голос, резкий и пронзительный, как свисток чайника. Каждый нерв Гарри будто обложили сухим льдом, будто к телу прикоснулся металл, охлаждённый жидким гелием.

И этот голос произнес:

— *Авадакедавра.*

(Палочка выпала из ослабших пальцев мальчика, тело упало и забилося в конвульсиях. Глаза Дамблдора в тревоге расширились, и он начал вызывать свой патронус).

— Только не Гарри, нет, пожалуйста, только не Гарри! — закричала женщина.

Нечто, оставшееся от Гарри, лишённое света, в мёртвой пустоте своего сердца слушало и удивлялось: неужели она думала, что Лорд Волдеморт остановится, если его вежливо попросить?

— В сторону, женщина! — раздался пронзительный, обжигающий холодом голос. — Ты мне не нужна, мне нужен только мальчишка.

— Только не Гарри! Пожалуйста... пощадите... пощадите...

Лили Поттер, подумал Гарри, казалось, не понимала, из какого сорта людей получают Тёмные лорды. И если это было лучшей стратегией спасения жизни своего ребёнка, которую она могла придумать, то произошедшее — её окончательный провал как матери.

— Я даю тебе редкий шанс сбежать, — ответил пронзительный голос. — У меня нет причин тратить на тебя время, и твоя смерть не спасёт ребёнка. Прочь, глупая женщина, если у тебя есть хоть капля здравого смысла!

— Только не Гарри, нет, пожалуйста, возьмите меня, убейте меня вместо него!

Пустота, которая была Гарри, опять удивилась: неужели Лили Поттер серьёзно надеялась, что Лорд Волдеморт ответит «Да», убьёт её и оставит ребёнка невредимым?

— Прекрасно, — послышался голос смерти, теперь с нотками холодного веселья. — Я принимаю твои условия. Тебе — умереть, а ребёнку — жить. А теперь брось палочку, чтобы я мог убить тебя.

Повисла жуткая тишина.

Лорд Волдеморт засмеялся ужасным презрительным смехом.

А затем, голос Лили Поттер вскрикнул в отчаянной ненависти

— Авада ке...

Голос, несущий смерть, закончил первым, проклятием быстрым и точным.

— Авадакедавра.

Ослепительная зелёная вспышка отметила смерть Лили Поттер.

А мальчик в колыбельке увидел их. Глаза. Сверкающие ярко-красные глаза, светящиеся, как маленькие солнца. Встретившись с глазами Гарри, они заполнили собой всё пространство...

* * *

Другие дети увидели, как Гарри Поттер упал, они услышали его крик, тонкий, пронзительный, режущий уши, словно ножом.

Директор крикнул *«Эспекто Патронум!»*, и в яркой серебряной вспышке возродился сияющий феникс.

Но ужасный крик Гарри Поттера продолжался и продолжался, даже когда директор поднял его на руки и понёс прочь от дементора, даже когда Невилл и профессор Флитвик одновременно бросились за шоколадом и...

Гермиона узнала, она моментально узнала свой кошмар, который теперь становился реальностью, каким-то образом он становился правдой.

— Дайте ему шоколад! — запоздало потребовал профессор Квиррелл. Маленькая фигурка профессора Флитвика уже метнулась навстречу бегущему директору.

Гермиона тоже побежала к ним, хоть и не знала, чем она может помочь...

— Вызовите патронусов! — крикнул директор, поднося Гарри к месту, где стояли авроры. — Все, кто может! Поставьте их между Гарри и дементором! Он всё ещё пожирает его!

На миг все замерли в ужасе.

— *Эспекто Патронум!* — крикнули профессор Флитвик и аврор Горянов, а затем и Энтони Голдштейн, правда, сначала у него не получилось, а потом Парвати Патил, первая же попытка которой увенчалась успехом. Энтони попробовал ещё раз — его серебряная птица расправила крылья и крикнула на дементора. Дин Томас прорычал слова заклинания, будто они были написаны огнём, и его палочка дала жизнь огромному белому медведю. Восемь пылающих патронусов встали между Гарри и дементором. Дамблдор положил мальчика на высохшую траву, но крик Гарри всё не смолкал.

Гермиона не могла вызвать патронуса, поэтому она просто побежала к лежащему мальчику. Мысленно она пыталась понять, как долго Гарри уже кричит. Двадцать секунд? Дольше?

Лицо Альбуса Дамблдора выражало страшное страдание и замешательство. В его руках была длинная чёрная палочка, но он не про-

износил никаких заклинаний, только в ужасе смотрел на тело Гарри, быющее в конвульсиях...

Гермиона не знала, что делать, она не знала, что делать, она не понимала, что происходит, и самый могущественный волшебник в мире, казалось, был растерян не меньше её.

— Используйте своего феникса! — прорычал профессор Квиррелл. — Заберите его подальше от дементора!

Без единого слова директор поднял Гарри и исчез во вспышке пламени вместе с внезапно появившимся Фоуксом. Патронус директора тоже исчез с того места, где охранял дементора.

Ужас, замешательство и внезапные перешёптывания.

— Мистер Поттер поправится, — повысил голос профессор Квиррелл, но его тон вновь был спокойным. — Думаю, прошло чуть больше двадцати секунд.

А затем ослепительный белый феникс появился вновь, как будто он прилетел откуда-то, существо из лунного света возникло перед Гермионой и прокричало её голосом Альбуса Дамблдора:

— Он всё ещё пожирает его, даже здесь! Как? Если тебе это известно, Гермиона Грейнджер, ты должна сказать мне! Говори!

Старший аврор уставился на неё, как и многие ученики. Профессор Флитвик не повернулся, он держал свою палочку нацеленной на профессора Квиррелла, который подчёркнуто держал свои руки на виду.

Медленно тянулись секунды, которые уже никто не считал.

Она не могла вспомнить, она не могла чётко вспомнить свой кошмар, она не могла вспомнить, почему она считала его таким реальным, почему она боялась...

Гермиона осознала, что именно ей следует сделать, и это было тяжелейшим решением в её жизни.

Что если с Гарри случилось то же самое, что и с ней?

Её руки и ноги были холодны, как смерть, мир вокруг потемнел, страх переполнял её. Она видела Гарри умирающим, маму с папой умирающими, всех своих друзей умирающими, все умирали, и в самом конце она тоже умирала, одна, совсем одна. Это был её тайный кошмар, о котором она никому никогда не говорила, это он дал дементору власть над ней, умереть в одиночестве — что может быть страшнее.

Она не желала снова попадать в то место, она не хотела, она не хотела оставаться там навечно...

— В тебе достаточно храбрости для Гриффиндора, — произнёс спокойный голос Распределяющей шляпы в её памяти, — но ты будешь делать то, что правильно, на любом факультете, который

я тебе предложу. Ты будешь учиться, ты будешь помогать своим друзьям на любом факультете, который ты выберешь. Так что не бойся, Гермиона Грейнджер, просто реши, где твоё место...

На раздумья не было времени, Гарри умирал.

— Сейчас я не могу вспомнить, — хрипло ответила Гермиона, — подождите, я подойду к дементору ещё раз...

Она побежала к клетке.

— Мисс Грейнджер! — пропищал профессор Флитвик, но не попытался её остановить, он продолжал держать свою палочку нацеленной на профессора Квиррелла.

— Вы, все! — крикнул аврор Комодо командирским голосом. — Уберите патронусы с её пути!

— ФЛИТВИК! — заорал профессор Квиррелл. — ПРИЗОВИТЕ ПАЛОЧКУ ПОТТЕРА!

Гермиона ещё не успела осмыслить сказанное, а профессор Флитвик уже закричал «*Акцио!*», и она увидела, как палочка, лежавшая рядом с клеткой дементора, взмывает в воздух.

* * *

Глаза открылись, мёртвые и пустые.

— Гарри! — выдохнул какой-то голос в мире без цвета. — Гарри! Поговори со мной!

В поле зрения, прежде заполненном отдалённым мраморным потолком, появилось склонившееся лицо Альбуса Дамблдора.

— Ты раздражаешь, — произнёс пустой голос. — Уми.

Глава 44

Человечность. Часть 2

- **Ф**оукс, — срывающимся голосом обратился к кому-то Альбус Дамблдор, — помоги ему, пожалуйста...

В поле зрения появилось сверкающее красно-золотое существо — посмотрело недоумённо и начало петь.

Бессмысленное чириканье соскальзывало с пустоты: в ней не было ничего, за что эти звуки могли бы зацепиться.

— Ты шумишь, — сказал голос, — умри.

— Шоколад, тебе нужен шоколад, а ещё твои друзья, но я не смею вернуть тебя туда...

Затем появился сияющий ворон и что-то сообщил голосом профессора Флитвика, после чего Альбус Дамблдор ахнул во внезапном осознании и громко проклял собственную глупость.

Пустое нечто посмеялось над этим, поскольку оно сохранило способность веселиться.

В следующий момент все они исчезли в ещё одной вспышке пламени.

* * *

Казалось, лишь мгновение прошло между исчезновением ворона Флитвика и возвращением Альбуса Дамблдора, который появился во вспышке красного и золотого огня, держа на руках Гарри, однако за это время Гермионе удалось набрать полные горсти шоколадок. Но прежде чем она успела подойти, шоколад уже летел со стола прямо в рот Гарри. Крошечная часть её сознания заявила, что это нечестно, ведь у Гарри была возможность принести его ей в руках.

Гарри вновь выплюнул шоколад.

— Уйдите, — голос был настолько пуст, что даже холоду в нём не было места.

Единственное мёртвое слово остановило всякое движение. Все, кто торопился к Гарри, застыли на месте.

А потом:

— Нет, — сказал Альбус Дамблдор, — Я не уйду.

Время вновь пошло, и следующий кусок шоколада взмыл со стола ко рту Гарри.

Гермиона уже подошла достаточно близко, чтобы заметить, как выражение лица Гарри становилось всё более ненавидящим по мере того, как его рот пережёвывал шоколад в механическом, неестественном ритме.

Голос директора прозвучал твёрдо как сталь:

— Филиус, вызови Минерву, попроси её явиться как можно скорее.

Профессор Флитвик что-то прошептал своему серебряному ворону — тот взмахнул крыльями и исчез.

Ещё один кусок шоколада влетел в рот Гарри, и механическое пережёвывание продолжилось.

Директор, не отрываясь, мрачно смотрел на Гарри. Вокруг собиралось всё больше учеников: Невилл, Симус, Дин, Лаванда, Эрни, Терри, Энтони, но никто не осмеливался подойти ближе, чем Гермиона.

— Чем мы можем помочь? — спросил Дин дрожащим голосом.

— Отойдите и дайте ему больше пространства... — сухо посоветовал профессор Квиррелл.

— Нет! — прервал его директор, — Вокруг должны быть его друзья.

Гарри проглотил шоколад и произнёс всё тем же пустым голосом:

— Они глупы. Пусть умрутмфф... — следующий кусок шоколада залетел ему в рот.

Гермиона увидела, как на лицах остальных учеников появилось потрясение.

— Он же не серьёзно, правда? — словно умоляя спросил Симус.

— Вы не понимаете, — голос Гермионы срывался — это не Гарри... — она осеклась, чтобы не выболтать всё остальное, но она должна была сказать хоть что-то.

По выражениям лиц было ясно, что из всех присутствующих смысл дошёл только до Невилла. Если Гарри действительно никогда не думал ничего подобного, то как менее чем минутное воздействие дементора могло заставить его произнести такие слова? Вот что, вероятно, думали остальные.

Менее чем минутное воздействие дементора не может создать совершенно новую злобную личность внутри человека на пустом месте.

Но если эта личность уже была там...

Знает ли директор?

Гермиона взглянула на директора и обнаружила, что Альбус Дамблдор уставился на неё, и взгляд его голубых глаз внезапно стал пронзительным...

Голос директора пришёл в её разум:

— *Молчи об этом.*

— *Вы знаете,* — думала Гермиона. — *О его Тёмной Стороне.*

— *Я знаю. Но сейчас он ушёл ещё дальше. Песнь Фоукса не может достичь его там, где он затерялся.*

— *Что мы можем...*

— *У меня есть план,* — пришла мысль директора. — *Терпение.*

Что-то в этих словах заставило Гермиону занервничать.

— *Что за план?*

— *Тебе лучше не знать,* — ответил директор.

Теперь Гермиона занервничала по-настоящему. Она не знала, насколько много директору известно о Тёмной Стороне Гарри...

— *Верно замечено,* — пришло от директора. — *Сейчас я скажу тебе. Приготовься, чтобы не среагировать. Ты готова? Хорошо. Я собираюсь притвориться, что бросаю Смертельное проклятие в профессора МакГонагалл... НЕ РЕАГИРУЙ, Гермиона!*

Невозмутимость потребовала усилий. Директор и вправду сумасшедший! Гарри из его Тёмной Стороны так не вытащить, он лишь совершенно рассвирепеет и попробует директора убить...

— *Это уже не будет кромешной тьмой,* — пришёл ответ. — *Он проявит стремление защитить, проявит любовь. Фоукс сможет добраться до него. А увидев, что Минерва жива, Гарри вернётся полностью.*

У Гермионы появилась идея...

— *Сомневаюсь, что это сработает,* — мысленно ответил директор, — *и тебе может не понравиться его реакция. Но ты можешь попробовать, если хочешь.*

Но она же подумала это не всерьёз! Это было слишком...

Она отвела взгляд от директора и снова посмотрела на мальчика. Его пустые глаза скользили по окружающим, выражая лишь презрение, в то время как его рот продолжал жевать и глотать шоколадку за шоколадкой, безо всякого эффекта. Её сердце сжалось и внезапно многое перестало иметь значение, важным остался только имеющийся шанс.

* * *

Его принуждали жевать и глотать шоколад. Ответом на принуждение было убийство.

Вокруг собрались и глазели люди. Это раздражало. Ответом на раздражение было убийство. На заднем плане кто-то ещё перешёптывался. Это было нагло. Ответом на наглость была боль, но так как они все бесполезны — проще их убить.

Убить всех этих людей будет сложно. Но многие из них не доверяют Квирреллу, который силён. Если найти правильный подход, они все могут убить друг друга.

А затем кто-то приблизился, загородив всё поле зрения, и сделал что-то совершенно странное, что-то принадлежащее какому-то чуждому образу мысли, и где-то хранился один единственный возможный ответ на это...

* * *

Со всех сторон слышались судорожные вздохи, но это не имело значения. Она не отрывалась от измазанных в шоколаде губ. На её глазах выступили слёзы.

Руки Гарри взметнулись и оттолкнули её. Раздался высокий, на грани визга вскрик:

— Я же тебе говорил, никаких поцелуев!

* * *

— Думаю, теперь с ним всё будет хорошо, — сообщил директор, поглядывая на Гарри, который рыдал, издавая громкие жалкие всхлипы, пока Фоукс пел ему свою песню. — Превосходная работа, мисс Грейнджер. Знаете, даже я не ожидал, что у вас получится.

Песня феникса, хоть и не предназначенная Гермионе, приносила утешение, в котором она сейчас отчаянно нуждалась, потому что её жизнь можно было официально считать законченной.

Глава 45

Человечность. Часть 3

Песнь Фоукса понемногу затихла. Гарри приподнялся на пожухлой траве и сел. Фоукс остался на его плече.

Люди вокруг затаили дыхание.

— Гарри, — дрожащим голосом спросил Симус, — ты в порядке?

Гарри всё ещё ощущал умиротворение, принесённое фениксом, и исходящее от него тепло. Оно распространялось по всему телу, а присутствие феникса не давало забыть песню. Он пережил ужасные события, ужасные мысли прошли через его сознание. Дементор вернул ему воспоминания о том, что невозможно было вспомнить, но осквернил их. Странное слово не выходило у него из головы. Но сейчас, пока красно-золотое сияние феникса перекликалось с цветами заходящего солнца, всё остальное могло подождать.

Фоукс что-то ему прокричал.

— Мне нужно что-то сделать? — переспросил Гарри. — Что?

Фоукс сделал выпад клювом в сторону дементора.

Гарри недоумённо посмотрел в сторону непознаваемого ужаса в клетке, затем перевёл взгляд обратно на феникса.

— Мистер Поттер? — раздался позади голос профессора МакГонагалл. — С вами всё хорошо?

Гарри встал на ноги и обернулся.

Минерва МакГонагалл крайне обеспокоенно смотрела на него, стоявший рядом Альбус Дамблдор не отводил внимательного, изучающего взгляда, Филиус Флитвик глядел с огромным облегчением, а ученики просто таращились на Гарри во все глаза.

— Полагаю, да, профессор МакГонагалл, — спокойно ответил Гарри. Он чуть было не сказал «Минерва», но успел себя одёрнуть. По крайней мере, пока на его плече сидел Фоукс — Гарри был в порядке. Возможно, он свалится, как только феникс покинет его,

но почему-то эта мысль сейчас не казалась важной. — Думаю, со мной всё хорошо.

Самое время для слов ободрения, вздохов облегчения или чего-то в этом роде, но никто не знал, что сказать. Вообще никто.

Умиротворение от присутствия феникса не исчезало.

Гарри обернулся.

— Гермiona?

Все, у кого в сердце была хоть капелька романтики, затаили дыхание.

— Я не знаю, как тебя поблагодарить. И точно так же не знаю, как извиниться, — тихо произнёс Гарри. — Всё, что могу сказать: если ты не уверена, правильно ли ты поступила, не сомневайся — ты всё сделала правильно.

Мальчик с девочкой обменялись взглядами.

— Прости, — сказал Гарри. — За то, что случится дальше. Если я чем-то могу помочь...

— Нет, — отозвалась Гермiona. — Не можешь. Но ничего страшного.

Она отвернулась от Гарри и пошла прочь, к тропинке, ведущей к воротам Хогвартса.

Многие девочки озадаченно посмотрели на Гарри и последовали за ней. Было слышно, как на ходу начинаются взволнованные расспросы.

Гарри проводил их взглядом и повернулся к остальным ученикам. Они видели, как он валялся на земле, кричал от ужаса, и...

Фоукс легонько ткнулся клювом в его щёку.

...и однажды понимание того, что Мальчику-Который-Выжил тоже может быть больно и плохо, им пригодится. Если они попадут в похожую ситуацию, то смогут вспомнить, как Гарри корчился на земле, и понять: если тебе больно и плохо, это ещё не означает, что ты ни на что не годен. Может, на это и рассчитывал директор, позволив им остаться и наблюдать?

Гарри рассеянно перевёл взгляд на высокую фигуру в истрёпанном плаще и сказал, не осознавая что говорит вслух:

— Оно не должно существовать.

— А, — отозвался чёткий, сухой голос. — Я предполагал, что вы это скажете. Мне очень жаль сообщать вам об этом, мистер Поттер, но дементора невозможно убить. Многие пытались.

— Правда? — всё так же рассеянно спросил Гарри. — Что они пробовали?

— Существует одно заклинание, крайне опасное и разрушительное, — сказал профессор Квиррелл. — Я не стану называть его здесь. Это заклинание проклятого огня. Им можно уничтожать древние артефакты, вроде Распределяющей шляпы. На дементоров оно не действует. Они бессмертны.

— Они не бессмертны, — мягко сказал директор. Но взгляд его был пронзителен. — Они не обладают вечной жизнью. Они — раны мира. Попытка разрушить рану лишь сделает её шире.

— Хм, — сказал Гарри. — А если забросить дементора на Солнце? Что с ним станет?

— Бросить его на Солнце?! — пискнул профессор Флитвик. Казалось, он сейчас упадёт в обморок.

— Вряд ли с Солнцем что-то случится, мистер Поттер, — сухо ответил профессор Квиррелл. — В конце концов, оно очень велико. Я сомневаюсь, что дементор окажет на него сколько-нибудь заметное воздействие. Но на всякий случай, мистер Поттер, я не стал бы это проверять.

— Ясно, — кивнул Гарри.

Фоукс крикнул в последний раз, расправил крылья у Гарри над головой и взмыл прямо навстречу дементору. Пронзительный вызывающий клич феникса эхом разлетелся над полем. И, прежде чем кто-либо успел отреагировать, птица исчезла во вспышке пламени.

Чувство умиротворения немного поблекло.

Ощущение тепла немного рассеялось.

Гарри глубоко вдохнул и выдохнул.

— Ага, — сказал он. — Всё ещё жив.

И снова эта тишина, никаких радостных возгласов. Казалось, никто не знает, как реагировать...

— Приятно узнать, что вы полностью поправились, мистер Поттер, — твёрдо сказал профессор Квиррелл, словно отменяя все другие варианты. — Что ж, следующей, кажется, должна была идти мисс Рэнсом?

Последовал небольшой спор, в котором профессор Квиррелл был прав, а все остальные — нет. Профессор Защиты заметил, что, несмотря на понятные чувства всех заинтересованных лиц, вероятность повторения подобного несчастья с любым другим учеником бесконечно мала. Особенно с учётом того, что теперь они будут избегать подобных неудачных случаев с волшебными палочками. К тому же остальным ученикам тоже надо попробовать

создать полноценного патронуса или хотя бы запомнить ощущение присутствия дементора и узнать собственную степень уязвимости, чтобы они могли вовремя сбежать...

В итоге обнаружилось, что всё ещё хотят подойти к дементору лишь гриффиндорцы Дин Томас и Рон Уизли. Это существенно упростило дело.

Гарри бросил взгляд в сторону дементора. Странное слово снова отозвалось у него в голове.

Ну ладно, — подумал он про себя, — если дементор — загадка, то каков ответ?

И, стоило поставить вопрос так, ответ стал очевиден.

Гарри взглянул на тусклую клетку. Местами прутья уже начали истончаться.

Он увидел, что скрывается под длинным истрёпанным плащом.

Вот оно.

К нему подошла профессор МакГонагалл. самого плохого она не застала, так что уголки её глаз были влажными лишь самую малость. Гарри сказал, что хотел бы позже поговорить с ней и задать один вопрос, но если она занята, это можно и отложить. У неё был вид человека, которого явно оторвали от чего-то важного. Гарри указал на это и попросил её не чувствовать себя виноватой, если ей необходимо сейчас уйти. Профессор одарила его несколько резким взглядом, но действительно поспешно удалилась, пообещав поговорить с ним позднее.

Дин Томас вызвал своего белого медведя, даже приблизившись к клетке. А Рон Уизли выдал вполне сносный щит из сверкающего тумана. На этом всё, что касалось учебного дня, завершилось, и профессор Флитвик повёл учеников обратно в Хогвартс. Когда стало ясно, что Гарри собирается остаться, профессор Флитвик бросил на него вопросительный взгляд. Гарри, в свою очередь, со значением глянул на Дамблдора. Неясно, что профессор Флитвик из этого заключил, но, выдав Гарри последний предупреждающий взгляд, декан Когтеврана всё-таки ушёл.

Наконец у клетки остались Гарри, профессор Квиррелл, директор Дамблдор и тройка авроров. И от последних было бы неплохо каким-то образом избавиться, но Гарри не приходило в голову хорошего способа это сделать.

— Ладно, — сказал аврор Комодо, — пора везти его назад.

— Извините, — обратился Гарри. — Я бы хотел попробовать ещё раз.

Просьба Гарри встретила определённый протест, суть которого сводилась к фразе «Да ты совсем рехнулся!», хотя настолько прямо высказался лишь аврор Бутнару.

— Фоукс сказал мне это сделать, — добавил Гарри.

Это не смогло заглушить всех протестов, несмотря на то, что на лице Дамблдора отразился настоящий шок. Спор развернулся снова, и это начало потихоньку истощать запасы умиротворения, которым одарил его феникс. Гарри расстроился, но лишь немного.

— Слушайте, — сказал он, — я абсолютно уверен, что знаю, что я сделал не так в прошлый раз. Бывают люди, которым нужны счастливые мысли иного рода. Просто дайте мне попробовать ещё разок, хорошо?

Это тоже никого не убедило.

— Я думаю, — произнёс наконец профессор Квиррелл, уставившись на Гарри сузившимися глазами, — что, не разреши мы ему сделать этого под нашим присмотром, он может рано или поздно сбежать и попробовать отыскать себе дементора самостоятельно. Или я вас несправедливо обвиняю, мистер Поттер?

За этим последовала потрясённая тишина. Похоже, самое время выложить козырь.

— Директор может оставить своего патронуса, я не против, — сказал Гарри. *Потому что я всё равно буду находиться в присутствии дементора, с патронусом или без.*

Возникло замешательство, даже профессор Квиррелл выглядел сбитым с толку. Но директор наконец согласился, поскольку Гарри вряд ли могло задеть сквозь заслон из четырёх телесных патронусов.

Если бы воздействие дементора блокировалось полностью, Альбус Дамблдор, вы бы тогда не видели того обнажённого человека, на которого больно смотреть...

Гарри, по очевидной причине, не стал говорить этого вслух.

Они пошли в сторону дементора.

— Директор, — сказал Гарри, — представьте, что дверь Когтеврана задала вам загадку: «Что кроется в центре дементора?». Что бы вы сказали?

— Страх, — ответил директор.

Это была достаточно понятная ошибка. Вот приближается дементор, и вместе с ним приходит страх. Страх ранит, человек чувствует, что слабеет от страха, хочет, чтобы страх исчез...

Естественно думать, что вся проблема в страхе.

Поэтому считается, что дементор — создание чистого страха, что в нём нет ничего страшного, кроме самого страха, что дементор не может навредить тебе, если ты не боишься...

Но...

Что кроется в центре дементора?

Страх.

Что настолько ужасно, что разум отказывается это видеть?

Страх.

Что невозможно убить?

Страх.

...если подумать, это не слишком похоже на отгадку.

Хотя вполне очевидно, почему люди не спешили придумывать другие ответы.

Страх понятен.

Люди знают — со страхом можно справиться.

Поэтому, когда стоишь рядом с дементором, очень неудобно задавать себе вопрос: «А что, если страх — всего лишь побочный эффект?».

Они успели подойти очень близко к клетке дементора, охраняемой четырьмя патронусами. И вдруг все три аврора и профессор Квиррелл поражённо вздохнули. Все лица повернулись к дементору, казалось, все во что-то вслушивались. На лице аврора Горянова читался ужас.

Потом профессор Квиррелл с ожесточённым выражением на лице поднял голову и плюнул в сторону дементора.

— Полагаю, ему не понравилось, что у него отобрали добычу, — тихо сказал Дамблдор. — Что ж, если возникнет необходимость, Квиринус, для вас всегда найдётся убежище в Хогвартсе.

— Что он сказал? — спросил Гарри.

Все уставились на него.

— Ты разве не слышал?.. — сказал Дамблдор.

Гарри помотал головой.

— Он сказал мне, — произнёс профессор Квиррелл, — что он знает меня и выследит однажды, где бы я ни прятался. — Его лицо застыло, не выказывая страха.

— А, — сказал Гарри. — Я бы не слишком об этом беспокоился, профессор Квиррелл.

Вряд ли дементоры на самом деле могут говорить или думать. Их форма берётся из нашей собственной головы, наших ожиданий...

Теперь уже все посмотрели на него очень удивлённо. Авроры бросали нервные взгляды то на дементора, то на Гарри.

И все они встали прямо перед клеткой.

— «Они — раны мира», — процитировал Гарри. — Позвольте предположить: эти слова принадлежат Годрику Гриффиндору?

— Да... — ответил Дамблдор. — Как ты узнал?

Типичное заблуждение, — подумал Гарри, — считать, что всех лучших рационалистов распределяют в Когтевран, и другим факультетам ничего не достаётся. Это не так. Распределение в Когтевран означает лишь, что твоя самая сильная сторона — любопытство и страстное желание найти истину. Но это не единственное качество, которым должен обладать рациональный человек. Иногда нужно усердно работать над интересующим тебя вопросом, уметь продолжать работу во что бы то ни стало. Иногда нужен хитроумный план, чтобы всё выяснить. А иногда нужнее всего бывает смелость, чтобы честно признать ответ...

Гарри перевёл взгляд на то, что крылось под плащом: ужас куда страшнее любой разлагающейся мумии. Ровена Когтевран, возможно, тоже знала ответ, потому что он достаточно очевиден, если представить это как загадку.

И так же очевидно было, почему патронусы принимают форму животных. Животные не знают, и потому свободны от этого страха.

Но Гарри — знает и никогда не сможет забыть. Он долгое время старался приучить разум признавать действительность, не отворачиваясь, и, хоть Гарри не до конца освоил это искусство, всё же эти усилия были ему привычны, у него был введшийся рефлекс идти навстречу болезненным мыслям, вместо того чтобы прятаться от них. Гарри никогда не сможет взять и забыть, просто подумав о чём-нибудь другом, тёплом и радостном. Вот почему у него не работали эти чары.

Тогда Гарри подумает о чём-нибудь тёплом, радостном, но не другом.

Гарри вытащил волшебную палочку, которую ему вернул профессор Флитвик, и принял исходную стойку для создания патронуса.

Он очистил разум от остатков умиротворения феникса, отодвинул спокойное, мечтательное состояние, вспомнил вместо этого пронзительный клич Фоукса и поднял себя на бой. Вынудил себя полностью очнуться. Собрал в кулак все силы, которые только могли напитать эти чары, постарался войти в нужное состояние для того тёплого и радостного чувства, которое ему было нужно. Вспомнил самые светлые события своей жизни.

Книги, которые купил ему отец.

Улыбку мамы, когда Гарри вручил ей собственноручно сделанную открытку на день матери. На тщательно продуманную схему ушло полфунта запчастей из гаража и три дня работы, зато открытка перемигивалась огоньками и пиликала коротенькую мелодию.

Профессора МакГонагалл, когда она рассказывала ему, что его родители погибли достойно, защищая его. И это действительно было так.

Тот миг, когда он понял, что Гермиона может учиться и работать наравне с ним и даже быстрее, что они могут быть достойными соперниками и настоящими друзьями.

То, как он выводил Драко из темноты незнания и наблюдал за его первыми самостоятельными шагами к свету.

Невилла, и Симуса, и Лаванду с Дином, и всех остальных, кто восхищался им, всех, за кого он стал бы сражаться, если бы Хогвартсу что-то угрожало.

Всё, что делало его жизнь стоящей.

Его палочка поднялась в исходное положение заклинания патронуса.

Гарри подумал о звёздах, о том образе, который почти удержал дементора даже без защиты патронуса. Только на этот раз Гарри добавил недостающий кусочек. Он никогда не видел её своими глазами, только на картинках и в фильмах, — Землю, ярко горящую голубым и белым отражённым солнечным светом посреди чёрной пустоты и сверкающих ярких точек. Она должна была попасть в этот образ, потому что именно она придавала смысл всему остальному. Земля — вот что делало звёзды значимыми, делало их чем-то большим, чем неуправляемые термоядерные реакторы, потому что именно Земля однажды колонизирует галактику и подарит смысл ночному небу.

Будут ли им всё ещё досаждают дементоры, детям детей их детей, дальним потомкам человеческого рода, когда они будут шагать от звезды к звезде? Нет. Конечно же, нет. Дементоры — лишь небольшая помеха, практически незаметная в свете этого будущего. Они вовсе не неуязвимы, их можно уничтожить. С этими небольшими помехами приходится мириться, если ты принадлежишь к числу тех, кому повезло и не повезло родиться на Земле, родиться одним из крохотной горстки разумных созданий в начале времён, до того как разумная жизнь вступила в полную силу, на Старой Земле, как когда-нибудь станут её называть. Родиться в час рассвета, когда твои действия могут влиять на ход истории, когда ещё столько тьмы нужно побороть, в том числе справиться с такими мелкими помехами, как дементоры.

Мама и папа, дружба с Гермионой и обучение Драко, Невилл, и Симус, и Лаванда, и Дин, синее небо и сияющее Солнце, Земля, звёзды, будущее ночного неба, всё, чем было человечество и всё, чем оно собиралось стать...

Гарри сжал волшебную палочку, расположив пальцы в нужной позиции. Теперь настало время для той самой, правильной тёплой и радостной мысли.

И Гарри пристально посмотрел на то, что скрывалось под потрёпанным плащом, прямо на то, что называлось дементором. Пробел в пространстве, пустота, дыра во вселенной, отсутствие цвета, открытая рана, сквозь которую тепло изливалось из мира.

Дементор источал страх, забирая все радостные мысли, выпивая силы, а его поцелуй мог разрушить всё, чем ты когда-либо был.

Теперь я тебя знаю, подумал Гарри, взмахивая палочкой раз, два, три и четыре, сдвигая пальцы на точно выверенное расстояние. Я понял твою природу. Ты символизируешь смерть, по какому-то закону магии ты — тень, которую смерть отбрасывает в мир.

А смерть — это то, чего я никогда не приму.

Это просто детская болезнь, которую человеческий род пока ещё не перерос.

И однажды...

Мы преодолеем её...

И людям никогда больше не придётся говорить «Прощай»...

Он поднял палочку и точно направил её на дементора.

— **ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!**

Мысль взорвалась, словно прорванная дамба, волной взметнулась по руке в его палочку и вырвалась слепящим белым светом. Светом, который стал материальным, принял форму и набрал плотность.

Вертикально стоящая фигура с двумя руками, двумя ногами и головой. Животное Homo Sapiens, образ человека.

Он сиял всё ярче и ярче, по мере того как Гарри вкладывал в закливание все свои силы, он сверкал раскалённым светом ярче утасающего заката. Авроры и профессор Квиррелл заслонили глаза руками...

И в будущем, когда потомки человечества расселятся от звезды к звезде, они не станут рассказывать своим детям историю Старой Земли до тех пор, пока те не станут достаточно взрослыми, чтобы выдержать её. И, услышав её, дети будут плакать, узнав, что такая вещь, как смерть, вообще когда-либо существовала!

Человеческая фигура теперь сияла ярче, чем полуденное солнце, так лучезарно, что Гарри мог почувствовать, как её свет согревает кожу.

И он выплеснул свой вызов навстречу тени смерти, открыл все шлюзы внутри, лишь только бы этот блестящий образ сверкал всё ярче и ярче.

Вы не непобедимы, и однажды человеческий род уничтожит вас.

Если я смогу, я уничтожу вас сам, силой разума, магии и науки.

Я не буду прятаться от смерти в страхе, пока у меня есть хоть малейший шанс на победу.

Я не позволю смерти коснуться себя, я не позволю ей коснуться тех, кого я люблю.

И даже если вы уничтожите меня раньше, чем я уничтожу вас,

За мной придут другие, а за ними ещё и ещё,

До тех пор, пока рана мира наконец не излечится...

Гарри опустил палочку, и яркая фигура человека угасла.

Он медленно выдохнул.

Будто просыпаясь после долгого сна, словно открывая глаза по пробуждении, Гарри оторвал взгляд от клетки. Он огляделся вокруг и увидел, что все изумлённо уставились на него.

Альбус Дамблдор уставился на него.

Профессор Квиррелл уставился на него.

Трое авроров уставились на него.

Они все смотрели на него так, как будто он только что уничтожил дементора.

Посреди клетки лежал потрёпанный плащ.

Пустой.

Глава 46

Человечность. Часть 4

Солнечный диск скрылся за горизонтом. Последние красные отблески угасали на верхушках деревьев. На лесной поляне, покрытой пожухлой и местами заснеженной травой, шесть человек стояли вокруг пустой клетки, на полу которой валялся потрёпанный плащ.

Гарри чувствовал себя... ну, опять нормально. Вменяемо, более-менее. Чары Патронуса не отменили все события и потрясения дня. Раны не исчезли бесследно, но их как будто... перевязали, закрепили? Трудно описать.

Даже Дамблдор выглядел бодрее, хотя ему всё же стоило бы отдохнуть. На секунду старый волшебник повернул голову в сторону профессора Квиррелла, и они встретились глазами. Затем его взгляд вернулся к Гарри.

— Гарри, — сказал он, — ты не собираешься упасть от истощения и, возможно, скончаться?

— Как ни странно, нет, — ответил Гарри. — Заклинание отняло какую-то часть сил, но гораздо меньшую, чем я ожидал.

А может, не только отняло... возможно, оно дало что-то взамен.

— Честно говоря, — продолжил он, — я думал, что где-то в эту секунду моё тело должно грохнуться на землю.

Послышался характерный звук падающих на землю тел.

— Спасибо, что позаботились об этом, Квинус, — обратился Дамблдор к профессору Квирреллу, стоявшему позади трёх бесчувственных тел авроров. — Признаться, я всё ещё ощущаю некоторую усталость. Впрочем, с чарами памяти я справлюсь сам.

Профессор Квиррелл церемонно кивнул и уставился на Гарри:

— Я пропущу добрую часть бессмысленного уже неверия, замечаний о том, что даже Мерлин потерпел неудачу в этом деле,

и так далее, и перейду сразу к главному вопросу: тысяча ползучих змей, что это было?

— Заклинание Патронуса, — ответил Гарри. — Версия 2.0.

— Я рад, что ты вновь стал самим собой, — сказал Дамблдор. — Но ты, юный когтевранец, никуда отсюда не уйдёшь, пока не расскажешь, какую именно светлую и счастливую мысль ты использовал.

— Хм-м, — протянул Гарри, задумчиво постучав пальцем по щеке, — я вот думаю: а стоит ли?

Профессор Квиррелл неожиданно ухмыльнулся.

— Пожалуйста? — попросил директор. — Пожалуйста-пожалуйста плюс мороженка?

И, повинуясь импульсу, Гарри решился. Идея опасная, но вряд ли в этой жизни у него ещё когда-либо будет такая возможность.

— Три газировки, — сказал Гарри своему кошельку, затем взглянул на профессора Защиты и директора Хогwartса.

— Джентльмены, — начал он свою речь, — я купил эти банки с газировкой, когда впервые посетил платформу Девять и три четверти, по пути в Хогwartс. Я хранил их для особого случая. На напиток наложено специальное заклятье, которое гарантирует, что он будет выпит в определённый момент. Это всё, что осталось от моих запасов, но не думаю, что мне ещё когда-либо представится столь прекрасный случай. Не откажетесь?

Гарри передал одну банку Дамблдору, а другую кинул профессору Квирреллу. Волшебники пробормотали одинаковые заклинания и, получив результат проверки банок, слегка нахмурились. Гарри же, в свою очередь, сразу распечатал банку и начал пить.

Профессор Защиты и директор Хогwartса вежливо последовали его примеру.

— Я думал о своём категорическом неприятии смерти как естественного порядка вещей, — сказал Гарри.

Возможно, воспоминание о случившемся после произнесения этой фразы, не слишком подойдёт для вызова патронуса, однако оно по праву займёт место в десятке лучших воспоминаний Гарри.

Он на секунду занервничал под взглядами, которыми его наградили и директор и профессор Защиты, пока брызги Прыского чая растворялись в небытии. Но затем волшебники переглянулись и, видимо, решили, что ни один из них не сможет безнаказанно совершить с Гарри Поттером ничего по-настоящему ужасного в присутствии другого.

— Мистер Поттер, — сказал профессор Квиррелл, — даже я знаю, что это заклинание работает отнюдь не так.

— Именно, — согласился Дамблдор. — Объяснись.

Гарри открыл рот и почти сразу же его захлопнул. Неизвестно, знала ли этот секрет Ровена, но Годрик знал наверняка и никому не рассказал. Возможно, были и другие волшебники, которые догадались, но всё же помалкивали. Нельзя забыть что-либо намеренно, и как только кто-нибудь поймёт, за счёт чего именно работает заклинание патронуса, то он уже никогда не сможет призывать животную форму полного телесного патронуса, а учитывая, что большинство волшебников не имеют правильного воспитания, необходимого для полной победы над дементором...

— Э-эм, извините, — произнёс Гарри, — но я буквально только что понял: детальное объяснение будет чрезвычайно плохой идеей, по крайней мере до тех пор, пока вы сами не придёте к некоторым выводам.

— Это действительно так, Гарри? — медленно протянул Дамблдор. — Или ты лишь притворяешься мудрым...

— Директор! — воскликнул Квиррелл с искренним потрясением в голосе, — мистер Поттер сказал вам, что это одно из тех заклинаний, которые нельзя обсуждать с волшебниками, неспособными их творить! Нельзя настаивать на ответе!

— Если я скажу вам... — начал Гарри.

— Нет, — весьма строго прервал его профессор Квиррелл. — Вы не должны объяснять нам почему, мистер Поттер. Вы просто говорите нам, что мы ещё не готовы. И если соберётесь дать нам подсказку, вы должны делать это со всей возможной осторожностью, хорошо подумав, а не в середине разговора.

Гарри кивнул.

— Но, — попытался возразить директор, — но что же мне сказать Министерству магии? Нельзя просто взять и потерять дементора!

— Скажите им, что я его съел, — ответил профессор Квиррелл, из-за чего Гарри подавился газировкой, которую в это мгновение неосознанно потягивал из банки. — Я не возражаю. Не пора ли нам возвращаться, мистер Поттер?

И они вдвоём побрели по вытоптанной тропинке обратно в Хогвартс, оставив за спиной Альбуса Дамблдора, с несчастным видом смотревшего на пустую клетку и трёх спящих авроров, которым предстояла встреча с чарами изменения памяти.

Послесловие: Гарри Поттер и профессор Квиррелл

Некоторое время они шли молча, прежде чем профессор Квиррелл заговорил. Все звуки вокруг сразу стихли.

— Вы необычайно хорошо умеете убивать, мой ученик, — сказал он.

— Спасибо, — искренне отозвался Гарри.

— Не хочу показаться назойливым, — проговорил профессор Квиррелл, — но, возможно, есть ничтожный шанс, что лишь директору вы не могли доверить этот секрет?..

Гарри ненадолго задумался. Профессор Квиррелл и так не мог создавать патронуса-животное.

Но, единожды рассказав секрет, он не сможет вернуть всё назад. Гарри достаточно быстро учился на своих ошибках, чтобы понять: следует хотя бы подумать, прежде чем выпускать подобные тайны в мир.

Гарри покачал головой, и профессор Квиррелл кивнул, принимая ответ.

— Из чистого любопытства, профессор Квиррелл, — сказал Гарри, — если бы ваше предложение привезти в Хогвартс дементора было частью злодейского плана, какой была бы цель?

— Убить Дамблдора, пока он будет ослаблен, — без единого колебания отозвался тот. — Хм. Директор сказал вам, что подозревает меня?

Гарри поколебался секунду, пытаясь придумать ответ, а потом и вовсе не стал отвечать, осознав, что его молчание говорит само за себя.

— Любопытно... — сказал профессор Квиррелл. — Мистер Поттер, нельзя исключать, что сегодня и в самом деле был приведён в действие чей-то план. Ваша палочка могла случайно упасть так близко к клетке дементора. Или же один из авроров мог находиться под чарами Империиуса, Конфундуса или легилименции, чтобы повлиять на это. Из списка подозреваемых, на вашем месте, я бы также не исключал Флитвика и меня самого. Следует также отметить, что профессор Снейп отменил сегодня все занятия, и, подозреваю, он достаточно силён, чтобы применить заклинание Разнаваждения — авроры использовали чары обнаружения в самом начале урока, но не повторяли их непосредственно перед вашей попыткой. Но проще всего, мистер Поттер, предположить, что план принадлежал самому Дамблдору, и если это действительно так, что ж, он мог заранее принять меры, чтобы направить ваши подозрения в другую сторону.

Они прошли молча ещё немного.

— Но зачем ему это? — спросил Гарри.

Профессор Защиты немного промедлил с ответом:

— Мистер Поттер, насколько хорошо вы успели изучить личность директора?

— Не очень, — признался Гарри. Он только недавно понял... — Совсем недостаточно.

— Тогда я замечу, — отозвался профессор Квиррелл, — что вы не можете узнать о человеке всё, что следует о нём знать, спрашивая только его друзей.

Настала очередь Гарри пройти несколько шагов молча по протоптанной тропинке, которая вела обратно в Хогвартс. Ему и впрямь следовало бы уже знать побольше. Есть такой специальный термин — предвзятость подтверждения. Среди прочего, он означает, что при выборе из множества источников информации люди зачастую предпочитают те из них, которые не противоречат их уже сложившемуся мнению.

— Спасибо, — сказал Гарри. — Вообще... я не говорил ещё, да? Спасибо вам за всё! Если какой-нибудь другой дементор станет вам угрожать — или просто немного вас раздражать — дайте мне знать. Я его познакомлю с Его Сиятельством — не люблю, когда дементоры досаждают моим друзьям.

Профессор Квиррелл одарил его взглядом, не поддающимся расшифровке.

— Вы уничтожили дементора потому, что он угрожал мне?

— Эм, — замялся Гарри, — я, как бы, и до этого решил его уничтожить, но, да, это само по себе было бы достаточной причиной.

— Ясно, — отозвался профессор Квиррелл. — А что бы вы стали делать с этой угрозой мне, если бы ваше заклинание не сработало?

— План Б, — ответил Гарри. — ЗаклЮчить дементора в контейнер из плотного металла с высокой температурой плавления — вероятно, вольфрама, — сбросить его в действующий вулкан и надеяться, что он окончит свои дни в земной мантии. Ах да, знаете, под поверхностью Земли полно кипящей лавы...

— Да, — сказал профессор Квиррелл. — Я знаю.

На лице профессора Защиты застыла очень странная улыбка.

— Если подумать, мне бы самому следовало догадаться о таком способе. Скажите, мистер Поттер, если бы вы хотели потерять некую вещь в таком месте, где бы её никто и никогда не нашёл, куда бы вы её поместили?

Гарри обдумал вопрос.

— Полагаю, мне не стоит спрашивать, что именно вы такое нашли, что вам надо это потерять...

— Верно, — ответил профессор Квиррелл, как Гарри и ожидал. А затем неожиданно для Гарри добавил:

— Может быть, вы узнаете, когда подрастёте.

— Ну, — ответил Гарри, — помимо расплавленной лавы в ядре планеты, эту вещь можно спрятать в участке цельной скалы в километре под землёй в случайно выбранном месте — возможно, телепортировать её туда, если существует способ сделать это вслепую. Или просверлить дыру и потом её заделать. Главное не оставить следов, чтобы это был просто безымянный кубометр земной коры. Можно бросить её в Марианскую впадину, это самое глубокое место океана на всей планете, или выбрать любую другую океаническую впадину, чтобы это было менее очевидно. Если вы можете заставить эту вещь парить и быть невидимой, то можно закинуть её в стратосферу. В идеале, следует запустить её в космос, снабдив чарами против обнаружения, со случайно изменяющимся ускорением, чтобы её вынесло за пределы Солнечной системы. А затем, конечно, наложить на себя Обливиэт, чтобы даже вы точно не знали, куда она попала.

Профессор Защиты смеялся, и звук его смеха был даже более странным, чем улыбка.

— Профессор Квиррелл? — сказал Гарри.

— Отличные идеи, — отозвался профессор Квиррелл. — Но ответьте мне, мистер Поттер, почему именно эти пять способов?

— А? — ответил Гарри. — Они кажутся очевидными.

— Правда? — сказал профессор Квиррелл. — Но, видите ли, тут есть интересная закономерность. Можно сказать, что в этом есть что-то от загадки. Должен отметить, мистер Поттер, что, несмотря на все плюсы и минусы, в целом сегодня был на удивление хороший день.

И они пошли дальше по тропинке, которая вела к воротам Хогвартса, видневшимся в отдалении. Гарри чисто автоматически старался держаться подальше от профессора Защиты, потому что по каким-то неизвестным причинам чувство тревоги сейчас казалось особенно сильным.

Послесловие: Дафна Гринграсс

Гермиона отказалась отвечать на какие-либо вопросы. Впрочем, Дафна и Трейси мгновенно отстали от неё, как только подошли к развилке, ведущей в подземелья Слизерина. Они почти перешли на бег —

слухи распространялись по Хогвартсу быстро, так что раз они хотели первыми рассказать о случившемся, им нужно было поспешить.

— Слушай, — сказала Дафна, — как только мы войдём, не вздумай сразу всё выбалтывать про поцелуй, ладно? Будет лучше, если мы расскажем всю историю по порядку.

Трейси взволнованно закивала.

И как только они ворвались в гостиную Слизерина, Трейси Дэвис сделала глубокий вдох и закричала:

— Народ! Гарри Поттер не смог вызвать патронуса, и дементор почти сожрал его, а профессор Квиррелл спас его, но потом Поттер превратился в кого-то ужасно злого, пока Грейнджер не вернула его своим поцелуем! Это настоящая любовь, точно вам говорю!

Дафна подумала, что это и вправду рассказ по порядку... В некотором роде.

Новость не произвела ожидаемой реакции. Большинство девочек лишь слегка повернули головы в их направлении, а мальчики даже не оторвались от чтения.

— Да, — кисло заметила Панси со своего места, где она читала что-то, напоминавшее книжку-раскраску, а сидевший рядом Грегори держал у неё на коленях свои ноги. — Милисента нам уже рассказала.

— Но как...

— Трейси, а почему ты не поцеловала его первой? — спросили Флора и Гестия Кэрроу. — Теперь Поттер женится на грязнокровке! Ты могла оказаться его настоящей любовью и попасть в богатый Благородный Дом и всё такое, если бы просто поцеловала его первой!

Лицо Трейси застыло от внезапного осознания.

— Что?! — возмутилась Дафна. — Любовь не появляется от одного поцелуя!

— Конечно, появляется, — заявила Милисента. Она стояла перед окном, за которым бурлили воды озера Хогвартс, и упражнялась в каком-то заклинании. — Кто первый поцелует, того и принц.

— Это был не первый их поцелуй! — закричала Дафна. — Гермiona уже была его истинной любовью! Вот почему она смогла вернуть его!

Тут до Дафны дошло, что она только что сказала, и она внутренне содрогнулась, но сказанного не воротить.

— Опа, опа, опа, что?! — Грегори убрал ноги с колен Панси и вскочил. — Что там произошло? Мисс Булстроуд ни о чём таком не говорила.

Теперь все остальные тоже смотрели на Дафну.

— Ах да, — продолжила Дафна. — Гарри оттолкнул её и крикнул: «Я же говорил тебе, никаких поцелуев!» А потом он закричал, как будто умирает, и Фоукс начал ему петь... Вообще-то, я не уверена, что это случилось именно в таком порядке...

— Не очень-то похоже на настоящую любовь, — хором озвучили близняшки Кэрроу. — Звучит, как будто его поцеловала «не та» девочка.

— Это должна была быть я, — прошептала Трейси. Она всё ещё не пришла в себя. — Это я должна была стать его настоящей любовью. Гарри Поттер — мой генерал. Мне надо было... Мне надо было бороться за него с Грейнджер...

Дафна резко повернулась к Трейси.

— Ты?! Ты хочешь отобрать Гарри у Гермiony?

— Да! — воскликнула Трейси. — Хочу!

— Да ты с катушек съехала, — осуждающе заявила Дафна. — Даже если бы ты поцеловала его первой... Знаешь, кем бы ты стала? Печальной девочкой с разбитым сердцем, которая умирает в конце второго акта.

— А ну возьми свои слова обратно! — закричала Трейси.

Тем временем Грегори пересёк комнату и подошёл к Винсенту, сидевшему за домашней работой.

— Мистер Крэбб, — тихо сказал Грегори, — думаю, мистеру Малфою надо узнать об этом.

Послесловие: Гермiona Грейнджер

Гермiona не отрывала глаз от запечатанного воском конверта, на поверхности которого было написано число 42*.

Я выяснил, почему у нас не получилось вызвать патронуса, Гермiona, и это не имеет никакого отношения к тому, что мы якобы недостаточно счастливы. Но я не могу рассказать тебе. Я даже директору не могу рассказать. Это должно оставаться даже в большей тайне, чем частичная трансфигурация. Но если тебе когда-нибудь будет нужно сразиться с дементором, секрет описан здесь, в зашифрованном виде, так что если кто-то не знает, что речь идёт о дементорах и о заклинании патронуса, то он не поймёт, что всё это значит...

Она рассказала Гарри, что видела, как умирает он, как умирают её родители, её друзья, как умирают вообще все. Она не стала

рассказывать, что боится умереть в одиночестве — почему-то это признание всё ещё оставалось слишком болезненным.

Гарри рассказал ей, как он вспомнил смерть своих родителей и посчитал её забавной.

Там, куда тебя забирает дементор, нет света, Гермиона. Нет тепла. Нет заботы. В том месте ты даже не можешь понять, что такое счастье. Там есть боль и есть страх, и эти чувства всё ещё могут тебя задеть. Ты можешь ненавидеть и можешь получать удовольствие, разрушая то, что ненавидишь. Ты можешь смеяться, глядя на боль других людей. Но ты никогда не будешь счастлив, ты даже не сможешь вспомнить, чего же ты лишился... Не думаю, что существует способ объяснить тебе, от чего именно ты меня спасла. Обычно мне стыдно, когда я причиняю людям неприятности, обычно я не выношу, когда кто-то жертвует чем-то ради меня, но в этот раз я только скажу, что неважно, чего в итоге тебе будет стоить твой поцелуй — ни на секунду не сомневайся, ты всё сделала правильно.

Гермиона до этого не понимала, насколько легко дементор коснулся её, насколько лёгкой и поверхностной была та тьма, в которую он её увлёк. Ей было больно, когда все вокруг умирали, а у Гарри отобрали даже боль...

Гермиона убрала письмо обратно в кошель, как и подобает хорошей девочке.

Хотя ей очень хотелось его прочесть.

Она боялась дементоров.

Послесловие: Минерва МакГонагалл

Минерва словно окаменела. Она не должна была так поразиться, не должна была с таким трудом принуждать себя смотреть Гарри в глаза, но после того, через что ему пришлось пройти... Она высккивала на лице стоящего перед ней мальчика малейшие признаки воздействия дементора и не находила. Но её крайне тревожило, с каким спокойствием он задал свой вопрос.

— Мистер Поттер, я действительно не могу обсуждать такие серьёзные вопросы без разрешения директора!

На лице мальчика не дрогнул ни мускул.

— Я бы предпочёл не беспокоить директора по этому поводу, — прозвучал спокойный голос Гарри Поттера. — Более того, я настаиваю на этом. Вы обещали, что этот разговор останется между

нами. Поэтому позвольте мне говорить прямо. Фактически, я уже знаю, что пророчество существует. Я знаю, что именно вы первой услышали его от профессора Трелони. Я знаю, что, согласно пророчеству, ребёнок Джеймса и Лили каким-то образом представлял опасность для Тёмного Лорда. И этот ребёнок — я, и всем об этом известно. А потому вы не скажете ничего нового или опасного, если ответите всего лишь на один вопрос: Какие именно слова пророчества указали на меня, ребёнка Джеймса и Лили?

В голове эхом отозвался замогильный голос Трелони:
РОЖДЁННЫЙ ТЕМИ, КТО ТРИЖДЫ БРОСАЛ ЕМУ ВЫЗОВ, РОЖДЁННЫЙ НА ИСХОДЕ СЕДЬМОГО МЕСЯЦА...

— Гарри, — сказала профессор МакГонагалл, — я никак не могу рассказать тебе это!

Она понятия не имела, откуда Гарри узнал столь многое, и была потрясена тем, сколько он уже знает...

Печальные глаза мальчика посмотрели на неё со странным выражением.

— Профессор МакГонагалл, неужели вы не можете даже чихнуть без разрешения директора? Я клянусь, у меня есть и серьёзные причины спрашивать, и серьёзные причины, чтобы наш разговор остался приватным.

— Пожалуйста, не спрашивай, Гарри, — прошептала она.

— Ладно, — сказал мальчик, — один простой вопрос. Пожалуйста. Пророчество указало на Поттеров буквально? В нём прозвучала фамилия «Поттер»?

Некоторое время Минерва молча смотрела на Гарри. Она не могла сказать, почему или отчего, но у неё было ощущение, что это ключевой момент с далеко идущими последствиями...

— Нет, — сказала она наконец. — Пожалуйста, Гарри, больше не спрашивай меня ни о чём.

Мальчик одарил её немного печальной улыбкой и сказал:

— Спасибо вам, Минерва. Вы честная и хорошая женщина.

Прежде чем она закрыла распахнувшийся от изумления рот, мальчик поднялся и покинул кабинет. И лишь тогда Минерва поняла, что Гарри посчитал её отказ ответом. И получил правильный ответ...

Гарри закрыл за собой дверь.

С кристальной ясностью перед его глазами развёртывалась логическая цепочка. Гарри не был уверен, когда именно у него родилась эта догадка, может быть, во время пения Фоукса, а может даже раньше.

Лорд Волдеморт сразу же убил Джеймса Поттера, а вот Лили Поттер дал шанс остаться в живых. Однако жертва Лили не остановила его, следовательно главной целью было убить младенца.

Тёмные лорды, как правило, не опасаются младенцев.

А значит, существует пророчество о том, что Гарри Поттер может представлять собой угрозу для Лорда Волдеморта, и Лорду Волдеморту оно известно.

— Я даю тебе редкий шанс сбежать. У меня нет причин тратить на тебя время, и твоя смерть не спасёт ребёнка. Прочь, глупая женщина, если в тебе есть хоть капля здравого смысла!

Дал ли он ей шанс из прихоти? Нет, в этом случае он не пытался бы её переубедить. Говорилось ли в пророчестве, что убивать Лили Поттер нельзя? Нет, иначе он нашёл бы способ оставить её в живых. Лорд Волдеморт слегка склонялся к мысли пощадить Лили Поттер. Его решение было большим, чем просто каприз, но определённо не было вызвано предостережением пророчества.

Таким образом, предположим, что кто-то — малозначимый союзник или полезный, но не незаменимый слуга — попросил Тёмного Лорда оставить в живых Лили. Лили, но не Джеймса.

Этот человек должен был знать, что Лорд Волдеморт собирается напасть на дом Поттеров. Должен был знать и пророчество, и то, что Тёмный Лорд знает пророчество. Иначе бы не стал вымаливать жизнь Лили.

Как сказала профессор МакГонагалл, кроме неё пророчество знают лишь двое: Альбус Дамблдор и Северус Снейп.

Тот самый Северус Снейп, который любил Лили ещё до того, как она стала Лили Поттер, и ненавидел Джеймса.

Логично предположить, что Северус узнал о пророчестве и доложил о нём Тёмному Лорду. И сделал это потому, что фамилия Поттеров в нём не упоминалась. Пророчество было загадкой, и Северус разгадал её слишком поздно.

Но если Северус первым услышал пророчество и передал его Тёмному Лорду, то зачем рассказывать о пророчестве ещё и Дамблдору, а тем более МакГонагалл?

Следовательно, первым услышал пророчество либо Дамблдор, либо профессор МакГонагалл.

У директора не было очевидных причин рассказывать профессору трансфигурации о таком деликатном и важном событии, как пророчество. В свою очередь, у Минервы были все основания рассказать о нём директору.

Предположение, что первой услышала пророчество профессор МакГонагалл, звучит очень правдоподобно.

И априори можно считать, что пророчество сделала профессор Трелони, штатный предсказатель Хогвартса. Настоящие пророки очень редки, и если посчитать время, которое профессор МакГонагалл в течение жизни провела в присутствии пророков, то почти всё это время будет принадлежать профессору Трелони.

МакГонагалл рассказала о пророчестве Дамблдору, и без его разрешения она бы не рассказала о нём никому.

Следовательно, это Альбус Дамблдор устроил так, чтобы о пророчестве узнал Северус Снейп. И Дамблдор разгадал загадку правильно, иначе бы он не выбрал на роль посредника безответно влюблённого в Лили Северуса.

Директор преднамеренно организовал утечку информации о пророчестве к Лорду Волдеморту в надежде заманить того в смертельную ловушку. Возможно, согласно плану Дамблдора Северус узнал лишь часть пророчества или есть и другие пророчества, о которых Северус даже не догадывался... Каким-то образом Дамблдор знал, что немедленное нападение Лорда Волдеморта на Поттеров приведёт того к поражению, а Волдеморт такого исхода не предполагал. А может быть, это было лишь счастливой случайностью, произошедшей из-за безумной любви Дамблдора к запутанным планам...

В результате Северус стал двойным агентом, и Пожиратели Смерти, вероятно, будут очень недовольны Северусом, если Дамблдор раскроет его роль в их поражении.

Дамблдор попытался сохранить жизнь матери Гарри. Но эта часть его плана не сработала. А вот Джеймса Поттера Дамблдор осознанно приговорил к смерти.

Если эта цепочка рассуждений действительно верна, то Дамблдор ответственен за смерть родителей Гарри. Конечно же, успешное окончание Магической войны можно счесть смягчающим обстоятельством, но тем не менее... Гарри это всё чрезвычайно беспокоило.

Что ж, пришло время (давно уже пришло) спросить Драко Малфоя, что может рассказать об Альбусе Персивале Вульфрике Брайане Дамблдоре другая сторона.

Глава 47

Теория личности

Жертва любой интриги рано или поздно начинает что-то подозревать. Она оглядывается и замечает цепочку событий, каждое из которых указывает в одном и том же направлении. Отец однажды объяснил, что, когда этот момент наступает, перспектива проигрыша может казаться настолько невыносимой, а необходимость признать себя обманутым — настолько унижительной, что жертва будет продолжать отрицать наличие интриги, и игра может длиться ещё долго.

Отец предупредил Драко, чтобы он больше никогда так не делал.

Но сначала, на глазах у плачущего сына, он позволил мистеру Эйвери доесть всё печенье, которое тот выманил у Драко. Целую коробку замечательного печенья, которую Драко получил от отца лишь за несколько часов до того и проиграл всю до последней печенюшки.

Поэтому у Драко очень знакомо засосало под ложечкой, когда Грегори рассказал ему о Поцелуе.

Иногда оглядываешься и замечаешь...

(В тёмном классе, который уже нельзя было назвать заброшенным, так как в последние несколько месяцев его использовали каждую неделю, сидел мальчик, закутанный в мантию с капюшоном. На столе перед ним стояла тёмная хрустальная сфера. Он сидел, размышляя в темноте и тишине, ожидая, когда дверь откроется и выпустит свет в комнату).

Гарри оттолкнул Грейнджер и произнёс: «Я же говорил тебе, никаких поцелуев!»

Наверное, он скажет: «Как-то раз она поцеловала меня, просто чтобы досадить, как с тем свиданием».

Но факты говорили о том, что Грейнджер была готова ещё раз встретиться с дементором, лишь бы помочь Гарри. Когда тот был почти потерян, она, рыдая, поцеловала его, и этот поцелуй вернул Гарри.

Это не похоже на соперничество, даже дружеское.

Это похоже на такую дружбу, которую обычно не увидишь даже в пьесах.

Но тогда зачем Гарри заставил своего друга карабкаться по обледеневшей стене Хогвартса?

Неужели Гарри Поттер обычно так поступает со своими друзьями?

Отец объяснял Драко, что один из способов вникнуть в запутанную интригу — посмотреть, что получилось в итоге, и, принимая это за цель интриги, спросить — кому это выгодно.

Итогом совместной битвы Драко и Грейнджер против Гарри Поттера стало... намного более дружеское отношение Драко к Грейнджер.

Кому было выгодно сделать наследника Малфоев и ведьму-грязнокровку друзьями?

Кто при этом знаменит подобными интригами?

У кого при этом была возможность дёргать Гарри Поттера за ниточки?

Дамблдор.

И если это правда, Драко просто обязан пойти к отцу и всё ему рассказать, невзирая на последствия. Драко не мог представить, что случится потом, это было невообразимо ужасно. И потому он отчаянно цеплялся за последнюю соломинку, надеясь, что всё на самом деле было не так...

...и это ощущение также было знакомым благодаря тому уроку с мистером Эйвери.

Драко пока не собирался открыто бросать Гарри вызов. Он пытался придумать какой-нибудь эксперимент, смысл которого Гарри не смог бы разгадать и подделать результаты. Но затем пришёл Винсент с сообщением: Гарри хотел встретиться на этой неделе пораньше, в пятницу вместо субботы.

И теперь Драко сидел в тёмном классе, перед тёмной хрустальной сферой и ждал.

Шли минуты.

Послышались приближающиеся шаги.

С мягким скрипом открылась дверь, и Драко увидел Гарри, одетого в мантию с капюшоном. Когтевранец шагнул в тёмный класс, и массивная дверь закрылась за ним с лёгким щелчком.

Палочка Драко коснулась хрустальной сферы, и класс озарился ярким зелёным светом. Зелёные лучи создавали тени столов на полу и отражались от фигурных спинок кресел, фотоны отскакивали от дерева так, что угол падения был равен углу отражения.

По крайней мере, эта часть изученного вряд ли была ложью.

Когда загорелся свет, Гарри вздрогнул и на мгновение замер, затем двинулся дальше.

— Привет, Драко, — тихо сказал он, подходя к столу и снимая капюшон. — Спасибо, что пришёл. Я знаю, обычно мы встречаемся в другое время...

— Ничего страшного, — ровным голосом ответил Драко.

Раздался слабый скрип — Гарри подтянул к себе стул, повернул его спинкой к столу и уселся верхом, положив руки на спинку. Его лицо, задумчивое, хмурое и серьёзное, выглядело слишком взрослым, даже для Гарри Поттера.

— Я хочу задать тебе важный вопрос, — произнёс Гарри, — но сначала нам надо ещё кое-что сделать.

Драко промолчал. Какая-то часть его уже устала и просто хотела, чтобы всё это поскорее закончилось.

— Скажи мне, Драко, почему маглы никогда не оставляют призраков после смерти?

— Очевидно, потому, что у маглов нет души, — ответил Драко. И только сказав это, он осознал, что такое высказывание может идти вразрез с убеждениями Гарри. Впрочем, уже наплевать. К тому же, это и в самом деле совершенно очевидно.

На лице Гарри не отразилось и тени удивления.

— Прежде чем я задам тебе важный вопрос, я хочу проверить, сможешь ли ты вызвать патронуса.

На миг Драко совершенно опешил. Старый добрый непредсказуемый-и-непостижимый Гарри Поттер. Иногда Драко задумывался, не являются ли подобные дезориентирующие высказывания намеренной тактикой.

А потом до Драко дошло. Одним гневным рывком он поднялся из-за стола. Вот оно. Всё кончено.

— Как прислужники Дамблдора! — выплюнул он.

— Как Салазар Слизерин, — спокойно ответил Гарри.

Драко споткнулся на ровном месте, уже направляясь к двери.

Он медленно повернулся к Гарри:

— Я не знаю, с чего ты это взял, но это ошибка. Все знают, что заклинание Патронуса — магия Гриффиндора...

— Салазар Слизерин мог вызывать телесного патронуса, — прервал его Гарри. Его рука метнулась в складки мантии и вытащила книгу, название которой было написано белым на зелёном фоне, и потому оказалось почти нечитаемым в зелёном свете. Книга выглядела старой. — Я обнаружил это, когда изучал чары Патронуса.

Я нашёл ссылку на первоисточник и взял книгу в библиотеке, на случай, если ты мне не поверишь. И автор этой книги тоже не видел ничего необычного в том, что Салазар умел вызывать патронуса. Убеждение, что слизеринцы не способны на это, должно быть, появилось не так давно. И вот тебе ещё одна историческая справка, хоть у меня и нет с собой нужной книги: Годрик Гриффиндор вызывать патронуса не мог.

После первых шести попыток уличить Гарри в обмане, причём каждая из которых была вызвана всё более и более абсурдными утверждениями, Драко осознал, что Гарри вообще никогда не лжёт о том, что написано в книгах.

И тем не менее, когда тот открыл книгу на странице с закладкой и положил на стол, Драко наклонился и вчитался в строчки, на которые указывал палец Гарри.

«И тогда пламя леди Когтевран обрушилось на тьму, что скрывала левый фланг армии лорда Фаула*, и отступила тьма, и открылось, что лорд Гриффиндор был прав — тот противостоит страху, что все они ощущали, исходил от трёх дюжин дементоров, которым были обещаны души побеждённых. Леди Пуффендуй и лорд Слизерин без промедления призвали своих патронусов — огромного разгневанного барсука и яркую серебряную змею, и тень отступила от сердец защитников, и подняли они свои головы. Засмеялась леди Когтевран, отметив, что лорд Фаул оказался большим глупцом, ибо теперь его армия будет испытывать страх, а не защитники Хогвартса. На что лорд Слизерин ответил: «Он не глупец, это я точно знаю». Стоявший рядом лорд Гриффиндор, нахмурился, изучал поле боя...»

Драко оторвал взгляд от книги:

— И что?

Гарри закрыл книгу и убрал в кошель.

— И в Легионе Хаоса, и у Солнечных есть солдаты, которые могут вызывать телесного патронуса. Телесные патронусы могут передавать сообщения. Если ты не сможешь выучить заклинание, Легион Хаоса и Солнечный Отряд получают серьёзное военное преимущество...

В данный момент Драко на это было наплевать, о чём он и сообщил Гарри. Возможно, даже резче, чем следовало бы.

Гарри даже не моргнул:

— В таком случае я требую возврата долга за случившееся на нашем первом уроке полётов на мётлах, когда я предотвратил

драку. Я собираюсь попробовать научить тебя заклинанию Патронуса и хочу, чтобы ты честно приложил все усилия, чтобы изучить и использовать его. Я полагаюсь на честь Дома Малфоев и знаю, что ты сделаешь всё возможное.

На Драко опять накатила усталость. Если бы Гарри попросил в любой другой момент, это было бы хорошей возможностью вернуть долг, раз уж заклинание и в самом деле не было гриффиндорским. Но...

— Зачем? — с нажимом спросил Драко.

— Чтобы узнать, способен ли ты сделать то же, что и Салазар Слизерин, — невозмутимо ответил Гарри. — Это экспериментальная проверка, и я не скажу тебе в чём её смысл, пока я её не проведу. Согласен?

...вероятно, будет неплохо позволить Гарри Поттеру потратить своё желание на что-то безвредное, тем более, если настала пора разорвать с ним все отношения.

— Хорошо.

Гарри вытащил из мантии палочку и направил на светящуюся сферу.

— Не самое лучшее освещение для изучения чар Патронуса, — сказал он. — Этот зелёный свет слишком похож на цвет Смертельного проклятья. Но серебряный — тоже цвет Слизерина, верно? *Дулак**.

Свет погас, и Гарри прошептал первые две строчки заклинания Постоянного света, обновляя часть наложенных на светильник чар. На полную версию этого заклинания сил не хватило бы у них обоих. Затем Гарри вновь коснулся палочкой сферы, и комната озарилась серебряным светом, ярким и в то же время мягким и нежным. Столы, стулья, покрытое испариной лицо Гарри и его взъерошенные чёрные волосы снова обрели цвет.

Драко потребовалось некоторое время, чтобы осознать смысл сказанного.

— Ты видел Смертельное проклятье с момента нашей последней встречи?!

Когда... Как...

— Вызови патронуса, — произнёс Гарри. Он выглядел серьёзнее, чем когда-либо. — И я скажу тебе.

Драко закрыл глаза руками, отгораживаясь от серебряного света.

— Знаешь, мне следует запомнить, что ты слишком ненормальный для любых нормальных интриг!

Из-за пределов его рукотворной тьмы послышался смешок Гарри.

* * *

Гарри внимательно наблюдал, как Драко заканчивает ещё один тренировочный проход предварительных жестов заклинания, ту часть, которая трудна для изучения — завершающий выпад и произношение не обязаны быть точными. Все три последних прохода, насколько мог судить Гарри, были безошибочными. Он также почувствовал странное импульсивное желание подправить ряд моментов, про которые мистер Люпин ничего не говорил, вроде угла наклона локтя Драко или направления ступни. Возможно, это было всего лишь игрой воображения, но Гарри решил на всякий случай внести эти поправки.

— Хорошо, — тихо сказал Гарри. Напряжение в груди слегка затрудняло его речь. — У нас тут нет дементора, но ничего страшного. Он нам и не нужен. Драко, когда твой отец разговаривал со мной на железнодорожной станции, он сказал, что кроме тебя в этом мире для него нет ничего ценного, и он угрожал, что откажется от всех своих планов, чтобы отомстить мне, если с тобой что-нибудь случится.

— Он... что? — голос Драко перехватило, на лице появилось странное выражение. — Зачем ты мне говоришь об этом?

— А зачем скрывать? — Гарри постарался, чтобы реакция на ответ не отразилась на его лице, хоть и догадывался, о чём сейчас думает Драко: что Гарри планирует поссорить его с отцом и потому не должен говорить ничего, что могло бы их сблизить. — Один человек всегда был для тебя важнее всех остальных, и я точно знаю, какое тёплое и счастливое воспоминание позволит тебе вызвать патронуса. Ты рассказал мне о нём на железнодорожной станции, перед самым первым днём в школе. Однажды ты упал с метлы и сломал рёбра. Это было большее, чем всё, что ты когда-либо испытывал, и ты думал, что умираешь. Представь, что этот страх исходит от стоящего перед тобой дементора, который выглядит как утопленник в потрёпанном чёрном плаще. А затем используй заклинание, и когда будешь делать финальный выпад, чтобы отбросить дементора, думай о том, как отец держал твою руку, чтобы ты не боялся. Думай, как сильно он любит тебя и как сильно ты любишь его, и вложи всё это в свой голос, когда произнесёшь *Экспекто Патронум*. Ради чести Дома Малфоев, а не просто потому, что ты задолжал мне желание. Покажи, что ты не лгал мне в тот день на станции, говоря, что Люциус — хороший отец. Покажи, что ты способен сделать то же, что и Салазар Слизерин.

Гарри отступил за спину Драко, так что перед тем остались лишь пыльный старый учительский стол и доска на стене заброшенного класса.

Драко обернулся, посмотрев на Гарри со всё тем же странным выражением на лице, затем повернулся обратно к стене. Выдох и вдох. Палочка взмахнула раз, два, три и четыре. Пальцы заскользили на точно выверенные расстояния...

Драко опустил палочку.

— Это слишком... — сказал он. — Я не в состоянии правильно думать, пока ты смотришь...

Гарри направился к двери.

— Я вернусь через минуту, — сообщил он. — Просто удержи-вай в уме счастливое воспоминание, и патронус никуда не денется.

* * *

Позади снова раздался звук открывающейся двери.

Драко услышал, как Гарри вошёл в класс, но не обернулся.

Гарри ничего не говорил. Тишина затянулась.

Наконец...

— Что это значит? — голос Драко немного дрогнул.

— Это значит, что ты любишь своего отца, — ответил Гарри.

Именно об этом Драко сейчас думал, и изо всех сил старался не рас-плакаться в присутствии Гарри. Да, это так, это так и есть...

На полу перед Драко сияла змея. Драко узнал её, это был синий крайт. Лорд Абракас Малфой привёз его из какой-то далёкой страны, и с тех пор в серпентарии отца всегда была такая змея. Известно, что укус синего крайта почти неощутим. Драко это рассказал отец и добавил, что трогать эту змею нельзя ни в коем случае, даже под чьим угодно присмотром. Её яд убивает нервы настолько быстро, что жертва не успевает почувствовать боль, пока яд распространяется. Человек может умереть, даже если использовать Исцеляющее заклинание. Синий крайт ест других змей. Более слизеринское существо и представить трудно. Вот почему рукоять отцовской трости была выкована в виде головы синего крайта.

Сияющая змея высунула язык, который тоже оказался серебря-ным, и, казалось, каким-то образом улыбнулась. Гораздо теплее, чем могла бы улыбнуться рептилия.

И тут Драко осознал...

— Но, — сказал он, не отводя глаз от прекрасной сияющей змеи, — сам ты не можешь использовать заклинание Патронуса.

Теперь, когда Драко сам научился этому заклинанию, он понял, почему это так важно. Человек может быть злым, как, например,

Дамблдор, и всё-таки способным вызывать патронуса, если в нём осталось хоть что-то светлое. Но если внутри Гарри Поттера нет ни единой мысли, которая бы так сияла...

— Заклинание Патронуса сложнее, чем ты думаешь, Драко, — серьёзно ответил Гарри. — Если у кого-то оно не получается, это ещё не значит, что он плохой человек. Это даже не значит, что он несчастен. Но, в любом случае, на самом деле я могу. Я понял, что сделал не так в первый раз, когда столкнулся с дементором, и со второй попытки у меня получилось. Но, гм, в моей жизни иногда случаются небольшие странности, и мой патронус оказался необычным, так что я держу в секрете то, что у меня он получился...

— И я должен в это просто поверить?

— Можешь спросить профессора Квиррелла, если не веришь мне, — сказал Гарри. — Спроси его, может ли Гарри Поттер вызвать телесного патронуса, и скажи, что это я посоветовал тебе спросить. Он поймёт, что ты говорил со мной, кроме меня тебе никто бы об этом не рассказал.

О, а Драко теперь должен верить профессору Квирреллу?! Но всё-таки, зная Гарри, это может быть правдой, да и профессор Квиррелл не станет лгать по незначительному поводу.

Сияющая змея повертела головой, высматривая несуществующую добычу, затем свернулась кольцами, будто отдыхая.

— Интересно, — мягко сказал Гарри, — когда, в каком году, в каком поколении слизеринцы перестали учить заклинание Патронуса? Когда все, включая самих слизеринцев, начали думать, что быть хитрым и амбициозным означает быть холодным и несчастным? И если бы Салазар узнал, что его ученики больше даже не пытаются выучить заклинание Патронуса, не пожелал ли бы он вообще не рождаться на свет? Интересно, как всё пошло не так, когда факультет Слизерин вступил на неверный путь?

Сияющее создание мигнуло и исчезло — при том сумбуре, который творился у Драко в душе, он был не в силах поддерживать заклинание. Поворачиваясь к Гарри, Драко с трудом удержался, чтобы не направить на него свою палочку.

— Да что ты можешь знать о факультете Слизерин или о Салазаре Слизерине? Ты не был распределён на мой факультет, какое ты имеешь право...

И тут Драко наконец понял:

— Шляпа распределила тебя в Слизерин! Точно! А после этого ты... ты щёлкнул пальцами...

Драко однажды спросил отца, не мудрее ли распределиться на какой-нибудь другой факультет, чтобы все вокруг тебе доверяли. Отец улыбнулся и ответил, что в возрасте Драко он тоже об этом думал, но обмануть Распределяющую шляпу невозможно...

...нет, было невозможно, пока не появился Гарри Поттер.

Как Драко мог хотя бы на минуту поверить, что Гарри — когтевранец?!

— Интересная гипотеза, — ровным голосом ответил Гарри. — Знаешь, ты уже второй человек в Хогвартсе, который её выдвинул. По крайней мере, второй, кто высказал её вслух...

— Снейп, — уверенно сказал Драко. Декан его факультета — не дурак.

— Профессор Квиррелл, конечно же, — произнёс Гарри. — Хотя, если подумать, Северус спросил меня, как я сумел не оказаться на его факультете, и не нашёл ли я, что предложить Распределяющей шляпе. Полагаю, ты можешь считать себя третьим. Впрочем, теория профессора Квиррелла немного отличается от твоей. Даёшь слово, что не будешь её никому пересказывать?

Драко практически без раздумий кивнул. А что ему ещё оставалось, сказать «нет»?

— По мнению профессора Квиррелла, Дамблдор был не в восторге от того, куда Шляпа распределила Мальчика-Который-Выжил.

Едва Гарри закончил фразу, как Драко уже понял, что это и есть правда. Кто вообще мог купиться на столь очевидный трюк?

...ну, весь Хогвартс, за исключением Снейпа и Квиррелла, да что говорить, даже Гарри мог поверить...

Ошеломлённый, Драко попятился к своему столу и сел настолько резко, что слегка ушибся. Рядом с Гарри подобное случалось примерно раз в месяц. В январе пока ещё ничего не было, так что, видимо, пришло время.

Его брат-слизеринец, который мог считать, а мог и не считать себя когтевранцем, сел на привычный для него стул напротив, на этот раз боком, и теперь напряжённо смотрел на Драко.

Драко не знал, что ему теперь следует делать. Должен ли он убеждать заблудшего слизеринца, что нет, он никак не может быть когтевранцем... Или попробовать выяснить, действительно ли Гарри в союзе с Дамблдором, хотя внезапно это стало казаться менее вероятным... Но в таком случае зачем, зачем Гарри вообще подстроил всю эту историю с ним и Грейнджер... Драко просто обязан раз и навсегда усвоить, что Гарри слишком странный для нормальных интриг.

— Гарри, ты умышленно шёл на конфликт со мной и с генералом Солнечных, просто чтобы мы объединились против тебя?

Гарри без колебаний кивнул. Как будто в мире не было ничего более естественного, и здесь нечего было стыдиться.

— Весь смысл затей с перчатками и нашим лазаньем по стенам Хогвартса, единственный смысл этой затей заключался в том, чтобы я и Грейнджер стали лучше относиться друг к другу. И всё началось гораздо раньше. Ты планировал это очень давно. С самого начала!

Ещё один кивок.

— ЗАЧЕ-Е-ЕМ?!

Вопль Драко в закрытом классе прозвучал настолько громко, что у него самого зазвенело в ушах. ЗАЧЕМ, ЗАЧЕМ, ЗАЧЕМ Гарри ТАК поступил...

Гарри на мгновение поднял брови. Это была единственная его реакция. Затем он произнёс:

— Чтобы слизеринцы вновь могли применять заклинание Патронуса.

— Это... какой-то... БРЕД! — Драко понимал, что теряет контроль над своим голосом, но он не мог остановиться. — При чём тут Грейнджер?!

— Это известная схема, — ответил Гарри. Его лицо было очень серьёзным и печальным. — Такая же, как четверть детей-волшебников у пары сквибов. Если знаешь, куда смотреть, то этот шаблон поведения можно определить моментально и безошибочно, но если о нём не знаешь, то подсказки не заметишь. Мир маглов хорошо знаком с тем ядом, что отравляет факультет Слизерина. Я знал причину заранее, Драко, я мог записать её на бумажке ещё перед первым днём нашей учёбы, когда услышал твой рассказ на станции Кингс Кросс. Сейчас я опишу некоторых жалких личностей, которые околачиваются на политических съездах твоего отца, выходцев из чистокровных семейств, которые никогда не будут приглашены на ужин в Малфой-манор. Имей в виду, я никогда их не видел, я просто предполагаю, основываясь на том, что я вижу в Слизерине...

И Гарри начал спокойно и с поразительной точностью описывать Паркинсонов, Монтегю и Боулов. Сам Драко никогда бы не посмел даже думать таким образом, ведь рядом может оказаться какой-нибудь легилимент. То, что говорил Гарри, было за гранью оскорбления, они бы просто-напросто убили его, если б только услышали...

— И как итог, — закончил Гарри, — у них самих нет никакой власти. У них нет богатства. Если бы не было маглорождённых, ко-

торых они могут ненавидеть, если бы все маглорождённые исчезли, как они этого хотят, то однажды, проснувшись утром, они бы обнаружили, что у них нет вообще ничего. Но пока они могут говорить о превосходстве чистокровных, они сами чувствуют своё превосходство, они чувствуют себя частью правящего класса. Даже если твой отец никогда и не подумает пригласить их на ужин, даже если у них нет ни галеона в хранилище, даже если они сдают СОВ хуже, чем самый отстающий маглорождённый в Хогвартсе. Даже если они больше не способны вызывать патронуса. Для них во всём виноваты маглорождённые, у них есть кто-то, кого можно винить во всех собственных провалах, и потому они становятся ещё слабее. Вот в какое ничтожество превращается Слизерин, и причиной является ненависть к маглорождённым.

— Сам Салазар Слизерин говорил, что маглорождённых надо изгнать! Что они ослабляют нашу кровь... — голос Драко поднялся до крика.

— Салазар был просто-напросто неправ! Ты ведь это знаешь, Драко! И эта ненависть отравляет весь твой факультет, тебе не удастся вызвать патронуса подобными мыслями!

— Тогда почему Салазар Слизерин мог вызывать патронуса? Гарри вытер пот со лба.

— Потому что с тех пор многое изменилось! Послушай, Драко, триста лет назад ты мог бы найти великих учёных, в своём роде таких же великих, как Салазар, которые утверждали, что некоторые маглы должны занимать подчинённое положение из-за их цвета кожи...

— Цвета кожи?! — удивился Драко.

— Да, правда глупо? Цвет кожи, а не что-то действительно важное, вроде чистой крови? Но потом кое-что в мире изменилось, и сейчас тебе уже не найти ни одного великого учёного, который всё ещё считает, что цвет кожи имеет значение, это удел жалких людей, вроде тех, что я тебе описал. Салазар Слизерин допустил эту ошибку, когда все вокруг считали так же, потому что он вырос с этим убеждением, а не потому, что ему было необходимо кого-то ненавидеть. Лишь немногие исключительно добрые люди относились к маглорождённым лучше. Но те, кто просто принимал за истину общепринятое мнение, не были так уж особенно злыми. Печально, но большинство людей вообще не замечает моральной проблемы, пока кто-либо не обратит на неё их внимание. К тому же с возрастом — а Салазар был уже немолод, когда встретил Годрика — люди теряют способность менять свои убеждения. Лишь потом

был построен Хогвартс, и маглорождённые стали получать письма с приглашениями, как настаивал Годрик, и всё больше и больше людей стали замечать, что маглорождённые ничем не отличаются.

— Сейчас ущербность маглорождённых уже не является общепринятым мнением, над которым никто не задумывается. Это вопрос большой политики, правильный ответ на который заключается в том, что маглорождённые ничуть не слабее чистокровных. И сейчас люди, разделяющие взгляды, которых придерживался Салазар, — это те, кто вырос в совсем закрытой чистокровной среде, как ты, или люди, которые сами столь жалки, что им просто необходим кто-то, над кем можно чувствовать своё превосходство, люди, которым нравится ненавидеть.

— Это не... это не так... — послышался голос Драко. Он слышал себя и удивлялся: неужели у него нет возражения получше?

— Это не так? Драко, ты же знаешь теперь, что ничего плохого в Гермионе Грейнджер нет. Я слышал, ты с трудом заставил себя сбросить её с крыши, несмотря на то, что она заранее выпила зелье замедленного падения, несмотря на то, что она была в безопасности. Как ты думаешь, кем надо быть, чтобы хотеть убить её не за что-то плохое, что она сделала, а просто потому, что она маглорождённая? Она же просто девочка, которая кинется помогать с домашней работой, если только её попросить... — голос Гарри запнулся, — кто захочет, чтобы она умерла?

Отцу...

Драко словно раздвоился и видел всё двойным зрением. С одной стороны, Грейнджер — грязнокровка, которая должна умереть, а с другой стороны, девочка на краю крыши цепляется за его руку...

— И все, кто не желает смерти Гермионы Грейнджер, не хотят общаться с теми, кто желает! Вот что теперь люди думают о Слизерине — это не факультет, где рожают хитрые планы и стараются достичь величия, а просто место, где ненавидят маглорождённых! Я заплатил Мораг сикль, чтобы она узнала у Падмы, почему та не пошла в Слизерин, мы оба знаем, что у неё был выбор. И Мораг рассказала, что Падма просто *посмотрела* на неё и ответила, что она не Панси Паркинсон. Ты понимаешь? Лучшие ученики, обладающие талантами более чем одного факультета, ученики, у которых есть выбор, надевая шляпу, думают: «Куда угодно, только не в Слизерин», и кто-то вроде Падмы попадает в Когтевран. А ещё... я думаю, Распределяющая шляпа старается поддерживать баланс между факультетами и управляет в Слизерин всех, кто хотя бы не отвергает эту ненависть.

И вот, вместо Падмы Патил, Слизерин получил Панси Паркинсон. Она не очень умна, не очень целеустремлённа, но она не возражает против того, чем становится Слизерин. И чем больше таких учеников как Падма попадают в Когтевран, и чем больше таких учеников как Панси попадают в Слизерин, тем сильнее ускоряется весь процесс. Драко, это разрушает Слизерин!

Драко с ужасом осознал, что, как минимум, частично Гарри прав. Падма изначально принадлежала Слизерину... но вместо неё Слизерин получил Панси... Отец черпал силу в малозначимых родах, вроде Паркинсонов, потому что они были удобным источником поддержки, но отец не осознавал последствий того, что их имена связывают со Слизерином...

— Я не могу... — сказал Драко, но он даже не мог сказать, чего именно он не может... — Чего ты от меня хочешь?!

— Я не знаю точно, как излечить Слизерин, — медленно ответил Гарри. — Но я знаю, что в конце концов тебе и мне придётся этим заняться. Прошли века, прежде чем наука возшла над миром маглов, это происходило медленно, но чем сильнее становилась наука, тем быстрее отступала подобная ненависть.

Голос Гарри стал тихим:

— Я не могу точно сказать, почему так вышло. Так уж оно исторически сложилось. Как будто в науке есть нечто, подобное сиянию чар Патронуса, отбрасывающее любую тьму и безумие — пусть и не сразу, но это нечто везде следует за наукой. Эпоха Просвещения — так это называли в мире маглов. Думаю, это как-то связано с поисками истины... с тем, что люди, думая логически, способны изменить свои убеждения, способны осознать, что нет смысла в ненависти из-за цвета кожи, как и нет смысла в ненависти к Гермионе Грейнджер... или, возможно, есть что-то ещё, чего даже я не понимаю. Но теперь, ты и я, мы вместе принадлежим эпохе Просвещения. Излечение Слизерина — просто одно из дел, которые нам нужно совершить.

— Дай мне подумать, — хрипло произнёс Драко, — пожалуйста. Он опустил голову на руки и задумался.

* * *

Некоторое время Драко провёл в размышлениях, закрыв глаза ладонями и полностью отгородившись от мира. Тишину нарушало лишь их дыхание. Убедительные доводы Гарри, без сомнения, содержали

зёрна истины. Но против них была очевидная, совершенно и полностью очевидная гипотеза, что же происходит на самом деле...

Спустя некоторое время, он поднял голову.

— Звучит разумно, — тихо сказал Драко.

На лице Гарри появилась широкая улыбка.

— И теперь, — продолжил Драко, — ты отведёшь меня к Дамблдору, чтобы всё стало официально?

Он постарался сказать это как можно непринуждённое.

— Ах, да, — сказал Гарри, — именно об этом я тебя и хотел спросить...

Кровь Драко застыла в венах, заледенела и стала хрупкой, как стекло...

— После разговора с профессором Квирреллом я кое о чём задумался, и какой бы ответ ты мне ни дал, я уже сглупил, не задав этот вопрос гораздо раньше. В Гриффиндоре все считают Дамблдора святым, пuffedуицы считают его сумасшедшим, когтевранцы гордятся тем, что догадались, что он только притворяется сумасшедшим, но я никогда не спрашивал о нём слизеринцев. Очевидная ошибка, которую я не должен был совершать. Однако, если даже ты думаешь, что Дамблдор — подходящая персона для совместных действий по управлению Слизерина, то, полагаю, я не упустил ничего важного...

...

...

...

— Знаешь, — сказал Драко, удивляясь спокойствию своего голоса, — каждый раз я задаюсь вопросом: ведёшь ли ты себя так, просто чтобы досадить мне? И каждый раз я говорю себе: «Это, должно быть, случайность, просто потому что никто не может поступать так специально, даже если будет пытаться, пока из ушей не пойдёт кровь». И это единственная причина, по которой я не стану душить тебя прямо сейчас.

— Э-ээ?

А лучше вообще придушить самого себя. Потому что Гарри вырос среди маглов, а затем Дамблдор беспрепятственно перетащил его со Слизерина в Когтевран, поэтому вариант, что Гарри мог вообще ничего не знать, был абсолютно правдоподобен. А Драко до сих пор не додумался ему рассказать.

Или же Гарри догадался, что Драко ещё не готов присоединиться к Дамблдору, и его вопрос — всего лишь следующий шаг в плане Дамблдора...

Но если Гарри действительно не знает, тогда предупредить его — задача первостепенной важности!

— Хорошо, — сказал Драко, наконец собравшись с мыслями. — Я не знаю с чего начать, и поэтому просто начну откуда-нибудь.

Драко сделал глубокий вдох — это будет долгий рассказ.

— Дамблдор убил свою младшую сестру, но сумел избежать наказания, потому как его брат не стал свидетельствовать против него...

* * *

Гарри слушал со всё более и более возрастающим чувством беспокойства и смятения. Он заранее готовился принять версию борцов за чистоту крови с изрядной долей недоверия. Проблема была в том, что даже с лошадиной дозой скепсиса она звучала совсем нехорошо.

Отец Дамблдора был осуждён за использование непростительных проклятий против детей и умер в Азкабана. Что нельзя считать грехом Дамблдора, но по крайней мере эту часть Гарри может легко проверить в общедоступных источниках и выяснить, стоят ли за словами приверженцев чистоты крови хоть какие-то факты.

Мать Дамблдора умерла загадочным образом незадолго до его младшей сестры, смерть которой авроры признали убийством. Было также общеизвестно, что ранее его сестра пострадала от маглов и всю оставшуюся жизнь не могла говорить, что, как отметил Драко, подозрительно напоминает результат небрежно выполненного заклинания Обливиэйт.

После того, как Гарри несколько раз прервал его, Драко наконец усвоил, какого стиля следует придерживаться в разговоре с Гарри, и теперь он сначала излагал факты, а только потом выводы и предположения.

— ...Так что тебе не нужно брать мои слова на веру, — сказал Драко. — Ты и сам всё видишь, да? Впрочем, как и любой в Слизерине. Дамблдор откладывал дуэль с Гриндевальдом до тех пор, пока не дождался наиболее выгодного для себя момента. За это время Гриндевальд превратил в руины большую часть Европы и заработал славу самого ужасного Тёмного Лорда в истории, и только после того, как он потерял золото и своих магловских приспешников, которые приносили ему кровавые жертвы, и начал терять контроль над ситуацией, Дамблдор наконец вызвал его на дуэль. Если бы Дамблдор действительно был благородным волшебником, каким притворяется, он бы сразился с Гриндевальдом гораздо раньше. Скорее всего, Дамблдор с самого

начала хотел, чтобы от Европы остались одни руины, возможно это была часть его общего с Гриндевальдом плана. И только когда ма-рионетка Дамблдора подвела его, он от неё избавился. А их великая дуэль была фарсом: невозможно, чтобы два волшебника были настолько равны, чтобы им пришлось сражаться двадцать часов подряд, пока один из них не упал от измождения. Дамблдор просто подстроил этот спектакль, — голос Драко стал ещё более негодующим. — И благодаря этому он получил место верховного чародея Визенгамота! Спустя пятнадцать веков символ Непрерывной Линии Мерлина попал в руки недостойного! А затем он стал ещё и главой Международной Конфедерации Магов. И у него уже есть неприступная крепость — Хогвартс. Никто в здравом уме не взялся бы за столько дел сразу. Неужели не очевидно, что Дамблдор пытается захватить мир?!

— Перерыв, — сказал Гарри. Он закрыл глаза и погрузился в размышления.

В сталинской России о Западе рассказывали и более страшные вещи, которые совершенно не соответствовали действительности. Впрочем, вряд ли сторонники чистоты крови стали бы придумывать откровенные небылицы... или стали бы? «Ежедневный пророк» с радостью раздувал слухи... но, опять таки, когда они зашли слишком далеко, как например в статье о его помолвке с Уизли, их одёрнули, и даже им самим стало неловко...

Гарри открыл глаза и встретил пристальный, ожидающий взгляд Драко.

— И когда ты спросил, пришло ли время тебе присоединиться к Дамблдору — это была всего лишь проверка?

Драко кивнул.

— А перед этим ты сказал, что мои доводы звучат разумно...

— И это действительно так, — сказал Драко. — Но я не знаю, могу ли я доверять тебе. Собираетесь ли вы пожаловаться на то, что я проверял вас, мистер Поттер? Одурачил вас? Подтакивал к чему-то?

Гарри понимал, что должен с улыбкой признать поражение, но был для этого слишком расстроен.

— Ты прав, это честно. И мне не на что жаловаться, — сказал он вместо улыбки. — А что на счёт Того-Кого-Нельзя-Называть? Не так плох, как его выставляют?

На лице Драко явственно проступила горечь.

— Ты думаешь, что всё это просто выдумки, чтобы показать сторону отца в хорошем свете, а сторону Дамблдора в плохом, и что сам я верю в это лишь потому, что так мне рассказывал отец.

— Такое тоже возможно, я обязан рассмотреть все варианты, — спокойно ответил Гарри.

Драко заговорил тихо и с напряжением:

— Они знали. Мой отец знал, и его друзья знали. Они знали, что Тёмный Лорд — зло. Но он был их единственным шансом против Дамблдора! Единственным волшебником, способным сражаться с ним на равных! Некоторые Пожиратели Смерти, вроде Беллатрисы Блэк, также были настоящими злодеями. Но отец не из их числа, просто ему и его друзьям не оставили выбора, Гарри. Им просто пришлось этим заниматься, иначе бы Дамблдор захватил мир. Тёмный Лорд оставался единственной надеждой!

Драко в упор смотрел на Гарри. Гарри встретил этот взгляд, пытаясь размышлять. Никто и никогда не думает о себе как о злодее — за исключением, может быть, Волдеморта или Беллатрисы, но точно не Драко. То, что Пожиратели Смерти — плохие парни, не подлежит сомнению. Вопрос в том, один ли злодей в этой истории, или всё же два...

— Я не убедил тебя, — сказал Драко. Он выглядел встревоженным и немного рассерженным, что для Гарри было совсем не удивительно — Драко, судя по всему, искренне верил в то, что рассказал.

— А должен был? — спросил Гарри, не отводя взгляда. — Должен ли я поверить во всё это, только потому, что в это веришь ты? Являешься ли ты уже достаточно сильным рационалистом, чтобы твои убеждения могли служить для меня весомыми доказательствами, только потому что ты бы вряд ли поверил во что-нибудь ложное? Когда я встретил тебя, ты не был настолько сильным. Всё то, о чём ты мне рассказал — размышлял ли ты об этом после того, как в тебе проснулся учёный, или это просто убеждения, с которыми ты вырос? Можешь ли ты, смотря мне в глаза, поклясться честью Дома Малфоев, что, если в сказанном тобой была хоть капля лжи, небольшое преувеличение, которое делает какой-то из поступков Дамблдора хуже, чем он есть на самом деле, то ты бы её заметил?

Драко уже собирался открыть рот, но Гарри его остановил.

— Нет. Не отвечай, не пятнай честь Дома Малфоев. Ты ещё не настолько силен, и ты должен это понимать. Послушай, Драко, я и сам начал замечать некоторые тревожные факты, ничего конкретного или определённого, только логические выводы, гипотезы и ненадёжные свидетельства... И в твоём рассказе тоже нет ничего определённого. У Дамблдора могли быть весомые причины для того, чтобы отложить битву с Гриндевальдом на несколько лет — хотя

причины эти должны быть очень серьёзными, особенно если принимать во внимание то, что происходило в магловском мире... и тем не менее. Знаешь ли ты о каком-нибудь безусловно злом деянии, которое точно совершил Дамблдор, таком, чтобы у меня не осталось сомнений?

Драко резко вдохнул.

— Ладно, — сказал он срывающимся голосом. — Я скажу тебе, что сделал Дамблдор.

Из складок мантии Драко появилась палочка. Он попытался произнести «Квиетус», а затем ещё раз, но даже со второй попытки, не смог справиться с произношением, поэтому Гарри достал свою палочку и сотворил заклинание вместо него.

— Однажды, — хрипло сказал Драко, — жила была девочка, и звали её Нарцисса, и она была самой красивой, самой умной и самой хитрой девочкой, которая когда-либо попадала на факультет Слизерин. Мой отец полюбил её, и они поженились. И она не была Пожирателем Смерти, она ни с кем не сражалась, она всего лишь любила моего отца!

Драко замолчал, слёзы покатались из его глаз.

Гарри почувствовал тошноту, он должен был обратить на это внимание, заметить гораздо раньше, что Драко никогда не рассказывал о своей матери!

— Она... случайно оказалась на пути проклятья?

Голос Драко поднялся до крика:

— Дамблдор сжёг её заживо в её собственной спальне!

* * *

В классе, освещённым мягким серебряным светом, один мальчик смотрел на другого, а тот всхлипывал и яростно вытирал глаза рукавами мантии.

Гарри было сложно сохранять спокойствие и воздерживаться от поспешных выводов, рассказ Драко был слишком насыщен эмоциями. Одна часть Гарри хотела заплакать от жалости, а другая точно знала, что это неправда...

«Дамблдор сжёг её заживо в её собственной спальне!»

Это...

...совсем не в стиле Дамблдора...

...но если это возражение слишком часто оказывается единственным, начинаешь сомневаться в надёжности концепции «стиля» как таковой.

— Это, это должно быть ужасно больно, — сказал Драко, с дрожью в голосе. — Отец никогда не говорит об этом, и не взду-

май поднимать эту тему в его присутствии. Но мне рассказал мистер Макнейр — в её спальне остались царапины от ногтей, когда она билась в агонии, сгорая заживо. Вот, что задолжал Дамблдор роду Малфоев, и за это он заплатит своей жизнью!

— Драко, — Гарри позволил горечи просочиться в свой голос, потому что говорить спокойно сейчас было бы неправильно. — Я сожалею, и прости меня за то, что спрашиваю, но я должен знать, как именно ты узнал, что это Дамбл...

— Дамблдор сказал отцу, что он это сделал, что это — предупреждение! Но отец не мог дать показания под Сывороткой правды, потому что он окклюмент. Он не смог даже начать судебное разбирательство против Дамблдора — союзники отца не поверили ему, после того как Дамблдор публично заявил о своей непричастности. Но мы знаем, Пожиратели Смерти знают, у отца не было причин врать, отец хотел мести убийце Нарциссы, Гарри, неужели ты не понимаешь? — иступлённо воскликнул Драко.

Если только Люциус не сделал это сам и не посчитал удобным обвинить Дамблдора.

Однако... это также и не в стиле Люциуса. Если бы это он убил Нарциссу, разумнее было бы выбрать для обвинения более лёгкую жертву, вместо того, чтобы терять политическое влияние, обвиняя Дамблдора...

Тем временем, Драко прекратил плакать и посмотрел на Гарри.

— Ну и? — выплюнул он. — Это достаточно злое деяние по вашему мнению, мистер Поттер?

Гарри опустил взгляд и смотрел на свои руки, лежащие на спинке стула. Он больше не мог смотреть в глаза Драко, в которых плескалась слишком явная боль.

— Я не ожидал услышать такое, — мягко сказал Гарри. — И сейчас я не знаю, что и думать.

— Ты не знаешь? — голос Драко перешёл в крик. Он резко поднялся из-за стола...

— Я помню, как Тёмный Лорд убивал моих родителей, — сказал Гарри. — Вот что я увидел, когда в первый раз приблизился к дементору — моё самое страшное воспоминание. Даже несмотря на то, что это было так давно. Я слышал их. Моя мать умоляла Тёмного Лорда не убивать меня: «...не Гарри, нет, пожалуйста, возьмите меня, убейте меня вместо него!» Вот о чём она молила. А Тёмный Лорд лишь посмеялся над ней. И ещё я помню вспышку зелёного света...

Гарри поднял взгляд и посмотрел на Драко.

— Итак, мы можем стать врагами, — сказал Гарри, — просто продолжить ту битву, которая началась задолго до нашего рождения. Ты можешь сказать, что моя мать заслужила смерть, так как она была женой Джеймса, который убивал Пожирателей Смерти. А вот твоя мать не должна была умирать, потому что она была невинной. Я, в свою очередь, могу сказать, что это твоя мать заслужила смерть, потому что у Дамблдора наверняка была какая-то веская причина, из-за которой сжечь заживо твою мать в её собственной спальне — нормально, и лишь смерть моей матери была несчастьем. Но знаешь, Драко, в любом случае, разве не очевидно, что мы оба будем судить предвзято? Потому что правило, которое гласит, что нельзя убивать невинных людей, не может работать в случае моей матери и не работать в случае твоей, и наоборот. Если ты скажешь, что Лили была врагом Пожирателей Смерти, и убивать врагов правильно, тогда то же самое применимо и к Нарциссе, и Дамблдор был прав, так как просто убивал врага.

Голос Гарри охрип, но он продолжал говорить:

— Таким образом, если мы хотим прийти к согласию, то итог должен звучать так: ни одна из смертей не была заслуженной, и больше ни одна мать не должна быть убита.

* * *

Ярость, бурлящая внутри Драко, была столь сильна, что он с трудом сдерживался, чтобы не выскочить из комнаты. Его удерживало лишь осознание важности момента, осколки их дружбы, и искорка сочувствия, из-за того что именно он забыл, ведь он забыл, что и мать и отец Гарри умерли от руки Тёмного Лорда.

Молчание затянулось.

— Ты можешь говорить, — сказал Гарри. — Драко, поговори со мной. Я не буду злиться — ты думаешь, что смерть Нарциссы была гораздо ужасней, чем смерть Лили? Что я не прав, даже сравнивая их?

— Полагаю, я тоже был глуп, — ответил Драко. — Всё это время... Всё это время я даже не вспоминал, что из-за того, как погибли твои родители, ты должен ненавидеть Пожирателей Смерти так же, как я ненавижу Дамблдора.

И Гарри никогда не поднимал эту тему и никогда не реагировал на его речи о Пожирателях, скрывая свою ненависть. Каким же идиотом был Драко.

— Нет, — сказал Гарри. — Это не так... это совсем не так, Драко, я... я даже не знаю как тебе объяснить... — Голос Гарри прервался, — ...единственное объяснение, которое приходит мне в голову: ты никогда не сможешь вызвать патронуса с помощью таких мыслей...

Слова Гарри отразились неожиданной болью в сердце Драко. Меньше всего он хотел бы чувствовать эту боль.

— Ты хочешь притвориться, что просто-напросто забудешь о своих родителях? И, по-твоему, я должен... забыть о своей матери?!

— Так что же, мы с тобой обязаны стать врагами?! — голос Гарри стал таким же яростным. — Что мы такого сделали друг другу, чтобы стать врагами? Я отказываюсь лезть в эту ловушку! Наша вражда не будет иметь никакого отношения к справедливости. Это бессмысленно!

Гарри остановился перевести дыхание и запустил пятерню в нарочитый беспорядок волос на своей голове, отчего, как заметил Драко, его пальцы стали влажными.

— Драко, послушай, вряд ли мы сможем прийти к согласию во всём прямо сейчас. Поэтому я не буду просить тебя признать, что Тёмный Лорд был неправ, когда убивал мою мать. Просто согласись, что её смерть — это печально. Мы не будем спорить о том, было ли это действительно необходимо, и было ли это оправданно. Всё о чём я тебя прошу, это сказать: «Жаль, что она погибла, это не должно было произойти». Сказать, что жизнь моей матери тоже была драгоценна. Просто скажи это, и сейчас этого будет достаточно. И я тоже скажу, что мне жаль, что погибла Нарцисса, её жизнь тоже была драгоценна. Не стоит ожидать, что прямо сейчас мы найдём все ответы, и между нами больше не будет противоречий, но если мы начнём с того, что скажем, что каждая жизнь драгоценна, и что любая смерть — печальна, я знаю, однажды мы сможем прийти к согласию. Вот, что я прошу тебя сказать. Не кто был прав. Не кто ошибался. Просто скажи, что тебе жаль, что погибла твоя мама, и жаль, что погибла моя мама, и будет жаль, если погибнет Гермиона Грейнджер. Любая жизнь драгоценна. Можем ли мы сойтись на этом и временно отложить остальное в сторону? Неужели этого не достаточно? Мы ведь можем, Драко? К тому же, это выглядит... похоже на мысль, с которой можно вызвать патронуса.

В глазах Гарри появились слёзы.

Драко опять начинал злиться:

— Дамблдор убил мою мать, и просто сказать «мне жаль» — абсолютно недостаточно! Я не знаю, что по твоему мнению, должен делать ты, но Дом Малфоев обязан отомстить! Не мстить за смерть членов семьи — это совершенно за гранью слабости и бесчестия, это всё равно, что перестать существовать!

— Я не спору с этим, — тихо сказал Гарри. — Но ведь ты можешь сказать, что тебе жаль, что Лили Поттер погибла? Просто одну эту фразу?

— Это... — и снова Драко с трудом подбирал слова. — Я знаю, знаю, что ты чувствуешь, но неужели ты не понимаешь — даже просто сказать, что мне жаль, что Лили Поттер погибла, значит противопоставить себя Пожирателям Смерти!

— Драко, ты должен уметь признавать, что Пожиратели Смерти могут ошибаться! Ты должен, иначе ты не сможешь развиваться как учёный. Иначе на твоём пути всегда будут возникать непреодолимые препятствия — авторитеты, которым ты не сможешь противоречить. Не каждое изменение — улучшение, но каждое улучшение — изменение. Чтобы сделать что-то лучше, сначала нужно начать думать не так как все. Драко, ты не должен бояться быть лучше, чем другие! Даже если это твой отец. Ты должен научиться замечать ошибки своего отца, потому что он не идеален, и, если ты не можешь признать это, ты не сможешь поступать лучше него.

Отец его предупреждал. В последний месяц перед тем, как Драко отправился в школу, каждый вечер отец приходил к нему перед сном и предупреждал, что в Хогвартсе будут люди с такими целями.

— Ты пытаешься заставить меня порвать с отцом.

— Я пытаюсь заставить тебя частично порвать с отцом, — сказал Гарри. — Пытаюсь помочь тебе исправить то, в чём ошибается твой отец. Я хочу, чтобы ты стал лучше него! Но вовсе... не ценой патронуса!

Голос Гарри смягчился:

— Я бы не хотел ломать что-то настолько светлое. И, как знать, возможно это тоже понадобится, чтобы исправить факультет Слизерина...

И эти слова задели что-то внутри Драко. Несмотря ни на что, они проникали в его душу. Имея дело с Гарри, нужно быть очень осторожным, потому что, даже когда он неправ, его доводы звучат очень убедительно.

— То есть ты отрицаешь, что Дамблдор сказал тебе, что ты сможешь отомстить за смерть своих родителей, отняв сына у лорда Малфоя...

— Нет. Нет. Здесь ты совсем не прав, — Гарри сделал глубокий вдох, — О Дамблдоре, Тёмном Лорде, Пожирателях Смерти, и о том, как умерли мои родители, я узнал лишь за три дня до начала учёбы в Хогвартсе, в тот день, когда мы встретились в магазине одежды. И Дамблдор даже не может оценить по достоинству магловскую науку, по крайней мере судя по его словам — мне однажды представилась возможность расспросить его. И у меня никогда не возникало даже мысли использовать тебя, чтобы отомстить Пожирателям Смерти, ни разу. Я не знал, кто такие Малfoy, когда мы встретились в том магазине, но уже тогда ты понравился мне.

Молчание затянулось.

— Как бы я хотел доверять тебе, — сказал Драко дрожащим голосом. — Если бы я мог просто знать, что ты говоришь правду, всё было бы настолько проще...

Внезапно Драко осенило.

Он придумал как узнать, был ли Гарри Поттер искренен, когда говорил о своём желании исправить Слизерин, и о том что смерть матери Драко по-настоящему его огорчает.

Это будет незаконно, а поскольку он собирается сделать это без помощи отца, то ещё и опасно, и он даже не может попросить Гарри о помощи, так как именно его он и собирается проверять, но всё же...

— Хорошо, — сказал Драко. — Я придумал подходящий эксперимент.

— Какой?

— Я хочу, чтобы ты выпил каплю Сыворотки правды, — сказал Драко. — Всего одну каплю. Ты не сможешь лгать, но сможешь не отвечать на вопрос, если не захочешь. Я ещё не знаю где, но я её достану, а также позабочусь, чтобы это было безопасно...

— Драко, я окклюмент...

— КАКАЯ НАГЛАЯ ЛОЖЬ...

— Меня учил мистер Бестер. Профессор Квиррелл это организовал. Заметь, Драко, я не отказываюсь принять каплю Сыворотки правды, если ты её достанешь, просто предупреждаю тебя, что я окклюмент. Быть может, я и не идеальный окклюмент, но мистер Бестер говорил, что мне по силам полный блок мыслей, а значит я вполне могу противостоять и Сыворотке правды.

— Ты всего лишь первокурсник! Это просто безумие!

— Есть ли у тебя знакомый легилимент, которому ты можешь доверять? Я буду рад продемонстрировать. Драко, извини меня,

но разве то, что я рассказал тебе об этом, не говорит в мою пользу? Я ведь вполне мог просто позволить тебе это сделать.

— ПОЧЕМУ?! Почему с тобой всегда так?! Почему ты всегда всё портишь, даже если это НЕВОЗМОЖНО?! И прекрати улыбаться, это не смешно!

— Извини, я правда извиняюсь, я знаю, что это не смешно, но...

Драко потребовалось время, чтобы взять себя в руки.

И всё же Гарри прав. Он мог ничего не говорить, просто позволить напоить себя Сывороткой правды. Если конечно он действительно окклюмент... Драко не знал, где ему найти легилимента, чтобы это проверить. По крайней мере можно спросить у профессора Квиррелла, говорит ли Гарри правду, но... Можно ли доверять профессору Квирреллу? Вдруг тот готов подтвердить любую ложь Гарри.

Затем Драко вспомнил, что Гарри уже ссылался на профессора Квиррелла ранее, и ему в голову пришла идея другого эксперимента.

— Ты ведь знаешь, — сказал Драко. — Знаешь, какую цену я заплачу, если я соглашусь с тобой в том, что яд, отравляющий Слизерин — это ненависть к маглорождённым и скажу, что мне жаль, что погибла Лили Поттер. И это часть твоего плана, и не говори мне, что это не так.

Гарри ничего не сказал, что было мудро с его стороны.

— Поэтому я хочу кое-что от тебя взамен, — сказал Драко. — Но сначала, я придумал для тебя тест...

* * *

Драко толкнул дверь, которую им подсказали портреты, и на этот раз дверь была верной. Их взгляду открылся небольшой пустой каменный балкон с видом на ночное небо. Не крыша, вроде той, с которой он сбросил Гарри, а крошечный, аккуратный дворик высоко над землёй, с настоящими перилами тонкой работы из ажурного камня, незаметно переходящими в пол... Насколько же много искусства было вложено в создание Хогвартса — Драко всё ещё ощущал трепет каждый раз, когда задумывался об этом. Должно быть, существовал какой-то способ создать всё это целиком, никто бы не смог продумать каждый кусочек столь детально, ведь замок менялся, но каждая новая часть была выполнена столь же искусно. Всё это настолько превосходило магию нынешних дней упадка, что никто бы не поверил что такое возможно, если бы сам Хогвартс не являлся тому доказательством.

Холодное, безоблачное, зимнее ночное небо. В последние дни января оно темнело задолго до отбоя.

В чистом воздухе ярко сияли звёзды.

Гарри сказал, что ему будет проще сделать это под звёздами.

Драко дотронулся палочкой до своей груди, сдвинул пальцы в привычном движении и шепнул «Термос». От сердца тепло распространилось по всему телу. Ветер продолжал дуть в лицо, но теперь он не казался холодным.

— Термос, — позади послышался голос Гарри.

Они вместе подошли к перилам, чтобы бросить взгляд на землю далеко внизу. Драко пытался сообразить, не находятся ли они на одной из башен, которые видны снаружи, и понял, что сейчас он не в состоянии представить, как Хогвартс выглядит со стороны. Но пейзаж внизу всегда был одинаков. Он видел размытую линию Запретного леса и отблеск луны в водах озера Хогвартса.

— Знаешь, — тихо произнес Гарри, облокотясь на перила рядом с Драко, — одна из больших ошибок маглов состоит в том, что они не выключают ночью весь свет. Даже на час раз в месяц, даже на пятнадцать минут раз в год. Фотоны рассеиваются в атмосфере и затмевают все звёзды, кроме самых ярких, и ночное небо выглядит совсем иначе, если, конечно, не уехать далеко от всех крупных городов. Если ты однажды видел ночное небо над Хогвартсом, тебе будет трудно представить жизнь в магловском городе, где нельзя увидеть звёзды. Никто не захочет провести всю свою жизнь в магловском городе, если однажды видел ночное небо над Хогвартсом.

Драко глянул на Гарри и увидел, как тот запрокинул голову, вглядываясь в Млечный Путь, раскинувшийся во тьме.

— Конечно, — всё так же тихо продолжил Гарри, — с Земли вообще нельзя нормально увидеть звёзды, всегда мешает воздух. Нужно смотреть из какого-то другого места, если ты захочешь увидеть настоящие звёзды, сияющие жёстко и ярко. Драко, тебе когда-нибудь хотелось просто рвануть в ночное небо и увидеть жизнь под другими солнцами? Если б не было никакого предела для силы магии, если б ты мог сделать что угодно, ты бы туда полетел?

Наступила тишина. Затем Драко понял, что Гарри ждёт его ответа.

— Я раньше не думал об этом, — сказал Драко, бессознательно понизив голос. — Ты правда думаешь, что когда-нибудь кто-то сможет это сделать?

— Не думаю, что это будет просто, — заметил Гарри. — Но я не намерен провести всю свою жизнь на Земле.

Драко бы посмеялся, если б не знал, что какие-то маглы уже покидали Землю, даже не используя магию.

— Чтобы пройти твою проверку, — продолжил Гарри, — мне придётся рассказать, что эта мысль значит для меня. Целиком, а не сокращённый вариант, который я уже пытался тебе объяснить. Но тебе должно быть понятно, что это та же самая идея, только обобщённая. Итак, мой вариант этой мысли, Драко, состоит в том, что когда мы достигнем звёзд, мы можем встретить там других людей. И если мы их встретим, то, конечно же, они не будут выглядеть как мы. Возможно, они произошли от кристаллов, или от больших пульсирующих капель...^{*} или вот сейчас я подумал, что, возможно, они могут быть порождены магией. В общем, со всей этой чужеродностью, как мы распознаем личность? Не по форме, не по количеству рук или ног. Не по химическому составу тела, будь то плоть, кристалл или что-то, чего я и вообразить не могу. Нам придётся распознавать в них людей по их разуму. Но даже их разумы будут работать не так, как наши. Но все, кто живут, думают, обладают самосознанием и не хотят умирать, — тоже личности. И если личности приходится умирать, это всегда печально, Драко. По сравнению с тем, что нам может встретиться, каждый человек, который когда либо жил на свете, мы все вместе — как братья и сёстры, нас почти невозможно отличить друг от друга. Те, кто встретят нас, не смогут отличить британца от француза, для них не будет никакой разницы, они просто увидят человека. Людей, которые могут любить и ненавидеть, смеяться и плакать. И для тех, кого мы встретим, все эти качества сделают нас неразличимыми, как горошины в одном стручке. Люди с других планет будут другими. Действительно другими. Но это не остановит нас и это не остановит их, если мы захотим стать друзьями.

Гарри поднял палочку и Драко отвернулся, как и обещал. Он смотрел на каменный пол и на стену с дверью. Драко обещал не смотреть и никому не говорить о том, что скажет Гарри, и вообще о том, что произойдёт здесь этой ночью, хоть он и не знал, почему это должно быть таким секретом.

— Я мечтаю, — прозвучал голос Гарри, — что однажды о разумных существах будут судить по их мыслям, а не по цвету или форме, и не по веществу, из которого они сделаны, и не по тому, кто их родители^{*}. Потому что если когда-нибудь мы сможем поладить с существами, рождёнными из кристаллов, насколько же глупо будет не поладить с маглорождёнными, которые выглядят как

мы и думают как мы, которые так же похожи на нас, как горошины из одного стручка похожи друг на друга? Существа из кристаллов даже не заметят разницы. Разве существует хотя бы одна причина, ради которой ненависть, отравляющую Слизерин, стоит брать с собой к звёздам? Драгоценна каждая жизнь. Если существо способно думать, обладает самоосознанием и не хочет умирать, — его жизнь драгоценна. Жизнь Лили Поттер была драгоценна, и жизнь Нарциссы Малфой была драгоценна, и хоть сейчас для них уже нельзя ничего исправить, жаль, что они погибли. Но есть другие жизни, которые всё ещё здесь, за которые стоит бороться. Твоя жизнь и моя жизнь, жизнь Гермiony Грейнджер, каждая жизнь на Земле и за её пределами, которую стоит защищать и охранять, *ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!*

И был свет.

Всё превратилось в серебро в этом свете: каменный пол, каменная стена, дверь, перила, всё сверкало отражённым светом так, что с трудом можно было разглядеть контуры предметов, даже воздух, казалось, сиял и свет становился всё ярче и ярче...

Когда свет погас, Драко был потрясён, его рука на автомате нырнула в мантию, чтобы достать платок, и только тогда он понял, что плачет.

— Вот результат твоего эксперимента, — послышался тихий голос Гарри. — Я действительно так думаю.

Драко медленно повернулся к Гарри, который уже опустил палочку.

— Это, это ведь какой-то фокус, верно? — спросил Драко. Он явно исчерпал свой лимит потрясений на сегодня. — Твой патронус... он не может быть настолько ярким...

И, тем не менее, это действительно был свет патронуса. Тот, кто хоть раз видел патронуса, уже не может перепутать его ни с чем.

— Это истинная форма чар Патронуса, — подчеркнул Гарри, — Нечто, позволяющее тебе вложить в патронус все свои силы, минуя внутренние преграды. И, прежде чем ты спросишь, замечу, что я научился этим чарам не у Дамблдора. Он не знает секрет, но даже если узнает, не сможет вызвать истинную форму патронуса. Я решил эту загадку самостоятельно. И я понял, что это заклинание нельзя разглашать. Я прошёл твою проверку, Драко, но ты не должен никому об этом говорить.

Драко больше не знал. Он не знал, в чём истинная сила, в чём правда. Он разрывался пополам. Драко хотелось назвать идеалы

Гарри слабостью, пuffedуи́ской глупостью, ложью, вроде тех, которыми правители успокаивают население, он хотел сказать, что Гарри оказался очень глуп, раз сам поверил в эту ложь, серьёзно принял всю эту глупость, поднял её на невиданные высоты и перенёс на сами звёзды...

Нечто прекрасное и сокрытое, таинственное и яркое...

— Смогу ли я, — прошептал Драко, — когда-нибудь вызвать такого же патронуса?

— Если ты всегда будешь искать истину, — сказал Гарри, — и если, встречая радость, не будешь отворачиваться от неё, то я уверен, ты сможешь. Думаю, человек может достичь чего угодно, даже звёзд, если будет достаточно долго идти.

Драко снова вытер глаза платком.

— Нам лучше вернуться обратно, — произнёс Драко дрогнувшим голосом, — кто-то мог заметить весь этот свет...

Гарри кивнул, шагнул к двери и вошёл, Драко напоследок взглянул на ночное небо и последовал за ним.

Кто же на самом деле Мальчик-Который-Выжил, если он уже является окклюментом, может вызывать истинную форму патронуса и делать другие странные штуки? Каким был патронус Гарри, и почему его вид должен оставаться в тайне?

Драко не стал задавать ни один из этих вопросов, потому что Гарри мог и ответить, а сегодня Драко просто был не способен вынести ещё одно потрясение. Это оказалось бы слишком. Ещё одно потрясение, и его голова просто сорвётся с плеч и покатится, покатится по коридорам Хогвартса.

* * *

Драко слишком нервничал, чтобы откладывать задуманное. По его требованию они нырнули в небольшой альков, вместо того, чтобы вернуться в класс.

Драко установил барьер тишины и вопросительно посмотрел на Гарри.

— Я всё продумал, — сказал Гарри, — Я поклянусь, но есть пять условий...

— Пять?!

— Да, пять. Смотри, Драко, подобная клятва так и просится выйти из-под контроля, ты ведь понимаешь, что, будь это пьеса, всё бы обязательно пошло наперекосяк...

— Ну, нет! — возмутился Драко. — Дамблдор убил маму. Он злодей. Ты сам говорил, что иногда не следует переусложнять, и это именно такой случай.

— Драко, — осторожно заметил Гарри, — всё, что я на самом деле знаю, это что ты сказал, что Люциус сказал, что Дамблдор сказал, будто он убил Нарциссу. Чтобы поверить в это без вопросов, я должен верить и тебе, и Люциусу, и Дамблдору. Потому, как я и сказал, есть пять условий. Первое — в любой момент ты можешь освободить меня от этой клятвы, если она потеряет смысл. Это должно быть преднамеренное и явно выраженное решение с твоей стороны, не какая-нибудь словесная уловка или вроде того.

— Хорошо, — кивнул Драко. Это звучало вполне безопасно.

— Условие номер два — я клянусь честно использовать свои способности рационалиста, чтобы определить, кто убил Нарциссу, и буду считать его своим врагом. Будь то Дамблдор или кто-то ещё. И я даю тебе слово, что приложу все свои способности рационалиста, чтобы не ошибиться. Согласен?

— Мне это не нравится, — нахмурился Драко. Весь смысл клятвы был в том, чтобы Гарри никогда не последовал за Дамблдором. Тем не менее, если Гарри честен, он очень скоро поймёт, что Драко прав насчёт Дамблдора, а если он лжёт, то уже нарушил слово... — Но я согласен.

— Условие номер три — Нарцисса действительно была сожжена заживо. Если эта часть истории окажется лишь преувеличением ради драматизма, то я должен сам решить, продолжать мне следовать клятве или нет. Иногда и хорошим людям приходится убивать. Но они никогда не истязают других до смерти. Именно потому, что Нарцисса была сожжена заживо, я могу считать, что сделавший это был злодеем.

Драко едва сдерживал поднимающийся гнев.

— Условие номер четыре — если Нарцисса запятнала себя каким-либо злодеянием, например, довела чьего-то ребёнка до безумия *Круциатусом* и в отместку была сожжена его родителем, то клятва отменяется. Потому что, пусть сжигать её было и неправильно, её следовало бы просто безболезненно убить, но это уже не было настолько же злым, как убийство просто из-за того, что Люциус её любил, и сама она никогда не делала ничего плохого, как ты сказал. Условие номер пять — если убийцу Нарциссы каким-то образом заставили это сделать, то моим врагом будет тот, кто заставил, а не тот, кого заставили.

— Всё это очень похоже на то, что ты планируешь отвертеться...

— Драко, я не стану считать хорошего человека своим врагом, ни ради тебя, ни ради кого-то ещё. Мне действительно необходимо верить в то, что он поступил неправильно. Я всё продумал, и мне кажется, что если Нарцисса сама не делала ничего плохого, просто любила Люциуса и стала его женой, то человек, который сжёг её заживо в спальне, не может быть хорошим. И я поклянусь считать своим врагом того, кто это сделал, будь то Дамблдор или кто-то ещё, если ты преднамеренно не освободишь меня от этой клятвы. Будем надеяться, что даже в пьесе такая формулировка не привела бы к ошибке.

— Мне это не нравится, — сказал Драко. — Но, хорошо. Ты клянёшься считать убийцу моей матери своим врагом, а я...

Гарри терпеливо ждал, пока Драко пытался вернуть внезапно пропавший голос.

— Я помогу тебе решить проблему с ненавистью к маглорождённым в Слизерине, — шёпотом закончил Драко. — И я соглашусь, что жаль, что Лили Поттер умерла.

— Да будет так, — произнёс Гарри.

Это случилось.

Драко понял, что разрыв ещё немного расширился. Нет, немного. Ему казалось, что он уплывает, теряется, всё дальше и дальше от берега, дальше и дальше от дома...

— Извини. — Драко отвернулся от Гарри и попытался успокоиться, ему нужно было пройти эту проверку, и он не хотел провалить её только из-за нервозности или стыда.

Драко поднял палочку в исходную позицию для чар Патронуса.

Он вспомнил, как упал с метлы, вспомнил боль и страх, он представил, как всё это исходит от высокой фигуры в плаще, похожей на утопленника.

А потом Драко закрыл глаза, чтобы лучше вспомнить отца, держащего его маленькие холодные руки в своих тёплых и сильных.

Не бойся, сынок, я здесь...

Палочка взмыла в широком жесте, отбрасывающем страх, и Драко удивился силе этого движения. И в этот миг понял, что он не потерял отца, и никогда не потеряет, и что тот всегда будет рядом с Драко, что бы ни случилось....

— *Экспекто Патронум!* — выкрикнул он.

Драко открыл глаза.

Сияющая змея смотрела на него. Ничуть не менее яркая, чем в первый раз.

Он услышал, как стоявший за его спиной Гарри облегчённо выдохнул.

Драко не отрывал взгляд от источника белого света. Видимо, он не совсем потерял.

— Твой патронус мне кое-что напомнил, — произнёс Гарри спустя некоторое время. — Мы можем проверить мою гипотезу, как использовать патронус для передачи сообщений.

— Это станет для меня сюрпризом? — уточнил Драко. — Сегодня мне бы не хотелось больше сюрпризов.

* * *

Гарри утверждал, что в его идее нет ничего необычного и что он не может представить, каким образом это может шокировать Драко, но в результате тот почему-то занервничал ещё сильнее. И всё же Драко понимал, как важно иметь возможность передавать экстренные сообщения.

Гарри предположил, что весь фокус состоит в желании поделиться хорошей новостью, той счастливой мыслью, с которой вызывается патронус, с тем, кому ты хочешь отправить сообщение. Просто вместо того, чтобы передать эту мысль словами, ты передаёшь самого патронуса. Желаеть, чтобы о твоей радостной мысли узнал получатель, и патронус отправляется в путь.

— Передай Гарри, — сказал Драко светящейся змее, хоть Гарри и стоял всего в нескольких шагах от него, на другой стороне комнаты, — эээ... чтобы остерегался зелёной обезьяны, — эта фраза была тайным знаком в одной из пьес, что он когда-то видел*.

А потом, как когда-то на станции Кингс Кросс, он захотел, чтобы Гарри узнал, как отец всегда заботился о Драко, только в этот раз он не собирался говорить это словами, а хотел передать самую счастливую мысль.

Яркая змея поползла через комнату, как будто двигаясь по воздуху, а не по полу. Добравшись до Гарри она произнесла странным голосом, в котором Драко узнал свой собственный голос, как он звучал бы со стороны:

— Остерегайся зелёной обезьяны.

— Хсссс-сссс-сшшшшшсссс, — ответил Гарри.

Змея поползла обратно к Драко.

— Гарри сказал, что сообщение получено и принято к сведению, — сообщил сияющий синий край голосом Драко.

— М-да, — сказал Гарри. — разговаривать с патронусами как-то странно.

...

...

...

...

— Что ты на меня так смотришь? — спросил Наследник Слизерина.

Послесловие

Гарри уставился на Драко.

— Ты же имеешь в виду только магических змей, да?

— Н-нет, — ответил Драко. Он был сильно бледен и всё ещё заикался, но, по крайней мере, перестал издавать бессвязные звуки. — Ты — змеууст, ты можешь разговаривать на языке змей, на этом языке говорят все змеи в любой стране. Ты можешь понимать любую змею, когда она заговорит, и они могут понимать тебя, когда ты говоришь с ними... Гарри, ты же не можешь в самом деле верить, что тебя распределили в Когтевран! Ты — Наследник Слизерина!

...

...

...

...

...

— ЗМЕИ РАЗУМНЫ?!

Утилитарные приоритеты

Субботним утром, в первый день февраля, за столом Когтеврана один мальчик нервно высматривал, нет ли в его наполненной доверху овощами тарелке каких-либо признаков мяса.

Возможно, его реакция была чрезмерной. После того, как Гарри оправился от первоначального потрясения, его рассудок проснулся и выдвинул гипотезу, что «парселтанг», должно быть, просто языковой интерфейс управления змеями...

...в конце концов, змеи никак не могут быть столь же разумны, как люди, иначе это давно бы заметили. Насколько Гарри знал, животными с самым маленьким мозгом и при этом с хоть какими-то речевыми способностями были африканские серые попугаи, которых обучала Ирен Пепперберг*. К тому же то был неструктурированный протоязык, и у серых попугаев очень сложные брачные игры, во время которых они подражают своим сородичам.

Но судя по тому, что смог вспомнить Драко, выходило, что змеи говорят со змеестами на некой разновидности обычного человеческого языка — то есть пользуясь в том числе полнофункциональной, рекурсивной синтаксической грамматикой. Даже гоминидам потребовалось время для развития речи, а ведь у них был большой мозг и жёсткий социальный отбор. Змеи же, насколько знал Гарри, не являются социальными животными. И в мире существуют многие тысячи различных видов змей — как они все могут использовать один и тот же язык?

Конечно, все эти рассуждения были продиктованы лишь здравым смыслом, веру в который Гарри начал терять уже довольно давно.

Но Гарри был уверен, что ему доводилось слышать шипение змей по телевизору — ведь знал же он откуда-то, как звучит шипение змей — и оно не казалось ему похожим на речь, что успокаивало гораздо больше...

...поначалу. Проблема была в том, что, по словам Драко, змеесты могут поручать змеям длительные и сложные задания. И если это правда, значит змеесты наделяют змей постоянным разумом, просто

поговорив с ними! И хуже всего, что это могло наделить змей и самосознанием, как случайно получилось у Гарри с Распределяющей шляпой.

Когда Гарри выдвинул эту гипотезу, Драко заявил, что ему однажды рассказывали, как Салазар Слизерин отправил юную отважную гадюку с заданием собрать информацию от других змей!

Гарри молил Ктулху*, чтобы эта история была просто сказкой, которой она, судя по всем признакам, и являлась.

Потому что если каждая змея, с которой говорил змееуст, может наделить самосознанием других змей, тогда... Тогда...

Гарри не понимал, с какой стати его мозг спотыкается о «тогда... тогда...», ведь вообще-то он отлично знает, как работает геометрическая прогрессия, но абсолютный ужас, вызванный моральной стороной вопроса, отправил разум в нокаут.

А что если кто-то придумал такое же заклинание для разговора с коровами?

Что если существуют куроусты?

Или если уж на то пошло...

Гарри замер, не донеся вилку с морковью до рта.

Нет, это совершенно невозможно, ни один волшебник не может быть настолько идиотом, чтобы....

Но Гарри с жутким ощущением безысходности понял, что совершенно точно они могут оказаться настолько идиотами. Салазар Слизерин, скорее всего, никогда, ни на секунду, не задумывался о моральных последствиях наделения змей разумом. Ему это не приходило в голову точно также, как и мысль, что маглорождённые достаточно разумны, чтобы считать их личностями. Большинство людей вообще не замечает моральной проблемы, пока кто-либо не обратит на неё их внимание...

— Гарри? — спросил Терри, сидящий рядом. Казалось, он немного опасался, что пожалеет о своём вопросе. — Что это ты так уставился на вилку?

— Я начинаю думать, что магию следует запретить, — сказал Гарри, — Кстати, ты когда-нибудь слышал истории о волшебниках, которые могли говорить с растениями?

* * *

Терри таких историй никогда не слышал.

Как и семикурсник Когтеврана, которому Гарри задал тот же вопрос.

Гарри вернулся к своему месту, но так и не сел за стол, с несчастным видом разглядывая тарелку с овощами. Голод становился

сильнее, а ведь вечером ему предстоит визит в ресторан «У Мэри», с их невероятно вкусными блюдами... У него появилось болезненное искушение вернуться к своим вчерашним предпочтениям в еде и закрыть этот вопрос.

«Тебе нужно чем-то питаться, — сказал его внутренний слизеринец. — И то, что кто-то наделил самосознанием домашних птиц, вряд ли намного вероятней того, что кто-то наделил самосознанием растения. Таким образом, раз уж тебе всё же придётся есть пищу, разумность которой под вопросом, то почему бы не насладиться этими восхитительными хорошо прожаренными ломтиками мяса дириколей?»

Я не совсем уверен, что это правильная утилитарная логика...

«О, ты хочешь утилитарной логики? Тогда, вот как мог бы думать последователь утилитарной логики: Даже в том маловероятном случае, что какой-то болван умудрился наделить куриц разумом, скорее всего лишь твоё исследование позволит это обнаружить и что-то по этому поводу предпринять. И если ты сможешь завершить своё исследование хоть немного быстрее, отбросив мысленные споры о диете, то, как бы контр-интуитивно это ни звучало, лучшее, что ты можешь сделать, чтобы спасти как можно большее количество возможно-разумных чего-то-там — это не тратить время на глупые предположения. К тому же, домовые эльфы уже приготовили еду, так что не важно, положишь ли ты её себе на тарелку или нет».

Гарри только начал обдумывать эту довольно-таки соблазнительную цепочку размышлений, когда его внутренний слизеринец опять заговорил:

«Отлично! Я рад, что теперь и ты видишь, что наиболее морально приемлемым в этой ситуации будет пожертвовать жизнями разумных существ для своего удобства, утолить свои ужасные аппетиты, с болезненным удовольствием вонзая зубы в их нежную плоть...»

Что? — мысленно возмутился Гарри. — *Ты вообще на чьей стороне?*

Внутренний слизеринец мрачно ответил: *«Однажды и ты постигнешь истину... что цель оправдывает мясоедство».*

За этой фразой последовало мысленное хихиканье.

Все внутренние личности Гарри, кроме когтевранской, оказались не способны всерьёз воспринять его моральные терзания по поводу

разумности растений. Пуффендуец кричал «Каннибализм!», каждый раз, стоило Гарри только подумать о еде, а гриффиндорец ещё и изображал, как кричит еда, отправляясь в рот:

«Каннибализм!»

«ААААЙ, НЕ ЕШЬ МЕНЯ...»

«Игнорируй эти крики и ешь! Вполне нормально пойти на компромисс с этикой ради высшей цели. Никто вокруг не беспокоится о разумности пиццы, а значит и тебе тоже не стоит обращать внимание на маленькую вероятность падения в глазах окружающих, если тебя застукают за...»

Гарри мысленно вздохнул и подумал:

Если не беспокоиться, что и нас может съест гигантский монстр, просто потому что он не сделал надлежащих исследований о разумности своего обеда...

«Меня это не беспокоит, — сказал слизеринец. — Все согласны со мной?»

(Мысленные кивки)

«Прекрасно, значит теперь, мы всё же сможем отведать эти восхитительные крылышки дириколей?»

Не раньше, чем я проведу исследование, что является разумным, а что нет. А теперь, всем заткнуться.

Гарри отвернулся от тарелки, полной таких заманчивых овощей, и направился в библиотеку...

«Ешь учеников, — сказал пуффендуец. — Вопрос об их разумности давно закрыт».

«Ты знаешь, что ты этого хочешь, — вторил ему гриффиндорец. — Держу пари, чем младше, тем вкуснее».

Гарри начал задумываться, не мог ли дементор каким-то образом навредить его воображаемым личностям.

* * *

— Честно говоря, Гарри, — довольно едко произнесла Гермиона, изучая полки с книгами по травоведению в библиотеке Хогвартса, — знаешь, в чём твоя проблема? У тебя трудности с расстановкой приоритетов. Когда тебе в голову приходит идея, ты сразу даёшь ей зелёный свет.

Гарри оставил ей записку с просьбой присоединиться к нему в библиотеке после завтрака. Но, узнав причину сегодняшнего переполоха, она, похоже, восприняла её не слишком близко к сердцу.

— Я прекрасно расставляю приоритеты, — возразил Гарри. Он выхватил с полки книгу «Коварство растений» Кейси МакНамары, и начал бегло пролистывать её в поисках оглавления. — И поэтому я хочу выяснить, могут ли растения говорить, до того как съем свои овощи.

— Тебе не кажется, что у нас есть гораздо более серьёзные поводы для волнения?

Ты говоришь как Драко, — подумал Гарри, но вместо этого сказал:

— Что может быть важнее разумности растений?

Гермиона помедлила с ответом, и в напряжённой тишине Гарри принялся изучать оглавление. В книге действительно нашлась глава под названием «Язык растений». Сердце Гарри на мгновение замерло, и он лихорадочно зашелестел страницами в поисках нужной.

— Иногда, — произнесла наконец Гермиона, — я вообще, абсолютно и полностью не понимаю, что же творится у тебя в голове.

— Смотри, здесь всё дело в восприятии масштабов, понимаешь? В мире очень-очень много растений, если они неразумны, то это не имеет значения, но если растения столь же разумны как и мы, то с этической точки зрения они важнее, чем все люди на Земле вместе взятые. Сейчас твой мозг, конечно же, не в состоянии понять это на интуитивном уровне, потому что он не воспринимает масштаб. Например, если опросить три разные группы жителей Канады, сколько денег они готовы пожертвовать, чтобы спасти две тысячи, двадцать тысяч, или двести тысяч птиц от смерти в нефтяном пятне, выяснится, что первая группа в среднем будет согласна заплатить семьдесят восемь, вторая — восемьдесят восемь, а третья — восемьдесят долларов. Практически одинаково, другими словами. Это называется «пренебрежение масштабом». Твой мозг представляет одну птичку, пойманную в ловушку масляного пятна, и именно эта картина определяет, сколько ты заплатишь. Но никто не может вообразить даже две тысячи чего угодно, поэтому все числа отправляются прямым ходом в утиль. А теперь подумай о сотнях триллионов разумных растений с учётом этой предвзятости, и ты поймёшь, что это возможно в тысячу раз более важно, чем всё человечество вместе взятое... Ох, слава Азатоту*, здесь написано, что только мандрагоры способны разговаривать, и говорят они на обычном человеческом языке. Про заклинания, которые позволяют разговаривать вообще с любым растением, здесь ничего не сказано...

— Вчера утром за завтраком ко мне подошёл Рон, — сказала Гермиона. Теперь её голос звучал чуточку тише, немного печально, и даже, возможно, слегка испуганно. — Он сказал, что пришёл в ужас, когда увидел, как я тебя поцеловала. Что твои слова, после того как ты подвергся воздействию дементора, должны были показать мне, как много в тебе зла. И что если я собираюсь стать приспешником Тёмного волшебника, то он уже не уверен, хочет ли он и дальше быть в моей армии.

Гарри перестал листать страницы. Похоже, его мозг, несмотря на все свои абстрактные знания, на эмоциональном уровне по-прежнему был не в состоянии правильно оценить масштабы происходящего, поскольку он насильно переключил внимание Гарри с триллионов потенциально разумных травинок, которые, возможно, страдают и умирают прямо сейчас, на единственного человека, который оказался ему ближе и дороже.

— Рон — самая большая задница в мире, — произнёс Гарри. — И в газетах об этом не пишут только потому, что это ни для кого не секрет. Сколько ты сломала ему рук и ног, после того как выгнала?

— Я пыталась объяснить ему, что ничего подобного не происходит, и что ты совсем не такой, но, похоже, он после этого стал даже большей... таким, как ты сказал.

— Да, бывает, — сказал Гарри. Удивительно, но он не смог как следует разозлиться на капитана Уизли. Видимо, беспокойство за Гермиону перевешивало сейчас остальные чувства. — Чем больше ты пытаешься оправдаться перед такими людьми, тем больше они уверяются в своём праве судить тебя. Ты как бы показываешь, что согласна с этим. Стоит однажды дать кому-нибудь такую власть над собой, и они будут пользоваться ею всё больше и больше.

Это был один из уроков Драко Малфоя, который Гарри счёл очень полезным. К тем, кто оправдывается, придираются по каждому мелкому поводу, и на все эти придирки ответить невозможно. Но если сразу же дать всем понять, что ты выше толпы и социальных условностей, большую часть твоих промахов никто не заметит.

— Поэтому когда за обедом ко мне подошёл Рон, и сказал, чтобы я держался от тебя подальше, я опустил руку к самому полу, и ответил: «Видишь, как высоко я держу руку? Чтобы говорить со мной, твой интеллект должен быть, как минимум, столь же высок.» Затем он обвинил меня в, цитирую, засасывании тебя во тьму, на что я сложил губы трубочкой и издал звук «йес-с-с-с-суп». Потом

он ещё что-то лопотал, так что я применил заклинание Квиетус. Вряд ли он ещё когда-нибудь возьмётся читать мне мораль.

— Я понимаю, почему ты так поступил, — сказала Гермиона натянутым голосом. — Я тоже хотела сказать, чтобы он отвалил, и всё же я жалею о твоём поступке, Гарри, потому что этим ты очень усложнил мне жизнь!

Гарри вновь оторвался от «Коварства растений» — такими темпами, ему вряд ли вообще удастся что-нибудь прочитать. Он посмотрел на Гермиону — та продолжала читать какую-то книгу, не глядя в его сторону. Будто не замечая его пристального взгляда, она перевернула ещё одну страницу.

— Я думаю у тебя в корне неверный подход к данной проблеме, ты вообще не должна пытаться обороняться, — сказал Гарри. — Я правда так думаю. Ты та, кто ты есть. Твои друзья те, кого ты сама выбираешь. А если до тебя кто-то докапывается, скажи ему, чтобы шёл лесом.

Гермиона лишь покачала головой и перевернула ещё одну страницу.

— Вариант номер два, — продолжил Гарри, — подойди к Фреду с Джорджем и попроси их поговорить с их заблудшим младшим братом, эти двое — по-настоящему хорошие парни...

— Дело не только в Роне, — почти шёпотом, ответила Гермиона. — Так говорят многие, Гарри. Даже Мэнди смотрит на меня с тревогой, когда думает, что я не замечу. Смешно, правда? Я беспокоюсь, что профессор Квиррелл затягивает тебя во тьму, а теперь люди предостерегают меня о том же, о чём я пытаюсь предостеречь тебя.

— Н-да, — сказал Гарри. — Это не помогает тебе с большим оптимизмом смотреть на моё общение с профессором Квирреллом?

— Если коротко — нет.

Молчание длилось довольно долго. Гермиона перевернула ещё одну страницу, а когда она заговорила, её голос опустился до шёпота:

— А, а Падма рассказывает всем подряд, что раз я не могу использовать заклинание П-патронуса, значит я лишь п-притворяюсь х-хорошей...

— Да она сама даже не попыталась! — возмущённо воскликнул Гарри. — Если бы ты взаправду была Тёмной ведьмой, которая притворяется доброй, ты бы не стала и пытаться вызвать патронуса перед всеми. Или они считают тебя совсем дурой?

Гермиона слабо улыбнулась, и несколько раз моргнула.

— Эй, это мне нужно волноваться, ведь я на самом деле могу стать злодеем. В твоём же случае, наихудший сценарий заключается

в том, что люди будут думать, что ты хуже, чем ты есть на самом деле. Это смертельно? В смысле, так ли уж это плохо?

Гермиона нахмурилась, но всё же кивнула.

— Смотри, Гермиона... Если тебя так сильно волнует мнение других людей, и ты чувствуешь себя несчастной всякий раз, когда их представления о тебе не совпадают с твоими собственными, то ты обречена быть несчастной всегда. Потому что никто и никогда не думает о нас так, как мы сами.

— Я не знаю, как объяснить тебе, Гарри, — мягко и печально ответила Гермиона, — и не уверена, сможешь ли ты это когда-нибудь понять. Мне в голову приходит лишь вопрос: «А как бы ты себя чувствовал, если бы я считала тебя злым?»

— Эм-м, — Гарри представил себе это. — Да-а, мне было бы больно. Очень. Но поскольку ты хороший человек и не станешь бросаться подобными словами просто так, то ты заслужила эту власть надо мной. Если ты считаешь, что я ступил на неверный путь, это не будет для меня пустым звуком. Мне на ум не приходит ни один другой ученик, чьим мнением я дорожил бы так же сильно...

— Ты можешь с этим жить, — прошептала Гермиона Грейнджер. — Я нет.

В тишине она перелистнула ещё три страницы. Но едва Гарри вернулся к своей книге и попытался опять сфокусировать на ней внимание, Гермиона тихо спросила:

— Ты действительно считаешь, что я не должна знать, как работает заклинание Патронуса?

— Я... — Гарри сглотнул комок в горле. Он вдруг представил, что не знает, как работает заклинание Патронуса, что он не способен показать его Драко, что ему просто сказали, что есть причина, по которой он не должен знать, и ничего больше. — Гермиона, твой патронус будет сиять, но он будет отличаться, будет не соответствовать представлениям людей о патронусах. Любой, кто увидит его поймёт, что происходит что-то странное. Даже если я расскажу тебе секрет, ты сможешь продемонстрировать кому-нибудь своего патронуса, только попросив этого кого-нибудь отвернуться, чтобы он мог видеть только свет патронуса, но не его самого, и... К тому же, самое главное в любом секрете — то, что он вообще существует. Ты сможешь показать свет своего патронуса лишь нескольким своим друзьям, и тебе придётся взять с них клятву, что это останется секретом...

Голос Гарри беспомощно затих.

— Понятно, — тем же тихим голосом ответила Гермиона.

Гарри было тяжело не выболтать секрет прямо здесь, в библиотеке.

— Я, я не должен, правда не должен, это опасно! Гермиона, если секрет раскроется, это причинит много зла! Ты слышала выражение, что трое могут хранить секрет, только если двое из них мертвы? Ты понимаешь, что рассказать всё ближайшим друзьям означает рассказать всем, потому что тем самым ты доверяешь секрет не только им, но и всем, кому они доверяют? Эта тайна слишком важна, раскрыть её — крайне опасно, такие решения нельзя принимать ради спасения чьей-то репутации в школе!

— Ладно, — Гермиона закрыла книгу и положила её на полку. — Гарри, извини, я не в состоянии сейчас сосредоточиться.

— Может, я могу сделать что-нибудь другое?..

— Будь добрее к людям.

Девочка ушла, не оглядываясь, что, наверное, было и к лучшему, потому что мальчик от её слов застыл на месте.

Спустя некоторое время он опять начал переворачивать страницы.

Глава 49

Априорная информация

Просёлочная дорога выходит из ворот Хогвартса и исчезает где-то за горизонтом. Рядом с ней, на поляне, у окраины не-запретного леса ждёт мальчик. На дороге стоит карета. Мальчик не подходит к ней близко, но разглядывает пристально, лишь изредка отводя взгляд в сторону.

Вдалеке, на той же дороге виден мужчина в профессорской мантии. Сильно ссутулившись и еле переставляя ноги, он медленно движется к мальчику.

Спустя полминуты, когда мальчик в очередной раз на секунду отворачивается от предмета своего изучения, он успевает заметить, как плечи мужчины расправляются, на лице появляется осмысленное выражение, а походка приобретает уверенность и плавность.

— Здравствуйте, профессор Квиррелл, — сказал Гарри, продолжая пристально наблюдать за каретой.

— Приветствую, — послышался спокойный голос профессора. — Вы как будто не решаетесь подойти к нашему транспортному средству. Заметили что-то необычное?

— Необычное? — повторил Гарри. — Да нет, всё как всегда. Четыре сидения, четыре колеса, два огромных лошадиных скелета с крыльями...*

В бездонной чёрной пасти блеснули большие белые зубы — обтянутый кожей череп одной из лошадей повернулся в его сторону, словно показывая, что они так же рады Гарри, как и он им. Вторая скелетоподобная лошадь затрясла головой, словно смеясь, однако никаких звуков слышно не было.

— Это фестралы, и карету всегда возили именно они, — безмятежно сказал профессор Квиррелл. Он забрался на переднюю скамейку и сдвинулся как можно дальше вправо. — Их могут увидеть лишь те, кто видел смерть и осознал её. Весьма действенная защита от большинства хищников. Хм. Полагаю, когда вы в первый

раз подошли к дементору, вашим самым страшным воспоминанием оказалась ночь вашей встречи с Тем-Кого-Нельзя-Называть?

Гарри мрачно кивнул. Правильная догадка, хоть и сделанная на основе неверных предпосылок. *Те, кто видел Смерть...*

— Вспомнили что-нибудь интересное?

— Да, вспомнил, — коротко ответил Гарри, не развивая тему. Он не был готов выдвигать обвинения... пока что.

Профессор Защиты улыбнулся одной из своих сдержанных улыбок и поманил его нетерпеливым жестом.

Гарри преодолел расстояние до кареты и, поморщившись, забрался внутрь. Чувство тревоги значительно усилилось со дня встречи с дементором, хотя до того оно постепенно уменьшалось. Они разместились в максимально удалённых друг от друга углах кареты, но теперь даже этого было недостаточно.

Скелетоподобные лошади пустились рысью, унося карету ко внешней границе Хогвартса. Профессор Квиррелл опять перешёл в зомби-режим. Чувство тревоги хоть и отступило, но продолжало зудеть на краешке сознания Гарри, не позволяя забыть о себе полностью...

Карета катилась вперёд, лес прокручивался назад. Деревья сменялись со скоростью движения неторопливого ледника, если сравнивать с мётлами или хотя бы автомобилями. Есть в этих медленных путешествиях что-то странно-усыпляющее, подумалось Гарри. Во всяком случае, именно такое действие они оказывали на профессора Защиты — тот сгорбился на сидении, и слюна тоненькой струйкой стекала из уголка его рта на мантию.

Гарри до сих пор не мог решить, что ему можно будет есть за обедом.

Проведённое в библиотеке исследование не выявило никаких свидетельств существования волшебников, способных говорить с растениями или с другими немагическими животными, за исключением змей. Разве что в книге «Заклинание и речь» Пола Бридлава упоминалась вероятно-мифическая история о колдунье, которую звали Госпожой Белок-летяг.

Гарри очень хотел спросить об этом профессора Квиррелла, но его останавливало то, что профессор был слишком проницателен. Судя по словам Драко, обнаружение информации о Наследнике Слизерина вызовет эффект разорвавшейся бомбы, и Гарри не был уверен, хочет ли он разделить этот секрет ещё с кем-нибудь. А стоит Гарри только заикнуться о Парселтанге — профессор Квиррелл пригвоздит его взглядом своих бледно-голубых глаз и скажет: «Всё

ясно, мистер Поттер, значит, вы обучали мистера Малфоя чарам Патронуса и случайно заговорили с его змеей».

И совершенно не важно, что вопрос о языке змей — недостаточное свидетельство для получения правильного ответа в виде гипотезы и тем более для преодоления её априорной невероятности. Каким-то образом профессор Защиты всё равно вычислит правду. У Гарри неоднократно появлялось подозрение, что профессор Квиррелл знает гораздо больше, чем рассказывает — его предположения слишком хороши. Даже основывая своё мнение на неверных предпосылках, он приходил к потрясающе верным выводам. И проблема заключалась в том, что в половине случаев Гарри не мог понять, откуда профессор получил дополнительную подсказку. Гарри хотел хотя бы раз сделать какой-нибудь невероятно проницательный вывод из слов профессора Квиррелла, который полностью застанет того врасплох.

* * *

— Тарелку зелёного чечевичного супа с соевым соусом, — сказал профессор Квиррелл официантке. — И чили Тенорманов для мистера Поттера*.

Гарри был в смятении. Он хотел придерживаться вегетарианской диеты, но за всеми своими рассуждениями напрочь забыл, что заказы за него делает профессор Квиррелл и будет очень неловко, если Гарри сейчас начнёт возражать...

Официантка поклонилась и уже собиралась уходить...

— Эм-м, прошу прощения, в этом блюде есть мясо каких-нибудь змей или белок-летяг?

Ничуть не изменившись в лице, официантка повернулась к Гарри и покачала головой. Затем ещё раз вежливо поклонилась и направилась к двери.

(Воображаемые личности Гарри потешались над ним. Гриффиндорец сыпал язвительными комментариями на тему того, как мало ему нужно, чтобы смириться с *Каннибализмом!* (вставил пuffedуец), а слизеринец отмечал, как прекрасно, что у Гарри такая гибкая этика, когда дело доходит до важных вопросов, вроде поддержания дружеских отношений с профессором Квирреллом.)

После того как официантка закрыла за собой дверь, профессор Квиррелл махнул рукой, задвигая щеколду, произнёс четыре привычных уже заклинания, обеспечивающих приватность, и сказал:

— Интересный вопрос, мистер Поттер. Любопытно, чем он вызван?

Лицо Гарри осталось невозмутимым.

— Не так давно я искал какую-нибудь полезную информацию о чарах Патронуса, — сказал он. — И если верить книге «Заклинание Патронуса: Волшебники, которые могли и которые не могли», то Годрику, в отличие от Салазара, это заклинание было неподвластно. Я был удивлён и решил поискать дополнительные сведения в книге «Жизнь и могущество Четверых», на которую указывала сноска. А затем я узнал, что, предположительно, Салазар Слизерин мог говорить со змеями. — (Последовательность во времени — это не то же самое, что и причинная связь, и не будет вины Гарри, если профессор Квиррелл упустит этот нюанс.) — В дальнейших исследованиях я также натолкнулся на старую историю о ком-то наподобие богини-матери, которая могла говорить с белками-летягами. Поэтому меня немного беспокоит вероятность съесть кого-то, способного разговаривать.

И Гарри как ни в чём не бывало отпил из стакана...

...как раз в тот момент, когда профессор Квиррелл спросил:

— Мистер Поттер, верна ли моя догадка, что вы тоже являетесь змееустом?

Прокашлявшись, Гарри поставил стакан с водой обратно на стол, упёрся взглядом профессору Квирреллу куда-то в подбородок, лишь бы не смотреть в глаза, и сказал:

— Так значит вам мои барьеры окклюмента — не помеха?

Профессор Квиррелл широко ухмылялся:

— Буду считать это комплиментом, мистер Поттер, но нет.

— Я на это больше не куплюсь, — сказал Гарри. — Вы никак не могли прийти к такому выводу на основе имеющихся данных.

— Конечно, не мог, — спокойно ответил профессор Квиррелл. — Я планировал в любом случае спросить вас об этом сегодня и просто выбрал подходящий момент. На самом деле, подозрения у меня возникли ещё в декабре.

— В декабре?! — воскликнул Гарри. — Да я сам узнал только вчера!

— А, так значит, вы не поняли, что Распределяющая шляпа говорила с вами на змеином языке?

Профессор Защиты идеально подгадал время второго вопроса. Гарри как раз делал глоток, чтобы прочистить горло от предыдущего приступа кашля.

До этого момента Гарри действительно не понимал, что голос, который обратился к нему в конце беседы со Шляпой, говорил на парселтанге. Но теперь это стало очевидным.

Точно, ведь профессор МакГонагалл даже предупреждала его, чтобы он не разговаривал со змеями на виду у людей, но он подумал, что она имела в виду — не разговаривать на виду у всех со статуями или архитектурными украшениями в Хогвартсе, которые похожи на змей. Обоюдная иллюзия прозрачности*: он думал, что понял её, она думала, что он понял её, но как, чёрт побери...

— Значит, — проговорил Гарри, — вы использовали легилименцию во время нашего первого занятия, чтобы узнать, что случилось с Распределяющей шляпой...

— Тогда я узнал бы об этом не в декабре, — профессор Квиррелл улыбнулся и откинулся на спинку кресла. — Это не та загадка, которую вы могли бы разгадать самостоятельно, мистер Поттер, поэтому я скажу ответ. На зимних каникулах мне сообщили, что директор подал запрос на проведение закрытого судебного заседания, чтобы пересмотреть дело некоего мистера Рубеуса Хагрида, который известен вам как лесничий и хранитель ключей Хогвартса. Он был обвинён в убийстве Абигейл Миртл в 1943-ем году.

— О, конечно, — произнёс Гарри. — Из этого очевидным образом следует, что я змееуст. Профессор, тысяча ползучих змей, что...

— Другим подозреваемым в том убийстве было чудовище Слизерина, легендарный обитатель Тайной Комнаты Слизерина. Вот почему определённые источники предупредили меня об этом, и вот почему это привлекло моё внимание настолько, что я потратил немало денег на взятки и разузнал подробности этого дела. Фактически, мистер Поттер, мистер Хагрид невиновен. До смешного очевидно невиновен. С тех пор, как Конфундо, применённое Гриндевальдом к Невиллу Чемберлену, было приписано Аманде Нокс*, из всех ошибочно осуждённых судебной системой магической Британии он самый невиновный. Директор Диппет заставил подставного ученика обвинить мистера Хагрида, поскольку Диппету был необходим козёл отпущения, чтобы свалить на него смерть мисс Миртл, и наша чудесная судебная система посчитала это достаточно благовидным предложением, чтобы выдать приказ об отчислении мистера Хагрида и сломать его палочку. Для пересмотра дела нашему нынешнему директору достаточно просто предъявить какое-нибудь новое, достаточно значимое доказательство. И поскольку на этот раз влиять на процесс будет не Диппет, а Дамблдор, то результат заранее предreshён. У Люциуса Малфоя нет никаких особых причин опасаться оправдания по делу мистера Хагрида. Следовательно, Люциус Малфой будет возражать, лишь пока ему это не будет

ничего стоять, просто чтобы создать трудности Дамблдору. И директора это явно не остановит.

Профессор Квиррелл глотнул воды.

— Но я отвлёкся. Новое доказательство, которое директор обещает предъявить — это ранее никем не обнаруженное заклятие, наложенное на Распределяющую шляпу. Директор заявляет, что он лично определил, что оно срабатывает только со слизеринцами, которые при этом являются змеестами. Директор также доказывает, что этот факт свидетельствует в пользу версии, что Тайная Комната действительно была открыта в 1943 году, а приблизительно тогда в Хогвартсе учился Тот-Кого-Нельзя-Называть, чьё владение змеиным языком общеизвестно. Довольно сомнительная логика, но суд может вынести решение, что это достаточно сильно меняет дело, чтобы поставить вину мистера Хагрида под сомнение. Если, конечно, они сумеют сохранить бесстрастное выражение лиц, пока будут это произносить. А теперь мы подходим к ключевому вопросу: как именно директор смог обнаружить скрытое заклятие на Распределяющей шляпе?

Профессор едва заметно улыбался.

— Что ж, давайте предположим, что в потоке учеников этого года был змеест, потенциальный Наследник Слизерина. Согласитесь, мистер Поттер, что как только речь заходит о выдающихся учениках, вы в числе первых приходите на ум. А если задаться вопросом, воспоминания какого слизеринца-первокурсника о Распределении с большей вероятностью привлекли бы внимание директора, то круг сужается ещё сильнее, — улыбка исчезла. — Поэтому, как видите, мистер Поттер, в ваши мысли заглядывал не я. Но требовать от вас извинений излишне, вы не виноваты, что поверили заверениям Дамблдора в том, что он уважает вашу ментальную неприкосновенность.

— Мои искренние извинения, — сказал Гарри, стараясь сохранить на лице бесстрастное выражение, которое, впрочем, могло само по себе служить признанием, как и испарина, выступившая у него на лбу. Впрочем, он надеялся, что профессор Защиты не придаст этому значения, просто решит, что Гарри нервничает, поскольку раскрылось, что он — Наследник Слизерина. А не потому, что Гарри добровольно выдал секрет Слизерина... что сейчас уже не казалось таким уж разумным поступком.

— Итак, мистер Поттер. Есть какие-нибудь успехи в поисках Тайной Комнаты?

Нет, подумал Гарри. Но иногда нужно уходить от вопросов, даже если тебе нечего скрывать, иначе в другой раз, когда тебе будет,

что скрывать, и придётся уходить от вопросов, станет очевидно, что у тебя появилась тайна.

— Со всем уважением, профессор Квиррелл, даже добейся я подобных успехов, для меня вовсе не очевидно, что мне следует рассказывать о них вам.

Профессор Квиррелл снова отпил воды из стакана.

— Что ж, мистер Поттер, я без утайки расскажу, что знаю или подозреваю сам. Во-первых, я верю, что Тайная Комната действительно существует, как и чудовище Слизерина. С момента смерти мисс Миртл прошли часы, прежде чем о ней стало известно, а охранные чары должны были предупредить директора немедленно. Таким образом, убийство совершил либо директор Диппет, что маловероятно, либо некое существо, которому Салазар Слизерин при создании защитных чар замка оставил больше возможностей, чем самому директору. Во-вторых, подозреваю, что, вопреки расхожей легенде, предназначение чудовища вовсе не в том, чтобы избавить Хогвартс от маглорождённых. Если, конечно, чудовище не сильно настолько, чтобы справиться с директором и учителями. Многочисленные таинственные убийства привели бы только к закрытию школы, как чуть не случилось в 1943 году, или к созданию новых охранных чар. Так зачем же нужно чудовище Слизерина, мистер Поттер? Каково его настоящее предназначение?

— Эм... — Гарри уронил взгляд в собственный стакан и попытался подумать. — Чтобы убить любого непрошеного гостя, который проникнет в Комнату...

— Чудовище, достаточно сильное, чтобы справиться с командой волшебников, пробившейся сквозь лучшие охранные чары, какие Салазар сумел наложить на Комнату? Маловероятно.

Гарри уже чувствовал себя как на экзамене.

— Ну, это ведь «Тайная Комната», поэтому, возможно, чудовище хранит какую-то тайну, или само является тайной?

И если так, то, прежде всего, какие тайны хранились в Тайной Комнате? Гарри ещё не приступал к тщательным исследованиям этого вопроса, отчасти из-за впечатления, что никто ничего не знает...

Профессор Квиррелл улыбался:

— Почему было просто не записать тайну?

— Ах-х-х... — вырвалось у Гарри. — Потому что, если чудовище говорит на змеином языке, можно быть уверенным, что только истинный Наследник Слизерина сможет его понять?

— Достаточно легко заставить защитные чары Комнаты отзываться на фразу, сказанную на змеином языке. Зачем утруждать

себя, создавая чудовище Слизерина? Вряд ли легко было создать существо, способное жить веками. Ну же, мистер Поттер, по-моему, это очевидно. Что это за тайны, которые одно живое существо может рассказать другому, но которые при этом невозможно записать?

Осознание пришло вместе с выбросом адреналина, от которого у Гарри бешено заколотилось сердце и ускорилося дыхание.

— Ой!

Салазар Слизерин действительно был очень хитёр. Достаточно хитёр, чтобы придумать способ обойти Запрет Мерлина.

Могущественные заклинания невозможно передавать через книги и призраков, но если удастся создать разумное существо, живущее достаточно долго, и с достаточно хорошей памятью...

— Мне кажется очень вероятным, — произнёс профессор Квиррелл, — что Тот-Кого-Нельзя-Называть начал свой путь к могуществу с тайн, полученных от чудовища Слизерина. Что именно потерянные знания Салазара — источник его необычайно сильных чар. Отсюда и проистекает мой интерес к Тайной Комнате и делу мистера Хагрида.

— Ясно, — выдохнул Гарри. А если он, Гарри, найдёт Тайную Комнату Салазара... Тогда все знания, полученные Лордом Волде-мортом, будут принадлежать и ему тоже.

Да. Именно так всё и должно произойти.

Потерянные знания Слизерина плюс исключительный интеллект Гарри, а ещё несколько новейших магических разработок и парочка магловских ракетных установок, и исход битвы будет предreshён. Гарри это полностью устроит.

На его лице появилась очень злоеющая ухмылка. *Теперь самая приоритетная задача: обойти в Хогвартсе все предметы, которые хотя бы отдалённо напоминают змей, и попытаться с ними поговорить. Можно начать с тех, говорить с которыми он уже пробовал, только на этот раз пользоваться змеиной речью вместо английского... Попросить Драко, чтобы он провёл меня в слизеринские комнаты...*

— Не слишком увлекайтесь, мистер Поттер, — сказал профессор Квиррелл. Его лицо потеряло всякий намёк на эмоции. — Продолжайте думать. Что Тёмный Лорд сказал чудовищу на прощанье?

— Что?! — воскликнул Гарри. — Каким образом мы вообще можем это узнать?

— Представьте себе эту сцену, мистер Поттер. Позвольте своему воображению дорисовать детали. Чудовище Слизерина — вероятно, какая-то огромная змея, с которой может разговаривать только зме-

еуст, — завершает передачу всех известных ей знаний Тому-Кого-Нельзя-Называть, передаёт благословение Салазара и предупреждает, что Тайная Комната должна оставаться закрытой до тех пор, пока следующий Наследник Салазара не окажется достаточно хитроумен, чтобы её открыть. Будущий Тёмный Лорд кивает и отвечает...

— Авада Кедавра, — сказал Гарри, чувствуя как тошнота подступает к горлу.

— Правило двенадцатое, — тихо произнёс профессор Квиррелл. — Никогда не оставляйте источник своего могущества там, где его может найти кто-то ещё.

Гарри уткнулся взглядом в скатерть, которая украсилась на этот раз траурным узором из чёрных цветов и теней. Почему-то Гарри стало очень грустно, когда он представил эту сцену. Великий змей Слизерина всего лишь хотел помочь Лорду Волдеморту, а Лорд Волдеморт просто... в этом было что-то невыносимо печальное, что за человек мог так поступить с существом, которое лишь предлагало ему дружбу...

— Вы правда думаете, что Тёмный Лорд...

— Да, — коротко ответил профессор Квиррелл. — Тот-Кого-Нельзя-Называть оставил за собой немало трупов, мистер Поттер. Я сомневаюсь, что он стал бы делать исключение в данном случае. Если там были какие-либо артефакты, которые можно унести, Тёмный Лорд наверняка забрал с собой и их. Может, конечно, в Тайной Комнате и осталось что-то, заслуживающее внимания, к тому же если вы найдёте её, то докажете, что вы истинный Наследник Слизерина. Но не возлагайте на неё слишком много надежд. Я подозреваю, что всё, что вы там найдёте — останки чудовища, тихо покоящегося в своей могиле.

Некоторое время они сидели в тишине.

— Я могу ошибаться, — добавил профессор Квиррелл. — В конце концов, это только догадки. Я просто хотел предупредить вас, мистер Поттер, чтобы вы не слишком жестоко разочаровались.

Гарри коротко кивнул.

— Кое-кто может даже пожалеть о своей победе в младенчестве, — произнёс профессор, криво улыбаясь. — Если бы Тот-Кого-Нельзя-Называть выжил, вы могли бы убедить его, как один Наследник Слизерина другого, передать вам знание, которое является и вашим наследием.

Улыбка искривилась ещё сильнее, будто высмеивая очевидную невозможность такой сцены, даже будь исходное допущение истиной.

Заметка на будущее, — подумал Гарри, ощущая лёгкий холодок и гнев, — *тем или иным образом вытащить из разума Тёмного Лорда моё наследство.*

Молчание затянулось. Профессор Квиррелл поглядывал на Гарри, будто ожидая от того какого-то вопроса.

— Раз уж мы затронули эту тему, — сказал Гарри, — я хотел бы спросить, как по-вашему вообще работает змеиный язык...

В дверь постучали. Профессор Квиррелл предупреждающе поднял палец и взмахом руки открыл дверь. Вошла официантка с огромным подносом, полным еды, причём держа его так, будто он ничего не весил (так скорее всего и было). Она поставила перед профессором тарелку с зелёным супом и бокал его обычного кьянти, а перед Гарри — тарелку с тонкими полосками мяса в густом соусе и его обычный стакан газировки с патокой. Затем официантка поклонилась, причём казалось, что она кланяется не формально, а действительно выражает глубокое уважение, и удалилась.

Когда она ушла, профессор Квиррелл вновь поднял палец, призывая к молчанию, и достал палочку. Он начал выполнять заклинания одно за другим и Гарри, узнав их, затаил дыхание. Мистер Бестер выполнял эту серию чар точно в таком же порядке, полный набор из двадцати семи заклинаний, которые нужно применять перед обсуждением любой по-настоящему важной темы.

И если даже обсуждение Тайной Комнаты не считалось настолько важным...

Закончив с заклинаниями (он использовал аж тридцать заклинаний, три из них Гарри слышал впервые), профессор Квиррелл сказал:

— Теперь нас какое-то время не побеспокоят. Могу ли я доверить вам секрет, мистер Поттер?

Гарри кивнул.

— Серьёзный секрет, мистер Поттер, — добавил профессор Квиррелл. Он пристально смотрел на Гарри. — Его разглашение может отправить меня в Азкабан. Подумайте, прежде чем отвечать.

На какой-то миг Гарри даже удивился, почему этот вопрос так важен, учитывая его растущую коллекцию секретов. Затем...

Если этот секрет может отправить профессора Квиррелла в Азкабан, значит, профессор совершил что-то противозаконное...

Мозг Гарри сделал быстрые расчёты. Что бы ни было секретом, профессор Квиррелл не считал, что его незаконное деяние уронит его в глазах Гарри. Он не получит никакого преимущества, отказавшись узнать секрет. А если откроется что-то действительно плохое

о профессоре Квиррелле, то Гарри будет очень полезно это узнать, даже если он пообещает держать услышанное в тайне.

— Я никогда не испытывал особого пиетета перед авторитетами, — ответил Гарри. — Авторитет властей — не исключение. Я сохраню ваш секрет.

Гарри не стал спрашивать, стоит ли раскрытие секрета той опасности, которую оно сулит Квирреллу. Профессор Защиты не был идиотом.

— Тогда я должен проверить, действительно ли вы потомок Салазара, — обронил профессор и встал из-за стола. Гарри тоже вскочил, скорее рефлекторно.

Очертания профессора расплылись, резко сдвинулись...

Гарри оборвал свой панический прыжок на полпути и замахаал руками, чтобы удержать равновесие. В крови бурлил адреналин.

На противоположной стороне комнаты в метре от пола покачивалась голова ярко-зелёной змеи со сложными бело-синими узорами. Гарри разбирался в змеях недостаточно хорошо, чтобы определить вид, но он знал, что «ярко окрашенная» означает «ядовитая». Ирония ситуации заключалась в том, что после превращения профессора Защиты в ядовитую змею привычное чувство тревоги значительно ослабло.

Гарри глотнул и сказал:

— Приветствую... А, шс-с-с-с, нет, а, *приветс-с-ствую*.

— *Приветс-с-ствую*, — прошипела змея. — *Ты с-сказал, я с-с-слышал. Я с-сказал, ты с-с-слышал?*

— *Да, я с-с-слышал*, — прошипел Гарри. — *Ты анимаг?*

— *Разумеетс-ся*, — отозвалась змея. — *Тридцать с-семь правил, правило тридцать четыре: с-стань анимагом*. Все рас-с-судительные люди с-становятс-ся, ес-сли с-способны. С-следо-вательно, очень редко.* — В тёмных колодцах глазниц скрывались плоские глаза змеи, контрастные чёрные зрачки на тёмно-сером фоне. — *С-самый безопас-ный с-способ общ-щаться-ся. Пони-маеш-шь? Прочие не поймут нас-с.*

— *Даже ес-сли они змеи-анимаги?*

— *Лиш-шь ес-сли нас-следник С-слизераина пожелает*, — змея издала несколько отрывистых шипящих звуков, которые мозг Гарри перевёл как язвительный смех. — *С-слизерин не глупец. Змеи-анимаги не змееус-сты. Была бы больш-шая уязвимос-ть в с-схеме.*

Это определённо было аргументом в пользу того, что Парселтанг — не язык разумных змей, который можно выучить, а личная магия.

— *Я не регис-стрирован*, — прошипела змея. Тёмные колодцы глаз смотрели на Гарри. — *Анимаг должен быть регис-стрирован.*

Наказание — два года в тюрьме. Будеш-шь хранить мой с-секрет, мальчик?

— Да, не наруш-шу обеща-ние, — прошипел Гарри.

Змея замерла, как будто от потрясения, затем вновь начала раскачиваться.

— Придём с-сюда с-нова через с-семь дней. С-с с-собой возьми мантию, что с-скрывает, возьми час-сы, что по времени перемеж-цают...

— Ты знаеш-шь? — ошеломлённо прошипел Гарри. — Как...

Снова несколько отрывистых шипящих звуков, переведённых как язвительный смех.

— Ты приш-шёл на мой первый урок, пока был в другом клас-с-се, брос-сал во врагов пирог, два ш-шарика памяти...

— Дос-статочно, — прошипел Гарри. — Идиотс-ский во-прос-с, упус-стил, что ты умён.

— Глупо упус-скать, — судя по шипению, змея не обиделась.

— Час-сы ограничены, — предупредил Гарри. — Можно ис-спользовать лиш-шь пос-сле девяти час-сов.

Змея дёрнула головой — змеиный кивок.

— Множес-ство ограничений. Можеш-шь ис-спользовать лиш-шь ты, нельзя украс-сть. Нельзя перемеж-цать других людей, но змея в кош-шеле, подозреваю, пройдёт. С-считаю воз-можным держать с-сами час-сы неподвижно, не тронув чары, пока ты поворачиваеш-шь оболочку вокруг. Проверим через с-семь дней. С-сейчас-с не с-стану говорить о прочих планах. Ты не с-скажешь ничего никому. Не покажеш-шь ожидания, ничего. Понимаеш-шь?

Гарри кивнул.

— Ответ с-словами.

— Да.

— С-сделаеш-шь, как я с-сказал?

— Да. Но, — Гарри издал прерывистый скрежет — так его разум перевёл неуверенное «Э-э-э» на змеиный. — Я не обеща-цаю ничего больш-ше, ты ничего не объяс-снил...

Змея слегка задрожала, что Гарри перевёл как гневный взгляд.

— Конечно нет. Обс-судим подробнос-сти на с-следующ-щей вс-стрече.

Очертания змеи расплылись, сдвинулись и перед Гарри вновь оказался профессор Квиррелл. Какое-то время он продолжал раскачиваться, и его глаза были холодны и пусты, затем профессор расправил плечи и снова стал человеком.

Чувство тревоги вернулось.

К профессору подскочил его стул, и он сел.

— Будет разумно доесть нашу еду, — сказал Квиррелл, взяв ложку, — хотя сейчас я бы предпочёл живую мышь. Как видите, никто не способен полностью отделить свой разум от тела, которое носит...

Гарри медленно занял своё место и начал есть.

— Итак, линия Салазара не оборвалась вместе с Тем-Кого-Нельзя-Называть, — спустя некоторое время произнёс профессор. — Насколько мне известно, среди наших замечательных учеников уже распространяются слухи о том, что вы — Тёмный. Интересно, что бы они подумали, узнав про этот факт.

— Или что я уничтожил дементора, — продолжил Гарри, пожав плечами. — Думаю, вся эта болтовня стихнет, как только я сделаю ещё что-нибудь интересное. А вот у Гермионы проблемы, и я подумал: может, у вас есть для неё какой-нибудь совет?

Профессор Защиты молча съел несколько ложек супа, а когда заговорил, его голос звучал до странности невыразительно.

— Вы действительно заботитесь об этой девочке.

— Да, — тихо ответил Гарри.

— Полагаю, именно поэтому она смогла вернуть вас назад после воздействия дементора?

— Более или менее, — ответил Гарри. Утверждение было верным лишь до некоторой степени: его затерянное «Я» не понимало заботы, но было выведено из равновесия произошедшим.

— У меня не было таких друзей в молодости, — всё тот же голос без эмоций. — Интересно, каким бы вы стали, если бы были одиноки?

Гарри вздрогнул, не успев сдержаться.

— Должно быть, вы ей благодарны.

Гарри кивнул. Может, и не совсем точно, но это правда.

— В таком случае, если бы в вашем возрасте мне было ради кого это делать, я бы поступил так...

Глава 50

Эгоизм

Падма Патил немного припозднилась с ужином. Она закончила только к половине восьмого, и теперь быстро шагала к спальням и учебным комнатам Когтеврана. Сплетничать было забавно, уничтожать репутацию Грейнджер — ещё забавнее, но от учёбы это отвлекало. А она до сих пор не закончила сочинение на шесть дюймов по ломиллиалорному дереву*, которое нужно сдать на травоведении завтра утром.

Она шла длинным, узким, извилистым коридором, как вдруг прямо у неё за спиной послышался шёпот:

— *Падма Патил...*

Она молниеносно выхватила палочку и развернулась. Если Гарри Поттер думает, что к ней так легко подкрасться и напугать...

Позади никого не было.

Она ещё раз быстро развернулась, чтобы посмотреть в другом направлении, на случай если было использовано заклинание Чревоуеждения...

Там тоже никого не было.

Она опять услышала этот полушёпот-полувздых, мягкий, но опасный, со слегка шипящим оттенком.

— *Падма Патил, слизеринская девочка...*

— Гарри Поттер, слизеринский мальчик, — громко ответила она.

Она не раз сражалась с Гарри Поттером и его Легионом Хаоса и потому *знала*, что это всё его проделки...

...несмотря на то, что чары Чревоуеждения можно использовать, только если ты видишь свою цель, а всё пространство до поворотов этого извилистого коридора отлично просматривалось, и здесь никого не было...

...не важно. Она знала своего врага.

Раздался приглушённый смешок, на этот раз из-за спины. Падма крутанулась на месте и, направив палочку на предполагаемый источник звука, выкрикнула:

— *Люминос!*

Красный луч ударился в стену, на секунду окрасив её малиновым светом.

Впрочем, Падма и не особо надеялась, что это сработает. Гарри Поттер никак не мог быть по-настоящему невидимым, настоящая невидимость не по силам даже большинству взрослых, и по её мнению девять из десяти историй о Гарри Поттере были просто выдумками.

Шепчущий голос вновь засмеялся, и опять с другой стороны.

— Гарри Поттер стоит над пропастью, — прошептал голос почти ей в ухо. — Да, он стоит на самом краю, но ты, ты уже падаешь, слизеринская девочка...

— Не над моей головой Шляпа крикнула «Слизерин», Поттер! — она отступила к стене, чтобы прикрыть себе спину, и подняла палочку, готовясь к атаке.

И снова тихий смех:

— Последние полчаса Гарри Поттер в гостиной Когтеврана помогал Кевину Энтвистлу и Майклу Корнеру, они повторяли рецепты зелий. Но это не важно. Падма Патил, я здесь, чтобы передать тебе предупреждение. И если ты предпочтёшь пропустить его мимо ушей, что ж, это твоё право.

— Прекрасно, — сказала она холодно. — Ну, Поттер, выкладывай, что хотел, я не боюсь тебя.

— Когда-то Слизерин был великим факультетом, — теперь в шёпоте слышалась печаль. — Слизерин был факультетом, чьи цвета ты носила бы с гордостью, Падма Патил. Но кое-что пошло не так, кое-что испортилось. Знаешь ли ты, что случилось с факультетом Слизерин, Падма Патил?

— Нет, и мне плевать!

— А зря, — шёпот теперь доносился из-за спины, хотя она стояла так, что её голова почти упиралась в каменную стену. — Потому что ты всё та же девочка, которой Распределяющая шляпа предложила выбор. Думаешь, выбрать Когтевран достаточно, чтобы не быть Панси Паркинсон и никогда не стать Панси Паркинсон? Независимо от твоих дальнейших поступков?

Вопреки её воле, холодок страха начал распространяться от позвоночника по всему телу. В некоторых историях о Гарри Поттере утверждалось, что он тайный легилимент. Тем не менее она не дрогнула и, вложив максимум язвительности в свой голос, произнесла:

— Слизеринцы стали Тёмными, чтобы заполучить власть, прямо как ты, Поттер. А я не стану. Ни за что.

— Но ты распространяешь злобные слухи о невинной девочке, — прошептал голос, — несмотря на то, что это никак не поможет тебе достичь своих целей. Ты даже не задумываешься, что у неё есть сильные союзники, которым это может не понравиться. Нет, Падма Патил, это уже не гордый Слизерин былых дней, это не гордость Салазара, это подгнивший Слизерин, это Падма Паркинсон, а не Падма Малфой...

Никогда в жизни ей не становилось настолько жутко. Она начала подозревать, что это и правда может быть призрак. Пусть Падма никогда не слышала, чтобы призраки разговаривали с людьми и при этом не показывались на глаза, но, возможно, они лишь обычно так не делали, не говоря уж о том, что большинство призраков не были настолько жуткими. В конце концов, они всего лишь покойники...

— Кто ты? Кровавый Барон?

— Когда Гарри Поттера били, когда над ним издевались, — шептал голос, — он приказал всем своим союзникам воздержаться от мести. Ты помнишь это, Падма Патил? Ибо Гарри Поттер стоит на краю, но ещё не потерял, он борется, он знает, что над ним нависла опасность. Но Гермиона Грейнджер не отдавала своим союзникам подобного приказа. Гарри Поттер разгневан на тебя, Падма Патил, разгневан сильнее, чем если бы ты распускала слухи о нём... а у него есть и свои союзники.

Она содрогнулась и тут же возненавидела себя за это видимое проявление слабости.

— О, не бойся, — выдохнул голос. — Я не причиню тебе вреда. Видишь ли, Падма Патил, Гермиона Грейнджер воистину невинна. Она-то не стоит перед пропастью, она не падает. Она не просила своих союзников отказаться от мести, ибо такая мысль даже не приходила к ней в голову. И Гарри Поттер хорошо понимает, что если он ради Гермионы причинит тебе боль или хотя бы послужит тому причиной, то она заговорит с ним не раньше, чем солнце превратится в пепел и последняя звезда погаснет на небе, — в голосе послышалась глубокая печаль. — Она действительно добрая девочка, и такой как я может только мечтать...

— Грейнджер не может вызывать патронуса! — воскликнула Падма. — Если бы она на самом деле была такой хорошей, как притворяется...

— А ты можешь вызывать патронуса, Падма Патил? Ты не осмелилась даже попробовать, ты побоялась узнать результат.

— Неправда! У меня просто не было времени!

Шёпот продолжал:

— А вот Гермiona Грейнджер попыталась, открыто, перед своими друзьями, и, потерпев неудачу, она удивилась и расстроилась. Ибо чары Патронуса хранят секреты, что во все времена были известны лишь немногим, возможно, теперь я единственный, кто знает их, — мягкий, шепчущий смешок. — Скажу прямо: вовсе не тьма в её душе стала препятствием свету заклинания. Гермiona Грейнджер не может вызывать патронуса по той же причине, что и Годрик Гриффиндор, воздвигнувший эти стены.

В коридоре стало явно холоднее, как будто кто-то использовал заклинание Охлаждения.

— И Гарри Поттер не единственный союзник Гермiony Грейнджер, — теперь в шёпоте послышалась сдержанная насмешка, и Падма вдруг с некоторой дрожью подумала о профессоре Квиррелле. — Полагаю, Филиус Флитвик и Минерва МакГонагалл души в ней не чают. Подумала ли ты, что эти двое, узнав, как ты распускаешь слухи о Гермионе, станут гораздо менее благосклонны к тебе? Возможно, они не будут вмешиваться открыто, но они могут давать тебе меньше баллов, предоставлять меньше возможностей...

— Поттер наябедничал на меня?!

Призрачное хихиканье, бесстрастное хе-хе-хе.

— Ты думаешь, что эти двое глупы, слепы и глухи? — шёпот стал печальнее. — Ты думаешь, они не дорожат Гермiony Грейнджер и не заметят, что ей больно? Может, раньше они и любили тебя, замечательную юную Падму Патил, но ты этим пренебрегла...

У Падмы пересохло в горле. Она не задумывалась об этом, совершенно не задумывалась.

— Интересно, как много людей отвернутся от тебя, Падма Патил, если ты пойдёшь этим путём и далее. Готова ли ты заплатить эту цену, чтобы ещё сильнее отдалиться от своей сестры? Чтобы стать тенью от света Парвати? Ты всегда больше всего боялась оказаться, а точнее вернуться в гармонию со своей сестрой, потеряв свою индивидуальность... Но стоит ли индивидуальность той боли, что ты причиняешь невинной девочке? Обязана ли ты быть злым близнецом, Падма Патил, неужели ты не можешь найти свою собственную добрую цель?

Её сердце бешено колотилось в груди. Она... Она никогда и никому не говорила об этом...

— Меня всегда удивляло, почему ученики издеваются друг над другом, — вздохнул голос. — Почему дети сами усложняют себе жизнь, почему они своими руками превращают школы в тюрьмы. За-

чем люди делают свои жизни такими неприятными? Я дам тебе часть ответа, Падма Патил. Причина в том, что люди не задумываются перед тем, как причинить боль. Они не пытаются представить, что им самим тоже могут сделать больно, что они сами тоже могут пострадать от своих собственных злодеяний. Но страдать тебе придётся, о да, Падма Патил, страдать тебе придётся, если ты останешься на этом пути. Ты испытаешь ту же боль одиночества, ту же боль от страха и недоверия окружающих, что сейчас по твоей милости испытывает Гермiona Грейнджер. Но в твоём случае эта боль будет заслуженной.

Палочка дрожала в её руках.

— Выбрав Когтевран, ты не выбрала свою сторону, девочка. Сторона определяется всей жизнью. Тем, что мы делаем для других людей, и тем, что мы делаем для себя. Будешь ли ты озарять жизни людей или погружать их во мрак? Вот в чём выбор между Светом и Тьмой, а вовсе не в слове, что выкрикивает Распределяющая шляпа. И самое трудное, Падма Патил, не в том, чтобы сказать «Свет», самое трудное — это решить, что есть что. И признать свою ошибку, когда свернёшь на неверный путь.

Наступила тишина. Какое-то время ничто не прерывало молчание, и Падма поняла, что её собеседник ушёл.

Она чуть не выронила палочку, попытавшись положить её обратно в карман. Сделав шаг от стены, девочка еле удержалась на ногах. Она повернулась, чтобы уйти...

— Я не всегда верно выбирал между Светом и Тьмой, — громкий, резкий шёпот раздался почти у самого уха. — Не считай мои слова истинной в последней инстанции, девочка, не бойся ставить их под сомнение, ибо иногда я и сам ошибался. О да, я ошибался. Но ты причиняешь боль невинному и не ради какой-то из своих целей. Это не часть некого хитрого плана, ты причиняешь боль исключительно ради собственного удовольствия. Я не всегда верно выбирал между Светом и Тьмой, но это определённо Тьма. Ты делаешь больно невинной девочке и избегаешь наказания лишь потому, что она слишком добра, чтобы позволить своим союзникам вступить за неё. Я не могу наказать тебя, но знай, что ты лишилась моего уважения. Ты не достойна Слизерина, иди, делай свою домашнюю работу по травоведению, когтевранская девочка!

Последняя фраза сопровождалась особенно громким, почти змеиным шипением, и Падма сбежала. Она неслась по коридорам, будто её преследовали летифолды, она бежала, забыв про запрет на бег по коридорам, она не остановилась, даже пробегая мимо других учеников, провожавших её удивлёнными взглядами, она бежала до самых

комнат Когтеврана. Кровь стучала у неё в ушах, и когда дверь спросила: «Почему солнце светит днём, а не ночью?»*, Падма смогла ответить правильно лишь с третьей попытки. Дверь открылась, и она увидела...

...несколько мальчиков и девочек, с разных курсов — все уставились на неё, а в одном из углов комнаты, за пятиугольным столом, Гарри Поттер, Майкл Корнер и Кевин Энтвисл подняли глаза от своих тетрадей.

— О, Мерлин! — воскликнула Пенелопа Клируотер, вставая с дивана. — Падма, что с тобой случилось?

— Я, — она запнулась, — я, я слышала призрака...

— Надеюсь, это был не Кровавый Барон? — уточнила Пенелопа. Она вытащила палочку, и через мгновение в её руке очутилась чашка, а ещё через мгновение заклинание *Aguamenti* наполнило чашку водой. — Вот, выпей и сядь...

Падма уже шагала к пятиугольному столу. Она смотрела на Гарри Поттера, который не отрывал от неё свой взгляд, спокойный, серьёзный и немного печальный.

— Это устроил ты! — воскликнула Падма. — Как... ты... как ты посмел!

В гостиной Когтеврана внезапно наступила тишина.

Гарри просто смотрел на неё.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь? — спросил он.

— Не пытайся отрицать, — прерывистым голосом произнесла Падма, — это ты натравил этого призрака на меня, он сказал...

— Я лишь хочу спросить, могу ли я чем-то помочь? Принести тебе еды, или газировки, или помочь тебе с домашней работой, или что-нибудь ещё?

Все вокруг устали на них.

— Почему? — спросила Падма. Другие слова не приходили ей в голову, она не понимала.

— Потому что некоторые из нас стоят на краю пропасти, — ответил Гарри. — И вся разница в том, что ты делаешь для других. Падма, пожалуйста, позволь мне как-нибудь помочь тебе.

Она не сводила с него глаз и в этот момент поняла, что Гарри успел получить своё собственное предупреждение.

— Мне... — выдавила из себя Падма. — Мне надо написать шесть дюймов про ломиллиалор...

— Подожди, сейчас я сбегаю в спальню за учебниками по травоведению, — сказал Гарри. Он поднялся из-за пятиугольного стола, взглянул на Энтвисла и Корнера. — Извините, ребята, ещё увидимся.

Кевин и Майкл не ответили. Но пока Гарри Поттер шёл к лестнице, их взгляды, как и взгляды всех остальных в комнате, были прикованы к нему.

Около ступенек Гарри обернулся:

— И чтоб никто не приставал к ней с вопросами, если только она сама не захочет об этом поговорить. Надеюсь, всем понятно?

— Понятно, — произнесло большинство первокурсников и несколько учеников постарше. Судя по голосам, некоторые из них были довольно напуганы.

* * *

И она долго разговаривала с Гарри Поттером. Не только о ломиллиалорном дереве, но и о многом другом — даже о своём страхе опять стать точной копией Парвати. Она никогда и ни с кем не разговаривала на эту тему, но ведь призрачный союзник Гарри и так уже всё знал. Гарри достал из своего кошелька несколько странных книг и одолжил ей, взяв обещание никому о них не рассказывать. И добавил, что если она сможет понять эти книги, то её манера думать изменится настолько, что она никогда больше не окажется в гармонии с Парвати...

В девять вечера, когда Гарри сообщил, что ему пора уходить, её сочинение не было готово и на половину.

На полпути к двери он остановился, и, посмотрев на неё, добавил, что по его личному мнению она достойна Слизерина. Целую минуту она радовалась и только потом осознала, что ей сказали и кто это сказал.

* * *

На следующее утро, спустившись на завтрак, Падма заметила, как Мэнди, едва её увидев, что-то зашептала сидевшей рядом с ней девочке.

Девочка поднялась из-за стола Когтеврана и направилась в её сторону.

Ещё вчера Падма была рада, что они живут в разных комнатах. Но сейчас это уже не казалось большой удачей, теперь ей придётся сделать то, что она собиралась, на виду у всех.

Но даже обливаясь потом, Падма знала, что именно она должна сделать.

Девочка приблизилась...

— Я прошу прощения.

— Что? — воскликнула Падма. Это была её реплика.

— Я прошу прощения, — повторила Гермиона Грейнджер так громко, чтобы все могли её услышать. — Я... Я не просила Гарри об этом, и когда я узнала, я рассердилась на него и заставила пообещать, что он больше ни с кем так не поступит. А ещё я неделю не буду с ним разговаривать... Мне очень, очень жаль, мисс Патил.

Гермиона Грейнджер очень волновалась, это было видно по её спине и по её лицу, на котором блестели капельки пота.

— Эм-м, — сказала Падма. Её мысли еле ворочались от потрясения... Она на мгновение посмотрела в сторону стола Когтеврана, откуда за ними пристально наблюдал один мальчик, нервно сцепив руки на коленях.

* * *

Ранее:

— Я говорила тебе быть добрее! — крикнула Гермиона. У Гарри выступила испарина. Гермиона впервые повысила на него голос, и в пустом классе это прозвучало довольно громко.

— Я, но... но я же сделал доброе дело! — запротестовал он. — Я практически её спас! Падма ступила на неверный путь, а я убедил её с него свернуть! Возможно, я изменил всю её жизнь к лучшему! Кроме того, если бы ты услышала, что изначально предложил мне профессор Квиррелл, то...

Тут Гарри понял, что ляпнул, и заткнулся, но было уже поздно.

Гермиона вцепилась в свои каштановые кудри, Гарри впервые видел этот жест в её исполнении.

— И что же предложил он?! Убить её?!

Профессор Квиррелл предложил Гарри найти всех учеников, которые обладают серьёзным влиянием на других — как на первом курсе, так и старше, — и попытаться взять под контроль всю систему распространения слухов в Хогвартсе. Профессор отметил, что это очень полезное и интересное упражнение для любого настоящего слизеринца.

— Нет, ничего такого, — поспешно возразил Гарри. — В двух словах: он посоветовал мне найти способ влиять на людей распространяющих слухи. И я придумал добрый вариант его плана — напрямую сообщить Падме, что она делает и к чему её действия могут привести. Это лучше, чем угрожать ей или что-то ещё в этом роде...

— Это у тебя называется «не угрожать»?! — Гермиона дёрнула себя за волосы.

— Ну... — ответил Гарри. — Полагаю, она могла слегка испугаться, чуть-чуть, но, Гермiona, нельзя, чтобы людям всё сходило с рук, иначе они будут творить ужасные поступки. Они просто не беспокоятся о том, сколько боли причиняют другим, пока сами её не почувствуют. Если Падма будет думать, что можно распускать гадкие слухи и не бояться последствий, она будет продолжать этим заниматься...

— Считаешь, у твоих поступков никаких последствий не будет?

Болезненное предчувствие скрутило живот Гарри. Он ещё никогда не видел такого сердитого выражения на её лице.

— Как по-твоему, Гарри, что подумают о тебе другие ученики? А обо мне?! Если Гарри не понравится, как ты отзываешься о Гермione Грейнджер — на тебя натравят призраков. Ты этого добивался?

Гарри открыл рот, чтобы возразить, но на ум ему не приходило никаких слов, он просто... вообще-то он не думал о ситуации с такой точки зрения...

Гермиона наклонилась, чтобы собрать со стола беспорядочно разбросанные книги.

— Я неделю не буду с тобой разговаривать. Я расскажу всем, что я не разговариваю с тобой, и я объясню им почему, и, возможно, это хотя бы отчасти исправит тот вред, который ты причинил. После этой недели, я... я решу, что мне следует делать дальше, я думаю...

— Гермiona! — в отчаянии крикнул Гарри. — Я хотел помочь!

Открывая дверь, Гермiona остановилась и посмотрела на него.

— Гарри, — сказала она, в её голосе было чуть меньше гнева, чем до этого, — профессор Квиррелл на самом деле затягивает тебя во тьму. Я серьёзно, Гарри.

— Это... не он, это не он предложил мне так поступить, это мой собственный план...

Голос Гермiony опустился почти до шёпота:

— Однажды ты отправишься с ним на обед, а обратно вернёшься только твоя Тёмная Сторона. А может быть, ты вообще не вернёшься.

— Я обещаю тебе, — сказал Гарри, — что я вернусь с обеда.

Эти слова вырвались у Гарри совершенно произвольно.

Гермиона развернулась и вышла, хлопнув дверью.

А теперь самое время вспомнить об иронии законов драмы, тупица, — заметил его внутренний критик. — Теперь ты умрёшь в субботу и твоими последними словами будет «Прости меня, Гермiona», а она до конца своих дней будет жалеть, что хлопнула дверью...

Ой, да заткнись ты.

За завтраком Падма села рядом с Гермионой и во всеуслышание объявила, что призрак всего лишь сказал ей кое-что очень важное и что Гарри Поттер поступил правильно. Кто-то после этого стал бояться меньше, а кто-то больше.

И теперь ученики стали гораздо реже говорить гадости о Гермионе, во всяком случае первокурсники, во всяком случае открыто, там, где это мог услышать Гарри Поттер.

Профессор Флитвик поинтересовался у Гарри, причастен ли тот к случившемуся с Падмой. Гарри ответил — да, и профессор Флитвик назначил ему два дня отработок. Пусть это был всего лишь призрак и Падма не пострадала, для ученика Когтеврана так вести себя недопустимо. Гарри кивнул и сказал, что он понимает, почему профессор должен так поступить, и что он не возражает. Но после спросил, неужели, учитывая, что это происшествие вроде бы всё-таки помогло Падме переосмыслить её поведение, профессор действительно думает, неофициально, что Гарри поступил неправильно? Флитвик помолчал, судя по всему, обдумывая вопрос, а затем очень серьёзно пропищал, что Гарри следует научиться нормально общаться с другими учениками.

И Гарри никак не мог отвязаться от мысли, что он никогда бы не получил такой совет от профессора Квиррелла.

А также от мысли, что если бы он воспользовался планом профессора Квиррелла, пошёл по слизеринскому пути — комбинируя положительные и отрицательные воздействия — и взял бы Падму и других распространителей сплетен под свой контроль, то Падма бы никому об этом не рассказала, и Гермиона никогда бы об этом не узнала...

...правда, в этом случае никто бы не спас Падму, она бы так и не свернула с неверного пути и когда-нибудь непременно бы из-за этого пострадала. Ведь Гарри ни разу не солгал, когда с помощью Маховика времени, мантии-невидимки и чар чревоуещания разговаривал с ней.

Гарри по-прежнему не был уверен, поступил ли он Хорошо с большой буквы или просто хорошо. Гермиона упорно с ним не разговаривала, зато теперь она много беседовала с Падмой. Опять заниматься в одиночку оказалось тяжелее, чем Гарри ожидал. Как будто его мозг уже начал забывать давно отработанное умение быть одиноким.

Дни до субботнего обеда с профессором Квирреллом тянулись очень и очень медленно.

Глава 51

(Название скрыто)¹. Часть 1

Суббота.

В пятницу вечером у Гарри никак не получалось спокойно заснуть. Впрочем, он этого ожидал и заранее озаботился покупкой зелья сна. А чтобы никто не подумал, что он нервничает, зелье было куплено у Фреда и Джорджа ещё пару месяцев назад. («Будь готов! Вот бойскаута девиз...»)

Так что Гарри был полон сил, а в его кошеле находилось практически всё, чем он владел и что могло хоть как-то пригодиться. Фактически, кошель оказался забит до предела, но потом Гарри вспомнил, что внутри должна будет разместиться большая змея и кто-знает-что-ещё, и вытащил несколько громоздких вещей, например, автомобильный аккумулятор. Это не было такой уж большой потерей — его навыки в трансфигурации уже позволяли преобразовывать объекты размером с аккумулятор за четыре минуты.

Но Гарри оставил в кошеле сигнальные ракеты, ацетиленовый газосварочный аппарат и канистру горючего, поскольку трансфигурированное нельзя сжигать.

(«Будь готов! Не страшись, не суетись...»)

Ресторан «У Мэри».

Когда официантка, приняв заказ, поклонилась и вышла, профессор Квиррелл произнёс только четыре заклинания, и они завели ничего не значащий разговор. Профессор принялся рассуждать о том, как проклятие Тёмного Лорда, наложенное на должность профессора Защиты от Тёмных искусств, привело к сокращению числа дуэлей и как это изменило социальные обычаи магической Британии. Гарри слушал, кивал и вставлял умные комментарии, пытаясь в то же время совладать с бешено стучавшим в груди сердцем.

¹ Название главы 51 при публикации было скрыто автором. Ранее так же было скрыто название главы 9 — *Прим. ред.*

Официантка вскоре вернулась с заказом, и на этот раз, через минуту после её ухода, профессор Квиррелл жестом запер дверь и произнёс двадцать девять защитных заклинаний. Гарри отметил, что профессор пропустил одно заклинание из списка мистера Бестера, и его это немного озадачило.

Профессор Квиррелл закончил с заклинаниями...

...встал со стула...

...превратился в зелёную змею с синими и белыми полосками...

...и зашипел:

— *Проголодалс-ся, мальчик? Еш-шь быс-стро. Понадобятс-ся и с-силы, и время.*

Глаза Гарри округлились, но он зашипел в ответ:

— *Я хорош-шо поел за завтраком.*

И начал быстро нанизывать лапшу на вилку и отправлять в рот под прицелом плоских змеиных глаз.

Затем змея зашипела:

— *Не хочу объяс-снять здес-сь. Лучш-ше с-сначала перемес-ститься. С-следует незаметно ис-счезнуть, не ос-ставив с-свидетельс-ств, что мы выходили из помещ-щения.*

— *Чтобы никто не с-смог выс-следить нас-с,* — прошипел Гарри.

— *Да. Ты доверяеш-шь мне, мальчик? Задумайс-ся, прежде чем ответиш-шь. У меня к тебе важная прос-сба, требуетс-ся доверие. Ес-сли с-склоняеш-шьс-ся ответить «нет», с-скажи «нет» с-сейчас-с.*

Гарри перевёл взгляд со змеиных глаз на тарелку с лапшой и, задумавшись, съел ещё немного.

Профессор Защиты был... мягко говоря, неоднозначной личностью. Гарри полагал, что ему удалось разгадать некоторые из его целей, но прочие оставались неясными.

Профессор сбил с ног двести девочек, чтобы остановить тех, кто пытался притянуть к себе Гарри. Профессор догадался, что дementор вытягивал жизнь Гарри через палочку. Всего за две недели он дважды спас Гарри от гибели.

Впрочем, это могло означать, что он просто сберегает Гарри впрок, что у него есть некие скрытые мотивы, а они есть наверняка — профессор Квиррелл ничего не делает просто так. Но в то же время он организовал обучение Гарри окклюменции, он научил Гарри проигрывать... если профессор хочет использовать Гарри для каких-то целей, то эти цели требуют сильного Гарри Поттера, а вовсе не слабого. Своим друзьям ты полезнее сильным, а не слабым.

И если иногда профессор Защиты излучал холод, если иногда в его голосе была горечь, а во взгляде — пустота, то лишь Гарри было позволено это видеть.

Гарри было сложно описать то родственное чувство, которые у него вызывал профессор Квиррелл. Он мог только сказать, что профессор Защиты был единственным здравомыслящим человеком, встреченным Гарри в мире волшебников. Рано или поздно все остальные начинали играть в квиддич, использовать Маховики времени без защитных оболочек или считать Смерть своим другом. Не важно, насколько благими были их намерения. Рано или поздно, и чаще всего рано, они демонстрировали, что в головах у них явно что-то не так. Все, кроме профессора Квиррелла. Связь между ними была выше всякого чувства признательности, выше личных симпатий, они были одиноки в мире волшебников. И если профессор Защиты иногда казался капельку страшным или немного Тёмным, что ж... о Гарри иногда говорят то же самое.

— *Я доверяю тебе,* — прошипел он.

И змея изложила первую часть плана.

* * *

Гарри накрутил на вилку последнюю порцию лапши и начал жевать. На другом конце стола профессор Квиррелл, снова в человеческом обличье, безмятежно доедал суп, как будто ничего особенного не происходило.

Гарри проглотил лапшу и тут же встал из-за стола, уже чувствуя, как учащается сердцебиение. Принятые меры безопасности были просто максимально возможными...

— Так вы готовы начать проверку, мистер Поттер? — спокойно спросил профессор.

На самом деле, речь шла совсем не о проверке, но профессор Квиррелл не хотел говорить о деле открыто, человеческим языком, даже в этой максимально изолированной комнате, которую он защитил дополнительными чарами.

— Ага, — сказал Гарри самым обычным голосом.

Шаг первый.

Гарри произнёс «мантия» и вытащил из кошель Мантию невидимости, затем отвязал кошель от пояса и бросил его на другой конец стола.

Профессор Защиты встал из-за стола, достал палочку, склонился и дотронулся ею до кошель, тихо пробормотав какое-то заклинание.

Новые чары позволят профессору в змеином облике самостоятельно попадать в кошель и самостоятельно покидать его, а также слышать изнутри всё, что происходит снаружи.

Шаг второй.

Профессор Квиррелл выпрямился и убрал палочку, которая успела невзначай указать в сторону Гарри, и тот на миг ощутил холодок в груди, рядом с Маховиком времени, будто что-то жуткое пролетело очень близко, но так и не дотронулось до него.

Шаг третий.

Профессор Защиты снова превратился в змею, и чувство тревоги уменьшилось. Змея подползла к кошелью, и тот открылся, чтобы впустить её. Когда змея исчезла внутри, чувство тревоги стало почти незаметным.

Шаг четвёртый.

Гарри достал палочку, стараясь не шелохнуться, чтобы не сдвинуть Маховик времени, который профессор Квиррелл зафиксировал внутри оболочки.

— *Вингардиум левиоса*, — прошептал Гарри, и кошель поднялся в воздух.

Медленно-медленно, как проинструктировал профессор, Гарри начал приближать кошель к себе, готовясь в любой момент как можно быстрее оттолкнуть его обратно, если только он начнёт сам открываться.

Когда кошель приблизился на расстояние метра, чувство тревоги вернулось.

Гарри привязал кошель обратно к поясу, и чувство тревоги стало сильнее, чем когда-либо, но всё ещё оставалось терпимым. Даже несмотря на то, что профессор Квиррелл в облике змеи лежал в кошеле, буквально у самого бедра Гарри.

Шаг пятый.

Гарри убрал палочку. В другой руке он всё ещё держал Мантию невидимости. Настало время надеть её.

Шаг шестой.

И вот, в комнате, защищённой от любого возможного магического подглядывания и которую профессор Квиррелл лично защитил дополнительными чарами, Гарри сначала надел Мантию невидимости и только затем сунул руку под рубашку и повернул оболочку Маховика времени ровно один раз.

Сам Маховик остался неподвижен, оправа сдвинулась вокруг него...

Еда исчезла со стола, стулья отпрыгнули на свои места, дверь распахнулась.

Комната Мэри пустовала, как и предполагалось — профессор Квиррелл под вымышленным именем заранее поинтересовался, будет ли комната свободна в данное время. Он не стал её резервировать (отмена заказа могла привлечь внимание), лишь поинтересовался.

Шаг седьмой.

Оставаясь невидимым, Гарри вышел в открытую дверь. Он прошёл по отделанным плиткой коридорам ресторана к богатому бару у входа, где Джейк, владелец заведения, встречал посетителей. В это утреннее время гостей было немного. Гарри даже пришлось несколько минут подождать в невидимости, прислушиваясь к приглушённым беседам и бульканью алкоголя, пока дверь не открылась, впуская огромного весёлого ирландца, после чего Гарри тихонько выскользнул на улицу.

Шаг восьмой.

Некоторое время Гарри шёл по Косому переулку. Отойдя на довольно приличное расстояние от ресторана, он свернул с Косого переулка в переулок поменьше, который закончился у магазина с затемнёнными до черноты окнами.

Шаг девятый.

— Рыба меч дыня друг, — сообщил Гарри пароль замку, и тот открылся*.

В свете из открытой двери Гарри разглядел широкую пустую комнату. Как сообщил профессор, находившийся здесь мебельный магазин обанкротился несколько месяцев назад. Помещение сменило хозяина, но ещё не было перепродано. Однотонные белые стены, поцарапанный деревянный пол и единственная закрытая дверь в дальней стене. Раньше это был демонстрационный зал, но сейчас он демонстрировал лишь пустоту.

Дверь позади Гарри щёлкнула, и он оказался в полной темноте.

Шаг десятый.

Гарри достал палочку и произнёс «Люмос». Комнату наполнил белый свет. Гарри снял кошель с пояса (чувство тревоги чуть резануло, когда он коснулся кошель пальцами) и легонько бросил его к противоположной стене комнаты (чувство тревоги почти совсем исчезло). Прошипев «С-делано», он начал снимать Мантию невидимости.

Шаг одиннадцатый.

Сначала из кошель высунулась голова, затем змея выползла целиком. Через мгновение её очертания размылись и появился профессор Квиррелл.

Шаг двенадцатый.

Гарри молча ждал, пока профессор не выполнит все тридцать заклинаний.

— Хорошо, — спокойно сообщил профессор Квиррелл, закончив заклинания. — Если кто-то всё ещё наблюдает за нами, мы в любом случае обречены, потому я буду говорить в человеческом облике. Боюсь, парселтанг мне не очень подходит, поскольку я не потомок Салазара и не настоящая змея.

Гарри кивнул.

— Итак, мистер Поттер, — в свете, шедшем от палочки Гарри, бледно-голубые глаза профессора казались тёмными. Он пристально посмотрел на Гарри. — Мы одни, за нами никто не следит, и у меня к вам важный вопрос.

— Продолжайте, — кивнул Гарри, чувствуя, как сердце забилось чаще.

— Что вы думаете о правительстве магической Британии?

Гарри ожидал услышать другой вопрос, впрочем, достаточно близкий, чтобы тут же отчеканить:

— Основываясь на моих неполных знаниях, я бы сказал, что в Министерстве и Визенгамоте заправляют глупые, коррумпированные и злые люди.

— Верно, — сказал профессор. — Вы догадываетесь, почему я спросил об этом?

Гарри сделал глубокий вдох и решительно посмотрел прямо в глаза профессору Квирреллу. Гарри уже понял, что профессор делает свои поразительные выводы не на основе скудных улик, а попросту заранее зная ответ. Гарри смог угадать этот вопрос ещё неделю назад, и сейчас ответ требовал лишь небольшой коррекции...

— Вы собираетесь пригласить меня в тайную организацию, полную таких же интересных людей, как вы, — произнёс Гарри. — И одной из целей этой организации является реформа или государственный переворот магической Британии, и да, я согласен.

Возникла небольшая пауза.

— Боюсь, наш разговор пошёл немного не в том направлении, — произнёс профессор Квиррелл. Уголки его губ слегка дёрнулись. — Я всего лишь планировал попросить вашей помощи в одном противозаконном деле, которое может быть расценено как государственная измена.

Чёрт, подумал Гарри. Но, по крайней мере, профессор Квиррелл не стал отрицать...

— Продолжайте.

— Прежде чем я продолжу, — сказал профессор, и теперь голос его был совершенно серьёзен, — вы правда готовы помочь в таком деле, мистер Поттер? Я ещё раз подчеркну, что если вы склоняетесь к тому, чтобы ответить «нет», лучше скажите «нет» сейчас. Если вас подталкивает лишь любопытство — умирите его.

— Ни государственная измена, ни противозаконность меня не беспокоят, — ответил Гарри. — Меня беспокоят риски, разумеется, и ставки должны быть соответствующими, но я не могу представить, чтобы вы отнеслись к рискам беспечно.

Профессор Квиррелл кивнул.

— Конечно нет. Это, безусловно, ужасное злоупотребление нашей с вами дружбой и тем доверием, что возложено на мою учительскую должность в Хогвартсе...

— Вы можете пропустить эту часть, — прервал его Гарри.

Губы профессора опять на мгновение искривились.

— Хорошо. Мистер Поттер, иногда вы любите поиграть в ложь и правду, жонглируя словами, чтобы у всех на виду скрыть их истинное значение. Я тоже люблю подобные игры. Но после того, как я расскажу вам о том, чем, надеюсь, мы сегодня будем заниматься, лгать вам придётся. Вы будете лгать прямо, без колебаний, без игры словами и без подсказок любому, кто спросит вас об этом, будь то враг или ближайший друг. Вы солжётё и Малфою, и Грейнджер, и МакГонагалл. Вы будете отвечать без колебаний, в точности как если бы вы ничего не знали. Не задумываясь о своей чести. И никак иначе.

На этот раз молчание затянулось.

В цену входила частичка души Гарри.

— Не выдавая подробностей... — произнёс Гарри. — Можно ли сказать, что моя помощь отчаянно необходима?

— Есть некто, кому чудовищно необходима ваша помощь, — просто сказал профессор Квиррелл, — и никто другой этому человеку не способен помочь. Только вы.

Снова молчание, но не такое длительное.

— Хорошо, — тихо сказал Гарри. — Рассказывайте о деле.

Тёмная мантия профессора Защиты будто растворилась в тени, которую его силуэт отбрасывал на стену.

— Обычные чары Патронуса отражают страх, вызываемый дементором. Но дементоры по-прежнему могут вас видеть, они знают, где вы. Ваши чары Патронуса работают иначе. Они ослепляют дементоров, и даже более того. То, что я видел под плащом,

не смотрело в нашу сторону, когда вы убивали его. Как будто оно позабыло о нашем существовании.

Гарри кивнул. Это не удивило его. Только не после того, как он столкнулся с дементором на уровне его реального существования, отбросив антропоморфизм. Возможно, смерть — последний враг, но враг не разумный. Когда человечество искореняло натуральную оспу, та не пыталась дать сдачи.

— Мистер Поттер, центральное отделение Гринготтса охраняется всеми могущественными заклинаниями, какие только известны гоблинам. И несмотря на это, их хранилища успешно грабили. Всё, что магия может создать, другая магия может разрушить. Но ещё никто никогда не сбегал из Азкабана. Никто. Для любого заклинания есть противозаклинание, для любой защиты есть обход. Как же так могло случиться, что никто никогда не был спасён из Азкабана?

— Потому что в Азкабанае есть кое-что неуязвимое, — произнёс Гарри. — Нечто настолько ужасное, что никто не может это победить.

Краеугольным камнем абсолютной неуязвимости Азкабана просто обязано быть нечто нечеловеческое. Сама Смерть охраняет Азкабан.

— Дементорам не нравится, когда крадут их пищу, — сказал профессор. Его голос наполнился холодом. — Им становится известно, как только кто-то пытается это сделать. Их там больше сотни, и они сразу же сообщают охране. Всё очень просто, мистер Поттер. Сильному волшебнику несложно войти в Азкабан и несложно выйти, если не пытаться забрать то, что принадлежит дементорам.

— Но дементоры не неуязвимы, — сказал Гарри. Он мог бы прямо сейчас вызвать патронус с этой мыслью. — Никогда не считал их неуязвимыми.

Голос профессора был очень тих:

— Вы помните свою первую встречу с дементором, когда вы потерпели поражение?

— Я помню.

А затем у Гарри внезапно засосало под ложечкой, когда он осознал, к чему всё идёт. Он должен был понять это раньше.

— В Азкабанае находится невиновный человек, — сказал профессор Квиррелл.

Гарри кивнул. В горле саднило, но он не заплакал.

— Человек, о котором я говорю, не находился под чарами Империи, — продолжил профессор Защиты. Теперь его тёмная мантия выделялась на фоне большой тени. — Есть более верные способы сломить волю, чем Империя, когда у злодея имеется время для пыток,

легилименции и ритуалов, о которых я не буду говорить. Я не могу сказать, откуда всё это мне известно, не могу даже намекнуть, вам придётся поверить мне на слово. Но в Азкабане находится человек, который сам не выбирал роль слуги Тёмного Лорда и который незадолго до этого провёл годы в страданиях и одиночестве в самой жуткой, холодной тьме, что только можно вообразить.

Гарри тут же осенило. Слова почти опередили мысль.

Не было ни намёка, ничего, что могло бы насторожить, мы все считали...

— И фамилия этого человека — Блэк, — закончил за профессора Гарри.

Взгляд бледно-голубых глаз вцепился в него. Стало тихо.

— Так, — через некоторое время сказал профессор Квиррелл. — Я не собирался сообщать вам имя, не дождавшись сначала согласия на дело. Я бы спросил, не читаете ли вы мои мысли, но это попросту невозможно.

Гарри промолчал. Для по-настоящему верящего в институты современной демократии вывод лежал на поверхности. Логичнее всего предположить, что невиновен тот, кто попал в Азкабан без суда...

— Я весьма впечатлён, мистер Поттер, — продолжил профессор Квиррелл с мрачным выражением на лице. — Но дело очень серьёзное, и если есть нечто, что может позволить другим людям прийти к такому же умозаключению, я обязан знать. Итак, скажите мне, мистер Поттер. Во имя Мерлина, Атлантиды и межзвёздной пустоты, как вы догадались, что я говорю о Беллатрисе?

Глава 52

Стэнфордский тюремный эксперимент. Часть 2

По венам Гарри струился адреналин, а сердце в груди отбивало барабанную дробь. Профессор Квиррелл закончил с объяснениями, и сейчас Гарри держал в руках тоненький прутик, который станет его ключом. В этот день, в эту минуту, в этом тёмном заброшенном магазине Гарри начнёт исполнять свою роль. Он отправится в первое настоящее приключение: подземелье, в которое необходимо проникнуть, злое правительство, которому предстоит бросить вызов, дева в беде, которую нужно спасти. Гарри следовало бы трястись от страха и теряться в сомнениях, но вместо этого он лишь чувствовал, что ему пора, уже давно пора становиться похожим на тех людей, о которых он читал в книгах. Ступить на ту тропу, по которой ему суждено идти, — на тропу героя. Сделать первый шаг на пути, который ведёт к Кимболлу Киннисону, капитану Пикарду и Лайону-О из Тандеры, но определённо не к Рейстлину Маджере*. Насколько было известно мозгу Гарри из утренних мультиков, вырастая, герою положено получать суперсилы и спасать вселенную. Именно такое поведение взрослых привык наблюдать его мозг, и спасение вселенной оказалось вписано в шаблон процесса взросления, а Гарри очень хотелось поскорее начать взрослеть.

И если сюжетная линия требует от героя потерять часть невинности в качестве платы за первое приключение, то кажется — во всяком случае, прямо сейчас, в это всё ещё невинное мгновение, — что пора, уже давно пора, пережить эту боль. Всё равно что выбросить одежду, из которой вырос, или перейти наконец на новый уровень игры после одиннадцатилетнего блуждания по миру 3, уровню 2 «Супер Марио»*.

Гарри прочитал достаточно приключенческих романов, чтобы подозревать — подобный положительный настрой задержится ненадолго, поэтому он наслаждался им, пока была возможность.

Раздался громкий хлопок, и рядом с Гарри что-то исчезло. Время на героические раздумья кончилось.

Он сломал прутик, который держал в руке.

Портал активировался. Где-то в районе живота Гарри дёрнул крюк, причём гораздо сильнее, чем при перемещении из Хогвартса в Косой переулок...

...и выбросил его прямо посреди затухавшего раската грома и бивших в лицо струй холодного дождя, которые тут же залили очки Гарри и мгновенно ослепили. Мир превратился в размазанное пятно, и Гарри начал стремительно падать, падать к волнам, беснующимся далеко внизу...

Точка прибытия находилась высоко-высоко над пустынным Северным морем.

Оглушительный шторм вывел Гарри из равновесия настолько, что он едва не выпустил из рук метлу, которую ему вручил профессор Квиррелл, что было бы не лучшим продолжением дня. Гарри потребовалась целая секунда, чтобы собраться с мыслями и лёгким движением вернуть метлу в горизонтальное положение.

— Я здесь, — послышался незнакомый голос из пустого пространства у него над головой. Низкий и скрипучий, это был голос бледного долговязого бородача, в которого профессор Квиррелл превратился при помощи Обратного зелья, прежде чем наложить на себя и свою метлу чары Разнаваждения.

— Я здесь, — отозвался Гарри из-под Мантии невидимости. Сам он Обратное зелье не использовал. В чужом теле колдовать сложнее, а Гарри могут потребоваться все его скромные запасы магических сил. Потому план требовал, чтобы он почти всё время оставался невидимым.

(Они не называли друг друга по имени. Нарушая закон, никогда нельзя использовать имена, даже если паришь над безымянным участком Северного моря. Просто нельзя. Это было бы глупо.)

Осторожно удерживая метлу одной рукой и стараясь не обращать внимание на завывания ветра, Гарри столь же осторожно поднял другой рукой палочку и наложил на очки заклинание Импервиус.

Когда линзы очистились, он огляделся.

Вокруг были ветер и дождь. Температура воздуха составляла в лучшем случае градусов пять по Цельсию. Согревающие чары

уже были на нём, ограждая от февральского мороза, но заклинание не справлялось с тысячами холодных дождевых капель. Этот дождь был даже хуже снега, он пропитывал насквозь любую незащищённую поверхность. Мантия даровала невидимость, но она не покрывала тело целиком, а значит, и не защищала от дождя полностью. Лицо Гарри было открыто для неистовой стихии, и потоки воды с силой хлестали его по щекам и стекали по шее, намачивая рубашку, а также затекали в рукава мантии, в штанины и ботинки. Вода использовала любой клочок ткани, чтобы просочиться внутрь.

— Сюда, — велел изменённый Обратным зельем голос. Перед метлой Гарри зажглась зелёная искра и метнулась в направлении, которое для мальчика было неотличимо от любого другого.

Гарри последовал за ней сквозь слепящий дождь. Иногда он терял её из виду, эту маленькую зелёную искорку, но стоило позвать, и та спустя несколько секунд вновь появлялась перед ним.

Когда Гарри наловчился следовать за искрой, не теряясь, она ускорилась, и Гарри поднажал вслед за ней. Дождь хлестнул ещё сильнее — наверно, именно так чувствуешь себя, получив заряд дроби в лицо — однако стёкла его очков оставались чистыми и защищали глаза.

Путешествие на набравшей максимальную скорость метле продолжалось всего лишь несколько минут, когда Гарри заметил сквозь стену дождя огромную тень, возвышавшуюся над водой.

Где-то там затаилась Смерть — Гарри почувствовал отдалённый, глухой отголосок пустоты, которая накатила на его разум и распалась, словно волна, разбившаяся о камень. На этот раз Гарри знал своего врага и встретил его во всеоружии — всей своей волей из стали и света.

— Я уже чувствую присутствие дементоров, — мрачно заметил голос не-Квиррелла. — Не ожидал, что это произойдёт так скоро.

— Думайте о звёздах, — посоветовал Гарри, перекрикивая отдалённый рокот грома. — Не пускайте в ваш разум гнев и другие отрицательные эмоции, просто думайте о звёздах и о том, каково это — забыть про собственное «я» и просто падать бестелесным разумом сквозь космос. Окутайте этой мыслью всё сознание, словно барьером окклюмента. Дементорам будет нелегко через это пробиться.

Секундное молчание, а потом:

— Интересно.

Зелёная искра взяла выше, и Гарри последовал за ней, немного приподняв нос метлы, хоть это и направило его прямоком в густую тучу, нависшую над бушующими водами.

Вскоре они уже парили сверху и немного сбоку от громадного трёхстороннего металлического сооружения, видневшегося далеко внизу. Стальной треугольник был внутри полым — просто три толстые стены и ничего в центре. Авроры-охранники, как сказал профессор Квиррелл, обитали на верхнем ярусе южной стороны здания под защитой своих патронусов.

Законным входом в Азкабан служила крыша юго-западного угла здания. Но его они, конечно же, использовать не будут, а войдут через коридор, который проходит прямо под северным углом. Профессор Квиррелл спустится первый и проделает дыру в крыше и её магической защите прямо в вершине северного угла, оставив на месте бреши маскировочную иллюзию.

Узников держали по сторонам здания, а этаж соответствовал тяжести их преступлений. В самом же низу, в самой сердцевине, на глубочайшем ярусе Азкабана, располагалось гнездо более сотни дементоров. Время от времени туда ссыпали горы земли, чтобы его уровень не опускался, ибо материя, подверженная непосредственному контакту с дементорами, рассыпалась в пыль и исчезала...

— Жди одну минуту, — приказал хриплый голос, — следуй за мной на полной скорости и осторожно влетай внутрь.

— Понял, — тихо отозвался Гарри.

Искра исчезла. Мальчик начал считать: *один тысяча, два тысяча, три тысяча...*

...шестьдесят тысяча, и он вошёл в крутое пике. Ветер взвыл вокруг Гарри, когда он на всей скорости понёсся вниз, к громадной металлической постройке, туда, где, как он чувствовал, его ожидали тени Смерти, вытягивающие жизнь и источающие пустоту. Сооружение становилось всё больше и больше. На сером, безликом здании выделялось лишь прямоугольное возвышение в юго-западном углу, северный же угол не выделялся ничем. Дыра, проделанная профессором Квирреллом, никак себя не выдавала.

Приблизившись к цели, Гарри резко затормозил, оставляя себе большой запас, чем в аналогичном упражнении на уроке по полётам, но ненамного. Остановившись, он снова начал медленно спускаться по направлению к тому, что выглядело целостным участком крыши на кончике северного угла.

Пролетать невидимым сквозь иллюзорную крышу было странно. А затем он очутился в металлическом коридоре, освещённом тусклым оранжевым светом. Гарри на миг удивился, разглядев его источник — старомодный газовый светильник...

...ведь магический свет пропал бы со временем, дементоры бы его высосали.

Гарри слез с метлы.

Пустота по-прежнему не могла его коснуться, но здесь её тяга ощущалась сильнее. Они были далеко, раны мира, но их было много. Гарри мог бы указать в их направлении даже с закрытыми глазами.

— *Вызывай с-свой патронус-с,* — прошипела змея на полу. В тусклом оранжевом свете она выглядела скорее бесцветной, чем зелёной.

Болезненная нотка улавливалась даже в парселтанге. Гарри удивился: профессор Квиррелл упоминал, что анимаги в своём животном обличье легче переносят воздействие дементоров. (По той же причине, как предположил Гарри, по которой патронусы принимают форму животных.) Если профессору Квирреллу так плохо даже в обличье змеи, то каково ему было в человеческой форме, позволяющей использовать магию?..

Гарри уже поднимал волшебную палочку.

Это станет началом.

Даже если только одного человека, всего лишь одного, он сможет спасти из лап тьмы, даже если он ещё недостаточно силен, чтобы телепортировать всех узников Азкабана в безопасное место и выжечь этот треугольный ад до основания...

Пусть так. Всё равно — это уже начало, отправная точка, первый взнос за всё то, чего Гарри намеревается добиться в жизни. Хватит ждать, надеяться и обещать. Всё начнётся здесь. Здесь и сейчас!

Палочка Гарри рассекла воздух и указала туда, где далеко внизу ожидали дементоры:

— *Экспекто Патронум!*

Засияла ослепительная человеческая фигура. Правда, сейчас она не сверкала ярче солнца... вероятно, потому, что Гарри так и не смог полностью выкинуть из головы мысль об остальных узниках, томившихся в камерах, узниках, которых он не будет сегодня спасать.

Впрочем, скорее всего, это и к лучшему. Гарри придётся поддерживать патронус довольно долго, и, возможно, будет легче, если тот не будет слишком уж ярким.

Патронус ещё немного поблёл от этой мысли, а потом ещё, когда Гарри попытался вкладывать в него чуть поменьше сил, и наконец стал лишь чуть ярче обычного патронуса-животного. Гарри почувствовал, что не может сделать его ещё более тусклым без риска совсем его погасить.

— *Он с-стабилен,* — прошипел Гарри и принялся скормливать метлу кошелю. Волшебная палочка оставалась в руке мальчика,

подпитывая медленно расходовавшего волшебные силы патронаса тоненькой струйкой энергии, которую Гарри был способен поддерживать сколь угодно долго.

Форма змеи расплылась, вместо неё появился бледный долговязый мужчина, который держал волшебную палочку профессора Квиррелла в одной руке и метлу в другой. Едва появившись, мужчина покачнулся и на секунду опёрся о стену.

— Отлично сработано, но, пожалуй, немного медленно, — проскрипел его голос. В нём слышалась сухая интонация профессора Квиррелла, хоть она и не подходила голосу, так же как и мрачно-то-серьёзное выражение не подходило бородатому лицу с широкими скулами. — Теперь я их совсем не ощущаю.

Мгновение спустя метла скрылась под полой мантии мужчины и пропала. Затем мужчина коснулся палочкой своей головы и под аккомпанемент звука разбивающегося яйца снова исчез.

В воздухе появилась зелёная искра, и Гарри, всё ещё закутанный в Мантию невидимости, направился за ней.

Сторонний наблюдатель теперь увидел бы только маленькую зелёную искорку, плывущую по воздуху, и шагающую следом серебристую человеческую фигуру.

* * *

Спускаясь всё ниже и ниже, минуя один светильник за другим, а также время от времени металлические двери, они погружались в недра Азкабана, как казалось Гарри, в абсолютной тишине. Профессор Квиррелл установил какой-то барьер, сквозь который он сам слышал, что происходит вокруг, но ни один звук не выходил наружу и ни один звук не долетал до ушей Гарри.

Гарри было сложно не задаваться вопросом, зачем нужна эта тишина, и не давать на этот вопрос ответа, который он уже в каком-то смысле знал, хоть и не выразил словами. Ответа, который и вынуждал его продолжать тщетные попытки не думать об этом.

Где-то за этими огромными металлическими дверями кричали люди.

Серебряная человеческая фигура становилась то ярче, то тусклее каждый раз, когда Гарри думал об этом.

Гарри было сказано наложить на себя Пузыреголовое заклинание, чтобы не ощущать никаких запахов.

Весь энтузиазм и героизм уже испарился. Гарри это предвидел, но даже по его меркам процесс завершился слишком быстро — после

первой же металлической двери, мимо которой они прошли. Каждая дверь была заперта на огромный замок из обычного немагического металла, который смог бы открыть любой первокурсник Хогвартса — если бы у него была палочка и нетронутый запас магии. У заключённых не было ни того, ни другого. Как объяснил профессор Квиррелл, за этими металлическими дверями нет камер, за ними находятся коридоры, в которые выходят уже двери камер с узниками. Это немного помогло — так можно было не думать, что прямо за каждой дверью находится заключённый. За каждой дверью могло быть больше одного узника, и это уменьшало эмоциональное воздействие. Прямо как в эксперименте, который показал, что люди жертвуют больше денег, если им сказать, что некая сумма требуется, чтобы спасти жизнь одного ребёнка, чем если им сказать, что та же сумма спасёт восемь детей...

Гарри обнаружил, что с каждым разом не думать об этом всё труднее. И каждый раз, когда эти мысли всплывали у него в голове, его патронус начинал мерцать.

Они дошли до угла треугольного здания, и проход повернул налево. Опять металлические ступени, ведущие вниз, ещё один пролёт лестницы. Профессор и Гарри спускались всё ниже.

Обычных убийц в самых нижних камерах не держали. Всегда был этаж ниже, наказание страшнее. Не важно, как низко ты уже пал, правительство магической Британии держало в запасе угрозу на случай, если ты совершишь что-нибудь похуже.

Но Беллатриса Блэк была Пожирательницей Смерти. Её боялись больше, чем кого-либо, за исключением самого Лорда Волдеморта. Прекрасная и смертоносная ведьма, абсолютно преданная своему повелителю. Она была, если такое вообще возможно, даже большей садисткой и совершала даже большие злодеяния, чем Сами-Знаете-Кто, как будто стремясь превзойти своего хозяина...

...во всяком случае, так про неё думали, такой её знал мир.

Но до этого, как поведал профессор Квиррелл, до появления на сцене ужаснейшей прислужницы Тёмного Лорда, в Слизерине училась девочка, тихая, замкнутая и никому не причинявшая вреда. Это потом о ней придумали множество историй, и даже воспоминания о ней изменились (Гарри был отлично знаком с исследованиями этого эффекта). Но тогда, пока она ещё училась в школе, самая талантливая ведьма Хогвартса слыла доброй девочкой (как говорил профессор Квиррелл). Её немногочисленные друзья были удивлены, когда она присоединилась к Пожирателям Смерти, и ещё больше удивлены, узнав, сколь много тьмы она скрывала за той печальной, тоскливой улыбкой.

Вот кем когда-то была Беллатриса, самая выдающаяся ведьма своего поколения, пока Тёмный Лорд не похитил её, не сломал, не разбил вдребезги и не собрал заново, привязав к себе на более глубоком уровне и с помощью более Тёмной магии, чем любой Имperiус.

Десять лет Беллатриса служила Тёмному Лорду, убивая тех, кого он велел ей убивать, и пытая тех, кого он велел ей пытаться.

Но Тёмный Лорд в конце концов был повержен.

А кошмар Беллатрисы продолжился.

Возможно, где-то внутри Беллатрисы что-то всё ещё кричит, кричит всё это время, и, возможно, это «что-то» целитель-психиатр способен вернуть к жизни. А может, и нет там ничего такого, профессор Квиррелл не мог знать наверняка. Так или иначе, но они способны...

...способны хотя бы вытащить её из тюрьмы...

Беллатрису Блэк держали на самом нижнем ярусе Азкабана.

Гарри было трудно не представлять себе, с каким зрелищем они столкнутся, когда доберутся до её камеры. Должно быть, Беллатриса почти совсем не боялась смерти, раз она до сих пор жива.

Они спустились ещё на один лестничный пролёт, настолько же приблизившись к Смерти и Беллатрисе. Гарри слышал лишь гулкие шаги их невидимых ног. Газовые светильники мерцали бледным оранжевым светом, едва различимая зелёная искра плыла в воздухе, а за ней следовала яркая фигура, которая время от времени то тускнела, то разгоралась ярче.

* * *

Оставив позади множество лестниц, они наконец вошли в коридор, который заканчивался не новой лестницей, а последней металлической дверью, перед которой зелёная искра замерла. Гарри почти успокоился за то время, пока они без происшествий спускались в глубины Азкабана. Но теперь ритм его сердца опять начал ускоряться. Они были в самом низу, и тени Смерти находились совсем близко.

В замке послышался тихий металлический щелчок — профессор Квиррелл открыл путь.

Гарри набрал в грудь воздуха и вспомнил всё, что рассказывал профессор Защиты. Сложность состояла не столько в том, чтобы сыграть свою роль так убедительно, чтобы обмануть саму Беллатрису Блэк, сколько в том, чтобы не утратить при этом патронус...

Зелёная искра исчезла, и секундой позже на её месте возникла утратившая невидимость змея.

Невидимой рукой Гарри толкнул металлическую дверь, и та с протяжным скрипом приоткрылась. Мальчик заглянул внутрь.

Он увидел прямой коридор, завершающийся каменной стеной. Там не было света, за исключением того, что просачивался в щель от патронуса Гарри. Этого было достаточно, чтобы Гарри сумел разглядеть решётки восьми камер, но не то, что находилось за ними. В самом коридоре никого не было.

— *Ничего не вижу*, — прошепел Гарри.

Змея метнулась вперёд, быстро извиваясь по полу.

— *Она в одиночестве*, — секундой спустя сообщила змея.

Останься, — послал Гарри своему патронусу. Тот занял позицию чуть сбоку от двери, словно охраняя её. Гарри распахнул дверь и вошёл внутрь.

В первой камере, куда он заглянул, находился высушенный труп с посеревшей и покрывшейся пятнами кожей. Плоть была протёрта в некоторых местах, обнажая кость, глаз не было вовсе...

Гарри зажмурился. Пока что он был невидим, и лицо никак не могло его выдать.

Он уже знал, уже читал на шестой странице учебника по трансфигурации, что узников держат в Азкабанах до конца срока заключения. Если кто-то умирал раньше, труп оставляли в камере, пока не наступало время освобождения. Если срок был пожизненный, тело оставляли на месте, пока камеру не требовалось освободить, и тогда останки выбрасывали в яму, к дементорам. Но это всё равно стало потрясением: этот труп раньше был человеком, а его здесь просто бросили...

Свет в комнате дрогнул.

Спокойно, — подумал Гарри. Профессору Квирреллу не пойдёт, если патронус погаснет от грустных мыслей. В такой непосредственной близости от дементоров профессор может просто умереть на месте. — *Спокойно, Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес, спокойно!*

С этой мыслью Гарри вновь открыл глаза. Нельзя тратить ни минуты впустую.

Во второй камере был лишь скелет.

А за решёткой третьей камеры он увидел Беллатрису Блэк.

Что-то сокровенное и невосполнимое увяло внутри Гарри, как пожухлая трава.

Что женщина не скелет, что её голова не череп, можно было понять только по тому, что текстура кожи всё-таки отличалась от текстуры кости, какой бы белой и бледной женщина ни стала, пока

в одиночестве сидела в темноте. То ли её плохо кормили, то ли всё, что она съедала, из неё высасывали тени Смерти, но её глаза сильно ввалились, а губы высохли и уже не были в состоянии скрывать за собой зубы. Чёрные одежды, в которых она попала в тюрьму, выцвели, будто дементоры забрали даже этот цвет. Эти одежды, должно быть, когда-то выглядели вызывающе, но сейчас они просто висели на костях, обнажая иссохшую кожу.

Я здесь, чтобы спасти её, я здесь, чтобы спасти её, я здесь, чтобы спасти её, — отчаянно повторял про себя Гарри, снова и снова, будто выполняя упражнение по окклюменции. Он прилагал все усилия, чтобы патронус не исчез, а остался и защитил Беллатрису от дементоров...

В своём сердце, в самой своей основе, Гарри ухватился за жалость и сострадание, за всё своё стремление спасти её от тьмы, и серебряное сияние, проникавшее через дверной проём, стало ярче.

А другой своей части Гарри будто бы позволил привычное действие, на которое даже не обращаешь внимание...

На его лице, невидимом под капюшоном, проступило холодное выражение.

— Здравствуй, моя дорогая Белла, — произнёс ледяной шёпот. — Ты скучала по мне?

Глава 53

Стэнфордский тюремный эксперимент. Часть 3

Труп женщины открыл глаза. Тусклые и запавшие, они смотрели в пустоту.

— Сошла с ума, — хрипло пробормотала Беллатриса. — Похоже, малышка Белла сошла с ума...

Ранее профессор Квиррелл спокойно и обстоятельно проинструктировал Гарри о том, как тот должен действовать в присутствии Беллатрисы и как создать требуемый образ в своей голове.

Вы посчитали удобным, а может, просто забавным, заставить Беллатрису влюбиться в вас, чтобы сделать её своей верной слугой.

Эта любовь должна была пережить Азкабан, сказал профессор Квиррелл, поскольку для Беллатрисы мысль о ней не была счастливой.

Она любит вас абсолютно и полностью, всем своим существом. Вы не отвечаете ей взаимностью, но считаете её полезной. Она это знает. Она ваше самое смертельное оружие, и вы зовёте её «моя дорогая Белла».

Гарри вспомнилась та ночь, когда Тёмный Лорд убил его родителей. Холодное веселье, презрительный смех, высокий голос, наполненный смертельной ненавистью. Гарри не составило ни малейшего труда догадаться, что бы ответил Тёмный Лорд.

— Надеюсь, ты всё-таки не сошла с ума, дорогая Белла, — произнёс он холодным шёпотом. — Сумасшедшие бесполезны.

Взгляд Беллатрисы заметался, пытаясь сфокусироваться на пустоте.

— Мой... Лорд... Я ждала вас, но вы не пришли... я искала вас, но не смогла найти... вы живы...

Всё это она тихо пробормотала, и понять, были ли в её словах какие-то эмоции, Гарри не смог.

— *Покажи с-своё лицо,* — прошептала змея у ног Гарри.

Гарри откинул назад капюшон Мантии невидимости.

Та часть Гарри, которую он назначил управлять выражением своего лица, изучала Беллу без малейшего следа жалости. Лишь спокойный холодный интерес. (Глубоко внутри Гарри думал: *Я спасу тебя, спасу во что бы то ни стало...*)

— Шрам... — пробормотала Беллатриса. — Тот ребёнок...

— Так они все до сих пор и думают, — произнёс Гарри и слегка усмехнулся. — Ты искала меня не в том месте, дорогая Белла.

(Ранее Гарри спросил профессора, почему тот не может сам сыграть роль Тёмного Лорда. Профессор заметил, что нет ни одной правдоподобной причины, почему он мог бы оказаться одержим тенью Того-Кого-Нельзя-Называть.)

Глаза Беллатрисы оставались прикованы к Гарри. Она молчала.

— *С-скажи что-нибудь на парс-селтанге*, — прошептала змея.

Гарри повернулся к змее, чтобы показать, что обращается именно к ней, и прошепел:

— *Раз два три четыре пять ш-шесть с-семь вос-семь девять дес-ять.*

Повисла тишина.

— Те, кто не боятся тьмы... — пробормотала Беллатриса.

— *Будут ею поглощ-щены*, — прошептала змея.

— Будут ею поглощены, — ответил холодный голос. Гарри не очень хотелось размышлять над тем, каким образом профессор Квиррелл узнал пароль. Его мозг тем не менее задумался и предложил версию с Пожирателем Смерти, тихим изолированным местом и сеансом жёсткой легилименции.

— Ваша палочка, — прошептала себе под нос Беллатриса, — я забрала её из дома Поттеров и спрятала, мой Лорд... под надгробием могилы, справа от могилы вашего отца... убьёте ли вы меня теперь, если это всё, чего вы от меня хотели... я, наверное, всегда хотела умереть от вашей руки... но теперь этого уже не помню... должно быть, это была счастливая мысль...

Сердце Гарри сжалось, это было невыносимо, и... и он не мог проронить ни слезинки, не мог позволить патронусу погаснуть...

На его лице отразилось лишь мимолётное раздражение, голос стал резче:

— Довольно глупостей. Ты пойдёшь со мной, дорогая Белла, если только не предпочитаешь компанию дементоров.

На мгновение на лице Беллатрисы промелькнула тень замешательства, ссохшиеся конечности даже не пошевелились.

— Тебе придётся-ся её левитировать отс-сюда, — прошипел Гарри змее. — Она больш-ие не с-спос-собна думать о бегс-стве.

— Да, но не с-следует недооценивать её, она была с-смер-тонос-снейш-шим воином, — зелёная голова предостерегающе качнулась. — Я был бы опас-сен, даже будучи измождён и на де-вять дес-сятых мёртв. Ос-стерегайс-ся её, мальчик, не позволяй ни малейш-шей ош-шибке прокрас-стьс-ся в с-свою игру.

Зелёная змея плавно выскользнула за дверь.

Чуть позже в коридор неуверенно зашёл бледный бородатый мужчина с подобострастным выражением на лице и палочкой в руке.

— Мой Лорд? — нервно спросил слуга.

— Делай, как тебе было приказано, — велел Тёмный Лорд ледяным голосом, который в устах ребёнка звучал ещё ужасней. — И не позволяй патронусу гаснуть. Помни, если я не вернусь, награды ты не получишь, а твоей семье ещё не скоро будет позволено умереть.

Произнеся эти чудовищные слова, Тёмный Лорд набросил на голову капюшон мантии-невидимки и исчез.

Слуга покорно открыл дверь в камеру Беллатрисы, вытянул из складок мантии крошечную иглу и уколол ею женщину-скелет. Единственной выступившей каплей крови он окропил маленькую куклу, которую затем положил на пол и принялся нашёптывать над ней заклинание.

Вскоре на полу лежал ещё один неподвижный обтянутый кожей скелет. После этого слуга на секунду заколебался, и пустота рядом с ним нетерпеливо прошипела приказ. Слуга направил на Беллатрису волшебную палочку и произнёс одно слово — живой скелет на кровати стал голым, а скелет на полу облачился в её выпцветшие одеяния.

От платья новоявленного трупа слуга оторвал кусочек ткани, а из собственной мантии достал почти пустой стеклянный флакон с каплями золотистой жидкости. Флакон был поставлен в угол камеры и накрыт тканью, почти не отличавшейся цветом от серой металлической стены.

Слуга ещё раз взмахнул палочкой, и живой скелет, лежавший на кровати, поднялся в воздух. Ещё одно почти незаметное движение — и на Беллатрисе появилась новая чёрная мантия. Обычная с виду бутылка с горячим шоколадом опустилась ей в руку, а леденящий шёпот приказал взять её и начать пить, что Беллатриса и сделала всё с тем же озадаченным выражением на лице.

Затем слуга сделал её невидимой, исчез сам, и они покинули камеру. Позади них захлопнулась дверь, щёлкнул и закрылся замок, коридор вновь окунулся в непроглядную тьму, и только маленький

флакон, спрятанный в углу камеры, и свежий труп на полу выдавали произошедшие здесь перемены.

* * *

Ранее, в пустом магазине, профессор Квиррелл сообщил, что они собираются совершить идеальное преступление.

Гарри автоматически начал воспроизводить стандартную сентенцию, что идеальных преступлений не бывает. Но всерьёз задумавшись над этим вопросом на две трети секунды, он вспомнил более мудрую сентенцию, и замолчал на середине предложения.

Что ты знаешь и почему ты думаешь, что ты это знаешь?

Если в самом деле совершить идеальное преступление, никто об этом не узнает. Как же тогда можно точно знать, что не бывает идеальных преступлений?

Если смотреть под таким углом, становится понятно, что, возможно, идеальные преступления совершаются постоянно. Коронер объявляет, что смерть произошла от естественных причин, газеты сообщают, что магазин никогда не приносил существенной прибыли и наконец закрылся...

Когда на следующее утро Беллатрису Блэк найдут мёртвой в её камере, в Азкабанае, откуда, как всем известно, не сбежал ни один заключённый, никто не озаботится проведением вскрытия. Ни у кого не возникнет сомнений. Надзиратели просто запрут коридор и уйдут, а на следующий день «Ежедневный пророк» опубликует некролог...

...вот какое идеальное преступление спланировал профессор Квиррелл.

И не по его вине всё пошло наперекосяк.

Глава 54

Стэнфордский тюремный эксперимент. Часть 4

Слабая зелёная искорка двигалась впереди, задавая скорость движения, за ней следовала сияющая серебряная фигура, остальные были невидимы. Они прошли пять коридоров, пять раз повернули направо и преодолели пять лестничных пролётов вверх. Беллатриса покончила со второй бутылкой горячего шоколада и принялась за шоколад в плитках.

После третьей плитки с её стороны начали раздаваться странные звуки.

Гарри потребовалось несколько секунд, чтобы понять, осмыслить природу этих звуков, он никогда ничего подобного не слышал. Ритм был рваный, почти нераспознаваемый. Наконец Гарри понял — Беллатриса плачет.

Беллатриса Блэк, самое ужасное орудие Тёмного Лорда, плакала. Её не было видно, но можно было расслышать слабые жалостные всхлипывания, которые она пыталась сдерживать даже сейчас.

— Это правда? — произнесла Беллатриса. Интонация вернулась в её голос, он уже был не безжизненным бормотанием, фраза определённо несла вопросительный оттенок. — Это правда?

Да, — подумала часть Гарри, которая имитировала Тёмного Лорда, — а теперь помолчи...

Но он не смог заставить себя сказать это вслух, просто не смог.

— Я знала... Вы придёте за мной... когда-нибудь... — её голос дрожал и ломался, прерываемый тихими всхлипами. — Я знала... что вы живы... что вы придёте за мной... мой лорд... — она судорожно сделала глубокий вдох. — И что даже тогда... когда вы придёте... вы по-прежнему не будете любить меня... никогда... вы никогда

не полюбите меня... вот почему... они не смогли у меня отнять... мою любовь... пусть я и забыла... забыла так много... я даже не помню, что именно я забыла... но я помню, как сильно я люблю вас, мой лорд...

В сердце Гарри словно вонзили нож. Он никогда не слышал ничего ужаснее, ему захотелось найти Тёмного Лорда и убить только за это...

— Я вам ещё... понадоблюсь... мой лорд?

— Нет, — прошипел голос Гарри. Он не успел даже задуматься над вопросом — казалось, губы произносят слова сами по себе. — Я зашёл в Азкабан просто так. Да, понадобисься! Не задавай глупых вопросов.

— Но... я слаба, — прозвучал голос Беллатрисы, послышался ещё один всхлип, казавшийся слишком громким для коридоров Азкабана, — я не могу убивать для вас, мой лорд, мне очень жаль, но они всё съели, они съели меня всю, я слишком слаба, чтобы сражаться, какая теперь от меня польза...

Разум Гарри отчаянно пытался найти какие-то слова ободрения, которые звучали бы допустимо в устах Тёмного Лорда, никогда не проявлявшего и тени заботы.

— Уродина, — продолжала Беллатриса. Это слово прозвучало как последний гвоздь в крышку её гроба, последняя степень отчаяния. — Я уродина, они и это сожрали. Я... я больше не привлекательна... вы даже не сможете... использовать меня... как награду для своих слуг... даже Лестрейнджи больше не захотят... мучить меня...

Сияющая серебряная фигура прекратила движение.

Потому что Гарри замер на месте.

Тёмный Лорд... он... — Нежная и уязвимая часть Гарри кричала от ужаса и неверия, пытаясь отринуть действительность, отказаться от понимания, но более холодная и жёсткая часть завершила мысль: *Она повиновалась ему в этом, как повиновалась ему во всём.*

Зелёная искорка нетерпеливо дёрнулась, зовя вперёд.

Серебряная человеческая фигура не тронулась с места.

Всхлипы Беллатрисы стали сильнее.

— Я не... я, я бесполезна... совсем...

Гарри казалось, будто гигантские руки скручивают его грудь как половую тряпку, пытаются раздавить его сердце.

— Пожалуйста, — шептала Беллатриса, — просто убейте меня... — её голос, казалось, стал спокойнее, когда она произнесла эти слова. — Пожалуйста, мой лорд, убейте меня, мне незачем жить, если я бесполезна для вас... Я просто хочу, чтобы это закончилось... пожалуйста, пусть свою последнюю боль я приму от вас, мой лорд, последнюю боль в моей жизни... Я люблю вас...

Ничего печальнее Гарри в своей жизни не слышал.

Яркая серебряная фигура патронуса дрогнула.

Заколыхалась...

Стала ярче...

Гнев поднимался в душе Гарри, гнев на Тёмного Лорда, который совершил это, на дементоров, на Азкабан, на мир, который допускает существование подобных ужасов, и весь этот гнев вливался прямо в волшебную палочку, и не было ничего, что могло бы этому воспрепятствовать, Гарри пытался остановить его, но тщетно.

— Мой лорд! — прошептал изменённый голос профессора Квиррелла. — Моё заклинание выходит из-под контроля! Мой лорд, помогите мне!

Патронус становился всё ярче и ярче. Это происходило быстрее, чем в тот день, когда Гарри уничтожил дементора.

— Мой лорд, — испуганно прошептал силуэт, — помогите! Его почувствуют все, мой лорд!

Его почувствуют все, — мысленно повторил Гарри. Его воображение нарисовало яркую картину, как заключённые пробуждаются в своих камерах, а холод и тьма отступают, сменяясь исцеляющим сиянием.

Всё вокруг лучилось ярким, как солнце, белым отражённым светом. Очертания скелета-Беллатрисы и бледного мужчины стали ясно видны — чары Разнаваждения не справлялись с неземным сиянием, и только Мантия невидимости, Дар Смерти, выдерживала его.

— Мой лорд! Помогите мне или мы погибнем!

Но Гарри уже не мог остановиться и не хотел ничего останавливать. Он чувствовал, как всё больше и больше живых искорок Азкабана берёт под свою защиту его патронус, как он раскрылся, крыльями солнечного света взметнувшись ввысь. Когда эта мысль затопила его сознание, сам воздух превратился в серебро. И Гарри понял, что нужно сделать.

— Умоляю, мой лорд!

Слова не были услышаны.

Они были далеко от него, дементоры в своей яме, но Гарри знал, что даже на таком расстоянии их можно уничтожить, если свет вспыхнет достаточно ярко. Он понял, что сама Смерть не осмелится бросить ему вызов, если он перестанет себя сдерживать. Гарри распечатал все свои внутренние врата, наполнил чары из самых глубоких колодцев своей личности, своего разума и своей решимости и вложил в заклинание всего себя...

Внутри солнца едва различимая тень двинулась к нему, протягивая руку в молящем жесте.

НЕПРАВИЛЬНО

НЕТ

Нахлынувшее чувство тревоги врезалось в стальную решимость Гарри, страх и неуверенность против яркой цели, ничто другое не смогло бы сейчас достучаться до него. Тень сделала ещё один шаг вперёд, затем ещё, чувство тревоги усилилось до предчувствия невероятной катастрофы, и, словно попав под ледяной душ и очнувшись, Гарри увидел последствия своих действий, понял, в какую ловушку чуть не попал.

Со стороны можно было бы заметить, как сияние внутри солнца то крепнет, то слабеет...

То крепнет, то слабеет...

...и наконец уходит, уходит, уходит, оставляя лишь обычный лунный свет, который в сравнении с ним казался крошечной тьмой.

В темноте этого лунного света стоял бледный мужчина, протягивавший в мольбе руку, а на полу лежала женщина-скелет с озадаченным выражением на лице.

Гарри, по-прежнему невидимый, стоял на коленях. Главная опасность миновала, теперь мальчик просто пытался не рухнуть от усталости и удержать заклинание на менее затратном уровне. Он истощил в себе что-то, хорошо если совсем этого не лишился — он должен был догадаться, должен был вспомнить, что не только магия питает чары Патронуса...

— Благодарю вас, мой лорд, — прошептал бледный мужчина.

— Глупец, — произнёс резкий голос мальчика, который притворялся Тёмным Лордом. — Разве я не предупреждал, что заклинание может оказаться фатальным, если ты не сможешь совладать с эмоциями?

Профессор Квиррелл, конечно же, совершенно не переменялся в лице.

— Да, мой лорд, я понимаю, — дрожащим голосом выдавил слуга Тёмного Лорда и повернулся к Беллатрисе...

Которая уже вставала с пола, медленно, словно старая-престарая магловская старуха.

— Как смешно, — прошептала она, — тебя чуть не сгубило заклинание Патронуса... — Беллатриса хихикнула. Смешок прозвучал так, будто с тех её голосовых связок, которые отвечают за смех, выдувалась пыль. — Я бы могла тебя наказать, наверное, если бы мой лорд тебя обездвигил и дал мне ножи... быть может, я и впрямь на что-то ещё гожусь? Я себя чувствую немного лучше, как странно...

— Помолчи, дорогая Белла, — ледяным голосом велел Гарри, — пока я не разрешу тебе раскрыть рот.

Ответа не последовало, что означало послушание.

Слуга, взмахнув палочкой, поднял женщину-скелет в воздух, вновь сделал её невидимой и тут же обернулся невидимкой сам со звуком ещё одного разбившегося яйца.

Они пошли дальше по коридорам Азкабана.

И Гарри знал, что, когда они проходят мимо, узники в своих камерах начинают шевелиться, чувствуя, как страх размыкает свои когти на один драгоценный миг, и, возможно, даже ощущая лёгкое прикосновение проходящего мимо них целебного света, а потом замирают, когда холод и тьма снова окутывают их.

Гарри очень-очень старался об этом не думать.

Ведь иначе его патронус будет гореть, пока не сожжёт последнего дементора Азкабана, настолько ярко, что уничтожит их даже отсюда...

Ведь иначе его патронус будет гореть, пока не сожжёт последнего дементора Азкабана, забрав в качестве топлива всю жизнь Гарри.

* * *

В аврорских помещениях на верхнем этаже Азкабана одна тройка авроров храпела в казармах, вторая тройка восстанавливала силы в комнате отдыха, а третья дежурила в командном центре, большой, но скромно обставленной комнате. Авроры сидели за столом у дальней стены с палочками в руках, постоянно поддерживая трёх патронусов. Яркие белые фигуры расхаживали у открытого окна, защищая их от воздействия дементоров.

Обычно авроры так и сидели у дальней стены и играли в покер, не глядя в окно. Через него, может быть, и был виден кусочек неба, а на час или два в день в нём даже показывалось солнце, но это окно выходило ещё и на адскую яму в центре Азкабана.

На тот случай, если какому-то дементору захочется подлететь к окну и пообщаться.

И чёрт бы с ним, с тройным жалованьем — аврор Ли ни за какие коврижки не согласился бы здесь работать, если бы ему не нужно было содержать семью. (Его настоящим именем было Сяогуан, но все его звали Майк. Своих детей он назвал Су и Као*, надеясь, что эти имена сослужат им лучшую службу.) Его единственным утешением, за исключением жалования, было то, что его коллеги

отлично играли в драконий покер*. Впрочем, за проведённое здесь время не научиться было бы сложно.

Пять тысяч триста шестьдесят шестая партия была в самом разгаре, и Ли пришёл лучший расклад из примерно пяти тысяч трёхсот. Шла февральская суббота, а игроков было трое, что позволяло заменить масть любой одной закрытой карты, кроме двойки, тройки или семёрки, и этого было достаточно, чтобы составить «Столкновение» из единорогов, драконов и семёрок...

Сидевший с другой стороны стола напротив него Джерард МакКаскер оторвал взгляд от карт, посмотрел в сторону окна и замер.

Удивительно быстро Ли сообразил, что это может значить, и у него похолодело в груди.

Если дементорский модификатор превратит его семёрку червей в шестёрку, у него останется только две пары, и тогда МакКаскер всё же сможет...

— Майк, — прервал его размышления МакКаскер, — что с твоим патронусом?

Ли повернул голову и посмотрел.

Его серебряный барсук отвернулся от ямы с дементорами и теперь глядел куда-то вниз, на одному ему видимое зрелище.

Секундой позже сияющая лунным светом утка Бари и яркий муравьед МакКаскера последовали его примеру и повернулись в том же направлении.

Авроры переглянулись и вздохнули.

— Скажу им, — вызвался Бари. Регламент требовал, чтобы всё необычное проверяли те авроры, которые бодрствуют, но не на дежурстве. — А может, подмену одного из них и сам смогаюсь на спираль В, если не возражаете.

Ли встретился глазами с МакКаскером, и оба кивнули. Проникнуть в Азкабан не так уж сложно, если у тебя есть средства, чтобы заплатить могущественному волшебнику, и достаточно благие намерения, чтобы убедить мага, способного вызывать патронуса, выступить в качестве сопровождающего. Так, например, иногда поступали люди, у которых в Азкабана оказались друзья — они проникали внутрь, только чтобы подарить кому-то полдня с патронусом, дать шанс увидеть настоящие сны вместо кошмаров, оставить секретный запас шоколада, который увеличит шансы дотянуть до конца срока. А авроры, стоящие на страже... что ж, даже если они ловили нарушителей, обычно их можно было убедить отвернуться в обмен на соответствующую взятку.

Для Ли соответствующая взятка обычно составляла от двух кнатов до одного серебряного сикля. Он ненавидел это место.

Но у Бари Однорукого была жена, а у жены — счета от целителя, и если у тебя хватило денег на мага, способного вломиться в Азкабан, то будь добр сунуть в единственную оставшуюся руку Бари кругленькую сумму, если уж он тебя поймал.

По негласному соглашению троица сперва завершила партию (никто не выдал свой расклад, первым предложив продолжить игру). Поскольку дементор так и не явился, Ли выиграл. К этому времени патронусы уже перестали смотреть непонятно куда и вернулись к своей службе, так что, скорее всего, это была ложная тревога, но порядок есть порядок.

Когда Ли сгрёб банк, Бари кивнул ему и МакКаскеру и поднялся из-за стола. Длинные белые локоны пожилого аврора скользнули по его причудливой красной мантии, мантия скользнула по металлическому полу командной комнаты, и Бари вышел в дверь, которая вела к пока ещё отдыхающим аврорам.

Будучи пуффендуйцем, Ли был не в восторге от подобных делишек. Но Бари показывал им колдографии, и мужику нужно было дать шанс сделать всё возможное для своей несчастной больной жены, тем более, что ему осталось всего семь месяцев до пенсии.

* * *

По металлическому коридору плыла зелёная искра, за ней следовала серебряная человеческая фигура, которая выглядела чуть тусклее, чем раньше. Временами она вспыхивала, особенно когда они проходили мимо огромных металлических дверей, но затем возвращалась к нормальному состоянию.

Сторонний наблюдатель не увидел бы остальных: одиннадцатилетнего Мальчика-Который-Выжил, живого скелета по имени Беллатриса Блэк и принявшего Обратное зелье профессора Защиты из Хогвартса, шедших вместе по коридорам Азкабана.

Если это начало анекдота, то Гарри понятия не имел, когда будет пора смеяться.

Они прошли ещё четыре лестничных пролета, и тут хриплый голос профессора Квиррелла известил:

— Идёт аврор.

На осознание этих слов и выброс порции адреналина в кровь потребовалось довольно много времени — почти целая секунда.

да. Потом Гарри вспомнил, что они обсуждали с профессором Квирреллом такой вариант развития событий, резко развернулся и кинулся назад.

Добежав до лестничного пролёта, Гарри быстро лёг на третью ступеньку лестницы, ведущей вниз. Холод металла ощущался даже через две мантии. Мальчик слегка приподнял голову и выглянул за край ступеньки, убеждаясь, что профессора Квиррелла с этого места не видно, а значит, Гарри находится вне досягаемости случайных заклинаний.

Его сияющий патронус последовал за ним и лёг ступенькой ниже — он тоже должен был находиться вне зоны видимости.

Ниже по лестнице послышался слабый шелест, будто от ветра, и звук опустившегося на ступеньку тела Беллатрисы. От неё требовалось совсем немного:

— Замри, — приказал холодный высокий шёпот, — и ни звука. Движений и звуков не последовало.

Гарри прижал палочку к металлической ступеньке чуть выше. Другому на его месте пришлось бы достать из кармана кнат... или оторвать кусок ткани от мантии... или откусить один из ногтей... или найти камешек достаточно большой, чтобы его можно было увидеть, и достаточно тяжёлый, чтобы не сдвинуться, когда Гарри дотронется до него палочкой. Но со всемогущей силой частичной трансфигурации это было не обязательно. Он мог опустить данный шаг и использовать любой подручный материал.

Спустя тридцать секунд Гарри стал гордым обладателем искривлённого зеркала и...

— *Вингардиум левиоса*, — как можно тише прошептал Гарри.

...поднял его в воздух прямо над ступеньками. Теперь он мог видеть в изогнутой поверхности почти весь коридор, где невидимый профессор Квиррелл ждал аврора.

Гарри услышал звуки приближающихся шагов и увидел силуэт человека в красной мантии (который было немного затруднительно рассмотреть в зеркале). Аврор в сопровождении животного-патронуса, чью форму Гарри не смог разглядеть, спустился по лестнице и вошёл в пустой на первый взгляд коридор.

Человека окружало синее мерцание. Подробности разобрать было сложно, но, судя по всему, он уже поднял и усилил свои щиты.

Чёрт, — подумал Гарри. Согласно урокам профессора Квиррелла, искусство дуэли заключалось главным образом в умении выставить защиту, способную оградить от того, чем может в тебя

запустить противник, и одновременно использовать заклинания, которые смогут пробить его текущую. Таким образом, самым простым, с огромным отрывом, способом победить в любой настоящей битве (не уставал раз за разом повторять профессор Квиррелл) является нападение на врага до того, как тот поставит защитные чары. Либо со спины, либо с достаточно близкого расстояния, чтобы противник не смог увернуться или защититься вовремя.

Хотя профессору Квирреллу, возможно, всё же удастся напасть сзади, если...

Но аврор остановился, сделав лишь три шага по коридору.

— Неплохое заклинание Разнаваждения, — заметил незнакомый суровый мужской голос. — А теперь покажись, или узнаешь, что такое настоящие неприятности.

Фигура бледного бородача стала видимой.

— И ты, с патронусом, — продолжил суровый голос. — Тоже выходи. Живо!

— Это было бы неразумно, — проскрипел бледный мужчина. В его голосе уже не было слышно трепета перед Тёмным Лордом, зато появилась профессиональная угроза матёрого уголовника. — Вам не хочется знать, кто стоит за мной. Уж поверьте. Пятьсот галлеонов твёрдой монетой, прямо сейчас, и вы разворачиваетесь и уходите. В противном случае на вашей карьере можно будет поставить крест.

На некоторое время воцарилась тишина.

— Слушай, как-тебя-там, — сказал суровый голос. — Похоже, ты кое-чего недопонимаешь. Мне начхать, даже если там за тобой Люциус Малфой или Альбус Дамблдор, чтоб его. Вы все выходите, я всю компанию обыскиваю, а вот потом уже можно будет поговорить о том, сколько вам будет стоить...

— Две тысячи галлеонов, последнее предложение, — прервал его сильный голос, приобретая опасный оттенок. — Это в десять раз больше обычной ставки и больше, чем вы получаете за год. Можете мне поверить, если вы увидите то, чего не следует, будете сожалеть, что не приняли...

— Заткнись! — не выдержал суровый голос. — У тебя ровно пять секунд, чтобы положить палочку на пол, пока я не положил тебя. Пять, четыре...

Что вы делаете, профессор Квиррелл? — в отчаянии подумал Гарри. — *Бейте первым! Или хотя бы создайте щит!*

— ...три, два, один! *Ступефай!*

У Бари глаза полезли на лоб, по спине побежали мурашки.

Палочка мужчины сместилась так быстро, словно она аппарировала, и сногшибатель Бари — нет, он не был заблокирован, развеян или отражён, он безвредно повис на конце палочки незнакомца, разбирающая во все стороны искры, *пойманный* как муха в меду.

— Моё предложение вновь ограничивается лишь пятью сотнями галлеонов, — более холодным и официальным тоном проронил мужчина. Он бесстрастно улыбнулся не подходившей бородавтому лицу улыбкой. — И теперь вам придётся согласиться на изменение памяти.

Бари уже сменил гармонику щитов, чтобы его собственное проклятие не смогло через них пройти, уже переместил палочку в положение для защиты, уже вскинул зачарованную искусственную руку, чтобы блокировать всё блокируемое, и уже мысленно произносил невербальные заклинания, накладывая всё новые и новые слои защиты...

Мужчина не смотрел на Бари. Вместо этого он с любопытством ковырялся в пойманном проклятии, всё ещё колебавшемся на кончике палочки, вытягивал пальцами красные искры и отщёлкивал их в стороны, разбирая заклинание на части, словно детскую игрушку-конструктор.

Собственных щитов мужчина не создавал.

— Скажите мне, — осведомился он равнодушным тоном, который не подходил скрипучей гортани — Обратное зелье, решил бы Бари, если бы кто-то был способен оперировать столь тонкой магией из чужого тела, — чем вы занимались во время прошлой войны? Искали неприятностей или держались от них подальше?

— Искал, — ответил Бари с железным спокойствием аврора, у которого почти век службы за плечами и всего семь месяцев до обязательного выхода на пенсию. Даже сам Шизоглаз Хмури не смог бы сказать это твёрже.

— Бились с Пожирателями Смерти?

Теперь на лице Бари проступила мрачная улыбка.

— Сразу с двумя.

Двое воинов-убийц Сами-Знаете-Кого, обученных лично их Тёмным господином. Сразу двое Пожирателей Смерти против одного Бари. Это была самая трудная битва в жизни аврора, но он устоял и покинул поле боя, потеряв только левую руку.

— Убили их? — с праздным любопытством в голосе поинтересовался мужчина, продолжая вытягивать огненные нити из весьма

уменьшившегося сгустка заклинания, всё ещё подвешенного на кончике его палочки. Теперь пальцы сплетали маленькие узелки из нитей заклинания Бари, прежде чем отбросить их в сторону.

Бари прошиб пот. Его металлическая рука метнулась вниз, сорвала зеркало с пояса:

— Бари — Майку, вызываю подкрепление!

Тишина.

— Бари — Майку!

Зеркало в его руках не подавало признаков жизни. Бари медленно вернул его на пояс.

— Мне уже давно не выпадало случая сразиться с достойным противником, — произнёс мужчина, не поднимая на Бари глаз. — Попробуйте не слишком меня разочаровать. Нападайте, когда будете готовы. Или можете просто уйти с пятью сотнями в кармане.

Долгое молчание.

Затем Бари рубанул палочкой — воздух взвизгнул, как металл, разрезающий стекло.

* * *

Гарри с трудом удавалось что-либо рассмотреть, разобрать хоть что-то среди ярких росчерков и вспышек света. Изгиб зеркала был идеален (на тренировках Легиона Хаоса они прорабатывали эту тактику), но фигурки в нём были всё же слишком малы, к тому же Гарри чувствовал, что он бы не смог ничего понять, даже если бы наблюдал с расстояния в один метр. Всё происходило слишком быстро, красные лучи отражались от синих щитов, зелёные сгустки врезались друг в друга, появлялись и исчезали туманные силуэты, он даже не мог понять, кто какое заклинание применял. Понятно было только то, что аврор выкрикивает проклятие за проклятием и стремительно уворачивается, а профессор Квиррелл в чужом обличе молча стоит на месте, легко взмахивает палочкой и лишь изредка произносит слова на неузнаваемых наречиях, после чего вся поверхность зеркала заливается светом, а половину щитов аврора сносит напрочь, отбрасывая его назад.

Гарри довелось побывать на показательных соревнованиях сильнейших семикурсников, и то, что он сейчас наблюдал, настолько превосходило их уровень, что у Гарри отключался мозг, когда он задумывался, сколько ему ещё предстоит изучить. Ни один из семикурсников и минуты бы не продержался против аврора,

и все три армии семикурсников не смогли бы даже поцарапать профессора Защиты...

Аврор упал на пол и, опираясь на колено и одну руку, второй рукой бешено взмахнул в воздухе, отчаянно выкрикивая слова заклинаний, из которых Гарри узнал несколько, и все они были защитными. Вокруг него смерчем лезвий вилась стая теней.

Гарри увидел, как изменённая зельем фигура Квиррелла нарочито медленно указала туда, где из последних сил отбивался аврор.

— Сдавайся, — прозвучал скрипучий голос.

Аврор в ответ лишь выругался.

— В таком случае, — произнес голос, — *Авада...*

Время потекло как в замедленной съёмке, позволяя услышать отдельные слоги: *Ке — да — вра*. Можно было видеть, как аврор отчаянно рванулся в сторону. Но даже несмотря на то, что всё происходило так медленно, у Гарри всё равно не было времени, чтобы предпринять хоть что-нибудь, не было времени, чтобы открыть рот и закричать «НЕТ», не было времени шевельнуться, у него даже не было времени подумать...

Можно было лишь отчаянно пожелать, чтобы невинный человек не погиб...

И, когда зелёному лучу до цели оставались доли секунды, перед аврором выросла фигура из ослепительного серебра.

* * *

Бари рванулся в сторону, не зная, успеет ли...

Его взгляд был прикован к противнику и приближающейся смерти, поэтому Бари лишь краем глаза заметил очертания сверкающего силуэта. Такого яркого патронуса он ещё никогда не видел. Он появился лишь на долю секунды, и Бари едва успел осознать его немыслимую форму, прежде чем зелёный и серебряный свет столкнулись и оба исчезли, они оба исчезли. Смертельное проклятие было заблокировано! У Бари зазвенело в ушах от ужасного крика оппонента. Тот кричал, кричал и кричал, стискивая голову руками, и начал падать, а сам Бари уже падал...

Отчаянный рывок завершился, и аврор рухнул на пол. Вывихнутое левое плечо и сломанное ребро отозвались острой болью. Бари не обратил на неё внимания, с трудом поднялся на колени и вскинул палочку, чтобы оглушить противника. Он не понимал, что происходит, но знал, что это его единственный шанс.

— *Ступефай!*

В сторону падающего тела мужчины вылетел красный луч, но его разорвало в клочья прямо в воздухе. И не каким-то щитом. Бари видел марево в воздухе вокруг своего упавшего и кричавшего врага.

Аврор всей кожей чувствовал смертоносное напряжение. Поток магии всё нарастал и нарастал и нарастал, приближаясь к какой-то ужасной критической точке. Его инстинкты орали, что нужно отсюда поскорее убираться, пока не случился взрыв — это не заклинание и не проклятие, это вышедшее из-под контроля волшебство, но не успел Бари даже подняться на ноги...

Мужчина отбросил палочку подальше от себя (он выбросил палочку!), и секундой позже очертания размылись и исчезли.

Зелёная змея не шевелилась ещё до того, как её беспрепятственно поразило следующее оглушающее проклятие Бари, выпущенное совершенно рефлекторно.

Когда ужасное напряжение потоков магии начало спадать, когда вышедшее из-под контроля волшебство рассеялось, затуманенный разум Бари осознал, что крик продолжается. Только его звучание изменилось, словно кричал мальчик, и крик этот шёл от ступенек, ведущих вниз.

Этот крик тоже оборвался, и воцарилась тишина, прерываемая лишь тяжёлым дыханием Бари.

Мысли аврора текли медленно, неуверенно, хаотично. Его противник оказался просто безумно могучим, это даже дуэлью было назвать сложно, их битва скорее напоминала его тренировочный бой против мадам Тармы* в первый год учёбы на аврора. Пожиратели Смерти не были и на десятую часть столь сильны, Шизоглаз Хмури не был так силен... и кто, чем и как, во имя яиц Мерлина, остановил Смертельное проклятие?!

Бари удалось собрать в кулак достаточно сил, чтобы прижать палочку к ребру, пробормотать исцеляющее заклятие, а потом проделать ту же операцию с плечом. На это потребовалось больше энергии, чем должно было, слишком много, и теперь его магия была на грани истощения. Её уже не хватило бы на мелкие ссадины и синяки и даже на то, чтобы восстановить те ошметки, что остались от его щитов. Её хватало только на то, чтобы не давать патрону погаснуть.

Прежде чем заговорить, Бари сделал несколько глубоких, тяжёлых вдохов, выравнивая дыхание.

— Ты, — сказал Бари. — Кто бы ты ни был, выходи.

Наступила тишина, и Бари подумал, что этот кто-то, возможно, потерял сознание. Он не понимал, что только что произошло, но он слышал крик...

Что ж, был только один способ проверить.

— Выходи, — сказал Бари уже более сурово, — или я буду бить заклинаниями по площадям.

На самом деле, Бари сомневался, что у него хватит на это сил.

— Подождите, — послышался голос мальчика, высокий, тонкий и дрожащий, как будто кто-то пытался утаить изнеможение или слёзы. И, похоже, источник голоса приблизился. — Пожалуйста, подождите. Я выхожу...

— Сними невидимость, — прорычал Бари. Он слишком устал, чтобы возиться с чарами анти-Разнаваждения.

Мгновение спустя из-под мантии-невидимки показалось лицо мальчика. Чёрные волосы, зелёные глаза, очки и покрасневший шрам в виде молнии.

Если бы Бари прослужил аврором лет на двадцать меньше, возможно, он бы моргнул. А так у него лишь вырвались слова, которые, скорее всего, не стоило говорить в присутствии Мальчика-Который-Выжил.

— Он, он, — голос мальчика дрогнул, на его лице читались испуг и смертельная усталость, а по щекам всё ещё текли слёзы, — он похитил меня, чтобы я создал патронус... он сказал, что убьёт меня, если я не... только я не мог позволить ему убить вас...

Разум Бари до сих пор был в тумане, но всё медленно вставало на свои места.

Гарри Поттер, единственный волшебник, который выжил после Смертельного Проклятья. Возможно, Бари и удалось бы уклониться от зелёной смерти, он, конечно, пытался это сделать, но, если дело дойдёт до Визенгамота, там решат, что налицо долг жизни Благодарному Дому.

— Понятно, — прорычал Бари уже мягче. Он направился к мальчику. — Сынок, мне жаль, что ты через такое прошёл, но тебе следует бросить мантию и палочку на пол.

Остальная часть Гарри Поттера появилась из невидимости — стала видна промокшая от пота мантия с синей хогвартской оторочкой. Правая рука сжимала одиннадцатидюймовую палочку так крепко, что костяшки пальцев побелели.

— Палочку, — повторил Бари.

— Простите, — прошептал одиннадцатилетний мальчик, — вот, — и он протянул её Бари.

Бари с огромным трудом подавил рык. Мальчик всё-таки прошёл через многое и только что спас ему жизнь. Чтобы успокоиться, Бари сделал глубокий вдох и просто протянул руку за палочкой.

— Послушай, сынок, вообще-то не стоит направлять палочку на...

Ладонь Бари почти коснулась палочки, но та слегка дёрнулась, и одновременно раздался шёпот мальчика:

— *Сомниум.*

* * *

Гарри смотрел на бесчувственное тело аврора. Ощущения триумфа не было, лишь сокрушающее отчаяние.

(Возможно, даже сейчас было ещё не слишком поздно.)

Гарри повернулся и посмотрел туда, где неподвижно лежала зелёная змея.

— *Учитель?* — прошипел Гарри. — *Друг? Пожалуйс-ста, ты жив?*

Его охватил дикий страх, он совершенно забыл, что видел, как профессор Защиты только что пытался убить полицейского.

Гарри уже направил палочку на змею, готовясь произнести «*Иннервейт*», и тут его разум очнулся и заорал.

Он не смел использовать магию на профессоре Квиррелле.

Острая, раздирающая разум боль, словно его мозг рвётся пополам — вот что он ощутил, когда его заклинание столкнулось с заклинанием профессора Квиррелла. Он почувствовал, что его магия и магия профессора схожи, но совершенно несочетаемы. Об этом и предупреждало постоянно чувство тревоги — если Гарри Поттер и профессор Квиррелл окажутся слишком близко или используют магию друг на друге, или даже если их заклинания случайно пересекутся, произойдет что-то ужасное и непостижимое, их магия срезонирует и выйдет из-под контроля...

Гарри смотрел на змею. Он не был уверен, дышит та или нет.

(Истекали последние секунды.)

Он повернулся к аврору, который видел Мальчика-Который-Выжил, который знал.

Осознание всего масштаба бедствия тысячей тонн обрушилось на Гарри. Он сумел усыпить аврора, но больше ничего нельзя было сделать и исправить, миссия провалена, всё провалено, он проиграл.

От потрясения, волнения и отчаяния он совершенно не думал о самом важном, не видел очевидного, не помнил, откуда берётся

это отчаяние, не понимал, что ему нужно вновь вызвать Истинную форму патронуса.

(А затем уже стало слишком поздно.)

* * *

Аврор Ли и аврор МакКаскер расставляли стулья вокруг стола, поэтому они одновременно увидели, как снаружи к окну подлетел нагой, скелетоподобный ужас и завис в воздухе. Одного этого зрелища было достаточно, чтобы у обоих заболела голова.

Голос, который они слышали, мог бы принадлежать давно разложившемуся труп. И сами слова, казалось, давно уже составились и умерли.

Речь дементора резала слух:

— Беллатриса Блэк не в камере.

Секунда потрясённой тишины, а затем Ли сорвался со стула и бросился к коммуникатору, чтобы вызвать подкрепление из Министерства. МакКаскер же схватил своё зеркало и лихорадочно начал вызывать трёх авроров, что были в патруле.

Глава 55

Стэнфордский тюремный эксперимент. Часть 5

В коридоре, стены которого несли следы недавней магической битвы, под тусклым светом газовых ламп мальчик протянул руку к неподвижной змее — телу его учителя — и сделал маленький шаг вперёд. Затем ещё один, и ещё один...

Приблизившись на расстояние метра, он наконец ощутил на краешке сознания знакомый зуд.

Пусть и очень слабое, но всё то же чувство тревоги...

Значит, профессор Квиррелл жив.

Но вместо радости эта мысль принесла лишь какое-то опустошение и отчаяние.

Его всё равно скоро поймут, и не важно, какие оправдания он придумает, это всё равно будет выглядеть плохо. Больше никто и никогда не поверит ему, ещё один Тёмный Лорд — вот кем он станет для всех, и никто не придёт ему на помощь, когда наступит время сражаться с Лордом Волдемортом. Гермиона разочаруется в нём, и даже Дамблдор, наверное, захочет поискать героя получше...

...возможно, его просто отправят домой, к родителям.

Он проиграл.

Гарри посмотрел на бесчувственное тело полицейского, которого он усыпил, на уже начавшие подсыхать следы крови от лёгких ран и порезов, на выжженные прорехи в причудливо расшитой красной мантии.

Он сгруппировался. Не стоило нападать на полицейского, надо было просто придерживаться изначальной версии, что его похитил профессор Квиррелл...

Ещё не поздно, — зашептал внутренний голос. — Твою ошибку всё ещё можно исправить. Тебя видел аврор, он помнит, что

ты его усыпил... но если он умрёт, если умрут профессор Квиррелл и Беллатриса Блэк, некому будет опровергнуть твою версию.

Рука Гарри начала медленно подниматься, направляя палочку на полицейского и... замерла.

У него появилось чувство, что он совершает нечто нехарактерное для себя. Как будто он что-то забыл, что-то важное. Но он никак не мог вспомнить, что именно он забыл.

О. Точно. Он же верил в ценность человеческой жизни.

Вместе с этой мыслью пришло замешательство. Гарри совсем не мог вспомнить, почему он считал ценными жизни других людей...

Хорошо, — сказала его логическая составляющая. — Почему в моём сознании произошли изменения?

Потому что он в Азкабане...

И он забыл заново вызвать патронуса...

Любое действие почему-то требовало огромных усилий, и даже мысль о действии казалась слишком тяжёлой. Но идея вызвать патронуса была довольно привлекательной, поскольку страх перед дементорами никуда не исчез. И хотя он не мог вспомнить, как это — быть счастливым, он знал, что сейчас он точно не счастлив.

Гарри поднял руку, удерживая палочку перед собой, пальцы сложились в начальную позицию заклинания.

И остановился.

Он не мог... не мог точно вспомнить... что же он использовал в качестве счастливой мысли.

Странно, ведь это было что-то важное, то, что он точно должен помнить... что-то, имеющее отношение к смерти? Но в мыслях о ней нет ничего радостного...

Его пробрала дрожь. До этого Азкабан не казался таким холодным, и чувствовалось, что с каждой секундой становится всё холоднее и холоднее. Уже слишком поздно что-то делать, его уже затянуло слишком глубоко, и он уже никогда не сможет вызвать патронуса...

Возможно, эти мысли вызваны воздействием дементоров и не являются точной оценкой происходящего, — предположила его логическая часть по привычке, отработанной до уровня безусловного рефлекса. Этой части не требовалось никакой энергии, чтобы включиться. — Думай о воздействии дементоров как о когнитивном искажении и попробуй перебороть его тем же способом, каким обычно борешься с другими когнитивными искажениями. Испытываемое тобой чувство безысходности, возможно, не означает, что ситуация действительно безнадежна, может

быть, оно просто показывает, что поблизости находятся дементоры. Все негативные эмоции и пессимистичные оценки должны сейчас рассматриваться как сомнительные и неверные, пока не будет доказано обратное.

(Если бы кто-то мог видеть мальчика во время его размышлений, то он бы заметил, как детское лицо под очками и шрамом-молнией нахмурилось в отвлечённой и безэмоциональной озадаченности. Рука Гарри так и застыла в начальной позиции заклинания Патронуса и более не двигалась.)

Присутствие дементоров влияет на ту часть тебя, которая отвечает за счастье. Если ты не можешь вызвать радостную мысль через мнемоническую ассоциацию со словом «счастье», то, возможно, ты сможешь добраться до неё каким-нибудь другим путём. Когда ты в последний раз разговаривал с кем-нибудь о заклинании Патронуса?

Этого Гарри тоже вспомнить не смог.

Сокрушительная волна отчаяния обрушилась на него и тут же была отвергнута его логической частью, как нечто не заслуживающее доверия, внешнее, не свойственное ему. Статичный вес этой волны продолжал давить, но процесс мышления не остановился, для него не требовалось особых усилий...

Когда ты в последний раз разговаривал с кем-нибудь о дементорах?

Профессор Квиррелл сказал, что он уже ощущает присутствие дементоров, и Гарри посоветовал... он сказал профессору Квирреллу...

...думать о звёздах, о бестелесном падении сквозь космос, окутать этой мыслью всё сознание, словно барьером окклюмента.

Его второй урок Защиты, пятница, именно тогда профессор Квиррелл показал ему звёзды, а затем ещё раз, на Рождество.

Было нетрудно вспомнить их, эти обжигающие белые точки на фоне абсолютной черноты.

Гарри вспомнил огромный водоворот Млечного пути.

Вспомнил чувство умиротворённости.

И холод, охвативший его конечности, казалось, слегка отступил.

И в его памяти всплыли слова, которые он громко произнёс в тот день, когда впервые вызвал патронуса. Его разум смог вспомнить их звучание и смысл, хотя ощущение от них оставалось чем-то далёким...

...Я думал о своём категорическом неприятии смерти как естественного порядка вещей.

Чтобы вызвать Истинную форму патронуса, нужно думать о ценности человеческой жизни.

...Но есть другие жизни, которые всё ещё здесь, за которые стоит бороться. Твоя жизнь и моя жизнь, жизнь Гермионы Грейнджер, каждая жизнь на Земле и за её пределами, которую стоит защищать и охранять.

Идея убить всех... на самом деле принадлежала не ему, это следствие воздействия дементоров...

Отчаяние — тоже воздействие дементоров.

Там, где есть жизнь, есть и надежда. Аврор всё ещё жив. Профессор Квиррелл всё ещё жив. И Беллатриса всё ещё жива. Я жив. Ещё вообще никто не умер...

Теперь Гарри смог представить Землю, сине-белый шар в окружении звёзд.

...и я не позволю им умереть!

— Экспекто Патронум!

Слова прозвучали немного нерешительно, но человеческая фигура появилась вновь — довольно тусклая поначалу, белая, а не серебряная, светящаяся лунным светом, а не солнечным.

Но постепенно, с каждым размеренным вдохом приходящего в себя Гарри, она обретала прежнюю силу. Гарри позволил свету вытеснить тьму из своего разума. Вспомнил почти забытое и направил эти мысли обратно к патронусу, подпитывая его сияющую фигуру.

Но даже когда патронус опять стал серебряным, засверкал в полную силу — гораздо ярче газовых ламп — и прогнал холод, у Гарри всё равно дрожали руки. Ещё бы чуть-чуть...

Он сделал глубокий вдох. Ладно. А теперь, когда дементоры больше не влияют на его мысли, нужно обдумать текущую ситуацию ещё раз.

Гарри оценил ситуацию.

...Она и в самом деле выглядела довольно безнадёжной.

Гарри хоть и не ощущал прежнего сокрушительного отчаяния, но всё равно чувствовал себя, мягко говоря, неуверенно. И он не осмеливался использовать свою Тёмную Сторону, которая была способна решать задачи такого уровня на лету. Это она могла презрительно усмехнуться, услышав предложение сдаться, когда он всего-навсего потерял профессора Квиррелла, застрял в глубинах Азкабана и был опознан полицейским. Обычный Гарри сходу справляться с такими задачами не умел.

В любом случае у него нет выбора, кроме как идти вперёд. Нет ничего бессмысленнее, чем сдаться раньше, чем действительно проиграешь.

Гарри огляделся.

Тусклые газовые фонари освещали серый металлический коридор. Стены, пол и потолок были в глубоких зарубках, выщербинах, местами оплавлены. Любому с первого взгляда будет ясно, что здесь произошло сражение.

Профессор Квиррелл мог бы легко привести всё в порядок, если бы...

И тут на Гарри в полной мере обрушилось чувство, что его предали.

Почему... почему он... почему...

Потому что он — зло, — тихо и печально сказали гриффиндорец с пуффендуйцем. — Мы же тебе говорили.

Нет! — отчаянно подумал Гарри. — Нет, это нелогично, мы планировали совершить идеальное преступление, аврору можно было стереть память, коридор — восстановить. И только если бы аврор погиб, ничего бы нельзя было исправить!

Вот только на самом деле профессор Квиррелл и не планировал никакого «идеального преступления», — мрачно ответил слизеринец. — Ему нужно было, чтобы преступление заметили, чтобы все узнали о том, что кто-то убил аврора и освободил Беллатрису Блэк из Азкабана. Он намеревался приготовить какие-то улики, доказывающие твою причастность, чтобы шантажировать тебя и навсегда привязать к себе.

Патронус Гарри почти исчез, затем:

Нет... — подумал Гарри.

Да, — с сожалением констатировали три его другие части.

Нет, всё равно нелогично. Профессор Квиррелл прекрасно знал, что я пойду против него в тот же миг, как увижу убитого им аврора. И что я вполне могу направиться прямоком к Дамблдору и признаться во всём, надеясь, что меня хотя бы отчасти оправдает то, что я был обманут. А... что касается шантажа, то так ли сильно усугубляет мою вину убийство аврора, совершённое против моей воли, если я уже добровольно принял участие в освобождении Беллатрисы из Азкабана? Гораздо умнее было бы собрать доказательства моей причастности, продолжая при этом притворяться моим другом как можно дольше, и только когда возникнет необходимость, прибегнуть к шантажу...

Рационализация, — заявил слизеринец. — Тогда почему же профессор Квиррелл так поступил?

И в некотором отчаянии Гарри подумал — понимая, что отчасти им движет желание отвергнуть реальность, а этот метод для такого не предназначен:

Я замечаю, что я озадачен.

В голове воцарилось молчание. Все его воображаемые личности воздержались от комментариев.

И Гарри продолжил рассматривать умеренно безнадежную ситуацию.

Должен ли он заново оценить вероятность того, что Беллатриса — зло?

...нет, сейчас это не важно. Можно принять за аксиому, что в данный момент она — зло. Была ли она изначально невинной девушкой, которую с помощью пыток, легилименции и Тёмных ритуалов превратили в ту, кем она стала, или же она выбрала свою судьбу по собственной воле, это мало влияет на текущее положение дел. Главное, что пока Беллатриса Блэк считает Гарри Тёмным Лордом, она будет ему подчиняться.

Что ж, это один из доступных ему ресурсов, пусть даже Беллатриса измождена и на девять десятых мертва...

Ему вспомнились слова Беллатрисы, сказанные дрожащим голосом, когда его патронус вышел из-под контроля: «Я себя чувствую немного лучше, как странно...» Гарри пришла в голову мысль — он не мог точно сказать, откуда она взялась, возможно, его разум её просто выдумал, но... Вполне возможно, что высосанное дементорами давным-давно потеряно навеки. Но то, что дементоры забрали недавно, с помощью Истинной формы патронуса можно вернуть. То есть, Беллатриса могла получить обратно то, что потеряла примерно за последнюю неделю. Не счастливые воспоминания — их, должно быть, съели много лет назад. Но силу, которую из неё высосали за последнюю неделю — вполне.

Как если бы она получила неделю отдыха на восстановление магии...

Гарри посмотрел на змеиное тело профессора Квиррелла.

...которой, возможно, хватит на один *Иннервейт*.

Если, конечно, пробуждение профессора Квиррелла вообще хорошая идея.

Гарри вновь почувствовал отголоски отчаяния. После случившегося он не может доверять профессору Квирреллу, не может считать, что приводить его в чувство — мудрое решение.

Спокойствие, — напомнил себе Гарри и посмотрел на распростёртое на полу тело аврора.

Возможно, Беллатрисы хватит ещё и на заклинание изменения памяти.

В любом случае, это может стать первым шагом. Это, конечно, не означает, что в итоге удастся в целости и сохранности покинуть Азкабан, и впоследствии авроры, конечно, поймут, что произошло нечто странное, смерть Беллатрисы может вызвать подозрения, и, вполне возможно, будет произведено вскрытие. Но, тем не менее, первый шаг на пути к спасению определён.

...и так ли уж сложно будет выбраться из Азкабана? Никто не ждёт, что аврор с докладом вернётся сразу же, и если добраться до крыши Азкабана прежде, чем его хватятся, можно будет улететь через дыру, оставленную профессором Квирреллом, а отлетев достаточно далеко, активировать портключ. (И у профессора Квиррелла, и у Гарри были портключи, мощности каждого из которых хватило бы для транспортировки двух людей плюс-минус змеи. Как и в случае с их сверхсекретным уходом из ресторана «У Мэри», профессор Квиррелл заложил в свой план такой запас прочности, что это произвело впечатление даже на Гарри.)

И Беллатриса может нести змеиное тело профессора. Гарри не осмеливался к нему даже притронуться, не то что левитировать.

Он развернулся и быстрым шагом направился в сторону Беллатрисы, которая ожидала его на ступеньках лестницы. Его настроение заметно улучшилось. Это уже походило на хороший план, а значит, не стоило больше терять время.

А что делать с профессором Квирреллом — или с той же Беллатрисой Блэк — после того как портключ перенесёт их туда, где, предположительно, находится целитель для Беллатрисы... что ж, с этим придётся разбираться по ходу дела. Гарри, вероятно, придётся обманывать целителя, чтобы тот сделал всё как надо... что потребует чертовски ловкого вранья, да и сам Гарри ещё не был уверен, что именно ему надо... Впрочем, ближайшая цель была очевидна — он и Беллатриса должны убираться отсюда как можно скорее.

Гарри мысленно пробежался по всему плану побега: главная проблема возникнет, когда они окажутся на крыше. Профессор Квиррелл должен был прокрасться на крышу невидимым и перенастроить чары, следящие за воздушным пространством вокруг Азкабана так, чтобы они в течение нескольких минут выдавали одни и те же сведения. А ещё профессор Квиррелл говорил, что он не может наложить чары Невидимости на патронуса Гарри, которого отпускать ни в коем случае нельзя, потому что если он исчезнет, то дементоры немедленно узнают о том, что Беллатриса пытается сбежать, и известят авроров...

На этом месте цепочка его мыслей оборвалась.

Бывают времена, когда выражения «О, чёрт!» совершенно недостаточно для описания ситуации.

* * *

Несмотря на адреналин, руки аврора Ли ничуть не дрожали, когда он снимал замки с Исчезательного шкафа, соединённого с тщательно охраняемой комнатой в Департаменте магического правопорядка. (Конечно же, Исчезательный шкаф действовал только в одну сторону. Защитные системы Азкабана допускали несколько быстрых способов попасть в крепость — использование их всех находилось под строжайшим контролем — но способов быстро покинуть Азкабан не было.)

Ли сделал несколько шагов назад, и, направив на шкаф палочку, произнёс:

— *Гармония Нектере Пасус.*

В ту же секунду...

Дверь шкафа с треском распахнулась, и в комнату шагнула коренастая ведьма с квадратным подбородком и седыми коротко стриженными волосами. Она не носила никаких знаков различия, равно как и драгоценностей или других украшений — очевидно, считала, что ей идёт лишь обычная аврорская мантия. Директор Амелия Бонс, глава Департамента магического правопорядка. Говорили, что она — единственная ведьма в ДМП, способная одолеть Шизоглаза Хмури в честном поединке (не то чтобы кто-то из них был склонен сражаться честно). Ещё ходили слухи, что Амелия может аппарировать в пределах ДМП, и теперь Ли понимал, откуда эти слухи берутся. Он поднял тревогу менее пятидесяти секунд назад.

— В воздух, живо! — рявкнула Амелия через плечо тройке женщин-авроров, следовавшей за ней с полицейскими мётлами. Они, должно быть, ждали все вместе в тесном шкафу, пока Ли его активирует. — Мне нужно расширить зону наблюдения над этим местом. И не забывайте поддерживать чары анти-Разнаваждения! — Потом её голова повернулась к нему. — Аврор Ли, доложите обстановку! Уже известно, как они проникли внутрь?

Не успел Ли открыть рот, как в Исчезательном шкафу материализовалась ещё одна тройка авроров с мётлами.

За ними последовали трое магов из Ударного отряда в полном боевом снаряжении.

Потом ещё одна тройка из Ударного отряда

Потом ещё одна команда с мётлами.

* * *

Истощённая фигура Беллатрисы Блэк без движения лежала на ступеньках. Гарри холодным высоким шёпотом спросил, не спит ли она, но не получил ответа.

Краткий всплеск паники прервала мысль: это профессор Квиррел усыпил её, чтобы она не услышала, как раболепный слуга Тёмного Лорда вдруг превращается в матёрого уголовника, а затем — в эксперта по боевой магии. Что было неплохо — значит, она не слышала, и как Гарри произнёс «Эспекто Патронум».

Он накинул обратно капюшон мантии, указал палочкой на Беллатрису и прошептал как можно мягче:

— *Иннервейт.*

Судя по тому, как дёрнулось тело Беллатрисы, заклинание Гарри сработало недостаточно мягко.

Запавшие тёмные глаза открылись.

— Белла, дорогая, — сказал Гарри высоким холодным голосом. — Боюсь, у нас небольшая проблема. У тебя хватит сил, чтобы немного поколдовать?

Возникла пауза, а потом бледная голова Беллатрисы кивнула.

— Очень хорошо, — сухо сказал Гарри. — Я не спрашиваю, можешь ли ты идти самостоятельно, дорогая Белла, но, боюсь, тебе придётся.

Он указал на неё палочкой:

— *Вингардиум левиоса.*

Гарри контролировал расход магической силы, чтобы хватило надолго, но даже этого было достаточно, чтобы компенсировать две трети её веса. Она была... лёгкой.

Медленно, словно впервые за многие годы, Беллатриса Блэк поднялась на ноги.

* * *

Амелия прошла через комнату дежурных. Аврор Ли и его серебряный барсук следовали за ней. Она повернула свой Маховик времени, как только услышала тревогу, и целый час напряжённо готовилась к операции. Создать временную петлю в Азкабана невозможно, будущее Азкабана не может взаимодействовать с его прошлым, поэтому Амелия не могла прибыть до того, как ДМП получил сообщение. Но она должна была успеть...

Её взгляд сразу же отыскал парящий за окном труп: нагое, давно разложившееся тело.

— Где Беллатриса Блэк? — резко спросила Амелия, не показывая страха перед созданием страха.

Даже у неё на мгновение в жилах застыла кровь, когда труп раздвинул губы и пробулькал:

— *Не знаю.*

* * *

Гарри опять стал полностью невидимым и теперь наблюдал, как Беллатриса медленно наклоняется, поднимает палочку профессора Квиррелла (Гарри не осмеливался к ней прикоснуться) и медленно выпрямляется.

Затем Беллатриса направила палочку на змею и чётко, хотя и шёпотом, произнесла:

— *Иннервейт.*

Змея не шелохнулась.

— Мне попытаться ещё раз, мой лорд? — прошептала Беллатриса.

— Нет, — Гарри сглотнул, пытаясь подавить ощущение тошноты.

Он решил послать всё к чёрту и попытаться разбудить профессора Квиррелла после того, как понял, что дементоры, возможно, уже предупредили авроров. Высокий холодный голос невозмутимо продолжил: — Как по-твоему, дорогая Белла, ты в состоянии использовать заклинание изменения памяти?

Беллатриса замешкалась, затем нерешительно ответила:

— Думаю, да, мой лорд.

— Сотри воспоминания этого аврора за последние полчаса, — приказал Гарри. Он немного задумался, хочет ли он давать какие-то объяснения и что ему ответить, если Беллатриса спросит, почему бы им просто не убить аврора. В таком случае Гарри планировал объяснить, что они притворяются другой силой, а затем приказать ей заткнуться...

Но Беллатриса лишь направила палочку на аврора, молча постояла некоторое время и наконец прошептала:

— *Обливиэйт!*

— Очень хорошо, моя дорогая Белла, — сказал Гарри, усмехнувшись. — Ещё я попрошу тебя нести эту змею.

И снова женщина ничего не сказала, не потребовала объяснений, не спросила, почему Гарри или судя по всему невидимый создатель

патронуса не могут сами это сделать. Она лишь проковыляла к лежащей змее, медленно наклонилась, подняла её и повесила себе на плечо.

(Крошечная часть Гарри заметила, что очень приятно иметь приспешника, который просто подчиняется приказам и совершенно не задаёт вопросов. Он бы запросто мог привыкнуть к такому приспешнику, как Беллатриса. Но все остальные части Гарри тут же громкими воплями заставили эту крошечную часть заткнуться.)

— За мной, — скомандовал мальчик и двинулся по коридору.

* * *

В комнате дежурных стало чересчур тесно, ещё чуть-чуть и даже дышать было бы трудно. Хотя вокруг самой Амелии пространства оставалось достаточно. Если для того, чтобы дышать, нужно потеснить директора Боунс, лучше не дышать.

Амелия посмотрела на Ору, которая возилась с зеркалом аврора МакКаскера.

— Специалист Вайнбах, — гаркнула директор, заставив молодую ведьму вздрогнуть. — Есть ответ от зеркала Однорукого?

— Нет, — нервно ответила Ора. — Оно... Я хочу сказать, его, должно быть, заблокировали, а не уничтожили, тщательно заблокировали, ведь сигнал тревоги не сработал. Но канал связи настолько пуст, что, возможно, зеркало всё-таки сломано...

Амелия не изменилась в лице, хотя та часть её, что уже оплакивала Однорукого, стала немного печальней и гораздо более разгневанной. Семь месяцев, ему оставалось всего семь месяцев до пенсии после ста лет службы. Она помнила его ещё горячим молодым аврором, каким он был много лет назад. И в течение всей своей карьеры он служил ДМП верой и правдой, по крайней мере во всём, что касалось действительно важного...

Кто-то за это ответит.

Дементор продолжал парить за окном, отбрасывая на их действия бесполезную тень страха. Существо оказалось способно лишь констатировать нехватку знаний бульканьем или вовсе молчанием, когда ему задавали вопросы вроде: «Беллатриса Блэк уже сбежала?» или «Почему ты не можешь её найти?» или «Каким образом она прячется?». Амелия начала уже волноваться, что преступники успели скрыться, когда...

— Мы нашли дыру в крыше над спиралью В, — крикнул кто-то в дверной проём, — ещё открыта, обманные чары активны.

Амелия хищно улыбнулась, как волк при виде добычи.

Беллатриса Блэк всё ещё в Азкабане.

В Азкабане она и останется. Навсегда.

Амелия Боунс шагнула к окну, уже не обращая внимания на дементора, и посмотрела на небо, лично проверяя патрулирующие мётлы. Со своего места она не могла видеть всё небо, но она видела десять мётел, движущихся как и положено при патрулировании, и этого уже должно быть достаточно, чтобы поймать кого угодно. Хотя она всерьёз намеревалась отправить в воздух все мётлы, какие могла. У её авроров были самые быстрые мётлы, которые в настоящее время можно было купить — Нимбус 2000. Никаких неудачных погонь для её людей.

Амелия отвернулась от окна и нахмурилась. В комнате присутствовало слишком много людей, и две трети присутствующих здесь были совершенно не нужны, они просто хотели находиться в центре событий. Если и было что-то, чего Амелия не переносила, так это люди, которые делают то, что хотят, вместо того, что нужно.

— Так, слушайте все! — рявкнула Амелия. — Перестаём болтаться здесь и начинаем занимать верхние уровни каждой спирали! Именно, — ответила она на удивлённые взгляды, — каждой! Они могут пробиться сквозь пол или потолок с одной на другую, если вы ещё не догадались! Мы проходим вниз уровень за уровнем, пока их не поймаем! Я беру спираль В, Скримджер, идите на Б... — тут она замешкалась, вспомнив, что Шизоглаз ушёл на пенсию в прошлом году, кто же может его... — Шеклболт, берёте спираль А, и с вами сильнейшие бойцы! Проверяем каждый блок, заглядываем под одеяла, выполняем полный набор заклинаний обнаружения в каждом коридоре! Никто не покинет Азкабан, пока преступники не будут пойманы, никто! И...

Собравшиеся удивлённо посмотрели на Амелию, когда её голос оборвался.

Преступники нашли какой-то способ помешать дементорам найти Беллатрису Блэк.

Это считалось невозможным.

От этой мысли у Амелии холодела кровь. Это было похоже...

Амелия сделала глубокий вдох, и её стальной командирский голос загремел вновь:

— И когда вы их поймаете, убедитесь, чёрт побери, что перед вами настоящие преступники, а не наши же люди, которых заставили принять Оборотное зелье. Если кто-то рядом ведёт себя странно, проверяйте их на заклятие Империиус. Держите других в поле зрения. Если вы не узнаете человека в лицо, не считайте, что униформа аврора

означает, что перед вами свой. — Она повернулась к специалисту по связи. — Передайте мётлам. Если одна из них выходит из общего строя без причины, половина отправляется в погоню за ней, а остальные продолжают патрулирование. И смените гармоникаы везде где можно, они могли украсть наши коды. — Амелия опять повернулась к остальным. — Помните, все авроры под подозрением, кроме тех, у кого нет семьи, которой можно угрожать.

Она увидела холод в глазах пожилых, увидела, как некоторые из младших авроров вздрогнули.

Она знала, что они поняли, но на всякий случай она произнесла это вслух:

— Сегодня мы сражаемся в прошлой Войне Волшебников. Сами-Знаете-Кто мёртв, но это не означает, что Пожиратели Смерти забыли его трюки. А теперь вперёд!

* * *

Невидимый Гарри шёл в тишине по серому коридору, освещённому газовыми лампами. Рядом шла Беллатриса. Серебряная фигура следовала за ними. Гарри пытался придумать план получше.

Сначала, когда он понял, что авроры уже могли поднять тревогу, а профессор Квиррелл не собирается просыпаться...

Его мысли на секунду застыли.

И до сих пор не разморозились. Гарри решил, что он и Беллатриса направятся вниз, чтобы выиграть как можно больше времени. Он рассудил, что авроры начнут с самого верха и пойдут вниз уровень за уровнем. Они могут позволить себе двигаться медленно и аккуратно, они знают, что их добыче некуда деваться.

У Гарри не получалось придумать ни единого выхода из положения.

Пока он не сказал сам себе: *ну, а если бы это были просто военные игры, что бы сделал генерал Хаоса?*

Ответ пришёл мгновенно.

А затем Гарри подумал: *но если это настолько просто, почему же никто раньше не сбегал из Азкабана?*

А после того, как он осознал, в чём, возможно, могла быть проблема: *отлично, а как генерал Хаоса разберётся с этим?*

И тогда генерал Хаоса предложил поправку к первоначальному плану.

Это была...

Это была самая безумно гриффиндорская идея, которую Гарри когда-либо...

Он пытался придумать план получше, но без особых успехов.

Какие мы привередливые, — фыркнул гриффиндорец. — Кто тут ещё минуту назад жаловался, что у него нет ни единой идеи? Радуйся, что нам удалось придумать хотя бы что-то, мистер Теперь-Мы-Обречены.

— Мой лорд, — запинаясь, прошептала Беллатриса, увидев следующий лестничный пролёт, ведущий вниз, — я должна вернуться обратно в камеру, мой лорд?

Мозг Гарри был отвлечён, поэтому ему потребовалось некоторое время, чтобы обработать эти слова... а потом ещё время, чтобы обработать получившийся ужас. Беллатриса же продолжила:

— Я бы... пожалуйста, мой лорд, можно мне лучше умереть? — прозвучал её голос. А затем гораздо тише, так что Гарри с трудом расслышал слова, прошептала: — Но я вернусь туда, если вы хотите этого от меня, мой лорд...

— Мы направляемся не в твою камеру, — прошипел Гарри автоматически. Никаким его чувствам не было позволено отразиться на лице.

Эм... — сказал пуффендуец. — *Ты действительно сейчас подумал: «Работай на меня, я оценю тебя по достоинству»?*

Подобная преданность тронула бы даже камень, — подумал Гарри. — Даже если я получаю её незаслуженно, я ничего не могу поделать, я...

Она палач и убийца, верно служившая Тёмному Лорду, и предполагаемая причина её преданности заключается в том, что когда-то безвинную девушку разбили вдребезги, а из осколков создали её, — сказал пуффендуец. — Ты забыл?

Если кто-то настолько предан мне, пусть даже по ошибке, есть часть меня, с которой я ничего не могу поделать — я всё равно что-то чувствую. Тёмный Лорд должен был быть... злобным, кажется, недостаточно сильный эпитет, он должен был быть пуст, чтобы не ценить её преданность, искусственная она или нет.

Большинству субличностей Гарри в целом нечего было на это сказать.

И тут Гарри услышал...

Сначала звуки были еле различимыми, но с каждым шагом Гарри они становились всё громче.

Далёкий, неразборчивый женский голос.

Гарри автоматически прислушался.

«...пожалуйста, не...»

«...не хотела...»

«...не умирай...»

Затем он понял, кого именно он слышит, и почти сразу же осознал, что он слышит.

Профессор Квиррелл больше не поддерживал вокруг тишину, а Азкабан на самом деле не был лишён звуков.

Слабый женский голос повторял:

— Нет, я не хотела, пожалуйста, не умирай!

— Нет, я не хотела, пожалуйста, не умирай!

Он становился громче с каждым шагом Гарри, он мог теперь различить интонации, ужас, раскаяние, отчаяние...

— Нет, я не хотела, пожалуйста, не умирай!

...худшее воспоминание этой женщины, повторяющееся снова и снова...

— Нет, я не хотела, пожалуйста, не умирай!

...убийство, из-за которого она попала в Азкабан...

— Нет, я не хотела, пожалуйста, не умирай!

...где дементоры исполняли её приговор: видеть, как тот, кого она убила, умирает, и умирает, и умирает в бесконечно повторяющемся цикле. Должно быть, она попала в Азкабан недавно — слишком много жизни осталось в её голосе.

Затем Гарри пришло в голову, что профессор Квиррелл шёл мимо этих дверей, слышал эти звуки и не выказывал ни малейшего беспокойства. Гарри счёл бы это достаточным доказательством Тёмной натуры... Но из-за присутствия Беллатрисы губы самого Гарри оставались недвижимы, и дыхание было по-прежнему ровным, несмотря на то, что внутри всё кричало, и кричало, и кричало.

Патронус стал ярче. Он не выходил из-под контроля, но становился ярче с каждым шагом Гарри.

Он стал ещё ярче. Когда Гарри и Беллатриса спускались по ступенькам, она споткнулась, и Гарри протянул ей левую руку из-под плаща, храбро встретив чувство тревоги, накатившее от такой близости к змее, обёрнутой вокруг её шеи. У неё на лице отразилось удивление, но она приняла его помощь и ничего не сказала.

Гарри стало легче от того, что он мог помочь Беллатрисе. Но этого было не достаточно.

Особенно когда он разглядел огромную металлическую дверь в центре коридора на этом этаже.

Особенно когда они подошли ближе, и женский голос затих, потому что рядом появился патронус, и её худшее воспоминание перестало повторяться снова и снова.

Прекрасно, сказал внутренний голос. Это был шаг первый. Гарри неизбежно приближался прямо к металлической двери. И...

Теперь открой дверь...

...Гарри продолжал шагать...

Эй, что ты делаешь? Вернись и вытащи её оттуда!

...продолжал шагать...

Спаси её! Что ты делаешь? Ей плохо, ТЫ ДОЛЖЕН ЕЁ СПАСТИ!

Портключ, который Гарри нёс с собой, мог перенести двоих, только двоих плюс-минус змею. Если бы у него был портключ профессора Квиррелла... но его не было, он остался у человеческой формы профессора Квиррелла, его невозможно достать... Гарри мог спасти только одного в этот день, и только один человек, с самого нижнего яруса Азкабана, настолько отчаянно нуждался...

— НЕ УХОДИ! — раздался вопль из-за металлической двери. — Нет, нет, нет, не уходи, не забирай, оставь, оставь, нет...

В коридоре был свет, и он разгорался всё ярче.

— Пожалуйста, — всхлипнула женщина, — пожалуйста, я больше не могу вспомнить имена моих детей...

— Сядь, Белла, — Гарри как-то удалось сдержать свой голос и произнести это тем же холодным шёпотом. — Я должен с этим разобраться, — Беллатриса послушно опустилась наземь — тёмный скелетоподобный силуэт на фоне разлитого в воздухе сияния. Чары левитации ослабли и исчезли.

Я умру, подумал Гарри.

Сияние всё усиливалось.

В конце концов, нельзя с уверенностью сказать, что Гарри умрёт.

Существовала только вероятность умереть, к тому же разве некоторые вещи не стоят вероятности умереть?

Всё вокруг светлело, и патронус становился всё больше и ярче. В этом сиянии уже было почти невозможно различить человеческую фигуру.

И жизненные силы Гарри поддерживали этот огонь.

Если я уничтожу дементоров, то, даже если я выживу, все будут знать, что это сделал именно я. Я потеряю поддержку, проиграю войну...

Неужели? — сказал тот внутренний голос, который пытался его убедить. — После того, как ты уничтожишь всех дементоров Азкабана? Я бы скорее подумал, что это станет верительной

грамотой, что ты Лорд Света, так что СПАСИ ЕЁ СПАСИ ЕЁ ТЫ ДОЛЖЕН ЕЁ СПАСТИ...

Серебряный свет уже потерял всякую форму.

Невозможно было разглядеть коридор.

Гарри больше не видел собственное тело под плащом.

Осталась лишь бестелесная точка обзора с бесконечно расходящимися лучами серебристого света.

Гарри чувствовал, как жизнь покидает его, придавая патронусу силу. Он чувствовал, как тени смерти вдали начали истончаться.

Я собирался достичь большего в своей жизни, чем это... Я собирался сразиться с Тёмным Лордом, я собирался слить воедино магловский и волшебный миры...

Возвышенные цели казались очень далёкими, очень абстрактными, в сравнении с единственной женщиной, умоляющей его о помощи, не было никакой уверенности, что Гарри когда-либо сделает что-то более важное, чем этот единственный поступок, который он мог совершить здесь и сейчас.

И на вдохе, который мог стать последним, Гарри подумал:

Существуют другие дементоры, и, возможно, другие Азкабаны... Если я собираюсь сделать это, то надо подобраться ближе к яме в центре, так это заберёт меньше жизненных сил, что увеличит вероятность выжить и уничтожить остальных дементоров... даже если допустить, что это оптимальный вариант, если и существует правильное время и место, то не здесь и не сейчас, НЕ ЗДЕСЬ И НЕ СЕЙЧАС!

Что? — возмущённо отозвалась другая его часть, пытаясь найти контраргумент, которого не существовало...

Свет начал медленно гаснуть, пока Гарри старался сконцентрироваться на этом единственном, неоспоримом факте, очевидной истине того, что они не в том месте, что сейчас совсем не время...

Свет медленно угас до прежнего состояния.

Часть жизненных сил Гарри вернулась обратно.

Часть была потеряна, истрачена на сияние.

Но у него осталось достаточно сил, чтобы стоять на ногах и сохранять серебряное сияние человеческой фигуры. И когда он поднял руку с палочкой и прошептал «Вингардиум левioso», магия послушно потекла наружу и помогла Беллатрисе подняться на ноги. (Потому что не магию он потратил сейчас, ибо не магия питала чары Патронуса.)

Клянусь, — подумал Гарри, дыша в присутствии Беллатрисы настолько ровно, насколько это было возможно, хотя слёзы

струились по его невидимым щекам, — *клянусь своей жизнью и магией, и искусством рационалиста, клянусь всем, что для меня свято и всеми своими счастливыми воспоминаниями, я даю клятву, что однажды я уничтожу это место, пожалуйста, пожалуйста, простите меня...*

И двое пошли дальше, а голос убийцы кричал и умолял вернуться и спасти её.

Нужно было больше времени, какой-нибудь ритуал прощания, ибо Гарри пожертвовал частицей себя, но Беллатриса шла подле него и Гарри должен был продолжать идти, молча и без задержек, ровно дыша.

И Гарри шёл дальше, оставляя позади частицу себя. Она останется в этом времени и месте навечно, он знал это. Даже после того, как он когда-нибудь вернётся сюда в компании других людей, умеющих вызывать Истинную форму патронуса, и уничтожит здесь всех дементоров. Даже когда он расплавит треугольное здание, сожжёт скалы, и остров захлестнёт море, и не останется ни единого следа того, что такое место когда-либо существовало. Даже тогда эта его частица не вернётся назад.

* * *

Стайка сияющих существ прекратила смотреть вниз и снова начала патрулировать металлический коридор, словно ничего не произошло.

— Совсем как в прошлый раз? — отрывисто спросила директор Боунс у аврора Ли.

Молодой аврор ответил:

— Да, мэм.

Директор потребовала проверить, могут ли дементоры теперь отыскать свою цель, и, похоже, не удивилась отрицательному ответу.

Эммелину Вэнс раздирали внутренние противоречия.

Эммелина больше не являлась членом ордена Феникса, их формировали, когда закончилась война. И во время войны она знала, все они знали, что директор Крауч неофициально одобряет их битвы «на стороне».

Директор Боунс — не Крауч.

Но сейчас они охотились за Беллатрисой Блэк, которая была Пожирательницей Смерти, и которую сейчас совершенно точно пытались вызволить Пожиратели Смерти. Патронусы у всех вели себя странно — все сияющие создания застывали и начинали смотреть

вниз, прежде чем вновь последовать за своими хозяевами. И дементоры не могли найти свою цель.

Ей казалось, что сейчас настало самое подходящее время, чтобы посоветоваться с Альбусом Дамблдором.

Следует ли ей просто предложить директору Боунс связаться с Дамблдором? Но если директор Боунс сама всё ещё этого не сделала...

Эмелина ещё немного поколебалась, возможно, дольше, чем нужно, и наконец решилась. *К чёрту всё*, — подумала она, — *мы на одной стороне, и нам следует держаться вместе, нравится это директору Боунс или нет.*

И при этой мысли её серебристый воробей вспорхнул к ней на плечо.

— Отстань от нас немного, охраняй тыл, — тихонько пробормотала Эмелина, почти не шевеля губами, — дождись, пока никто не будет смотреть прямо на тебя, затем лети к Альбусу Дамблдору. Если он не один, дождись, пока он останется один. И передай ему: «Беллатриса Блэк пытается сбежать из Азкабана, и дементоры не могут её найти».

Глава 56

СТЭ. Часть 6. Условная оптимизация

Ни звука. К счастью, из-за металлической двери на следующем ярусе не было слышно ни звука. Либо за ней никого не было, либо узники в этом блоке страдали молча. Возможно, они кричали, но у них уже пропал голос, или они просто тихо бормотали что-то в темноте...

А вдруг у меня ничего не выйдет? — думал Гарри, и теперь он не мог винить дементоров в этой упаднической мысли. Лучше всего спуститься вниз, там будет безопаснее. Реализация его плана требовала времени, а авроры, скорее всего, уже начали прочёсывать крепость. Вот только если Гарри придётся молча пройти мимо ещё хоть одной металлической двери, сохраняя ровное дыхание, он может просто сойти с ума. Если он будет оставлять по частичке себя перед каждой дверью, то вскоре от него ничего не останется...

Сияющая лунным светом кошка выпрыгнула из ниоткуда и приземлилась прямо перед патронусом. Гарри еле удержался от крика, чуть не испортив свой образ Тёмного Лорда.

— Гарри, — голос профессора МакГонаггалл звучал как никогда встревоженно. — Где ты? С тобой всё в порядке? Это мой патронус, ответь мне!

Гарри судорожно выбросил из головы лишние мысли, подготавливал горло к смене голоса, успокоился и, словно поднимая барьер окклюменции, переключился на другую субличность. Это заняло несколько секунд, и он изо всех сил надеялся, что профессор МакГонаггалл не обратит внимание на заминку и спишет всё на задержку связи. А ещё Гарри изо всех сил надеялся, что патронусы не умеют докладывать о том, что они видели.

Невинным голосом он ответил:

— Я в ресторане «У Мэри», профессор, в Косом переулке. Иду в уборную, если точнее. Что-то не так?

Кошка прыгнула в никуда, а Беллатриса понимающе захихикала приглушённым хриплым смехом, но осеклась, как только Гарри на неё шикнул.

Через мгновение кошка вернулась и сказала голосом профессора МакГонагалл:

— Я прибуду за тобой прямо сейчас. Никуда не уходи. Если рядом нет Профессора Защиты — не возвращайся к нему. Ничего никому не говори. Я буду так быстро, как только смогу.

Силуэт кошки размылся в прыжке, и она исчезла.

Гарри бросил взгляд на часы, запоминая время, чтобы после того, как он всех вытащит отсюда, и профессор Квиррелл снова повернёт Маховик времени, он смог вернуться в туалет ресторана «У Мэри» в нужный момент.

Слушай, — сказала часть его мозга, отвечающая за решение задач, — а ты в курсе, что количество условий, которыми можно усложнить задачу, прежде чем она станет неразрешимой, ограничено?

Это не должно было иметь значения, нет, правда, это нельзя было сравнивать со страданиями даже одного-единственного заключённого в Азкабана, но всё равно Гарри не мог отделаться от мысли, что, если в итоге его не заберут из ресторана «У Мэри», будто он его никогда и не покидал, и профессор Защиты не выйдет сухим из воды, то профессор МакГонагалл его просто убьёт.

* * *

Команда Амелии готовилась занять следующий отрезок спирали В. Авроры устанавливали щиты впереди, обследовали всё вокруг и лишь потом убирали щиты сзади. Амелия барабанила пальцами по бедру и размышляла, не следует ли ей посоветоваться с признанным экспертом в таких вопросах. Если бы он не был настолько...

Амелия услышала знакомый треск пламени и уже знала, что увидит, когда обернётся.

Треть авроров в команде крутанулась и направила палочки на старого волшебника в очках-полумесяцах с длинной серебряной бородой, который появился прямо среди них с огненно-золотым фениксом на плече.

— Не стрелять!

С помощью Обратного зелья можно получить новое лицо, однако перемещение с фениксом подделать гораздо труднее. Охранные

системы Азкабана допускали его как один из способов быстро попасть внутрь, но способов быстро покинуть Азкабан не было.

Несколько долгих секунд старая ведьма и старый волшебник пристально смотрели друг на друга.

(Амелия ненадолго задумалась, кто из её авроров отправил сообщение. С ней в Азкабан прибыли несколько бывших членов Ордена Феникса. Она попыталась припомнить, не пропал ли воробей Эммеины или кот Энди из стайки светящихся существ. Впрочем, Амелия осознавала, что эти размышления бессмысленны. Возможно, её люди здесь вовсе не при чём, старый пройдоха часто знал то, что было невозможно узнать никаким способом.)

Альбус Дамблдор учтиво склонил голову и спокойно поинтересовался:

— Надеюсь, я не помешал? Мы ведь на одной стороне?

— Это зависит от того, зачем вы здесь, — резко ответила Амелия. — Помочь поймать преступников или защитить их от последствий их действий?

Хочешь попытаться спасти убийцу моего брата от давно заслуженного Поцелуя, старый пройдоха?

Насколько знала Амелия, к концу войны Дамблдор поумнел — во многом благодаря безостановочному ворчанию Шизоглаза, — но, как только были найдены останки Волдеморта, скатился обратно к своему глупому милосердию.

Отражения патронусов дюжиной белых и серебряных точек сияли на очагах-полумесяцах старого волшебника.

— Я хочу видеть Беллатрису Блэк на свободе даже меньше, чем вы. Она не должна покинуть эту тюрьму живой, Амелия.

Не успела Амелия вновь обрести дар речи, не говоря уже о том, чтобы выразить своё удивление и благодарность, старый волшебник взмахнул своей длинной чёрной палочкой и вызвал ослепительно-серебряного феникса, который засиял, возможно, ярче, чем все остальные присутствовавшие патронусы вместе взятые. Амелия впервые в жизни увидела невербальный вызов патронуса.

— Прикажете всем своим аврорам отозвать патронусы на десять секунд, — сказал старый волшебник. — Что не нашла тьма, может найти свет.

Амелия бросила приказ офицеру связи, и тот при помощи зеркал оповестил всех авроров, чтобы они выполнили распоряжение Дамблдора.

Это заняло несколько секунд, после чего наступила ужасающая тишина — никто из авроров не осмеливался её нарушить, а Амелия

меж тем пыталась разобраться со своими мыслями. «Она не должна покинуть эту тюрьму живой»... Альбус Дамблдор не превратился бы в Бартемиуса Крауча без веской причины. Если бы он хотел объяснить ей эту причину, он бы уже это сделал, и его молчание точно было плохим знаком.

Но всё же было хорошо знать, что сейчас они могут работать вместе.

— Начали, — раздался хор зеркал, и все патронусы, за исключением одного, самого яркого, исчезли.

— Есть ли здесь другой патронус? — спросил у сияющего создания старый волшебник.

Сияющее создание кивнуло.

— Ты сможешь его найти?

Серебряная голова кивнула вновь.

— Сможешь ли ты его опознать, если он исчезнет и появится вновь?

Заключительный кивок сияющего феникса.

— Я закончил, — сказал Дамблдор.

— Закончили, — произнесли секунду спустя все зеркала. Амелия вскинула палочку и начала снова вызывать патронуса.

(На её лице всё ещё была волчья ухмылка, и ей пришлось приложить некоторое усилие, чтобы начать думать о том, как Сьюзен впервые поцеловала её в щёку, а не о грядущей участи Беллатрисы Блэк. Этот Поцелуй тоже был счастливой мыслью, но не слишком подходил для создания патронуса.)

* * *

Они не добрались даже до конца коридора, когда патронус Гарри поднял руку, вежливо, как будто на уроке.

Гарри быстро перебрал варианты. Вопрос был в том, как... хотя нет, это тоже очевидно.

— Кажется, — его голос был полон холодного веселья, — кто-то велел этому патронусу передать сообщение лично мне.

Гарри усмехнулся.

— Ну что ж. Прости, дорогая Белла. *Квиетус*.

И сразу же серебристый человек произнёс его голосом:

— Другой патронус ищет этого патронуса.

— Что? — воскликнул Гарри. И затем, не раздумывая над тем, что случилось: — Ты можешь заблокировать его? Не дать ему найти тебя?

Серебристый человек отрицательно мотнул головой.

* * *

Едва Амелия и другие авроры закончили создавать патронусов, как...

Оба феникса, сияющий серебряный и настоящий, золотисто-красный, полетели вперёд, и старый волшебник спокойно зашагал вслед за ними, держа палочку наготове.

Магические щиты на пути старого волшебника разошлись как вода и с лёгкой рябью сомкнулись за его спиной.

— Альбус! — крикнула Амелия. — Что, чёрт возьми, вы задумали?

Но она и так уже знала.

— Не ходите за мной, — серьёзно сказал старый волшебник. — Я могу защитить себя, но я не могу защитить других.

От проклятья, которое Амелия послала ему вслед, вздрогнули даже её собственные авроры.

* * *

Это нечестно, нечестно, нечестно! Существует предел для условий, которые можно добавить к задаче, прежде чем она действительно станет невыполнимой!

Гарри отбросил эти бесполезные мысли, отодвинул усталость и направил свой разум на борьбу с новыми ограничениями. Нужно было думать быстро, без промедления использовать адреналин на обработку логических цепочек, не тратя времени на отчаяние.

Для достижения цели необходимо:

Убрать патронуса.

Найти способ спрятать Беллатрису от дементоров при отсутствии патронуса.

Найти способ самому противостоять воздействию дементоров при отсутствии патронуса.

...

Если я справлюсь с этим, — заявил мозг Гарри, — я хочу в награду печенюшку, но если ты ещё хоть чуть-чуть усложнишь задачу, я выберусь из твоей черепушки и двину в сторону Таити.

Гарри и его мозг рассмотрели задачу.

Веками Азкабан оставался неуязвимым из-за невозможности противостоять воздействию дементоров. Значит, если Гарри и сможет отыскать другой способ спрятать Беллатрису от дементоров, то только благодаря своим научным знаниям или пониманию, что дементоры — это Смерть.

Мозг Гарри предположил, что самый очевидный способ не дать дементорам увидеть Беллатрису — прекратить её существование, то есть убить.

Гарри поздравил свой мозг с тем, что тот мыслит вне стереотипов, и велел продолжать искать другие возможности.

Убей её, а затем верни к жизни, — таким было следующее предположение. — Используй Фригидейро, заморозь Беллатрису до температуры, при которой прекращается мозговая активность, затем согрей её заклинанием Термос. Получится как с людьми, утонувшими в ледяной воде и спасёнными спустя полчаса без заметных повреждений мозга.

Гарри обдумал этот вариант. Беллатриса слишком истощена, есть вероятность, что она не переживёт подобные манипуляции. И нет гарантии, что это помешает Смерти увидеть её. И у него будут сложности с перемещением замороженной Беллатрисы. И Гарри не мог вспомнить исследование по выяснению точной температуры тела, при которой останавливается мозговая деятельность, но не наступает смерть.

Это была ещё одна хорошая нестандартная идея, но Гарри приказал своему мозгу продолжить искать...

...способы спрятаться от Смерти...

Гарри нахмурился. Где-то он уже сталкивался с этими словами.

«Одно из незаменимых для могущественного волшебника качеств — великолепная память, — как-то сказал профессор Квиррелл. — Ключом к ответу на загадку нередко оказывается фраза, прочитанная в старом свитке двадцать лет назад, или, скажем, перстень, который вы видели на пальце человека, встреченного лишь однажды.»

Гарри изо всех сил пытался сосредоточиться, но не мог вспомнить. Ответ вертелся на языке, но он не мог вспомнить, так что Гарри велел своему подсознанию найти нужную информацию, а сам переключил внимание на другую часть задачи.

Как я могу защитить себя от дементоров без заклинания Патронуса?

Директор неоднократно подвергался воздействию дементора на очень близком расстоянии, снова и снова, в течение целого дня, и после этого выглядел лишь немного уставшим. Как ему это удалось? И способен ли Гарри на такое?

Возможно, дело просто в генетике, и тогда Гарри влип. Но если предположить, что задача имеет решение...

Тогда ответ очевиден — Дамблдор не боится смерти.

Дамблдор на самом деле ничуть не боится смерти. Он искренне, честно верит в то, что смерть — это просто следующее великолепное приключение. Верит в это всем сердцем, а не просто повторяет удобные слова, подавляя когнитивный диссонанс. Это не притворная мудрость, для Дамблдора смерть — это часть нормального, естественного порядка вещей. Какая бы частичка страха смерти ни оставалась в нём, она очень мала, и потому лишь долгое, многократное воздействие дементора смогло ослабить директора.

Но для Гарри этот путь закрыт.

А затем он посмотрел на эту проблему с обратной стороны:

Почему я настолько восприимчив к воздействию дементоров по сравнению с другими людьми? Остальные ученики не падали на землю при встрече с дементором.

Гарри хотел уничтожить Смерть, покончить с ней, если получится. Хотел жить вечно, если получится. Таковы были его надежды, но его мысли о Смерти не несли в себе привкуса отчаяния и безнадёжности. Он не цеплялся слепо за жизнь, более того, ему пришлось приложить усилие, чтобы не сжечь свою жизнь из-за отчаянного желания защитить от Смерти других. Почему же тени Смерти имеют над ним такую власть? Раньше он и подумать не мог, что настолько боится умереть.

Быть может, Гарри постоянно ищет отговорки? Боится настолько, что страх заставляет его заниматься самообманом, в котором он обвинял Дамблдора?

Гарри обдумал это, не позволяя себе уклоняться от неприятных мыслей. Он чувствовал себя очень неудобно, и всё же...

И всё же...

И всё же неприятные мысли не всегда верны, и конкретно эта звучала как-то странно. Словно в ней была доля правды, но скрывалась она совсем не там, где он предположил...

И тут Гарри озарило.

О.

О, я понял.

На самом деле смерти боится...

Гарри спросил свою Тёмную Сторону, что она думает о смерти.

И сразу же его патронус замерцал, потускнел и чуть не исчез, поскольку внутри Гарри поднялась волна отчаянного, истерического, пронзительного страха, невыразимого ужаса. Что-то в нём было готово пойти на всё, лишь бы не умирать, отказаться от чего угодно, лишь бы не умирать. Этот абсолютный ужас затуманивал мысли и чувства, смотреть в эту бездну небытия было всё равно, что смотреть прямо

на солнце. Что-то внутри Гарри превратилось в слепое запуганное существо, которое желало лишь забиться в тёмный угол, спрятаться и никогда больше не думать об этом...

Серебряная фигура вновь потускнела до лунного света и затрепетала, словно гаснущая свеча...

Всё хорошо, — думал Гарри, — всё хорошо.

Он представил, как укачивает свою Тёмную Сторону, словно это маленький испуганный ребёнок.

Бояться — это нормально и правильно, потому что смерть и правда ужасна. Тебе не нужно скрывать свой страх, не нужно его стыдиться, ты можешь носить его гордо и открыто при свете дня.

Было странно ощущать себя разделённым на две части — поток мыслей, который нёс утешение, и поток, порождённый неспособностью его Тёмной Стороны понять чуждые ей, но естественные для Гарри мысли. Среди всего, с чем его Тёмная Сторона ассоциировала свой страх смерти, меньше всего она ожидала найти одобрение, похвалу и помощь...

Тебе не нужно сражаться в одиночку, — безмолвно говорил Гарри своей Тёмной Стороне. — У тебя есть я, и я всегда буду тебя поддерживать. Я не позволю умереть себе, и не позволю умереть своим друзьям. Ни тебе/мне, ни Гермионе, ни маме с папой, ни Невиллу или Драко, или кому-то ещё. Мы защитим всех...

Он представил себе крылья, сотканные из солнечного света, из сияния своего патронуса, и укрыл ими этого испуганного ребёнка.

Патронус вновь засиял ярче, и мир повернулся вокруг Гарри. Или у него закружилась голова?

Возьми мою руку, — подумал он, представляя, как протягивает руку, — пойдём со мной, сделаем это вместе...

Гарри почувствовал, как его разум качнулся, будто мозг сделал шаг влево, или всё мироздание сделало шаг вправо.

Посреди ярко освещённого коридора Азкабана, где тусклый свет газовых светильников тонул в ровном сиянии патронуса-человека, невидимый мальчик стоял со странной улыбкой на лице и лишь едва заметно дрожал.

Гарри каким-то образом знал, что он только что сделал что-то очень значимое, гораздо более важное, чем просто повышение сопротивляемости дементорам.

А кроме того, он вспомнил. Ирония заключалась в том, что к верному ответу его подтолкнули размышления о Смерти как об ан-

тропоморфной сущности. Гарри наконец смог вспомнить о вещи, способной скрывать человека даже от взгляда самой Смерти...

* * *

Волшебник, шедший по коридорам Азкабана, замер на полушаге, поскольку его ярко-серебряный проводник неожиданно завис в воздухе и горестно захлопал крыльями. Сверкающий белый феникс вытянул шею, посмотрел по сторонам, как будто в замешательстве, а затем повернулся к своему хозяину и, извиняясь, покачал головой.

Старый волшебник молча развернулся и зашагал в обратном направлении.

* * *

Гарри стоял твёрдо и уверенно, ощущая, как волны страха проходят мимо, не достигая своей цели. Эти постоянные волны пустоты, конечно, могли чуть-чуть подтачивать его, как прибой подтачивает прибрежные камни, но по крайней мере теперь конечности не сковывал холод, и его магия оставалась с ним. Какая-то часть Гарри до сих пор съёживалась при мысли о Смерти вместо того, чтобы черпать в этом страхе силы для битвы, и со временем эти волны могут разрушить и поглотить его, воспользовавшись этой лазейкой. Однако для этого потребуется немало времени, поскольку тени Смерти далеко, и он им неинтересен. Тот изъян, та трещина, что была в нём, закрылась, и в его разуме царил яркий огонь звёзд, бесконечный, бесстрастный, сверкающий посреди холода и тьмы.

Сторонний наблюдатель сейчас увидел бы металлический коридор, залитый тусклым светом газовых ламп, и одинокого мальчика со странной улыбкой на лице.

Ибо Беллатриса Блэк и перекинутая через её плечо змея были скрыты одним из трёх Даров Смерти — Мантией невидимости, которая по легенде могла спрятать даже от взгляда самой Смерти. Ответ на эту загадку был утрачен, но Гарри нашёл его заново.

Теперь он понял, что Мантия даёт гораздо больше простой прозрачности чар Разнаваждения. Мантия *прячет* владельца, и, как невозможно увидеть фестрала, не осознав Смерть, невозможно увидеть человека, укрытого Мантией. И ещё Гарри понял, что именно кровью фестралов нарисован символ Даров Смерти на изнанке Мантии, и эта кровь даёт Мантии частицу силы Смерти, позволяя

противостоять воздействию дементоров на их собственном уровне. Он осознавал, что ему нечем подтвердить эту гипотезу, и тем не менее был уверен, что она верна. Знание пришло к нему в тот же миг, когда он разгадал загадку.

Беллатриса по-прежнему была невидима, но Мантия больше не могла спрятать её от Гарри, он знал, что она здесь, точно так же, как знал о существовании фестралов, поскольку Гарри лишь одолжил ей свою Мантию невидимости, а не отдал насовсем, а также потому, что он понял суть и стал настоящим хозяином Дара Смерти, который из поколения в поколение передавался в роду Поттеров.

Гарри посмотрел на невидимую женщину и спросил:

— Белла, ты чувствуешь воздействие дементоров?

— Нет, — ответила она тихим удивлённым голосом и добавила: — Но, мой лорд... Вы...

— Если скажешь какую-нибудь глупость, я буду недоволен, — холодно оборвал её Гарри. — Или тебе пришло в голову, что я жертвую собой ради тебя?

— Нет, мой лорд, — озадаченно и, кажется, даже благоговейно ответила Беллатриса.

— Идём, — велел Гарри ледяным шёпотом.

И они продолжили свой путь вниз. Тёмный Лорд на ходу запустил руку в свой кошель-скрытень, достал печенюку и съел её. Если бы Беллатриса спросила, Гарри заявил бы, что это шоколад, но она промолчала.

* * *

Старый волшебник прошёл обратно сквозь строй авроров, серебряный и красно-золотой фениксы следовали за ним.

— Вы... — зарычала было Амелия.

— Они отпустили своих патронусов, — сказал Дамблдор. Старый волшебник не повышал голоса, но его спокойные слова почему-то заглушили рычание Амелии. — Я не могу их найти.

Амелия стиснула зубы, чтобы удержаться от пары едких замечаний, и повернулась к офицеру связи:

— Пусть люди в дежурной комнате опять спросят дементоров, могут ли они почувствовать Беллатрису Блэк.

Специалист по связи обратилась к своему зеркалу, и несколько секунд спустя удивлённо подняла глаза:

— Нет...

Амелия про себя яростно проклинала всё на свете.

— ...но они чувствуют кого-то ещё на нижних уровнях, не узника.

— Прекрасно, — рявкнула Амелия. — Скажите дементорам, что дюжине из них официально позволено войти в Азкабан и схватить его, кто бы это ни был, и всех, кто его сопровождает! И если они увидят Беллатрису Блэк, то должны подарить ей Поцелуй немедленно!

Амелия повернулась и посмотрела в сторону Дамблдора, на случай если тот посмеет возражать, но старый волшебник только грустно взглянул на неё и промолчал.

* * *

Аврор МакКаскер закончил передавать парящему за окном труп распоряжения директора.

Труп одарил его мёртвой улыбкой, от которой у аврора чуть не подкосились ноги, и уплыл вниз.

Вскоре после этого дюжина дементоров отделилась от остальных, дрейфующих в центральной яме Азкабана, и направилась к огромным металлическим стенам крепости.

Темнейшие из существ проплыли через проёмы, оставленные в основании Азкабана, и начали свой марш ужаса.

Глава 57

СТЭ. Часть 7. Вынужденное познание

С начала Гарри понадеялся, что он достиг слияния со своей загадочной Тёмной Стороной и теперь сможет пользоваться всеми её преимуществами, избавившись от её недостатков, что он когда угодно сможет призывать кристальную ясность мысли и сильную волю без необходимости впадать в холодную ярость.

В очередной раз он переоценил свои достижения. Да, что-то произошло, но загадочная Тёмная Сторона по-прежнему существовала отдельно, а у руля стояла его обычная личность. И даже несмотря на то, что Гарри неплохо подлатал изъян своей Тёмной Стороны — её страх смерти, — он всё же опасался погружаться в своё Тёмное «я», находясь посреди Азкабана без какой-либо защиты от дементоров. Не стоило до такой степени искушать судьбу.

Это было весьма прискорбно, потому что прямо сейчас он бы с радостью поделился местом у руля.

Положение усугублялось тем, что он не мог прислониться к стене, разрыдаться или хотя бы устало вздохнуть. «Дорогая Белла» наблюдала за ним, а эти действия не вписывались в образ Тёмного Лорда.

— Мой лорд... — напряжённо сказала Беллатриса. — Дементоры... они приближаются... Я чувствую их, мой лорд...

— Спасибо, Белла, — ответил бесстрастный голос. — Я уже знаю.

Когда Гарри снял Дар Смерти, его способность чувствовать раны мира притупилась, однако он всё же ощущал, как возрастает тяга пустоты. Сначала он ошибочно счёл это следствием того, что они спускаются. Но, когда ступеньки кончились, и они двинулись по очередному коридору, тяга продолжила нарастать с той же скоростью. Затем убывать, когда дементоры отделились, двигаясь по спирали лестниц и коридоров, и опять нарастать... Дементоры в Азкабанае, и они идут за ним. Это очевидно. Гарри, может, и научился сопротивляться их воздействию, но сейчас дементоры его чувствовали.

Новая задача, — сообщил Гарри своему мозгу. — Найти способ борьбы с дементорами, который не требует использования патронуса. Или найти ещё один способ спрятаться от дементоров, помимо Мантии невидимости...

Я — пас, — заявил мозг. — Найди себе какую-нибудь другую вычислительную субстанцию, и пусть она решает твои задачи с безумным количеством условий.

Я серьёзно, — подумал Гарри.

Я тоже, — ответил мозг. — Вызови своего патронуса и подожди, пока тебя найдут авроры. Включи здравый смысл. Всё кончено. Сдавайся...

Одновременно с этой мыслью ощущение засасывающей пустоты стало сильнее. Гарри осознал, что происходит, и ещё усерднее сконцентрировался на звёздах, не давая разуму впадать в отчаяние...

Знаешь, — заметила его логическая сторона, — если ты запретишь все негативные мысли, чтобы уберечь разум от влияния дементоров, это тоже будет когнитивным искажением. Как ты тогда узнаешь, не пришло ли уже время сдатьсь?

Снизу донёсся отчаянный, рыдающий крик, в котором слились слова «нет» и «прочь». Узники знали, они чувствовали.

Дементоры приближались.

— Мой лорд, вы... вы не должны рисковать собой ради меня... возьмите свою мантию...

— Молчи, дура, — со злостью прошипел голос. — Когда я решу пожертвовать тобой, я тебе скажу.

Знаешь, в её предложении есть смысл, — сказал слизеринец. — Тебе не следует рисковать собой ради неё, ценность её жизни не идёт ни в какое сравнение с твоей.

На мгновенье Гарри задумался, не пожертвовать ли Беллатрисой, чтобы спасти себя...

И сразу оранжевый свет газовых светильников словно бы потускнел, а кончики пальцев занемели от подступающего холода. И он понял, что сама мысль отдать Беллатрису теньям Смерти опять сделает его уязвимым. Решившись на это, он может в тот же миг утратить способность вызывать патронуса, ибо таким образом предаст убеждения, которые служили ему защитой.

Гарри пришло на ум, что, даже если он потеряет способность вызывать патронуса, он сможет забрать Мантию у Беллатрисы. И ему пришлось с усилием сосредоточиться на своём решении не делать этого, выбрасывая подобный вариант из списка возмож-

ных, просто чтобы устоять на ногах — водоворот пустоты вокруг него крутился уже в полную силу. Теперь крики доносились только сверху, а крики снизу затихли.

Это просто смешно, — сказала его логическая сторона. — Рациональные агенты не должны накладывать подобные ограничения на мыслительный процесс, во всех теоремах предполагается, что твои мысли могут влиять на реальность только через твои действия, поэтому ты волен выбирать оптимальный алгоритм, не беспокоясь о том, как твои мысли взаимодействуют с дементорами...

...

Крайне дурацкая идея, — заявил гриффиндорец. — Даже я считаю её дурацкой, а ведь я гриффиндорская часть тебя. Нет, серьёзно, ты же не собираешься просто стоять здесь и...

* * *

— Местоположение установлено! — выкрикнула Ора, триумфально подняв магическое зеркало. — Дементор во внутреннем дворе указал на седьмой уровень спирали В, они там!

Авроры выжидательно смотрели на Амелию.

— Нет, — ровным голосом ответила она на невысказанный вопрос. — Там один из них. Дементоры всё ещё не могут найти Беллатрису Блэк, поэтому мы не помчимся вниз и не позволим ей выскользнуть, воспользовавшись суматохой, и мы не будем дробить наши силы, потому что мелкие группы легче застать врасплох. Пока мы действуем, соблюдая меры предосторожности, мы не проиграем. Передайте Скримджеру и Шеклботу, чтобы продолжали последовательно проверять уровень за уровнем, как раньше...

Старый волшебник уже устремился вперёд. На этот раз Амелия не удосужилась даже выругаться ему вслед. Их старательно воздвигнутые щиты опять расступились перед ним, словно вода, и с лёгкой рябью сомкнулись за его спиной.

* * *

Гарри ждал в начале коридора у самых ступеней, ведущих наверх. Беллатриса и змея были за ним, укрытые Даром Смерти, истинным хозяином которого он стал. Гарри знал, хотя и не мог видеть, что измождённая ведьма сидит на ступеньках, откинувшись назад, по-

сколько он отменил заклинание левитации. Ему могли понадобиться все его способности, все его силы.

Взгляд Гарри был прикован к дальнему концу коридора, где ступени уходили вниз. Свет в коридоре потускнел, и температура понизилась уже по-настоящему, а не в воображении Гарри. Страх захлёстывал его, как морские волны под ураганным ветром, пустота яростно пыталась засосать его в приближающиеся чёрные дыры.

На ступенях в дальнем конце коридора появились скользящие сквозь умирающий воздух сгустки пустоты, воплощённое ничто, раны мира.

И Гарри ожидал, что они остановятся.

Сосредоточившись и изо всех сил напрягая волю, Гарри ожидал, что они остановятся.

Предчувствовал их остановку.

Верил, что они остановятся.

...ну, во всяком случае таков был план...

Гарри подавил закрашившуюся опасную мысль и ожидал, что дементоры замрут на месте. Сами по себе они не разумны, они лишь раны мира, их образ и поведение заимствуются из ожиданий других. Люди могут вести с ними дела, предлагать жертвы в обмен на их сотрудничество только потому, что верят, что дементоры будут торговаться. Поэтому, если Гарри достаточно сильно поверит, что они развернутся и уйдут, они развернутся и уйдут.

Но раны мира по-прежнему приближались, волны страха казались уже почти осязаемыми, пустота разрушала материю и разум, дух и вещество. Можно было заметить, как металл тускнел там, где проходили дыры в мироздании.

Сзади, со стороны Беллатрисы, послышался негромкий звук. Но она не произнесла ни слова, ибо ей было приказано хранить молчание.

Не думай о них как о существах, думай о них как о психовосприимчивых объектах, ими можно управлять, нужно только контролировать себя...

Беда была в том, что он не мог контролировать себя настолько легко, не мог усилием воли заставить себя поверить, что синее — это зелёное. Не мог подавить все мысли о том, как нерационально заставлять себя верить во что-то. Как невозможно обмануть себя и поверить в фокус, уже зная, как он делается. Навык избегать самообмана, который Гарри старательно у себя развивал, отказывался отключаться, и не важно, насколько он был вреден в этом уникальном, особом случае...

Тени Смерти прошли коридор до половины. Гарри вскинул открытую ладонь и твёрдо и уверенно скомандовал:

— Стоять.

Тени Смерти остановились.

Позади Гарри судорожно ахнула Беллатриса. Этот звук словно вырвали у неё клещами.

Гарри жестом дал ей заранее условленный сигнал: «Повтори слова дементоров, которые ты слышишь.»

— Они говорят, — голос Беллатрисы дрожал, — они говорят: «Беллатриса Блэк обещана нам. Скажи, где она прячется, и мы тебя пощадим».

— Беллатриса? — Гарри заставил свой голос звучать насмешливо. — Она недавно сбежала.

Секундой позже он понял, что нужно было сказать, что Беллатриса у авроров на верхних уровнях, это вызвало бы больше неразберихи...

Нет, неверно думать, что дементоров можно обмануть, они всего лишь объекты, ими можно управлять лишь ожиданиями...

— Они говорят, — хрипло сказала Беллатриса, — они говорят, что знают, что это ложь.

Сгустки пустоты опять двинулись вперёд.

Её ожидания сильнее моих, она неумышленно управляет ими...

— Не сопротивляйся, — приказал Гарри, направляя палочку себе за спину.

— Я, я люблю вас, прощайте, мой лорд...

— *Сомниум.*

Как ни странно, это помогло. Эти ужасные слова и понимание ошибки Беллатрисы напомнили Гарри, за что он сражается.

— Стоять, — опять скомандовал Гарри. Беллатриса спит, теперь только его воля, точнее, ожидания должны управлять этими сферами аннигиляции...*

Но они продолжали скользить вперёд, и Гарри не мог отделаться от мысли, что предыдущий опыт подорвал его уверенность, и это означает, что он не в состоянии остановить их. И когда он понял, о чём думает, то засомневался ещё сильнее — ему нужно больше времени, чтобы подготовиться, на самом деле следовало сначала попрактиковаться с одним дементором в клетке...

Между Гарри и теньями Смерти оставалась лишь четверть коридора. Ветер пустоты уже был столь силён, что Гарри чувствовал, как начинает трещать его защита. Мелькнула мысль, что, возможно, он ошибается. Возможно, у дементоров есть собственные желания и способность к планированию. Или, быть может, они управляются ожиданиями всех людей, а не только ближайшего к ним человека. В любом случае...

Гарри поднял палочку в начальную позицию для заклинания Патронуса и заговорил:

— Один из вас отправился в Хогвартс и не вернулся. Он больше не существует. Та Смерть мертва.

Демонторы замерли. Дюжина ран мира застыла неподвижно. Пустота завывала вокруг них смертоносным ветром небытия.

— Уходите и не рассказывайте об этом никому, жалкие тени, или я уничтожу и вас.

Гарри сместил пальцы в начальную позицию для заклинания Патронуса. Перед его мысленным взором среди звёзд сияла Земля, яркая синева морей на дневной стороне отражала солнечный свет, на ночной стороне мерцали огоньки городов. Гарри не блефовал, не пытался обмануть свои мысли. Тени Смерти или пойдут вперёд, и тогда он их уничтожит, или уйдут. Он был готов к обоим исходам...

И стуски пустоты отступили так же плавно, как и пришли. Ветер пустоты стихал с каждым пройденным ими метром. Тени Смерти проскользили через весь коридор к ступеням вниз и исчезли из виду.

Действительно ли они обладали собственным псевдоинтеллектом, или Гарри наконец преуспел в ожидании, что они уйдут... что ж, Гарри этого не знал.

И всё же они ушли.

Гарри присел на ступеньку рядом с бесчувственным телом Беллатрисы и откинулся назад, как и она. Он закрыл глаза на пару секунд, только на пару секунд, он не сошёл с ума, чтобы спать в Азкабана, но ему была необходима короткая передышка. Гарри надеялся, что авроры по-прежнему медленно спускаются вниз, поэтому жалкие пять минут отдыха совсем не повредят. Гарри старался мыслить жизнерадостно, в позитивном ключе, например, «Ха, я всего лишь устроил себе приятный отдых для восстановления сил», а не, «Ох, я совсем свалился от эмоциональной и физической усталости». Ведь демонторы ушли ещё не слишком далеко.

И кстати, — объявил Гарри своему мозгу, — *ты уволен.*

* * *

— Я нашёл его! — крикнул старый волшебник.

Кого? — подумала Амелия, поворачиваясь, и увидела вернувшегося Дамблдора, который нёс на руках...

...хватило одного взгляда, чтобы узнать человека, которого она уже не надеялась увидеть...

...мужчину в красной мантии с многочисленными дырами, подпалинами и пятнами от засохшей крови. Он словно побывал на не-большой войне.

Глаза мужчины были открыты, он жевал плитку шоколада, зажатую в его живой руке.

Бари Однорукий был жив.

Раздались радостные крики, авроры опустили палочки, некоторые бросились навстречу.

— Не расслабляться! — рявкнула Амелия. — Проверьте обоих на Обратное... Общитесь Бари, нет ли на нём маленьких анимагов или ловушек...

* * *

— *Иннервейт. Вингардиум левиоса.*

Пауза. Гарри не мог видеть, но он почувствовал, как невидимая женщина поднялась на ноги и огляделась вокруг.

— Я... жива?..

У Гарри был соблазн ответить «нет», просто чтобы посмотреть на её реакцию. Вместо этого он прошипел:

— Не задавай глупых вопросов.

— Что случилось? — шёпотом спросила Беллатриса.

И Тёмный Лорд рассмеялся высоким безумным смехом и сказал:

— Я напугал дементоров, моя дорогая Белла.

Пауза.

Гарри захотелось увидеть лицо Беллатрисы, чтобы убедиться — не сказал ли он что-нибудь не то.

Спустя несколько секунд послышался дрожащий голос:

— Возможно ли, мой лорд, что в новом обличье вы начали заботиться обо мне...

— Нет, — перебил Гарри ледяным голосом. Он отвернулся (хотя палочка по-прежнему была направлена на неё) и двинулся вперёд. — И остерегись впредь оскорблять меня, иначе я брошу тебя здесь, без разницы, есть от тебя польза или нет. Следуй за мной или оставайся. У меня ещё много дел.

Гарри шёл, не прислушиваясь к звукам дыхания сзади. Он знал, что Беллатриса идёт за ним.

...потому что самое последнее, самое распоследнее, во что этой женщине нужно верить, когда целитель-психиатр начнёт депрограммировать её, — это что Тёмный Лорд когда-нибудь ответит на её любовь.

Старый волшебник задумчиво поглаживал свою серебристую бороду, наблюдая, как двое крепких авроров выносят Бари из комнаты.

— Вы что-нибудь понимаете, Амелия?

— Нет, — коротко ответила она. Амелия подозревала какую-то ловушку, которую они пока не способны были распознать. Поэтому аврора Бари будут держать отдельно от основного отряда и под надёжной охраной.

— Быть может, — медленно произнёс старый волшебник, — тот из них, кто умеет вызывать патронуса, больше, чем просто заложник? Возможно, его втянули в это обманом? Как бы то ни было, они оставили вашему аврору жизнь. Давайте постараемся не использовать смертоносные проклятия первыми...

— Понятно, — внезапно осознала старая ведьма, — на это они и рассчитывают. Им ничего не стоило стереть ему память и оставить в живых, чтобы заставить нас колебаться...

Амелия решительно кивнула и обратилась к своим людям:

— Мы продолжаем без изменений.

Старый волшебник вздохнул.

— Никаких новостей от дементоров?

— Если я скажу, — резко спросила Амелия, — вы снова убежите?

— Вам это ничего не стоит, Амелия, — тихо сказал старый волшебник, — а кому-то из ваших людей может спасти жизнь.

Ничего, кроме шанса на месть...

Но это было не важно по сравнению с остальным, потому что назойливый старый волшебник часто оказывался в итоге прав. Именно это в нём так сильно и раздражало.

— Дементоры перестали отвечать на вопросы о том другом человеке, которого они видели, — сообщила Амелия. — И не говорят ни где его видели, ни почему отказываются отвечать.

Дамблдор посмотрел на ослепительного серебряного феникса на своём плече — его сияние освещало весь коридор — но получил в ответ лишь отрицательное покачивание головой.

— Я тоже не могу их обнаружить, — ответил он. Затем пожал плечами. — Думаю, мне стоит пройти всю спираль сверху донизу и посмотреть, не найдётся ли что-нибудь. Как вы считаете?

Амелия приказала бы ему не ходить, если бы думала, что это что-то изменит.

— Альбус, — сказала она ему уже в спину, — даже вы можете попасть в засаду.

— Чепуха, моя дорогая, — радостно откликнулся старый волшебник, отмахнувшись своей пятнадцатидюймовой палочкой из непознаваемого тёмно-серого дерева. — Я непобедим.

Повисла тишина.

(— Он же не мог вправду это сказать... — прошептала самая младшая из присутствующих авроров, юная леди из последнего набора по имени Ноэль Карри, старшей в её тройке, аврору Брукс. — Правда?)

(— Ему можно, — прошептала в ответ Изабель, — это же Дамблдор, даже Судьба уже не воспринимает его всерьёз.)

— И именно поэтому, — устало заявила Амелия младшим аврорам, — мы зовём его только в тех случаях, когда абсолютно уверены, что другого выхода нет.

* * *

Укрывшись с головой одеялом и не шевелясь, Гарри лежал на твёрдой скамье, которая служила кроватью в выбранной им камере. Он ждал, когда страх вернётся. Приближался патронус, причём очень сильный. Беллатриса была укрыта Даром Смерти, и простыми заклинаниями её обнаружить было нельзя, но Гарри не знал, какими методами авроры могут обнаружить *его*, и не осмеливался выдать своё невежество, спросив об этом Беллатрису. Поэтому Гарри лежал на твёрдой скамье в запертой камере, в запертом блоке, в полной темноте, укрывшись с головой тонким одеялом, и надеялся, что кто бы там снаружи ни был, он не будет заглядывать внутрь или хотя бы не будет пристально вглядываться...

Здесь Гарри ни на что не мог повлиять, эта часть его судьбы полностью управлялась скрытыми переменными. И его внимание почти целиком было поглощено идущей трансфигурацией.

В тишине Гарри услышал приближающиеся быстрые шаги. На мгновение шаги стихли перед его дверью, а затем...

...послышались снова.

Вскоре вернулся страх.

Гарри не позволил себе ни перевести дух, ни поддаться вернувшемуся страху. Он удерживал в голове идею магловского устройства, которое было значительно больше, чем автомобильный аккумулятор, и медленно совмещал эту идею с материей ледяного куба (который

Гарри получил, заморозив с помощью *Фригидейро* воду из бутылки в своём кошеле). Не следует трансфигурировать то, что будет сжигаться, но, поскольку исходным веществом была вода, и Гарри использовал Пузыреголовое заклинание, он мог надеяться, что никто в результате не заболеет.

Теперь всё упиралось в вопрос, успеет ли Гарри закончить эту трансфигурацию и затем ещё одну частичную трансфигурацию до того, как авроры начнут тщательную проверку этого блока...

* * *

Когда старый волшебник вернулся с пустыми руками, даже Амелию начало грызть беспокойство. Команды авроров уже прошли третью часть спиралей, двигаясь синхронно, чтобы никто не мог проскочить между ними, пробив потолок. Но до сих пор никого не нашли.

— Могу ли я поинтересоваться, что вы там делали? — произнесла Амелия, с трудом удерживаясь, чтобы не съязвить.

— Сначала просто прошёл сверху вниз, — сказал волшебник, нахмурившись. Морщины на его лице проступили сильнее обычного. — Я осмотрел камеру Беллатрисы и нашёл там мёртвую куклу. Думаю, предполагалось, что побег останется незамеченным. Ещё что-то спрятано в углу под клочком ткани, пусть ваши авроры проверят. На обратном пути я заглянул в каждую камеру. Никаких разнаваждённых, только заключённые...

Его прервал крик красно-золотого феникса, от которого все авроры вздрогнули. В крике было осуждение такой силы, что Амелия едва удержалась, чтобы не выбежать вон из коридора.

— ...в довольно печальном состоянии, — тихо закончил Дамблдор. Глаза под очками-полумесяцами на миг стали холоднее льда. — Кто-нибудь из вас скажет, что это — последствие их действий?

— Я не... — начала Амелия.

— Знаю, — согласился старый волшебник. — Простите меня, Амелия.

Он вздохнул.

— Я заметил остатки магии у некоторых из недавно поступивших заключённых, но не ощутил несъеденной силы. У сильнейшего из них магии осталось не больше, чем у первокурсника. Фоукс много раз кричал от горя, но ни разу с вызовом. Похоже, вам придётся продолжить поиск, потому что от моего беглого взгляда им удалось неплохо спрятаться.

Закончив с первой трансфигурацией, Гарри сел, откинул одеяло, которым укрывался, сказал «Люмос», глянул на часы и был потрясён, увидев, что пролетело полтора часа. Сколько времени прошло с тех пор, как кто-то открыл и снова закрыл дверь, понять было невозможно — Гарри, естественно, не высовывался из-под одеяла.

— Мой лорд?.. — послышался тихий и неуверенный шёпот Беллатрисы.

— Можешь говорить, — разрешил Гарри. Он велел ей молчать, пока он работает.

— Это Дамблдор заглядывал сюда.

Пауза.

— Занятно, — нейтрально ответил Гарри. Хорошо, что он узнал об этом только сейчас. Похоже, Гарри был на волосок от провала.

Гарри шепнул слово своему кошелю и начал вытягивать магический предмет, который он собирался прикрепить к результату своего часового труда. Вытащив предмет, Гарри шепнул второе слово, и из кошеля появилась туба с монтажным клеем. Перед его использованием Гарри применил Пузыреголовое заклинание на себя и Беллатрису, а та — на змею. Так пары клея в закрытой камере им не повредят.

Когда клей начал застывать, соединяя технологию и магию, Гарри положил устройство на кровать и сел на пол, концентрируя магические силы и волю для следующей трансфигурации.

— Мой лорд... — неуверенно начала Беллатриса.

— Да? — откликнулся бесстрастный голос.

— Что за устройство вы сделали?

Гарри быстро оценил ситуацию. Похоже, у него появилась хорошая возможность сверить свои планы с Беллатрисой, притворяясь, будто он задаёт ей наводящие вопросы.

— Как ты думаешь, дорогая Белла, — непринуждённо начал Гарри, — насколько сложно сильному волшебнику прорезать стены Азкабана?

После паузы Беллатриса с недоумением в голосе медленно произнесла:

— Совсем несложно, мой лорд?..

— Именно, — раздался бесстрастный высокий голос её повелителя. — Предположим, кто-то так и сделает, а затем вылетит в дыру на метле, наберёт высоту и умчится прочь. Выходит, освободить узника из Азкабана совсем просто?

— Но мой лорд... — сказала Белла. — Тогда авроры... У них есть свои метлы, мой лорд, и быстрые...

Как он и предполагал. Тёмный Лорд спокойно ответил очередной сократовской репликой. Беллатриса задала ещё один вопрос, которого Гарри не ожидал, но его встречный вопрос показал, что в итоге беспокоиться не о чем. На последний вопрос Беллатрисы Тёмный Лорд лишь улыбнулся и сказал, что ему пора вернуться к работе.

Затем Гарри поднялся с пола камеры, подошёл к дальней стене и прикоснулся палочкой к твёрдой поверхности стены Азкабана — сплошному металлу, отделявшему их от внутреннего двора и ямы с дементорами. И начал частичную трансфигурацию.

Гарри надеялся, что на эту трансфигурацию времени понадобится меньше. Он практиковался в своей уникальной магии долгие часы, и она стала совсем привычной, лишь чуть более сложной, чем обычная трансфигурация. Изменяемая часть была невелика по объёму — широкая, длинная, но очень тонкая. По прикидкам Гарри, учитывая идеальную гладкость поверхностей, должно было хватить и половины миллиметра.

Своё трансфигурированное техническое устройство и приклеенный к нему магический предмет Гарри оставил сохнуть на длинной скамье, служившей узникам кроватью. На магловском артефакте мерцали крохотные золотые буквы. Гарри не собирался там ничего писать, но эта фраза постоянно вертелась у него в голове в процессе трансфигурации и потому стала её частью.

Существовало множество различных изречений, которые Гарри мог бы произнести перед запуском этого выдающегося триумфа технической мысли. Любое из них, в том или ином смысле, подошло бы. Множество изречений, которые Гарри вполне мог бы сказать и сказал бы, если бы рядом не было Беллатрисы.

Но одно из этих изречений Гарри мог произнести только сейчас, потому что, скорее всего, другой такой возможности у него уже не будет. (Или хотя бы подумать, если уж не произнести.) Сам фильм он не смотрел, но видел трейлер, фраза из которого застряла у него в голове.

Крохотные золотые буквы на магловском устройстве сложились в надпись:

«Ладно, примитивные болваны, слушайте сюда!»¹

¹ Трейлер фильма «Армия Тьмы», очень похожий на тот, что видел Гарри, можно найти на YouTube по ссылке www.youtube.com/watch?v=THV1KkPXixQ. Слова, которые вспомнил Гарри, произносит человек из нашего времени в адрес слушателей из Средних веков: «Ладно, примитивные болваны, слушайте сюда! Вы это видите? Это... моя гром-палка!» — *Прим. авт.*

Глава 58.

СТЭ. Часть 8. Вынужденное познание

Мальчик стоял в полной темноте, касаясь палочкой стены камеры. Он использовал магию, которую помимо него считали возможной всего три человека в мире и которой никто кроме него не владел.

Чтобы пробить стену, могущественному волшебнику хватило бы жеста и слова. У обычного взрослого мага это заняло бы несколько минут, после чего ему пришлось бы восстанавливать силы.

Но первокурснику Хогвартса для достижения той же цели нужно действовать эффективно.

По счастливой случайности — то есть, не по случайности, случай здесь вообще ни при чём — Гарри сознательно тратил каждый день по дополнительному часу на трансфигурацию и превзошёл в этом предмете даже Гермиону. Благодаря регулярным упражнениям в частичной трансфигурации его разум теперь воспринимал истинное устройство вселенной как нечто само собой разумеющееся. Поэтому сейчас ему требовалось лишь небольшое усилие, чтобы держать в уме её вневременную квантовую природу, одновременно чётко разделяя понятия идеи и материи.

Проблема заключалась в том, что это стало слишком обыденно...

...и теперь он мог одновременно размышлять о чём-нибудь ещё.

Каким-то образом разум избегал этой темы, уходил от столкновения с очевидным, пока до самого действия не остались считанные минуты.

То, что Гарри собирался сделать...

...было опасно.

На самом деле опасно.

Опасно на уровне кое-кто-может-вообще-совсем-убиться.

Встретиться с двенадцатью дементорами, не используя чары Патронуса, было просто страшно, и только. Гарри в любое время мог вызвать патронуса, и он бы действительно вызвал его, как только

почувствовал бы опасность того, что не сможет этого сделать, что его сопротивление ослабевает. И даже если бы это не сработало... даже тогда, если только дементорам не приказали раздавать Поцелуи всем, кого они найдут, провал не стал бы смертелен.

Сейчас всё иначе.

Трансфигурированное магловское устройство может взорваться и убить их.

Слияние технологии и магии может повести себя непредсказуемо и убить их.

Авроры могут случайно попасть в него.

Это было, ну...

Всерьёз опасно.

Гарри вдруг осознал, что убеждает себя в безопасности предстоящего действия.

Конечно, всё может сработать, но...

Но, даже не учитывая, что рационалистам в принципе нельзя себя в чём-либо убеждать, Гарри знал: он не сможет убедить себя в том, что вероятность смертельного исхода меньше двадцати процентов.

Проиграй, — сказал пuffedуец.

Проиграй, — откликнулся эхом голос профессора Квиррелла.

Проиграй, — сказали хором воображаемые Гермiona, и профессор МакГонагалл, и профессор Флитвик, и Невилл Лонгботтом, и, кажется, все, кого Гарри знал, за исключением Фреда и Джорджа, которые бы не раздумывали и секунды.

Ему следует найти Дамблдора и сдаться. Ему определённо, совершенно точно следует найти Дамблдора и сдаться, это единственный разумный выход из сложившейся ситуации.

И если бы Гарри был один, если бы только его жизнь стояла на кону, он так и сделал бы. Наверняка.

Мысли, из-за которых Гарри едва не утратил контроль над идущей частичной трансфигурацией, которые угрожали открыть его воздействию дементоров...

...были о профессоре Квиррелле, который до сих пор в облике змеи пребывал без сознания.

Если профессор Квиррелл попадёт в Азкабан за своё участие в побеге, он погибнет. Скорее всего, он не продержится и недели. Он слишком уязвим.

Всё просто.

Если Гарри сейчас проиграет...

...он проиграет профессора Квиррелла.

Но ведь он, скорее всего, злодей, — тихо промолвила его пuffedуейская часть. — Ты это учиываешь?

Это не то решение, которое Гарри мог принять осознанно. Нет. Проигрывать можно баллы в Хогвартсе, но не людей.

Если ты считаешь свою жизнь настолько ценной, что не хочешь попробовать защитить всех узников Азкабана с вероятностью погибнуть в восемьдесят процентов, — заметила слизеринская часть, — то ты никак не можешь оправдать двадцатипроцентный риск жизнью ради спасения Беллатрисы и профессора Квиррелла. Математическое противоречие, ты не сможешь назначить обоим исходам непротиворечивые значения полезности.

Его логическая сторона присудила победу в споре слизеринцу.

Гарри продолжал удерживать идею объекта в голове и продолжал выполнять трансфигурацию. Он сможет отказаться от своего плана и после того как закончит. Он не хотел, чтобы усилия были потрачены напрасно.

А потом к Гарри внезапно пришла мысль, от которой стало трудно продолжать трансфигурацию и поддерживать защиту от дементоров.

А если портал забросит меня не туда, куда обещал профессор Квиррелл?

Если задуматься, то этот вопрос напрашивается сам собой.

Даже если планируемый побег пройдёт как по нотам, если магловское устройство заработает и не взорвётся, и его соединение с магическим предметом не приведёт к чему-нибудь нехорошему, если все авроры промахнутся, даже если Гарри удастся отлететь на достаточно большое расстояние для активации портала...

...целителя-психиатра в конце пути может и не оказаться.

Информацию о целителе Гарри принял, ещё когда доверял профессору Квирреллу, а потом забыл оценить её заново.

Нельзя так рисковать, — сказал пuffedуец, — это просто глупо.

Казалось, температура в камере резко упала. Сопротивляться дементорам стало гораздо труднее, но Гарри продолжал трансфигурацию.

Я не могу проиграть профессору Квиррелла.

Но он хотел убить полицейского, — настаивал пuffedуец, — ты потерял его ещё тогда. Беллатриса наверняка именно та, за кого её все принимают. Забери Мантию, найди Дамблдора и скажи ему, что тебя обманули.

Нет! — в отчаянии подумал Гарри, — мне нужно сначала поговорить с профессором Квирреллом, должно быть объясне-

ние! Я не знаю, может, он был слишком далеко от патрона, и дементоры дотянулись до него... Я не понимаю, его поступок не вписывается ни в одну из гипотез... Я не могу просто...

Гарри прервал логическую цепочку мыслей, пока она окончательно не разрушила его сопротивление страху. Потому что думать о скармливании профессора Квиррелла дементорам и при этом противостоять Смерти было совершенно невозможно.

Твои рассуждения искусственно искажены, — спокойно заметила его логическая часть, — найди способ устранить искажения.

Хорошо, давайте придумаем альтернативные варианты, — подумал Гарри. — Мы сейчас не выбираем, не оцениваем и точно не делаем резких движений... Просто размышляем, как я ещё могу действовать, кроме как по первоначальному плану.

И Гарри продолжил вырезать дыру в стене. Он применял частичную трансфигурацию к тонкостенному металлическому цилиндру двух метров в диаметре, толщиной в полмиллиметра и глубиной во всю стену. Эти полмиллиметра металла он превращал в моторное масло. Масло — жидкость, а в жидкости трансфигурировать нельзя, потому что они могут испаряться, но Гарри, Беллатриса и змея были защищены пузыреголовыми заклинаниями. И он сразу отменит трансфигурацию...

...когда вырезанный и смазанный кусок металла упадёт на пол камеры. Гарри вырезал его под наклоном, чтобы он соскользнул под действием силы тяжести, как только трансфигурация закончится.

Если они с Беллатрисой не вылетят на метле сквозь получившуюся дыру...

Мозг предложил Гарри попробовать трансфигурировать заглушки на торцах дыры, оставив при этом полость, где могли бы спрятаться Беллатриса и профессор Квиррелл. Сам Гарри оставит им Мантию и пойдёт сдаваться, но профессор Квиррелл со временем очнётся, и они с Беллатрисой могут попытаться придумать, как выбраться из Азкабана самостоятельно.

Во-первых, это дурацкая идея. Во-вторых, в камере останется здоровенный кусок металла, который всё выдаст.

А потом мозг Гарри заметил очевидное.

Пусть Беллатриса и профессор Квиррелл воспользуются задуманным тобой планом. А ты — останешься и сдашься.

На кону стоят только жизни Беллатрисы и профессора Квиррелла.

Рискнув, они могут лишь выиграть и ничего не теряют.

И нет причин, разумных причин, по которым Гарри должен лететь с ними.

С этой мыслью на Гарри снизошло спокойствие. Холод и тьма, маячившие на краю его сознания, отступили. Да, вот он — творческий нестандартный ход, тот третий вариант, который он не заметил сразу. Надо было догадаться, что у него больше двух вариантов. Если Гарри сдастся, ему не обязательно сдавать ещё и профессора с Беллатрисой. Если Беллатриса и профессор Квиррелл воспользуются этим рискованным способом бегства, Гарри не обязательно бежать с ними.

И если попросить Беллатрису стереть ему память, то Гарри даже не придётся притворяться, что его обманули. Все, включая самого Гарри, будут думать, что его похитили. Конечно, ему не найти благовидного предлога, под которым Тёмный Лорд мог бы попросить Беллатрису это сделать, но он просто улыбнётся и скажет, что ей это не позволено знать, вот и всё...

* * *

Её отряду, как и двум другим, оставалось пройти лишь последнюю четверть спирали. Амелия была уверена, что преступники прячутся на втором этаже снизу, но всё равно нервничала. Часть её жалела, что Дамблдор не догадался проверить этот этаж тщательнее, а другая часть этому радовалась.

И тут до них донёсся звук. Слабое «дзинь». Как если бы какой-то очень громкий звук раздался, например, на втором этаже снизу.

Не успев себя остановить, Амелия машинально бросила взгляд на Дамблдора.

Старый волшебник пожал плечами и одарил её едва заметной улыбкой:

— Раз уж вы просите, Амелия.

И снова скрылся из вида.

* * *

— *Фините инкантатем*, — сказал Гарри маслу, покрывавшему гигантский металлический цилиндр, лежавший на полу.

Он едва расслышал себя — в ушах ещё звенело от оглушающе громкого удара упавшего на пол куска металла. (Нужно было использовать *Квиетус*, запоздало подумал Гарри, хотя это и не остановило бы распространение звука через металл.) Второй *Фините инкантатем* Гарри направил на масло, покрывавшее края

двухметровой дыры в стене. Он отменял свою собственную магию, поэтому заклинание почти не требовало усилий. Гарри немного устал, но это было последнее необходимое заклинание. По правде говоря, оно было даже не обязательным, но Гарри не хотел оставлять за собой лужи трансфигурированной жидкости, как и разглашать секрет частичной трансфигурации.

Эта двухметровая дыра, ведущая на свободу, выглядела весьма... заманчиво.

Льющийся снаружи свет... конечно, загореть под ним вряд ли получилось бы, но он был ярче, чем где угодно в Азкабане.

Хотелось просто запрыгнуть на метлу с Беллатрисой и змеей и махнуть туда. Вероятность выбраться благополучно достаточно велика. А если им удастся благополучно выбраться, то Гарри и профессор Квиррелл смогут вернуться назад во времени, не вызвав подозрений. И жизнь опять станет прежней.

Если Гарри останется и сдастся... то, даже если все поверят, что Гарри был заложником, вынужденным лгать патронусу профессора МакГонагалл под прицелом палочки... даже если Гарри легко отделается...

Вряд ли профессор Защиты продолжит преподавать в Хогвартсе.

Профессор Квиррелл встретит предначертанный ему конец карьеры в феврале, в середине учебного года.

И, конечно, профессор МакГонагалл убьёт Гарри, и смерть его, несомненно, будет долгой и мучительной.

Но остаться было так благоразумно, безопасно, логично, что Гарри чувствовал скорее облегчение, чем сожаление.

Гарри обернулся к Беллатрисе и уже собирался отдать последний приказ...

Шипение, слабое шипение, медленное и озадаченное, сложилось в слова:

— *Ш-што за... ш-шум?*

* * *

Старый волшебник шагал по коридору. Он подошёл к металлической двери и открыл её. По прошлому разу волшебник помнил, что камеры за ней пусты.

Перед тем, как двинуться дальше, он произнёс семь мощных заклинаний обнаружения. Экономить силы ни к чему, в конце концов, камер осталось проверить совсем немного.

— *Учитель*, — прошипел Гарри. Его одновременно захлёстывало множество эмоций. Он знал, хотя и не мог видеть, что зелёная змея на плечах Беллатрисы медленно подняла голову и огляделась. — *Как... ты, учитель?*

— *Учитель?* — послышалось слабое недоумённое шипение. — *Где мы?*

— *В тюрьме*, — прошипел Гарри, — *в тюрьме с-с пожирателями жизни, мы вдвоём ос-свобождали женщ-щину. Ты попыталс-ся убить защ-щитника, я отбил с-смертельное проклятье, между нами с-случилс-ся резонанс-с... ты с-свалилс-ся без с-сознания. Приш-шлос-сь с-самому победить защ-щитника... моё заклинание с-стража ис-счезло, пожиратели жизни с-смогли с-сказать защ-щитникам, что женщ-щина с-сбежала. Здес-сь ес-сть кто-то, кто с-способен чувс-ство-вать моё заклинание с-стража, вероятно, директор ш-шко-лы... поэтому мне приш-шлос-сь отменить с-своё заклинание с-стража, найти другой с-способ с-спрятать тебя и женщ-щину без заклинания с-стража, научиться с-ся защ-щущ-щать с-себя без заклинания с-стража, отпугнуть пожирателей жизни без заклинания с-стража, затем с-создать новый план бегс-ства для тебя и женщ-щины, и наконец с-сделать дыру в толс-стой металличе-ской с-стене тюрьмы, хотя я вс-сего лиш-шь пер-вокурс-ник. Некогда объяс-снять, вам с-следует уходить. На с-случай ес-сли мы больш-ше не вс-стретимс-ся, учитель, я был рад знать тебя некоторое время, пус-сть даже ты, с-скорее вс-сего, злодей. Хорош-шо, что ес-сть ш-шанс-с это с-сказать: прощ-щай.*

Гарри взял метлу и вручил её Беллатрисе:

— Садись.

Он решил сохранить воспоминания. Во-первых, они важны. Во-вторых, он и профессор Защиты начали планировать эту операцию неделю назад, и Гарри не хотел стирать всю последнюю неделю или объяснять Беллатрисе, что именно нужно стереть. Вероятно, Гарри сможет обмануть сыворотку правды, а если Дамблдор стоит на том, чтобы Гарри убрал свои щиты окклюмента для более глубокой проверки... что ж, Гарри во всех отношениях действовал героически.

— *С-стоп!* — голос змеи уже стал громче. — *С-стоп, с-стоп, с-стоп! Что значит — прощ-щай?*

— *План бегс-ства рис-скован*, — ответил Гарри. — *На кону с-стоит жизнь твоя и её, но не моя. Поэтому я ос-станус-сь, прикинус-сь...*

— *Нет!* — яростно зашипела змея. — *Нельзя! Не разреш-шено!*

Беллатриса села на метлу. Гарри чувствовал (но не видел), как её голова повернулась к нему. Она молчала. Возможно, ждала его, или просто его приказов.

— *Больш-ше не доверяю тебе*, — коротко сказал Гарри. — *Пос-ле того, как ты попыталс-ся убить защ-щитника.*

— *Я не с-собиралс-ся убивать защ-щитника! Мальчик, ты ума лиш-шилс-ся? В его убийс-стве не было с-смысла, не важ-но, злодей я или нет!*

Земля перестала вращаться вокруг своей оси, остановилась на своей орбите вокруг Солнца.

В шипении змеи было больше ярости, чем Гарри когда-либо слышал от профессора Квиррелла в человеческом обличье:

— *Убить его? Ес-сли бы я с-собиралс-ся убить его, он был бы мёртв с-спус-стя с-секунды, глупый мальчиш-шка, ему не с-сравнитьс-ся с-со мной! Я с-собиралс-ся подчинить, покорить, зас-ставить его с-сброс-сить щ-щиты с-с разума. Нужно было прочес-сть его мыс-сли, узнать, кто ожидает его доклада, узнать подробнос-сти для чар памяти...*

— *Ты ис-спользовал с-смертельное проклятье!*

— *Знал, что он увернётся!*

— *Его жизнь с-стоит так мало? А ес-сли бы не увернулс-ся?*

— *Оттолкнул бы его магией, глупый мальчиш-шка!*

Планета опять остановилась. Об этом Гарри не подумал.

— *Безмозглый заговорщ-щик-тупица*, — змея шипела так сердито, что звуки будто накладывались и скользили по хвостам друг друга, — *умный имбецил, хитрый идиот, с-слизеринец-недоучка, твоё неумес-тное недоверие разруш-шило...*

— *С-сейчас не время для с-споров*, — спокойно заметил Гарри. Захлестнувшая его волна облегчения откатилась под напором нарастающего напряжения, — *пос-скольку я не могу рас-с-сердиться на тебя как с-следует, не открыви-шис-сь пожирателям жизни. Нужно торопиться-ся, кто-нибудь мог ус-слыш-шать ш-шум...*

— *Объяс-сни план бегс-ства*, — скомандовала змея. — *Быс-стро!*

Гарри объяснил. В парселтанге не было слов для технологии маглов, но Гарри описал принцип действия, и профессор Квиррелл, кажется, понял.

Последовало несколько коротких шипений — змеинового заменителя удивлённого смеха, — а затем отрывистые команды:

— С-скажи женщине отвернись-ся, с-сделай заклинание тиш-ишины, пос-ставь с-стража с-снаружи. Я превра-щус-сь, быс-стро внес-су улучш-иения в твоё ус-стройство, дам женщ-щине ос-собое зелье, чтобы она могла прикрыть нас-с, превра-щус-сь обратно, и ты уберёш-шь с-стража. План с-станет безопас-ней.

— И я должен поверить, — прошепел Гарри, — что целитель для женщ-щины дейс-ствительно ждёт нас-с?

— Ис-пользуй здравый с-смыс-сл, мальчик! Допус-тим, я злодей. Очевидно, я не планировал перес-стать ис-пользовать тебя здес-сь. Мис-сия — подвернувш-шаяся возмознос-сть, задуманная пос-сле того, как я увидел твоё заклинание с-стра-жа. Вс-ся операция должна была пройти незамеченной пос-сле с-скрытного ухода из мес-ста еды. Ес-стес-ственно, по прибытии ты увидиш-шь человека, притворяющ-щегося целителем! Вер-нёмс-ся в мес-сто еды пос-сле, ис-сходный план не меняется!

Гарри уставился на невидимую змею.

С одной стороны, после всего сказанного Гарри чувствовал себя довольно глупо.

С другой стороны, это не слишком обнадеживало.

— И вс-сё же, — прошепел Гарри, — какую именно учас-сть ты готовиш-шь мне?

— Ты с-сказал, нет времени, — раздалось ответное шипение, — но план в том, чтобы ты правил с-страной. Очевидно, с-сейчас об этом догадалс-ся даже твой юный благородный друг, с-спрос-си его пос-сле возвра-щения, ес-сли хочеш-шь. Больш-ше ничего не с-скажу, время лететь, а не говорить.

* * *

Старый волшебник подошёл к следующей металлической двери, из-за которой раздавалось монотонное бормотание: «Я не всерьёз, я не всерьёз, я не всерьёз...» Красно-золотой феникс на его плече настойчиво крикнул, старый волшебник поморщился, и тут...

Другой крик, похожий на клич феникса, пронзил коридор. Но то был клич ненастоящего феникса.

Волшебник повернул голову и посмотрел на ослепительно-серебряное существо на другом плече, и в этот миг эфемерные, неосязаемые когти оттолкнулись, и порождение магии сорвалось с места.

Ненастоящий феникс полетел по коридору.

Старый волшебник помчался следом. Его ноги мелькали, как у порванного молодого человека лет шестидесяти.

Зависнув в воздухе перед металлической дверью, настоящий феникс крикнул раз, другой, третий, но, поняв, что хозяин не собирается возвращаться на его зов, неохотно полетел за ним.

* * *

Профессор Квиррелл принял свой настоящий облик — Обратное зелье действует всего час. Он был бледен и сразу же прислонился к решётке соседней камеры, но его магических сил хватало, чтобы, ни говоря ни слова, призвать к себе в руки волшебную палочку. Одновременно Беллатриса сняла Мантию и послушно вложила её в протянутую руку Гарри. Чувство тревоги накатило вновь, хоть и не в полную силу, ибо мощь профессора Защиты вернулась, и поля этой огромной силы сталкивались со слабой детской аурой Гарри.

Гарри вслух описал магловское устройство и произнёс его название. Затем с помощью Фините превратил продукт своего тяжёлого труда обратно в ледяной куб. Профессор Квиррелл не мог использовать заклинания на том, что трансфигурировал Гарри, потому что это было бы, пусть и лёгким, но всё же взаимодействием их магий. Тем не менее...

Через три секунды профессор Квиррелл держал свою трансфигурированную версию магловского устройства. Одно резкое слово, взмах палочки, и с магического предмета исчезли остатки клея. Ещё три магические формулы, и волшебное и техническое устройства слились воедино, а на последнее в придачу были наложены заклинания неразрушимости и безупречной работы.

(Гарри чувствовал себя гораздо уверенней, занимаясь этим под наблюдением взрослого.)

Беллатрисе в руки полетел пузырёк с зельем, профессор Квиррелл и Гарри в один голос скомандовали: «Выпей». Истощённая женщина ещё до команды поднесла его к губам. Очевидно же, что змея-анимаг — слуга Тёмного Лорда, причём могущественный и доверенный.

Гарри надел капюшон Мантии невидимости.

Краткий импульс ужасной магии сорвался с палочки профессора Защиты, и края дыры в стене, а также огромный кусок металла в центре комнаты, покрылись многочисленными зазубринами. Это было сделано по просьбе Гарри, который сказал, что его могут опознать по использованному им способу.

— Перчатка на левую руку, — сказал Гарри кошелью и надел полученное.

Одним жестом профессор Защиты создал ремни на плечах Беллатрисы, маленький предмет из ткани на её руке и что-то вроде наручников на запястьях. Женщина как раз покончила с зельем.

Бледность на лице Беллатрисы сменилась странным нездоровым цветом, взгляд её запавших глаз стал ярче и гораздо опаснее...

...из её ушей ударили небольшие струйки пара...

(Гарри решил не думать об этом.)

...и Беллатриса Блэк захохотала. Этот внезапный безумный смех прозвенел слишком громко для маленькой тюремной камеры.

(По словам профессора Защиты, очень скоро Беллатриса снова надолго потеряет сознание, такова расплата за использование этого зелья. Но на короткий срок к ней вернётся двадцатая часть прежних сил.)

Профессор Защиты бросил свою палочку Беллатрисе и тут же превратился в зелёную змею.

Спустя секунду в комнату вернулся страх.

Беллатриса лишь еле заметно вздрогнула, поймала палочку и, не говоря ни слова, взмахнула ей. Змея взлетела и оказалась закреплена ремнями на её спине.

Гарри скомандовал метле «Вверх!»

Беллатриса прицепила палочку к ремешку нарукавника.

Гарри запрыгнул на двухместную метлу на место пилота.

Беллатриса последовала за ним, надела похожее на наручники устройство на запястья и прицепила свои руки к древку метлы. Одновременно Гарри сунул палочку в кошель.

И через дыру в стене они вылетели...

...на открытое пространство прямо над ямой дементоров, окружённой огромной треугольной призмой Азкабана. Над ними виднелось яркое голубое небо.

Гарри направил метлу в центр голубого треугольника над ними и начал разгон. Его левая рука, защищённая перчаткой от прямого контакта между кожей и веждью, которую трансфигурировал профессор Квиррелл, легла на тумблер магловского устройства.

В вышине над ними послышались крики.

Эй, примитивные болваны!

С небес на быстрых гоночных мётлах пикировали авроры. Засверкали едва различимые вспышки первых выстрелов.

Слушайте сюда!

— *Протега Максима!* — выкрикнула Беллатриса сильным хриплым голосом, который сменился гогочущим смехом, когда их окружила мерцающая голубая сфера.

Вы видите это?

Из гниющей ямы в центре Азкабана взмыло больше сотни дементоров. Для кого-то они выглядели как летающее кладбище из множества трупов, а для кого-то — как огромная прореха в мироздании, состоящая из множества отдельных брешей.

Это...

Голос древнего и могущественного волшебника проревел вселяющую ужас магическую формулу, и из дыры в стене Азкабана вырвался огромный шар бело-золотого пламени, у которого прямо в полёте начали расти крылья.

Моя...

Авроры активировали анти-антигравитационное заклинание, встроенное в защитную систему Азкабана. Все лётные чары, созданные без недавно изменённой кодовой фразы, перестали работать.

Подъёмная сила метлы Гарри отключилась.

А гравитация при этом никуда не делась.

Взлёт их метлы замедлился, грозя перейти в падение.

Гром...

Но заклинания управления метлой, заклинания, которые удерживали наездников и защищали их от перегрузок, по-прежнему работали.

...МЕТЛА!

Гарри щёлкнул тумблером зажигания ракеты Берсеркер PFRC (класс N) производства Дженерал Текникс, работающей на композитном твёрдом топливе на базе перхлората аммония и присоединённой к двухместной метле Нимбус Х200.

И был шум.

Глава 59

СТЭ. Часть 9. Любопытство

Летающую метлу придумали в период, который маглы называют Тёмными веками. Считается, что изобрела её легендарная ведьма по имени Селестрия Релево, которая якобы приходилась пра-правнучкой Мерлину.

Селестрия Релево, или кто там на самом деле придумал все эти заклинания для зачаровывания мётел, ни черта не знала о ньютоновской механике.

Поэтому мётлы летают согласно аристотелевской физике.

Они летят туда, куда их направляют.

Если волшебник хочет лететь прямо вперёд, он направляет метлу прямо вперёд. Ему не нужно беспокоиться о вертикальной составляющей силы тяги, которая должна компенсировать силу тяжести.

Если наездник поворачивает метлу, вся её скорость в тот же миг меняет направление. Метлу не заносит в сторону по инерции.

У метлы есть ограничение по скорости, а не по ускорению. Это никак не связано с сопротивлением воздуха, просто наложенные чары обеспечивают определённую аристотелевскую движущую силу.

Несмотря на способности, позволявшие получать отличные оценки на уроках полётов, Гарри ранее никогда не обращал на это внимание. Мётлы летают именно так, как человеческий разум инстинктивно от них ожидает, поэтому мозг Гарри умудрился совершенно не заметить физическую нелепость их полёта. В тот четверг, на своём первом уроке по мётлам, Гарри думал о явлениях, которые казались более интересными: о словах на бумаге и сияющем красном шарике. Поэтому его мозг просто отложил неверие в сторону, отметил, что летающие мётлы реальны, и продолжил развлекаться, совершенно не задумавшись над вопросом, ответ на который был очевиден. Печально, но мы задумываемся лишь над очень малой долей явлений, встречающихся на нашем жизненном пути...

Это история о том, как недостаток любопытства чуть не погубил Гарри Джеймса Поттера-Эванса-Верреса.

Потому что ракеты не летают согласно аристотелевской физике.

Ракеты летают не так, как инстинктивно представляет полёт человеческий разум.

И поэтому метла с ракетным двигателем двигалась совершенно не так, как обычные магические мётлы, с которыми Гарри управлялся довольно здорово.

На самом деле ни о чём таком Гарри подумать не успел.

Во-первых, очень громкий шум, какого он никогда в жизни не слышал, заглушал даже его собственные мысли.

Во-вторых, ускорение в четыре g означало, что подъём до крыши Азкабана занял у него примерно две с половиной секунды.

И даже с учётом того, что это были самые длинные две с половиной секунды в истории Времени, места для раздумий в них не было.

Он успел лишь увидеть летящие в него огни проклятий авроров, слегка отклонить метлу, чтобы увернуться от них, осознать, что импульс метлы практически не изменился и она движется не туда, куда он её направляет, после чего активировать неоформленные в слова идеи...

«чёрт»

и

«Ньютон»

...одновременно Гарри повернул метлу гораздо сильнее, и они начали очень быстро приближаться к стене, поэтому он повернул её в другую сторону, а сверху в них продолжали лететь огни заклинаний, а снизу плавно, но стремительно поднимались дементоры в компании какого-то гигантского крылатого существа из бело-золотого пламени, поэтому Гарри рванул метлу опять вверх, но он по-прежнему летел к другой стене, поэтому он опять слегка дёрнул метлу и перестал приближаться к стене, но тем не менее он был к ней слишком близко, и он снова дёрнул метлу, и тут далёкие авроры на мётлах стали уже не такими далёкими, и он летел теперь прямо на какую-то женщину, поэтому Гарри развернул свою метлу в противоположную сторону и тут же осознал, что его ракета представляет собой мощный огнемёт и через долю секунды пламя будет направлено прямо на аврора, поэтому он повернул метлу в сторону и продолжил лететь вверх, и он не мог сообразить, направлена ли сейчас струя пламени на какого-нибудь аврора, но по крайней мере она больше не направлена на ту женщину...

Гарри разминутся на метр с другим аврором, просвистев мимо него с бьющим в сторону факелом выхлопа на скорости, как он прикинул позже, около трёхсот километров в час.

Если где-то и кричали поджаренные авроры, Гарри их не слышал, что, впрочем, ещё ничего не значило, поскольку он в этот момент не слышал ничего, кроме очень громкого шума.

Спустя пару более спокойных, хоть и по-прежнему громких секунд вокруг него уже вроде бы не было ни авроров, ни дементоров, ни гигантских крылатых огненных существ. И ужасная громада Азкабана с этой высоты казалась удивительно крохотной.

Гарри направил метлу прямо на слабо видимое сквозь облака Солнце — в этот зимний месяц и в это время дня оно висело довольно низко — после чего метла ускорялась ещё две секунды, набрав изрядную скорость, прежде чем топливо выгорело полностью.

И только когда Гарри смог опять слышать свои мысли, когда из звуков остался лишь завывающий от их безумной скорости ветер, а пальцы Гарри, несмотря на помощь заклинания, едва удерживали его на метле, пока та тормозила до предельной для неё скорости, только тогда Гарри наконец подумал обо всех этих материях вроде ньютоновской механики и аристотелевской физики, о мётлах, ракетостроении, важности любопытства, о том, что он никогда-никогда не будет делать ничего гриффиндорского, ну, по крайней мере, пока не узнает секрет бессмертия Тёмного Лорда, а также зачем он вообще слушал *«Заверяю тебя, мальчик, я бы не стал рисковать, если бы не был уверен, что я выживу»* профессора Квиррелла вместо *«Сынок, если ты попытаешься что-то делать с ракетами без надзора квалифицированного специалиста, я имею в виду, вообще что угодно, ты погибнешь, и мама расстроится»* профессора Майкла Верреса-Эванса.

* * *

— ЧТО?! — заорала Амелия в зеркало.

* * *

Соппротивление воздуха замедлило метлу, гул ветра уменьшился до терпимого. Теперь у Гарри появилась возможность беспрепятственно слушать звон, который, как ему казалось, заполнял мозг целиком.

Предполагалось, что Квиетуса, наложенного профессором Квирреллом на сопло ракеты, будет достаточно... очевидно, у этого заклинания были свои пределы... Гарри подумал, что ему стоило

трансфигурировать беруши, а не просто полагаться на Квиетус. Хотя, возможно, и этого оказалось бы недостаточно...

Ну, наверное, волшебная медицина может как-то справиться с необратимым повреждением слуха.

Нет, правда, волшебная медицина, скорее всего, может с этим справиться. Он видел, как ученики приходили к мадам Помфри с гораздо худшими травмами...

Есть какой-нибудь способ пересадить воображаемую личность в другую голову? — спросил пуффендуец. — *Я больше не хочу жить в твоей.*

Гарри отодвинул все эти мысли на задворки сознания — пока по этому поводу он сделать ничего не мог. Если сейчас и следует о чём-то беспокоиться, то скорее о...

Гарри обернулся, впервые вспомнив, что стоит проверить, не сдуло ли Беллатрису или профессора Квиррелла.

Истощённая женщина всё ещё крепко держалась за метлу, а зелёная змея была пристёгнута к ней. Лицо Беллатрисы до сих пор покрывал нездоровый румянец, а глаза оставались яркими и опасными. Её плечи дёргались как от истеричного смеха, а губы двигались, как будто она что-то кричала, но не было слышно ни звука...

А, точно.

Гарри откинул капюшон мантии и постучал по ушам, показывая, что ничего не слышит.

Беллатриса немедленно вытащила палочку, направила её на Гарри, и в ту же секунду звон в ушах уменьшился, а слух вернулся.

Мгновение спустя Гарри уже жалел об этом. Проклятия, которые она выкрикивала в адрес Азкабана, дементоров, авроров, Дамблдора, Люциуса, Бартемиуса Крауча, какого-то Ордена Феникса и вообще всех, кто стоял на пути её Тёмного Лорда, не подходили для общества молодых и чувствительных слушателей, а её смех резал только что исцелённые уши.

— Довольно, Белла, — наконец сказал Гарри, и её голос мгновенно оборвался.

Наступила тишина. Гарри опять накинул капюшон Мантии, просто на всякий случай. И в тот же миг он осознал, что у авроров мог быть телескоп или что-то в этом роде, невероятно глупо было снимать капюшон даже на мгновение. Оставалось надеяться, что он не провалил всю операцию одной этой ошибкой...

Кажется, мы не слишком хорошо подготовлены к подобным авантюрам? — заметил слизеринец.

Да ладно тебе, — по привычке запротестовал пuffedуец, — первый блин всегда комом, надо просто больше практи... ЗА-БУДЬ, ЧТО Я СКАЗАЛ.

Гарри опять посмотрел назад и увидел, как Беллатриса озирается с растерянным и удивлённым выражением лица. Её голова вертелась во все стороны.

Наконец она спросила, уже более тихим голосом:

— Мой лорд, где мы?

В каком смысле? — хотел сказать Гарри, но Тёмный Лорд никогда бы не признал, что он чего-то не понимает, поэтому Гарри бесстрастно ответил:

— Мы на метле.

Она думает, что умерла и оказалась на небесах?

Руки Беллатрисы по-прежнему были пристёгнуты к метле, поэтому она указала только одним пальцем:

— Что это?

Гарри посмотрел в направлении, в котором указывал её палец и увидел... да в общем-то ничего...

И тут Гарри понял. Когда они поднялись достаточно высоко, оно уже не было скрыто облаками.

— Это солнце, дорогая Белла.

Голос Гарри не дрогнул, ответ Тёмного Лорда прозвучал совершенно спокойно и, пожалуй, даже чуть раздражённо. Но по щекам Гарри потекли слёзы.

Для запертого в холодной крошечной тьме солнце определённо было...

Счастливым воспоминанием...

Беллатриса продолжала вертеть головой.

— А эти пушистые штуки? — спросила она.

— Облака.

Беллатриса молчала некоторое время, а затем опять спросила:

— Но что они такое?

Гарри не ответил. Он не смог бы ответить спокойным голосом, это было невозможно. Он плакал, и его едва хватало даже на то, чтобы просто сохранять спокойное дыхание.

Через некоторое время Беллатриса выдохнула, так тихо, что Гарри с трудом её расслышал:

— Красивые...

Мышцы её лица медленно расслабились, нездоровый румянец исчез почти так же быстро, как и появился.

Истощённое тело Беллатрисы обмякло на метле. Одолженная палочка безжизненно повисла на ремешке, привязанном к неподвижной руке.

ДА ВЫ ИЗДЕВАЕТЕСЬ...

Затем Гарри вспомнил, что Перечное зелье имеет свою цену. *Беллатрис-са будет с-спать довольно долго*, сказал профессор Квиррелл.

В ярких лучах солнца неподвижная женщина казалась белой как мел. Какая-то часть Гарри кричала, что живой человек так выглядеть не может, она мертва, она только что произнесла своё последнее слово, профессор Квиррелл ошибся с дозировкой...

...или умышленно пожертвовал Беллатрисой ради их побега...

Она дышит?

Гарри не мог разглядеть.

На метле было невозможно протянуть руку назад и проверить пульс.

Гарри посмотрел вперёд, чтобы убедиться, что они не врежутся сейчас в какие-нибудь летающие скалы, и продолжил держать курс на Солнце. Невидимый мальчик и возможно мёртвая женщина летели в день. Его побелевшие пальцы судорожно сжимали метлу.

Он не мог развернуться и сделать искусственное дыхание.

Он не мог использовать что-нибудь из своей аптечки.

Поверить, что профессор Квиррелл не стал бы подвергать её опасности?

Странно, очень странно, но даже безоговорочная вера в то, что профессор Защиты не собирался убивать аврора (потому что это глупо), не делала доводы профессора Квиррелла обнадеживающими.

Внезапно Гарри понял, что он ещё должен проверить...

Гарри оглянулся и прошипел:

— *Учитель?*

Змея в ремнях не пошевелилась и не произнесла ни слова.

...Быть может, заклинания, наложенные на метлу, не защищали змею от перегрузок, поскольку она не считалась наездником. Или, возможно, дементоры подобрались так близко, что профессора Квиррелла вырубил даже в анимагической форме.

Это было плохим знаком.

Именно профессор Квиррелл должен был сказать Гарри, когда будет безопасно использовать портключ.

Гарри сжимал метлу побелевшими пальцами и думал, очень напряжённо думал несколько неизмеримо малых мгновений, во время которых Беллатриса могла дышать, а могла уже и не дышать, а профессор Квиррелл мог не дышать уже довольно долго.

И Гарри решил, что если он по ошибке вхолостую использует свой портключ, то это поправимо. А ошибку, из-за которой мозг останется слишком долго без кислорода, исправить будет уже нельзя.

Поэтому Гарри вытащил очередной портключ из своего кошелька и остановил метлу посреди яркого синего неба (теперь, когда он об этом наконец задумался, он понял, что не знает, включает ли способность портключей подстраивать скорость в точке назначения в соответствии с вращением Земли способность погасить всю скорость движущегося объекта), коснулся портключом метлы, и...

Сжимавшая прутик рука застыла. Прутик был близнецом того, что он сломал, казалось, полмесяца назад. На Гарри накатило внезапное нежелание это делать. Судя по всему, его мозг усвоил правило, вбитое в нейроны отрицательным подкреплением, — «ЛОМАТЬ ПРУТИКИ ПЛОХО».

Но это уже было совсем нелогично, поэтому Гарри всё равно его сломал.

* * *

От страшного грохота, раздавшегося из-за ближайшей металлической двери, Амелия выронила зеркало и развернулась на месте с палочкой наизготовку. Дверь распахнулась, явив Альбуса Дамблдора, позади которого в стене тюрьмы дымилась большая дыра.

— Амелия, — присущая старому волшебнику несерьёзность исчезла без следа, глаза за стёклами-полумесечами были тверды как сапфиры. — Я должен покинуть Азкабан, и я должен сделать это прямо сейчас. Есть ли способ выбраться за пределы охранных чар быстрее, чем на метле?

— Нет...

— Тогда я требую самую быструю метлу, немедленно!

На самом деле Амелия хотела быть рядом с аврором, который пострадал от Адского огня или что это там было.

Но должна она выяснить, что знает Дамблдор.

— Слушайте все! — гаркнула старая ведьма своему отряду. — Продолжайте проверять коридоры до самого низа. Возможно, они ещё не все сбежали!

Затем она повернулась к старому волшебнику:

— Две метлы. Пока мы будем лететь, вы введёте меня в курс дела.

Их взгляды скрестились, но ненадолго.

* * *

Крюк дёрнул Гарри за живот до тошноты резко, значительно сильнее, чем во время перемещения к Азкабану. В этот раз преодолеваемое расстояние оказалось довольно велико, и в промежутке между его началом и концом Гарри успел услышать мгновение тишины и увидеть незримое пространство между пространствами.

* * *

Солнце, которое на короткое время осветило их, поспешно скрылось за дождевой тучей. Они летели от Азкабана по ветру и быстрее ветра.

— Кто за этим стоит? — крикнула Амелия в сторону метлы, летевшей в полуметре от неё.

— Один из двух, — ответил Дамблдор. — Сейчас я не знаю, кто именно. Если первый, мы в беде. Если второй, мы в огромной беде.

Амелия не стала тратить дыхание на вздохи.

— Когда вы узнаете?

Мрачный и тихий голос старого волшебника каким-то образом перекрывал гул ветра:

— Если это первый, ему нужны три вещи: плоть самого верного слуги Тёмного Лорда, кровь величайшего врага Тёмного Лорда и доступ к определённой могиле. Когда его операция в Азкабане была на грани провала, я решил, что Гарри Поттер в безопасности — хотя всё равно отправил охрану, — но теперь я всерьёз беспокоюсь. У них есть доступ ко Времени, кто-то с Маховиком посылает им сообщения. И я боюсь, что несколько часов назад кто-то попытался похитить Гарри Поттера. А мы об этом не знаем, ибо в Азкабане Время не завязывается в узлы. Видите ли, это прошлое происходит из нашего будущего.

— А если это второй? — крикнула Амелия. Услышанного уже было достаточно для беспокойства. То, что описал Дамблдор, звучало как темнейший из Тёмных ритуалов, причём завязанный на самого Тёмного Лорда.

Лицо старого волшебника помрачнело ещё сильнее, но он ничего не ответил, лишь покачал головой.

* * *

Рывок портключа завершился, и Гарри обнаружил, что Солнце лишь выглядывает из-за горизонта, и, похоже, встаёт, а не заходит. Их мет-

ла низко парила над безжизненными просторами тёмно-оранжевого камня и песка, которые складывались в бугристые холмы, как будто кто-то несколько раз замесил земляное тесто, но забыл его раскатать. Неподалёку по безграничной глади воды катились волны, хотя земля, над которой парила метла, возвышалась над уровнем моря по крайней мере на несколько метров.

Увидев небо, раскрашенное в рассветные цвета, Гарри удивлённо моргнул, а затем до него дошло, что портключ перенёс их в другую страну.

— Эй! — раздался сзади отрывистый женский крик, и Гарри развернул метлу. Дама средних лет спешила к ним, держа одну руку у рта наподобие рупора. По мягким чертам её лица, узким глазам и коричневой коже Гарри не смог определить её расу. Фасон её блестящей пурпурной мантии Гарри был тоже совершенно не знаком. И когда она заговорила, Гарри не смог распознать акцент. Впрочем, он мало путешествовал.

— Где ты был? Ты опоздал на два часа! Я уже почти отчаялась... эй?..

Короткая пауза. Мысли Гарри двигались как-то странно, слишком медленно, всё казалось далёким, как будто между ним и миром находится толстое стекло, а другое такое же находится между ним и его чувствами, и поэтому он всё видит, но не может дотронуться. Это ощущение охватило его, когда он увидел рассвет и добрую ведьму и подумал, что так по всем канонам и должно заканчиваться приключение.

Ведьма бросилась вперёд, вытаскивая палочку. Неразборчивое слово сняло наручники, приковывавшие Беллатрису к метле, и измождённая женщина поплыла вниз на засыпанный песком камень. Её тонкие руки и бледные ноги безжизненно болтались в воздухе.

— О Мерлин, — прошептала ведьма. — Мерлин, Мерлин, Мерлин...

Она выглядит обеспокоенной, — подумало отвлечённое далёкое нечто между двумя стёклами. — Именно это бы сказал настоящий целитель, или так вёл бы себя тот, кто им притворяется?

С его губ сорвался шёпот. Казалось, это говорил не Гарри, а какая-то ещё одна его часть за ещё одним стеклом.

— Зелёная змея на её спине — анимаг, — шёпот не был ни высоким, ни холодным. Лишь тихим. — Он без сознания.

Женщина резко повернула голову, посмотрела туда, где в пустом воздухе должен был находиться источник голоса, затем опять повернулась к Беллатрисе.

— Ты не мистер Джефф.

— Анимаг — это он, — прошептали губы Гарри.

Ой, — подумал Гарри за стеклом, услышав собственный шёпот. — *Впрочем, логично, профессор Квиррелл наверняка использовал другое имя.*

— С каких это пор он... а, забудьте, — ведьма коснулась палочкой носа змеи, затем резко тряхнула головой. — С ним всё в порядке, ему лишь нужен день отдыха. А вот она...

— Вы его можете разбудить сейчас? — прошептали губы Гарри.

А стоит ли? — подумал Гарри, но его губы, судя по всему, были в этом уверены.

Ещё одно резкое встряхивание головой.

— Если на него не подействовал Иннервейт... — начала ведьма.

— Я не пробовал.

— Что? Почему?.. А, не важно. *Иннервейт.*

Секунда, и змея медленно зашевелилась в ремнях. Зелёная голова медленно поднялась, огляделась...

Очертания размылись, и спустя миг на месте змеи стоял профессор Квиррелл. В следующий миг у него подогнулись ноги.

— Ложись, — распорядилась ведьма, не отвлекаясь от Беллатрисы. — Джереми, это ты?

— Да, — хрипло ответил профессор Защиты. Он осторожно прилёг на относительно плоский участок песчано-оранжевого камня. Он был не настолько бледен, как Беллатриса, но в тусклом рассветном свете в его лице не было видно ни кровинки. — Приветствую, мисс Камблбанкер.

— Я же тебе говорила, — резко, но с лёгкой улыбкой, сказала ведьма, — зови меня Кристал. Тут тебе не Британия, мы здесь не используем ваши формальности. И, кстати, теперь «доктор», а не «мисс».

— Мои извинения, доктор Камблбанкер, — сухо усмехнулся Квиррелл.

Улыбка ведьмы стала чуть шире, а голос жёстче:

— Кто твой друг?

— Вам знать не нужно.

Профессор Защиты лежал на земле с закрытыми глазами.

— Насколько плохо всё прошло?

Ещё суше:

— Прочтёте об этом завтра в любой газете, где есть раздел международных новостей.

Палочка ведьмы порхала над телом Беллатрисы, касаясь его то тут, то там.

— Я по тебе соскучилась, Джереми.

— Правда? — голос профессора Защиты звучал слегка удивлённо.

— Ничутьточки. Не будь я тебе обязана...

Профессор Защиты засмеялся, но его прервал приступ кашля.

Как по-твоему? — поинтересовался слизеринец у внутреннего критика, пока Гарри слушал из-за стеклянных стен. — *Представление или нет?*

Не могу понять, — отозвался внутренний критик. — *Я сейчас далеко не в лучшей критической форме.*

Может кто-нибудь придумать хороший способ получить дополнительную информацию? — спросил когтевранец.

И снова шёпот из пустого пространства над метлой:

— Насколько вероятно отменить всё, что с ней сделали?

— Хм, посмотрим. Легилименция и неизвестные Тёмные ритуалы, десять лет на то, чтобы всё это закрепилось, а затем десять лет воздействия дементоров. Отменить это?! Да вы рехнулись, мистер как-вас-там. Правильнее спросить — осталось ли в ней вообще хоть что-нибудь, тогда я бы сказала, что шанс где-то один к трём... — ведьма внезапно прервалась. Когда она заговорила вновь, её голос стал тише: — Если вы были её другом прежде... нет, вы никогда её не вернёте. Лучше сразу отбросьте надежду.

Я голосую за то, что это представление, — сказал внутренний критик. — *Она бы не стала вываливать всё это в ответ на один вопрос, если бы не искала возможности это сделать.*

Принято к сведению. Но я оцениваю этот довод как не очень веский, — ответил когтевранец. — *Весьма сложно не позволить подозрениям влиять на восприятие, когда оцениваешь такие слабые свидетельства.*

— Что за зелье ты ей дал? — спросила ведьма, открывая рот Беллатрисы и заглядывая внутрь. Её палочка испускала вспышки разных цветов.

Человек, лежавший на земле, спокойно ответил:

— Перечное...

— Ты совсем с ума сошёл?!

Опять кашляющий смех.

— Она проспит самое меньшее неделю, — сказала ведьма и цокнула языком. — Я пошлю тебе сову, когда она откроет глаза, чтобы ты смог прибыть и уговорить её дать Нерушимый обет.

Ты придумал, как не дать ей убить меня на месте, если она сможет хотя бы шевельнуться в ближайший месяц?

Профессор Защиты, не открывая глаз, достал из складок мантии лист бумаги. Секундой позже на нём начали появляться слова, сопровождаемые крохотными клубами дыма. Когда последнее колечко дыма растворилось в воздухе, бумага поплыла к женщине.

Женщина, подняв брови, посмотрела на бумагу и сардонически фыркнула:

— Лучше бы этому сработать, Джереми. Или в моём завещании будет написано, что всё моё имущество становится наградой за твою голову. Кстати о награде...

Профессор Защиты опять полез в складки мантии и метнул женщине кошелёк, который издал отчётливый звон. Ведьма поймала его, взвесила на руке и удовлетворённо хмыкнула.

Затем она выпрямилась, и тело бледной измождённой женщины поднялось над землёй рядом с ней.

— Я возвращаюсь, — заявила ведьма, — не могу начинать работу здесь.

— Подождите, — сказал профессор Защиты и жестом призвал свою палочку из ремешка на руке Беллатрисы. После чего направил палочку на Беллатрису и сделал лёгкий круговой жест. — *Обливийт.*

— Ну, всё! — рывкнула ведьма. — Я забираю её отсюда, пока ей не навредили ещё сильнее...

Она обняла одной рукой костлявое тело Беллатрисы, и обе исчезли, сопровождаемые громким «ХЛОП!» аппарации.

И в этой холмистой местности наступила тишина, нарушаемая лишь мягким шумом набегающих волн и лёгким дуновением ветра.

Думаю, представление закончилось, — сказал внутренний критик. — Я оцениваю его в два с половиной из пяти. Вероятно, она не очень опытная актриса.

Интересно, будет ли настоящий целитель выглядеть более фальшиво, чем актёр, которому сказали сыграть его роль? — задумался когтевранец.

Это было похоже на телевизионный сериал. На сериал, за персонажей которого не очень-то и переживаешь. Именно так это виделось и чувствовалось из-за стеклянных стен.

Каким-то образом Гарри умудрился разлепить губы и вытолкнуть слова в тихий рассветный воздух. Он удивился, услышав собственный вопрос:

— И сколько же у вас разных личностей?

Бледный человек на земле не рассмеялся, но с метлы Гарри видел, как краешки губ профессора приподнялись в знакомой сардонической усмешке:

— Боюсь, я не утруждал себя такими подсчётами. А у вас?

Этот ответ не должен был настолько потрясти застрявшего между стёклами Гарри. Он почувствовал... почувствовал себя... неустойчиво, как будто у него вынули внутренний стержень...

Ой.

— Простите, — сказали его губы. Гарри чувствовал, что он исчезает, даже собственный голос казался каким-то далёким и отстранённым. — Думаю, в ближайшие несколько секунд я упаду в обморок.

— Используйте четвёртый портключ, тот, который предназначен для переноса в запасное убежище, — спокойно, но быстро произнёс лежащий человек. — Там будет безопаснее. И не снимайте мантию.

Свободная рука Гарри достала очередную веточку из кошелька и сломала её.

Очередной рывок портключом, длинный, как и предыдущий, и он оказался в абсолютной темноте.

— Люмос, — произнесла та часть Гарри, которая заботилась о безопасности.

Он был внутри чего-то похожего на заброшенный магловский склад.

Тело Гарри слезло с метлы и легло на пол. Глаза закрылись, какая-то аккуратная часть пожелала, чтобы свет погас, и его окутала тьма.

* * *

— Куда вы направляетесь? — выкрикнула Амелия. Они почти достигли границ охранных чар Азкабана.

— Назад во времени, чтобы защитить Гарри Поттера, — ответил старый волшебник. Амелия не успела открыть рот и спросить, не нужна ли ему помощь, как почувствовала, что они пересекли невидимую границу.

Раздался хлопок аппарации, и волшебник с фениксом исчезли, оставив после себя одолженную метлу.

Глава 60

Стэнфордский тюремный эксперимент. Часть 10

-Просыпайтесь.
Глаза Гарри широко распахнулись, он судорожно дёрнулся и пришёл в себя, жадно ловя ртом воздух. Он не помнил никаких снов — наверное, его мозг был слишком истощён, чтобы видеть сны. Казалось, он только что закрыл глаза и сразу же услышал это слово.

— Вы должны проснуться, — повторил голос Квининуса Квиррелла. — Я дал вам столько времени, сколько мог, но было бы разумно оставить в запасе по крайней мере один поворот Маховика. Скоро нам нужно будет вернуться на четыре часа назад, в ресторан, и старательно делать вид, будто мы сегодня ничем интересным не занимались. Но прежде я хочу с вами поговорить.

Гарри медленно сел. Его окружала темнота, всё тело болело, и не только из-за сна на жёстком бетонном полу. В голове друг о друга спотыкались образы — всё, что его бессознательный усталый мозг не смог разрядить в подходящем кошмаре.

Двенадцать жутких ступков пустоты плывут по коридору, и металлические стены вокруг тускнеют... Свет угасает, надвигается холод. Тьма пытается высосать всю жизнь из мира...

Кожа, белая как мел, натянутая прямо поверх костей, на которых не осталось ничего, после того как жир и мышцы исчезли...

Металлическая дверь...

Женский голос...

Нет, я не хотела, пожалуйста, не умирай...

Я больше не могу вспомнить имена моих детей...

Не уходи, не забирай, нет нет нет...

— Что это было за место? — хрипло спросил Гарри. Ему приходилось с силой проталкивать слова через горло. В темноте его голос прозвучал надтреснуто, почти как голос Беллатрисы Блэк. — Что это было за место?! Это не тюрьма, это — АД!

— Ад? — спокойно переспросил профессор Защиты. — Вы подразумеваете христианские фантазии о посмертном наказании? Пожалуй, некоторое сходство есть.

— Как... — голос Гарри прервался, в горле застрял огромный ком. — Как... как они могли... Люди построили эту тюрьму, кто-то ведь создал Азкабан, они сделали это намеренно, умышленно! Та женщина, у неё были дети, которых она уже не может вспомнить, какой-то судья ведь решил, что она этого заслуживает, кто-то ведь затащил её в эту камеру и запер дверь, не обращая внимания на её крики. Кто-то каждый день приносит еду, уходит и при этом не выпускает её... КАК МОГУТ ЛЮДИ ТАК ПОСТУПАТЬ?!

— А почему они не должны так поступать? — спросил профессор Защиты. Бледно-голубой свет залил склад, открывая взгляду неровный бетонный потолок, пыльный бетонный пол и профессора Квиррелла, который сидел на некотором расстоянии от Гарри, прислонившись к крашеной стене. Этот бледно-голубой свет превратил стены в лёд, пыль на полу — в грязный снег, а сам профессор в чёрной мантии стал ледяной скульптурой, закутанной во тьму. — Какая им польза от узников Азкабана?

Гарри издал какой-то хрип. Ни слова не вырвалось наружу.

Губы профессора Защиты дёрнулись в слабой улыбке:

— Знаете, мистер Поттер, если бы Тот-Кого-Нельзя-Называть пришёл к власти в магической Британии и построил тюрьму, подобную Азкабану, он бы построил её, чтобы наслаждаться, наблюдая за страданиями своих врагов. И если бы однажды ему это зрелище опротивело, он бы приказал снести Азкабан уже на следующий день. Что же до тех, кто построил Азкабан, и тех, кто не стал сносить его, предпочитая произносить возвышенные проповеди и представлять себя кем угодно, но только не злодеями... Пожалуй, мистер Поттер, будь у меня выбор, с кем выпить чаю, с ними или Сами-Знаете-с-Кем, я бы выбрал Тёмного Лорда, как менее оскорбляющего мои чувства.

— Я не понимаю, — сказал Гарри дрожащим голосом. Он читал о классическом эксперименте по психологии тюрем, в котором обычные студенты начали проявлять садистские наклонности, как только их назначили на роль тюремных охранников*. И только сейчас он осознал, что в том эксперименте не был поставлен правильный

вопрос, и этот важнейший вопрос остался без ответа: они упустили из внимания ключевых людей — не охранников, а всех остальных. — Профессор, я правда не понимаю, как люди могут просто оставаться в стороне и позволять подобное, почему магическая Британия так поступает... — Гарри прервался.

В этом бледно-голубом свете глаза профессора Защиты оставались того же цвета, что и всегда, ибо этот свет был точно такого же оттенка, как и никогда не тающие осколки льда — глаза Квининуса Квиррелла.

— Добро пожаловать в реальную политику, мистер Поттер. Что жалкие узники Азкабана могут предложить какой-либо политической группировке? Будет ли кому-то выгодно им помочь? Любой политик, который отважится открыто поддержать их, будет ассоциироваться с преступниками, со слабостью, с отвратительными поступками, о которых люди предпочитают не думать. Вместо этого политики могут показать свою силу и безжалостность, требуя более длительных приговоров. В конце концов, чтобы продемонстрировать силу, нужна жертва, которая падёт под твоим ударом. И толпа аплодирует, поскольку она всегда инстинктивно на стороне победителя, — холодный смех. — Понимаете, мистер Поттер, никто не верит, что он сам может попасть в Азкабан, поэтому они не видят в нём вреда для себя. А что касается боли, которую они причиняют другим... Полагаю, когда-то вам сказали, что людей это заботит... Это ложь, мистер Поттер, людям совершенно наплевать. Если бы ваше детство не было столь безоблачным, вы бы и сами давно это заметили. Утешьте себя тем, что нынешние узники Азкабана голосовали за того самого министра Магии, который обещал передвинуть камеры поближе к дементорам. Признаюсь, мистер Поттер, у меня нет иллюзий касательно эффективности демократии как формы правления, но я восхищаюсь тем изяществом, с которым демократия делает своих жертв соучастниками их собственного уничтожения.

Недавно собранное в одно целое «я» Гарри грозило снова рассыпаться на мелкие кусочки. Ударами молота слова обрушивались на его сознание, постепенно отбрасывая к краю, за которым скрывалась бездонная пропасть. Он пытался найти какое-нибудь спасительное средство, умное возражение, которое позволит опровергнуть эти слова, но ничего не приходило в голову.

Взгляд профессора Защиты выражал скорее любопытство, чем превосходство.

— Мистер Поттер, очень легко понять, как был построен Азкабан и почему он до сих пор существует. Людей волнует то, что, как

они думают, сулит им страдания либо выгоду. До тех пор, пока они не видят никаких последствий для себя, их жестокость и беспечность не знают предела. В этом отношении все волшебники этой страны ничем не отличаются от того, кто искал над ними власти — Сами-Знаете-Кого. Им лишь недостаёт его силы и его... искренности.

Мальчик сжал кулаки так сильно, что ногти врезались в ладони. Даже если его пальцы побелели, даже если его лицо побледнело, в тусклом голубом свете, превращавшем всё вокруг в лёд и тень, это было невозможно понять.

— Когда-то вы предлагали мне свою помощь, если я захочу стать следующим Тёмным Лордом. Причина в этом, профессор?

Профессор Защиты наклонил голову, и лёгкая улыбка коснулась его губ.

— Изучите всё, чему мне нужно вас научить, мистер Поттер, и в своё время вы будете править этой страной. Тогда вы сможете разрушить тюрьму, воздвигнутую демократией, если Азкабан всё ещё будет оскорблять ваши чувства. Нравится вам или нет, мистер Поттер, но сегодня вы обнаружили, что ваша собственная воля вступила в противоречие с волей народа этой страны, и когда это произошло, вы не смирились, не подчинились их решению. Так что для них, знают они это или нет, и признаёте вы это или нет, вы их следующий Тёмный Лорд.

В монохроматическом ровном свете мальчик и профессор Защиты походили на неподвижные ледяные скульптуры. Радужки их глаз приобрели одинаковый цвет, почти не отличаясь друг от друга.

Гарри вглядывался в эти бледные глаза. Вопросы... Все давно сдерживаемые вопросы, которые, как он говорил себе, откладывались до майских ид. То была ложь — Гарри знал теперь, что обманывал себя. Он не задавал вопросов из страха перед тем, что он может услышать. И вот теперь они сорвались с его губ, все сразу.

— На нашем первом уроке вы пытались убедить моих одноклассников, что я убийца.

— Так и есть, — усмехнулся профессор. — Но если вас интересует, почему я им это сказал, мистер Поттер, ответ таков: вы обнаружите, что двусмысленность — великий помощник на вашем пути к власти. Сделайте что-нибудь слизеринское, а на следующий день опровергните это, сделав что-то гриффиндорское. Тогда и слизеринцы поверят в то, во что они желают верить, и гриффиндорцы убедят себя, что вас следует поддержать. Пока есть неопределённость, люди могут верить в то, что, как им кажется, ведёт к их собственной вы-

годе. И пока вы кажетесь сильным, пока вы кажетесь победителем, инстинкт подскажет им, что быть на вашей стороне выгодно. Всегда шагайте в тени, тогда и свет и тьма последуют за вами.

— И что, — продолжил мальчик ровным голосом, — из всего этого хотите получить вы?

Профессор Квиррелл сильнее прислонился к стене, опуская лицо в тень — бледный лёд его глаз сменился тёмными колодцами, так похожими на глаза его змеинного обличья.

— Я хочу, чтобы Британия обрела силу под властью сильного лидера. Это и есть моё желание. Что же касается мотивов, — профессор безрадостно улыбнулся, — я думаю, мне лучше держать их при себе.

— То тревожное предчувствие, что я ощущаю рядом с вами... — По мере того, как тема приближалась к чему-то ужасному и запретному, произносить слова становилось всё тяжелее и тяжелее. — Вы всегда знали, что оно означает.

— У меня есть несколько предположений, — ответил профессор с непроницаемым выражением лица. — Я не буду их все озвучивать, но кое-что я вам скажу: когда мы оказываемся близко, тревожиться надо вам, а не мне.

На этот раз мозгу Гарри удалось пометить фразу как сомнительное утверждение и возможную ложь, вместо того чтобы просто поверить услышанному.

— Почему вы иногда превращаетесь в зомби?

— Личные причины, — сообщил профессор Квиррелл без тени юмора в голосе.

— Почему вы решили освободить Беллатрису? Каковы ваши скрытые мотивы?

Возникла небольшая пауза, во время которой Гарри изо всех сил пытался сохранять ровное дыхание. Наконец профессор Защиты пожал плечами, как будто вопрос не имел большого значения.

— Мистер Поттер, я рассказал вам всё чуть ли не открытым текстом. Если бы вам хватило зрелости, чтобы задуматься над этим очевидным с самого начала вопросом, вы бы сразу же нашли ответ. Беллатриса Блэк была самой сильной из слуг Тёмного Лорда, в её верности он был более всего уверен, только ей он мог доверить часть утраченного наследия Слизерина, которое должно принадлежать вам.

Внутри Гарри медленно разгорался гнев, кровь начала закипать из-за поднимавшейся в нём жуткой ярости, ещё мгновение и он сказал бы что-то, что совсем не стоило бы говорить, пока он находится наедине с профессором на каком-то заброшенном складе...

— Но она невиновна, — добавил профессор Защиты. Он не улыбался. — Её полностью лишили какого-либо выбора, и у неё совершенно не было возможности пострадать за ошибки, которые она совершила сама... и это показалось мне чрезмерным, мистер Поттер. Даже если она не сообщит вам ничего полезного... — профессор вновь слегка пожал плечами. — Я не стану считать наши сегодняшние усилия напрасными.

— Редкий альтруизм с вашей стороны, — холодно заметил Гарри. — Значит, все волшебники на самом деле такие же, как Сами-Знаете-Кто, а вы являетесь исключением?

В чёрные колодцы глаз профессора Защиты было невозможно заглянуть.

— Можете называть это причудой, мистер Поттер. Иногда роль героя меня забавляет. Кто знает, возможно, Сами-Знаете-Кто сказал бы то же самое.

Гарри открыл рот для последнего вопроса...

И обнаружил, что не может задать его, не может произнести. Он знал, что рационалист не имеет права избегать таких вопросов. Он столько раз повторял литанию Тарского и литанию Джендлина, столько раз клялся, что то, что может быть разрушено правдой, должно быть разрушено, и всё же сейчас он не мог заставить себя произнести последний вопрос вслух. Пусть даже он знал, что мыслит неправильно, пусть даже он знал, что обязан себя пересилить... Гарри всё равно не мог вымолвить ни слова.

— А теперь моя очередь задавать вопросы, — профессор Квиррелл, сидевший прислонившись к стене из крашенного бетона, выпрямился. — Мне интересно, мистер Поттер, скажете ли вы что-нибудь о том, как вы чуть не убили меня и чуть не похоронили наше совместное предприятие? Насколько я понимаю, в таких случаях извинения рассматриваются как знак уважения. Но я не получил их. Может, вы пока просто не успели перейти к ним, мистер Поттер?

Его тон был спокойным, но в словах таилась сталь — тонкое и острое лезвие, способное разрезать человека пополам, прежде чем тот поймёт, что его убивают.

Гарри лишь взглянул на профессора Защиты холодными глазами, которые теперь никогда не уклонятся ни от чего, даже от смерти. Он уже был не в Азкабанае, больше не нужно было опасаться той части своей личности, что не ведала страха. И драгоценный камень по имени Гарри повернулся навстречу давлению, перекатился с одной грани на другую, от света к тьме, от тепла к холоду.

Просчитанный ход, который должен вызвать у меня чувство вины, поставить меня в положение, когда я буду вынужден покориться?

Или это его подлинные эмоции?

— Понятно, — сказал профессор Квиррелл. — Полагаю, это и есть ваш ответ...

— Нет, — перебил мальчик холодным, сдержанным голосом, — вам не удастся так легко повести этот разговор, профессор. Мне пришлось через многое пройти, чтобы защитить вас и вытащить из Азкабана в целости и сохранности, уже после того, как вы попытались убить полицейского, как я тогда думал. В том числе встретиться с дюжиной дементоров без чар Патронуса. Хотел бы я знать, если бы я извинился, как вы потребовали, сказали бы вы мне, в свою очередь, спасибо? Или я прав, и сейчас вы хотите от меня покорности, а не только уважения?

Повисло молчание, а затем ледяной голос профессора Квиррелла зазвучал уже с неприкрытой угрозой:

— Похоже, вы всё ещё не можете заставить себя проиграть, мистер Поттер.

Тьма смотрела из глаз Гарри, не моргая. В этих глазах сам профессор Защиты опустился до уровня простого смертного.

— О, а теперь, наверное, вы сами размышляете, не пора ли вам притворно проиграть мне, притворно склонить голову перед моим гневом, чтобы сберечь ваши собственные планы? Приходила ли вам вообще мысль о просчитанных притворных извинениях? Мне тоже нет, профессор Квиррелл.

Профессор Защиты засмеялся. В его низком смехе не было ни капли юмора, лишь межзвёздная пустота, опасная как вакуум, наполненный жёсткой радиацией:

— Нет, мистер Поттер, вы так и не выучили свой урок, совершенно не выучили.

— В Азкабана я много раз думал о том, чтобы проиграть, — сказал мальчик, тщательно контролируя свой голос. — О том, что пора всё бросить и сдать в руки авроров. Проиграть было разумнее всего. Я даже представлял, как ваш голос говорит мне об этом. И я бы так и поступил, если бы на кону стояла лишь моя жизнь. Но я просто не мог позволить себе потерять вас.

Наступила тишина. Она длилась и длилась, как будто даже профессору Защиты иногда бывает нечего ответить.

— Любопытно, — наконец прервал молчание профессор Квиррелл, — за что же именно, по вашему мнению, мне стоит извиниться?

Я дал вам чёткие инструкции — во время боя вы должны были не вмешиваться, держаться подальше и не использовать никакой магии. Вы нарушили эти инструкции и провалили нашу операцию.

— Я не принимал решение, — ровно ответил мальчик, — не делал осознанный выбор. Я лишь пожелал, чтобы аврор не умер, и мой патронус оказался там. Чтобы этого не произошло, вы должны были предупредить меня, что, возможно, будете блефовать, используя Смертельное проклятие. По умолчанию я считаю, что если кто-то направляет свою палочку на человека и говорит «Авада Кедавра», то лишь потому, что хочет его убить. Разве не таково первое правило безопасности при использовании Непростительных проклятий?

— Правила — для дуэлей, — некоторый холодок вернулся в голос профессора Защиты. — А дуэли — это спорт, а не раздел Боевой магии. В настоящих сражениях использование проклятий, которые невозможно заблокировать и от которых необходимо уворачиваться, крайне важная часть тактики. Я думал, это очевидно для вас, но, видимо, я переоценил ваш интеллект.

— Также я считаю опрометчивым то, — продолжил мальчик, словно его собеседник не произнёс ни слова, — что вы не предупредили меня, что любое наложенное мною на вас заклинание может убить нас обоих. А если бы с вами что-то случилось и я бы попробовал использовать на вас Иннервейт или чары левитации? Это незнание, которое вы допустили по неясным мне соображениям, тоже сыграло свою роль в произошедшей катастрофе.

Вновь наступило молчание. Глаза профессора Защиты сузились, на лице мелькнула озадаченность, будто он столкнулся с совершенно незнакомой ситуацией. И всё же он не произнёс ни слова.

— В общем, — продолжил мальчик, не отводя взгляда, — я, конечно же, сожалею, что причинил вам боль, профессор. Но мне не кажется, что данная ситуация требует, чтобы я выразил покорность. Честно говоря, я никогда не понимал смысла в извинениях, и ещё меньше смысла я вижу в них в нашем случае. Если я скажу, что я сожалею, но не признаю вашу правоту, можно ли будет считать, что я извинился?

Снова этот холодный-холодный смех темнее межзвёздной пустоты.

— Не знаю, — ответил профессор Защиты. — Я тоже никогда не видел смысла в извинениях. Мы оба понимаем, что эта игра — ложь, поэтому нам нет смысла в неё играть. Давайте закроем эту тему. В своё время долги между нами будут улажены.

Некоторое время они молчали.

— Между прочим, — нарушил тишину мальчик, — Гермiona Грейнджер никогда бы не построила Азкабан, не важно для кого. И она скорее умрёт, чем причинит боль невинному. Я упоминаю об этом только потому, что вы говорили, будто все волшебники внутри подобны Сами-Знаете-Кому, а это точно не соответствует истине. Я бы осознал это раньше, — по лицу мальчика скользнула мрачная улыбка, — если бы не был настолько вымотан.

Глаза профессора были полузакрыты, на его лице было отсутствующее выражение.

— Внутри люди не всегда такие, как снаружи, мистер Поттер. Возможно, она просто хочет, чтобы другие воспринимали её хорошей девочкой. Она не способна использовать чары Патронуса...

— Ха, — отозвался мальчик. Его улыбка стала искреннее и теплее. — У неё проблемы с этим заклинанием точно по той же причине, что сначала была и у меня. В ней достаточно света, чтобы уничтожать дементоров, я в этом уверен. Более того, она не сможет удержаться от уничтожения дементоров, даже ценой собственной жизни...

Голос мальчика прервался, а затем он продолжил:

— Может я и не настолько хороший человек, но такие люди существуют, и она одна из них.

Бесстрастно:

— Она юна, демонстрировать доброту не составляет для неё труда.

Краткое молчание. Затем мальчик произнёс:

— Профессор, я должен спросить, когда вы видите что-то совершенно тёмное и мрачное, неужели вам никогда не хочется как-то это улучшить? Например, что-то ужасно неправильное происходит в головах людей, и они думают, что истязать преступников — круто, но это ведь не значит, что люди внутри действительно злые. Быть может, если научить их правильным вещам, показать, в чём они ошибаются, можно изменить...

Профессор Квиррелл засмеялся, и на этот раз без былой пустоты.

— Ах, мистер Поттер, иногда я совсем забываю, как вы юны. Легче поменять цвет неба, — ещё один смешок, более холодный. — Вы так легко готовы простить подобных глупцов и хорошо о них думаете только потому, что вам самому не причиняли серьёзную боль. Вы станете куда менее добры к дуракам после первого же случая, когда за их глупость вы заплатите чем-то для вас дорогим: например, сотней галлеонов из своего кармана, а не мучительной смертью сотни незнакомцев.

Профессор Защиты слегка улыбался. Он достал из мантии карманные часы и посмотрел на них.

— Давайте отправляться, если нам больше нечего обсудить.

— Вы не хотите спросить меня о том невозможном, что я совершил, вытаскивая нас из Азкабана?

— Нет, — ответил профессор Защиты. — Думаю, я и так понял уже почти всё. Что же до остального, я очень редко встречаю людей, которых не вижу насквозь мгновенно, друзья это или враги. Я сам распутаю связанные с вами загадки в своё время.

Профессор плавным движением, хотя и довольно медленным, оттолкнулся обеими руками от стены и поднялся на ноги. Мальчик встал менее изящно.

И у Гарри вырвался последний, самый ужасный вопрос, на который у него не хватило духу ранее. Как будто произнесённые вслух слова станут реальностью, как будто это не было уже и так совершенно очевидно:

— Почему я не такой, как другие дети моего возраста?

* * *

Между глухих кирпичных стен, в заброшенном, безлюдном ответвлении Косого переулка, на грязной мостовой, края которой были усеяны неуничтоженным магией мусором, внезапно появились древний волшебник и его феникс.

Волшебник потянулся рукой в складки мантии, чтобы достать песочные часы. Его взгляд привычно метнулся к случайной точке на обочине, запоминая её...

Старый волшебник удивлённо моргнул. Там уже валялся обрывок пергамента.

Альбус Дамблдор нахмурился. Он сделал шаг вперёд, поднял скомканный обрывок и развернул его. На пергаменте было написано единственное слово: «НЕТ». И больше ничего.

Волшебник медленно разжал пальцы, позволив ветру унести обрывок. Он рассеянно нагнулся и поднял с дороги ближайший клочок пергамента, который оказался удивительно похож на тот, что он только что держал в руках. Дамблдор коснулся его палочкой, и спустя миг на пергаменте появилось то же слово «НЕТ», написанное тем же почерком, который принадлежал ему самому.

Старый волшебник планировал вернуться на три часа назад, ко времени, когда Гарри Поттер прибыл в Косой переулок. С по-

мощью своих инструментов он уже видел, как мальчик покидал Хогвартс, поэтому это отменить было нельзя (его единственная попытка обмануть собственные инструменты и таким образом контролировать Время, не меняя его внешних проявлений, закончилась серьёзной катастрофой, которая убедила его никогда не пытаться повторить этот трюк). Дамблдор надеялся найти мальчика сразу же после его прибытия в Косой переулок и забрать его в безопасное место, пусть и не в Хогвартс (ибо его инструменты не показывали возвращения мальчика). Но теперь...

— Если я его заберу сразу же по прибытии, возникнет парадокс? — пробормотал старый волшебник сам себе. — Возможно, они не начинали свой налёт на Азкабан, пока не убедились, что он прибыл сюда... или, быть может...

* * *

Крашенный бетон, жёсткий пол и высокий потолок, две фигуры, стоящие друг напротив друга. Одна сущность имела облик уже лысеющего мужчины, лет под сорок, а другая — облик одиннадцатилетнего мальчика со шрамом на лбу. Лёд и тень, бледно-голубой свет.

— Я не знаю, — ответил мужчина.

Мальчик пристально посмотрел на него, а затем спросил:

— Неужели?

— Правда, — подтвердил мужчина. — Я ничего не знаю, а свои предположения предпочту оставить при себе. И всё же кое-что я скажу...

Глава 61

СТЭ. Часть 11. Секретность и открытость

Зелёное пламя бешено кружило их в недрах каминной сети. Сердце Минервы колотилось от ужаса, какого она не испытывала уже десять лет и три месяца. Межпространственные коридоры с кашлем выплюнули их в холл Гринготтса. (Именно там располагался самый безопасный камин в Косом переулке. Также это был самый быстрый способ покинуть Хогвартс, если не считать перемещение с помощью феникса, и самый сложный для перехвата.) Дежурный гоблин повернулся в их сторону, его глаза расширились, голова двинулась вниз в стандартно-вежливом поклоне...

Сознание. Стремление. Сосредоточение.

И они очутились в переулке у чёрного входа в ресторан «У Мэри», спина к спине, с палочками наготове. Северус уже произносил слова заклинания анти-Разнаваждения.

Переулок был пуст.

Она вновь посмотрела на Северуса. Тот коснулся палочкой своей головы, послышался звук разбивающегося яйца, и профессор принял цвет окружающего пространства, стал лишь рябью на фоне улицы, затем рябь сдвинулась и полностью слилась с окружающим пейзажем, не оставив никаких следов.

Минерва опустила палочку и шагнула вперёд, чтобы получить аналогичную маскировку.

За её спиной раздался знакомый треск пламени.

Она развернулась и увидела Альбуса — он уже держал свою длинную палочку наготове. Его глаза за стёклами очков-полумесяцев мрачно сверкали. Фоукс сидел на его плече, расправив огненные крылья, готовый взлететь и сражаться.

— Альбус! — начала она. — Я думала...

Она только что видела, как он отправился в Азкабан, а ведь даже фениксы, насколько она знала, не смогли бы так быстро покинуть это место.

— Она сбежала, — сказал Альбус. — Ваш патронус его нашёл?

Сердце заколотилось ещё чаще, страх в крови стусился:

— Гарри сказал, что он здесь, в уборной...

— Будем надеяться, он сказал правду, — палочка Альбуса коснулась её головы. Минерву будто окатило водой, а секундой позже все четверо (даже Фоукс стал невидимым, хотя время от времени в воздухе можно было различить похожее на огонь мерцание) уже мчались ко входу в ресторан. Они задержались у дверей — Альбус что-то прошептал, и спустя мгновение один из клиентов, видимых через окно, с отсутствующим лицом поднялся с места, открыл дверь и выглянул наружу, будто высматривая кого-то из друзей. И вот тройца уже внутри, пробегает мимо ни о чём не подозревающих посетителей (Минерва знала, что Северус запоминает их лица, а Альбус проверяет помещение на наличие разнаваждённых) в направлении таблички со стрелкой и надписью «Уборная»...

Старая деревянная дверь, отмеченная соответствующим символом, распахнулась настежь, и четыре невидимых спасателя ворвались внутрь.

Маленькая, но чистая комната пустовала. Раковиной явно недавно пользовались, но Гарри здесь не было, только лист бумаги лежал на опущенной крышке унитаза.

У неё перехватило дыхание.

Лист бумаги взмыл в воздух — Альбус взял его в руки — и мгновением позже устремился в её сторону:

М: Что шляпа просила вас передать?

Г.

— Э-эм, — удивлённо протянула Минерва. Ей потребовалась пара секунд, чтобы осознать вопрос. Не то чтобы такое можно было забыть, но сейчас она просто думала в совершенно другом режиме... — Я дерзкая девица, и мне не следует совать нос в дела старших.

— Э? — произнесла пустота голосом Альбуса так, словно что-то на свете ещё могло его удивить.

И тут прямо в воздухе за унитазом появилась голова Гарри Поттера. На его лице была уже знакомая Минерве холодная сосредоточенность, а глаза обшаривали помещение, пытаясь разглядеть невидимое.

— Что происходит... — начал мальчик.

Альбус, теперь видимый, равно как она и Фоукс, устремился вперёд. Левой рукой он вырвал волос с головы Гарри (от чего мальчик вскрикнул). Затем Альбус передал волос Минерве, мигом позже обхватил частично невидимого мальчика и исчез вместе с ним в красно-золотой вспышке.

Гарри Поттер был в безопасности.

Минерва сделала пару шагов и опёрлась о стену, рядом с которой только что стояли Альбус и Гарри. Ей нужно было прийти в себя.

За те несколько лет, которые прошли со дня расформирования Ордена Феникса, она... потеряла сноровку.

Воздух рядом с ней замерцал, и проявился Северус. Его правая рука уже вытаскивала флакон из складок мантии, левая — протянулась к Минерве в требовательном жесте. Она отдала ему волос Гарри, и мгновение спустя волос уже был во флаконе с незаконченным Обратным зельем. Оно сразу же начало шипеть и пузыриться, приобретая силу, которая позволит Северусу сыграть роль наживки.

— Неожиданно, — медленно протянул профессор зельеварения. — Интересно, почему наш директор не забрал мистера Поттера раньше, раз уж он всё равно решил обмануть Время? Ему ничего не должно было помешать... в самом деле, ваш патронус должен был найти мистера Поттера уже в безопасном месте...

Она не думала об этом, мысли заняло другое внезапное осознание. Оно было не столь пугающим, как побег Беллатрисы Блэк из Азкабана, и всё же...

— У Гарри есть мантия-невидимка?!

Профессор зельеварения не ответил — он уменьшался.

* * *

Тик-так, кап-хлюп, динь-дон-дзинь...

Хотя через некоторое время звуки начинали проходить мимо сознания, они её по-прежнему раздражали. Если когда-нибудь она станет директором, то наложит на это всё заклинание тишины. Интересно знать, кем был тот первый директор Хогвартса, который столь безрассудно соорудил устройство, создающее бессмысленный шум, и передал его преемнику?

Минерва сидела в директорском кабинете за столом, который быстро трансфигурировала для себя, и занималась сотней мелких бумажных дел, необходимых для исправного вращения всех шестерё-

нок Хогвартса. Она растворялась в этой работе, работа позволяла ей не думать о других вещах. Однажды Альбус слегка насмешливо заметил, что, похоже, Хогвартс функционирует гораздо более гладко, когда случается внешний кризис и она пытается от него отвлечься...

...последний раз Альбус так говорил десять лет назад.

Прозвенел колокольчик, сообщая о приближающемся посетителе.

Минерва продолжала читать очередной пергамент.

Дверь распахнулась, явив Северуса Снейпа. Тот сделал три шага внутрь и без какого-либо вступления спросил:

— Есть известия от Шизоглаза?

Альбус поднялся из кресла, Минерва убрала пергаменты и развоплотила стол.

— Патронус Хмури докладывал мне в Азкабане, — ответил Альбус. — Его Глаз ничего не заметил. А если Глаз Вэнса* чего-то не видит, значит, этого не существует. А что у вас?

— Никто не пытался силой взять мою кровь, — ответил Северус. Затем усмехнулся, — кроме профессора Защиты.

— Что?! — воскликнула Минерва.

— Он распознал во мне самозванца, прежде чем я успел открыть рот, и сразу же вполне обоснованно напал, требуя сообщить местонахождение мистера Поттера, — Северус опять усмехнулся. — Я крикнул, что я — Северус Снейп, но это почему-то его не остановило. Полагаю, он убил бы меня за сикль и дал бы пять кнатов сдачи. Мне пришлось оглушить нашего доброго профессора Защиты, что оказалось нелегко, и он плохо отреагировал на проклятье. Естественно, напуганный «Гарри Поттер» выбежал из комнаты, сообщил о происшествии владельцу ресторана, и профессора Защиты доставили в больницу Святого Мунго...

— Святого Мунго?!

— ...где сказали, что он, вероятно, за последние недели трудился, поскольку находится в состоянии крайнего истощения. Минерва, ваш ненаглядный профессор Защиты в порядке, похоже, сногсшибатель лишь убедил его отдохнуть несколько дней. После этого я отклонил предложение воспользоваться Дымолётным порошком, чтобы попасть в Хогвартс, и направился обратно в Косой переулок, где немного побродил. Но, кажется, сегодня никто не хотел крови мистера Поттера.

— Я уверен, наш профессор Защиты в надёжных руках, — сказал Альбус. — Минерва, нашего внимания требуют более важные вопросы.

Чтобы отвлечься от мыслей о профессоре Защиты, ей потребовалось значительное усилие. Но она села, Северус жестом призвал кресло для себя, они придвинулись ближе к столу директора, и начался совет.

Рядом с Альбусом и Северусом Минерва чувствовала себя самозванцем подоборотным зельем. Ни война, ни заговоры не были её стихией. Она с трудом на шаг опережала близнецов Уизли, но даже это ей удавалось не всегда. По большому счёту, она сидела здесь только потому, что слышала то пророчество...

— Мы столкнулись, — начал директор, — с довольно пугающей загадкой. Только двое волшебников, по моему мнению, могли организовать этот побег.

Минерва резко втянула воздух.

— Есть шанс, что это не Сами-Знаете-Кто?

— Боюсь, что так, — ответил директор.

Она мельком взглянула на Северуса и увидела, что он озадачен ничуть не меньше её. Альбус всерьёз боится, что Тёмный Лорд не возродился? Минерва бы отдала почти что угодно, лишь бы так и было.

— Итак, — устало произнёс Альбус. — Наш первый подозреваемый — это Волдеморт, который вернулся к жизни и ищет пути возродиться в полной мере. Я изучил много книг, которые предпочёл бы не читать, в поисках любых возможных способов для подобного возрождения и нашёл только три. Самый привлекательный путь для него — это Философский Камень. С его помощью Волдеморт может стать ещё могущественнее и ужаснее, чем был раньше. Но Фламель заверил меня, что даже Волдеморт не сможет создать его самостоятельно. Раньше я думал, что Волдеморт не устоит перед искушением воспользоваться Камнем — более того, такую очевидную ловушку он воспримет как вызов. Но второй путь для него почти столь же хорош: плоть слуги, отданная добровольно, кровь врага, взятая силой, и кость предка, без ведома завещанная. Волдеморт — перфекционист, — Альбус бросил взгляд на Северуса, который согласно кивнул, — и он, конечно, будет искать наиболее сильное сочетание — плоть Беллатрисы Блэк, кровь Гарри Поттера и кость своего отца. И последний путь для Волдеморта — найти жертву и в течение долгого времени высасывать из неё жизнь. В этом случае он будет слабее по сравнению с собой прежним. Мотив похитить Беллатрису в его случае понятен. И если он держит её про запас, только на случай, если не сможет достать Камень, это объясняет, почему сегодня никто не попытался похитить Гарри.

Минерва опять посмотрела на Северуса. Он слушал внимательно, но не выглядел удивлённым.

— Что при этом не ясно, — продолжил директор, — так это как именно Волдеморт организовал этот побег. В камере Беллатрисы оставили мёртвую куклу — побег должен был пройти незамеченным. И, хотя что-то в их плане пошло не так, дементоры всё равно не смогли найти Беллатрису после того, как подняли тревогу. Азкабан столетиями был неприступен, и я не могу вообразить ни одного способа, каким мог бы воспользоваться Волдеморт.

— Это ещё ничего не означает, — бесстрастно возразил Северус. — Чтобы сделать то, что мы не можем вообразить, Тёмному Лорду нужно лишь обладать более богатым воображением.

Альбус мрачно кивнул:

— К сожалению, есть и другой волшебник, который смеётся над словом «невозможно». Волшебник, который не так давно изобрёл новое, мощное заклинание, которое могло ослепить дементоров, чтобы те не заметили побег Беллатрисы. Есть и другие соображения, указывающие на него.

Сердце Минервы замерло. Она не знала, как это могло случиться или почему он это мог сделать, но у неё появилось ужасное предчувствие, о ком идёт речь...

— И кто это? — озадаченно спросил Северус.

Альбус откинулся на спинку кресла и произнёс роковые слова. Именно те, которых она и боялась.

— Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес.

— Поттер?! — Минерва никогда не слышала такого потрясения в обычно вкрадчивом голосе профессора зельеварения. — Директор, это одна из ваших шуток? Он первокурсник Хогвартса! Детские истерики и несколько розыгрышей с мантией-невидимкой ещё не делают его...

— Северус, это не шутка, — Минерва почти шептала. — Гарри уже сделал оригинальное открытие в трансфигурации. Хотя я не знала, что он занимается исследованиями и в области заклинаний.

— Гарри не обычный первокурсник, — серьёзно сказал директор. — Тёмный Лорд отметил его как равного себе, и он владеет силой, что неведома Тёмному Лорду.

Северус повернулся к Минерве. Нужно было знать его очень хорошо, чтобы увидеть мольбу в его глазах.

— Я должен воспринять это всерьёз?

Минерва молча кивнула.

— Кто-нибудь ещё знает об этом... новом и мощном заклинании? — требовательно спросил Северус.

Директор посмотрел на неё извиняющимся взглядом...

Каким-то образом она знала, знала ответ даже раньше, чем он его озвучил, и ей хотелось заорать изо всех сил.

...и произнёс:

— Квиринус Квиррел.

— Зачем, — её голосом можно было расплавить половину устройств в кабинете, — мистер Поттер **ВООБЩЕ** рассказал нашему профессору Защиты о своём новом блестящем заклинании для побегов из тюрем!..

Директор устало провёл морщинистой рукой по столь же морщинистому лбу.

— Так уж случилось, что Квиринус просто оказался рядом. Даже я не видел в этом ничего плохого в тот момент, — директор помедлил. — Гарри сказал, что его заклинание слишком опасно, и не стал делиться с нами этим знанием. Когда сегодня я вновь спросил его об этом, он настаивал, что так и не раскрыл этот секрет Квиринусу и ни разу не опускал щиты окклюменции в присутствии профессора Защиты...

— Мистер Поттер окклюмент?! Вы дали ему мантию-невидимку, у него иммунитет к сыворотке правды, и он дружит с близнецами Уизли! Альбус, вы представляете, во что втянули эту школу? — её голос был на грани вопля. — К седьмому году его обучения от Хогвартса останется лишь дымящаяся дыра в земле!

Альбус откинулся на спинку своего огромного мягкого кресла и сказал, улыбаясь:

— Вы забыли о Маховике времени.

Минерва не выдержала и вскрикнула. Но негромко.

Северус протянул:

— Стоит ли мне научить его варить Обратное зелье, директор? Просто для полноты картины, на случай, если вы не удовлетворены размахом возможностей вашей ручной катастрофы.

— Может быть, в следующем году, — ответил Альбус. — Друзья мои, сейчас нам нужно понять, является ли Гарри Поттер организатором побега Беллатрисы Блэк из Азкабана. Даже по моим стандартам терпимости для безумств юности это несколько чересчур.

— Простите, директор, — Минерве очень редко доводилось видеть столь сухую усмешку Северуса, — но моё мнение — «нет». Это работа Тёмного Лорда, здесь всё просто и ясно.

— Тогда почему, — из голоса Альбуса пропала вся ирония, — когда я планировал забрать Гарри сразу же после его прибытия в Косой переулок, я обнаружил, что это приведёт к парадоксу?

Минерва ещё сильнее сползла в кресле, поставила левый локоть на твёрдый деревянный подлокотник, уронила голову на руку и в отчаянии закрыла глаза.

В узких кругах говорили, что лишь один аврор из тридцати получает право расследовать дела, где замешаны Маховики времени, причём из этих немногих одна половина уже безумна, а вторая — вскоре таковой становится.

— То есть вы подозреваете, — уточнил Северус, — что Поттер отправился из Косого переулка в Азкабан, а потом создал временную петлю, чтобы мы его забрали...

— Именно, — ответил голос Альбуса. — Хотя также возможно, что Волдеморт или его слуги, перед тем как устроить налёт на Азкабан, хотели убедиться, что Гарри прибыл в Косой переулок. И среди них был кто-то с Маховиком времени, кто послал сообщение об их успехе назад во времени, чтобы дать сигнал к похищению Гарри. Собственно, из-за того, что я подозревал такую возможность, я и дал вам с Минервой это задание перед тем как сам отправился в Азкабан. Я подумал тогда, что их операция провалится, но если спасение Гарри Поттера означает наблюдение факта их возможного провала, то я не смогу отправиться в Азкабан после этого, ибо будущее Азкабана не может взаимодействовать с его прошлым. Когда в Азкабана я не получил докладов ни от вас, ни от Минервы, ни от Флитвика, которого я попросил связаться с вами, я понял, что ваше взаимодействие с Гарри Поттером было взаимодействием с будущим Азкабана, и это означает, что кто-то посылает сообщения во времени...

Альбус замолчал.

— Но, директор, — возразил Северус, — ведь вы вернулись из будущего Азкабана и взаимодействовали с нами...

Голос профессора зельеварения оборвался.

— Но, Северус, если бы я получил доклады от вас и Минервы о том, что Гарри в безопасности, я бы в первую очередь не стал возвращаться назад во времени, чтобы...

— Директор, я думаю, мы должны нарисовать диаграммы.

— Согласен, Северус.

Раздался звук расстилаемого по столу пергамента, скрипение перьев и дальнейшие споры.

Минерва сидела в кресле, подперев рукой голову и закрыв глаза.

Однажды она слышала историю о преступнике, которому по чудовищной ошибке Отдела Тайн достался Маховик времени, и авроре, которому дали задание выследить этого неизвестного хронопредупреждающего и у которого тоже был Маховик. В конце истории оба оказались в палате Мунго для безнадежно неизлечимых психов.

Минерва сидела с закрытыми глазами и изо всех сил старалась не слушать и не думать, чтобы не сойти с ума.

Спустя некоторое время, когда спор вроде бы утих, она сказала:

— Маховик мистера Поттера можно использовать только с девяти вечера до полуночи. Повреждена ли оболочка, Альбус?

— Согласно моим лучшим заклинаниям распознавания — нет, — ответил Альбус. — Но оболочки — изобретение недавнее. Обойти предосторожности Невыразимцев и не оставить следов... такую возможность нельзя исключать.

Она открыла глаза и увидела, что Северус и директор сосредоточенно изучают пергамент, покрытый мешаниной из множества линий, которые, несомненно, сведут её с ума, если она попытается в них разобраться.

— Пришли ли вы к каким-нибудь выводам? — спросила Минерва. — Только, пожалуйста, не говорите мне, как вы их сделали.

Северус и директор переглянулись, потом повернулись к ней.

— Мы пришли к выводу, — серьёзным тоном произнёс директор, — что Гарри в этом либо замешан, либо нет, что у Волдеморта либо есть доступ к Маховику времени, либо нет. Но, что бы ни произошло в Азкабанае, никто не появлялся на кладбище Литтл-Хэнглтона, где в моём прошлом дежурил Хмури.

— Короче говоря, — протянул Северус, — мы ничего не знаем, дорогая Минерва. Хотя кажется очень правдоподобным, что здесь был как-то замешан ещё один Маховик времени. Я подозреваю, что Поттера подкупом, обманом или угрозами заставили посылать сообщения назад во времени, и, возможно, эти сообщения даже касались самого вторжения в тюрьму. Я не стану делать очевидного вывода, кто дёргал его за ниточки. Но я предлагаю сегодня в девять вечера проверить, способен ли Поттер вернуться назад во времени на все шесть часов, к трём часам дня, чтобы узнать, использовал ли он сегодня свой Маховик.

— Это кажется благоразумным в любом случае, — сказал Дамблдор. — Позаботьтесь об этом, Минерва, и передайте ему, чтобы затем он заглянул ко мне в кабинет, когда ему будет удобно.

— Но вы до сих пор подозреваете Гарри в том, что он был напрямую замешан в побеге из тюрьмы? — спросила Минерва.

— Это возможно, но маловероятно, — ответил Северус.

— Да, — одновременно с ним ответил Альбус.

Минерва ущипнула себя за переносицу, сделала глубокий вдох, затем — выдох.

— Альбус, Северус, зачем вообще Гарри это делать?!

— Я не могу придумать причину, — ответил Альбус, — но я не знаю никаких других способов, кроме магии Гарри, которые могли бы...

— Стойте, — воскликнул Северус. С его лица пропало всякое выражение. — Мне в голову пришла мысль, я должен проверить... — профессор зельеварения схватил щепотку дымолётного порошка, быстрыми шагами пересёк комнату к камину (Альбус торопливо взмахнул палочкой, чтобы его зажечь) произнёс «кабинет декана Слизерина» и исчез в языках зелёного пламени.

Минерва и Альбус переглянулись и пожали плечами. Затем Альбус опять углубился в изучение пергамента.

Прошло всего несколько минут, и Северус выскочил из камина обратно, смахивая с себя остатки пепла.

— Что ж, — лицо профессора зельеварения опять ничего не выражало, — боюсь, у мистера Поттера действительно был мотив.

— Говорите! — велел Альбус.

— Лесат Лестрейндж, когда я нашёл его, делал уроки в гостиной Слизерина, — произнёс Северус. — Он не пытался избегать моего взгляда. И, судя по всему, мистеру Лестрейнджу не нравится думать о том, что его родители томятся в холоде и мраке Азкабана, что дementоры высасывают из них жизнь, и что их мучения не прекращаются ни на секунду. Всё это он очень многословно описал мистеру Поттеру и умолял его спасти их. Поскольку, понимаете ли, мистер Лестрейндж слышал, что Мальчик-Который-Выжил может сделать всё, что угодно.

Минерва и Альбус опять переглянулись.

— Северус, — сказала Минерва, — я уверена... даже у Гарри... хватит здравого смысла, чтобы...

Её голос оборвался.

— Мистер Поттер считает, что он — Бог, — бесстрастно произнёс Северус, — а Лесат Лестрейндж пал перед ним на колени и вознёс молитву от всего сердца.

Минерва смотрела на Северуса, чувствуя подступающую тошноту. Она изучала магловские религии — именно из-за них родителям

маглорождённых приходилось изменять память чаще всего — и она знала достаточно, чтобы понять сказанное Северусом.

— Как бы то ни было, — продолжил профессор зельеварения, — я заглянул в мистера Лестрейнджа, чтобы посмотреть, знает ли он что-нибудь о побеге своей матери. Он ничего не слышал. Но как только он о нём узнает, он решит, что именно Гарри Поттер этот побег устроил.

— Понятно, — медленно произнес Альбус. — Спасибо, Северус. Это хорошие новости.

— Хорошие новости?! — воскликнула Минерва.

Альбус посмотрел на неё. Его лицо теперь было таким же бесстрастным, как у Северуса. Она потрясённо вспомнила, что его собственный...

— Я не могу вообразить лучшей причины, по которой кто-то мог вытащить Беллатрису из Азкабана, — тихо ответил Альбус. — А если это всё-таки не Гарри — позвольте напомнить — тогда это определённо Волдеморт, который сделал свой первый шаг. Но давайте не будем торопиться с выводами. Пока мы слишком многого не знаем. Но скоро узнаем.

Альбус опять встал из-за стола, прошёл к камину, в котором до сих пор горел огонь, бросил туда ещё одну щепотку зелёного порошка и сунул голову в пламя.

— Департамент магического правопорядка, — произнёс он. — Кабинет директора.

Спустя секунду раздался отчётливый и резкий голос мадам Боунс:

— В чём дело, Альбус? Я немного занята.

— Амелия, умоляю вас поделиться информацией, которую вам удалось получить по этому делу.

— О, — в пламени после небольшой паузы раздался холодный голос мадам Боунс, — а обмен будет взаимным, Альбус?

— Может быть, — спокойно ответил старый волшебник.

— Если хотя бы один аврор умрёт из-за твоей скрытности, старый пройдоха, ты за это ответишь в полной мере.

— Я понимаю, Амелия, — сказал Альбус, — но у меня нет желания сеять беспочвенные тревогу и недоверие...

— Сама Беллатриса Блэк сбежала из Азкабана! Какие тревогу и недоверие я, по-вашему, сейчас могу посчитать беспочвенными?!

— Возможно, я попрошу вас вспомнить эти слова, — сказал старый волшебник в зелёное пламя. — Ибо если я узнаю, что мои страхи не беспочвенны, я скажу вам. А теперь, Амелия, прошу вас, если вы узнали хоть что-нибудь, пожалуйста, поделитесь с нами.

Последовала ещё одна пауза, а затем голос мадам Боунс произнёс:
 — У меня есть информация, которую я получила четыре часа вперёд. Вы всё равно хотите знать?

Альбус помедлил...

(Минерва поняла, что он оценивает вероятность того, что ему потребуется отправиться в прошлое больше чем на два часа назад, считая от этого времени. Поскольку нельзя передавать информацию во времени дальше, чем на шесть часов назад, даже по цепочке Маховиков.)

...и наконец ответил:

— Да, будьте любезны.

— Нам повезло. Одна из авроров, наблюдавших побег, оказалась маглорождённой, и она сказала, что заклинание Огненного Полёта — мы так называли это явление — может быть вовсе не заклинанием, а магловским артефактом.

Минерву будто ударили под дых, и тошнота усилилась. Любой, кто видел битвы Легиона Хаоса, догадался бы, чья это работа...

Мадам Боунс продолжила:

— Мы попросили о помощи Артура Уизли из Отдела неправомерного использования магловских артефактов — он знает о них больше, чем любой другой волшебник — и дали ему описание произошедшего со слов авроров. Он понял, что это было. Это магловский артефакт, называемый «рехета», и его так называли потому, что нужно совсем рехнуться, чтобы на нём летать. Всего шесть лет назад одна такая рехета взорвалась, убив сотни маглов и чуть не устроив пожар на Луне. Уизли сообщил, что рехеты используют особую науку, называемую противодействием, и мы планируем создать заклинание, которое заблокирует действие этой науки вблизи Азкабана.

— Спасибо, Амелия, — мрачно отозвался Альбус. — Это всё?

— Я проверю, есть ли у нас какие-нибудь новости с шести часов вперёд, — послышался голос мадам Боунс. — Если что-то будет, я прикажу передать вам напрямую, минуя меня. А вы сами мне ничего не хотите рассказать, Альбус? К какому из тех двух вариантов вы склоняетесь?

— Пока нет, Амелия, — ответил Альбус, — но, возможно, скоро мне будет, что вам сообщить.

Он отодвинулся от огня, и тот превратился в обычное жёлтое пламя. Каждая минута многолетней жизни старого волшебника, каждая естественная секунда со дня его рождения и каждая секунда, добавленная Маховиками времени, — всё это, и ещё несколько десятилетий, прибавленных переживаниями, отразились на его морщинистом лице.

— Северус? — спросил старый волшебник. — Что это было на самом деле?

— Ракета, — ответил профессор зельеварения — полукровка, выросший в магловском городе, в тупике Прядильщиков. — Одна из наиболее впечатляющих магловских технологий.

— Насколько вероятно, что Гарри знает о таком искусстве?

Северус протянул:

— О, мальчики вроде мистера Поттера знают о ракетах всё. Это, дорогая Минерва, несомненный факт. Вы должны помнить, что в магловском мире всё иначе, — Северус нахмурился. — Но ракеты опасны и дороги...

— Гарри украл и спрятал неизвестную сумму денег из своего хранилища в Гринготтсе, возможно, тысячи галлеонов, — сказал директор и затем пояснил, увидев их удивлённые взгляды. — Я не планировал ничего подобного, я просто совершил ошибку, отправив профессора Защиты присматривать за Гарри, когда тот пошёл снимать пять галлеонов на рождественские подарки... — Директор пожал плечами. — Да, согласен, теперь понятно, что это была полнейшая глупость. Давайте продолжим.

Минерва тихо стукнула головой о подголовник кресла. Несколько раз.

— И тем не менее, директор, — произнёс Северус, — мы не можем считать, что *ему* о них неизвестно, лишь потому, что Пожиратели Смерти никогда не использовали магловские артефакты в первой войне. Во время войны с Гриндевальдом на Британию падали ракеты. Если, как вы нам говорили, он провёл те годы в магловском приюте... то он тоже должен был о них слышать. А если до него дошли слухи, что мистер Поттер во время учебных боёв использует магловские артефакты, то он непременно постарался бы изучить, какими силами владеет его враг, взять их на вооружение и научиться использовать ещё лучше. Именно так он мыслит. Любая сила, попавшая в поле его зрения, должна служить ему.

Старый волшебник стоял совершенно неподвижно, даже волоски его бороды замерли, как комок проволоки, и Минерве пришла в голову мысль, возможно, самая страшная мысль из всех в её жизни, что Альбус Дамблдор замер на месте от ужаса.

— Северус, — произнёс надтреснутым голосом директор, — вы понимаете, что говорите? Если Гарри Поттер и Волдеморт начнут воевать магловским оружием, сгорит весь мир!

— Что?! — удивилась Минерва. Конечно, она слышала о пушках, но они не были настолько опасны для опытной ведьмы...

Северус продолжил, как будто её не было в комнате.

— Тогда, возможно, он целенаправленно посылает сообщение для Гарри Поттера. Возможно, он хочет сказать, что любое нападение с помощью магловского оружия встретит ответный удар того же рода. Прикажите мистеру Поттеру прекратить использование магловских технологий в учебных битвах, это покажет ему, что сообщение получено... и он больше не сможет заимствовать идеи, — Северус нахмурился. — Хотя, если задуматься, то и мистеру Малфою... и, конечно, мисс Грейнджер... пожалуй, полный запрет на технологии будет более мудрым решением...

Старый волшебник прижал ладони ко лбу и дрожащим голосом сказал:

— Я уже начинаю надеяться, что за этим побегом стоит Гарри... О Мерлин, защити нас всех. Что я наделал, что я наделал, что станет с миром?

Северус пожал печами.

— Насколько я слышал, директор, магловское оружие лишь немногим опаснее более... *тайных* аспектов волшебства...

— Опаснее?! — ахнула Минерва. Чтобы закрыть рот, пришлось приложить усилие.

— Опаснее, чем любые заклинания в нашу эпоху забвения, — кивнул Альбус. — Не опаснее того, что вычеркнуло Атлантиду из Времени.

Минерва уставилась на него, ощущая, как капли пота стекают по спине.

Северус продолжал, по-прежнему обращаясь к Альбусу:

— Все Пожиратели Смерти, кроме Беллатрисы, предали бы его, все союзники отвернулись бы от него, все мировые силы объединились бы против него, если б он был настолько безрассуден, чтобы обратиться к по-настоящему опасным средствам. Так ли уж отличается наше текущее положение?

Лицо старого волшебника стало чуть живее и не было уже таким бледным.

— Наверное, нет...

— В любом случае, — Северус слегка снисходительно улыбнулся, — магловское оружие нелегко заполучить, будет мало и тысячи галлеонов, и тысячи тысяч.

Разве Гарри не трансфигурирует устройства, которые использует в своих битвах? — подумала Минерва, но не успела она открыть рот...

В камине взметнулось зелёное пламя, и в нём появилась голова Пия Тикнесса, помощника мадам Боунс.

— Верховный Чародей? — произнёс Тикнесс. — У меня для вас доклад, полученный... — Пий бросил взгляд на Минерву и Северуса, — шесть минут назад.

— Шесть часов вперёд, вы хотите сказать, — кивнул Альбус. — Эти двое имеют право его услышать, докладывайте.

— Мы поняли, как это было сделано, — сказал Тикнесс. — В камере Беллатрисы нашли некий флакон, спрятанный в углу. Проверка остатков жидкости показала, что во флаконе было зелье Анимага.

Воцарилось молчание.

— Понятно... — тягостно произнес Альбус.

— Простите? — сказала Минерва. Ей понятно не было.

Тикнесс повернул к ней голову:

— Мадам МакГонагалл, анимаги в своём животном обличье представляют меньший интерес для дементоров. Все узники проверяются перед прибытием в Азкабан, и если они анимаги, то их анимагическая форма уничтожается. Но мы не рассматривали вариант, что под защитой Патронуса кто-то может принять зелье, пройти медитацию и стать анимагом уже в Азкабане...

— Я полагал, — произнёс Северус, теперь со своей обычной усмешкой, — что медитация анимага требует значительного времени.

— Ну, мистер Снейп, — закашлялся Тикнесс, — записи говорят о том, что Беллатриса Блэк уже была анимагом прежде, чем получила свой приговор. Её анимагическое тело было уничтожено, но, возможно, вторая медитация требует не так много времени, как первая!

— Никогда бы не подумал, что у какого-либо узника Азкабана хватит сил на такое... — сказал Альбус. — Но до тюрьмы Беллатриса Блэк была сильнейшей волшебницей, и она могла бы это сделать, если такое вообще возможно. Можно ли впредь обезопасить Азкабан от этого метода?

— Да, — уверенно ответила голова Пия Тикнесса. — Наш эксперт сообщил, что совершенно невообразимо, чтобы медитация анимага могла быть закончена меньше, чем за три часа, не важно, какая она по счёту. Отныне все посещения заключённых будут ограничены двумя часами, и дементоры будут сообщать нам, если какой-нибудь патронус поддерживается в тюрьме дольше дозволенного.

Дамблдор помрачнел при этих словах, но кивнул:

— Понятно. Конечно, подобных попыток больше не будет, но не ослабляйте бдительность. Когда вы сообщите всё это Амелии, добавьте, что у меня есть для неё информация.

Голова Пия Тикнесса исчезла, не сказав ни слова.

— Не будет подобных попыток?.. — переспросила Минерва.

— Дело в том, дорогая Минерва, — протянул Северус, не до конца убрав свою обычную усмешку, — что, если бы Тёмный Лорд планировал освободить из Азкабана кого-то ещё из своих слуг, он не стал бы оставлять флакон, чтобы сообщить, как это было сделано, — Северус нахмурился. — Но должен признаться... я всё равно не понимаю, зачем флакон там оставили.

— Это какое-то сообщение... — медленно проговорил Альбус. — И я не в состоянии понять, что оно означает, совершенно...

Он забарабанил пальцами по столу.

Долгую минуту, а может быть, три минуты, старый волшебник, нахмурившись, смотрел в никуда. Северус тоже молчал.

Затем Дамблдор в смятении покачал головой и сказал:

— Северус, а вы это понимаете?

— Нет, — ответил профессор зельеварения и добавил с сардонической усмешкой, — что, возможно, к лучшему. Что бы ни предполагалось нам из этого уяснить, эта часть его плана провалилась.

— Теперь вы уверены, что это был Сами-Знаете... что это Волдеморт? — спросила Минерва. — Не мог ли какой-то другой Пожиратель Смерти использовать этот хитрый ход?

— И при этом разбираться в ракетах? — сухо уточнил Северус. — Я не думаю, что другие Пожиратели увлекались магловедением. Это он.

— Да, это он, — подтвердил Альбус. — Азкабан был неприступен сотни лет, а для его падения хватило всего лишь обычного зелья Анимага. Слишком умно и слишком невозможно, что всегда было визитной карточкой Волдеморта ещё с тех дней, когда он был известен как Том Риддл. Тот, кто пожелает подделать этот почерк, должен быть так же хитёр, как сам Волдеморт. И никто другой в мире не смог бы нечаянно переоценить мой ум и оставить мне сообщение, которое я совершенно не в состоянии понять.

— Если, конечно, он не оценил вас совершенно точно, — бесстрастно сказал Северус, — и в таком случае именно этих мыслей он от вас и добивался.

Альбус вздохнул:

— Действительно. Но даже если он обвёл меня вокруг пальца, по крайней мере мы можем быть уверены, что это был не Гарри Поттер.

Эти слова должны были вызвать облегчение, но Минерва чувствовала холодок, распространяющийся по позвоночнику, венам, лёгким и костям.

Она помнила такие разговоры.

Она помнила, как такие разговоры велись десять лет назад, когда кровь текла по Британии широкими реками, когда волшебников и ведьм, её бывших учеников, убивали сотнями. Она помнила горящие дома, кричащих детей и вспышки зелёного света...

— Что вы расскажете мадам Боунс? — прошептала она.

Альбус поднялся из-за стола и вышел в центр комнаты, касаясь своих инструментов. Какой-то инструмент ответил вспышкой, какой-то — звуком... Одной рукой директор поправил свои очки, другой — длинную седую бороду, и наконец древний волшебник повернулся к ним.

— Я расскажу ей ту малость, что знаю о Тёмном искусстве, называемом крестражем, с помощью которого душу можно лишить смерти, — мягкий голос Альбуса Дамблдора, казалось, заполнил всю комнату, — и я расскажу ей, что можно сотворить с плотью слуги.

Я скажу ей, что воссоздаю Орден Феникса.

Я скажу ей, что Волдеморт вернулся.

И что Вторая Волшебная Война началась.

* * *

Несколько часов спустя.

На стене кабинета заместителя директора висели старинные часы с золотыми стрелками и серебряными цифрами на циферблате. На них были наложены чары тишины — часы тикали и двигались совершенно бесшумно.

Золотая часовая стрелка приближалась к серебряной цифре 9, золотая минутная стрелка шла следом, два связанных компонента Времени приближались друг к другу, чтобы вскоре оказаться в одном месте, но так и не столкнуться.

На часах было 8:43 вечера — приближалось время, когда Маховик Гарри откроется, чтобы пройти проверку, которую невозможно обхитрить ни одним мыслимым заклинанием, если, конечно, не существует заклинания, способного обойти законы самого Времени. Ни тело, ни дух, ни мысль, ни материя не способны растянуть день дольше, чем на шесть часов. Сейчас она придумает сообщение и попросит Гарри доставить его профессору Флитвику шесть часов назад, в три часа дня, а потом она спросит профессора Флитвика, получил ли он это сообщение в указанное время.

И Филиус скажет ей, что он действительно получил его в три часа дня.

И она попросит Северуса и Альбуса в следующий раз чуть больше доверять Гарри.

Профессор МакГонагалл вызвала патронуса и приказала сияющей кошке:

— Ступай к мистеру Поттеру и скажи ему: «Мистер Поттер, пожалуйста, зайдите в мой кабинет, как только услышите это сообщение, и ни на что по дороге не отвлекайтесь».

Стэнфордский тюремный эксперимент. Финал

Золотые стрелки рывками перескакивали между серебряными цифрами на циферблате механических часов. Их изобрели маглы. До того волшебники не сильно интересовались счётом времени. Когда был построен Хогвартс, в нём обходились песочными часами, которые отмеряли время между ударами колоколов, извещавших о начале и конце урока. Один из тех фактов, которые сторонники чистоты крови предпочли бы считать ложью, и поэтому Минерва о нём знала.

Т.Р.И.Т.О.Н. по магловедению она сдала на «Великолепно», но теперь почти стыдилась этой оценки, понимая, как скудны её знания о маглах. Даже тогда она осознавала, что этот предмет — полная фикция. Его вёл чистокровный волшебник — как будто бы потому, что маглорождённые не понимают, что нужно знать рождённым в волшебных семьях, а на самом деле потому, что попечительский совет совсем не жаловал маглов. Но, как ни грустно сейчас было об этом вспоминать, в семнадцать лет её волновала только оценка «Великолепно».

«Если Гарри Поттер и Волдеморт начнут воевать магловским оружием, сгорит весь мир!»

Эта картина казалась Минерве совершенно невероятной. Она не могла представить сражение между Гарри и Сами-Знаете-Кем.

Она сталкивалась с Тёмным Лордом в бою четыре раза, и каждый раз ей удавалось выжить: трижды её прикрывал Альбус, а один раз она сражалась вместе с Хмури. Она навсегда запомнила искажённое, змееподобное лицо, еле заметные зеленоватые чешуйки,

которые покрывали кожу Тёмного Лорда, пылающие красным светом глаза, высокий шипящий смех, который не сулил ничего, кроме жестокости и мучений, — чудовищность во плоти.

И так же легко она могла вызвать в памяти образ Гарри Поттера — сияющее лицо мальчика, который то принимает смешное всерьёз, то обращает серьёзное в шутку.

Но представлять этих двоих стоящими друг напротив друга с палочками наготове было слишком мучительно.

У них не было никакого права вваливать такой груз на плечи одиннадцатилетнего мальчика. Она знала, какое решение сегодня на его счёт принял директор, поскольку ей поручили всё организовать. И на месте Гарри, будь она такого же возраста, она бы несколько недель была вне себя от ярости и горя...

«Гарри не обычный первокурсник, — сказал Альбус. — Тёмный Лорд отметил его как равного себе, и он владеет силой, что неведома Тёмному Лорду».

Ужасный замогильный голос Сивиллы Трелони, произносящий слова пророчества — истинного пророчества, — вновь прозвучал в её голове. Минерву не оставляло чувство, что директор неправильно понимает эти слова, но ей не удавалось выразить это ощущение словами.

И тем не менее было очевидно, что если где-то на Земле и существует одиннадцатилетний мальчик, способный нести это бремя, то в данный момент именно он и приближается к её кабинету. И если в его присутствии она скажет хоть что-нибудь вроде «бедный Гарри»... что ж, ему это вряд ли понравится.

«Так, теперь мне нужно найти способ уничтожить бессмертного Тёмного волшебника, — произнёс Гарри в тот день, когда узнал правду. — Лучше бы вы сказали об этом до того, как мы пошли за покупками.»

Она была деканом Гриффиндора достаточно долго и не раз видела смерть своих друзей, поэтому она знала, что некоторых людей невозможно уберечь от героической участи.

Раздался стук в дверь, и профессор МакГонагалл отозвалась: — Войдите.

Когда Гарри зашёл, на его лице была всё та же холодная сосредоточенность, что и в ресторане «У Мэри». На секунду Минерва задумалась, не носил ли он эту маску весь день.

Мальчик сел на стул рядом со столом и спросил:

— Итак, вы готовы рассказать мне, что происходит?

Слова прозвучали без той резкости, которую можно было ожидать, глядя на его лицо.

Минерва не успела сдержаться — её глаза удивлённо распахнулись:

— Директор вам ничего не сказал, мистер Поттер?

Мальчик отрицательно покачал головой:

— Только то, что он получил предупреждение, что мне может грозить опасность, но теперь мне ничего не угрожает.

Минерве было трудно смотреть ему в глаза. Как они могут так поступать, как они могут возлагать на плечи одиннадцатилетнего мальчика всю эту войну, судьбу, пророчество... и при этом они даже не доверяют ему...

Она заставила себя посмотреть прямо на Гарри и встретить спокойный взгляд его зелёных глаз.

— Профессор МакГонагалл? — тихо произнёс мальчик.

— Мистер Поттер, — сказала профессор трансфигурации, — боюсь, я не вправе всё вам объяснить, но, если и в следующий раз директор вам ничего не расскажет, вы можете вернуться ко мне, и тогда я пойду и накричу на него за вас.

Глаза мальчика округлились — что-то от настоящего Гарри проступило на его лице, но мгновением позже холодная маска уже вернулась на своё место.

— В любом случае, — сразу же продолжила профессор МакГонагалл, — простите за неудобство, мистер Поттер, но я вынуждена попросить вас использовать свой Маховик времени: вернуться на шесть часов назад, к трём часам дня, и передать профессору Флитвику следующее сообщение: «Деревья в серебре»*. Попросите профессора записать время, когда вы доставили ему эти слова. После этого директор хотел бы встретиться с вами в удобное для вас время.

Чуть помедлив, мальчик спросил:

— То есть меня подозревают в ненадлежащем использовании Маховика времени?

— Я — нет! — поспешно добавила профессор МакГонагалл. — Мне жаль, что приходится причинять вам беспокойство.

После ещё одной паузы мальчик пожал плечами:

— Это нарушит мой режим сна, но, полагаю, с этим ничего не поделаешь. Пожалуйста, предупредите домовых эльфов, чтобы они были готовы, если я попрошу завтрак, скажем, часа в три ночи.

— Конечно, мистер Поттер, — ответила она. — Спасибо за понимание.

Мальчик поднялся со своего стула, кивнул и выскользнул за дверь, на ходу запуская руку под рубашку, где находился Маховик времени. Она едва не окликнула его, вот только не знала, что ещё сейчас можно было бы сказать.

Вместо этого Минерва посмотрела на часы, ожидая...

Как долго ей нужно ждать, пока Гарри вернётся назад во времени?

На самом деле нисколько: если он это сделал, то это уже случилось...

Значит, она медлит, потому что нервничает. Это осознание опечалило её. Озорство, да, невообразимое, непередаваемое, отличающееся благоразумием и предусмотрительностью падающего камня — она не знала, как мальчишка сумел обхитрить Шляпу, чтобы та не распределила его в Гриффиндор, где ему самое место — но ничего Тёмного или пагубного, ни в коем случае. За его хулиганским поведением скрывалась доброта, столь же искренняя и глубокая, как и у близнецов Уизли. Хотя даже Круциатус не заставил бы её произнести это вслух.

— *Эспекто Патронум*, — сказала она, и следом: — ступай к профессору Флитвику, спроси его: «Передал ли мистер Поттер вам моё сообщение? Какое это было сообщение, и когда вы его получили?» — и доставь мне его ответ.

* * *

Часом ранее, не снимая Мантию невидимости, Гарри убрал под рубашку Маховик времени, последний оборот которого он только что использовал.

И направился к подземельям Слизерина. Он старался шагать с максимальной скоростью, которую могли развить его невидимые ноги, но не переходя на бег. К счастью, кабинет заместителя директора располагался на одном из нижних этажей Хогвартса.

Спустившись на несколько этажей, преодолевая по две (но не три) ступеньки за шаг, Гарри остановился в коридоре, за последним поворотом которого находился вход в комнаты слизеринцев.

Он вытащил из кошелька клочок пергамента (не бумаги), Прытко-пишущее перо (не ручку) и велел:

— Записывай за мной по буквам: «Б-У-Ф-Ы-П-Д-Ы, пробел, Ф-Х-А-Х-Т-М-П-Т-Б-Х-А-Х-С-А-Х».

В криптографии существуют два типа шифров. Первый защитит вашу переписку от младшего брата, второй защитит вашу переписку

от правительственных спецслужб. Сейчас Гарри использовал шифр первого типа, но это было лучше, чем ничего*. Теоретически, сообщение в любом случае не должны были прочесть, но даже если это вдруг случится, никто не найдёт в нём ничего интересного, если, конечно, сперва не расшифрует.

Гарри засунул пергамент в пергаментный конверт и волшебной палочкой растопил каплю зелёного воска, чтобы его запечатать.

Можно было, конечно, сделать всё это несколько часов назад, но почему-то Гарри казалось, что если он повременит с этим до того, как услышит сообщение из уст профессора МакГонагалл, это будет не так похоже на Шутки Со Временем.

Затем Гарри положил этот конверт внутрь другого конверта, в котором уже лежали пять серебряных сиклей и листок с инструкциями.

Он закрыл конверт (на котором уже было написано имя получателя), запечатал его, на этот раз вложив в печать больше воска, и вдавил в неё последний сикль.

А это письмо он положил в последний конверт, на котором большими буквами было написано: «Мерри Тэвингтон».

Гарри быстро выглянул за поворот, за которым ожидал хмурый портрет, скрывающий вход в комнаты слизеринцев. И так как он не хотел, чтобы портрет запомнил, что приходил кто-то невидимый, то с помощью чар левитации отправил конверт к портрету и постучал по нему.

Мужчина с портрета недовольно посмотрел на письмо и изучил его через монокль. Затем вздохнул и, повернувшись в сторону комнат Слизерина, крикнул:

— Послание для Мерри Тэвингтон!

Лишь тогда Гарри позволил письму упасть на пол.

Спустя пару мгновений дверь-портрет открылась, и Мерри быстро подняла конверт с пола.

Она откроет его, найдёт внутри сикль и другой конверт, адресованный четверокурснице, Маргарет Булстроуд.

(Среди слизеринцев это в порядке вещей, а сикль весьма ясно говорит о срочности дела.)

Маргарет откроет свой конверт и найдёт пять сиклей вместе с другим конвертом, который ей нужно будет оставить в одном из заброшенных классов...

...уже после того, как она перенесётся на пять часов назад с помощью своего Маховика времени...

...и там она найдёт ещё пять сиклей, если, конечно, поторопится.

И в этом заброшенном классе с трёх до полчетвёртого будет находиться скрытый мантией-невидимкой Гарри, просто на случай, если кто-то решит провести очевидную проверку.

Ну, по крайней мере очевидную для профессора Квиррелла.

Также для профессора Квиррелла было очевидно, что а) у Маргарет Булстроуд есть Маховик времени, б) она не очень щепетильна относительно его использования, например, иногда она делится со своей младшей сестрой самыми горячими сплетнями до того, как о них узнает кто-либо ещё.

По мере того как Гарри, всё ещё невидимый, удалялся от двари-портрета, напряжение начало убывать. И тем не менее его мозг продолжал беспокоиться за план, хотя он и так уже знал, что всё прошло благополучно. Оставалось только выдержать встречу с Дамблдором, и день будет завершён... Гарри подойдёт к горгульям, охраняющим директорский кабинет, в девять вечера, так как если он придёт в восемь, то это будет более подозрительно. А так он сможет заявить, что просто не понял, что имела в виду профессор МакГонагалл, когда сказала «после»...

Неясная боль вновь сжала сердце Гарри, когда он подумал о профессоре МакГонагалл.

Поэтому он ещё немного глубже погрузился в свою Тёмную Сторону, благодаря которой мог сохранять спокойное выражение лица и не показывать, насколько он на самом деле устал, и продолжил идти.

Расплата грядёт, но иногда приходится использовать всё, что у тебя есть сегодня, оставляя выплаты по счетам на завтрашний день.

* * *

К тому времени, как винтовая лестница доставила Гарри к большой дубовой двери, ведущей в кабинет Дамблдора, даже его Тёмная Сторона уже чувствовала себя усталой. Но поскольку теперь он вполне официально на четыре часа опаздывал с отходом ко сну, то пусть не эмоциональную, но хотя бы физическую усталость показывать было безопасно.

Дубовая дверь отворилась...

Взгляд Гарри сразу же устремился к большому столу и трону за ним. Ему потребовалась пара мгновений, чтобы отметить, что трон пуст, а на столе одиноко лежит книга в кожаном переплёте. Фоукс и Распределяющая шляпа находились на своих почётных

местах. Яркое, весёлое пламя потрескивало в нише, где, как теперь понял Гарри, находился камин. Также ему бросились в глаза два зонта и три красных тапочка на левую ногу. Кабинет выглядел как обычно, но сам старый волшебник стоял посреди своих многочисленных хитроумных инструментов — таинственных непонятных устройств — в чёрной, очень строгой мантии. Гарри был потрясён, увидев Дамблдора в таком виде, — это было всё равно, как если бы его отец надел деловой костюм.

Альбус Дамблдор выглядел как никогда древним и печальным.

— Здравствуй, Гарри, — сказал старый волшебник.

Внешний образ, поддерживаемый как барьер окклюменции, — невинный Гарри, который понятия не имел, что случилось, — холодно кивнул и произнёс:

— Директор. Я полагаю, вы уже побеседовали с профессором МакГонагалл, поэтому, если вы не против, я бы очень хотел узнать, в чём дело.

— Да, — сказал старый волшебник, — время пришло, Гарри Поттер.

Его спина слегка выпрямилась (хотя он и так стоял прямо), однако каким-то образом даже это небольшое изменение словно добавило ему лишний фут роста, он стал выглядеть сильнее, пусть и не моложе, опасней, пусть и не угрожающе, аура могущества окутала его как плащ. И Дамблдор отчеканил:

— Сегодня началась твоя война против Волдеморта.

— Что?! — воскликнул внешний Гарри. Та часть его, что наблюдала изнутри, подумала совершенно то же самое, только со значительным количеством ругательств.

— Беллатрисе Блэк устроили побег. Из Азкабана, из тюрьмы, ранее считавшейся неприступной, — сказал старый волшебник. — В самом этом деянии отчётливо видна рука Волдеморта. К тому же Беллатриса — его самая верная прислужница, один из трёх элементов, которые он должен собрать, чтобы возродиться вновь, в новом теле. Спустя десять лет враг, которого ты однажды одолел, вернулся — как и было предсказано.

Все воображаемые личности Гарри потеряли дар речи. По крайней мере на несколько секунд. Тем временем старый волшебник продолжил:

— Сейчас для тебя мало что изменится. Я начал воссоздавать Орден Феникса, который будет служить тебе. Я известил некоторых людей, которые могут и должны всё понять: Амелию Боунс,

Аластора Хмури, Бартемиуса Крауча и кое-кого ещё. О пророчестве — да, оно существует — я им не сказал, но они знают, что Волдеморт вернулся и что тебе предстоит сыграть важную роль. Поначалу твою войну будем вести мы. Тебе же пока предстоит стать сильнее и, возможно, мудрее, здесь, в Хогвартсе, — рука старого волшебника поднялась, словно в мольбе. — Таким образом, сейчас в твоей жизни произойдёт лишь одно изменение, и я прошу тебя понять, что оно необходимо. Ты узнаёшь книгу на моём столе?

Внутренняя часть Гарри кричала и билась головой о воображаемые стены. Внешний Гарри лишь повернулся и уставился на то, что оказалось...

Повисла долгая пауза.

Наконец Гарри сказал:

— Это «Властелин колец» Джона Рональда Руэла Толкина.

— Ты узнал цитату из этой книги, — директор пристально посмотрел на Гарри, — и я даже предположу, что ты неплохо её помнишь. Поправь меня, пожалуйста, если я ошибаюсь.

Гарри смотрел на него и молчал.

— Важно понимать, — продолжил Дамблдор, — что эта книга не является реалистичным описанием войны волшебников. Джон Толкин не сражался с Волдемортом. Твоя война не будет похожа на книги, которые ты читал. Реальная жизнь не похожа на сказки. Ты понимаешь, Гарри?

Мальчик медленно кивнул, а затем помотал головой.

— В частности, в первой книге Гэндальф допустил крайне глупую ошибку. Да, волшебник Толкина совершил много ошибок, но одна из них особенно непростительна. Когда Гэндальф впервые заподозрил, пусть даже на мгновение, что к Фродо попало Кольцо Всевластья, он должен был отправить Фродо в Ривенделл незамедлительно. Да, Гэндальфу было бы неловко, если бы его предположения оказались ошибкой. Возможно, ему было бы неудобно приказывать Фродо, а Фродо пришлось бы отказаться от своих планов и привычного времяпрепровождения. Но эти мелкие неловкости и неудобства — ничто по сравнению с поражением в войне, которое могло случиться, если бы девять ворвавшихся в Шир назгулов захватили Кольцо, пока Гэндальф читал старые свитки в Минас Тирите. В этом случае пострадал бы не только Фродо, всё Средиземье оказалось бы в рабстве. Не будь это всего лишь сказкой, война была бы проиграна. Ты понимаешь, к чему я веду?

— Э-э... — сказал Гарри, — не совсем...

В таком Дамблдоре было нечто, мешающее оставаться должным образом холодным. Тёмной Стороне Гарри было трудновато иметь дело со странным.

— Тогда я скажу прямо, — произнёс старый волшебник. Голос его был мрачен, а глаза — печальны. — Гэндальфу надо было сразу лично сопроводить Фродо в Ривенделл, и Фродо никогда не должен был покидать Ривенделл без охраны. Тогда не было бы ни ночи ужаса в Бри, ни Могильников, ни Заветери, где Фродо был ранен. Во всех этих случаях по глупости Гэндальфа война могла быть проиграна! Теперь ты понимаешь, о чём я говорю, сын Майкла и Петунии?

И Гарри, который ничего не знал, понял.

И Гарри, который ничего не знал, понял, что Дамблдор говорит мудро, разумно и здраво, что именно так поступить правильно.

И Гарри, который ничего не знал, сказал именно то, что сказал бы невиновный Гарри, хотя внутренний наблюдатель неистово кричал в смятении и боли.

— Вы хотите сказать, — голос Гарри дрожал от эмоций, рвущихся наружу сквозь напускное спокойствие, — что я не поеду домой к родителям на Пасху.

— Ты сможешь их увидеть, — быстро добавил старый волшебник, — я попрошу их приехать к тебе, и я прослежу, чтобы во время визита они ни в чём не нуждались. Но ты не поедешь домой на Пасху, Гарри. Ты не поедешь домой летом. У тебя больше не будет обедов в Косом переулке, даже под присмотром профессора Квиррелла. Твоя кровь — это второй компонент, необходимый Волдеморту, чтобы обрести прежнюю силу. Поэтому ты никогда больше не покинешь границ охранных чар Хогвартса без жизненно важной причины и без достаточно сильной охраны, способной выдержать любую атаку как минимум до тех пор, пока тебя не доставят в безопасное место.

В уголках глаз Гарри начали появляться слёзы.

— Это просьба? — его голос дрогнул. — Или приказ?

— Мне жаль, Гарри, — мягко сказал старый волшебник. — Надеюсь, твои родители поймут, что это необходимо. Но если нет... Боюсь, в данном случае они не имеют права голоса. Пусть это и неправильно, но закон не признаёт их твоими опекунами. Мне жаль, Гарри, и я пойму, если ты будешь презирать меня за моё решение, но иного выбора нет.

Гарри стремительно развернулся к двери. Он не мог больше смотреть на Дамблдора, он боялся, что эмоции его выдадут.

Другие уже расплачиваются за твои поступки, — произнёс внутренний пuffedуец, — а это цена, которую заплатишь ты. Изменит ли это твой взгляд на мир так, как предсказывал профессор Квиррелл?

Маска невинного Гарри на автомате задала именно тот вопрос, который и должна была задать:

— Мои родители в опасности? Не следует ли и их перевезти сюда?

— Нет, — услышал он ответ старого волшебника. — Не думаю. К концу войны Пожиратели Смерти уяснили, что лучше не нападать на семьи членов Ордена. Даже если Волдеморт ныне действует без своих прежних соратников, он всё равно знает, что сейчас именно я принимаю решения, и он знает, что не получит от меня ничего в ответ на угрозу твоей семье. Когда-то я объяснил ему, что не поддаюсь на шантаж, и он не станет пробовать.

Гарри услышал холод в голосе старого волшебника, развернулся и увидел тот же холод в его глазах. За стёклами очков сверкала сталь — необычная для Дамблдора, но очень подходящая к его строгой чёрной мантии.

— На этом всё? — дрожащим голосом спросил Гарри. Позже он обдумает их разговор, позже он будет думать о каких-то хитрых контрмерах, позже он спросит профессора Квиррелла, нет ли какого-нибудь способа убедить директора, что тот ошибся. Прямо сейчас всё внимание Гарри занимало поддержание маски.

— Для побега из Азкабана Волдеморт использовал магловский артефакт, — сказал старый волшебник. — Он наблюдает за тобой и учится у тебя, Гарри Поттер. Скоро Артур Уизли из Министерства издаст эдикт, который запретит использование магловских артефактов в учебных боях профессора Защиты. В будущем, когда у тебя появится хорошая идея, держи её при себе.

По сравнению с остальным это казалось неважным. Гарри просто кивнул и опять спросил:

— Это всё?

Повисла тишина.

— Пожалуйста, — прошептал старый волшебник. — Я не имею права просить у тебя прощения, Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес, но пожалуйста, хотя бы скажи, что ты понимаешь, зачем всё это.

В глазах Дамблдора блеснула влага.

— Я понимаю, — ответил внешний Гарри, который действительно понимал. — То есть... я всё равно думал... не удастся ли мне убедить вас и родителей разрешить мне остаться на лето в Хогвартсе, как ребятам из приютов. Чтобы читать книги из здешней библиотеки, да и вообще в Хогвартсе гораздо интересней...

Альбус Дамблдор издал звук, как будто у него что-то застряло в горле.

Гарри опять повернулся к двери. Пусть не без потерь, но он сумел выкрутиться.

Гарри сделал шаг вперёд.

Взялся за дверную ручку.

Тишину разорвал пронзительный крик...

Гарри развернулся и как будто в замедленной съёмке увидел, как уже взмывший в воздух феникс летит к нему.

Настоящий Гарри, который осознавал свою вину, запаниковал. Он не подумал об этом, он не предусмотрел, он готовился встретиться с Дамблдором, но забыл о Фоуксе...

Взмах крыльев, ещё один, и ещё. Крылья феникса напоминали разгорающийся и гаснущий огонь. Он летел к Гарри, паря над загадочными устройствами, и время, казалось, замедлило ход.

И наконец красно-золотая птица, медленно взмахивая крыльями, зависла в воздухе перед Гарри. Она была похожа на подрагивающее пламя большой свечи.

— В чём дело, Фоукс? — недоумённо спросил внешний Гарри и посмотрел в глаза фениксу, словно был ни в чем не виноват. Настоящий Гарри почувствовал ту же невыносимую тошноту, как и в тот раз, когда профессор МакГонаггалл выразила ему своё доверие.

Я сегодня перешёл на сторону зла, Фоукс? Я не думал, что я злодей... Ты теперь меня ненавидишь? Если я стал чем-то, что ненавидят фениксы, может быть, мне следует сдаться, отказаться от всех планов и признаться...

Фоукс пронзительно крикнул. Гарри никогда не слышал столь ужасного крика. От него все устройства в кабинете завибрировали, а спящие фигуры на портретах вздрогнули.

Клич феникса прошёл через все слои защиты Гарри, как раскалённый добела меч сквозь масло, они лопнули, словно проколотые воздушные шарики. Этот клич в одно мгновение перемешал его приоритеты, и Гарри вспомнил о самом важном. По щекам заструились слёзы, слова сгустками обжигающей лавы вырывались из сдавленного горла...

— Фоукс говорит, — услышал Гарри собственный голос, — он хочет... чтобы я... сделал что-нибудь... для узников... в Азкабане...

— Фоукс, нет! — крикнул старый волшебник. Дамблдор шагнул вперёд, протягивая руку к фениксу в умоляющем жесте. Его голос звучал почти так же отчаянно, как клич феникса. — Фоукс, ты не можешь его просить об этом, он всего лишь ребёнок!

— Вы были в Азкабане, — прошептал Гарри, — вы брали с собой Фоукса, он видел... вы всё видели... вы были там, вы видели... ПОЧЕМУ ВЫ НИЧЕГО НЕ СДЕЛАЛИ?! ПОЧЕМУ ВЫ ИХ НЕ ВЫПУСТИЛИ?!

Когда устройства перестали вибрировать, Гарри осознал, что Фоукс кричал одновременно с ним. Теперь феникс парил рядом с Гарри и вместе с ним смотрел на Дамблдора. Красно-золотая голова была на одном уровне с его собственной.

— Ты слышишь, — прошептал старый волшебник, — ты правда слышишь голос феникса столь ясно?

Из-за всхлипываний Гарри уже почти не мог говорить. Все металлические двери, мимо которых он прошёл, все голоса, которые он слышал, худшие воспоминания и отчаянные мольбы, которые он оставил за спиной... Клич феникса заставил всё это ярко вспыхнуть в его сознании, и эта вспышка смела все внутренние защитные барьеры. Гарри не знал, действительно ли он способен столь ясно слышать голос феникса, понимал бы он Фоукса, если бы уже не знал обо всём. Гарри лишь знал, что теперь у него есть благовидный предлог поговорить о том, что профессор Квиррелл запретил впредь упоминать в любых разговорах. Ибо именно это обязательно сказал бы невиновный Гарри, если бы действительно слышал голос феникса настолько ясно.

— Они страдают... мы должны им помочь...

— Я не могу! — воскликнул Альбус Дамблдор. — Гарри, Фоукс, я не могу! Я ничего не могу сделать!

Ещё один пронзительный крик.

— ПОЧЕМУ?! ПРОСТО ПОЙДИТЕ И ВЫПУСТИТЕ ИХ!

Старый волшебник отвёл взгляд от феникса, теперь он смотрел в глаза Гарри.

— Гарри, объясни Фоуксу вместо меня! Скажи ему, что это не так просто! Фениксы не обычные животные, но они животные, Гарри, они не могут понять...

— Я тоже не понимаю, — сказал Гарри дрожащим голосом. — Я не понимаю, почему вы скармливаете людей дементорам! Азкабан — это не тюрьма, это камера пыток, и вы пытаете людей ДО СМЕРТИ!

— Персиваль, — хрипло произнёс старый волшебник, — Персиваль Дамблдор, мой отец, Гарри, мой собственный отец умер в Азкабане! Я знаю, я знаю, какой это ужас! Но что ты хочешь от меня?! Чтобы я разрушил Азкабан? Ты предлагаешь мне начать открытое восстание против Министерства?

КРА!

После нескольких мгновений тишины Гарри сказал:

— Фоукс ничего не знает о правительствах, он лишь хочет, чтобы вы... вывели узников... из камер... и он поможет вам сражаться, если кто-нибудь станет на вашем пути... как... как и я, директор! Я пойду с вами и уничтожу любого дементора, который подойдёт близко! О политических последствиях будем беспокоиться потом. Готов поспорить, что вместе мы справимся...

— Гарри, — прошептал старый волшебник, — фениксы не понимают, что можно выиграть битву, но проиграть войну, — по щекам старого волшебника текли слёзы и капали в его седую бороду. — Они не понимают ничего, кроме битвы. Они добры, но не мудры. Именно поэтому они выбирают волшебников своими хозяевами.

— Вы сможете привести дементоров туда, где я смогу с ними встретиться? — голос Гарри теперь умолял. — Приводить их группами примерно по пятнадцать... думаю, я смогу уничтожить столько за раз, не повредив себе...

Старый волшебник покачал головой.

— Даже потерю одного было сложно объяснить. Мне могут дать ещё одного, но никак не двоих — они считаются национальным достоянием, Гарри, оружием на случай войны...

В Гарри вспыхнула ярость, вспыхнула как огонь. Возможно, она пришла от феникса, теперь сидящего на его плече, а возможно, она пришла от его Тёмной Стороны. Две эти ярости — холодная и горячая — слились внутри Гарри. Станный, чужой голос родился в его горле:

— Объясните мне. Что должно сделать правительство, что должны сделать избиратели с их демократией, что должен сделать «народ», чтобы я решил, что я больше не на их стороне?

Старый волшебник смотрел на мальчика с фениксом на плече, его глаза расширились.

— Гарри... Это твои слова или слова профессора Защиты?..

— Ведь должен быть какой-то предел? И если это не Азкабан — тогда что?

— Гарри, пожалуйста, выслушай меня! Волшебники не смогли бы жить вместе, если бы каждый поднимал бунт против общества из-за любого расхождения во взглядах! Всегда будет что-то...

— Азкабан — это не что-то! Это — зло!

— Да, пусть даже зло! Всегда будет какое-то зло, Гарри, волшебники не идеально добрые! Но всё же лучше жить в мире, а не в хаосе. А если мы с тобой разрушим Азкабан, начнётся хаос, разве ты этого не понимаешь? — голос старого волшебника умолял. — И вполне можно противостоять воле своих собратьев — открыто или тайно, — без ненависти к ним, без объявления их злодеями и врагами! Я не думаю, что люди этой страны заслужили такое отношение с твоей стороны, Гарри! А даже если кто-то и заслужил... Что будет с детьми, что будет с учениками Хогвартса, что будет с многими хорошими людьми, которые перемешаны с плохими?

Гарри посмотрел на плечо, где сидел Фоукс, и его глаза встретились с глазами феникса. Они не светились, но в них был огонь — красные языки пламени в море золотого огня.

Что ты думаешь, Фоукс?

— Кра? — отозвался феникс.

Фоукс не понимал, о чём они спорят.

Мальчик посмотрел на старого волшебника и хрипло сказал:

— Или, быть может, фениксы умнее нас, мудрее нас, быть может, они следуют за нами в надежде, что однажды мы прислушаемся к ним и поймём. Что однажды мы... Просто. Выпустим. Узников. Из камер.

Гарри отвернулся, потянул на себя дубовую ручку и шагнул на лестницу, хлопнув дверью.

Лестница начала вращаться, спуская Гарри. Он спрятал лицо в ладони и заплакал.

Уже на полпути вниз он заметил, что тепло всё ещё окружает его, и осознал, что...

— Фоукс? — прошептал Гарри.

...феникс всё ещё сидит на его плече, точно так же, как обычно сидел на плече Дамблдора.

Гарри вновь посмотрел в его глаза — красные сполохи в золотом огне.

— Ты же не стал теперь... моим фениксом?

— Кра!

— Ой, — сказал Гарри, его голос немного дрожал, — я рад слышать это, Фоукс, потому что я не думаю... директор... я не думаю, что он заслуживает...

Гарри остановился, переводя дыхание.

— Я не думаю, что он заслуживает этого, Фоукс. Он пытался сделать как правильно...

— Кра!

— Но ты сердисься на него и хочешь ему об этом сказать. Я понимаю.

Феникс уютно устроился на плече Гарри, и каменная горгулья плавно отъехала в сторону, открывая проход обратно в коридоры Хогвартса.

Глава 63

Стэнфордский тюремный эксперимент. Послесловия

Послесловие: Гермиона Грейнджер

Она как раз готовилась ко сну — убирала разложенные книги, складывала домашнюю работу. Тем же занимались Падма и Мэнди у другого края стола. И только когда Гарри вошёл в гостиную Когтеврана, она осознала, что не видела его с самого завтрака.

Впрочем, это осознание тут же сменилось другим, ещё более шокирующим.

На плече Гарри сидело красно-золотое крылатое создание — сияющая огненная птица.

Гарри выглядел грустным, измученным и очень-очень усталым. Как будто только феникс и удерживает его на ногах. Несмотря на это от него исходило какое-то тепло — и, глянув вскользь, можно было подумать, что видишь директора. Вот какое ощущение мелькнуло у Гермионы, хоть это и казалось абсурдным.

Гарри Поттер медленно брёл через гостиную Когтеврана — мимо уставившихся на него девочек на диванах, мимо уставившихся на него мальчиков, до того игравших в карты. Он направлялся прямо к ней.

По идее, она всё ещё не разговаривала с Гарри — его недельное наказание закончится лишь завтра, — однако, что бы с ним не произошло, было ясно, что это гораздо важнее, чем...

— Фоукс, — произнёс Гарри, прежде чем она успела что-либо сказать, — девочка перед тобой — Гермиона Грейнджер. Она сейчас не разговаривает со мной, потому что я идиот, но если тебе хочется сидеть на плече хорошего человека, то знай, она лучше меня.

Его голос был полон усталости и боли...

Гермиона ещё пыталась собраться с мыслями, а феникс уже соскользнул с плеча Гарри — словно пламя по спичке в ускоренной перемотке — и оказался прямо перед ней. Глаза из света и огня устались в её собственные.

— Кра? — спросил феникс.

У Гермионы возникло ощущение, будто на экзамене она получила вопрос, к которому забыла подготовиться. Причём это был самый важный вопрос, а она потратила всю свою жизнь, так и не начав искать на него ответ. Она не знала, что сказать.

— Я... — начала она, — мне всего лишь двенадцать, я совсем ещё ничего не успела...

Феникс изящно развернулся в воздухе вокруг кончика крыла, как могло лишь создание света и воздуха вроде него, и спланировал обратно на плечо Гарри Поттера, всем видом показывая, что не собирается его покидать.

— Глупый мальчишка, — сказала сидевшая напротив неё Падма. Казалось, она не могла решить, хмуриться ей или смеяться. — Фениксы не для умненьких девочек, которые прилежно делают домашнюю работу, они для идиотов, которые бросаются на пятерых старших слизеринцев-хулиганов. Именно поэтому цвета Гриффиндора красный и золотой, если ты не в курсе.

Гостиная когтевранцев наполнилась дружелюбным смехом.

Но Гермиона не смеялась.

Как, впрочем, и Гарри.

Он закрыл лицо рукой.

— Передай Гермионе, что я прошу прощения, — сказал Гарри Падме, его голос опустился почти до шёпота. — Скажи ей, что я забыл, что фениксы — это всё же животные, и они не знают про время и планы, они не понимают, что есть люди, которые будут творить добро, пусть и не прямо сейчас — я не уверен, имеют ли они вообще представление о том, что такое быть хорошим человеком, они судят о людях лишь по их поступкам. Фоукс не знает, что такое двенадцать. Передай Гермионе, я сожалею... я не должен был... опять получается плохо, да?

Гарри с фениксом на плече развернулся и медленно побрёл к лестнице в спальню.

Но Гермиона не могла оставить всё как есть, просто не могла. Она не знала, было ли дело в их соперничестве или в чём-то другом. Она просто не могла смириться с тем, что феникс отвернулся от неё.

Она должна...

Её разум в поисках ответа лихорадочно перерыл её отличную память и нашёл лишь одно...

— Я собиралась лицом к лицу встретиться с дементором, чтобы попытаться спасти Гарри! — с капелькой отчаяния закричала она красно-золотой птице. — То есть, я на самом деле побежала к нему и всё такое! Это ведь было глупо и отважно?

Феникс мелодично крикнул и опять взмыл с плеча Гарри, яркой вспышкой огня перекинулся назад к ней и трижды облетел вокруг — казалось, Гермиона стала центром огненного вихря. На мгновение крыло коснулось её щеки, а затем феникс вновь вернулся к Гарри.

В гостиной стало тихо.

— Я же тебе говорил, — громко сказал Гарри и начал взбираться по ступенькам. Он поднялся очень быстро, будто что-то сделало его очень лёгким — через несколько секунд они с Фоуксом уже скрылись из виду.

Дрожащей рукой Гермиона коснулась своей щеки. От места, где крыло Фоукса слегка задело её, расходилось приятное тепло.

Наверно, она всё же ответила на вопрос феникса, но было чувство, будто она еле-еле прошла этот тест, набрала 62 балла там, где могла получить 104, если бы больше старалась.

Если бы она вообще старалась.

И когда она задумалась об этом, то поняла, что даже не пыталась.

Просто делала свою домашнюю работу...

Кого ты спасла?

Послесловие: Фоукс

Мальчик ждал кошмаров — крики, мольбы и завывающие ураганы пустоты — разрядку, которая позволит ужасам улечься в голове и таким образом, возможно, стать частью прошлого.

Мальчик знал, что кошмары придут.

Они придут — следующей ночью.

Мальчик спал, и в его снах мир был в огне. Хогвартс был в огне, его дом был в огне и улицы Оксфорда были в огне, всё пылало золотым пламенем, которое сияло, но не причиняло вреда, и все люди на горящих улицах сияли белым светом, более ярким, чем огонь, словно они сами были пламенем — а может, звёздами.

Иногда к кровати подходили другие мальчишки-первокурсники, чтобы своими глазами убедиться, что слухи не врут: пока Гарри Поттер тихо и спокойно, с мягкой улыбкой на лице, лежит на своей кровати,

красно-золотая птица, устроившись у него на подушке, охраняет его сон, и её сияющие крылья, словно ещё одно одеяло, укрывают его голову.

Расплата была отсрочена ещё на одну ночь.

Послесловие: Драко Малфой

Драко разгладил мантию, убедился, что зелёная оторочка смотрится ровно, взмахнул палочкой над головой и произнёс заклинание, которому отец научил его, когда другие дети ещё возились в грязи. Это заклинание гарантировало, что ни одно пятнышко, ни одна пылинка не останется на его мантии.

Драко взял таинственный конверт, который с совой прислал ему отец, и положил в карман мантии. На таинственном приложении к посланию он уже использовал *Инсендио* и *Эверто*.

И отправился на завтрак. Он планировал, по возможности, сесть за стол точно в ту секунду, когда на столе появится еда. Тогда это будет выглядеть так, словно все дожидались именно его появления, чтобы начать есть. Потому что наследник Малфоев должен быть первым во всём, в том числе и на завтрак.

Винсент и Грегори ожидали у двери в его личную комнату. Они проснулись и оделись даже раньше него — хотя, конечно же, не столь эффектно.

Гостиная Слизерина пустовала: все, кто проснулся рано, отправлялся прямиком на завтрак.

В подземелье царил тишина, нарушаемая лишь гулким эхом их шагов.

Большой зал, несмотря на относительно небольшое количество людей, встретил Драко тревожным гвалтом. Некоторые из детей помладше плакали, ученики бегали туда-сюда между столами или, стоя группами, орали друг на друга. Староста-гриффиндорец кричал на двух учеников-слизеринцев, и к ним уже направлялся Снейп...

Когда ученики заметили Драко, некоторые из них повернулись к нему и замолчали. Шум слегка притих.

На столах появилась еда. Но никто не обратил на это внимания.

Снейп резко развернулся, видимо, решив разобраться с беспорядком позже, и направился к нему.

У Драко ёкнуло сердце. Неужели что-то случилось с отцом... нет, отец ему бы сказал... но что-то случилось, почему отец ему ни о чём...

Когда декан Слизерина подошёл ближе, Драко заметил у него круги под глазами. Профессор Зельеварения никогда не отличался

безупречным внешним видом (мягко говоря), но сегодня утром его мантия была даже более грязной и помятой, чем обычно, с дополнительной порцией жирных пятен.

— Ты ещё не слышал? — прошипел декан его факультета, подойдя поближе. — Ради всего святого, Малфой, тебе что, забыли прислать газету?

— В чём дело, профе...

— Беллатрисе Блэк устроили побег из Азкабана!

— Что?! — воскликнул потрясённый Драко. Грегори за его спиной произнёс то, что явно не следует говорить вслух. Винсент просто охнул.

Снейп прищурился и внимательно посмотрел на Драко. Затем коротко кивнул:

— То есть Люциус тебе ничего не сказал. Понятно, — Снейп фыркнул и двинулся прочь...

— Профессор! — воскликнул Драко. Его разум заработал в авральном режиме, осознавая последствия того, что он только что услышал. — Профессор, что я должен делать... отец не дал мне никаких инструкций...

— Что ж, тогда я предлагаю, — издевательски бросил Снейп на ходу, — именно это всем и сказать, Малфой, как и запланировал твой отец!

Драко оглянулся на Винсента и Грегори, хоть и сам не понял зачем — естественно, они выглядели даже более сбитыми с толку, чем он сам.

Драко продолжил свой путь к слизеринскому столу и сел в дальнем конце, который всё ещё пустовал.

Он положил себе на тарелку омлет с сосисками и автоматически начал есть.

Беллатрисе Блэк устроили побег из Азкабана.

Беллатрисе Блэк устроили побег из Азкабана?..

Драко не знал, как это понимать, случившееся было полнейшей неожиданностью, как если бы солнце погасло... хотя солнце должно погаснуть через шесть миллиардов лет, так что в данном случае случившееся было неожиданно, как если бы солнце погасло завтра. Отец не стал бы этого делать, Дамблдор не стал бы этого делать, по идее, вообще никто и не способен этого сделать... какой в этом смысл... да какая польза может быть от Беллатрисы после десяти лет в Азкабана... даже если она вновь станет могущественной ведьмой, какая польза может быть от абсолютно сумасшедшей и злой ведьмы, которая фанатично предана Тёмному Лорду, которого больше нет?

— Эй, — сказал сидящий рядом Винсент, — босс, я не понял, зачем мы это сделали?

— Мы этого не делали, болван! — огрызнулся Драко. — О, во имя Мерлина, если даже ты думаешь, что это мы... неужели твой отец не рассказывал тебе о Беллатрисе Блэк? Однажды она пыталась моего отца, она пыталась твоего отца, она пыталась всех! Как-то раз Тёмный Лорд приказал ей наложить Круцио на саму себя — и она это сделала! Она совершала безумные поступки не для того, чтобы вселять страх и послушание в людей, она их совершала, потому что безумна! Сука она, вот она кто!

— О, неужели? — раздался приторный голос у него за спиной.

Драко не обернулся. Он знал, что Винсент и Грегори прикроют ему спину.

— А я-то думала, ты будешь счастлив...

— ...услышать, что Пожиратель Смерти сумел освободиться, Малфой!

Амикус Кэрроу всегда был одним из проблемных людей другого сорта. Отец предупреждал Драко, чтобы он был осторожен с Амикусом и никогда не оставался с ним наедине...

Драко повернулся и наградил Флору и Гестию Кэрроу своей Усмешкой Номер Три, той, что говорит: да, я — потомок Благородного и Древнейшего Дома, а вы — нет, и да, это имеет значение.

— Есть Пожиратели Смерти, а есть Пожиратели Смерти, — сказал Драко в их сторону, не обращаясь ни к кому лично, и вернулся к еде.

За спиной в унисон раздалось яростное фырканье, и две пары туфель с грохотом умчались к другому краю слизеринского стола.

Спустя всего лишь несколько минут к нему подбежала Милисента Булстроуд. Задышавшись, она выпалила:

— Мистер Малфой, вы слышали?

— О Беллатрисе Блэк? — уточнил Драко. — Да...

— Нет, о Поттере!

— Что?

— Поттер вчера вечером ходил с фениксом на плече и выглядел так, как будто его тащили десять лиг по грязи, говорят, что феникс взял его с собой в Азкабан, чтобы попытаться остановить Беллатрису, и он сражался с ней на дуэли, и они разнесли половину крепости!

— Что?! — воскликнул Драко. — Да не может такого...

Драко прервался.

Он уже не в первый раз говорил такое о Гарри Поттере и начал замечать тенденцию.

Милисента побежала разносить сплетни дальше.

— Ты же не думаешь, что он в самом деле... — начал Грегори.

— Честно? Я больше ни в чём не уверен, — ответил Драко.

Спустя ещё несколько минут, после того как напротив него уселся Теодор Нотт, а к близняшкам Кэрроу присоединился Уильям Розье, Винсент легонько коснулся его локтем и сказал:

— Там.

Гарри Поттер вошёл в Большой Зал.

Драко пристально за ним наблюдал.

На лице Гарри не было ни тревоги, ни удивления, ни потрясения, он просто смотрел...

Это был тот же отстранённый взгляд, который появлялся на лице Гарри, когда он напряжённо пытался найти ответ на какой-либо вопрос, который Драко пока даже не мог понять.

Драко поспешно поднялся из-за стола, бросил:

— Оставайтесь здесь.

И с максимальной возможной в рамках приличия скоростью направился к Гарри.

Тот, судя по всему, заметил его приближение, когда Драко поворачивал в сторону когтевранского стола.

Драко бросил на Гарри один быстрый взгляд...

...и прошёл мимо, к выходу из Большого зала.

Спустя всего минуту Гарри дошёл до маленького каменного алькова в стене, где его ожидал Драко. Эта уловка вряд ли обманет всех, но, по крайней мере, она даст почву для правдоподобного отрицания.

— *Квиетус*, — сказал Гарри, — Драко, в чём...

Драко достал конверт:

— Мой отец прислал для тебя сообщение.

— Хм-м? — протянул Гарри, забирая конверт у Драко. Он весьма небрежно распечатал его, достал пергаментный свиток, развернул его и...

Гарри резко втянул воздух.

Затем посмотрел на Драко.

Затем обратно на пергамент.

Повисла пауза.

— Люциус просил тебя сообщить мою реакцию? — спросил Гарри.

Драко задумался, взвешивая все «за» и «против», и уже собирался ответить...

— Понятно, — продолжил Гарри. Драко мысленно выругался. Он должен был это предвидеть, просто ему было слишком тяжело выбрать. — Что собираешься ему ответить?

— Что ты был удивлён, — ответил Драко.

— Удивлён, — ровным голосом повторил Гарри. — Да. Неплохо. Так ему и передай.

— Что там написано? — спросил Драко. И затем, увидев, что Гарри колеблется: — Если ты ведёшь дела с моим отцом у меня за спиной...

Не говоря ни слова, Гарри передал ему пергамент.

На котором было написано:

«Я знаю: это был ты».

— ЧТО ЗА...

— Вообще-то это я хотел спросить, — прервал его Гарри. — У тебя есть хоть какая-нибудь идея, что нашло на твоего папу?

Драко уставился на Гарри:

— Это сделал ты?

— Что? Да зачем вообще мне... как бы я...

— Гарри, это сделал ты?

— Нет! — воскликнул Гарри. — Конечно, нет!

Драко слушал очень внимательно, однако ответ Гарри прозвучал без запинок и колебаний.

Поэтому Драко кивнул и сказал:

— Я не знаю, о чём думает отец, но это не может, точно не может быть к добру. И ещё, эм-м... люди говорят...

— Что они говорят, Драко? — с опасением в голосе спросил Гарри.

— Феникс на самом деле перенёс тебя в Азкабан, чтобы помешать побегу Беллатрисы Блэк?..

Послесловие: Невилл Лонгботтом

Гарри только успел сесть за стол Когтеврана в надежде хоть немного поесть. Он знал, что ему надо уйти и всё обдумать, но с ним ещё оставалась крохотная частичка принесённого фениксом умиротворения (даже после разговора с Драко) — какой-то прекрасный сон, о котором он не помнил ничего, кроме того, что тот был прекрасен, — и Гарри до сих пор цеплялся за эту частичку. Та же часть его, которая не чувствовала себя умиротворённой, ждала, пока наковальни перестанут сыпаться на него, чтобы, когда он уйдёт всё обдумывать, он смог обработать все проблемы сразу.

Гарри схватил вилку, поднёс порцию картофельного пюре ко рту...

И тут раздался пронзительный крик.

В зале время от времени кто-нибудь узнавал новость и вскрикивал, но этот крик Гарри узнал...

Гарри мгновенно вскочил со скамьи и направился к столу Пуффендуча. В животе появилось ужасное тошнотворное ощущение. Когда он решил совершить преступление, он не принял это во внимание — ведь профессор Квиррелл планировал, что никто о преступлении не узнает. А после свершившегося Гарри... просто не подумал...

В этом, — с горькой укоризной отметил внутренний пуффендуч, — тоже виноват ты.

Но к тому времени, как Гарри дошёл до пуффендучьего стола, Невилл уже сидел и ел пирожки с сосисками и инжирным соусом.

Руки Невилла дрожали, но он отрезал кусочки еды и ел их, не роняя.

— Привет, генерал, — голос Невилла лишь чуть-чуть дрогнул. — Ты прошлой ночью дрался на дуэли с Беллатрисой Блэк?

— Нет, — ответил Гарри. Его голос тоже почему-то дрогнул.

— Я так и думал, — сказал Невилл. Он отрезал ещё кусочек сосиски, и его нож проскрежетал по тарелке. — Я собираюсь выследить её и убить. Могу я рассчитывать на твою помощь?

Пуффендучи, собравшиеся вокруг него, испуганно ахнули.

— Если она придёт за тобой, — хрипло выдавил Гарри, *если это всё чудовищная ошибка, если это всё была ложь*, — я буду защищать тебя даже ценой своей жизни, — *я не позволю, чтобы ты пострадал по моей вине, и не важно, какой ценой*, — но я не буду помогать тебе охотиться за ней, Невилл. Друзья не помогают друзьям совершить самоубийство.

Вилка Невилла замерла у рта.

Затем Невилл положил кусок сосиски в рот. Прожевал.

Проглотил.

— Я не имел в виду прямо сейчас. Я имел в виду после окончания Хогвартса.

— Невилл, — Гарри старался тщательно контролировать голос, — я считаю, что даже после окончания школы это по-прежнему может быть крайне дурацкой идеей. Её будут выслеживать гораздо более опытные авроры... *ой, стоп, так не годится...*

— Послушай его! — крикнул Эрни Макмиллан.

— Невви, пожалуйста, задумайся, он прав! — добавила более старшая девочка из Пуффендуча, стоящая рядом с Невиллом.

Невилл встал:

— Пожалуйста, не ходите за мной.

И Невилл пошёл прочь. Гарри и Эрни, а также ещё несколько пуффендуйцев, непроизвольно шагнули следом.

Невилл сел за стол Гриффиндора. Издалека, на грани слышимости, донеслись его слова:

— После окончания школы я собираюсь выследить её и убить. Кто со мной?

Раздалось как минимум пять «да», а затем послышался громкий голос Рона Уизли:

— Эй, вы, становитесь в очередь. Я сегодня получил письмо от мамы, она просила передать, что у неё преимущественное право.

Кто-то сказал:

— Молли Уизли против Беллатрисы Блэк? Да, отличная шутка...

Рон в ответ потянулся к тарелке и взвесил в руке кекс...

Кто-то тронул Гарри за плечо. Он обернулся и увидел незнакомую старшеклассницу в мантии с зелёной оторочкой, которая сунула ему в руки пергаментный конверт и торопливо удалилась.

Гарри на мгновение устался на конверт. Затем направился к ближайшей стене. Нельзя сказать, что это обеспечивало ему надёжное уединение, но лучше, чем ничего. К тому же Гарри не хотел создавать впечатления, что он пытается спрятаться.

Это была слизеринская система доставки сообщений, которая использовалась, когда кто-нибудь хотел связаться с другим человеком так, чтобы никто не узнал, что они разговаривали. Отправитель вручал конверт и десять кнатов тому, у кого была репутация надёжного курьера, тот, в свою очередь передавал конверт и пять кнатов второму курьеру. Второй курьер открывал конверт, обнаруживал внутри второй конверт, на котором было написано имя адресата, и доставлял письмо. Таким образом никто из курьеров не знал одновременно и отправителя, и адресата, поэтому никто не знал, что между ними есть какая-то связь...

Гарри дошёл до стены, засунул конверт под мантию, открыл его под одеждой и осторожно бросил взгляд на записку:

Класс слева от кабинета Трансфигурации, в 8 утра.
Л.Л.

Гарри устался на пергамент, пытаясь вспомнить, знает ли он кого-нибудь с инициалами Л. Л.

Его разум искал.

Искал...

Нашёл:

— Девочка из «Придиры»? — недоверчиво прошептал Гарри и захлопнул рот. Ей только десять лет, и её в принципе не должно быть в Хогвартсе!

Послесловие: Лесат Лестрейндж

В восемь утра Гарри стоял в заброшенном классе, следующим за кабинетом Трансфигурации, и ждал. По крайней мере он успел немного поесть перед встречей с очередным бедствием — Луной Лавгуд...

Дверь класса отворилась, и Гарри отвесил себе очень сильный мысленный пинок.

И об этом он тоже не подумал, хотя был обязан.

Строгая мантия с зелёной оторочкой сидела на юноше криво, красные пятнышки на ней были очень похожи на крохотные капли свежей крови. Судя по всему, краешек его рта был чем-то порезан, а затем вылечен — с помощью *Эпискей* или какого-то другого слабого медицинского заклинания, которое не в состоянии полностью залечить рану.

Лицо Лесата Лестрейнджа было покрыто слезами. Свежими слезами, полувывсохшими слезами, и в его глазах виднелась влага — знак того, что слёзы ещё не закончились.

— *Квиетус*, — произнёс юноша. — *Хоменум ревелио*.

Он произнёс ещё несколько заклинаний. Гарри в это время отчаянно пытался что-то придумать, но тщетно.

Затем Лесат опустил палочку и убрал её в складки мантии. После чего медленно опустился на колени на пыльный пол класса.

И столь же медленно склонился так, что его лоб коснулся пыли. Гарри хотел что-нибудь сказать, но потерял дар речи.

Лесат Лестрейндж хрипло заговорил:

— Моя жизнь принадлежит вам, мой лорд, как и моя смерть.

— Я, — начал Гарри и запнулся. В горле застрял огромный комок и говорить было трудно. — Я...

«Не имею к этому никакого отношения», должен был сказать он, он должен был сказать это сразу же, но в то же время и невиновному Гарри было бы сложно вымолвить эти слова...

— Спасибо вам, — прошептал Лесат, — спасибо, мой лорд, спасибо вам, — послышался звук сдавленных рыданий. Гарри не видел его лица, он мог видеть лишь затылок юноши. — Я глупец, мой лорд, я неблагодарный ублюдок, недостойный служить вам, не существует

даже слов, которые могут описать мою низость, ибо я... я накричал на вас, когда вы помогли мне. Я думал, что вы отвергли мою мольбу, и до этого утра я даже не понимал, каким был дураком, что обратился к вам в присутствии Лонгботтома...

— Я не имею к этому никакого отношения, — сказал Гарри.

(Подобная прямая ложь всё ещё давалась ему с трудом.)

Лесат медленно оторвал голову от пола и посмотрел на Гарри.

— Я понимаю, мой лорд, — голос юноши немного дрогнул. — Вы не доверяете моей хитрости, верно, я показал себя глупцом... Я лишь хочу сказать вам, что я понимаю, что такое благодарность, я понимаю, что наверняка даже одного человека спасти было ужасно трудно, что теперь они настороже, и вы теперь не сможете... спасти отца... но я благодарен вам и никогда больше не буду неблагодарным. Если когда-нибудь вам понадобится такой недостойный слуга, дайте мне знать и, где бы я ни был, я приду, мой лорд...

— Я никаким образом в этом не замешан.

(Но с каждым разом становилось проще.)

Лесат пристально посмотрел на Гарри и неуверенно спросил:

— Мне позволено удалиться, мой лорд?..

— Я не твой лорд.

— Да, мой лорд, я понимаю, — сказал Лесат. Он поднялся на ноги и низко поклонился, затем начал пятиться к двери, пока ему не пришлось повернуться, чтобы открыть её.

Когда его рука коснулась дверной ручки, он замер.

Гарри не видел его лица.

— Вы послали кого-нибудь ухаживать за ней? Она спрашивала обо мне?

— Пожалуйста, перестань. Я никаким образом в этом не замешан, — совершенно спокойным голосом повторил Гарри.

— Да, мой лорд, простите, мой лорд, — услышал он голос Лесата. Слизеринец открыл дверь, вышел и закрыл дверь за собой. Его шаги быстро стихли вдали, но не настолько быстро, чтобы Гарри не услышал, как Лесат опять начал всхлипывать.

Стал бы я плакать? — спросил себя Гарри. — *Если бы я ничего не знал, если бы я был невиновен, стал бы я сейчас плакать?*

Гарри не знал ответа, поэтому он просто смотрел на дверь.

И какая-то невероятно бестактная его часть подумала: *Ха, мы выиграли квест и получили приспешника...*

Заткнись. Если ты хочешь ещё хоть раз получить право голоса... заткнись.

Послесловие: Амелия Боунс

— То есть его жизнь вне опасности, как я понимаю, — сказала Амелия.

Строгий пожилой целитель, одетый в белую мантию (он был маглорождённым и придерживался каких-то странных магловских традиций, о которых Амелия никогда не спрашивала, хотя в глубине души и считала, что в этой одежде он слишком похож на призрака), кивнул:

— Я в этом уверен.

Амелия смотрела на человека, лежащего без сознания на больничной койке. Его тело было изранено и обожжено. Тонкую простыню, которая прикрывала его ради приличия, убрали по её приказу.

Возможно, он полностью поправится.

Возможно, нет.

Целитель сказал, что слишком рано делать прогнозы.

Амелия повернулась к другому человеку в комнате, ведьме-детективу:

— И вы утверждаете, что горючее вещество было трансфигурировано из воды, предположительно в форме льда.

Детектив кивнула и немного недоумённо сказала:

— Всё могло быть гораздо хуже, если бы не...

— Очень мило с их стороны, — съязвила Амелия. Она провела усталой рукой по лбу. Нет... нет, это наверняка задумывалось как милосердие. На последнем этапе не было никакого смысла пытаться кого-то дурачить. Кто бы это ни сделал, он скорее всего пытался минимизировать причиняемый вред, и он беспокоился даже не об опасности пламени, а о том, что авроры могут вдохнуть дым. Останься этот человек у руля, он бы, без сомнения, управлял рехетой более милосердно.

Но на рехете из Азкабана вылетела только Беллатриса Блэк, в этом сходились все наблюдавшие за побегом авроры. Все они использовали заклинание анти-Разнаваждения, и они видели лишь одну женщину, хотя рехета и была оборудована двумя парами стремян.

Какого-то доброго и невинного человека, способного вызвать патронуса, обманом заставили освобождать Беллатрису Блэк.

Кто-то невинный сражался с Бари Одноруким и победил опытного аврора, не причинив тому существенного вреда.

Кто-то невинный, трансфигурируя горючее для магловского артефакта, на котором двое должны были вылететь из Азкабана, взяла за исходное вещество лёд, забоясь о её аврорах.

И на этом его полезность для Беллатрисы Блэк кончилась.

Можно было бы ожидать, что любой, способный победить Бари Однорукого, должен был предвидеть этот этап. Но прежде всего нельзя было ожидать, что человек, способный вызвать патрона, вообще станет освобождать Беллатрису Блэк.

Амелия провела рукой по глазам, закрыв их на мгновение в тихой скорби. *Интересно, кто это был, и как Сами-Знаете-Кто им манипулировал... что за историю ему рассказали...*

Она не сразу осознала, что сама эта мысль означает, что она начала верить. Возможно, потому, что как бы ни было сложно поверить Дамблдору, ещё сложнее было не узнать почерк того самого холодного, тёмного разума.

Послесловие: Альбус Дамблдор

До конца завтрака останется всего пятьдесят семь секунд, и ему ещё могли бы пригодиться эти четыре поворота Маховика времени, но Альбус Дамблдор всё же потратил их.

— Директор? — вежливо пропищал профессор Филиус Флитвик, когда старый волшебник проходил мимо него по пути к своему месту. — Мистер Поттер просил передать вам сообщение.

Старый волшебник остановился и вопросительно посмотрел на профессора заклинаний.

— Мистер Поттер сказал, что, проснувшись, он осознал, как несправедливы были слова, которые он сказал вам после крика Фоукса. Мистер Поттер сказал, что по другим вопросам ему нечего добавить, он хочет извиниться лишь за эту часть.

Старый волшебник продолжал смотреть на профессора заклинаний, по-прежнему не произнося ни слова.

— Директор? — пропищал Филиус.

— Передайте ему, что я сказал спасибо, — произнёс наконец Альбус Дамблдор, — но мудрее слушать фениксов, чем старых мудрых волшебников.

Он сел на своё место за три секунды до того, как вся еда исчезла.

Послесловие: профессор Квиррелл

— Нет, — рявкнула на мальчика мадам Помфри, — тебе нельзя его видеть! Тебе нельзя его беспокоить! Тебе нельзя задать ему один маленький вопрос! Он должен соблюдать постельный режим и не делать вообще ничего по меньшей мере три дня!

Послесловие: Минерва МакГонагалл

Они встретились, когда Минерва направлялась в больничное крыло, а Гарри Поттер уходил оттуда.

Взгляд, которым он посмотрел на неё, не был сердитым.

Не был печальным.

О нём совсем ничего нельзя было сказать.

Это было похоже... как будто он посмотрел на неё лишь затем, чтобы показать, что он не избегает её взгляда.

А затем он отвернулся, прежде чем она смогла решить, как она должна посмотреть в ответ. Как будто хотел избавить её от раздумий по этому поводу.

Проходя мимо, он ничего не сказал.

Она тоже.

Да и что вообще можно было сказать?

Послесловие: Фред и Джордж Уизли

Когда они свернули за угол и увидели Дамблдора, то громко вскрикнули.

Дело было не в том, что директор появился из ниоткуда и теперь сурово на них смотрел. Дамблдор всегда так делал.

Но волшебник был одет в строгую чёрную мантию, выглядел очень древним и очень могущественным и одарил их ПРОНИЦАТЕЛЬНЫМ ВЗГЛЯДОМ.

— Фред и Джордж Уизли! — прогремел Глас Силы.

— Да, директор! — ответили близнецы, вытягиваясь по стойке смирно и чётко, по-военному салютуя — они видели, как это делается, на старых фотографиях.

— Слушайте меня внимательно! Вы друзья Гарри Поттера, это так?

— Да, директор!

— Гарри Поттер в опасности. Он не должен выходить за пределы защитных чар Хогвартса. Слушайте, сыны Уизли, я умоляю выслушать меня. Вы знаете, я тоже гриффиндорец и тоже знаю, что есть правила выше, чем правила. Но сейчас, Фред и Джордж, я говорю о вопросе чудовищной важности, и в этот раз не может быть исключений, больших или малых! Если вы поможете Гарри покинуть Хогвартс, он может погибнуть! Если он даст вам поручение, вы можете идти, если он попросит вас принести ему что-нибудь, вы можете ему помочь, но если он попросит вас вывести его самого за пределы Хогвартса, вы должны отказаться! Вы поняли?

— Да, директор!

Они ответили совершенно не задумываясь, после чего обменялись неуверенными взглядами...

Ярко-голубые глаза директора пристально их изучили.

— Нет. Необдуманное согласие меня не устроит. Если Гарри попросит вас вывести его, вы должны отказаться. Если он попросит вас подсказать ему путь наружу, вы должны отказаться. Я не буду просить вас сообщить об этом мне, ибо знаю, что этого вы ни за что не сделаете. Но попросите его от моего имени прийти ко мне, если дело настолько важно, и я буду охранять его за пределами Хогвартса. Фред, Джордж, мне жаль, что приходится просить вас так злоупотреблять вашей дружбой, но это вопрос его жизни.

Близнецы несколько секунд смотрели друг на друга. Они не обменивались сообщениями, просто одновременно думали об одном и том же.

Затем они повернулись к Дамблдору.

— Беллатриса Блэк, — озвучили они, и по их спинам побежали мурашки.

— Можете с уверенностью полагать, — ответил директор, — что всё как минимум настолько плохо.

— Хорошо...

— ...мы поняли.

Послесловие: Аластор Хмури и Северус Снейп

Когда Аластор Хмури потерял глаз, он обратился к услугам весьма учёного когтевранца — Самуэля Х. Лайелла — и заплатил ему, чтобы тот составил список всех известных магических глаз со всеми известными сведениями об их местоположении. Хмури не доверял Лайеллу чуть меньше, чем людям в среднем, поскольку тот был ему должен за то, что Хмури не сообщил в Министерство, что Лайелл — незарегистрированный оборотень.

Когда Хмури получил свой список, он даже не потрудился дочитать его до конца. Первым номером в нём значился Глаз Вэнса, созданный ещё в дохогвартсовскую эпоху. Им владел могущественный Тёмный волшебник, правивший какой-то мелкой заброшенной дырой, которая была не в Британии и вообще не там, где нужно беспокоиться о всяких глупых правилах.

Так Аластор Хмури потерял свою левую ногу, но приобрёл Глаз Вэнса, а угнетённый народ Урулата* получил свободу. Примерно

на две недели. После чего другой Тёмный волшебник заполнил образовавшийся вакуум власти.

Хмури подумывал после этого отправиться залевой Ногой Вэнса, но затем отказался от этой идеи. Он понял, что именно этого они от него и ждут.

И вот сейчас Шизоглаз Хмури медленно поворачивался, осматривая кладбище Литтл Хэнглтона. Это место должно было быть гораздо мрачнее. Но в ярких лучах солнца оно казалось лишь поросшим травой пространством с обычными могильными камнями, разделёнными связанными фрагментами хрупкого металла, через который было легко перелезть и который маглы использовали вместо охранных чар. (Хмури не понимал, что маглы думают на этот счёт. Может, они притворяются, будто у них есть охранные чары? Он решил не интересоваться, что думают по этому поводу маглы-преступники.)

На самом деле Хмури не нужно было поворачиваться, чтобы осмотреть кладбище.

Глаз Вэнса давал ему полный обзор во все стороны, вне зависимости от того, куда он был направлен.

Но не было никаких причин показывать это бывшему Пожирателю Смерти Северусу Снейпу.

Некоторые называли Хмури параноиком.

Хмури всегда предлагал им сначала прожить сотню лет, охотясь на Тёмных волшебников, а потом повторить ему эти слова.

Шизоглаз Хмури однажды задумался, как много времени прошло, прежде чем он достиг того, что теперь считал достойным уровнем предосторожности, — сколько нужно было пережить, чтобы стать именно умелым, а не просто удачливым. После этого он начал подозревать, что большинство умирает раньше, чем достигает этого уровня. Как-то он поделился этой мыслью с Лайеллом, и тот исписал несколько свитков цифрами и графиками, после чего сказал, что типичный охотник на Тёмных волшебников умрёт в среднем восемь с половиной раз, прежде чем станет «параноиком». Это многое объясняло, если, конечно, Лайелл не лгал.

Вчера Альбус Дамблдор сказал Шизоглазу Хмури, что Тёмный Лорд с помощью неописуемо Тёмных искусств пережил смерть своего тела. И теперь вернулся к жизни, находится где-то за границей и ищет способ восстановить свои силы, чтобы опять начать Войну Волшебников.

Кто-то другой мог отнестись к этому известию скептически.

— Не могу поверить, что вы не сказали мне раньше об этой ерунде с воскрешением, — довольно язвительно заявил Шизоглаз

Хмури. — Представляешь, сколько мне придётся возиться с могилами всех предков всех Тёмных волшебников, которых я убил и которые были достаточно умны, чтобы сделать крестраж? Ты же это делаешь сейчас не в первый раз, так ведь?

— Эту могилу я обрабатываю каждый год, — спокойно ответил Северус Снейп. Он откупорил третий флакон из семнадцати (по его словам) и начал водить над ним палочкой. — Могилы других предков, которые мы сумели обнаружить, отравлены только веществами длительного действия. Не у всех столько свободного времени, как у вас.

Хмури смотрел, как жидкость струится из бутылочки и исчезает, чтобы появиться внутри костей, где когда-то был костный мозг.

— Но вы решили, что из этой могилы лучше сделать ловушку, а не просто уничтожить кости?

— У него есть и другие пути вернуться к жизни, если он обнаружит, что этот перекрыт, — сухо ответил Снейп, открывая четвёртую бутылочку. — Сразу скажу, что для ритуала нужна исходная могила — место первого захоронения. Кость должна быть извлечена во время ритуала, не раньше. Поэтому он не мог достать её заранее. И нет смысла подменять скелет на останки более слабого предка. Он заметит, что они потеряли всю силу.

— Кто ещё знает об этой ловушке? — спросил Хмури.

— Вы. Я. Директор. Больше никто.

Хмури фыркнул:

— Альбус рассказал Амелии, Бартемиусу и этой МакГонагалл о ритуале воскрешения?

— Да...

— Если Волди выяснит, что Альбус знает о ритуале и что Альбус сказал о нём им, Волди поймёт, что Альбус сказал и мне, а Волди прекрасно знает, что я об этом подумую, — Хмури недовольно покачал головой. — Какими ещё путями Волди может вернуться к жизни?

Рука Снейпа замерла на пятой бутылке (естественно, всё было под Разнаваждением, вся операция была под Разнаваждением, но это ничего не значило для Хмури, его Глаз просто помечал Снейпа и его бутылки как «пытающееся спрятаться»), и бывший Пожиратель Смерти проронил:

— Вам этого не нужно знать.

— Учишься, сынок, — с лёгким одобрением сказал Хмури. — Что в бутылках?

Снейп открыл пятый флакон, взмахнул палочкой, и жидкость начала растекаться по могиле.

— В этой? Магловский наркотик, который называется ЛСД. Вчерашний разговор напомнил мне о магловских изобретениях, и ЛСД показался мне самым интересным вариантом, так что я поспешил достать немного. Если он войдёт в состав зелья для воскрешения, я полагаю, его действие будет вечным.

— Что он делает? — спросил Хмури.

— Говорят, что его эффект невозможно описать тем, кто его не употреблял, — протянул Снейп. — А я его не употреблял.

Хмури одобрительно кивнул. Снейп открыл шестой флакон.

— А здесь что?

— Любовный эликсир.

— Любовный эликсир? — ошарашенно переспросил Хмури.

— Необычный. Предполагается, что он создаёт двустороннюю связь с невыносимо прекрасной вейлой по имени Верданди*. Директор надеется, что она способна заставить свернуть на сторону добра даже его, если они действительно полюбят друг друга.

— Ха! — фыркнул Хмури. — Чёртов сентиментальный дурак...

— Согласен, — спокойно сказал Снейп, не отвлекаясь от работы.

— Скажи мне, что вы хотя бы добавили яд клешнепода*.

— Второй флакон.

— Иоканский порошок?*

— То ли четырнадцатый, то ли пятнадцатый.

— Ступор Баля? — спросил Хмури, вспомнив наркотик, вызывающий очень быстрое привыкание и интересные сторонние эффекты у людей со слизеринскими наклонностями. Хмури однажды видел пристрастившегося Тёмного мага, который приложил до смешного огромные усилия, чтобы жертва дотронулась до некоего определённого порткюча, вместо того чтобы просто подсунуть ей зачарованный кнат во время визита в город. И, закончив с этим, маг приложил ещё больше усилий для наложения второго заклинания портала на тот же порткюч, чтобы второе касание перенесло жертву обратно в безопасное место. До сих пор, даже принимая в расчёт действие наркотика, Хмури не мог понять, что происходило в голове этого волшебника, когда он накладывал второе заклинание.

— Десятый флакон, — ответил Снейп.

— Яд василиска, — предложил Хмури.

— Что?! — вскинулся Снейп. — Змеиный яд — положительный компонент для воскрешающего зелья! Не говоря уже о том, что он растворяет кости и все прочие вещества! И вообще, мы-то где возьмём...

— Успокойся, сынок. Я просто проверял, можно ли тебе доверять.

Шизоглаз Хмури продолжил своё (на самом деле ненужное) медленное вращение, осматривая кладбище. Профессор зельеварения продолжил поливать могилу.

— Постой, — внезапно произнёс Хмури. — Откуда вы знаете, что именно здесь...

— Потому что здесь написано «Том Риддл». На надгробии, которое легко передвинуть, — сухо ответил Снейп. — И я только что выиграл десять сиклей у директора, который поставил на то, что вы подумаете об этом до пятого флакона. Слишком медленно для постоянной бдительности.

Наступила тишина.

— Сколько времени потребовалось Альбусу, чтобы понять...

— Три года, после того как мы узнали о ритуале, — тон Снейпа немного отличался от его привычного сардонического растягивания слов. — Скорее всего, это то самое кладбище. Он мог и не планировать настолько вперёд, когда убивал свою семью, и он не мог переместить саму могилу...

— Настоящее место больше не похоже на кладбище, — мрачно отрезал Хмури. — Он переместил сюда все остальные могилы и изменил память маглам. Даже Беллатрисе Блэк он ничего бы не сказал до начала ритуала. Где настоящая могила, кроме него не знает никто.

Они продолжили свою бессмысленную работу.

Послесловие: Блейз Забини

Казалось, что по гостинной Слизерина проходит граница между странами, находящимися в состоянии холодной войны. Любой посетитель, прошедший через портрет, сразу заметил бы, что левая половина зала Совершенно Не Разговаривает с правой, и наоборот. Также было абсолютно ясно — и это никому не нужно было объяснять, — что вариант «не выбирать сторону» отсутствует.

За столом, расположенным точно посередине зала, сидел Блейз Забини и, усмехаясь, делал домашнюю работу. Теперь у него была определённая репутация, и он собирался её поддерживать.

Послесловие: Дафна Гринграсс и Трейси Дэвис

— Планируешь что-нибудь интересенькое на сегодня? — спросила Трейси.

— Не-а, — ответила Дафна.

Послесловие: Гарри Поттер

Если в Хогвартсе забраться достаточно высоко, то вокруг будет достаточно безлюдно — лишь коридоры, лестницы, окна, редкие портреты... Можно натолкнуться на что-нибудь интересное, вроде бронзовой статуи пушистого существа, похожего на ребёнка, со странным плоским копьём в лапах...*

Если в Хогвартсе забраться достаточно высоко, то вокруг будет достаточно безлюдно, и это сейчас полностью устраивало Гарри.

Гарри понимал, что существуют места, где оказаться взаперти было бы гораздо хуже. В самом деле, вряд ли можно представить место для заключения лучше, чем древний волшебный замок с фрактальной, всё время меняющейся структурой, что означает, что у него никогда не будет недостатка в новых местах, интересных людях и книгах, а также невероятно важных знаниях, неизвестных магловской науке.

Если бы Гарри не сказали, что ему нельзя покидать этот замок, он бы прыгал от радости, узнав, что может провести в Хогвартсе больше времени. Он бы всеми хитростями и уловками добивался того, чтобы остаться здесь. Хогвартс был в буквальном смысле самым оптимальным местом на свете. Возможно, в других мирах и найдётся что-то получше, но точно не на Земле. Хогвартс был Максимально Интересным Местом.

Почему замок и его окрестности теперь кажутся настолько маленькими и ограниченными, почему остальной мир вдруг стал гораздо важнее и интереснее в тот самый миг, когда ему сказали, что покидать Хогвартс нельзя? Он провёл здесь несколько месяцев и до сего дня совершенно не чувствовал клаустрофобии.

Ты ведь знаешь об исследованиях этого явления, — заметила некая часть его разума, — это просто обычный эффект дефицита. Например, в одном округе запретили чистящие средства, содержащие фосфаты, и люди, которые до того никогда не задумывались, какое чистящее средство лучше, начали специально ездить в соседние районы, чтобы покупать чистящие средства с фосфатами в огромных количествах. Опросы показали: они начали считать, что фосфатосодержащие чистящие средства мягче, эффективней и даже легче смываются... Если двухлетнему ребёнку предложить выбор между игрушкой, лежащей перед ним, и игрушкой, находящейся за ограждением, он проигнорирует игрушку перед ним и будет стремиться к труднодоступной... Продавцы знают, что можно продать больше, заявив, что ко-

личество товара ограничено... То, что ты чувствуешь сейчас, описано в книге «Психология влияния» Роберта Чалдини: трава всегда зеленее там, куда тебе нельзя.

Если бы Гарри не сказали, что ему нельзя покидать этот замок, он бы прыгал от радости, что может провести в Хогвартсе лето...

...но не всю оставшуюся жизнь.

В этом-то и заключалась проблема.

Откуда известно, что Тёмный Лорд, которого ему предстоит победить, действительно существует?

Откуда известно, что Тот-Кого-Нельзя-Называть существует не только в воображении возможно-не-только-притворяющегося-сумасшедшим старого волшебника?

Тело Лорда Волдеморта нашли сгоревшим почти дотла, а такого явления как души на самом деле существовать не может. Как тогда Тёмный Лорд может всё ещё оставаться в живых? Откуда вообще Дамблдор знает, что он жив?

И если Тёмного Лорда не существует, то Гарри не сможет победить его, а значит, он будет заперт в Хогвартсе целую вечность.

...возможно, после окончания седьмого курса ему позволят покинуть эти стены, шесть лет, четыре месяца и три недели спустя, считая с сегодняшнего дня. Это не так уж долго, ему только кажется, что этого времени достаточно, чтобы даже протоны распались.

Однако проблема была не только в этом.

На кону стояла не только его свобода.

Директор Хогвартса, Верховный чародей Визенгамота и председатель Международной Конфедерации Магов тайно поднял тревогу.

Ложную тревогу.

Поднял ложную тревогу по вине Гарри.

Знаешь, — сказала его часть, отвечающая за самосовершенствование, — ты ведь размышлял однажды над тем, что в разных областях профессионализм достигается по-разному, что блестящий учитель отличается от блестящего сантехника. Но для любых областей существуют определённые общие способы, как не совершать глупости. И один из наиболее важных навыков — это умение признавать свои маленькие ошибки до того, как они перерастут в БОЛЬШИЕ.

...хотя эту ошибку уже можно назвать БОЛЬШОЙ...

Проблема в том, — заметил внутренний наблюдатель, — что ситуация буквально с каждой минутой становится всё хуже. Вспомни, как шпионы заставляют людей работать на них: сначала

ла они подталкивают людей к совершению маленького проступка, затем шантажируют их этим проступком, чтобы те совершили проступок побольше, и затем уже с помощью ЭТОГО проступка подталкивают к ещё большему, и тогда жертва оказывается полностью во власти шантажиста.

Ведь ты же размышлял о том, что если бы человек мог предвидеть весь этот путь, то он бы просто провёл черту на первом шаге и принял бы наказание за самый первый проступок? Разве не решил ты тогда поступать так, если кто-нибудь когда-нибудь попытается шантажом заставить тебя совершить что-то серьёзное ради сокрытия чего-то мелкого? Неужели ты не видишь сходства, Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес?

Только это не мелкий проступок, это совсем не мелкий проступок, и множество очень могущественных людей будут безумно рассержены на Гарри. И не столько из-за ложной тревоги, сколько из-за освобождения Беллатрисы из Азкабана, и если Тёмный Лорд действительно существует и однажды придёт за ним, то, возможно, получится, что он уже проиграл войну...

Ты не думаешь, что они будут сражены твоей честностью, рациональностью и дальновидностью, благодаря которым ты оставил этот снежный ком до того, как он превратился в лавину?

Гарри так не думал, и после нескольких секунд раздумий та его часть, с которой он говорил, согласилась, что эта идея до смешного оптимистична.

Его бесцельная прогулка закончилась у открытого окна. Гарри подошёл к нему, и, облокотившись на подоконник, посмотрел с высоты вниз, на земли Хогвартса.

Коричневое — это голые деревья, жёлтое — мёртвая трава, лёд цвета льда — замёрзшие речки и ручейки... Тот, кто окрестил это «Запретным лесом», совершенно точно не разбирался в маркетинге: само название уже рождало желание попасть туда. Солнце в небе начинало опускаться — у Гарри уже несколько часов в голове прокручивались одни и те же мысли, правда не по кругу, а скорее по спирали, то поднимаясь вверх, то нисходя вниз.

Он до сих пор не мог поверить, что прошёл через все испытания Азкабана — убрал своего патронуса до того, как тот вытянул всю его жизненную силу, оглушил аврора, нашёл способ скрыть Беллу от дементоров, встретился с дюжиной дементоров и отпугнул их, изобрёл метлу на ракетном двигателе и летал на ней — он прошёл через всё это, ни разу не подстегнув себя мыслью: «Я должен это сделать...

потому что... я обещал Гермионе вернуться с обеда!» Казалось, возможность эта была безвозвратно утеряна, словно не сделав это тогда, он уже никогда не сможет сделать это правильно, не важно, какие ещё испытания ждут его впереди и какие обещания он даст. Потому что в следующий раз уже выйдет просто неуклюжая попытка наверстать упущенное в первый раз, а не героическое заявление, которое получилось бы, вспомни он о своём обещании. Словно этот неверный ход уже был необратим: даётся лишь один шанс, всё правильно можно сделать только с первой попытки...

Он должен был вспомнить о своём обещании Гермионе перед тем, как отправиться в Азкабан.

И всё же, почему он вообще решился на это?

Моя рабочая гипотеза — потому что ты идиот, — сказал пуффендуец.

Это не конструктивный анализ ошибок, — подумал Гарри.

Если ты хочешь подробностей, — ответил пуффендуец, *— то профессор Защиты Хогвартса сказал что-то вроде: «Давай вытащим Беллатрису из Азкабана!» и ты такой: «Давай!»*

Постой, ЭТО не честно...

Эй, — продолжил пуффендуец, *— обрати внимание, с этой высоты отдельные деревья не видны и теперь можно увидеть лес в целом.*

Почему он это сделал?..

Можно с уверенностью сказать, что он пошёл на это не из прагматичного расчёта. Ему было неудобно достать лист бумаги и подсчитать все плюсы и минусы. Он боялся, что профессор Квиррелл перестанет его уважать, если он скажет «нет» или будет излишне колебаться — ведь речь шла о спасении девы в беде.

Где-то в глубинах его сознания затаилась мысль, что если твой таинственный учитель предлагает тебе первую миссию, первый шанс поучаствовать в приключении, и ты ответишь «нет», то таинственный учитель с отвращением отвернётся, и у тебя никогда больше не будет шанса стать героем...

...да, всё так и было. Сейчас это очевидно. Он начал мыслить в режиме «Моя жизнь идёт по сценарию, и я подошёл к очередной сюжетной развилке», а не, скажем, в режиме «Ага, вот тут у нас поступило предложение освободить Беллатрису Блэк из Азкабана». Вот истинная, первоначальная причина его решения в ту секунду, когда он его принял. Его мозг распознал сюжет, в котором слово «нет» прозвучало бы диссонансом. И если подумать, то понятно, что это

совершенно нерациональный путь принятия решений. По сравнению с этим скрытый мотив профессора Квиррелла — заполучить остатки утраченного наследия Слизера, пока Беллатриса жива — выглядит впечатляюще разумным. В его случае выгода была соизмерима с риском, казавшимся тогда небольшим.

Это несправедливо, просто несправедливо. Стоило ему на долю секунды забыть о рациональности, как его мозг за эту долю секунды решил, что аргументы «за» для него комфортней, чем аргументы «против».

С высоты, откуда деревья сливались в одно пятно, Гарри смотрел на лес.

Он не хотел признаться в содеянном и тем самым навеки унижить свою репутацию. Не хотел, чтобы все разозлились на него, и не хотел погибнуть от руки Тёмного Лорда. Уж лучше оказаться запертым в Хогвартсе на шесть лет. И облегчением была возможность вцепиться в единственный решающий фактор: если он сознается, то профессор Квиррелл окажется в Азкабане и там и умрёт.

(У Гарри перехватило дыхание.)

Если говорить об этом так... что ж, можно даже сделать вид, что ты герой, а не трус.

Гарри оторвал взгляд от Запретного леса и посмотрел в голубое запретное небо.

Сквозь стекло он смотрел на большое яркое пылающее нечто, на пушистые штуки, на таинственную бесконечную синеву, в которой они располагались. Странное, новое, неизвестное место.

Его проблемы — ничто по сравнению с заключением в Азкабане. Он это понял, и... ему стало легче. Намного легче. В мире есть люди, которые по-настоящему в беде, и Гарри Поттер не в их числе.

Как он поступит с Азкабаном?

Как он поступит с магической Британией?

...на чьей он теперь стороне?

В ярком свете дня то, что говорил Альбус Дамблдор, звучало гораздо разумней, чем доводы профессора Квиррелла. Светлей и лучше, этичнее, убедительнее. Было бы замечательно, если бы его слова оказались правдой. Но нужно помнить: Дамблдор верит в то, что хорошо звучит, но здравым смыслом из них двоих обладает именно профессор Квиррелл.

(У Гарри опять перехватило дыхание — как и всякий раз, когда он думал о профессоре Квиррелле.)

Тем не менее, если что-то хорошо звучит, это ещё не значит, что оно неверно.

Если в рациональности профессора Защиты существует изъян, то заключается он в том, что его взгляд на жизнь слишком негативен.

Правда? — осведомилась та часть Гарри, которая читала о восемнадцати миллионах экспериментальных результатов, утверждающих, что люди слишком оптимистичны и слишком самоуверенны. — Профессор Квиррелл излишне пессимистичен? Настолько пессимистичен, что реальность регулярно превосходит его ожидания? Сделай из него чучело и отправь в музей, он уникален. Кто из вас двоих спланировал идеальное преступление и при этом заложил в него такой запас прочности — просто на случай, если идеальное преступление пойдёт не так, — что это в итоге спасло твою задницу? Подсказка: его зовут не Гарри Поттер.

Но слово «пессимистичный» не совсем описывало проблему профессора Квиррелла — если, конечно, это вообще была проблема, а не недостижимая мудрость, приобретённая с опытом. Гарри казалось, что профессор Квиррелл постоянно воспринимает всё в самом худшем свете. Если дать ему стакан, на 90% полный, он скажет, что пустые 10% подтверждают, что никому вообще нет дела до воды.

Гарри подумал, что это очень хорошая аналогия. Не вся магическая Британия похожа на Азкабан, этот стакан полон гораздо больше, чем наполовину...

Он смотрел в яркое синее небо.

...хотя, продолжая аналогию, если Азкабан существует, то это, возможно, доказывает, что 90% хорошего существует по другим причинам, например, потому что люди хотят продемонстрировать доброту, как выразился профессор Квиррелл. Ведь если бы они были по-настоящему добры, они бы не построили Азкабан, они бы взяли крепость штурмом и разрушили бы её... правда же?

Гарри смотрел в яркое синее небо. Желаящий стать рационалистом обязан прочесть ужасно много статей о недостатках человеческой натуры. Некоторые из этих недостатков приводят к невинным логическим ошибкам, но другие выглядят гораздо мрачнее.

Гарри смотрел в яркое синее небо и думал об эксперименте Милгрэма*.

Стэнли Милгрэм поставил его, чтобы изучить причины второй мировой войны, чтобы попытаться понять, почему жители Германии подчинялись Гитлеру.

Он разработал эксперимент для изучения подчинения. Милгрэм хотел выяснить, не были ли немцы по каким-то причинам более склонны подчиняться преступным приказам от авторитетных лиц.

Сперва Милгрэм провёл пробную версию эксперимента на американцах в качестве контрольной.

И после этого счёл излишним ехать в Германию.

Экспериментальная установка: группа из тридцати переключателей с пометками, начинающимися от «15 вольт» и заканчивающихся на «450 вольт». Переключатели разбиты на группы по четыре, и каждая группа подписана дополнительно: например, первая группа из четырёх переключателей подписана как «Слабый удар», шестая — «Крайне интенсивный удар», седьмая — «Опасно: труднопереносимый удар». Последние два переключателя помечены просто как «XXX».

Экспериментатору помогал актёр, изображавший, что он такой же участник эксперимента, как и настоящий испытуемый — как будто он откликнулся на то же объявление о поиске участников эксперимента. Актёр проигрывал (подстроенную) лотерею и оказывался привязанным к стулу с электродами. Настоящему испытуемому давали слабый удар током, чтобы он убедился, что установка работает.

Настоящему испытуемому говорили, что эксперимент изучает воздействие наказания на обучаемость и память, и эта часть эксперимента проверяет, имеет ли значение, какой человек производит наказание. Говорили, что человек, привязанный к стулу, будет пытаться запоминать наборы из пар слов, и каждый раз, когда «обучаемый» даёт неправильный ответ, «учитель» должен применять всё более сильный удар током.

На 300 вольтах актёр прекращал попытки отвечать на вопросы и начинал стучать в стену, после чего экспериментатор говорил испытуемому, чтобы они трактовали отсутствие ответа как неправильный ответ и продолжали.

На 315 вольтах удары в стену продолжались.

А дальше звуки за стеной прекращались.

Если испытуемый возражал или отказывался нажимать переключатель, экспериментатор в сером лабораторном халате невозмутимо говорил: «Пожалуйста, продолжайте», если это не помогало: «Эксперимент требует, чтобы вы продолжали», затем: «Совершенно необходимо, чтобы вы продолжали», затем: «У вас нет другого выбора, вы должны продолжить». Если после четырёх понуканий испытуемый по-прежнему отказывался, эксперимент прекращали.

Прежде чем начать эксперимент, Милгрэм описал его четырнадцати психологам и попросил их оценить, какой процент испытуемых, на их взгляд, доведёт дело до 450-вольтового переключателя, какой

процент испытуемых нажимёт на два последних переключателя с надписями «XXX», уже после того, как жертва перестанет реагировать.

Самая пессимистичная оценка была 3%.

Фактическое значение оказалось 26 из 40.

Испытуемые потели, вздыхали, заикались, нервно смеялись, закусывали губы, стискивали кулаки. Но по требованию экспериментатора большинство из них продолжали нажимать на переключатели, вызывающие, как они сами считали, болезненные, опасные, возможно, смертельные электрические разряды. До самого конца.

В голове у Гарри раздался смех профессора Квиррелла и его голос произнёс: *Мистер Поттер, пожалуй, даже я никогда не был настолько циничным. Я знал, что люди предадут свои самые лелеемые принципы ради денег и власти, но я не подозревал, что для этого достаточно и строгого взгляда.*

Не будучи профессиональным специалистом в области эволюционной психологии, было рискованно гадать на эту тему, но когда Гарри прочитал про эксперимент Милгрэма, ему пришла в голову мысль, что подобные ситуации многократно возникали в древности, и большинство людей, пытавшихся сопротивляться власти, были или уничтожены, не оставив потомков, или, по крайней мере, жили не так хорошо, как послушные. Люди могли считать себя хорошими и благородными, но, когда им давали пинка, какой-то переключатель срабатывал у них в голове, и внезапно им становилось значительно труднее оказывать героическое сопротивление власти. Даже если вы сможете сопротивляться, это будет непросто, это не будет непринуждённой демонстрацией героизма. Вы будете дрожать, заикаться, вас охватит страх. Станете ли вы и тогда противостоять власти?

Гарри моргнул. Его мозг только сейчас осознал сходство между экспериментом Милгрэма и тем, что сделала Гермиона на первом уроке по Зщите. Она отказалась стрелять в своего однокурсника, даже когда власть заявила ей, что она должна это сделать. Гермиона дрожала, была напугана, но тем не менее отказалась стрелять. Всё это происходило прямо перед Гарри, но он осознал это сходство только сейчас...

Гарри смотрел на алеющий горизонт. Солнце опускалось ниже, небо темнело, хотя пока большая его часть оставалась синим. Скоро наступит ночь. Золотые и красные цвета солнца и заката напомнили Гарри о Фоуксе, и мальчик на секунду задумался: ведь, наверное, очень печально быть фениксом — взывать и кричать, когда никто на это не обращает внимания.

Но Фоукс никогда не сдавался. Он умирал множество раз, но всегда возрождался, ибо Фоукс — создание света и огня. И отчаяние при мыслях об Азкабани — та же тьма, что и сам Азкабан.

Если тебе дали стакан, который наполовину пуст и наполовину полон, значит такова реальность, такова правда, так и есть на самом деле. Но только ты сам выбираешь, как к этому относиться, отчаяться ли из-за пустой половины или радоваться, что там есть вода.

Милгрэм пробовал другие варианты своего эксперимента.

В восемнадцатом эксперименте испытуемому нужно было только читать тестовые слова жертве, привязанной к стулу, и записывать ответы. На переключатели нажимал кто-то другой. Те же самые с виду страдания, те же отчаянные удары в стену, за которыми следовала тишина. Но на переключатель нажимаешь не ты. Сам ты лишь смотришь, как это происходит, и зачитываешь вопросы человеку, которого пытаются.

37 испытуемых из 40 продолжали участие в этом эксперименте до самого конца, до переключателя 450 вольт, подписанного «XXX».

Кто-нибудь вроде профессора Квиррелла наверняка сказал бы по этому поводу что-нибудь циничное.

Но трое из сорока испытуемых всё-таки отказались участвовать в эксперименте до конца.

Гермионы.

В мире существуют такие люди. Люди, которые не используют заклинание Простого удара на однокурснике, даже если им это приказывает профессор Защиты. Люди, которые во время Холокоста прятали цыган, евреев и гомосексуалов у себя на чердаках и иногда расплачивались за это жизнью.

Принадлежат ли эти люди к какому-то другому виду? Может быть, у них в голове есть какой-то дополнительный механизм, какие-то дополнительные нейронные цепи, которых нет у остальных смертных? Но это маловероятно, учитывая логику размножения половым путём, которая гласит, что гены, отвечающие за сложный механизм, рассеялись бы, и этот механизм уже было бы невозможно собрать заново, если они не универсальны.

Из каких бы частей не состояла Гермиона, но эти части где-то внутри есть у всех...

...ну, это, конечно, прекрасная мысль, но, строго говоря, она не верна. Существует такое явление, как повреждение мозга в буквальном смысле, люди могут терять гены, и сложный механизм перестаёт работать, существуют социопаты и психопаты — люди, у которых отсутствует механизм, отвечающий за заботу о других.

Возможно, Лорд Волдеморт таким и родился, а возможно, он, зная, что такое добро и зло, всё-таки выбрал зло — в настоящее время это совершенно не важно. Но подавляющее большинство населения должно быть способно научиться тому, что делали Гермиона и люди, которые противостояли Холокосту.

Многие из людей, которые прошли через эксперимент Милгрэма, которые дрожали, потели и нервно смеялись, проделывая весь путь до переключателей, помеченных «XXX», впоследствии писали ему письма, чтобы поблагодарить его за то, что они узнали о себе. Это тоже часть данной истории, легенды о легендарном эксперименте.

Солнце уже почти опустилось за горизонт, лишь небольшой золотой краешек виднелся над далёкими верхушками деревьев.

Гарри взглянул на этот краешек Солнца. По идее, его очки должны защищать от ультрафиолетового излучения, поэтому он мог смотреть прямо на него, не боясь повредить глаза.

Гарри смотрел прямо на этот крохотный кусочек Света, который не был ничем затуманен, закрыт или спрятан. Пусть он составлял только 3 части из 40, а остальные 37 частей были не видны. 7,5% этого стакана были заполнены, и это доказывало, что людям на самом деле есть дело до воды, даже если эта тяга к добру слишком часто оказывается в проигрыше. Если бы вода действительно никого не заботила, стакан был бы абсолютно пуст. Если бы все были внутри похожи на Сами-Знаете-Кого, были бы втайне такими же хитрыми эгоистами, то людей, которые противостояли Холокосту, не было бы вовсе.

На второй день остатка своей жизни Гарри смотрел на закат и понимал, что он сменил сторону.

Он не мог верить в то, во что верил раньше — после Азкабана это было уже невозможно. Он не мог делать то, за что проголосовали бы 37 человек из 40. У каждого из них внутри могло быть что-то необходимое для того, чтобы стать Гермионой, и когда-нибудь они этому, возможно, научатся. Но когда-нибудь — это не сейчас. В реальном мире это произойдёт не здесь и не сегодня. Если ты на стороне 3 человек из 40, то у тебя нет политического большинства. И профессор Квиррелл был прав, Гарри не склонит голову перед решением этого большинства.

Каким-то образом эти мысли казались ужасно уместными. Нельзя побывать в Азкабанах и не поменять свою точку зрения по какому-нибудь важному вопросу.

То есть профессор Квиррелл прав? — спросил слизеринец. — *Отложим вопрос — добрый он или злой. Он прав?* Знают они

это или нет, ты действительно их следующий Лорд? Оставим в стороне пункт насчёт Тёмного, это была его обычная циничность. Но ты действительно теперь намерен править? Должен признать, это заставляет нервничать даже меня.

Ты думаешь, тебе можно доверить власть? — вторил гриффиндорец. — Разве нет такого правила, что люди, которые хотят власти, не должны её получать? Возможно, нам стоит вместо этого сделать правительницей Гермиону.

Ты думаешь, что ты в состоянии управлять обществом хотя бы три недели и не ввергнуть его в полный хаос? — сказал пффендуец. — Представь, как громко бы кричала мама, если бы узнала, что тебя избрали премьер-министром. А теперь ответь: ты уверен, что она не права?

Вообще-то, — влез когтевранец, — я должен заметить, что вся эта политика кажется ужасно скучной. Как насчёт того, чтобы оставить предвыборную кампанию Драко и продолжать заниматься наукой? Именно это у нас неплохо получается, и ты же знаешь, таким образом тоже можно улучшить состояние человечества.

Притормозите, — ответил Гарри своим составляющим. — Нам не нужно принимать решение прямо сейчас. Мы можем обдумать задачу со всех сторон и только потом дать ответ.

Последний кусочек солнца скрылся за горизонтом.

Было странно ощущать, что ты не знаешь, кто ты и на чьей стороне. Ощущать, что ты ещё не принял решение о чём-то столь важном. Какой-то незнакомый оттенок свободы был в этом ощущении...

И это напомнило ему о том, что ответил профессор Квиррелл на его последний вопрос, напомнило о самом профессоре Квиррелле — у Гарри опять перехватило дыхание. Его мысли ушли на следующий виток спирали.

Почему любое упоминание о профессоре Квиррелле заставляет его испытывать такую горечь? Гарри привык к тому, что он понимает себя, понимает мотивы своих действий, но в этот раз он не понимал, лишь чувствовал эту горечь...

Он чувствовал себя так, словно там, в Азкабанае, он потерял профессора Квиррелла, потерял его навсегда. Как если бы профессора Защиты сожрали дементоры, поглотила воплощённая пустота.

«Потерял его»? Почему я его потерял? Потому что он произнёс «Авада Кедавра»? У него на это были довольно серьёзные причины, пусть я и не знал о них в течение следующей пары часов. Почему всё изменилось безвозвратно?

Получается, дело не в Авада Кедавре. Возможно, она стала последним камнем, под весом которого наконец обрушилась пирамида из самооправданий и уклонений от обдумывания некоторых вопросов. Но из того, что видел Гарри, не Авада Кедавра волновала его.

Что я видел?..

Гарри смотрел на тускнеющее небо.

Он видел, как при встрече с аврором профессор Квиррелл превратился в матёрого преступника. И, казалось, смена личности была полной и произошла совершенно без усилий.

Другая женщина знала профессора Защиты под именем «Дже-реми Джефф».

И сколько же у вас разных личностей?

Боюсь, я не утруждал себя такими подсчётами.

Нельзя не задуматься...

...не был ли «профессор Квиррелл» лишь ещё одним именем в списке, лишь ещё одной личностью, в которую нужно превратиться, чтобы достигнуть какой-то непостижимой цели.

Теперь каждый раз при разговоре с профессором Квирреллом Гарри будет думать, не является ли это маской, и какие мотивы прячутся под этой маской. Каждая бесстрастная улыбка заставит Гарри задумываться, что же движет этими губами.

Не так ли другие начнут думать обо мне, если я стану слишком слизеринцем? Если я приведу в действие слишком много интриг, неужели я никогда не смогу улыбнуться кому-нибудь, чтобы все не задумались, а что я на самом деле имею в виду?

Возможно, и есть какой-то способ восстановить веру во внешние проявления и вернуться к обычным человеческим отношениям, но Гарри ничего не приходило в голову.

Вот как Гарри потерял профессора Квиррелла. Не человека, а... связь...

Почему от этого так больно?

Почему сейчас он чувствует себя настолько одиноко?

Ведь есть и другие люди, возможно, даже лучше профессора Квиррелла, которым можно доверять и с которыми можно дружить. Профессор МакГонагалл, профессор Флитвик, Гермиона, Драко, и, само собой разумеется, мама и папа... Вроде бы Гарри не одинок...

Только...

У Гарри запершило в горле.

Конечно, профессор МакГонагалл, профессор Флитвик, Гермиона, Драко — все они — иногда знали то, что не знал Гарри, но...

Они не превосходили Гарри в том, что он считал своей епархией. Они были талантливы, но их таланты не были похожи на таланты Гарри, и наоборот. Он мог смотреть на них как на равных, но не как на превосходящих его.

Никогда и никого из них он не смог бы считать...

Своим учителем.

Вот кем был профессор Квиррелл.

Вот кого потерял Гарри.

И то, каким образом он потерял своего первого учителя, возможно, никогда не позволит его вернуть. Может быть, когда-нибудь он узнает все тайные замыслы профессора Квиррелла, и недомолвки между ними исчезнут. Но даже если это возможно, вероятность этого события не слишком высока.

Порыв ветра снаружи слегка согнул голые деревья, создал рябь на воде озера, середина которого до сих пор не замёрзла, прошелестел по оконному стеклу, выходящему на полусумеречный мир. Мысли Гарри на время отвлеклись на пейзаж за окном.

Вскоре они вернулись вовнутрь, на очередной шаг спирали.

Почему я не такой, как другие дети моего возраста?

Если ответ профессора Квиррелла был увёрткой, то это была очень хорошо просчитанная увёртка. Достаточно глубокая и достаточно сложная, полная намёков на тайные смыслы, как раз чтобы поймать в ловушку когтевранца, который на меньшее бы и не отвлёкся. Но, может быть, профессор Квиррелл отвечал честно. Кто знает, какие мотивы двигали его губами?

Вот что я скажу, мистер Поттер: вы уже окклюмент и, думаю, вскоре станете окклюментом идеальным. Для людей, подобных нам с вами, само понятие личности имеет иное значение. Мы можем стать кем угодно, кого только сможем себе вообразить, а ваше истинное отличие, мистер Поттер, — на редкость хорошее воображение. Драматург должен содержать в себе своих персонажей, он должен быть больше, чем они, чтобы в его разуме они смогли играть свои роли. Предел возможностей для актёра или шпиона или политика определяется границами, в которых они могут притворяться, лицами, которые они могут носить как маску. Люди вроде нас с вами могут стать кем угодно, кого только смогут себе вообразить, и не притворяясь, а на самом деле. Когда вы воображаете себя ребёнком, мистер Поттер, вы и есть ребёнок. Но вы можете поддерживать и другие личности, если захотите, гораздо более сложные личности. Почему вы столь

свободны, почему ваши пределы столь широки, в то время как ваши ровесники слабы и скованы? Почему вы способны вообразить и стать личностями более взрослыми, чем те, что положено сочинять обычному ребёнку? Этого я не знаю, а свои догадки на этот счёт озвучивать не стану. Но если у вас что-то и есть, мистер Поттер, так это свобода.

Если целью профессора Квиррелла было запутать Гарри, у него это чертовски хорошо получилось.

И всё же была и более пугающая мысль, что профессор Квиррелл на самом деле не понимал, насколько это беспокоит Гарри, насколько неправильно эта речь прозвучит для него, как сильно она повредит доверию между Гарри и профессором.

Должна же всегда быть реальная личность, которой человек является по-настоящему, в центре всего...

Гарри смотрел на опускающуюся ночь, на сгущающуюся тьму.
...верно?

* * *

Уже почти наступило время ложиться спать, и тут Гермиона услышала, как несколько человек почти синхронно ахнули. Она оторвалась от книги «Шармбатон: История» и увидела пропавшего мальчика. Его не было сегодня на обеде, а его отсутствие во время ужина сопровождалось слухами, что он покинул Хогвартс, чтобы выследить Беллатрису Блэк. Гермиона не верила этим слухам, потому что они были совершенно нелепыми, но тем не менее они заставили её понервничать.

— Гарри! — вскрикнула она. Она совершенно не осознала, что заговорила с ним в первый раз за неделю, и не заметила, как некоторые ученики вздрогнули, когда её крик разнёсся по всей гостиной Когтеврана.

Гарри уже смотрел на неё, он уже шёл к ней, поэтому она оставалась на половине пути от своего кресла...

Несколько мгновений спустя Гарри уже сидел рядом. Создав барьер Квиетуса, он убрал палочку.

(Ужасно много когтевранцев пытались делать вид, что не смотрят на них.)

— Привет, — голос Гарри слегка дрогнул. — Я скучал без тебя. Ты... теперь будешь со мной разговаривать снова?

Гермиона кивнула, просто кивнула. Она не могла придумать, что сказать. Она тоже скучала без Гарри, но понимала, и от этого

даже чувствовала себя слегка виноватой, что ему, скорее всего, было намного хуже. У неё были и другие друзья, а у Гарри... Иногда казалось несправедливым, что Гарри общается подобным образом только с ней, и поэтому она должна общаться с ним. Но Гарри выглядел так, будто несправедливости в последнее время происходили и с ним.

— Что происходит? — спросила Гермiona. — Ходит множество слухов. Одни говорят, что ты сбежал сражаться с Беллатрисой Блэк, другие — что ты сбежал, чтобы присоединиться к Беллатрисе Блэк... — а ещё были слухи, которые утверждали, что Гермiona просто выдумала всё насчёт феникса. Когда она их услышала, то крикнула, что это видела вся гостиная Когтеврана, поэтому следующие слухи утверждали, что и это она тоже выдумала. Гермiona совершенно не могла понять, как может существовать настолько невероятный идиотизм.

— Я не могу об этом рассказать, — еле слышным шёпотом ответил Гарри. — Не могу рассказывать обо всём этом. Я бы хотел рассказать тебе всё, — его голос опять дрогнул, — но я не могу... Но если тебе от этого станет лучше, кажется, я больше не буду обедать с профессором Квирреллом...

Гарри спрятал лицо в ладонях.

Гермione стало не по себе.

— Ты плачешь? — спросила она.

— Ага, — слегка хрипло ответил Гарри. — Не хочу, чтобы это кто-то видел.

Повисло молчание. Гермione очень хотелось помочь, но она не знала, что делать, когда мальчики плачут, и не знала, что случилось. Она чувствовала, что вокруг неё происходит что-то ужасно важное — то есть не вокруг неё, а вокруг Гарри, — и она понимала, что если бы она узнала, то наверняка была бы напугана или встревожена. Но она ничего не знала.

— Профессор Квиррелл сделал что-то неправильное? — наконец спросила Гермiona.

— Я не буду с ним больше обедать не поэтому, — по-прежнему еле слышным шёпотом ответил Гарри, не отрывая рук от лица. — Так решил директор. Но да, профессор Квиррелл сказал кое-что, из-за чего, кажется, я теперь ему меньше доверяю... — Голос Гарри задрожал очень сильно. — Сейчас я себя чувствую несколько одиноко.

Гермiona дотронулась до своей щеки там, где вчера её коснулся Фоукс. Она по-прежнему думала об этом прикосновении, снова и снова, возможно, она *хотела*, чтобы это было важно, чтобы это для неё что-то значило...

— Я могу как-нибудь помочь? — спросила она.

— Я хочу сделать что-нибудь нормальное, — сквозь руки сказал Гарри. — Что-нибудь очень обычное для первокурсника Хогвартса. Что-нибудь, что для одиннадцатилетних и двенадцатилетних детей — таких как мы, — считается нормальным. Поиграть в подрывного дурака или что-нибудь в этом роде... Но, наверное, у тебя нет карт и ты не знаешь правила?

— Эм... Я действительно не знаю правил... — ответила Гермиона. — Я знаю, что карты взрываются.

— Полагаю, с плюй-камнями тоже ничего не выйдет?

— Не знаю правил, и они плюются. Гарри, это игра для мальчиков!

Гарри провёл по лицу руками, а затем убрал их. После чего посмотрел на неё с немного беспомощным видом.

— Ладно, — сказал он, — во что тогда играют волшебники и ведьмы нашего возраста? Ну, ты знаешь, все эти бессмысленные глупые игры, в которые, как считается, мы должны играть в этом возрасте?

— Классики? — предположила Гермиона. — Скакалка? Атака единорога?* Я не знаю, я читаю книги!

Гарри засмеялся, и Гермиона захихикала вместе с ним, она даже не совсем понимала почему, но это было забавно.

— Думаю, мне стало немного легче, — сказал Гарри. — Более того, наверное, даже час игры в плюй-камни помог бы мне меньше. Поэтому спасибо, что ты такая, какая ты есть. И я в любом случае не позволю никому стереть высшую математику из моей памяти. Лучше я умру.

— Что?! — воскликнула Гермиона. — Почему... почему тебе вообще приходят в голову такие мысли?

Гарри встал из-за стола. Заклинание Квиетус разрушилось, и фоновый шум комнаты вернулся.

— Я уже немного сонный, поэтому пойду спать, — уже обычным для него голосом сказал Гарри. — Мне нужно будет наверстать потерянное время, но я увижу тебя за завтраком, и затем на травоведении, если ты не против. Не говоря уже о том, что несправедливо было бы топить тебя в моей депрессии. Спокойной, Гермиона.

— Спокойной ночи, Гарри, — ответила она, хотя и чувствовала себя всерьёз сбитой с толку и встревоженной. — Приятных снов.

Гарри при этих словах слегка покачнулся, но затем продолжил своё движение к лестнице, ведущей в спальню первокурсников.

Гарри выставил ползунок Квиетуса в изголовье кровати на максимум. Если он будет кричать во сне, то никого не разбудит.

Поставил будильник, чтобы тот разбудил его к завтраку (если он и так не проснётся к тому времени, если он вообще сможет заснуть).

Залез в постель, лёг...

...и почувствовал, что под подушкой что-то лежит.

Гарри посмотрел на полог над кроватью и прошипел себе под нос:

— Чёрт, да вы издеваетесь...

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы успокоить сердцебиение, укрыться одеялом с головой — он не хотел, чтобы другие мальчики увидели, что он делает — создать слабый свет с помощью Лумоса и заглянуть под подушку.

Там оказался пергамент и колода игровых карт.

Пергамент гласил:

Маленькая птишка сообщила мне, что Дамблдор запер зверь твоей клетки. Вынужден признать, действия Дамблдора в данном случае имеют смысл. Беллатриса Блэк вновь выпустит в мир, и для любого хорошего человека это плохая новость. Возможно, на месте Дамблдора я поступил бы так же.

Но просто на всякий случай... Институт Салемских Везым в Америке, несмотря на название, принимает и мальчиков. Там есть хорошие люди и, если потребуется, они защитят тебя даже от Дамблдора. В Британии считают, что для переезда в магическую Америку тебе нужно разрешение Дамблдора, но в магической Америке с этим не согласны. Поэтому в случае крайней необходимости выйди за пределы защитных чар Хогвартса и разорви пополам короля червей из этой колоды карт.

Разумеется, к этому способу стоит прибегнуть только в случае крайней необходимости.

Всего хорошего, Гарри Поттер.

САНТА КЛАУС.

Гарри уставился на карты.

Они не смогут унести его куда-нибудь прямо сейчас. Портключи здесь не работают.

Но ему всё-таки было не по себе от перспективы взять их в руки, даже просто чтобы спрятать в сундук...

Ну, вообще-то он уже и так взял в руки пергамент, который точно так же мог быть зачарован как ловушка, если кто-то вообще хотел подсунуть ему ловушку.

Но тем не менее.

— *Вингардиум левиоса*, — прошептал Гарри, пролевитируя колоду карт на полку в изголовье кровати и опустил рядом с будильником. Он разберётся с этим завтра.

После чего Гарри опять лёг и закрыл глаза. Он уснёт и заплатит свою цену, поскольку рядом нет феникса, который защитил бы его.

* * *

Он проснулся, задыхаясь от ужаса. Он не кричал во сне эту ночь, но из-за своих метаний запутался в одеяле. Ему снилось, как он пытается убежать от преследующих его пустот в пространстве. Как он бежит по металлическим коридорам, освещённым тусклым светом газовых ламп, по бесконечно длинным металлическим коридорам, освещённым тусклым светом газовых ламп.

Во сне он не знал, что, коснувшись этих пустот, он умрёт ужасной смертью и от него останется лишь пустое, но всё ещё дышащее тело. Он лишь знал, что должен бежать, бежать, бежать от ран мироздания, скользящих за ним...

Гарри опять заплакал. Не от ужаса гонки, а потому что он оставил позади кого-то, кто молил о помощи, кричал, чтобы он вернулся и спас её. Её съедали, она умирала, а Гарри во сне убегал вместо того, чтобы помочь ей.

НЕ УХОДИ! — раздался вопль из-за металлической двери. — *Нет, нет, нет, не уходи, не забирай, оставь, оставь, нет...*

Почему Фоукс вообще сидел на его плече? Он ушёл. Фоукс должен ненавидеть его.

Фоукс должен ненавидеть Дамблдора. Он ведь тоже ушёл.

Фоукс должен ненавидеть всех...

Мальчик не бодрствовал и не спал. Его мысли смешались и запутались в мире теней, что разделяет сон и явь. Здесь не было защитных поручней, которые выстраивал его бодрствующий разум, не было строго выверенных правил и ограничителей. В этом мире теней его мозг проснулся достаточно, чтобы думать, но что-то другое было слишком сонным, чтобы действовать. Мысли бежали свободно и вольно, не ограниченные его Я-концепцией и представлениями его бодрствующего Я о том, о чём запрещено думать. Его Я-концепция

спала, и видения, сотворённые мозгом, получили свободу. И новый худший кошмар Гарри повторялся снова и снова:

— Нет, я не хотела, пожалуйста, не умирай!

— Нет, я не хотела, пожалуйста, не умирай!

— Нет, я не хотела, пожалуйста, не умирай!

Ярость в нём росла одновременно с отвращением к себе, ужасная огненная ярость / ледяная ненависть — на мир, который так поступил с ней / к себе. И в своём полупроснувшемся состоянии Гарри придумывал пути бегства, придумывал способы выйти из этой моральной дилеммы. Он воображал, что парит высоко над треугольником ужаса под названием Азкабан и шепчет заклинание, непохожее ни на какие звуки, когда-либо звучавшие на Земле. Его шёпот разносится в небе, его слышат даже на другой стороне планеты — и вот серебряная вспышка огня патронаса как ядерный взрыв моментально разрывает в клочья всех дементоров, в мгновение ока сносит металлические стены Азкабана, обрушивает длинные коридоры вместе со всеми тусклыми оранжевыми светильниками. Мгновением позже мозг вспоминал, что внутри есть люди, и переписывал полусон-полуфантазию, и теперь все узники смеются и стаями разлетаются от горящих развалин Азкабана, а серебряный свет прямо в полёте возвращает плоть их конечностям. И Гарри ещё сильнее заплакал в подушку, потому что он не мог это сделать, потому что он не был Богом...

Он поклялся своей жизнью, магией и искусством рационалиста, он поклялся всем, что для него свято и всеми своими счастливыми воспоминаниями, он дал эту клятву, поэтому теперь он должен что-нибудь сделать, обязан что-нибудь сделать, ОБЯЗАН ЧТО-НИБУДЬ СДЕЛАТЬ...

Возможно, это бессмысленно.

Возможно, пытаться следовать правилам — бессмысленно.

Возможно, он однажды просто сожжёт Азкабан.

И вообще-то он поклялся это сделать, поэтому теперь он должен так поступить.

Он сделает всё, чтобы избавиться от Азкабана. Всё. Если это означает править Британией, прекрасно, если это означает найти заклинание, которое шёпотом слетев с его губ разнесётся эхом по всему небу... Какая разница. Важнее всего — уничтожить Азкабан.

Это определяло его сторону, это определяло, кто он есть, а значит, всё было решено.

Если бы он бодрствовал, его разум потребовал бы больше деталей, прежде чем принять этот ответ, но в полусонном состоянии этого

оказалось достаточно, чтобы его усталый разум опять погрузился в настоящий сон и увидел следующий кошмар.

Заключительное послесловие

Она проснулась, задыхаясь от ужаса. Ей не хватало воздуха, её лёгкие, казалось, перестали работать. Она проснулась с беззвучным криком на губах, но слов не было, она не могла произнести ни слова, потому что не понимала, что она увидела. Она не понимала, что она увидела, оно было слишком большим, чтобы его постичь, и всё ещё принимало форму, она не могла подобрать слова для этого бесформенного чего-то и таким образом разрядиться, она не могла разрядиться и стать опять чистой и ничего не знающей.

— Какой час? — прошептала она.

Её золотой будильник, украшенный драгоценными камнями — красивый, волшебный, дорогой будильник, который подарил ей директор, когда её приняли на работу в Хогвартс, — прошептал:

— Около двух часов ночи. Спи дальше.

Её постель промокла от пота, пижама промокла от пота. Она взяла палочку, лежавшую рядом с подушкой, убрала пот и попыталась уснуть снова. Она попыталась уснуть снова, и в конце концов ей это удалось.

Сивилла Трелони снова спала.

Дополнительные материалы 4.

Параллельные вселенные

Вы собирались лечь спать ещё пять часов назад, но до сих пор читаете? Может быть, вам стоит всё-таки немного поспать? Этот фик здесь будет и завтра... если, конечно, не случится что-то плохое, и на следующее утро вы не обнаружите по этому адресу лишь ошибку 404, и всё, что вам останется — это тускнеющие воспоминания и вечные сожаления, что вы не продержались подольше и не продолжили читать, пока у вас была такая возможность... Но подумайте, насколько это вероятно?

Эта история распространяется благодаря блогам, твитам, сарафанному радио, добавлению в избранное и рекламе на форумах... Не забывайте, если бы читатели до вас не занимались всем этим, возможно, вы бы не наткнулись на этот фик. Если этого недостаточно, чтобы мотивировать вас, позвольте добавить: если вы не будете помогать в распространении рациональности, Гермiona расстроится. Вы же не хотите её расстраивать?

Не забывайте заходить на lesswrong.com¹ и читать цепочки. Данный фик всего лишь их тень. Рекомендую начать с цепочки «How to Actually Change Your Mind»².

¹ Или хотя бы на lesswrong.ru — *Прим.перев.*

² В русском переводе — «Как успешно менять своё мнение». — *Прим.перев.*

А теперь позвольте представить вам:

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ 4

Другие фанфики, которые вы могли бы читать*
(Все вселенные принадлежат соответственно их создателям)

ВЛАСТЕЛИН РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Фродо пробежался взглядом по всем лицам, но никто не смотрел в его сторону. Весь Совет сидел опустив глаза, словно в глубокой задумчивости. Сердце Фродо охватил ужас, он будто ждал оглашения какого-то страшного приговора, который он давно предвидел, и теперь лишь тщетно надеялся, что этот приговор так и не будет произнесён. Его сердце переполняло желание отдохнуть, остаться вместе с Бильбо в Ривенделле. Наконец, он пересилил себя и сам удивился своим словам. Казалось, его тихим голосом говорит кто-то другой:

— Мы не можем так поступить. Так нельзя. Разве вы не понимаете? Именно этого и желает Враг. Он всё это предвидел.

Все лица обернулись к нему — озадаченные лица гномов, печальные лица эльфов. Сурово смотрели люди. И непереносимо остры были взоры Элронда и Гэндальфа. Было очень сложно не стиснуть Кольцо в руке, и ещё сложнее не надеть его, стоя перед ними просто как Фродо.

— У вас не появилось сомнений? — голос Фродо был слаб, как дуновение ветра, и дрожал, как бриз. — Из всех возможных решений вы выбрали отправить Кольцо в Мордор, вас это не удивляет? Как это получилось? Как получилось, что из всех вариантов мы выбрали наиболее желанный Врагу? Возможно, у Роковой Горы уже стоит охрана, способная сдержать Гэндальфа, Элронда и Глорфиндейла вместе взятых. Или, быть может, Хозяин этого места уже охладил там лаву, чтобы просто подобрать Кольцо, когда его туда бросят...

На Фродо накатило воспоминание об ужасной ясности, вспышке чёрного хохота, и он понял, что Враг именно так бы и сделал. Разве что мысль формулировалась так: «Это позабавило бы меня, если бы я хотел править...»

Совет обменялся неуверенными взглядами. Глоин, Гимли и Боромир теперь смотрели на эльфов ещё более скептически, чем прежде, будто очнувшись от грёз слов.

— Враг отнюдь не лишён мудрости, — сказал Гэндальф, — он взвешивает всё самым тщательным образом, но на весах злобы. Обо всех сердцах судит он под знаком своей страсти — жажды власти. Ему едва ли придёт в голову мысль, что кто-то может отказаться от силы, что, владея Кольцом, мы решим уничтожить его...

— Он подумает об этом! — воскликнул Фродо. Он с трудом находил слова, пытаясь передать то, что прежде казалось кристально понятным, а потом поблекло, как талый снег. — Если бы Враг думал, что всеми его противниками движет лишь жажда власти — он бы ошибался в своих догадках снова и снова. Творец Кольца увидел бы это и понял, что где-то просчитался! — Фродо умоляюще протянул руки.

Боромир шевельнулся.

— Вы слишком хорошего мнения о Враге, — голос его был полон сомнения, — для одного из его противников.

Фродо открывал и закрывал рот в отчаянном недоумении. Фродо знал, он знал, что этот человек безумен, но не мог придумать, что на это сказать.

Тут заговорил Бильбо, и его слабый голос заставил умолкнуть весь зал, даже Элронда, который сам собирался говорить.

— Боюсь, Фродо прав, — прошептал старый хоббит. — Я помню, помню, каково это — смотреть Тёмным Зрением. Я помню. Враг учтёт, что мы можем не доверять друг другу, что слабейший из нас может предложить уничтожить Кольцо, чтобы им не завладел сильнейший. Он учтёт, что даже тот, кто не по-настоящему добр, может призывать к уничтожению Кольца, пытаясь изобразить доброту. И Враг не посчитает невозможным, что этот совет примет такое решение, поскольку, видите ли, он не верит, что мы мудры, — древний хоббит тихо рассмеялся. — А если и посчитает... Что ж, он всё равно будет охранять Роковую Горю. Ему это несложно.

Теперь помрачнели даже лица эльфов и Мудрых. Элронд нахмурился. И острые брови Гэндальфа сошлись в раздумьях.

Фродо смотрел на них всех и чувствовал, как его сердце охватывает дикое отчаяние. И вместе с этим его взор застлала тень, тёмная и колеблющаяся. Через эту тень Фродо видел Гэндальфа, и сила волшебника оказывалась слабостью, а мудрость — глупостью. Фродо чувствовал тяжесть Кольца на своей груди и понимал, что, когда Гэндальф говорил о том, что Враг не понимает никаких желаний, кроме желания власти, он совсем не думал об истории, обо всём, что было раньше, что Гэндальф забыл, как Саурон обманул и совратил Людей Нуменора во дни их славы. И Гэндальфу даже не приходило в голову, что Враг мог научиться понимать противников, которые руководствуются доброй волей, наблюдая за ними...

Взгляд Фродо обратился к Элронду, но и тут не было надежды, теневое зрение не показывало ни ответа, ни спасения. Ибо Элронд позволил Исилдуру унести Кольцо от Роковой Горы, где его следовало уничтожить, и именно это привело к нынешней войне. И поступил он так не ради блага Исилдура и не во имя их дружбы, ибо в итоге Кольцо убило Исилдура, и это было далеко не худшей из его возможных судеб. Просто последствия деяния Исилдура казались тогда Элронду неопределёнными, неопределёнными и далёкими. И всё же ударить тогда Исилдура рукоятью меча по затылку было бы надёжнее и проще...

Словно цепляясь за последнюю надежду, Фродо повернулся к Арагорну, усталому человеку, пришедшему на совет в потёртой одежде, наследнику королей, который разговаривал с хоббитами на равных. Но зрение Фродо словно раздвоилось, и в призрачном втором образе Фродо увидел Человека, который в юности провёл слишком много времени среди эльфов, который научился носить скромные испятнанные одежды среди золота и драгоценных камней, который знал, что он не сможет сравниться с эльфами в мудрости, и надеялся переиграть их на том поле, где они не станут с ним соперничать...

В зрении Кольца, что было зрением Создателя Кольца, все достойные вещи тонули в стратагемах и лжи, мире серости и тьмы без капли света. Они не сделали выбор осознанно, ни Гэндальф, ни Элронд, ни Арагорн. Побуждения пришли из скрытых тёмных уголков, чёрных тайных глубин, что Кольцо ясно открыло взгляду Фродо. Могут ли они думать ясней Тени, если не могут познать ни самих себя, ни сил, движущих ими?

— Фродо! — донёсся резкий шёпот Бильбо. Фродо пришёл в себя и отдернул руку, которая тянулась к Кольцу, что висело на его груди на цепи, как огромный камень на шее.

Тянулась, чтобы сжать Кольцо, в котором крылись все ответы.

— Как ты носил эту штуку? — прошептал Фродо Бильбо, как будто они были одни в комнате, хотя весь Совет смотрел на них. — Годами? Представить не могу.

— Я хранил его взаперти в комнате, ключ от которой был только у Гэндальфа, — ответил его дядя, — и когда начинал искать способы открыть её, вспоминал Голлума.

По телу Фродо пробежала дрожь. Он вспомнил истории об Ужасе Туманных Гор, который мыслил, вечно мыслил во тьме, из тени правил гоблинами и заполнял туннели ловушками. Если бы не Бильбо, надевший кольцо в тот первый раз, ни один гном не ушёл бы оттуда живым. И теперь эльф Леголас сказал им, что Голлум перестал посылать своих агентов в Шир, нашёл наконец-то смелость покинуть свои горы и ищет Кольцо сам. Голлум — это та судьба, которую разделит Фродо, если Кольцо не будет разрушено.

Вот только способа разрушить Кольцо у них не было.

Тень предвидела каждый шаг, который они могли сделать. Фродо до сих пор не мог представить: как, каким образом Тень смогла это организовать? Она чуть не заставила Совет отправить Кольцо в Мордор под охраной лишь крохотной группы, и совет бы так и решил, если бы не присутствие Фродо и Бильбо.

И даже если они откажутся от этого быстрее всего способа проиграть, вопрос был лишь в том, как долго они продержатся. Гэндальф откладывал слишком долго, слишком поздно начал действовать. Всё было бы так просто, если бы только Бильбо отправился в путь 80 лет назад, если бы Бильбо рассказали о том, о чём уже подозревал Гэндальф, если бы сердце Гэндальфа не сжалось от перспективы оказаться постыдно неправым...

Рука Фродо дёрнулась, его пальцы сами по себе начали тянуться к тяжести цепи, на которой висело Кольцо.

Нужно всего лишь надеть Кольцо.

Просто надеть — и всё станет ясно, его мысли снова освободятся от тормозящего их мусора, все вероятности и варианты будущего станут для него очевидными, он прозрит сквозь планы Тени и придумает неостановимый контрудар...

...и никогда не сможет снять Кольцо, не сможет пойти на это снова, у него уже не хватит на это силы воли. Память о Заветери почти истаяла, но он знал: когда падут башни его мыслей и он снова станет просто Фродо, это будет неотличимо от смерти. Он помнил, что на Заветери ему показалось, что он умирает, хотя он вообще

плохо помнил, что там было. И если он наденет Кольцо снова, то лучше ему умереть с ним на пальце, окончить жизнь пока он будет самим собой. Ибо Фродо понимал — второй раз потерю этой безграничной ясности он не выдержит...

Фродо оглядел бедных, потерянных Мудрых. Он знал, они не смогут победить Тень своими силами.

— Я надену его в последний раз, — надломленным, упавшим голосом выдавил Фродо. Он с самого начала знал, что этим всё и закончится. — В последний раз, чтобы найти ответ для этого Совета. А потом его будут носить другие хоббиты.

— Нет! — раздался крик Сэма, который стремительно выскок из своего укрытия. Но Фродо уже, двигаясь быстро и чётко, как назгул, вытащил Кольцо из-под рубашки, но каким-то образом Бильбо уже оказался рядом и уже просунул сквозь него палец.

Гэндальф даже не успел вскинуть посох, а Арагорн — выхватить рукоять с обломком меча. Гномы от потрясения вскрикнули, эльфы были в смятении.

— Конечно, — раздался голос Бильбо. Фродо заплакал. — Теперь я понимаю, теперь я наконец понял всё. Слушайте, слушайте внимательно, вот, что вы должны сделать...

КОЛДУНЬЯ И ПЛАТЯНОЙ ШКАФ

Питер тщательно осмотрел расположившихся лагерем кентавров-лучников, бобров, вооружённых длинными кинжалами, и говорящих медведей, одетых в колючи. Он командовал, потому что был одним из мифических Сыновей Адама и объявил себя Верховным Королём Нарнии, но по правде он знал не слишком много об обустройстве лагеря, оружии и дозорах. В итоге он смог увидеть только то, что все выглядели гордо и уверенно, и Питеру приходилось надеяться, что у них есть на это основания. Потому что если ты не веришь в своих людей, ты не можешь верить ни в кого.

— Если бы мне нужно было сражаться с ними, я бы испугался, — наконец сказал Питер. — Но я не знаю, хватит ли этого, чтобы разбить... её.

— Ты не думаешь, что этот таинственный лев на самом деле появится и поможет нам, верно? — очень тихо спросила Люси, так,

чтобы её не услышал никто из созданий вокруг. — Однако было бы очень приятно, если бы он на самом деле существовал, чтобы нам не нужно было просто позволять всем думать, что он назначил нас главными, правда же?

Сьюзен помотала головой, магические стрелы качнулись в колчане за её спиной.

— Если бы кто-то такой на самом деле существовал, разве он позволил бы Белой Колдунье устроить в стране зиму на сотню лет?

— Мне снился очень странный сон, — ещё тише сказала Люси. — Там нам не нужно было организовывать всех и убеждать их сражаться, мы просто пришли сюда и здесь уже был лев, и все армии уже были собраны. И он пошёл и освободил Эдмунда, и затем мы скакали с ним на грандиозную битву, где он убил Белую Колдунью...

— У этого сна была какая-нибудь мораль? — спросил Питер.

— Не знаю, — Люси моргнула. Она выглядела немного растерянно. — Во сне всё казалось каким-то бессмысленным.

— Думаю, возможно, сама Нарния пытается сказать тебе, — сказала Сьюзен, — или, может быть, просто твои собственные сны пытаются сказать тебе, что если бы на самом деле было такое существо, как этот лев, то зачем были бы нужны мы?

МОИ МАЛЕНЬКИЕ ПОНИ: ДРУЖБА — ЭТО НАУКА

— Эпплджек, которая прямо сказала мне, что я ошибаюсь, олицетворяет собой дух... честности! — Сумеречная Искорка подняла голову ещё выше, её грива развевалась словно ветер вокруг тёмной как ночное небо, длинной шеи. — Флаттершай, которая приблизилась к мантикоре, чтобы разузнать о колючке в её копыте, является воплощением духа... исследования! Пинки Пай, которая поняла, что ужасные лица были на самом деле деревьями, воплощает дух... формулирования альтернативной гипотезы! Рарити, решившая проблему змеи, олицетворяет дух... изобретательности! Радуга Дэш, способная видеть сквозь ложь, навязываемую желаниями её сердца, является воплощением духа... аналитики! Мэри-Сьюзен, которая перед тем, как присоединиться к нашей экспедиции, заставила нас убедить её в том, что мы правы, олицетворяет дух... рецензирования! И когда все эти

Элементы загораются искрой любопытства, которая есть во всех нас, возникает седьмой элемент — Элемент Науч...

Пони не успели даже вздрогнуть, когда сгусток силы, похожий на вихрь безлунной ночи, настиг Мэри-Сьюзен. Она бесследно исчезла раньше, чем кто-либо из них в потрясении встал на дыбы.

В темноте, возникшей в центре помоста, где были сокрушены Элементы, виднелся еле различимый чёрный как пустота силуэт лошади. В мозгу каждой пони раздался голос, обжигающий словно холодное пламя:

Вы думали, я буду просто стоять здесь и ждать, пока вы закончите?

Сумеречная Искорка уставилась на пустое место, где только что стояла Мэри-Сьюзен. Она... Она просто... Она... Краем сознания Искорка осознавала, что рядом кричит Рэрити, но звуки словно не достигали её ушей.

Это была не дезинтеграция, — раздался в их головах голос Лунной пони. - Я просто отправила её в другое место.

Крик Рэрити внезапно оборвался.

Сумеречная Искорка почувствовала, как её собственный крик начинает рваться наружу. Семь. Чтобы воспользоваться Элементами Изучения, нужно семь пони. Все знают: не важно, насколько ты честен, какой ты исследователь, скептик, творец, аналитик, или насколько ты любопытен. Твоя работа становится наукой лишь после публикации в престижном журнале. Все это знают. Могут ли одновременно существовать несколько Элементов Рецензирования?.. Сколько времени потребуется, чтобы найти ещё одну?.. А ведь Лунная пони не будет просто стоять и ждать...

Куда?! — воскликнула Радуга Дэш. — *Куда ты её отправила?*

Я отправила эту маленькую пони туда же, где заперла мою жалкую сестру — в сердце её жалкого Солнца.

Она умрёт! — Флаттершай с ужасом уставилась на Лунную пони. — Там слишком жарко, она сгорит!

О, не беспокойтесь. Вашу подружку окружает сила Лунной пони. Она сохранит её в безопасности и прохладе, поддержит её без пищи и питья. Ваша подружка будет страдать разве что от скуки...

Чёрный как пустота силуэт сошёл с помоста и неторопливо направился мимо оставшихся шести пони.

... пока сила Лунной пони не исчезнет. Например, в результате каких-нибудь запасных планов моей сестры, о которых

вам, возможно, что-то известно. В этом случае ваша подружка мгновенно превратится в пар. Дружба — такая милая штука. Такой прекрасный инструмент для шантажа. Позаботьтесь о сохранности Элементов Изучения. Вы же не хотите, чтобы против меня ими воспользовался кто-то ещё, правда?

Нет, — прошептала Сумеречная Искорка, когда до неё дошёл весь ужас ситуации.

У неё по коже побежали мурашки, когда Лунная пони, проходя мимо, задела её своей аурой холодной смертоносной силы.

А теперь, мои маленькие пони, прошу извинить. Меня ждёт моё царство вечной ночи.

ДЕРЕВНЯ, СОКРЫТАЯ В ЯСНОСТИ

— Учитывая вычислительную мощностъ, необходимую для поддержания около сотни Теневых Клонов, — бесстрастно произнёс гений клана Утиха, — нерационально говорить «повезло» и считать, что это всё объясняет. «Повезло» — это всего лишь обозначение информации, которую игнорируешь.

— Но это именно везение! — завопила Сакура. Усилием воли она понизила голос аккурат до тона, которым и должен разговаривать ниндзя-рационалист, — не стоило давать своему отряду повод усомниться в её уме. — Как ты и сказал, параметры вычислительной мощности, требуемые для использования почти ста Кагэ Бунсин, просто абсурдны. Мы говорим об уровне внушительного сверхразума, а Наруто — последний двоечник класса. Его сообразительность не тянет даже на уровень тьюнина, что уж говорить о сверхразуме!

Глаза Утихи блеснули, как если бы он активизировал свой Шаринган.

— Наруто может поддерживать сотню независимо действующих клонов. Он обязан иметь необходимый объём чистой вычислительной мощности. Но в обычных условиях что-то препятствует эффективному использованию его мыслительных способностей... Возможно, причина — сознание, которое воюет само с собой? Сейчас у нас есть основания верить, что Наруто неким образом связан со сверхразумом. И, так как он получил степень генина недавно, ему, как и нам, пятнадцать лет. Что произошло пятнадцать лет назад, Сакура?

Понадобилось мгновение, чтобы осмыслить и вспомнить, и тут Сакура поняла.

Нападение Девятимозгового Демона-Лиса.

Маленькое существо цвета слоновой кости с огромными ушами, ещё более гигантским хвостом и маленькими, красными глазками. Он был не сильнее обычной лисы, не изрыгал пламя, не стрелял вспышками лазера из глаз, не обладал ни чакрой, ни какой-либо магией, но его разум превосходил человеческий почти в девять тысяч раз.

Сотни были убиты, половина строений была разрушена. Деревня, сокрытая в ясности, была уничтожена.

— Ты думаешь, Кьюбей прячется внутри Наруто? — спросила Сакура. Секундой позже её мозг автоматически прошёл дальше, выстраивая все очевидные следствия этой теории. — Тогда программный конфликт сосуществования двух сознаний и есть причина того, что Наруто в половине случаев ведёт себя как круглый дурак, но в тоже время может контролировать сто Теневых Клонов. Хех. Вообще-то... это многое объясняет...

Саске резко и надменно кивнул, как человек, выяснивший всё своими собственными силами, без посторонней помощи и подсказок.

— Э-э... — произнесла Сакура — лишь годы ментальных практик помогли ей направить охвативший её позыв панически заорать в русло практической пользы и благоразумия. — Может, нам следует кому-то об этом рассказать? Например, в ближайшие пять секунд?

— Старейшины уже в курсе, — бесстрастно отозвался Саске. — Это объясняет их отношение к Наруто. Нет, главный вопрос — как это связано с тем, что клан Утиха был... перехитрён?

— Я не понимаю, как это вообще может быть связано, — начала Сакура.

— Это должно было сыграть свою роль! — Лёгкий оттенок неистовых эмоций промелькнул в голосе Саске. — Я спросил того человека, почему он сделал то, что сделал, и он сказал мне, что в тот момент, как я узнаю ответ, станет понятно всё! И это, разумеется, также должно быть частью решения.

Сакура вздохнула. Лично она придерживалась гипотезы, что Итати просто пытается сделать из своего брата клинического параноика.

— Йо, малышня, — раздался голос их сенсея-рационалиста в наушниках-радиоприёмниках. — Одна деревня в стране Волн пытается построить мост, который постоянно рушится по какой-то невыясненной причине. Встречаемся у ворот в полдень. Настало время для вашей первой аналитической миссии уровня С.

ЭРДЁШ В ЦЕПЯХ

— Как ты могла так поступить, Анита? — спросил Ричард натянутым голосом. — Как ты могла написать статью в соавторстве с Жан-Клодом? Ты изучаешь нежить, но ты не должна вместе с ними писать статьи!

— А что насчёт тебя? — вспыхнула я. — Ты написал статью вместе с Сильвией! То есть плодотворная работа — это нормально для тебя, но не для меня?

— Я глава её института! — зарычал Ричард. Я чувствовала волны научности, исходящие от него, он был разозлён. — Мне приходится работать с Сильвией, и это ничего не значит! Я думал, наши с тобой исследования особенные, Анита!

— Они такими и остались, — сказала я, чувствуя беспомощность от своей неспособности объяснить всё Ричарду. Он не понимал, как волнительно быть эрудитом, не мог постичь новые миры, открывшиеся мне. — Наши исследования я не разделю ни с кем...

— Но ты хотела бы, — сказал Ричард.

Я ничего не ответила. Но знала, что всё написано у меня на лице.

— Боже, Анита, ты изменилась, — сказал Ричард. Казалось, он как-то внутренне обмяк. — Ты отдаёшь себе отчёт, что монстры уже отпускают шуточки насчет числа Блейк? Я должен был стать твоим партнёром во всём, а теперь я — просто ещё один оборотень с числом Блейк, равным единице.

СУДЬБА/НОЧЬ РАЗУМА

Я стержень моих мыслей
 Вера моё тело и выбор кровь моя
 Я пересмотрел сверх тысячи мнений
 Не боясь потерь и не сознавая побед
 Каждый раз выдерживая боль обновления
 В ожидании явления истины.
 Мой единственный путь — неуверенность.
 Вся моя жизнь...
 Бесконечные байесовские вычисления!

ИМЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Одиннадцатилетний мальчик, который однажды станет легендой — убийцей драконов, убийцей королей — приближался к Распределяющей шляпе, готовый взяться за исследование тайн. Только одна мысль повторялась в его голове.

Только не в Когтевран, только не в Когтевран, пожалуйста, только не в Когтевран...

Но едва край древнего войлочного устройства скользнул по лбу...
— КОГТЕВРАН!

Из-за стола, украшенного синим, раздались аплодисменты. Квоут двинулся к этому ужасному столу, за которым ему придется провести следующие семь лет. Он уже внутренне сжался, ожидая неизбежного, и неизбежное случилось почти сразу, в точности как он и боялся, даже прежде, чем он успел нормально сесть.

— Так! — сказал старший мальчик с таким счастливым выражением лица, будто ему в голову пришла ужасно умная мысль. — Квоут Ворон¹, да?

ТЭНГЭН ТОППА ГУРРЕН РАЦИОНАЛЬНОСТЬ 40К

Я придумал поистине чудесную историю для этого кроссовера, но поля здесь слишком узки для того, чтобы вместить её*.

ГРОМОВЫЕ УМНИКИ

— Меня от этого уже тошнит! — крикнул Лайон-О. — Достало делать одно и то же каждую чёртову неделю! Наш вид был спосо-

¹ В данном фрагменте присутствует неперевоаемая игра слов. Получившееся имя героя — Квоут Ворон, «Kvothe the Raven» на английском — созвучно словосочетанию «Quoth the raven» («каркнул ворон»), которое является рефреном в знаменитом стихотворении Эдгара По «Ворон». — Прим. перев.

бен на межзвёздные путешествия, Пантро, я знаю, сколько на это требуется энергии! Невозможно, чтобы ты не мог построить ядерную бомбу, или направить астероид, или ещё как-нибудь взорвать пирамиду этого бессмертного идиота!

УТИЛИТАРНЫЕ СУМЕРКИ

(Написано после того, как я услышал, что Alicorn пишет фанфик по «Сумеркам», но до того, как я прочёл «Luminosity». Это очевидно, если ты один из нас.)

— Эдвард, — мягко сказала Изабелла. Подняв руку, она погладила его по холодной блестящей щеке. — Тебе не нужно защищать меня от чего бы то ни было. Я выписала все плюсы и минусы, оценив их относительную значимость. И сразу стало совершенно очевидно — преимущества превращения в вампира перевешивают все недостатки.

— Белла, — судорожно сглотнул Эдвард, — Белла...

— Бессмертие. Идеальное здоровье. Разбуженные экстрасенсорные способности. И придерживаться диеты из крови животных достаточно просто. Даже красота. Эдвард, на свете есть люди, готовые отдать за это жизнь, и не смей называть их поверхностными до тех пор, пока не узнаешь на себе, каково быть страшилищем. Думаешь, я боюсь слова «вампир»? Я устала от твоих субъективных деонтологических ограничений, Эдвард. Весь человеческий род должен быть на этом вашем празднике жизни, а люди умирают тысячами, пока вы колеблетесь.

Пистолет в руке возлюбленной застыл напротив его лба. Это не убьёт его, но выведет из строя на время достаточное, чтобы...

ЛАМПА ЖАСМИН

Аладдин, вновь ставший простым уличным мальчишкой, выглядел задумчиво, но решительно. Он обращался к синему существу вселенской силы в последний раз и уже приготовился оставить богатство и надежду, которые так ненадолго вкусил, ради своего друга.

— Джин, слушай моё третье желание. Я хочу, чтоб ты был...

Принцесса Жасмин взирала на происходящее с открытым ртом и не веря своим глазам. С трудом преодолев ступор, она успела выхватить лампу из рук мальчишки до того, как тот закончил роковое предложение.

— Извини, пожалуйста, — сказала Жасмин. — Аладдин, дорогой, ты милый, но ты идиот, тебе это говорили? Разве ты не заметил, что когда Джафар заполучил лампу, у него были его собственные три желания... А, неважно. Джин, я хочу, чтобы все были всегда молодыми и здоровыми, я хочу, чтоб никто не был вынужден умирать, если не хочет этого, я хочу, чтоб интеллект каждого человека увеличивался на один пункт IQ каждый год.

Она бросила лампу обратно Аладдину.

— Давай, заканчивай, что ты там хотел.

ХИ-МЕН И ВЛАСТЕЛИНЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Легендарные тайные знания открылись мне в тот день, когда я вскинул вверх свою магическую книгу и произнёс: «Властью теоремы Байеса!»

РАЦИОНАЛЬНЫЙ ГАМЛЕТ

(представлено в ЖЖ пользователем Histocrat, пост 13389, также известным под ником HonoreDB на сайте LessWrong и включено с его разрешения)

Гамлет:

Сей странный розыгрыш оставь, незваный гость,
Насмешку злую над слепотою горя моего
И добрым сердцем друга моего Горацио.
Но коли ты и в правду тот, чей милый сердцу облик принял,
Скажи:
Какой рисунок преподнёс я королю-отцу
Шести лет отроду, едва покинув колыбель?

Призрак:

Единорог то был, покрытый весь бронёю.

Гамлет:

Что.

Призрак:

Так слушай.

Гамлет:

Отец, конечно.

Призрак:

Уж близок час мой,
Когда в мучительный и серный пламень
Вернуться должен я.

Гамлет:

В мученьях ты?

Призрак:

Да, как и все, кто умер неотпетым.

Гамлет:

Как все датчане, так меня учили.
Хотя я понял, что каприз такой не красит всемогущего Творца,
Что все, кто без свидетелей погиб, не на виду
Священников, что Бог избрал,
Затем наказаны за неустройство мира...

Призрак:

Не мир убил меня, не случай рода никакого.

Гамлет:

Что?

Призрак:

Коль ты отца когда-нибудь любил,
Отмсти за гнусное его убийство.

Гамлет:

О Боже!

Призрак:

Моё время на исходе. Ты слушаешь рассказ?

Гамлет:

Нет.

Призрак:

Что?

Гамлет:

Любовь к тебе всецело требует отмщения за смерть твою,
Но в эту ночь я слышал о страшнее злодеяниях.

Убитые все попадают в ад, и с ними попадают остальные,
 Кто мог покаяться, имей на это время,
 И если люди те, кто в сущности добры, страдают страшно
 Божьей волей, бросаю вызов планам я Его.
 О добрый призрак, из-за той завесы,
 Ты знаешь то, что смертные так редко постигают,
 Скажи мне: есть ли зелье или средство,
 Природы вне познания, но не вне средств её,
 Что нам поможет смерти избежать?

Призрак:

Ты ищешь, как избегнуть Ада?

Гамлет:

Ищу, как всем его избегнуть!

И рая тоже, ибо я подозреваю,

тот рай, что создал сумасшедший Бог,

Лишь жалок по сравнению с небесами, что будут на земле,

Как только здесь бессмертным королём я стану.

Призрак:

Меня всё это больше не заботит.

Ведь смерть и ад забрали все желанья,

Кроме желанья отомстить убийце.

Гамлет:

Отмщение ты получишь, лишь поклявшись:

Когда сразу убийцу твоего, ты дашь мне средство,

Что смерти мне поможет избежать.

Убийца встретится с тобою в преисподней,

Но после в Ад закрою я врата.

Призрак:

Да будет так. Как только брат, что в ухо влил мне яд, падёт,

Я наделю тебя ценнейшей правдой:

Как сделать Философский Камень. Тебе поможет сделать зелье он,

Бессмертным делает оно любого, и в золото металлы обратит,

Чтоб обеспечить этим зельем всех людей.

Гамлет:

Воистину, доступно философии всё взору.

Постой.

Убить я должен дядю-короля?

Призрак:

Да, этот блудный зверь, кровосмеситель,

Волшбой ума, коварства чёрным даром...

Гамлет:

И впрямь, его столь многолики дарованья
Почти надежды нет убить его и трон занять.
Та будет грандиозной схватка, как и ставки.
Ты дашь совет?

Крик петуха. Призрак уходит.

(HonoreDB сделал из этого полноценную электронную книгу)
(название: «Стремление, совершенно противное небесам:
Принц Гамлет и Философский Камень» —
«A Will Most Incorrect to Heaven: The Tragedy of Prince Hamlet
and the Philosopher's Stone»)
(цена 3\$ на makefoil точка com)
(да, в самом деле)

АЛИСА В СТРАНЕ, ДАЖЕ БОЛЕЕ СУМАСШЕДШЕЙ, ЧЕМ НАША

(исходный текст написал braindoll в комментариях к данной главе,
я его слегка отредактировал)

Алиса сидела рядом с сестрой на берегу реки и читала книгу. У неё было несколько друзей постарше, которые, если вежливо попросить, зачастую с радостью одалживали ей книги с несколько меньшим количеством картинок и разговоров, чем в книгах, которые считались подходящими для девочек её возраста.

От жары она часто чувствовала себя сонной и глупой, поэтому Алиса задумчиво намочила платок и положила его себе на загривок. Но её мысли всё равно продолжали блуждать — словно маленький котёнок, чей хозяин отвёл взгляд «всего на секундочку». И только Алиса решила, что удовольствие сплести веноч на одну треть превышает затраты на то, чтобы встать и пойти собирать маргаритки, но всё же не стоит того, чтобы отрывать от книги, как внезапно мимо неё пробежал Белый Кролик с красными глазами.

С одной стороны, тут, разумеется, ещё не было ничего такого необыкновенного, но, с другой стороны, Алиса не испытала сильного удивления, даже когда услышала, как Кролик сказал: «Ай-ай-ай!

Я опаздываю!» И лишь когда Кролик вытащил часы из жилетного кармана и посмотрел на них, после чего помчался прочь, Алиса замерла, осознав вдруг, что она никогда ещё не видела кроликов с жилетными карманами или часами, которые можно оттуда достать. «Обалдеть», — сказала она (хотя и не вслух, она долго отучала себя от этой привычки, поскольку из-за таких слов люди воспринимали её ещё менее серьёзно, чем обычно). «Если я сразу же не поняла, насколько это любопытнее, чем обычный кролик, значит что-то влияет на моё любопытство, и это как раз самое любопытное». Поэтому она с головой, переполненной вопросами, помчалась за Кроликом через поле и успела как раз вовремя, чтобы увидеть, как тот нырнул в большую нору под колючей изгородью.

МОБИ ДИК И МЕТОДЫ РАЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

(поведано пользователем Encasz на LessWrong)

— Мстить? — переспросил человек с деревянной ногой. — Киту?!

Нет. Я решил просто продолжать жить своей жизнью.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В РЕАЛЬНЫЙ МИР

(спасибо dsummerstay, который напомнил мне добавить это)

МОРФЕУС: Долгое время я не мог в это поверить. Но я видел эти поля своими глазами. Видел, как они перерабатывают мёртвые тела, чтобы внутривенно кормить живых...

НЕО (*вежливо*): Простите, пожалуйста.

МОРФЕУС: Да, Нео?

НЕО: Я долго пытался сдерживаться, но по этому поводу считаю необходимым высказаться. Человеческое тело наиболее неэффективный источник энергии, какой только можно придумать. Эффективность тепловой электростанции уменьшается при работе турбин на низких температурах. Любую еду, пригодную для людей,

гораздо эффективнее сжечь в топке. А теперь вы говорите, что для кормления живых используются тела мёртвых. Вы когда-нибудь слышали о законах термодинамики?

МОРФЕУС: А сам ты где слышал о законах термодинамики, Нео?

НЕО: Любо́й, кто изучал физику в школе, знает о законах термодинамики!

МОРФЕУС: А где ты ходил в школу, Нео?

(Пауза)

НЕО: ...В Матрице.

МОРФЕУС: Машины придумали изящную ложь.

(Пауза)

НЕО *(робко)*: А могу я где-нибудь взять учебник по настоящей физике?

МОРФЕУС: Такой вещи не существует, Нео. Вселенная не подчиняется математическим законам.

Глава 65

Ложь порождает ложь

Гермиона Грейнджер однажды где-то прочла, что для поддержания стройности, кроме всего прочего, очень важно обращать внимание на то, что ты ешь и как ты ешь, в результате чего еда должна приносить удовлетворение. Сегодня утром она приготовила себе тост, намазала на него масло, масло посыпала корицей: было сделано всё, чтобы на этот раз её внимание не ускользнуло от чудесной еды на столе.

Не замечая ни корицы, ни масла, вообще не замечая еды, или что она там вообще ест, Гермиона проглотила очередной кусок тоста и спросила:

— Не мог бы ты ещё раз объяснить? Я по-прежнему в полном замешательстве.

— Попробуй думать, как Светлый слизеринец, и всё станет понятно, — ответил мальчик, которого вся школа, за вычетом их двоих, считала её истинной любовью. Гарри Поттер рассеянно помешивал ложкой свою кашу; за это утро он, если Гермиона ничего не проглатывала, съел совсем немного. — Любое добро в этом мире порождает свою противоположность. Фениксы не исключение.

Гермиона в очередной раз, сама того не заметив, откусила кусочек тоста с маслом и корицей:

— Как вообще можно не понимать, что Фоукс считает тебя достаточно хорошим человеком? Он бы не сел на плечо Тёмного волшебника! Ни за что!

Она никому не кричала, что Фоукс коснулся крылом её щеки, потому что знала — это неправильно... Если тебя коснулся феникс, не следует хвастаться, фениксы — не для этого.

Но она действительно надеялась, что феникс развеет все слухи о том, что Гарри Поттер становится злым, а Гермиона Грейнджер следует по его стопам.

Но этого не произошло.

И она искренне не понимала почему.

Гарри рассеяно посмотрел куда-то в сторону и съел ещё одну ложку каши.

— Представь: однажды ты прогуляла школу и соврала учительнице, что была больна. Она просит тебя принести справку от врача, и ты делаешь поддельную справку. Учительница говорит, что позвонит врачу для проверки, и ты даёшь ей телефонный номер своего друга и просишь его притвориться врачом...

— Ты так делаешь!

Гарри отвлёкся от каши и взглянул на неё, теперь уже улыбаясь:

— Я не говорил, что на самом деле так делал, Гермiona...

Затем его взгляд быстро вернулся к каше.

— Нет. Это просто пример. Ложь множится, вот что я имею в виду. Тебе приходится лгать всё больше и больше, лгать о каждом факте, связанном с первой ложью. И если ты продолжишь лгать, продолжишь свои попытки скрыть это, то рано или поздно тебе придётся лгать об основных законах мышления. К примеру, кто-то продаёт тебе некое лекарство альтернативной медицины, которое не работает. И любой двойной слепой эксперимент подтвердит, что лекарство не работает*. Тогда тому, кто захочет продолжать защищать ложь, придётся разуверять тебя в правильности экспериментального метода. Например, заявить, что экспериментальный метод годится только для научных лекарств, а не для столь чудесных продуктов альтернативной медицины, как у них. Или что хороший и добродетельный человек должен верить изо всех сил, и не важно, что при этом говорят свидетельства. Или что правды не существует, и нет такой вещи, как объективная реальность. Большинство из таких житейских мудростей не просто ошибочны, они анти-эпистемологичны, они системно ошибочны. На каждое правило рациональности, объясняющее, как найти правду, есть тот, кто хочет, чтобы ты поверил в обратное. Солгав однажды, ты обнаружишь, что правда отныне стала твоим врагом. И многие люди лгут... — речь Гарри оборвалась.

— Какое это имеет отношение к Фоуксу? — спросила Гермiona.

Гарри вынул ложку из каши и указал в направлении Главного стола.

— У директора есть феникс, верно? А ещё он Верховный чародей Визенгамота. Значит, у него есть политические оппоненты, вроде Люциуса. И что, думаешь, оппозиция просто поднимет лапки и сдастся, потому что у Дамблдора есть феникс, а у них нет? Думаешь, они признают, что Фоукс может быть свидетельством того, что

Дамблдор на стороне добра? Конечно, нет. Им пришлось придумать причину, по которой Фоукс... неважен. Например, что фениксы следуют только за теми, кто сломя голову бросается на людей, которых считает злыми, и потому феникс просто означает, что его хозяин — идиот или опасный фанатик. Или фениксы следуют только за истинными гриффиндорцами, настолько чистыми гриффиндорцами, что в них просто нет места добродетелям других факультетов. Или наличие феникса просто показывает, что магическое создание считает тебя очень смелым, и ничего более, а значит неправильно судить о политиках, опираясь только на это. Они должны сказать хоть что-нибудь, чтобы не принимать феникса во внимание. Я уверен, Люциусу даже не потребовалось придумывать что-то новое. Наверняка это было придумано давным-давно, столетия назад, ещё в тот раз, когда у кого-то впервые на плече оказался феникс, а другому потребовалось, чтобы люди не считали это важным свидетельством. Когда появился Фоукс, это наверняка уже было расхожей истиной, уже казалось странным учитывать, кто фениксу нравится, а кто нет. Как если бы магловская газета составляла рейтинг политических кандидатов по уровню их научной грамотности. В этой вселенной на каждую силу Добра найдётся кто-то, кому выгодно принижать её значимость или загонять в узкие рамки, в пределах которых она становится для него безвредной.

— Но... — протянула Гермиона. — Ладно, я понимаю, почему Люциус Малфой не хочет, чтобы люди думали, что Фоукс имеет какое-то значение, но почему этому верят не только плохие люди?

Гарри Поттер слегка пожал плечами. Он опустил ложку обратно в тарелку и начал помешивать кашу.

— Почему любого рода цинизм привлекает людей? Потому, что он кажется признаком зрелости, мудрости, как будто циник уже видел всё и знает лучше. Или потому, что, принижая, чувствуешь, будто сам становишься выше. Или у них самих нет фениксов, и потому их политические инстинкты говорят им, что нет никакой выгоды в том, чтобы хвалить фениксов. Или потому, что циникам кажется, будто им известен некий секрет, недоступный обычным людям, не знаю...

Гарри Поттер посмотрел в сторону Главного стола, и его голос упал почти до шёпота:

— Думаю, быть может, именно в этом его ошибка — он цинично относится ко всему, кроме самого цинизма.

Гермиона тоже зачем-то посмотрела в сторону Главного стола, но кресло профессора Защиты всё ещё пустовало, так же как в по-

недельник и вторник. Заместитель директора ранее объявила, что сегодняшние занятия профессора Квиррелла будут отменены.

Позже, когда Гарри съел пару кусочков лимонного пирога и вышел из-за стола, Гермиона взглянула на Энтони и Падму, которые совершенно случайно завтракали неподалёку и совсем даже не подслушивали.

Энтони и Падма посмотрели в ответ.

Падма спросила неуверенно:

— Это только мне кажется, или Гарри Поттер в последнее время правда стал разговаривать как в более сложной книге? Я слушаю его не так долго...

— Не только тебе, — подтвердил Энтони.

Гермиона не сказала ничего, но её беспокойство росло. Что бы ни случилось с Гарри Поттером в день, когда феникс появился на его плече, это изменило его, в нём появилось нечто новое. Он не стал холоднее, он стал твёрже. Иногда она замечала его отчётливо смотрящим в окно с мрачной решимостью на лице. В понедельник на уроке травоведения Венера огнеловка* вырвалась из-под контроля, и Гарри отбросил Терри с траектории огненного шара в тот же миг, когда профессор Спраут выкрикнула заклинание Заморозки огня. Поднявшись с пола, Гарри просто вернулся к своему месту, как ни в чём не бывало. И позже, в тот же понедельник, когда впервые на контрольной по Трансфигурации она набрала баллов больше, чем Гарри, он улыбнулся ей, будто поздравляя, вместо того чтобы гневно стиснуть зубы, и... это сильно её беспокоило.

У неё появилось ощущение, что Гарри...

...отдаляется от неё...

— Кажется, будто он внезапно стал намного старше, — сказал Энтони. — Не как настоящий взрослый — не могу представить Гарри взрослым — а как будто тот Гарри, которого мы обычно видели... кем бы он ни был... превратился в четверокурсника.

— Ну, — протянула Падма, со вкусом намазывая глазурь с ароматом булочки на булочку с ароматом шоколада, — я думаю, Драконам и Солнечным лучше бы вступить в союз в следующей битве, или мистер Гарри Поттер нас разгромит в пух и прах. Мы заключали союз в прошлый раз, но и тогда Хаос чуть не победил...

— Да, — согласился Энтони, — вы правы, мисс Патил. Передайте генералу Драконов, что мы хотим встретиться...

— Нет! — оборвала Гермиона. — Чтобы получить шанс, нам вовсе не нужно объединяться против генерала Поттера. Это бессмыс-

лица. Особенно теперь, когда всем запретили использовать артефакты маглов. В каждой армии всё ещё по двадцать четыре солдата.

И Падма, и Энтони промолчали.

* * *

Тук-тук, тук-тук.

— Входите, мистер Поттер, — сказала она.

Дверь со скрипом открылась, и Гарри Поттер проскользнул в её кабинет. Он закрыл за собой дверь и молча сел в мягкое кресло, стоявшее перед её столом. Ей так часто приходилось трансфигурировать это кресло, что иногда оно менялось само, подстраиваясь под настроение хозяйки без малейших движений палочкой, без заклинаний и даже без осознанного намерения с её стороны. Сейчас кресло оказалось настолько мягким, что Гарри просто утонул в его объятиях.

Гарри как будто и не заметил этого. От мальчика исходила спокойная решимость, он невозмутимо встретил её взгляд и ни на секунду не отрывал глаз.

— Вы вызывали меня? — спросил мальчик.

— Вызывала, — ответила профессор МакГонагалл. — У меня есть для вас две хорошие новости, мистер Поттер. Первая, вы знакомы с мистером Рубеусом Хагридом, лесничим? Он был старым другом ваших родителей.

Гарри помедлил, а затем сказал:

— Мистер Хагрид сказал мне пару слов после моего прибытия в Хогвартс. Кажется, это было во вторник моей первой недели в школе. Он даже не упомянул, что знал моих родителей. В тот раз я подумал, что он лишь хотел представиться Мальчику-Который-Выжил... У него были какие-то скрытые мотивы? Он не походил на человека, у которого...

— А, — вздохнула она. Ей потребовалось мгновение, чтобы собраться с мыслями. — Это долгая история, мистер Поттер. Мистер Хагрид был ошибочно обвинён в убийстве ученика пятьдесят лет назад. Его палочку сломали, а его самого — исключили. Позже, когда профессор Дамблдор стал директором, он предложил Хагриду должность хранителя земель и ключей.

Гарри не сводил с неё внимательного взгляда.

— Вы упоминали, что пятьдесят лет назад в Хогвартсе последний раз погиб ученик, и вы уверены, что пятьдесят лет назад кто-то в последний раз слышал тайное сообщение Распределяющей шляпы.

Она ощутила слабый холодок: даже директор и Северус не смогли бы так быстро заметить связь.

— Да, мистер Поттер. Кто-то открыл Тайную Комнату, но никто в это не поверил. И мистер Хагрид был обвинён в случившейся смерти. Однако директор определил дополнительное заклинание на Распределяющей шляпе и предъявил это специальной комиссии Визенгамота. В результате приговор мистера Хагрида был отменён, как раз сегодня утром, и ему разрешили приобрести новую палочку, — она помедлила. — Мы... ещё не говорили мистеру Хагриду, мистер Поттер. Мы не хотели давать ему ложную надежду после стольких лет и потому ждали окончательного решения. Мистер Поттер... можно ли сказать мистеру Хагриду, что именно вы помогли ему?...

По выражению его глаз она поняла, что сейчас он взвешивает...

— Я помню, как мистер Хагрид держал вас на руках, когда вы были младенцем, — добавила она. — Я думаю, он будет очень рад, когда узнает.

По лицу Гарри она легко могла заметить мгновение, когда он пришёл к выводу, что Рубеус для него бесполезен.

Гарри покачал головой:

— И так плохо, что кто-то может догадаться, что в этом году среди первогодок появился змееуст. Думаю, будет более благоразумно держать всё в тайне, насколько это возможно.

Она вспомнила Джеймса и Лили, которые без колебаний приняли дружбу огромного грубовато-добродушного человека, несмотря на то что Джеймс был наследником богатого Дома, Лили была подающим надежды Мастером Чар, а Рубеус — всего лишь полувеликаном, чья палочка была сломана...

— Это потому, что вы не считаете его для себя полезным, мистер Поттер?

Повисло молчание. Она не хотела этого говорить, но слова вырвались у неё сами.

По лицу Гарри скользнула печаль.

— Может быть, — сказал он тихо. — Просто я не думаю, что мы с ним поладим. А вам так не кажется?

Слова застряли у неё в горле.

— Кстати, об использовании людей, — заметил Гарри. — Кажется, меня вскоре бросят на войну с Тёмным Лордом. И пока я в вашем кабинете, я хочу попросить, чтобы мой цикл сна был расширен до тридцати часов в день. Невилл Лонгботтом собирается обучаться дуэльному искусству — один из старшекурсников Пуффендуча предло-

жил ему свою помощь, и они пригласили меня присоединиться. Я хотел бы изучать и другие предметы. Если вы или директор считаете, что я должен обучиться чему-то конкретному, чтобы стать могущественным волшебником, дайте мне знать. Будьте добры, укажите мадам Помфри, чтобы она выдала мне соответствующее зелье, или что там необходимо...

— Мистер Поттер!

Гарри смотрел ей прямо в глаза.

— Да, Минерва? Я знаю, это не ваша идея, но я хочу пережить то, что уготовано мне директором. Пожалуйста, не препятствуйте.

Это чуть не сломило её.

— Гарри, — едва прошептала она, — дети не должны так думать.

— Вы правы, не должны, — сказал Гарри. — Но многим детям приходится рано взрослеть, не только мне. И большинство детей с радостью бы поменялось со мной местами. Я не собираюсь жалеть себя, профессор МакГонагалл, когда есть люди в реальной беде, а я не один из них.

Она с трудом сглотнула и произнесла:

— Мистер Поттер, тридцать часов в день, вы станете... старше, вы будете быстро стареть...

Как Альбус.

— И на пятом курсе я буду примерно в том же физиологическом возрасте, что и Гермiona, — заметил Гарри. — Это не кажется таким уж страшным.

Теперь на лице Гарри была кривая улыбка.

— Честно говоря, возможно, я бы хотел этого, даже если бы Тёмного Лорда не было. Волшебники живут долго, и либо волшебники, либо маглы, вероятно, ещё увеличат продолжительность жизни в течение следующего столетия. Нет причин не упаковывать столько часов в один день, сколько я только могу. У меня большие планы, и хорошо бы их реализовать побыстрее.

Повисла тишина.

— Хорошо, — наконец почти шёпотом сказала Минерва.

Она повысила голос:

— Хорошо, мистер Поттер, я поговорю с директором, и, если он согласится, то так и будет.

Глаза Гарри на мгновение сузились.

— Понятно. Тогда, пожалуйста, напомните директору о последних словах Годрика Гриффиндора, который сказал, что если что-то правильно для него, то он не посоветует кому-либо поступать иначе, даже самому юному ученику Хогвартса.

И она поняла, ощутив пустоту внутри, что её надежда на Альбуса, который мог бы не допустить это, не допустить хоть что-то из этого, только что канула в небытие. Именно эти слова Альбус говорил ей, когда она возражала, что Кэмерон Эдвард ещё слишком молод, и позже, когда она возражала, что Питер Певенси* ещё слишком молод, и в конце концов она просто перестала возражать.

— Кто рассказал вам об этом, мистер Поттер?

Не Альбус. Альбус ни за что не сказал бы такое ученику.

— Я много читал в последнее время, — ответил Гарри. Он начал подниматься из обхватывающего его кресла, но остановился. — Могу я спросить о второй хорошей новости?

— О, — спохватилась она, — профессор Квиррелл очнулся и сказал, что вы можете...

* * *

Лазарет Хогвартса представлял собой большой зал без перегородок, залитый светом, струящимся из окон во всех четырёх стенах, несмотря на то, что лазарет вроде бы находился глубоко внутри замка. В зале стояли длинные ряды белых кроватей, но сейчас заняты были только три. Друг напротив друга неподвижно лежали юноша и девушка с закрытыми глазами. Вероятно, они были без сознания и зачарованы на время, пока какое-то лечащее заклинание или зелье перестраивало их тела неприятным образом. Вокруг кровати третьего пациента были установлены занавески, для чего, видимо, были свои причины.

Мадам Помфри сурово подтолкнула Гарри в спину и сказала, чтобы он перестал глазеть. Гарри пришлось резко напомнить себе, что некоторые люди до сих пор не знают, кто такой Мальчик-Который-Выжил. Ну или мадам Помфри привыкла безраздельно властвовать на своей территории.

За рядами кроватей находились пять дверей, ведущих в отдельные комнаты, где размещались пациенты, лечение которых занимало дни, а не часы, но чьё состояние при этом не требовало транспортировки в больницу Святого Мунго.

Комната за средней дверью оказалась без окон и освещалась единственным бездымным факелом, укреплённым на каменной стене. Гарри задумался, могут ли профессора просить Хогвартс менять обстановку, или в лазарете была предусмотрена такая комната для людей, которые не любят свет.

В центре комнаты, между двумя одинаковыми прикроватными столиками, которые выглядели так, будто они вырезаны из того же серого мрамора, что и стены, стояла белая больничная кровать. В свете бездымного факела она казалась слегка оранжевой. На кровати, слегка опираясь на изголовье, сидел одетый в больничную пижаму и укрытый простыней по пояс профессор Квиррелл.

Было немного страшно видеть профессора Квиррелла на одной из кроватей мадам Помфри, даже при том, что профессор Защиты, казалось, не был ранен, и даже помня, что профессор Квиррелл поддался в поединке с Северусом, чтобы дать себе возможность восстановить силы после Азкабана. Вообще-то Гарри никогда не видел умирающих на больничной койке, но он видел слишком много фильмов. Это был намёк на смертность, а профессор Защиты не должен быть смертным.

Мадам Помфри сказала Гарри, что ему абсолютно запрещено утомлять её пациента.

Гарри ответил, что он понимает, хотя формально это ничего не говорило о том, что он подчинится этому требованию.

Суровая пожилая целительница повернулась и начала объяснять профессору Квирреллу, что он абсолютно не должен перенапрягаться и... беспокоиться...

Мадам Помфри прервалась, торопливо повернулась и покинула комнату.

— Неплохо, — заметил Гарри, когда дверь закрылась за сбежавшей смотрительницей лазарета. — Надо и мне как-нибудь такому научиться.

В улыбке профессора Квиррелла не было ни капли юмора. Его голос прозвучал гораздо бесстрастнее обычного:

— Спасибо за вашу высокохудожественную критику, мистер Поттер.

Гарри смотрел в бледные голубые глаза, и думал, что профессор Квиррелл выглядит...

...старше.

Ощущение было неуловимым, может, даже воображаемым, возможно, всё дело было в плохом освещении. Но волосы надо лбом Квирина Квиррелла вроде бы немного поредели, а те, что остались, казалось, истончились и поседели, лысина, уже заметная на его затылке, продвигалась дальше. Лицо как будто слегка осунулось.

Однако взгляд бледно-голубых глаз оставался как прежде острым и пронзительным.

— Я рад, — тихо сказал Гарри, — что вы выглядите здоровым.

— Внешность, конечно, может быть обманчивой, — ответил профессор Квиррелл. Он шевельнул пальцами, и когда движение

было завершено, в руке его оказалась волшебная палочка. — Представляете, эта женщина думает, что конфисковала её у меня.

Профессор Защиты произнёс шесть заклинаний. Шесть из тех тридцати, которые он обычно использовал в качестве меры предосторожности во время важных разговоров в ресторане «У Мэри».

Гарри недоумённо поднял брови.

— Это всё, на что я сейчас способен, — сказал профессор Защиты. — Думаю, этого будет достаточно. Тем не менее, есть поговорка: если вы не хотите, чтобы вас подслушали, — промолчите. Сейчас она применима целиком и полностью. Итак, вы хотели меня видеть?

— Да, — ответил Гарри. Он помедлил, собираясь с мыслями. — Директор или кто-нибудь ещё передали вам, что мы не сможем больше обедать вместе?

— Что-то подобное было упомянуто, — произнёс профессор Защиты. И, не меняясь в лице, добавил: — Разумеется, мне было ужасно грустно это услышать.

— На самом деле, всё куда хуже, — сказал Гарри. — Я на неопределённое время заперт на территории Хогвартса. Я не могу покидать замок без охраны и без веских причин. Я не поеду домой летом, а может, и вообще никогда. Я надеялся... поговорить с вами об этом.

Повисла тишина.

Профессор Защиты коротко выдохнул и произнёс:

— Тогда нам придётся рассчитывать на известный факт, что заместитель директора лично убьёт любого, кто попытается донести на меня. Мистер Поттер, я намерен вести этот разговор так, чтобы мы могли завершить его быстро. Вам понятно?

Гарри кивнул, и...

Свет единственного факела, смещённый к красному концу оптического спектра, зелёные чешуйки змеи отражали плохо. Синие и белые полосы — едва ли лучше. Тёмной казалась змея в этом свете. А глаза, что раньше были похожи на серые ямы, теперь отражали свет факела и казались ярче, чем всё остальное.

— *Итак,* — прошипело ядовитое существо. — *Что ты хотел с-сказать?*

Гарри прошипел в ответ:

— *Директор с-считает, что женщ-щину из тюрьмы на с-самом деле с-спас-с её прежний лорд.*

На этот раз Гарри обдумал этот вопрос более тщательно и решил, что он расскажет профессору Квирреллу лишь о том, что директор убеждён в возрождении Тёмного Лорда. Он не будет

рассказывать ни про пророчество, из-за которого Волдеморт нацелился на родителей Гарри, ни про то, что директор воссоздаёт Орден Феникса... Это был риск, причём значительный, но Гарри был нужен союзник в этом вопросе.

— Он с-считает, что тот жив? — наконец отозвалась змея. Раздвоенный язык заметался из стороны в сторону, изображая сардонический змеиный смех. — Почему-то я не удивлён.

— Да, — бесстрастно прошипел Гарри, — очень вес-село, несомненно. Ес-сли не с-считать, что я зас-стрял в Хогвартс-се на с-следующ-щие ш-шес-сть лет ради безопас-нос-сти! Я реши-шил, что дейс-ствительно буду с-стремитьс-ся к влас-сти, но заточение не очень с-спос-собс-твует. С-следует убедить директора, что Тёмный Лорд ещ-щё не вернулс-я, что бес-ство женщ-ицыны — вмеши-шательс-ство каких-то иных с-сил...

Опять быстрое мелькание змеиного языка. Змеиный смех в этот раз был сильнее и суше.

— Дилетантс-ские глупос-сти.

— В с-смыс-сле? — прошипел Гарри.

— Ты видиш-шь ош-шибку, думаеш-шь, как её отменить, начать отс-счёт времени с-снова. Но даже пес-сочные час-сы не могут повернуть время вс-спять. Нужно двига-тьс-я вперёд. Ты думаеш-шь убедить ос-стальных, что они ош-шибаются. Гораздо легче убедить их, что они правы. Подумай, мальчик: какое новое обс-стоятельс-ство зас-ставит директора реши-шить, что ты опять в безопас-ности, и при этом с-спос-собс-твует другим твоим замыс-слам?

Гарри недоумённо уставился на змею. Его разум пытался понять и разгадать загадку...

— Разве не яс-сно? — прошипела змея. Язык опять заметался в сардоническом смехе. — Ч-тобы ос-свободитьс-я, ч-тобы захватить влас-сть в Британии, вс-се должны с-снова увидеть, как ты с-сразишь Тёмного Лорда.

* * *

В красно-оранжевом мечущемся пламени факела над белой бо-льничной кроватью покачивалась зелёная змея, и мальчик смотрел в уголки её глаз.

— Так, — наконец прошипел Гарри. — Хочу прояс-нить мыс-сль. Предлагаеш-шь с-создать двойника Тёмного Лорда?

— *Что-то похожее. С-спас-сённая женщ-щина поможет. Будет дос-стовернее, ес-сли вс-се увидят её с-с ним. — Снова сардоническое метание языка. — Тебя похитят из Хогвартс-са в людное мес-сто, вокруг много с-свидетелей, чары отс-секут твоих защ-щитников. Тёмный Лорд объявит, что годами с-скиталс-ся, как дух, и наконец вос-становил с-своё тело. С-скажет, что до с-сих пор обладает великой с-силой, и что даже ты не с-сможешь его тепер-ь ос-становить. Предложит тебе с-схватку. Ты с-создашь чары защ-щитника, Тёмный Лорд рас-смеётся, с-скажет, что он не пожиратель жизни. Ис-пользует С-смертельное проклятье, ты отразиш-шь, с-свидетели увидят, как Тёмный Лорд взорвётс-ся...*

— *Ис-пользует С-смертельное проклятье?* — недоверчиво прошипел Гарри. — *На меня? С-снова? Второй раз? Никто не поверит, что Тёмный Лорд нас-столько глуп...*

— *В с-стране найдётс-ся лиш-шь два человека, которые это заметят — ты и я, —* прошипела змея. — *Поверь мне, мальчик.*

— *Что ес-сли однажды найдётс-ся третий?*

Змея задумчиво покачалась.

— *Ес-сли хочеш-шь, можеш-шь напис-ать иной с-сценарий для пьес-сы. Но в любом с-сценарии с-следует ос-ставить воз-можнос-ть для Тёмного Лорда вернутс-ся с-снова — с-страна должна с-считать, что завис-сит от твоей защ-щиты.*

Гарри смотрел в провалы змеиных глаз, где мелькали красные язычки огня.

— *Что с-скажеш-шь?* — прошипела раскачивающаяся фигура.

Сразу напрашивалась мысль, что воспользоваться планом профессора Защиты уже во второй раз, накрутить ещё более сложную ложь, чтобы прикрыть первую ошибку, и создать ещё одну роковую уязвимость, если кто-то когда-нибудь обнаружит правду, будет в точности такой же тупостью, как повторное использование Смертельного проклятья подставным Тёмным Лордом. Чтобы это заметить, даже не нужна его пuffedуи-сторона — собственный внутренний голос Гарри указывал на эту ошибку.

Оставался вопрос: стоит ли вынести из последнего приключения такую мораль — всегда сразу же отвечать «нет» профессору Защиты — или...

— *Буду размыш-лять, —* прошипел Гарри. — *Не с-стану с-сразу отвечать в этот раз, с-сперва пос-считаю рис-ски и преиму-щес-ства...*

— Яс-сно, — прошипела змея. — Но помни, мальчик, другие с-события с-случатс-ся и без тебя. Колебатьс-ся вс-егда легко, но не час-сто полезно.

* * *

Мальчик вышел из палаты в главное помещение лазарета, нервно вороша растрёпанные чёрные волосы, и прошёл мимо белых коек, занятых и пустых.

Минутой позже он совсем покинул лазарет Хогвартса, отстранённо кивнув мадам Помфри.

Мальчик вышел в холл, затем в широкий коридор, там, наконец, остановился и прислонился к стене.

Дело в том...

...что ему вовсе не хотелось застрять в Хогвартсе на шесть следующих лет. И если задуматься... Не только Гарри заплатил свою цену за спасение Беллатрисы из Азкабана. Другие люди станут беспокоиться, жить в страхе возвращения Тёмного Лорда, тратить чёрт знает сколько сил, чтобы предпринять чёрт знает какие предосторожности. Гарри мог потребовать, чтобы сценарий был составлен так, чтобы в результате третье возвращение Тёмного Лорда казалось невозможным. И тогда люди вздохнут спокойно, всё закончится.

Но только если где-то на самом деле не скрывается Тёмный Лорд, которого стоит бояться. Ведь пророчество действительно существует.

Мальчик оттолкнулся от стены, слегка вздохнул и пошёл дальше.

Гарри чуть не забыл, но всё же показал профессору Квирреллу колоду карт, полученную воскресной ночью от «Санта-Клауса», червовый король из которой был предположительно портключом, ведущим в Институт Салемских ведьм в Америке. Хотя Гарри, конечно, не сообщил профессору, ни кто прислал ему карту, ни её предположительное назначение, прежде чем спросить у него, возможно ли узнать место назначения портключа.

Профессор Защиты вернулся в человеческое обличье и изучил короля червей, постучав по карте волшебной палочкой несколько раз.

И если верить профессору Квирреллу...

...портключ отправил бы его куда-то в Лондон. Определить более точный адрес профессор не смог.

Гарри показал профессору Квирреллу записку, шедшую вместе с колодой карт, умолчав о предыдущих записках.

Профессор Квиррелл бросил на неё взгляд, слегка усмехнулся и отметил, что если прочитать записку внимательно, то нигде в явном виде не говорится, что портключ отправит его в Институт Салемских ведьм.

Профессор Квиррелл сказал, что Гарри следует научиться уделять внимание подобным мелочам, если он хочет вырасти могущественным волшебником. Или хотя бы вообще вырасти.

Мальчик вздохнул и потащился в класс.

Он начал задумываться, все ли школы волшебников такие же проблемные, или это Хогвартс такой особенный.

Глава 66

Самоактуализация. Часть 1

Колебаться всегда легко, но не час-сто полезно.

Так сказал профессор Защиты, и пусть по мелочам с этой фразой можно было поспорить, Гарри достаточно хорошо понимал слабости когтевранцев и знал: на собственные придирки нужно стараться находить ответ. Бывает ли так, что план требует ожидания? Да, бывает — во многих планах необходимо отсрочить действие, но это совсем не то же самое, что тянуть с выбором нужного действия. Хитрый план может включать в себя промедление, вызванное тем, что время действовать наступит позже. Но хитрых планов, которые бы включали в себя промедление из-за того, что не получается принять решение, не бывает.

Бывает ли так, что для выбора нужно больше данных? Да, но это может оказаться лишь оправданием для промедления. Если нужно рассмотреть две болезненные альтернативы, отложить выбор заманчиво, ведь бегство от выбора позволит на время избежать головной боли. Тут же находится труднодоступная информация, без обладания которой сделать выбор ну совсем никак не получается, и всё — повод для промедления готов. Хотя если знать, какие именно сведения необходимы, когда и как их можно получить, и как поступить при любом возможном раскладе, это становится уже меньше похоже на отговорку.

Если дело действительно не в колебаниях при выборе, то нужно заранее решить, что делать после получения дополнительной информации, которая якобы требуется.

Если Тёмный Лорд действительно жив, разумно ли действовать по плану профессора Квиррелла с поддельным Тёмным Лордом?

Нет. Разумеется нет. Безусловно нет.

А если бы Гарри точно знал, что Тёмного Лорда не существует... тогда...

Кабинет профессора Защиты был тесен, по крайней мере сегодня. Комната преобразилась со времени последнего визита Гарри: камень

стен стал более тёмным, более блестящим. Позади стола профессора, как и всегда, стоял пустой книжный шкаф высотой почти до потолка с семью пустыми полками. Гарри лишь однажды видел, как профессор Квиррелл брал книгу из этого шкафа, и никогда не видел, чтобы он ставил книгу на место.

За столом профессора Защиты прямо над стулом раскачивалась зелёная змея. Глаза без век, не моргая, смотрели на Гарри, примерно на уровне его глаз.

Сейчас их прикрывало двадцать два заклинания — всё, что можно было использовать в Хогвартсе, не привлекая внимания директора.

— *Нет*, — прошипел Гарри.

Зелёная змея приподняла и слегка наклонила голову. Это движение не передавало каких-то эмоций. Или дара змееуста не хватало, чтобы Гарри мог их понять.

— *Причина?* — спросила змея.

— *С-слиш-шком рис-сковано*, — просто ответил Гарри. Это было правдой вне зависимости от того, воскрес Тёмный Лорд или нет. Заставив себя определиться со своими действиями заранее, он понял, что отсутствие информации было для него лишь поводом для колебаний. Разумное решение было одинаково в обоих случаях.

На мгновение в чёрных, похожих на провалы глазах вспыхнул тёмный блеск, на мгновение чешуйчатый рот приоткрылся, демонстрируя клыки:

— *С-считаю, ты извлёк ош-шибочный урок из пос-следней неудачи, мальчик. Мои планы обычно не предполагают провала, и побег прош-шёл бы безупречно, не соверш-ши ты глупос-сть. Верный урок — с-следовать за с-старшим и мудрым с-слизерин-цем, укрош-щая с-свою дикую импульс-сивность.*

— *Урок, полученный мной, — избегать планов, которые за-ставят девочку-друга думать, что я злой, или мальчика-друга, что я глупый*, — резко ответил Гарри. Он собирался ответить более спокойно, но эти слова просто вырвались сами.

В шипении змеи не различалось слов, только чистая ярость. Через мгновенье послышалось:

— *Ты рас-с-сказал им...*

— *Разумеетс-ся, нет! Но знаю, что они бы с-сказали.*

Разговор надолго прервался. Змеиная голова раскачивалась, сверля Гарри взглядом. Снова невозможно было различить никаких эмоций, и Гарри оставалось только гадать, о чём мог так долго думать профессор Квиррелл.

— Тебя вс-серьёз заботит, что думают эти двое? — наконец раздалось шипение змеи. — Нас-стоящие дети они оба, с-совс-сем не как ты. Не готовы с-судить о вэрос-слых делах.

— Иногда могут с-судить лучш-ше меня, — прошипел Гарри. — Мальчик-друг с-сперва с-спрос-сил бы о с-скрытых мотивах, прежде чем с-соглаш-шаться с-спас-сти женщ-щину...

— Хорош-шо, что ты понимаеш-шь это с-сейчас-с, — холодно прошипела змея. — Вс-егда с-спрашивай, в чём польза для другого. Затем научис-сь вс-егда с-спрашивать, в чём польза для тебя. Ес-сли мой план тебе не по вкус-су, то каков твой?

— Ес-сли потребуе-тся — ос-статьс-ся в ш-школе на ш-шес-сть лет и учитьс-ся. Хогвартс-с кажетс-ся неплохим мес-стом. Книги, товарищ-щи, с-странная, но вкус-ная еда. — Гарри хотел хихикнуть, но в парселтанге не было способа передать такую эмоцию.

Провалы змеиных глаз казались почти чёрными.

— С-сказать так с-сейчас-с легко. Такие как ты и я не перенос-сят заключения. Ты потеряеш-шь терпение задолго до с-седьмого года, возможно, ещ-щё не ус-спеет кончитс-ся этот. Я буду с-строить планы с-ответс-ственно.

И прежде чем Гарри успел прошипеть хоть слово в ответ, профессор Квиррелл уже сидел в кресле в человеческом облике.

— Итак, мистер Поттер, — спокойно сказал профессор Защиты, как если бы они только что обсуждали что-то совершенно маловажное, будто всего предыдущего разговора вообще не было, — я слышал, вы начали обучаться дуэльному искусству. Надеюсь, не тому бессмысленному варианту с правилами?

* * *

Гермиона никогда не видела Ханну Аббот такой встревоженной (то есть, был день с фениксом — день, когда сбежала Беллатриса Блэк, — но он не считается). Пуффендуйка подошла к столу Когтеврана за обедом, тронула её за плечо и чуть ли не силой отвела в сторону...

— Невилл и Гарри Поттер учатся дуэльному искусству у мистера Диггори! — выпалила Ханна, когда они оказались в нескольких шагах от стола.

— У кого? — переспросила Гермиона.

— У Седрика Диггори! — ответила Ханна. — Он капитан нашей команды по квиддичу и генерал армии, он изучает все дополнительные предметы и получает оценки выше, чем кто-либо, и я слы-

шала, он учится дуэлям у профессионального тренера каждое лето, и он однажды победил двух семикурсников, даже учителя называют его супер-пффендуйцем, а профессор Спраут говорит, что мы все должны брать с него пример...

Наконец Ханна остановилась, чтобы набрать воздуха (перечисление подвигов на некоторое время прекратилось) и Гермиона сумела вставить слово:

— Солнечный солдат Аббот! Успокойся. Мы же не будем сражаться с генералом Диггори, так? Конечно, Невилл учится дуэльному искусству, чтобы победить нас, но ведь мы тоже можем тренироваться...

— Ты не понимаешь?! — завопила Ханна, её голос стал гораздо громче, чем было необходимо, если они хотели сохранить разговор в тайне от всех уставившихся на них когтевранцев. — Невилл учится не для того, чтобы разбить нас. Он тренируется, чтобы сражаться с Беллатрисой Блэк! Они пройдут сквозь нас как бладжер сквозь стопку блинов.

Солнечный генерал внимательно посмотрела на своего солдата.

— Послушай, — произнесла Гермиона, — я не думаю, что несколько недель тренировок могут сделать из кого-нибудь непобедимого бойца. К тому же мы знаем, как обращаться с непобедимыми бойцами. Мы сконцентрируем на них огонь, и они проиграют как Драко.

Девочка смотрела на неё со смесью восхищения и скептицизма.

— Ты даже ни капельки не волнуешься?

— Ну честное слово! — воскликнула Гермиона. Иногда тяжело быть единственным разумным человеком на всём курсе. — Разве ты не слышала поговорку: «нам нечего бояться, кроме самого страха»?

— Что?! — возмутилась Ханна. — Это безумие! А как же летифолды, которые прячутся во тьме, или проклятие Империи, или жуткие несчастные случаи при трансфигурации, или...

— Я хочу сказать, — прервала её Гермиона, раздражённо повысив голос (ей приходилось выслушивать подобные излияния уже целую неделю), — давай дождёмся, когда Легион Хаоса на самом деле сокрушит нас, и уже потом начнём бояться. И ты правда только что пробормотала «гриффиндорцы»?

И Гермиона вернулась к своему месту за столом с милой улыбочкой на лице. Это, конечно, не могло сравниться с ужасным холодным взглядом Тёмной Стороны Гарри, но ничего более устрашающего изображать на лице она не умела.

Гарри Поттер будет повержен.

* * *

— Это сумасшествие, — прохрипел Невилл из последних сил.

— Это гениально! — воскликнул Седрик Диггори. Глаза супер-пуффендуйца горели маниакальным энтузиазмом и блестели так же, как пот на его лбу, а ноги,двигающиеся в танце дуэльных движений, с грохотом впечатывались в пол. Его обычно лёгкие шаги превратились в тяжёлую поступь, на что, возможно, повлияли трансфигурированные металлические утяжелители, которые они прицепили себе на руки, на ноги и привязали вокруг груди. — Где вы берёте такие идеи, мистер Поттер?

— В странном старом магазине... в Оксфорде... и я никогда... больше... туда не зайду.

Грохот.

Самоактуализация.

Часть 2

Верхние этажи Хогвартса. Здесь ежедневно меняются комнаты и коридоры. Здесь не только карта, но даже сама территория ненадёжна. Здесь сама стабильность замка начинает таять и переходит в грёзы и хаос, при этом не меняя своего архитектурного стиля и сохраняя кажущуюся твёрдость.

И скоро здесь начнётся битва.

При таком количестве учеников, постоянно смотрящих по сторонам, коридоры на время стабилизируются. Двигались комнаты и коридоры Хогвартса иногда даже у всех на виду, но они никогда не менялись в чужом присутствии. Наверное, для Хогвартса это было сродни переодеванию, и даже спустя восемь веков он немного стеснялся.

Но, несмотря на своё изменчивое постоянство, (как говорил профессор Квиррелл) у верхних этажей Хогвартса была некоторая реалистичность с военной точки зрения: каждый раз приходилось изучать местность заново, раз за разом проверяя каждый закуток на наличие скрытых проходов.

Дело было в воскресенье — воскресенье первого марта. Профессор Квиррелл достаточно поправился и теперь вновь мог проводить битвы, и все старались наверстать упущенное.

Генерал Драконов, Драко Малфой, смотрел на два компаса, которые держал в руках. Один был цвета солнца, второй блеснул радужным многоцветием, изображающим Хаос. Драко знал, что у остальных генералов были свои компасы, но одна из рук Гермионы Грейнджер и Гарри Поттера должна была сжимать оранжево-красный, поблёскивающий как огонь, компас, всегда указывающий на самую крупную группу активного контингента Армии Драконов.

Без этих компасов они могли бы целыми днями искать друг друга и всё равно не найти. При сражении на верхних этажах Хогвартса такая опасность была неизбежной.

У Драко было плохое предчувствие по поводу того, что произойдёт, когда Армия Драконов найдёт Легион Хаоса. После побега Беллатрисы Блэк Гарри Поттер изменился. Наследник Слизерина теперь выглядел как настоящий лорд (и откуда профессор Квиррелл знал, что это случится?). Драко бы чувствовал себя намного лучше, если бы рядом с ним стояла Гермиона Грейнджер и двадцать три Солнечных солдата. Но нет, генерал Солнечных оказалась по-идиотски гордой и отказалась принять его помощь против генерала Поттера. По её словам, она хотела победить Поттера сама.

Благородный и Древнейший Дом Малфоев веками сохранял своё влияние в Британии, потому что Малфои понимали: невозможно всегда оставаться самыми могущественными. Иногда другой лорд просто оказывается сильнее, и какое-то время приходится довольствоваться всего лишь местом его правой руки. Можно накопить богатство и силу, даже оказавшись на несколько поколений на втором месте. Нужно лишь всякий раз соблюдать осторожность, чтобы лорд, которому ты служишь, при своём падении не утянул за собой и твой Дом. Малфои веками оттачивали эту стратегию...

И поэтому отец тщательно объяснил Драко, что, если тот сталкивается с кем-то, кто явно сильнее, то Драко не должен возмущаться, отрицать это или впадать в ярость, поскольку это только пошатнёт его позиции. Он должен позаботиться, чтобы его место в структуре власти в следующем поколении было не ниже второго.

Судя по всему, Грейнджер такого урока от родителей не получала и до сих пор отрицала очевидный факт, что Гарри Поттер становится сильнее, чем она.

Поэтому Драко тайно встретился с капитанами Голдштейном, Боунс и Макмилланом, и они согласились сделать всё возможное, чтобы Драконы и Солнечные не вступали в бой друг с другом до тех пор, пока не будет устранена угроза со стороны Легиона Хаоса.

Настоящим нарушением договора против предателей это всё-таки не было, поскольку если ты на самом деле искренне стремишься к совместным действиям, это нельзя считать подстрекательством к предательству.

Громкий звон колокола пронёсся по коридорам, возвещая начало битвы.

Секундой позже Драко крикнул: «Вперёд!» — и Драконы побежали. Это утомит его солдат и будет немало им стоять даже после того, как они остановятся и переведут дыхание, однако они были обязаны зажать Легион Хаоса между собой и Солнечным Отрядом.

Гарри и Невилл неторопливо шагали по коридору. Гарри не сводил взгляда с жёлто-золотого компаса, который указывал на расположение Солнечного Отряда. Невилл смотрел по сторонам, на случай, если они наткнутся на кого-нибудь ещё.

Если прислушаться, их поступь звучала тяжелее чем обычно.

— Значит, — спустя некоторое время заговорил лейтенант Хаоса, — ты именно поэтому заставлял нас тренироваться с утяжелителями?

Гарри кивнул, не отрывая глаз от компаса, нацеленного на Солнечных. Быстрая смена направления стрелки означала бы, что Солнечные близко.

— Я не хотел говорить при других, но пара недель — это явно недостаточно для того, чтобы значительно прибавить в мышцах, — сказал Невилл. — И баланс другой, и я думаю, что эти штуки на самом деле весят больше. И разве они не считаются за трансфигурированные магловские артефакты?

— Нет, — сказал Гарри. — Я проверил заранее. Они встречаются на статуях Хогвартса, то есть когда-то некоторые волшебники их носили, пусть даже это было модно лишь в Тёмные века.

А поскольку никому в голову не придёт использовать их, кроме как в сражении с первокурсниками, которые используют только слабые заклинания вроде усыпляющего, то это нельзя считать и разглашением хороших идей.

Они дошли до развилки в виде буквы «У» — довольно неприятного места, поскольку ни один из коридоров не шёл в направлении, которое позволило бы им перехватить Солнечных, преследующих Легион Хаоса, который в свою очередь преследовал Армию Драконов. Поэтому Гарри просто выбрал коридор, который ему понравился больше, и Невилл последовал за своим генералом.

— Нам лучше наложить чары тишины на эти штуки, когда будем подходить ближе, — сказал Невилл. — Они шумноваты, и Солнечные могут догадаться.

Гарри кивнул и на случай, если Невилл не смотрел на него, добавил:

— Хорошая идея.

Они побрели дальше по коридору где-то на верхних этажах Хогвартса. Свет падал на каменный пол через витражи и окна из прозрачного стекла. То тут, то там встречались статуи ведьм, драконов, а порой даже рыцарей-волшебников в пластинчатых доспехах или кольчугах.

Солнечные солдаты шагали по длинному и широкому коридору, держа палочки наготове. Они не могли использовать Призматический щит на ходу, но Парвати Патил и Дженни Рустад поддерживали щиты *Контего* вокруг группы офицеров, которые будут первоочерёдной целью любой засады.

Для этой битвы Гермиона и её офицеры придумали следующую тактику: смешаться как можно быстрее с вражескими солдатами. Перед этим они потренировались поддерживать друг друга, стрелять так, чтобы не попадать друг в друга, и выбирать позиции так, чтобы вражеские солдаты медлили, боясь попасть в своих. На тренировки у них было всего четыре часа, но Гермиона считала, что её войска в подобной неразберихе проявят себя лучше, чем солдаты, которые в этом вообще не практиковались. Казалось, такую тактику мог бы использовать Хаос, но те пока к ней не прибегали.

Гермиона полагала, что это хорошая стратегия. Но тем не менее, до сих пор, сколько бы она ни отчитывала своих солдат, те по-прежнему шёпотом обменивались страшными слухами о том, чему учились Гарри и Невилл. Наконец, она не выдержала и поговорила с капитаном Голдштейном, который разбирался в таких вещах, как командный дух, и Энтони предложил...

— Странно, — внезапно прервал молчание капитан Макмиллан, хмуро изучая огненный и радужный компасы, которые он держал в руках. (У Эрни, если использовать терминологию Гарри, было «хорошее пространственное воображение». Поэтому его назначили хранителем обоих компасов, чтобы он попробовал разобраться, чем занимаются их враги.) — По-моему... Драконы стали двигаться медленнее... Думаю, они сперва переместились так, чтобы Хаос оказался между нами... и, кажется, Хаос собирается напасть на них, вместо того, чтобы попытаться выбраться из этого положения...

Гермиона нахмурилась, пытаясь понять, что происходит. Энтони и Рон точно так же нахмурились. Если Хаос и Драконы атакуют друг друга в лоб и потратят все свои силы, сражаясь друг с другом, то поле боя фактически останется за Солнечными...

— Поттер думает, что мы союзники, и поэтому он напал на Малфоя сейчас, чтобы Драконы не успели соединиться с нами, — заявил Блейз Забини из общего строя солдат. — Или Поттер думает, что сможет разбить обе армии по очереди, если нападёт на них по отдельности, — слизеринец снисходительно хмыкнул. —

Вы не собираетесь меня повесить обратно до офицера? Без меня у вас нет никаких шансов.

Все проигнорировали звуки, исходящие из рта Забини.

— Мы всё ещё движемся в правильном направлении? — спросил Энтони.

— Да, — ответил Эрни.

— Мы приближаемся к ним? — спросил Рон.

— Ещё нет...

И тут огромные двери из чёрного дерева в конце коридора распахнулись с такой силой, что створки врезались в стены. В проёме стояли две почти полностью укутанные в серые плащи фигуры. Лица были замотаны серой тканью и скрыты серыми капюшонами. И одна из фигур уже вскинула палочку, направляя её на Гермину.

После чего игра резко изменилась. Потому что высокий и напряжённый голос Гарри прокричал слово:

— *Ступефай!*

В Гермину летел сногшибатель дуэльного уровня, и она была настолько потрясена, что двигаться начала, только когда чуть не стало слишком поздно — в миг, когда красный сгусток света *пробил щит Контего* перед ней. Она еле успела увернуться — ей кольнуло руку, когда красный луч пролетел мимо. Краем глаза Гермину увидела, как он попал в Сюзен, и ту швырнуло прямо на Рона...

— *Сомниум!* — взревел Энтони, а мгновением позже десяток голосов взвыл:

— *Сомниум!*

Гермину быстро вскочила на ноги и увидела, что две фигуры в серых плащах как ни в чём не бывало стоят на месте.

Заклинание сна нельзя увидеть, оно слишком слабое...

Но все вместе они никак не могли промахнуться.

— *Ступефай!* — раздался голос Невилла Лонгботтома, и в Гермину полетел второй красный луч. Она отчаянно дёрнулась, пытаясь увернуться, и неуклюже упала. Когда она, тяжело дыша, опять поднялась на ноги, то увидела, что в этот раз сногшибатель попал в Рона, который только что встал сам.

— Привет, Солнечные, — послышался голос Гарри из-под капюшона.

— Мы Серые Рыцари Хаоса, — продолжил Невилл.

— Мы будем вашими соперниками в этой битве, — продолжил Гарри, — пока другая армия Хаоса разделяет Драконов.

— И кстати, — закончил Невилл, — мы неуязвимы.

Двое мальчиков в серых одеждах, с лицами, скрытыми серой тканью, стояли перед всей армией Солнечных, и, похоже, дюжина заклинаний Сна ничуть их не обеспокоила.

Дафна услышала позади тихий вздох и, обернувшись, заметила, что Ханна стоит с раскрытым ртом, а её широко распахнутые глаза не отрываются от...

Трудно описать ту мешанину мыслей, которая промелькнула в голове Дафны, когда до неё дошло, что Ханна глазеет на Невилла, а не на Гарри. В свою очередь, это привлекло её внимание к тому обстоятельству, что Невилл в последнее время действительно стал каким-то интересным. Более того, единственный наследник Лонгботтомов в данный момент смотрелся совершенно круто, и внутри Дафны что-то проснулось, её рот приоткрылся, и все наставления леди-матери о скромных манерах, лести и ароматическом шампуне вылетели у неё из головы так стремительно, что, наверное, распушили ей волосы. Ведь она давно наблюдала за Гермियोной и Гарри и знала, каким ей хочется видеть начало своих романтических отношений...

Кроме того, недавно леди-мать научила её некоторым заклинаниям, которые неплохо бы знать наследнице Благородного и Древнейшего Дома Гринграсс, чтобы не оказаться в неудобном положении.

Дафна направила палочку влево от себя и крикнула: «*Тонаре!*»

Палочка взмыла над головой: «*Равум Калвариа!*»

И затем стиснула палочку обеими руками: «*Люцис Гладиус!*»

Сильнейшее магическое истощение чуть не бросило её на колени, но она переборола слабость, а когда сияющий меч полностью обрёл форму и стабилизировался, для его поддержки требовалось уже значительно меньше усилий.

Однако у неё было ощущение, что бой лучше не затягивать.

Теперь, естественно, все пялились на неё, и она должна была бы броситься наперерез Невиллу, вся такая с развевающимися волосами, но у неё получилось лишь осторожно выйти вперёд и направить свой Древнейший Клинок на Невилла Лонгботтома. То, что все разошлись в стороны, уступая ей дорогу, также подразумевалось само собой.

— *Я, наречённая Дафной из Благородного и Древнейшего Дома Гринграсс!* — крикнула она. — *Солнечная Гринграсс!*

Дуэльные правила совсем стёрлись из её памяти. Она видела достаточно пьес и представляла, как вызывают на дуэль до смерти или до первой крови, только совершенно не могла вспомнить, что

же подходит для данного случая. Потому она просто направила пылающий меч на объект своей страсти и завопила:

— *Посмотрим, Невви, на что ты способен!*

— *Ступефай!* — снова крикнул Гарри.

Впоследствии, когда Дафна вспоминала всё произошедшее, ей совершенно не верилось, что ей удалось это сделать, но в тот момент она замахнулась светящимся мечом как Загонщик битой и отбила заклинание обратно в Гарри, которому едва-едва удалось увернуться.

— *Тонаре!* — крикнул Невилл из Благородного и Древнейшего Дома Лонгботтомов. — *Равум Калвариа, Люцис Гладиус!*

* * *

В течение нескольких секунд все неподвижно наблюдали, как Невилл и Дафна обменивались ударами. Они оба двигались медленно, и Гермиона догадалась, что эти чары высасывают много сил. Этот бой не слишком впечатлял по сравнению с определёнными магловскими фильмами.

Но то, что они вообще смогли вызвать световые мечи, заслуживало уважения.

— Вопрос по регламенту, — раздался голос Гарри. — Я знаю, что профессор Защиты наблюдает, но всё же спрошу: может, кто-нибудь знает, не разрубят ли они друг друга пополам, если всё-таки попадут...

— Нет, — рассеяно ответила Гермиона. Она читала об этом в одной из книг по истории, правда, не знала, что магические дуэльные мечи выглядят именно так. — Они используют форму чар, которая лишь оглушает при попадании.

— Ты знаешь это заклинание?

— Нет, конечно. Это же чары Древнейшего Клинка, их имеют право использовать только Благородные и Древнейшие Дома...

Гермиона прервалась и посмотрела на Гарри, вернее, на его серый капюшон.

— Ну, — сказал Гарри, — стало быть, мне придётся нейтрализовать оставшихся солдат Солнечного Отряда в одиночку.

Она не могла видеть его лицо, но в голосе слышалась улыбка.

— Ты увернулся, когда Дафна отбила в тебя твоё собственное заклинание, — заметила Гермиона. — Значит, что бы ты там ни придумал, ты не неуязвим. Ступефай всё-таки опасен для тебя.

— Интересная теория, — послышался голос Гарри из под капюшона. — Кто-нибудь в твоей армии сможет её проверить?

— Я как-то читала про Оглушающее проклятие, — сказала Гермiona. — Пару месяцев назад. Интересно, смогу ли я верно вспомнить инструкции?

Её палочка нацелилась на Гарри.

Возникла пауза. Мальчик и девочка рядом, тяжело дыша, медленно наносили и отражали удары друг друга световыми мечами.

— Конечно, я могу просто использовать Сомниум, — произнёс Гарри, нацеливая на неё свою палочку. — Это потребует куда меньше усилий.

Не успел он договорить, как перед ней встали новые щиты *Контего*, созданные Дженни и Парвати.

Кончик палочки Гермiony начал выписывать в воздухе небольшие фигуры, ромб внутри круга, ромб внутри круга, репетируя однажды увиденное в книге проклятие. Даже для неё это будет трудным испытанием, но она обязана выполнить заклинание правильно с первого раза, она не могла позволить себе неудачу, которая оставит её без магических сил.

— Знаешь, — сказала Гермiona Грейнджер, — я понимаю, что ты на самом деле ни при чём, но я уже устала слушать разговоры о Мальчике-Который-Выжил в таком тоне, будто ты... будто ты бог какой-то.

— Вынужден признать, я тоже устал, — сказал Гарри Поттер. — Печально, что люди продолжают меня недооценивать.

Её палочка по-прежнему повторяла движения — ромб внутри круга, снова и снова. Она знала, что Гарри восстанавливает свои силы, пока она тратит время на тренировку перед атакой.

— Я начинаю думать, что вам будет полезно спуститься с небес на землю, Генерал Хаоса.

— Возможно, ты права, — спокойно ответил Гарри. Его ноги начали двигаться, и она узнала боевой танец дуэлянтов. — К сожалению, не осталось никого, кто может победить меня, разве что другой Гарри Поттер.

— Буду выражаться конкретнее, мистер Поттер. Я спущу вас с небес на землю.

— Ты и какая-то другая армия?

— Ты правда думаешь, что ты такой крутой? — спросила Гермiona.

— Пожалуй, да, — ответил Гарри. — Да, я крутой. Кто-то может счесть это заносчивостью, но неужели мне обязательно быть последним человеком в Хогвартсе, кто заметит, какой я потрясающий?

Гермиона подняла левую руку и сжала её в кулак.

Это был сигнал. Восемь заранее назначенных Солнечных солдат направили на неё палочки и тихо произнесли «*Вингардиум левиоса*».

Это они тренировали заранее. Когда Гермione надоело отчитывать солдат, она по совету Энтони решила показать им такого Солнечного Генерала, который бы выглядел способным повергнуть неуязвимого врага.

— Ты притворяешься суперменом, — Гермione подняла кулак выше, и восемь солдат чарами приподняли её над землёй. — Что ж, познакомься с супер-Гермионой!

Её кулак рванулся вперёд, и она быстро полетела к Гарри, жалея, что не может сейчас увидеть выражение его лица. Её палочка нарисовала ромб внутри круга, и она призвала всю доступную ей магию. Когда она крикнула «*Ступефай!*», ей показалось, будто она дотронулась до провода под напряжением — и наружу полилось слишком мощное заклинание.

С её палочки сорвался идеально сформированный красный сгусток. Гарри увернулся.

А потом она врезалась в стену: они не тренировали этот трюк в коридорах.

* * *

— *Сомниум!* — крикнул Драко, и следом, выждав лишь пару секунд для перезарядки: — **СОМНИУМ, БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ!**

Он точно знал, что попал в Теодора, тот даже не пытался уклониться. Наследник Ноттов лишь злобно ухмыльнулся, подражая своему отцу, и направил палочку...

Пусть Драко и сумел отпрыгнуть в сторону, как только Теодор произнёс «*Сомниум!*», но он уже начал задыхаться, он не мог так продолжать и дальше. Теодор вообще не утруждал себя попытками уклониться, а Драко приходилось всё время двигаться, это было какое-то безумие.

Он восстановил достаточно сил для повторного заклинания, вот только...

«Глупость — это когда повторяешь одно и то же и ожидаешь разного результата», — как-то сказал Гарри. А Драко догадывался, что это каким-то образом его рук дело. Теперь это не могло быть неким магловским артефактом, и у Драко никак не получалось понять, что бы это могло быть. Он знал, что нужно придумывать гипотезы

и способы их проверить, но Теодор засмеялся и послал следующее заклинание Сна, так что Драко пришлось бросить размышления и отчаянно уворачиваться. Это у него получилось, но бок слегка онемел — заклинание прошло совсем близко. Драко не выдержал, он уже не пытался сформулировать гипотезу для проверки, он просто...

— *Люминос!* — заорал Драко, и Теодор осветился красным светом. — *Дулак!* — и заклинание снова сработало (значит, магия на Теодора по-прежнему действовала), — *Экспеллиармус!* — и Теодор лишился палочки (при любом раскладе боя это заклинание стоило попробовать, запоздало осознал Драко). Теодор бросился к нему, распахнув руки для захвата. Драко крикнул «*Флипендо!*» — ноги бегущего мальчика резко рванулись вверх...

...и Теодор упал на пол спиной с удивительно громким металлическим звуком.

У Драко всё поплыло перед глазами от такого быстрого использования четырёх заклинаний подряд. Теодор уже вставал на ноги, и совсем не оставалось времени задуматься, но Драко удалось сказать «*Сомниум!*», и на этот раз он целился не в грудь, а в лицо Теодора.

Тот увернулся (он увернулся!) и закричал:

— *Код семь на Малфоя!*

— *Призматис!* — крикнула Падма, и не успели четверо солдат Хаоса крикнуть «*Сомниум!*», как перед Драко выросла мерцающая радуга.

Бой временно прекратился — все смотрели на огромную призматическую сферу, защищающую остатки Армии Драконов.

После пятого заклинания Драко был способен лишь стоять на полу на четвереньках, но он поднял голову и сказал со всей возможной в его состоянии чёткостью:

— Если заклинание Сна... не работает... цельтесь в лицо... думаю, лейтенанты носят металлические рубашки.

— Вы уже потеряли слишком много солдат, — громко сказал Финниган из-за барьера, — мы разобьём вас в любом случае, — гриффиндорец злобно засмеялся, почти как Гарри Поттер, и Легионеры Хаоса подхватили этот смех.

Краем глаза Драко отметил, что Грегори и Винсент лежат без сознания. Падма всё ещё удерживала Призматическую Сферу — Драко никогда раньше не видел настолько большой Сферы в её исполнении, но она тяжело дышала, было видно, как она вспотела от всех этих прыжков. Девчонка с Когтеврана была ведьмой сильной, но не спортивной.

Он очень надеялся, что генерал Грейнджер скоро объявится и ударит в тыл Хаоса. Генерал Поттер и Невилл из Хаоса отсутствовали, и Драко догадывался, куда они пропали, но не могли же они всего лишь вдвоём так сильно задержать весь Солнечный отряд?

* * *

Она знала, что это нечестно, что Дафна сделала всё, что было в её силах, однако Гермионе отчаянно хотелось, чтобы та продержалась подольше.

— *Лагган!* — услышала она в полёте голос Невилла за спиной, и после этого послышался звук разбивающейся Призматической Стены и отчаянный крик Ханны:

— *Сомниум!*

Спустя несколько секунд спокойный голос Невилла сказал: «*Сомниум*», и, судя по звуку, ещё один её солдат упал.

Сила, которая поддерживала её в воздухе, снова уменьшилась. Гермиона всё ещё чувствовала хватку удерживающих её чар Леви-тации, но их было уже недостаточно.

Её полёт прервался, и она начала медленно приближаться к земле. Гермионе следовало бы скомандовать своим солдатам просто бросить её. Но она была слишком зла, слишком поражена происходящим, не успевала думать достаточно быстро и всё ещё пыталась собрать силу для последнего Оглушающего проклятья. Поэтому она не смогла уклониться, когда Гарри направил на неё свою палочку и произнёс «*Сомниум!*» На этом слове битва для Гермионы Грейнджер закончилась.

Самоактуализация.

Часть 3

Гермиона чувствовала себя сейчас не очень хорошо, и Хорошей тоже себя не ощущала. Внутри кипел жаркий комок злости — интересно, похоже ли это на Тёмную Сторону Гарри? Нет, наверняка даже близко не похоже, и нельзя так переживать из-за каких-то глупых игр, но...

Всю её армию. Два солдата одолели всю её армию. Именно так ей сказали, когда она очнулась.

Это было немного чересчур.

— Что ж, — сказал профессор Квиррелл. С такого близкого расстояния профессор Защиты казался менее здоровым, чем в прошлый раз, когда Гермиона была в его кабинете. Профессор выглядел бледнее и двигался немного медленнее. Но выражение его лица было таким же суровым, как и всегда, а взгляд — не менее пристальным. Пальцы резко постукивали по столу — тук-тук.

— Полагаю, из вас троих только мистер Малфой догадался, зачем я вас позвал.

— Что-то по поводу Благородных и Древнейших Домов? — озадаченно спросил Гарри, стоявший рядом с Гермионой. — Я ведь не нарушил какой-нибудь бредовый закон, выстрелив в Дафну?

— Не совсем, — с изрядной долей иронии ответил профессор. — Поскольку мисс Гринграсс при вызове на дуэль отступила от установленного порядка, она не имеет права требовать, чтобы вас лишили родового имени. Хотя, конечно, я бы не разрешил официальную дуэль. На войне нет места подобным правилам.

Профессор Защиты наклонился и подпёр подбородок сцепленными пальцами, словно уже устал сидеть прямо. Его взгляд был пронзительным и опасным.

— Генерал Малфой. Зачем я вас позвал?

— Генерал Поттер против нас двоих — это уже не честный бой, — тихо ответил Драко Малфой.

— Что?! — вскинулась Гермиона. — Мы почти сделали их! Если бы Дафна не потеряла сознание...

— Мисс Гринграсс упала не от магического истощения, — сухо промолвил профессор Квиррелл. — Мистер Поттер выстрелил ей в спину Усыпляющим заклинанием, пока ваши солдаты пребывали в растерянности, увидев, как их генерал влетел в стену. Тем не менее, примите мои поздравления, мисс Грейнджер: вы *почти* победили двух легионеров Хаоса всего лишь двадцатью четырьмя Солнечными солдатами.

Её щеки загорелись ещё сильнее.

— Но... я просто... если бы я догадалась, что он в доспехах...

Профессор Квиррелл глядел на неё поверх сцепленных пальцев.

— Разумеется, у вас были способы победить, мисс Грейнджер. Они всегда есть, в любой проигранной битве. Мир вокруг нас изобилует возможностями, его просто распирает от возможностей, которые почти все люди упускают, будучи не в силах отступить от привычного способа мышления. В каждой битве тысячи костей пуффендуйцев ждут, чтобы их кто-нибудь заострил и использовал как копья. Если бы вам просто из общих соображений пришло в голову массово применить *Фините инкантатем*, вы бы уничтожили кольчугу мистера Поттера и вообще всю его одежду, кроме нижнего белья. Это, кстати, наводит меня на мысль, что мистер Поттер и сам не вполне осознавал свою уязвимость. Или вы могли приказать своим солдатам физически навалиться на мистера Поттера и мистера Лонгботтома и вырвать у них палочки из рук. Не могу сказать, что реакцию мистера Малфоя можно назвать хорошо обдуманной, но он по крайней мере не проигнорировал полностью свою тысячу возможностей, — профессор сардонически улыбнулся. — Но вы, мисс Грейнджер, имели несчастье вспомнить, как использовать Оглушающее проклятье, и поэтому не стали искать в своей великолепной памяти дюжину более лёгких заклинаний, которые могли оказаться гораздо эффективнее. Вы связали надежды всей вашей армии с собственной персоной, потому ваши солдаты сразу пали духом после поражения своего генерала. Они продолжали тщетно использовать Усыпляющее заклинание. Солнечные сражались так, как они привыкли, как их приучили. Они оказались не в состоянии выйти за пределы шаблона, в отличие от мистера Малфоя. Я не вполне понимаю, что заставляет людей повторять неудачную стратегию снова и снова, но, очевидно, мысль, что можно попробовать что-то ещё, приходит людям в голову

удивительно редко. И таким образом весь Солнечный отряд был уничтожен всего лишь двумя солдатами, — профессор Защиты мрачно ухмыльнулся. — Здесь можно заметить немалое сходство с тем, как пятьдесят Пожирателей Смерти подчинили себе всю магическую Британию, и с тем, как продолжает править страной наше горячо любимое Министерство.

Профессор Защиты вздохнул.

— Тем не менее, мисс Грейнджер, дело в том, что это не первое ваше такое поражение. В предыдущей битве вы и мистер Малфой объединили силы, и тем не менее, в итоге вам двоим пришлось лезть за мистером Поттером на крышу. Легион Хаоса дважды подряд продемонстрировал военную мощь равную двум другим армиям вместе взятым. Это не оставляет мне выбора. Генерал Поттер, вы выберете восемь человек в вашей армии, в том числе как минимум одного лейтенанта Хаоса, и они будут поделены между Армией Драконов и Солнечным Отрядом.

— Что?! — опять выпалила Гермиона. Она оглянулась на других генералов. Гарри выглядел столь же потрясённым, но вид Драко Малфоя выражал лишь смирение.

— Генерал Поттер сильнее, чем вы оба вместе, — проговорил профессор Квиррелл с холодной чёткостью. — Ваше соревнование окончено, он победил, и пора уравновесить армии, чтобы несколько усложнить ему задачу.

— Профессор Квиррелл! — возмутился Гарри. — Я не...

— Это моё решение как профессора Боевой магии школы чародейства и волшебства Хогвартс, и оно не подлежит обсуждению, — слова звучали всё так же чётко, но глаза профессора Квиррелла смотрели так, что сердце Гермионы ушло в пятки даже несмотря на то, что его взгляд был направлен на Гарри, а не на неё. — И я нахожу подозрительным, мистер Поттер, что, когда вы пожелали изолировать мисс Грейнджер и мистера Малфоя и заставить их гнаться за вами по крыше, вы смогли уничтожить именно столько солдат их объединённых сил, сколько вам хотелось. Более того, именно такой эффективности я ожидал от вас с самого начала года, и мне неприятно обнаружить, что вы её не проявляли всё это время! Я видел, на что вы способны, мистер Поттер. Мистер Малфой и мисс Грейнджер не в состоянии сражаться с вами на равных, и не смейте заявлять, что это не так. Как ваш преподаватель, мистер Поттер, я заявляю: чтобы полностью раскрыть свой потенциал, вы должны упражнять все ваши способности и ни в коем случае

их не сдерживать. В особенности вы должны отбросить детские беспокойства о том, что могут подумать ваши друзья!

* * *

После разговора в кабинете профессора Защиты её армия стала заметно больше, а чувство собственного достоинства наоборот пострадало. Гермiona чувствовала себя грустной крохотной букашкой, на которую только что наступили, и изо всех сил старалась не заплакать.

— Я не поддавался! — заявил Гарри Поттер, как только они свернули за угол, удаляясь от кабинета профессора Квиррелла, и деревянная дверь скрылась из виду за каменными стенами. — Я не сдерживался, я никогда бы не позволил кому-то из вас победить просто так!

Она не ответила — она не могла ответить, она бы не выдержала, если бы попробовала произнести хотя бы слово.

— В самом деле? — спросил Драко. Генерала Армии Драконов по-прежнему окутывала всё та же аура смирения. — Ведь Квиррелл прав, это подозрительно, что ты смог уничтожить обе наши армии, когда тебе захотелось устроить эту гонку на крыше. И разве ты не сказал тогда, Поттер, что мы должны будем разбить тебя, когда ты сражаешься всерьёз?

Комок подступал к горлу, и когда эмоции переполняют её, она всё-таки разрыдается и после этого будет лишь маленькой плаксой в глазах обоих.

— Это... — быстро начал Гарри. Она не смотрела на него, но его голос звучал так, словно он повернулся к ней. — Это было... В тот раз я старался намного сильнее, у меня были серьёзные причины, мне было очень нужно, поэтому я использовал кучу трюков, которые ранее приберегал... и...

Она же всегда старалась изо всех сил, каждый раз.

— ...и я, я выпустил ту свою сторону, которую обычно не стал бы использовать для чего-то вроде занятий по Защите...

То есть, если бы она была совсем близко от победы над Гарри, когда это действительно имело значение, он мог просто использовать свою Тёмную Сторону и просто сокрушить её, так что ли?

...конечно так. Она не могла даже смотреть Гарри в глаза, когда он становился по-настоящему страшным. Как она вообще могла думать, что может действительно его победить?

Коридор разделился, Гарри Поттер и Драко Малфой повернули налево к лестнице, ведущей на второй этаж, а она, напротив, пошла направо. Она даже не знала, куда этот проход вёл, но прямо сейчас она предпочла бы заблудиться.

— Извини, Драко, — сказал голос Гарри, затем позади неё послышались шаги.

— Оставь меня в покое, — сказала она. Это прозвучало уверенно, но затем она была вынуждена закрыть рот, крепко сжать губы и вообще задержать дыхание, чтобы все её эмоции не выплеснулись наружу.

Этот мальчишка догнал её, обежал вокруг, встал у неё на пути (потому что он дурак!) и сказал высоким, полным отчаяния шёпотом:

— Я не убежал, когда ты обгоняла меня по всем предметам, кроме полётов на метле!

Он не понимал, да и не мог понять, Гарри Поттер никогда бы не понял, что, какое бы соревнование он ни проиграл, он всё равно останется Мальчиком-Который-Выжил: если ты Гарри Поттер, и тебя побеждает Гермиона Грейнджер, то это значит, что все ждут, что ты примешь вызов, а если ты Гермиона Грейнджер, и Мальчик-Который-Выжил побеждает тебя, то это значит, что ты всего лишь никто.

— Это нечестно, — сказала она, её голос дрожал, но она ещё не заплакала, ещё нет. — Я не должна соревноваться с твоей Тёмной Стороной, я всего лишь... я только... — Мне всего лишь двенадцать лет, подумала она.

— Я использовал свою Тёмную Сторону только один раз, и это было вынужденной мерой!

— Значит, сегодня ты победил всю мою армию, будучи просто Гарри Поттером? — она ещё не плакала. Как сейчас выглядит её лицо? Сердито или печально?

— Я... — начал Гарри. Его голос немного притих. — Я... я на самом деле не рассчитывал победить. Знаю, я сказал, что непобедим, но я просто пытался вас напугать, думал, что мы лишь немного вас замедлим...

Она снова двинулась, прошла мимо него, и лицо Гарри напряглось, словно теперь уже и он вот-вот расплачется.

— Может, профессор Квиррелл прав? — донёсся высокий, полный отчаяния шёпот позади. — Если мы друзья, то я буду всегда бояться тебя обогнать, так как знаю, что это заденет твои чувства? Это нечестно, Гермиона!

Она набрала воздух, задержала дыхание и побежала, её башмаки стучали по каменному полу так быстро, как она только могла. Она неслась по коридору, и её сдерживало только то, что перед глазами всё расплывалось. Она бежала туда, где её никто не услышит. И на этот раз Гарри не последовал за ней.

* * *

Минерва проверяла контрольные по трансфигурации, результаты которых должна была объявить в понедельник. Только что она поставила минус двести баллов работе пятикурсника за ошибку, которая потенциально могла кого-нибудь убить. В первый год работы преподавателем её возмущала глупость старшекурсников. Теперь она уже смирилась. Некоторых людей не просто невозможно научить, они даже не замечают, насколько безнадёжны, и с жизнерадостным усердием продолжают свои попытки. Иногда, перед тем, как они покинут Хогвартс, их можно убедить, чтобы они никогда не пробовали сделать что-нибудь необычное, забыли о свободной трансфигурации и использовали только общепринятые заклинания. А иногда... это не получается.

Минерва увязла в разборе особенно запутанного ответа, и тут её мысли прервал стук в дверь. Её приёмные часы были не в это время, но, став деканом Гриффиндора, она быстро научилась не торопиться с решениями. Всегда можно снять баллы с факультета потом.

— Войдите, — резко сказала она.

Девочка, вошедшая в кабинет, судя по всему, недавно плакала, а затем умылась, надеясь это скрыть...

— Мисс Грейнджер! — воскликнула профессор МакГонагалл. Ей потребовалась секунда, чтобы узнать это лицо с покрасневшими глазами и опухшими щеками. — Что случилось?

— Профессор, — сказала девочка дрожащим голосом, — вы говорили, что если меня что-то тревожит, мне следует сразу подойти к вам.

— Да, — ответила профессор МакГонагалл, — а теперь объясните, что случилось?

Девочка начала объяснять...

* * *

Гермиона стояла неподвижно на вращающейся лестнице. Спираль, которая по идее не должна была перемещать её вовсе, напротив,

неумолимо несла её вверх. Гермiona подумала, что это похоже на заклинание Бесконечной лестницы, изобретённое в 1733 году волшебником Аррамом Сабети, который жил на вершине Эвереста, когда маглы ещё не могли её покорить. Но эта лестница не может быть той самой лестницей: Хогвартс намного старше. Может, заклинание было изобретено заново?

Она должна была бояться, должна была нервничать по поводу своей второй встречи с директором.

И она действительно боялась и нервничала по поводу своей второй встречи с директором.

Но Гермiona Грейнджер много размышляла, она очень много размышляла после того, как не смогла больше бежать и опустилась у стены, потому что у неё уже горели лёгкие. Свернувшись калачиком и прижавшись к холодному камню, она плакала и размышляла.

Даже если она проиграет Гарри Поттеру, она никогда, ни в коем случае не проиграет Драко Малфоя, это абсолютно, совершенно неприемлемо. Профессор Квиррелл похвалил Генерала Малфоя за то, что он не проигнорировал свою тысячу возможностей. И, проплакавшись, она вспомнила ещё четырнадцать заклинаний, которые просто обязана была тогда попробовать против Гарри и Невилла, и затем задалась вопросом, не совершила ли она подобной ошибки в чём-нибудь ещё? В итоге она постучала в дверь профессора МакГонагалл. Она не собиралась просить помощь, сейчас Гермiona не представляла себе, с чем именно её можно помочь, она просто хотела рассказать всё профессору МакГонагалл, так как на тот момент это показалось ей одной из той тысячи возможностей, о которых говорил профессор Квиррелл.

И она рассказала профессору МакГонагалл, как Гарри Поттер изменился с того дня, когда на его плече появился феникс, и о том, что люди, по её мнению, всё больше и больше относятся к ней, как к чему-то, принадлежащему Гарри, и о том, что Гарри всё больше и больше отдаляется от всех остальных первокурсников и иногда бродит с таким печальным видом, будто он чего-то лишился, и она не знает, что теперь делать.

Профессор МакГонагалл сказала ей, что им нужно поговорить с директором.

Гермiona взволновалась, но затем она подумала, что Гарри Поттер на её месте не испугался бы директора. Гарри Поттер просто шёл бы напролом, вне зависимости от того, что он бы пытался сделать. Может быть (ей пришла в голову такая мысль), стоило

попытаться быть как он, не пугаться, просто что-нибудь делать и смотреть, к чему это приведёт. Хуже уже вряд ли будет.

Бесконечная лестница перестала вращаться.

Большая дубовая дверь с медным дверным молотком в виде грифона открылась сама.

За чёрным дубовым столом с десятком ящичков со всех сторон, в которых, похоже, были свои ящички, сидел на своём троне седобородый директор школы Хогвартс — Альбус Персиваль Вульфрик Брайан Дамблдор, и в его мягко искрящиеся глаза Гермiona смотрела в течение примерно трёх секунд, пока её внимание не переключилось на всё остальное.

Некоторое время спустя — она не знала, сколько именно прошло времени, но она как раз пересчитывала предметы в кабинете уже в третий раз, и по-прежнему никак не могла получить один и тот же результат, хотя её память упорно утверждала, что ничего не пропало и ничего нового не появилось — директор прокашлялся и сказал:

— Мисс Грейнджер?

Гермиона повернулась и почувствовала, что краснеет, но Дамблдор вовсе не выглядел сердитым, он был скорее безмятежным и смотрел на неё вопросительным, мягким взглядом поверх очков-полумесяцев.

— Гермiona, — сказала профессор МакГонагалл. Голос старой ведьмы был мягким, а ладонь успокаивающе лежала на плече Гермiony. — Пожалуйста, расскажи директору то, что ты рассказала мне о Гарри.

Гермиона начала говорить, но, несмотря на то, что она вновь набралась решимости, она всё-таки слегка запинаясь от волнения, когда описывала, как Гарри изменился за последние недели, с тех пор как Фоукс побывал на его плече.

Когда она закончила, повисла тишина. Затем директор вздохнул.

— Мне жаль, Гермiona Грейнджер, — голубые глаза Дамблдора погрузнели. — Это... печально, но не могу сказать, что неожиданно. То, что вы наблюдаете, — это бремя героя.

— Героя? — переспросила Гермiona. Она взволнованно взглянула на профессора МакГонагалл и увидела, как лицо профессора трансформации стало непроницаемым, хотя её рука ободряющим жестом слегка сжала плечо Гермiony.

— Да, — ответил Дамблдор. — Когда-то я сам был героем. Это было до того, как я стал таинственным старым волшебником, —

во времена, когда я противостоял Гриндевальду. Вы читали книги по истории, мисс Грейнджер?

Гермиона кивнула.

— Что ж, — продолжил Дамблдор, — именно так героям и приходится вести себя, мисс Грейнджер, у них есть свои задачи, и они должны становиться сильнее, чтобы справиться с ними. И именно это, как вы заметили, случилось с Гарри. Если и можно сделать его путь легче, это должны сделать вы, а не я. Ибо, увы, я не друг Гарри, а всего лишь его таинственный старый волшебник.

— Я... — начала Гермиона. — Я не уверена, что всё ещё хочу... — она запнулась, это показалось ей слишком ужасным, чтобы произнести вслух.

Дамблдор прикрыл глаза, а когда открыл, показалось, что он стал ещё старше.

— Никто не сможет помешать вам, мисс Грейнджер, перестать быть другом Гарри. Что же касается того, как это отразится на нём, то вы это знаете лучше, чем я.

— Это... не кажется мне... справедливым, — сказала Гермиона дрожащим голосом. — Я что, вынуждена дружить с Гарри только потому, что больше никому? Это нечестно.

— Никто не может вас заставить дружить с кем-то, мисс Грейнджер, — казалось, голубые глаза видят её насквозь. — Чувства либо есть, либо их нет. Если они есть, вы можете принять их или отвергнуть. Вы дружите с Гарри, и если вы решите отвергнуть эту дружбу, это сильно его ранит, возможно, непоправимо. Но, мисс Грейнджер, зачем вам кидаться в такие крайности?

Она не могла найти слов. Она никогда не умела находить слова:

— Когда оказываешься слишком близко к Мальчику-Который-Выжил, тебя просто поглощает, и никто больше не видит тебя, ты становишься всего лишь чем-то, принадлежащим ему... Все думают, что весь мир вращается вокруг него, и...

Нет, она не могла объяснить.

Старый волшебник медленно кивнул.

— Мы действительно живём в несправедливом мире, мисс Грейнджер. Весь мир знает, что я победил Гриндевальда, но немногие помнят Элизабет Бекетт, которая погибла, чтобы открыть мне путь. Тем не менее, её всё-таки помнят. Герой нынешней пьесы, мисс Грейнджер, — Гарри Поттер, и мир в самом деле вращается вокруг него. Ему суждены великие свершения, и я тешу себя надеждой, что через много лет Альбуса Дамблдора чаще будут вспоминать

как таинственного волшебника Гарри Поттера, а не в связи с какими-то другими моими заслугами. И может быть, имя Гермионы Грейнджер будет упоминаться как имя его верного спутника, если однажды вы докажете, что достойны этого. По этому поводу могу вас заверить: нигде вы не сыщете себе большей славы, чем в компании Гарри Поттера.

Гермиона торопливо замотала головой.

— Но... — она знала, что не сможет объяснить. — Дело не в славе! Дело в том, что я не хочу быть... чем-то, что принадлежит кому-либо ещё!

— Значит, вы бы предпочли быть героем? — старый волшебник вздохнул. — Мисс Грейнджер, я сам был героем, я был лидером, но я был бы в тысячу раз счастливее, если б мог принадлежать кому-нибудь вроде Гарри Поттера. Кому-нибудь, кто крепче меня, кто принимает трудные решения и, тем не менее, достоин вести меня за собой. Когда-то я думал, что знаю такого человека, но я ошибался... Мисс Грейнджер, вы понятия не имеете, насколько повезло таким, как вы, в сравнении с героями.

Жгущее чувство снова подступило к горлу, а с ним пришла беспомощность: она не понимала, зачем профессор МакГонагалл привела её сюда, если директор вовсе не собирался помогать, и, взглянув в лицо профессора МакГонагалл, она заметила, что та уже тоже не уверена, что поступила верно.

— Я не хочу быть героем, — ответила Гермиона Грейнджер, — я не хочу быть спутником героя, я просто хочу быть собой.

(Через мгновение ей пришла в голову мысль, что, возможно, на самом деле она всё-таки хочет быть героем, но решила не поправляться.)

— А, — сказал старый волшебник. — Это непростая задача, мисс Грейнджер.

Дамблдор поднялся с трона, вышел из-за стола и указал на некий предмет на стене, настолько часто встречающийся в замке, что Гермиона, войдя, лишь скользнула по нему взглядом. Это был потускневший щит с изображением герба Хогвартса: лев, змея, барсук и ворон, и латинские слова, смысл которых она никогда не понимала. Затем, когда она осознала, где находится этот щит и насколько старым он выглядит, ей в голову пришла мысль, что, возможно, это оригинал...

— Пуффендуец сказал бы, — произнёс Дамблдор, постукивая пальцем по выцветшему изображению барсука и заставив Гер-

миону поморщиться от такого кощунства (если это и правда был оригинал), — что людям не удаётся стать теми, кем им суждено быть, потому что они слишком лениятся и не прилагают должных усилий. Когтевранец, — продолжил директор, постучав по ворону, — повторил бы слова, известные мудрецам задолго до Сократа: «Познай себя», и добавил бы, что людям не удаётся стать собой из-за невежества и нелюбви к размышлениям. А Салазар Слизерин, — Дамблдор постучал по тусклой змее и нахмурился, — пожалуй, он сказал бы, что мы становимся теми, кем нам суждено быть, следуя за нашими желаниями, куда бы они ни вели. Возможно, он сказал бы, что людям не удаётся стать собой, потому что они отказываются делать то, что нужно для достижения цели. Следует заметить, что почти все Тёмные волшебники, вышедшие из Хогвартса, были слизеринцами. Стали ли они теми, кем им суждено было стать? Не думаю.

Дамблдор постучал пальцем по льву и повернулся к ней:

— Скажите, мисс Грейнджер, что сказал бы гриффиндорец? Мне ведь понятно, что Распределяющая шляпа предлагала вам этот факультет.

Вопрос не казался сложным.

— Гриффиндорец сказал бы, что люди не становятся теми, кем они должны быть, потому что боятся.

— Большинство людей боится, мисс Грейнджер, — заметил старый волшебник. — Они проживают всю свою жизнь, окружённые парализующим страхом, который отсекает всё, чего они могут достичь, всё, чем они могут стать. Страхом сказать что-то не то или сделать что-то не так, страхом потерять своё имущество, страхом смерти и сильнее всего — страхом, что подумают люди. Нет ничего ужаснее такого страха, мисс Грейнджер, и об этом ужасно важно знать. Но Годрик Гриффиндор сказал бы не это. Люди становятся теми, кем им суждено быть, мисс Грейнджер, делая то, что правильно.

Голос старого волшебника был мягок:

— Итак, скажите, мисс Грейнджер, что вам кажется правильным выбором? Ибо именно это и определяет, кто вы есть на самом деле, куда бы этот путь ни вёл, это то, кем вам суждено стать.

Тишину заполняли лишь звуки, производимые бесчисленными устройствами. Гермiona была когтевранкой, и потому обдумывала ответ.

— Я не думаю, что это правильно, — медленно произнесла Гермiona, — когда кому-то вот так приходится жить в тени другого человека...

— В мире многое неправильно, — сказал старый волшебник, — вопрос в том, что вы считаете правильным с этим делать. Гермiona Грейнджер, мне придётся дать менее тонкий намёк, чем обычно свойственно таинственному старому волшебнику, и сказать вам прямо, что вы не можете даже вообразить, насколько плохо всё может обернуться, если связанные с Гарри Поттером дела пойдут скверно. Его задача такова, что вы даже не подумали бы бросить всё на произвол судьбы и уйти, если бы знали о ней.

— Какая задача? — спросила Гермiona. Её голос дрожал, так как было слишком очевидно, какого ответа от неё ждёт директор. А она не хотела так отвечать. — Что случилось с Гарри тогда? Почему Фоукс сел на его плечо?

— Он повзрослел, — ответил старый волшебник. Его глаза моргнули несколько раз под очками-полумесяцами, и морщины на лице проступили сильнее обычного. — Понимаете, мисс Грейнджер, люди взрослеют не потому, что становятся старше, они взрослеют, когда попадают во взрослые ситуации. Это и случилось с Гарри Поттером. Ему сказали — и вы не должны об этом распространяться, сами понимаете — ему сказали, что ему придётся кое с кем сразиться. Я не могу сообщить вам, с кем именно. Я также не могу объяснить почему. Но именно это с ним случилось, и именно поэтому ему нужны друзья.

— Беллатриса Блэк?! — вырвалось у Гермiony. Если бы её ударило электрическим разрядом, шок был бы меньше. — Вы собираетесь отправить его сражаться с Беллатрисой Блэк?!

— Нет, — промолвил старый волшебник. — Не с ней. Я не могу сказать вам, с кем и почему.

Она ещё немного поразмыслила над этим вопросом.

— Могу ли я как-нибудь догнать Гарри? — спросила Гермiona. — В смысле, я не утверждаю, что я это сделаю, но можем ли мы быть равными друзьями? Могу ли я тоже быть героем?

— Ах, — улыбнулся старый волшебник. — Только вы можете это решить, мисс Грейнджер.

— Но вы не собираетесь помогать мне, как вы помогаете Гарри. Старый волшебник покачал головой.

— Я помог ему совсем немного, мисс Грейнджер. Если же вы просите меня дать вам задание... — старый волшебник снова улыбнулся, довольно-таки кривовато. — Мисс Грейнджер, вы только на первом курсе Хогвартса. Не торопитесь так быстро взрослеть, у вас для этого будет ещё достаточно времени.

— Но мне двенадцать. Гарри — одиннадцать.

— Гарри Поттер — особенный, — заметил старый волшебник. — И вы это знаете, мисс Грейнджер. — Взгляд его голубых глаз из-под очков-полумесяцев неожиданно стал пронзительным, и она вспомнила, что в день происшествия с дементором голос Дамблдора в её голове сказал, что знает про Тёмную Сторону Гарри.

Гермиона дотронулась до руки профессора МакГонагалл, которая всё это время крепко держала её за плечо, и сказала, удивившись, что её голос не запнулся:

— Пожалуйста, мне хотелось бы уйти.

— Разумеется, — сказала профессор МакГонагалл, и Гермиона почувствовала, как рука на её плече мягко разворачивает её в сторону дубовой двери.

— Вы уже выбрали свой путь, Гермиона Грейнджер? — слышался голос Альбуса Дамблдора позади неё, точно в тот момент, когда дверь медленно со скрипом отворилась, и за ней показалась зачарованная Бесконечная лестница.

Она кивнула.

— И?

— Я... — начала она, её голос запнулся. — Я... я...

Она сглотнула.

— Я сделаю... то, что правильно.

Она больше не произнесла ни слова, она просто не смогла, а через мгновение она уже снова стояла на вращающейся Бесконечной лестнице.

По пути вниз и она, и профессор МакГонагалл молчали. Когда ожившие горгульи отошли с их пути, они вдвоём вышли в коридор, и профессор МакГонагалл наконец прервала тишину. Она прошептала:

— Я ужасно извиняюсь, мисс Грейнджер. Я не думала, что директор скажет вам такое. Я думаю, он совсем забыл, каково это — быть ребёнком.

Гермиона оглянулась на неё и увидела, что теперь уже профессор МакГонагалл выглядела, как будто вот-вот расплчется... хотя и не совсем так. Но что-то похожее в её лице проглядывало.

— Если я тоже хочу стать героем, — начала Гермиона, — если я тоже решила стать героем, *вы* можете как-нибудь мне с этим помочь?

Профессор МакГонагалл быстро замотала головой:

— Мисс Грейнджер, я не уверена, что директор не прав в этом. Вам лишь двенадцать лет.

— Ясно, — сказала Гермиона.

Они ещё немного прошли вперёд.

— Извините, — сказала Гермиона, — ничего, если я вернусь в башню Когтеврана самостоятельно? Простите, пожалуйста, я вас не виню, ничего такого, просто мне нужно сейчас побыть одной.

— Разумеется, мисс Грейнджер, — ответила профессор МакГонагалл, её голос немного охрип. Гермиона услышала, как её шаги остановились, а затем направились в другую сторону.

Гермиона Грейнджер пошла прочь.

Она прошла лестничный пролёт, затем другой, размышляя, есть ли кто-нибудь ещё в Хогвартсе, кто может дать ей шанс стать героем. Профессор Флитвик сказал бы то же, что и профессор МакГонагалл, а если и нет, то, вероятно, не смог бы помочь, и Гермиона не знала, кто сможет. Ну, профессор Квиррелл придумал бы что-нибудь хитроумное, если бы она потратила на это достаточно баллов Квиррелла, но она чувствовала, что просить его — плохая идея, так как профессор Защиты не может помочь кому-то стать таким героем, которым действительно стоит становиться — он даже не поймёт разницы.

Она почти дошла до башни Когтеврана, когда увидела золотой отблеск.

Самоактуализация.

Часть 4

Гермиона лишь краем глаза заметила то ли золотой, то ли красный отблеск, чем-то похожий на пламя. Он отразился в отполированной металлической статуе, стоящей на пересечении двух коридоров. Через мгновение отблеск исчез.

Девочка озадаченно остановилась, а потом чуть было не пошла дальше, но что-то в этом отблеске показалось ей знакомым...

Она подошла к статуе и выглянула в коридор, из которого, похоже, и пришла эта вспышка.

И услышала слабый, доносящийся как будто издалека, крик. Зов. Гермиона пустилась бегом.

Она бежала долго. Иногда на перекрёстках девочка останавливалась, чтобы набрать побольше воздуха, и замечала то в одном направлении, то в другом отражение вспышки пламени или слышала этот далёкий зов. Если бы Гермиона не тренировалась со своей армией, то от такого бега она бы очень скоро рухнула без сил.

Она так и не увидела феникса.

Наконец Гермиона выбежала на четверную развилку и в этот раз не заметила совершенно ничего. Не было никаких знаков.

Она подождала пару минут, но так и не услышала крика, не увидела огненного отблеска. И когда она с болезненной грустью начала задумываться, не почудилось ли ей это всё, до неё донёсся крик. Уже человеческий.

Ноги вынесли Гермиону за угол, и она с первого взгляда поняла, что происходит. Мальчик в мантии с жёлтой оторочкой висел в воздухе, как будто невидимая рука держала его за ногу. А три здоровых парня в мантиях с зелёной оторочкой уже разворачивались к ней.

Солнечный Генерал не размышляла и секунды — люди, которые останавливаются, чтобы подумать, нападают недостаточно внезапно.

Палочка оказалась в её руке, пальцы повернулись как положено, и губы шепнули:

— *Сомниум!*

Самый большой из хулиганов свалился, пuffedуец с глухим звуком рухнул на пол. Двое других хулиганов попытались в неё прицелиться...

— *Сомниум!* — и другой здоровяк опрокинулся — она стреляла в того, кто поднял палочку быстрее.

К сожалению, два усыпляющих заклинания подряд даже для Гермiona было слишком, и справиться с третьим хулиганом она не успевала...

— *Протега!* — выкрикнул последний хулиган, и вокруг него замерцал синий ореол.

Двадцать четыре часа назад Гермiona бы запаниковала: полноценные чары Щита позволяли хулигану использовать против неё заклинания, оставаясь при этом в безопасности.

Но сейчас...

— *Ступефай!* — выкрикнул хулиган.

Сгусток малинового света вылетел ей навстречу с ужасающей яркостью. Он сиял намного ярче, чем любое заклинание Гарри.

Гермiona слегка отклонилась влево, и заклинание прошло мимо — прицеливался хулиган явно не так хорошо, как Гарри. Девочка подумала, что, возможно, хулиганы не участвуют в битвах профессора Квиррелла.

— *Ступефай!* — выкрикнул хулиган ещё раз. — *Экспеллиармус! Ступефай!*

Как бы то ни было, она совсем только что потратила целый час, вспоминая заклинания, которые должна была применить против Гарри и Невилла...

— *Джеллифай!* — завопил хулиган. Это заклинание захватывало широкую область и не было видно в воздухе, поэтому Гермiona не смогла увернуться и её колени подкосились. Следом раздался яростный рёв, и сверкнула ещё более яркая малиновая вспышка. — *Ступефай!*

Она увернулась от этого заклинания, намеренно упав. Теперь у неё уже было достаточно сил, чтобы выкрикнуть следующее заклинание.

— *Глиссео,* — сказала Гермiona, направляя свои слова в пол.

— Ух, — выдал хулиган, когда пол ушёл из-под его ног, и просто выронил палочку.

Протега померк и исчез.

— *Сомниум,* — сказала Гермiona.

Всё ещё судорожно хватая ртом воздух, она подползла к пuffedуцу. Тот сидел и с лёгким стоном потирал макушку, которой

ударился об пол при падении. Хорошо, что он не магл, осознала Гермiona, ведь иначе он мог сломать себе шею. Она совсем об этом не подумала.

Мальчик вздохнул. У него были тёмные волосы и непримечательного цвета карие глаза, что почему-то казалось очень подходящим для пуффендуйца. Слёз на его лице не было, но выглядел он несколько бледно. Гермiona решила, что он, наверное, с третьего курса, может быть, с четвёртого.

Он посмотрел на Гермionу, и его карие глаза расширились.

— Солнечный Генерал?!

— Да, — ответила она. — Это, — вдох, — я.

Если этот пуффендучек скажет что-нибудь про то, что она — любовь Гарри Поттера, то ему не жить.

— Круто, — сказал пуффендучек. — Это было... ты сейчас... в смысле, я видел тебя на экранах перед Рождеством, но... круто! Прямо не верится, что ты это сделала!

Повисло молчание.

Мне самой не верится, что я это сделала, — подумала Гермiona Грейнджер, на которую накатила внезапная слабость — наверное, из-за всей этой беготни.

— Изви... — вдох, — ...ни, — сказала она. — Не мог бы ты, — вдох, — снять *Джеллифай* с моих ног?

Мальчик кивнул, встал на ноги и достал из мантии палочку, но Гермione пришлось несколько подправить его движения палочкой, прежде чем контрзаклинание сработало.

— Я — Майкл Хопкинс, — представился мальчик, когда Гермiona поднялась на ноги. Он протянул ей руку. — Или просто Майк из Пуффендучу, в этом году я единственный Майк во всём Пуффендуче, представляешь?

Они пожали руки, и Майк сказал:

— В любом случае, спасибо.

Гермiona не была готова к приступу эйфории, охватившему её от этих слов: чувство, что она вот так кого-то спасла, было буквально лучшим за всю её жизнь.

Девочка повернулась и посмотрела на хулиганов.

Они были очень большими и выглядели лет на пятнадцать. Гермiona неожиданно осознала, насколько огромная разница возникла между учениками, которые записались на все дополнительные занятия профессора Квиррелла, и теми, кого годами учили худшие из худших преподавателей. Первые, например, были способны попа-

дать, куда целются, думать во время боя и догадываться, что нужно использовать *Иннервейт* на упавших товарищях. И всё остальное, что говорил профессор Квиррелл, в частности, что в реальной жизни почти любой бой начинается с неожиданного нападения, внезапно стало для неё намного более осмысленным.

Всё ещё пытаясь отдышаться, Гермиона перевела взгляд обратно на Майка.

— Ты, — вдох, — не поверишь, — сказала Гермиона Грейнджер. — Но пять минут назад я, — вдох, — никак не могла понять, как стать, — вдох, — героем.

Неужели она на самом деле думала, что ей нужно от кого-то получить разрешение? Или что герои просто сидят и ждут, пока кто-нибудь не даст им задание? Всё гораздо проще: надо идти туда, где творится зло, и этого достаточно, чтобы стать героем. Она должна была даже без помощи феникса помнить, что и здесь, в Хогвартсе, иногда случается что-нибудь плохое.

Гермиона нервно обернулась и посмотрела на троицу лежавших без сознания старшекурсников. Они видели её, наверняка они знают, кто она. Они могут как-нибудь застать её врасплох и... и всерьёз навредить ей...

Гермиона остановилась.

Она вспомнила, что Гарри Поттер встал посреди пяти хулиганов-слизеринцев в первый же день занятий, когда он даже толком не знал, как пользоваться палочкой.

Она вспомнила, как директор сказал, что люди взрослеют, когда попадают во взрослые ситуации, и что большинство людей всю жизнь живут в плену собственного страха.

Но также она вспомнила, как профессор МакГонагалл сказала: «Вам лишь двенадцать лет».

Гермиона глубоко вздохнула. Затем ещё раз, и ещё.

Она спросила Майка, не нужно ли ему к Мадам Помфри, но тот отказался. Также она попросила его назвать имена слизеринцев, просто на всякий случай.

А потом Гермиона Грейнджер побрела прочь от валяющихся на полу хулиганов, не забыв надеть улыбку.

Она понимала — скорее всего, рано или поздно ей отомстят. Но совершенно очевидно: если человек слишком боится пострадать за правое дело, он — не герой. И если бы Гермионе на голову прямо сейчас надели Распределяющую шляпу, та бы, ни секунды не сомневаясь, выкрикнула: «ГРИФФИНДОР!»

Эйфория от того, что она кого-то спасла, до сих пор не покидала её, и Гермиона уже начала беспокоиться, не сломалось ли что-нибудь у неё в мозгах.

Когда она подошла к столу Когтеврана, её неожиданно встретила волна перешёптываний, и Гермиона подумала, не рассказал ли уже что-нибудь пuffedуец, но потом ей пришло в голову, что шёпот, наверное, был по какому-то другому поводу.

Она села напротив Гарри Поттера, который выглядел чрезвычайно взволнованно, возможно потому, что она до сих пор улыбалась.

— Э-э... — начал было Гарри, пока она накладывала себе свежеевыпеченный хлеб, масло, корицу, ни в коем случае не фрукты и не овощи, и три шоколадных пирожных. — Э-э...

Гермиона налила себе грейпфрутового сока, а затем прервала Гарри:

— У меня есть к вам вопрос, мистер Поттер. Как вы думаете, почему у людей не получается стать собой?

— Что? — удивился Гарри.

Она посмотрела на него.

— Представь, что сегодня ничего не происходило, — попросила она, — и просто скажи, что бы ты сказал вчера.

— Гм-м... — протянул Гарри смущённо и обеспокоенно. — Я считаю, что мы уже являемся самими собой... Не похоже, чтобы я был чьей-то несовершенной копией. Но если попробовать ответить в духе вопроса, то я бы сказал, что люди не становятся собой, потому что набираются всякой ерунды из своего окружения, а затем бездумно её повторяют. Например, сколько людей, играющих в квиддич, играли бы в такую игру, если бы придумали её сами? Или если взять магловскую Британию: сколько людей, считающих себя лейбористами, консерваторами или либерал-демократами, разделяли бы в точности такую же совокупность политических взглядов, если бы им пришлось придумывать всё самим?

Гермиона задумалась. Ей было любопытно, не скажет ли Гарри что-нибудь слизеринское или, может, даже гриффиндорское, но то, что он ответил, явно не вписывалось в перечень директора, и Гермионе пришло в голову, что, должно быть, существует гораздо больше точек зрения по этому вопросу, чем четыре.

— Хорошо, — сказала Гермиона. — Другой вопрос. Что делает человека героем?

— Героем? — переспросил Гарри.

— Да, — ответила Гермiona.

— Ну... — потянул Гарри. Вилка и нож в его руках нервно пилили отбивную на всё более тонкие ломтики. — По-моему, нетрудно сделать что-нибудь, если оно лежит в рамках привычного мира... Например, если от тебя ждут, что ты это сделаешь, или если у тебя уже есть необходимые для этого навыки, или ты выполняешь работу под наблюдением человека, который не даст тебе совершить ошибку и проследит, чтобы ты сделал свою часть. Но для таких ситуаций, скорее всего, уже есть готовые решения, а значит в них не нужны герои. Поэтому я считаю, что люди, которых мы называем «героями», редки, поскольку им приходится всё делать самостоятельно, а большинство чувствует себя неудобно в таких обстоятельствах. А почему ты спрашиваешь? — Гарри наколот на вилку три кусочка тщательно искромсанного бифштекса и отправил их в рот.

— О, я только что оглушила трёх слизеринских хулиганов-старшекурсников и спасла пуффендуйца, — ответила Гермiona. — Я собираюсь стать героем.

Когда Гарри перестал давиться едой (некоторые из когтевранцев на расстоянии слышимости до сих пор кашляли), он только и смог вымолвить:

— Что?!

Гермiona рассказала, что произошло. Волны перешёптываний побежали от них даже раньше, чем она успела закончить. (Правда, Гермiona не стала упоминать про феникса — ей показалось, что это личное и должно остаться между ними. Размышляя об этом впоследствии, Гермiona с некоторым удивлением подумала, что феникс приходит к тем, кто хочет быть героем. Эти мысли казались немного эгоистичными, но, возможно, это не важно, если феникс видит, что ты хочешь помогать людям.)

Когда она закончила, Гарри некоторое время лишь изумлённо смотрел на неё и молчал.

— Прости меня за то, как я вела себя раньше, — сказала Гермiona. Она отпила грейпфрутового сока из стакана. — Я должна была вспомнить, что, если я по-прежнему обставляю тебя на уроках Чар, то ты имеешь полное право быть лучше меня на уроках Защиты.

— Пожалуйста, не пойми меня неправильно, — сказал Гарри. Сейчас он выглядел слишком взрослым и мрачным. — Но ты уверена, что это то, кто есть ты, а не, грубо говоря, кто есть я?

— Я совершенно уверена, — ответила Гермiona. — Посмотри, даже моё имя напоминает слово «Героиня», надо только

выкинуть «м» и переставить пару букв, а я и не замечала этого до сегодняшнего дня.

— Жизнь героя — это не игры и шутки, — предупредил Гарри. — Настоящий героизм, который приходится проявлять взрослым — это совсем другое, и это вовсе не так просто.

— Я знаю, — кивнула Гермиона.

— Это тяжело, это болезненно, и тебе придётся принимать решения там, где хороших решений просто нет...

— Да, Гарри, я тоже читала эти книги.

— Нет, ты не понимаешь, несмотря на то, что книги тебя предупредили, попросту не существует способа понять это, пока...

— Но ведь это не остановило тебя, — сказала Гермиона. — Не остановило тебя ни на секунду. Готова поспорить, ты даже никогда не задумывался о том, чтобы из-за этого отказаться от судьбы героя. Так почему же ты думаешь, что это остановит меня?

Повисла пауза.

Широкая улыбка внезапно озарила лицо Гарри, улыбка настолько же светлая и мальчишеская, насколько его лицо только что было взрослым и мрачным. Между ними всё снова стало хорошо.

— Ты ведь знаешь, что обязательно случится что-нибудь кошмарно невообразимое и всё пойдёт наперекосяк? — спросил Гарри, по-прежнему широко улыбаясь.

— Да уж знаю, — ответила Гермиона. Она откусила ещё кусочек тоста. — Кстати, я тут вспомнила, что Дамблдор отказался стать моим таинственным старым волшебником. Куда надо написать, чтобы мне выдали другого?

Послесловие

— ...и профессор Флитвик сказал, что, судя по всему, её решимость непоколебима, — строгим тоном продолжала Минерва, не сводя глаз со старого седобородого волшебника, ответственного за всё это. Альбус Дамблдор лишь молча сидел и слушал, взгляд его был печален и устремлён в даль. — Когда профессор Флитвик пригрозил ей переводом в Гриффиндор, мисс Грейнджер не моргнув глазом ответила, что в таком случае она заберёт с собой все книги. Гермиона Грейнджер решила стать героем, и она не желает слышать слова «нет». Я сомневаюсь, что вам бы удалось её подтолкнуть к этому решению сильнее, даже если бы вы постарались...

Минерве потребовались пять полных секунд, чтобы осознать.

— АЛЬБУС! — завопила она.

— Дорогая моя, — произнёс старый волшебник, — после общения с тридцатым по счёту героем начинаешь понимать, насколько предсказуемо они реагируют на определённые фразы, например, что они слишком молоды, или что им не суждено быть героями, или что жизнь героя полна невзгод. Для полной уверенности следует сказать им все три. Однако, — с коротким вздохом продолжил директор, — не следует делать слишком явных намёков, иначе тебя может подловить твоя заместительница.

— Альбус, — ещё строже сказала Минерва, — если она страдает, клянусь, что на этот раз я....

— Она бы пришла к тому же самому в своё время, — прервал её Альбус, его взгляд был по-прежнему печален и отстранён. — Те, кому суждено стать героями, не будут слушать наших предупреждений, Минерва, и не имеет значения, как сильно мы стараемся. И раз уж так, для Гарри будет лучше, если мисс Грейнджер не слишком сильно от него отстанет.

Будто из ниоткуда директор достал шкатулку, открыл и вытащил маленький жёлтый комочек. Минерве никогда не удавалось понять, где он её хранит, и не удавалось определить, какая магия здесь замешана.

— Лимонную дольку?

— Ей двенадцать лет, Альбус!

После-послесловие

В чёрных водах озера плавали едва заметные в вечернем сумраке рыбки. Когда рыбки подплывали близко, их освещали яркие окна слизеринской гостиной, но, уплывая прочь, они растворялись во тьме.

Дафна Гринграсс сидела на удобном чёрном кожаном диванчике, пряча лицо в ладонях. Дафну окружали сияющие ярко-белые искры, а её голова светилась жёлто-золотым.

Она заранее была готова услышать, как её дразнят за влюблённость в Невилла Лонгботтома. Она ожидала услышать множество ехидных замечаний о пuffedуицах. Она придумала вагон и маленькую тележку остроумных ответов по дороге в подземелья Слизерина.

Она с нетерпением предвкушала, когда же её начнут дразнить из-за Невилла. Если тебя дразнят за что-то подобное, значит ты уже стала настоящей девушкой.

Но, как оказалось, никто не сообразил, что она вызвала Невилла на Древнейшую Дуэль, потому что Невилл ей понравился.

Она-то думала, что это совершенно очевидно, но нет, никому и в голову не пришла эта мысль.

Заклятье, что настигает тебя, всегда оказывается незамеченным.

Ей следовало бы назвать себя просто Дафной из Солнечных, как Невилл из Хаоса. Или Солнечной Дафной, как Солнечный Рон. Да как угодно, только не Солнечной Гринграсс.

Солнечная Гринграсс.

Это имя превратили в Солнечную Зелёную Травку и Голубое Небо¹.

Затем кто-то добавил Покрытые Снегом Горы и Шаловливых Лесных Созданий.

В настоящий момент она носила титул Сверкающей Принцессы Единорогов из Благородного и Древнейшего Дома Сверкающих Какашек.

И какая-то чёртова семикурсница наложила на неё Сверкающее проклятие — Дафна даже не знала, что такое заклинание вообще существует. *Фините инкантатем* не помогало, она просила помочь старших девочек, которые, как она думала, были её подругами (очевидно, она ошибалась на этот счёт), затем она угрожала шутнице тяжёлыми политическими последствиями, которые не преминут обрушиться на неё, когда узнает отец, но в итоге, несмотря ни на что, сверкающая Дафна Гринграсс по-прежнему сидела в гостиной Слизерина, пряча лицо в ладонях, и недоумевала, как же её угораздило оказаться единственным здравомыслящим человеком в Хогвартсе.

Уже закончился ужин, а её до сих пор продолжали дразнить. И если это не прекратится к завтрашнему утру, она переведётся в Дурмстранг и станет следующей Тёмной Леди.

— Слушайте все! — возвестили близняшки Кэрроу, размахивая номером «Ежедневного пророка». — Знаете новости? Визенгамот только что постановил считать выражение «посмотрим, на что ты способен» законным вызовом на дуэль, которая будет продолжаться, пока вызвавший не приляжет поспать!

— Да как вы смеете оскорблять честь Сверкающей Принцессы Единорогов! — крикнула Трейси. — Посмотрим, на что вы способны! — она завалилась на диванчик и начала громко храпеть.

Дафна попыталась ещё глубже спрятать сверкающее лицо в своих светящихся ладонях.

— После того, как моя семья придёт к власти, я прикажу наложить на всех вас антиаппарационные чары и выбросить в открытое

¹ В переводе с английского фамилия «Гринграсс» значит «Зелёная трава» — *Прим. перев.*

море, — сказала она, не обращаясь ни к кому конкретно. — Вас всех это устраивает, да?

«Тук-тук, тук-тук-тук, тук».

Дафна удивлённо подняла голову: это же условный сигнал Солнечных...

— Я, наречённый Грегори, слышу стук! — проревел мистер Гойл. — Стук двери!

— Посмотрим, дверь, на что ты способна! — крикнул сидевший около двери мальчик постарше и распахнул её.

Последовало мгновение всеобщего удивления.

— Я зашла поговорить с мисс Гринграсс, — казалось, Солнечный Генерал пытается придать своему голосу уверенности. — Кто-нибудь, пожалуйста...

Судя по выражению лица Гермiony, она только что заметила сверкающую Дафну.

И именно в этот момент Милисента Булстроуд выскочила из нижней спальни и закричала:

— Слушайте все, вы не поверите, только что Грейнджер побила Деррика и остатки его команды, и он получил от отца сову с сообщением, что если он не...

Милисента заметила Гермiony, стоящую в дверях.

Возникшая тишина была очень громкой.

— Э-э, — произнесла Дафна. «Что?» — пронеслось у неё в голове. — Э-э, что вы здесь делаете, генерал?

— Ну, — протянула Гермiony со странной улыбкой, — я решила, что нечестно, когда таинственные старые волшебники кому-то дают шанс стать героем, а кому-то нет, а ещё я читала книги по истории, и в них явно недостаточно девочек-героев. Вот я и подумала просто зайти к тебе и узнать, не хочешь ли ты стать героем и, кстати, почему ты так светишься?

Снова возникла пауза.

— Сейчас, — ответила Дафна, — наверное, не самый лучший момент для этого вопроса...

— Я хочу! — заорала Трейси Дэвис, вскакивая с диванчика.

* * *

Так была рождена Женская Организация по Продвижению Равных Прав на Героизм.

Глава 70

Самоактуализация.
Часть 5

Застигнутый врасплох Альбус Дамблдор — редкое зрелище. Даже для человека, который пробыв заместителем директора тридцать лет, а профессором Трансфигурации — ещё дольше.

— ...Сьюзен Боунс, Лаванда Браун и Дафна Гринграсс, — закончила Минерва. — Также я должна отметить, Альбус, что мнение мисс Грейнджер по поводу вашего якобы неблагосклонного отношения наделало немало шуму среди девушек постарше. Если я не ошибаюсь, она выразилась так: «Он заявил, что я должна радоваться роли спутника героя». Некоторые из них подходили ко мне уточнить, обоснованы ли обвинения мисс Грейнджер, поскольку она упомянула, что я присутствовала при разговоре.

Старый волшебник откинулся на спинку своего огромного кресла. Он не сводил с неё глаз, хотя его взгляд за стёклами очков-полумесяцев казался слегка отстранённым.

— Это поставило меня в затруднительное положение, Альбус, — продолжила профессор МакГонаггал, постаравшись, чтобы её лицо по-прежнему не выражало никаких эмоций. — Сейчас я знаю, что вы не собирались отговаривать девочку, скорее наоборот. Но вы и Северус часто повторяли мне, что для того, чтобы не выдать секрет, надо вести себя как человек, который совершенно ничего не знает. Таким образом, у меня не было иного выбора, кроме как подтвердить, что слова мисс Грейнджер вполне точны, и изобразить по этому поводу соответствующее беспокойство и даже некоторую обиду. В конце концов, если бы я не знала, что вы умышленно манипулируете чувствами мисс Грейнджер, я бы могла несколько обидеться.

— Понятно, — медленно произнёс старый волшебник, рассеянно перебирая седую бороду быстрыми мелкими движениями.

— К счастью, — продолжила профессор МакГонаггал, — пока только два человека из преподавательского состава — профессора Синистра и Вектор — надели значки мисс Грейнджер.

— Значки? — переспросил старый волшебник.

Минерва вынула маленький серебряный кружок с аббревиатурой ЖОПРПГ, положила его на стол перед Альбусом, а затем слегка тронула значок пальцем.

И тут же голоса Гермiony Грейнджер, Падмы Патил, Парвати Патил, Лаванды Браун, Сьюзен Боунс, Ханны Аббот, Дафны Гринграсс и Трейси Дэвис хором проскандировали: «Второе место не для нас, на подвиг ведьме дайте шанс!»

— Мисс Грейнджер продаёт их по два сикля. Она сказала мне, что уже продала пятьдесят штук. Насколько я понимаю, значки зачаровывает Нимфадора Тонкс, семикурсница из Пуффендуча. А в заключение моего отчёта, — быстро добавила профессор МакГонагалл, — я хочу сообщить, что восемь наших новоиспечённых героинь попросили разрешения провести акцию протеста перед входом в ваш кабинет.

— Я надеюсь, — нахмурился Альбус, — вы объяснили им, что ...

— Я объяснила, что в семь часов вечера в среду это будет вполне приемлемо, — перебила его Минерва. Она взяла значок со стола, одарила Альбуса приторной улыбкой и повернулась к двери.

— Минерва? — окликнул её старый волшебник. — Минерва!

Дубовая дверь захлопнулась за ней.

* * *

Между узкими каменными стенами, которые обозначали границы вестибюля перед кабинетом директора, было не так уж много места. Поэтому прийти туда позволили далеко не всем, хотя посмотреть на протест хотели многие. Присутствовали профессор Синистра и профессор Вектор — они надели значки, и старосты Пенелопа Клируотер, Роза Браун и Жаклин Прис — они тоже надели значки. Позади них профессор МакГонагалл, профессор Спраут и профессор Флитвик — без значков — внимательно следили за происходящим. Присутствовали Гарри Поттер и главный староста Хогвартса, а также старосты-юноши Перси Уизли и Оливер Битсон — все они надели значки в знак солидарности. И, конечно, присутствовали восемь основательниц ЖОПРПГ. С транспарантами в руках они образовали перед горгульями линию пикета. Плакат Гермiony, прикреплённый к деревянной палке, которая с каждой минутой казалась всё тяжелее и тяжелее, гласил: «НЕ НА ВТОРЫХ РОЛЯХ».

А к дальней каменной стене прислонился профессор Квиррелл с непроницаемым выражением на лице. Профессор Защиты где-

то раздобыл один из значков — хотя она ему его не продавала, — но не надел его, а лишь безучастно подбрасывал в руке.

Четыре дня назад вся эта затея нравилась Гермионе гораздо больше. В тот момент огонь её негодования пылал свежо и ярко, да и действовать нужно было не сразу же, а через четыре дня.

Но она должна идти вперёд, ведь именно так поступают герои. К тому же казалось совершенно немыслимым просто объявить, что акция протеста отменяется. Гермиона задумалась, как часто героические поступки совершаются по подобным причинам. В книгах крайне редко пишут: «И затем они отказались сдаться, как бы разумно это ни было, поскольку иначе они бы почувствовали себя ужасно неловко», хотя с такого ракурса многие события в истории человечества становились более понятными.

Профессор МакГонаггал сообщила, что в 19:15 директор Дамблдор спустится и уделит им несколько минут. Профессор МакГонаггал сказала, что бояться не стоит: в глубине души директор — хороший человек, и их протест полностью санкционирован школой.

Однако Гермиона очень хорошо понимала, что, пусть и с официального разрешения, но она всё же бросает вызов властям.

После того, как Гермиона решила стать героем, она сделала то, что напрашивалось само собой: пошла в библиотеку Хогвартса и взяла книги, в которых описывалось, как это делается. Затем она вернула книги на место, поскольку ей стало совершенно ясно, что ни один из авторов этих книг сам героем не был. И вместо этого пять раз перечитала — пока не запомнила каждое слово — тридцатидюймовую автобиографию Годрика Гриффиндора, которая также содержала и его наставления. (Правда, в английском переводе. Гермиона пока не умела читать по-латыни.) Автобиография Годрика Гриффиндора была гораздо более сжатой, чем книги, к которым она привыкла. Гриффиндор одним предложением высказывал мысли, которые у другого человека заняли бы тридцать дюймов по отдельности, а за одним предложением следовало другое, и ещё одно, и ещё...

Из прочитанного было совершенно ясно, что, хотя смысл жизни героя и не в том, чтобы бросать вызов властям, нельзя стать героем, если ты боишься это сделать. И Гермиона Грейнджер уже знала, какой её видят другие люди, и знала, что по их мнению она на это не способна.

Гермиона подняла свой транспарант повыше и постаралась дышать спокойно и ритмично, чтобы избежать гипервентиляции и не упасть в обморок.

— Правда? — с нескрываемым изумлением переспросила мисс Прис. — Они не имели права голоса?

— Да, в самом деле, — ответила профессор Синистра. (В волосах профессора астрономии не было седины, а морщины на её тёмном лице были едва заметны. Гермiona подумала бы, что профессору около семидесяти, но...) — Я прекрасно помню, как ликовала моя мать, когда был принят «Акт о праве женщин быть избранными в Парламент». — (Значит в 1918 году профессор Синистра была вместе со своей магловской семьёй.) — И это ещё не самое худшее. Ведь всего несколькими веками ранее...

Полминуты спустя все немаглорождённые, как мальчики, так и девочки, уставились на профессора Синистру с совершенно потрясённым видом. Ханна уронила свой транспарант.

— И даже это было ещё далеко не самое плохое. Но вы понимаете, к чему потенциально может привести подобное отношение, — закончила профессор Синистра.

— Мерлин, сохрани нас, — сдавленно произнесла Пенелопа Клируотер. — Вы хотите сказать, что мужчины относились бы к нам вот так, не будь у нас палочек для самозащиты?

— Эй! — воскликнул один из юношей-старост. — Это не...

Со стороны профессора Квиррелла донёсся короткий сардонический смешок. Гермiona повернула голову и увидела профессора Защиты всё в той же позе, лениво играющего со значком. По-прежнему не глядя на окружающих, он сказал:

— Такова человеческая природа, мисс Клируотер. Будьте уверены, вы поступали бы ничуть не лучше, если б у ведьм были палочки, а у мужчин — нет.

— Я так не думаю! — отрезала профессор Синистра.

Холодный смех.

— Подозреваю, это происходит чаще, чем кто-либо смеет предположить, причём в самых гордых чистокровных семьях. Какая-нибудь одинокая ведьма замечает красивого магла и думает, как легко будет подсунуть ему любовное зелье и стать для него единственным предметом обожания. Она знает, что магл не сможет оказать ей ни малейшего сопротивления, и потому, пожалуй, будет совершенно естественно для неё получить от него всё, что она пожелает...

— Профессор Квиррелл! — негодуя прервала его МакГонагалл.

— Простите, — мягко сказал профессор Защиты, не отрывая взгляда от значка в ладони, — мы все по-прежнему притворяемся, что такого не бывает? В таком случае примите мои извинения.

Профессор Синистра возмутилась:

— И, конечно, волшебники ни за что бы...

— Коллеги, здесь же дети! — опять вмешалась профессор МакГонаггалл.

— Некоторые так поступают, — спокойно ответил профессор Квиррелл, словно обсуждая погоду. — Хотя лично я — нет.

На какое-то время воцарилась тишина. Гермиона снова приподняла свой транспарант — он съехал ей на плечо, пока она слушала. Она никогда об этом не думала, ей это даже не приходило в голову. От этих мыслей её даже слегка подташнивало, и ей хотелось от них избавиться. Сама не зная зачем, Гермиона бросила взгляд в сторону Гарри Поттера: его лицо было совершенно неподвижным. Холодок пробежал по её спине, но не успела она отвернуться, как Гарри слегка кивнул, будто они в чём-то согласились.

— Честно говоря, — заговорила через некоторое время профессор Синистра, — с тех пор, как я получила письмо из Хогвартса, не припомню, чтобы я встречала случаи предубеждений из-за пола или цвета кожи. Все предубеждения были связаны с тем, что я маглорождённая. Как я понимаю, мисс Грейнджер обнаружила проблему только с героями?

Через секунду до Гермионы дошло, что вопрос адресован ей, и тогда она слегка пискляво ответила «Да».

— Какие именно источники вы проверили, мисс Грейнджер? — спросила профессор Вектор. Она выглядела старше профессора Синистры, её волосы начинали слегка седеть. Гермиона ни разу не общалась лично с профессором арифмантики, пока та сама не попросила у неё значок.

— Э-э, — немного высоким голосом начала Гермиона, — я просмотрела книги по истории и обнаружила, что среди министров Магии было равное число женщин и мужчин. Затем я проверила верховных чародеев, и оказалось, что среди них мужчин было чуть больше, чем женщин. Но если обратить внимание на известных охотников за Тёмными волшебниками, или на людей, которые останавливали нашествия Тёмных созданий, или людей, которые побеждали Тёмных лордов...

— И, конечно, самих Тёмных волшебников, — вмешался профессор Квиррелл. Теперь он поднял голову. — Вы можете добавить их к своему списку, мисс Грейнджер. Среди всех предполагаемых Пожирателей Смерти нам известно лишь две волшебницы: Беллатриса Блэк и Алекто Кэрроу. И осмелюсь сказать, мало кто вспомнит имя какой-либо Тёмной Леди помимо Бабы-Яги.

Гермиона ошарашенно уставилась на него.

Не может же он в самом деле...

Профессор Квиррелл поднял значок, продемонстрировав золотые буквы ЖОПРПГ:

— Герои, — сказал он, затем повернул значок обратной стороной, — Тёмные волшебники. Это похожие карьерные лестницы, и по ним шагают схожие люди. И вряд ли стоит задаваться вопросом, почему юные ведьмы отвергают один из путей, не рассматривая его отражение.

— А, теперь мне понятно! — воскликнула Трейси Дэвис так неожиданно, что Гермиона даже слегка вздрогнула. — Вы беспокоитесь, что слишком мало девочек становятся Тёмными ведьмами, и потому присоединились к нашему протесту! — Трейси хихикнула, хотя сама Гермиона в данный момент не смогла бы это сделать даже за миллион фунтов стерлингов.

Профессор Квиррелл ответил с полуулыбкой на лице:

— Нет, мисс Дэвис. На самом деле, меня это ничуть не беспокоит. Но бессмысленно подсчитывать ведьм среди министров Магии и других заурядных людей, ведущих заурядное существование, когда и Гриндевальд, и Дамблдор, и Тот-Кого-Нельзя-Называть были мужчинами, — пальцы профессора Защиты лениво крутили значок, переворачивая его снова и снова. — С другой стороны, лишь немногие люди делают свою жизнь хоть сколько-нибудь интересной. Какое вам дело, кого среди них больше, ведьм или волшебников, если вы сами не из их числа? Я подозреваю, что вы и не станете одной из них, мисс Дэвис, ибо пусть вы и целеустремлённы, но у вас нет цели.

— Неправда! — возмутилась Трейси. — И что это вообще значит?

Профессор Квиррелл оттолкнулся от стены и выпрямился.

— Вы были распределены в Слизерин, мисс Дэвис, и я ожидаю, что вы ухватитесь за любую возможность для продвижения вверх. Но у вас нет великой цели, которую вы жаждете осуществить, и вы не создаёте себе возможности самостоятельно. В лучшем случае вы вскарабкаетесь на пост министра Магии — или какой-нибудь другой, столь же высокий и никчёмный, — но так и не вырветесь за границы привычного существования.

Профессор Квиррелл отвёл взгляд от Трейси и смотрел теперь прямо на Гермиону. Взгляд бледных голубых глаз впился в неё с неистовой силой.

— Скажите, мисс Грейнджер. У вас есть цель?

— Профессор... — пропищал и замолк высокий строгий голос Флитвика, и краешком глаза Гермиона заметила, как Гарри положил руку на его плечо и покачал головой с очень взрослым выражением на лице.

Гермиона почувствовала себя оленем, пойманным светом фар.

— Что заставляет вас вырываться за границы привычного существования, мисс Грейнджер? — продолжил профессор Защиты, по-прежнему глядя прямо на неё. — Почему вам больше недостаточно получать хорошие оценки на уроках? Вы ищете истинного величия? Какой-то аспект этого мира не удовлетворяет вас настолько, что вы решили перекроить его в соответствии со своими желаниями? Или для вас это всего лишь детская игра? Я был бы крайне разочарован узнать, что причина лишь в вашем соперничестве с Гарри Поттером.

— Я... — пискнула Гермиона и замолчала: она просто не знала, что ей сказать.

— Вы можете взять паузу и подумать, если хотите, — предложил профессор Квиррелл. — Сделайте вид, что это домашнее задание, сочинение на шесть дюймов к четвергу. Я слышал, у вас получаются очень выразительные сочинения.

Все смотрели на неё.

— Я... — снова выдавила Гермиона. — Я не согласна ни с одним вашим словом.

— Хорошо сказано, — раздался твёрдый голос профессора МакГонагалл.

Профессор Квиррелл даже не моргнул.

— Это не шесть дюймов, мисс Грейнджер. Что-то же заставило вас бросить вызов решению директора и собрать группу последователей. Быть может, вы не хотели бы говорить об этом во всеуслышание?

Гермиона знала, что верный ответ не впечатлит профессора Квиррелла, но это действительно был верный ответ:

— Мне кажется, что для того, чтобы быть героем, не требуется цель, — её голос дрожал, но не ломался. — Я думаю, нужно лишь делать то, что правильно. И ещё, они не мои последователи, мы просто друзья.

Профессор Квиррелл вновь прислонился к стене. Полуулыбка ушла с его лица.

— Почти все люди говорят себе, что поступают правильно, мисс Грейнджер. Но это не поднимает их над заурядностью.

Гермиона несколько раз глубоко вдохнула, чтобы собраться с духом.

— Незаурядность тут ни при чём, — сказала она как можно храбрее. — По-моему, если кто-то просто делает то, что правильно, снова и снова, и не чурается любой необходимой работы, и задумывается над тем, что делает, и у него хватает храбрости, чтобы не останавливаться даже тогда, когда ему страшно... — Гермiona на мгновение замолчала, её глаза метнулись к Трейси и Дафне, — и он искусно планирует свои действия... и не просто повторяет то, что делают другие... то, мне кажется, этот человек уже способен попасть в неприятности.

Некоторые мальчики и девочки не удержались от смешков, как, впрочем, и профессор МакГонаггалл, улыбка которой была кривой, но гордой.

— Возможно, в этом вы правы, — сказал профессор Защиты, полузакрыв глаза. Он бросил значок Гермione, и она машинально его поймала. — Моё пожертвование вашему делу, мисс Грейнджер. Как я понимаю, он стоит два сикля.

Профессор Квиррелл повернулся и ушёл, не сказав больше ни слова.

— Я думала, что упаду в обморок! — выдохнула Ханна, когда шаги профессора затихли. Гермiona услышала ещё несколько облегчённых вздохов. Некоторые девочки на секунду опустили свои транспаранты.

— У меня очень даже есть цель! — чуть не плача, воскликнула Трейси. — Я... Я... Я до завтра подумаю и пойму, какая у меня цель, но она у меня точно есть, я уверена!

— Если тебе совсем ничего не придёт в голову, — утешительно похлопала её по плечу Дафна, — используй старое доброе «Захватить мир».

— Эй! — воскликнула Сьюзен. — Вы же собирались быть героями! Это значит, что вы должны быть хорошими!

— Нет, всё в порядке, — вмешалась Лаванда. — Я совершенно уверена, что генерал Хаоса хочет захватить мир, и в то же время он хороший.

За линией пикета тоже продолжались разговоры.

— Боже мой, — сказала Пенелопа Клируотер. — Я думаю, это самый откровенно злой профессор Защиты из всех, что у нас были.

Профессор МакГонаггалл предупреждающе кашлянула, а главный староста заметил:

— Это вы не застали профессора Барни*.

Некоторые из присутствующих вздрогнули, услышав это имя.

— У профессора Квиррелла просто такая манера говорить, — сказал Гарри Поттер, правда уже не так уверенно, как раньше. —

Ну, то есть, задумайтесь, он ведь не делает ничего из того, что делает профессор Снейп...

— Мистер Поттер, — пропищал профессор Флитвик, вежливо, но со строгим лицом, — почему вы попросили меня не вмешиваться?

— Профессор Квиррелл проверял Гермиону, чтобы выяснить, хочет ли он стать её таинственным старым волшебником, — объяснил Гарри. — Конечно, это ни в коем случае, никоим образом и никаким боком бы не получилось, но она должна была ответить сама.

Гермиона моргнула.

Затем она моргнула ещё раз, осознав, что таинственный старый волшебник Гарри — это профессор Квиррелл, а вовсе не Дамблдор, и это уж точно плохой знак...

Небольшой каменный вестибюль заполнился грохотом, и Гермиона, чьи нервы и так уже были на пределе, крутанулась на месте и схватилась за волшебную палочку, чуть не уронив при этом транспарант.

Горгульи расступились. Текучий камень, из которого они были сделаны, грохотал как и положено камню, но двигались они как существа из плоти и крови. Огромные уродливые статуи ненадолго замерли, мёртвые серые глаза бдительно оглядели собравшихся. Затем огромные горгульи сложили крылья и вернулись на свои места. Когда они замерли, Текучий камень выглядел точно как и прежде. Проход в каменной стене Хогwartса опять закрылся.

А перед собравшимися одетый в мантию, чей яркий пурпурный цвет, вероятно, казался отвратительным только маглорождённым, предстал Альбус Персиваль Вульфрик Брайан Дамблдор, директор Хогwartса, Верховный Чародей Визенгамота, председатель Международной Конфедерации Магов, победитель Тёмного Лорда Гриндевальда и защитник Британии, алхимик, заново открывший легендарные двенадцать способов использования драконьей крови, и сильнейший волшебник современности. И он смотрел на неё, Гермиону Джин Грейнджер, генерала недавно увеличенного Солнечного отряда, которая получала лучшие оценки среди всех первокурсников Хогwartса и объявила себя героиней.

Даже её имя короче, чем его.

Директор добродушно улыбнулся ей. Его глаза, окружённые морщинами, весело поблёскивали из-под очков-полумесяцев:

— Здравствуйте, мисс Грейнджер.

Удивительно, но это было далеко не так страшно, как разговор с профессором Квирреллом.

— Здравствуйте, директор Дамблдор, — сказала Гермиона почти без дрожи в голосе.

— Мисс Грейнджер, — уже более серьёзным тоном продолжил Дамблдор. — Мне кажется, что у нас с вами возникло небольшое недопонимание. Я не хотел сказать, что вы не можете или не должны становиться героем. И я абсолютно точно не имел в виду, что путь героя не для ведьм. Я лишь подразумевал, что вам... рановато задумываться о таких вещах.

Гермиона не удержалась и бросила взгляд на профессора Мак-Гонагалл, которая ответила ей ободряющей улыбкой — или улыбка была адресована им обоим... Гермиона вновь посмотрела на директора:

— С тех пор, как вы заняли пост директора сорок лет назад, — дрожь в её голосе стала сильнее, — одиннадцать учеников и выпускников Хогвартса стали героями. Я говорю о Люпе Кэсериле* и других, подобных ему. Десять из них были волшебниками, и лишь Симорен Линдервол* была ведьмой.

— Хм, — судя по лицу, директор по крайней мере задумался над её словами. — Мисс Грейнджер, лично я никогда не делал подобных подсчётов. Взять сухие цифры зачастую гораздо легче, чем прийти к пониманию. Хогвартс окончило множество хороших людей — как волшебников, так и волшебниц — и те, кто сумел прославиться как герой — лишь часть из них, и даже, быть может, не самая лучшая. В вашем списке нет ни Алисы Лонгботтом, ни Лили Поттер... Но оставим это. Мисс Грейнджер, скажите мне, считали ли вы, сколько героев окончило Хогвартс в течение сорока лет до меня? Я могу припомнить лишь троих, кого называли героями, и среди них нет ни одной ведьмы.

— Я не хочу сказать, что это ваша вина, — сказала Гермиона. — Я просто думаю, что, возможно, многие люди, прежние директора — а может быть, и всё ваше общество — не одобряют путь героя для девочек.

Старый волшебник вздохнул. Его глаза смотрели только на неё поверх очков-полумесяцев, словно здесь никого больше не было.

— Мисс Грейнджер, можно мешать ведьмам становиться Мастерами Чар, игроками в квиддич, даже аврорами. Но не героями. Если кому-то суждено стать героем, он им станет. И ни дементоры, ни смерть друзей, ни отсутствие одобрения окружающих его не остановит.

— Ну, — сказала Гермиона после паузы, подбирая слова, — ну, я думаю... а что если всё это на самом деле неправда? В смысле, мне кажется, что если вы хотите больше ведьм-героев, то нужно учить их героизму.

— Многие мальчики и девочки становятся героями в своих мечтах, — спокойно сказал Дамблдор. Он не смотрел на других протестующих, только на неё. — Немногие в реальном мире. Многим удаётся устоять на ногах и встретить тьму, когда она приходит к ним. Немногие ищут тьму и заставляют её встретиться с ними лицом к лицу. Они ведут непростую жизнь, иногда одинокую, зачастую короткую. Я никого не призывал отказаться от пути героя, но я и не желал бы увеличивать их число.

Гермиона колебалась. Что-то в его морщинистом лице, какой-то намёк на все эмоции, которые копились и скрывались годами, останавливал её.

Возможно, если бы было больше героев, то их жизнь не была бы столь коротка или столь одинока.

Но она не могла заставить себя сказать это вслух. Только не ему.

— Но речь не о том, — сказал старый волшебник. Он улыбнулся, на её взгляд немного печально. — Мисс Грейнджер, нельзя научить героизму, как учат заклинаниям. Нельзя написать сочинение на двенадцать дюймов о том, как поступить, когда все надежды, казалось бы, потеряны. Или отрепетировать с учениками, когда нужно вставать и говорить директору, что он поступил неправильно. Нельзя научиться быть героем, героем можно только родиться. И по какой-то причине большинство героев рождается мальчиками, а не девочками.

Директор пожал плечами, как бы говоря, что он бессилён что-либо с этим сделать.

— Э-э, — выдавила Гермиона и, не удержавшись, оглянулась назад.

Профессор Синистра выглядела слегка возмущённой. И оказалось, что никто не смотрит на Гермиону словно на дурочку, как она себе представляла, пока слушала Дамблдора. Гермиона снова повернулась к директору и, как следует набрав воздуха, сказала:

— Ну, возможно, люди, которым суждено стать героями, станут ими, невзирая ни на что. Но я не пойму, как кто-то может заранее знать об этом, а не утверждать постфактум. И когда я сообщила вам, что хочу стать героем, вы не оказали особой поддержки.

— Мистер Поттер, — мягко сказал директор, не отрывая от неё взгляда, — пожалуйста, расскажите мисс Грейнджер о вашем впечатлении от нашей с вами первой встречи. Можно ли сказать, что я поддержал вас? Скажите правду.

Тишина.

— Мистер Поттер? — раздался озадаченный голос профессора Вектор за её спиной.

— Э-э, — начал Гарри. Даже по его голосу можно было понять, насколько он не хочет это обсуждать. — Э-э... ну, на самом деле, на нашей первой встрече директор сжёг курицу.

— Он что?! — вырвалось у Гермионы. Но так как почти одновременно с ней ещё несколько человек воскликнули что-то подобное, её вряд ли кто-нибудь услышал.

Директор по-прежнему смотрел на неё с абсолютно серьёзным видом.

— Я не знал о Фоуксе, — быстро продолжил Гарри, — директор сказал, что Фоукс — это феникс, и показал на курицу, сидевшую на жёрдочке Фоукса, поэтому я и подумал, что это Фоукс, а затем он сжёг эту курицу... и ещё он дал мне вот такой большой камень и сказал, что он принадлежал моему отцу, и я должен теперь всегда носить его с собой...

— Но это же безумие! — воскликнула Сьюзен.

Внезапно воцарилось тишина.

Директор медленно повернул голову и посмотрел на Сьюзен.

— Я... — начала она. — Я имела в виду... Я...

Директор наклонился, и его лицо оказалось на одном уровне с лицом девочки.

— Я не... — ещё раз попыталась сказать Сьюзен.

Дамблдор поднёс палец к губам, издал тренькающие звуки: «брям-брям-брям», а затем выпрямился и сказал:

— Что ж, мои дорогие героини, я был рад с вами пообщаться, но, к сожалению, у меня сегодня ещё много дел. И всё же будьте уверены, я непостижим для всех, а не только для ведьм.

Горгульи расступились. Текучий камень, из которого они были сделаны, грохотал как и положено камню, но двигались они как существа из плоти и крови.

Огромные уродливые статуи ненадолго замерли, мёртвые серые глаза бдительно оглядели собравшихся. Альбус Персиваль Вульфрик Брайан Дамблдор ступил на Бесконечную лестницу, улыбаясь так же доброжелательно, как и при своём появлении.

Затем огромные горгульи сложили крылья и встали на свои места, и лишь короткое «Муа-ха-ха!» пронеслось по каменным коридорам, прежде чем проход окончательно закрылся.

Тишина затянулась.

— Он что, в самом деле сжёг курицу? — спросила Ханна.

* * *

Восемь героинь продолжали свою акцию протеста даже после этого, но если быть честными, то их запал уже угас.

После нескольких осторожных вопросов профессора Флитвика выяснилось, что Гарри Поттер не почувствовал никакого запаха сожжённой курицы. А значит, это скорее был просто какой-нибудь трансфигурированный в курицу камушек (или ещё что-нибудь), окружённый чарами Барьера, которые не позволяли дыму разлетаться — и профессор Флитвик, и профессор МакГонаггалл очень настойчиво подчеркнули, что подобные эксперименты можно ставить только под их наблюдением.

Но всё же...

Но всё же... что?

Гермиона понятия не имела, что.

Но всё же.

После продолжительного переглядывания — ни одна из девочек не хотела предложить это первой, — Гермиона объявила, что протест завершён, и зрители начали расходиться.

Перестук восьми пар туфель разносился по каменному коридору Хогвартса.

— Вам не кажется, что мы были несправедливы к Дамблдору? — спросила Сьюзен. — В смысле, если он ведёт себя как сумасшедший со всеми, а не только с ведьмами, то в этом нет дискриминации, так?

— Мне больше не хочется протестовать против директора, — слабым голосом пробормотала Ханна. Пуффендуйка выглядела обессиленной. — Даже если профессор МакГонаггалл говорит, что он на нас не сердится, мне всё равно. Для меня это чересчур.

— Да уж, ты вряд ли будешь уничтожать армии инферналов в ближайшее время, — фыркнула Лаванда.

— Хватит! — резко сказала Гермиона. — Слушайте, нам нужно научиться быть героинями, так? И нет ничего страшного в том, что мы пока не знаем, что делать.

— А директор считает, что этому нельзя научиться, — сказала Падма. Лицо девочки с Когтерврана было задумчивым, а шаги размеренными. — Он даже не думает, что это хорошая идея.

Дафна вышагивала, высоко подняв голову и выпрямив спину. Даже в школьной мантии ей удавалось изображать Приличную Молодую Леди достовернее, чем это вышло бы у Гермионы в её лучшей парадной одежде.

— Директор, — отчеканила Дафна точно выверенным голосом под аккомпанемент сильного и резкого стука её туфель по каменному полу, — думает, что мы — просто горстка глупых, заигравшихся девчонок, и что из Гермионы может однажды получиться хороший спутник героя, но остальные вовсе безнадёжны.

— А он не прав? — спросила Парвати. Лицо девочки из Гриффиндора было очень серьёзным, что ещё больше усиливало её сходство с сестрой-близняшкой. — Ну то есть, кто-то же должен это спросить...

— Нет! — взметнулась Трейси. Слизеринка шла по коридору с таким видом, словно была готова кого-нибудь убить — эдакая миниатюрная женская копия Снейпа. Из всех девочек хуже всех Гермиона знала именно Трейси. Гермионе доводилось как-то болтать с Лавандой, но с Трейси до того, как та спрыгнула с дивана, чтобы присоединиться к ним, Гермиона сталкивалась лишь во время битв, где они были на противоположных сторонах. — Мы ему покажем! Мы им всем покажем!

— Слушай, — сказала Сьюзен, — это уже звучит как-то совсем по-злодейски...

— Нет, — возразила Лаванда, — это просто девиз Легиона Хаоса. Она только пропустила безумный смех.

— Всё верно, — злоещим, низким голосом сказала Трейси. — В этот раз я не смеюсь.

Словно под торжественную музыку, которую слышала лишь она одна, девочка продолжила шагать по коридору.

(Гермиона начала волноваться, чему именно впечатлительная молодёжь из Легиона Хаоса учится у Гарри Поттера.)

— Но... ведь... — продолжала Парвати, её лицо по-прежнему выражало непреклонность, — я хочу сказать, вы же и сами видите, почему директор считает нас просто сборищем глупых девчонок, ведь так? Как протесты перед дверями директорского кабинета помогут нам стать героинями?

— Хм, — задумалась Лаванда. — Это верно. Мы должны совершить что-то героическое. То есть героиньское.

— Эм-м... — протянула Ханна, что довольно точно выражало собственные мысли Гермионы по этому вопросу.

— Хорошо, — сказала Парвати. — Все уже были в дамблдорском запретном коридоре на третьем этаже? Я думаю, из Гриффиндора его прошли уже все...

— Подожди! — воскликнула Гермиона с отчаянием в голосе. — Я не хочу, чтобы вы делали что-то опасное!

В наступившей тишине все посмотрели на Гермиону, которая, хоть и с опозданием, но начала понимать, почему Дамблдор не хотел, чтобы другие становились героями.

— Не думаю, что можно стать героиней, никогда не делая ничего опасного, — резонно заметила Лаванда.

— Кроме того, — задумчиво проговорила Падма, — всем известно, что в Хогвартсе не может произойти ничего по-настоящему плохого, не так ли? Я имею в виду с учениками, а не с профессорами Защиты. Здесь есть все эти древние защитные чары и всё такое прочее...

— Эм-м, — вновь сказала Ханна.

— Точно, — подхватила Парвати, — худшее, что может случиться, это потеря десятка-другого баллов, и поскольку нас по две с каждого факультета, то у всех вычтут поровну.

— Гермиона, это же гениально! — восхищённо сказала Дафна. — Ты подобрала нашу команду так, что мы можем делать что угодно! Я только сейчас заметила, насколько хитроумен твой план!

— Эм-м, — сказали Гермиона, Ханна и Сьюзен.

— Верно! — воскликнула Парвати. — Наше время пришло. Мы станем героинями. Мы найдём тьму...

— И заставим её встретиться с нами лицом к лицу... — подхватила Лаванда.

— И научим её бояться, — зловеще закончила Трейси Дэвис.

Глава 71

Самоактуализация. Часть 6

- **Н**у, что ж, — как можно тише прошептала Дафна, — по крайней мере, я больше не чувствую себя единственным здравомыслящим человеком в Хогвартсе.

— Потому что теперь с тобой мы? — прошептала Лаванда, крадущаяся на цыпочках слева от неё.

— По-моему, она имеет в виду не это, — пробормотала генерал Грейнджер слева от Лаванды.

Они продвигались по коридорам Хогвартса медленно и осторожно. Все восемь девочек старательно прислушивались, чтобы не упустить ни малейшего намёка на приближение Неприятностей. Словно это была одна из битв профессора Квиррелла, только на этот раз вместо вражеских солдат они искали хулиганов, которых нужно Победить, и жертв, которых нужно Спасти, пока у них выдалось свободное время между завтраком и уроком травоведения у Лаванды и Парвати.

Ранее Лаванда заявила, что, если одна девочка-первокурсница может победить трёх хулиганов старшекурсников, то по правилам арифметики восемь первокурсниц могут справиться с двадцатью четырьмя хулиганами.

Судя по тому, как генерал Грейнджер размахивала руками и давилась междометиями, она не сочла этот довод убедительным.

В течение последовавшего спора Падма сначала хранила молчание, а потом задумчиво заметила, что даже в Хогвартсе избиение девочек-первокурсниц может серьёзно испортить хулигану его хулиганскую репутацию.

После чего Парвати приободрилась и объявила, что из этого следует, что они единственные, кто может что-то сделать с проблемой хулиганов в Хогвартсе, и это будет действительно, по-настоящему героиньский поступок. К тому же её родители переехали в Британию в основном ради того, чтобы они с сестрой могли учиться

в единственной в мире школе волшебников с нулевой смертностью среди учеников. Какой смысл учиться в такой школе и не заниматься ничем интересным?

Генерал Грейнджер ответила, что Парвати просто совершенно не поняла смысла безупречной репутации в плане безопасности.

Тогда Лаванда заметила, что если они действительно друзья, а не последователи Гермионы, как думает профессор Квиррелл, то они должны решать такие вопросы голосованием.

Дафна предполагала, что после того как Гермиона, Сьюзен и Ханна проголосуют против, её голос будет решающим. Поэтому, переживая первый приступ энтузиазма, она тщательно взвесила все «за» и «против». В конце концов, она — слизеринка, а значит именно она ответственна за то, чтобы, помогая людям, они не забывали о своих собственных интересах. Это её работа — оценить риски и выяснить, стоит ли оно того. Именно так поступила бы мама на её месте. Всегда присматривать таким образом за собой и своими друзьями — вот в чём предназначение настоящих слизеринцев...

Но Ханна Аббот, робкая девочка с Пуффендую, дрожащим тихим голосом сказала: «Да».

И у Дафны, Сьюзен и Гермионы не осталось выбора, кроме как следовать воле большинства — они никак не могли позволить этим пятерым остаться без поддержки. Потому что ни один гриффиндорец до конца своих дней не отмоется от позора, если причинит вред последнему выжившему ребёнку из рода Боунс, и ни один слизеринец не посмеет напасть на дочь Благородного и Древнейшего Дома Гринграсс. (По крайней мере, Дафна на это надеялась.) А что касается генерала Грейнджер, с которой всё началось... то здесь и спрашивать смысла не было.

Они шли по коридорам Хогвартса, готовые в любой момент вступить в бой. Деревянные двери, каменные стены и Вечногорящие факелы появлялись перед ними и оставались за спиной. Один раз они слышали шаги и затаили дыхание, даже схватились за палочки, но это оказался всего лишь одинокий старшекурсник-когтевранец, который посмотрел на них с любопытством, затем фыркнул и уткнулся обратно в книгу, которую читал на ходу.

Героини прокрались мимо тёмных дубовых панелей, украшенных позолоченными фресками, и оказались в тупике с дверью в мужской туалет. Тогда они развернулись, снова миновали тёмные дубовые панели, украшенные позолоченными фресками, и свернули в пыльный коридор со старыми кирпичными стенами, из которых уже сыпался

цемент. Через некоторое время они поняли, что уже проходили этот коридор, поэтому героини проконсультировались с портретом и пошли по другому старому кирпичному коридору, который привёл их к короткой мраморной лестнице. Не будь они в Хогвартсе, можно было бы сказать, что эта лестница ведёт на третий с половиной этаж. Поднявшись, они вновь оказались в коридоре, пол в котором был вымощен камнем, а через потолок пробивались лучи солнечного света, хотя до крыши замка было совсем не близко. Спустя несколько поворотов героини вышли к другому мужскому туалету, о чём явно свидетельствовала табличка с изображением силуэта волшебника, писающего в унитаз.

Восемь девочек остановились перед закрытой дверью и устало смотрели на неё.

— Мне скучно, — пожаловалась Лаванда.

Падма демонстративно достала карманные часы и посмотрела на них:

— Шестнадцать минут и тридцать секунд, — объявила она, — новый рекорд концентрации внимания среди гриффиндорцев.

— Я тоже сомневаюсь, что это хорошая идея, — сказала Сьюзен, — а ведь я — пуффендуйка.

— Знаете, — задумчиво протянула Лаванда, — я вот думаю, может быть, на самом деле герои — это те люди, которые если вот так куда-нибудь идут, то обязательно сталкиваются с чем-нибудь интересным?

— Наверняка, — согласилась Трейси. — Уверена, будь с нами Гарри Поттер, мы бы в первые же пять минут наткнулись на трёх хулиганов и на потайную комнату, полную сокровищ. Готова поспорить, что генералу Хаоса достаточно зайти в туалет, и он сразу, например, найдёт Тайную Комнату Слизерина, ну или ещё что-нибудь эдакое...

Дафна такое пропустить не могла:

— Ты считаешь, что лорд Слизерин разместил бы вход в Тайную Комнату в туалете?...

— Я хотела сказать, — прервала Сьюзен уже открывшую рот Трейси, — что мы вообще не знаем, как найти хулиганов. В смысле, им достаточно просто найти какого-нибудь пуффендуйца, а нам необходимо поймать их именно в нужное время, понимаете? И это очень даже хорошо, потому что если бы мы их всё-таки нашли, нас бы раздавили как букашек. Может, просто пойдём в запретный коридор на третьем этаже, как собирались?

Лаванда презрительно фыркнула:

— Нельзя стать настоящей героиней, если делать только то, что запретил директор!

(Дафна попробовала осмыслить фразу Лаванды и мысленно вознесла хвалу Распределяющей шляпе за то, что та не отправила её в Гриффиндор.)

— Интересная мысль... — медленно произнесла Парвати. — В смысле, а какие шансы были у Гарри Поттера наткнуться на тех пятерых хулиганов в первое же утро в школе? У него наверняка был какой-то способ их найти.

Поскольку Дафна стояла так, что, глядя на Парвати, она могла видеть и Гермиону, она заметила, как изменилось лицо когтевранки — и вспомнила, что генерал Солнечных совсем недавно тоже нашла нескольких хулиганов...

— О! — воскликнула Падма, словно к ней пришло озарение. — Ну конечно же! Ему рассказал о них призрак Салазара Слизерина!

— Что?! — воскликнула Дафна. И не только она.

— Я практически уверена, что это его призрак напугал меня, — пояснила Падма. — То есть, догадалась об этом я лишь потом, но... это точно он. Призраку Салазара Слизерина не нравится, когда слизеринцы издеваются над другими, он считает, что это позорит его имя. И призрак Слизерина до сих пор имеет доступ к защитным чарам Хогвартса, поэтому он знает обо всём, что происходит в замке.

У Дафны отвисла челюсть. Она видела, как Ханна, приложив ладонь ко лбу, облокотилась на каменную стену, а глаза Трейси засияли, словно маленькие коричневые звёздочки.

Призрак Салазара Слизерина?

Объединился с Гарри Поттером?

И послал Гермиону Грейнджер остановить шайку Деррика?

Она бы не пожалела и сотни галлеонов, только чтобы увидеть выражение лица Драко Малфоя, когда ему об этом расскажут.

Хотя, если учесть, как быстро по Хогвартсу разлетаются слухи, то скорее всего Милисента уже рассказала ему о догадке Падмы ещё полчаса назад...

Вообще-то... теперь, когда Дафна подумала об этом...

— То есть, — сказала Парвати, — нам нужно спросить Мальчика-Который-Выжил, где найти призрака Салазара Слизерина? Ух-ты, я сказала это вслух — кажется, я действительно превращаюсь в героиню...

— Да! — воскликнула Лаванда. — Нам нужно спросить Мальчика-Который-Выжил, где мы можем найти призрака Салазара Слизерина!

— Нам нужно спросить... Мальчика-Который-Выжил... где найти призрака Салазара Слизерина... — словно через силу повторила Ханна.

— А если он не скажет, — выкрикнула Трейси, — мы его оглушим, свяжем и потащим с собой!

* * *

Восемь девочек шагали назад по лабиринту извилистых узких коридоров, из которых и состоял замок Хогвартс. Перерыв между уроками подходил к концу, а они так и не встретили ни одного хулигана.

Гермиона подумала, что это примечательно — и довольно печально, — но она на самом деле не знает, вёл ли Гарри Поттера призрак Салазара Слизерина или феникс, или что-нибудь ещё. Она надеялась, что идея Гарри — какой бы она ни была — в их случае не сработает. А ещё больше она надеялась, что остальные не поддержат идею Трейси оглушить Гарри Поттера и таскать его в бессознательном состоянии по коридорам, чтобы привлечь Приключения. В реальной жизни так не бывает, а если всё-таки бывает, то она всё бросит и сдастся.

Гермиона переводила взгляд от одной ведьмы к другой: Трейси болтала с Лавандой, а остальные изредка вставляли замечания. И тут она заметила, что одна из девочек выглядит подавленной, и именно её ход мыслей Гермиона сейчас совершенно не понимала.

— Ханна? — обратилась она к девочке, которая шла рядом с ней. Гермиона постаралась, чтобы её голос прозвучал как можно мягче. — Можешь не отвечать, но нельзя ли спросить, почему ты проголосовала за войну с хулиганами?

Гермиона думала, что поинтересовалась достаточно тихо, но все вдруг остановились. Лаванда и Трейси прекратили беседу и посмотрели в их сторону.

Щеки Ханны начали краснеть, она открыла рот для ответа...

— Потому что она храбрее, чем ты думаешь, очевидно же, — сказала Лаванда.

Ханна замерла с открытым ртом, затем закрыла его, сглотнула, краснея всё сильнее и наконец, сделав глубокий вдох, тихо сказала:

— Есть мальчик, который мне нравится.

После этих слов пуффендуйка вздрогнула и нервно обвела взглядом всех остальных девочек, которые уставились на неё. Повисла тишина.

— Эм-м, и что? — прервала молчание Сьюзен.

— Мне нравятся пять мальчиков, — сказала Лаванда.

— Мы с Падмой знаем, что нам нравятся одни и те же мальчики, — сказала Парвати, — так что мы составили список и подкинули кнат, чтобы узнать, кто будет выбирать первой.

— Я знаю, за кого мне предначертано выйти замуж, — сказала Трейси, — и мне не важно, что скажут об этом люди, ему суждено стать моим!

Тут остальные девочки обратили выжидающие взгляды на Гермину, которая продолжала думать о том, что сказала Ханна, поэтому последнюю реплику Трейси и вовсе прослушала.

— Хм-м, — начала Гермiona, по-прежнему стараясь говорить мягко, — Ханна, ты решила присоединиться к Женской Организации по Продвижению Равных Прав на Героизм потому, что тебе кажется, что, став героиней, ты будешь больше нравиться этому мальчику?

Юная пуффендуйка, которая сейчас пристально разглядывала своё отражение в лакированных чёрных туфлях, снова кивнула и покраснела ещё сильнее.

— Ей нравится Невилл Лонгботтом, — сказала Дафна и скорбно вздохнула. — Но, к сожалению для неё, он собирается жениться на другой. Так трагично.

Ханна тоненько всхлипнула, продолжая смотреть себе под ноги.

— Постой-ка, — встрепенулась Лаванда. — Невилл собирается жениться? С чего ты взяла? На ком?!

Дафна лишь покачала головой с тем же печальным выражением на лице.

— Простите, — сказала Гермiona, и внимание остальных девочек снова обратилось к ней, — Эм-м... — ей никак не удалось полностью собраться с мыслями, — Я хочу сказать... Ханна... пытаться стать героиней ради того, чтоб произвести впечатление на мальчика, — это как-то не очень феминистично.

— Вообще-то правильно говорить — «феминно», — заметила Падма.

— А почему ты считаешь, что Ханна не феминна? — спросила Сьюзен. — Ведь нет ничего не феминного в желании нравиться мальчикам.

— К тому же, — недоумённо добавила Парвати, — я думала, что вся суть нашей затеи в том, чтобы стать героями, несмотря на то, что это не свойственно женщинам...

Последовавшая дискуссия едва ли останется в памяти Гермионы как удачный экскурс в область политической науки. Она попыталась объяснить, за этим последовал небольшой спор, и она попыталась объяснить ещё раз. Остальные семь девочек в это время смотрели на неё с растущим скептицизмом. Затем Дафна не терпящим возражения тоном будущей леди Гринграсс заявила, что если этот «феминизм» не позволяет девочкам привлекать внимание мальчиков любыми способами, какими им угодно, то пусть остаётся в магловских странах, раз уж он там появился. Лаванда следом предложила термин «ведьмизм», который подразумевает, что ведьмы могут делать всё, что им заблагорассудится, и выглядит гораздо веселее. И наконец Падма завершила дискуссию, устало заметив, что она не видит смысла в продолжении споров, так как ЖОПРПГ по сути не имеет вообще никакого отношения к феминизму и борется лишь за то, чтобы девочек-героинь становилось больше.

На этом аргументе Гермиона сдалась.

* * *

К моменту, когда урок Заклинаний закончился и первокурсники Когтеврана начали неторопливо покидать свои места, Гермиона совсем извелась. Они едва успели добежать до класса к началу урока и рассесться по местам, как прозвучал гонг, и потому ничего ужасного случиться не успело. Но это лишь означало, что Гермионе пришлось ждать надвигающуюся катастрофу в течение всего урока.

После того, как профессор Флитвик пропищал, что они свободны, и все поднялись со стульев, Гарри вполне ожидаемо направился к тому месту, где сидела Гермиона, которая, завидев его приближение, засунула книгу в кошель-скрытень, стремительно преодолела расстояние до двери и, на ходу толкнув её, оказалась в коридоре. Гарри, разумеется, последовал за ней с удивлённым видом, так как на это время у них было запланировано совместное занятие в библиотеке.

— Гермиона, что-то случилось? — спросил он, закрыв за собой дверь.

Дверь моментально распахнулась снова, едва не сбив Гарри с ног, и из класса появилась Падма с ужасной решимостью во взоре.

— Простите, мистер Поттер, — высокий голос девочки разнёсся по коридору мрачным перезвоном колоколов судьбы, — могу я попросить у вас помощи в одном деле?

Гарри приподнял брови:

— Конечно, вы можете попросить.

— Не могли бы вы объяснить нам, как поговорить с призраком Салазара Слизерина? Мы хотим, чтобы он сказал нам, где найти хулиганов. Так же, как он говорил вам.

Некоторое время в коридоре было тихо.

Затем дверь снова открылась, и из класса с заинтересованным видом выглянула Су.

— Ну, мы собирались пойти в библиотеку, — с абсолютно спокойным видом сказал Гарри, — не хотите пойти с нами?

И он зашагал в направлении, которое по нечётным дням этого месяца вело к библиотеке. Су было двинулась за ними, но Гарри обернулся и пристально посмотрел на неё.

Как только они свернули за угол, Гарри вытащил палочку, тихо, но отчётливо проговорил «*Квиетус*», после чего повернулся к Падме и сказал:

— Интересное предположение, мисс Патил.

Падма выглядела весьма довольной собой:

— Мне следовало догадаться раньше, правда. Это шипение в голосе призрака — я должна была подумать о парселтанге ещё до того, как он заговорил о Годрике Гриффиндоре.

Гарри не изменился в лице.

— Могу я спросить, мисс Патил, поделились ли вы этим соображением с...

— Она говорила об этом при всех участниках ЖОПРПГ, — ответила за неё Гермiona.

Лицо Гарри несколько секунд выглядело так, как будто он быстро что-то просчитывал в уме. Потом он снова заговорил:

— Гермiona, каков шанс, что...

— Она произнесла это в присутствии Лаванды и Трейси.

— М-м, — протянула Падма, — мне не следовало этого делать?

* * *

— Жди здесь, — буркнул Гойл и скрылся за поворотом. Потом Трейси услышала, как он стучит в дверь личной комнаты Драко Малфоя.

Трейси чувствовала себя неудобно, и ей пришлось снова напомнить себе, что раз Падма проболталась, то Малфой всё равно кто-нибудь да расскажет, так почему бы в таком случае этим кем-то не стать именно ей, ведь она ничем не обязана Гарри Поттеру, а настоящий слизеринец должен делать то, что необходимо для достижения своих Целей.

После отповеди профессора Квиррелла она начала коллекционировать Цели, и к текущему моменту у неё в голове сложился следующий список:

- заполучить собственную метлу «Нимбус 2000»;
- стать мегаизвестной;
- выйти замуж за Гарри Поттера;
- каждый день на завтрак есть шоколадных лягушек;
- победить как минимум трёх Тёмных лордов, просто чтобы показать профессору Квирреллу, кто тут заурядность.

— Мистер Малфой примет тебя, — угрожающим тоном сказал вернувшийся Гойл и навис над нею. — И я бы на твоём месте не заставлял его думать, что ты тратишь его время впустую.

После этих слов он отступил в сторону.

Трейси добавила пункт «завести слуг» в свой список целей и вошла.

Комната Малфоя ничем не отличалась от комнаты Дафны. Трейси втайне надеялась увидеть на стенах бриллиантовые канделябры и золотые фрески — она никогда бы не сказала такого в присутствии Дафны, но Дом Малфоев действительно стоял на ступеньку выше Дома Гринграсс.

Однако спальня Малфоя была такой же небольшой, как и её собственная, и вся разница заключалась в том, что предметы обстановки были украшены серебряными змеями вместо изумрудных растений Дома Гринграсс.

Когда она переступила порог, Драко Малфой — безупречно выглядящий даже здесь, в собственной спальне, — привстал из-за стола и поприветствовал её неглубоким дружеским поклоном с такой очаровательной улыбкой на лице, словно она была кем-то действительно важным, отчего Трейси совсем растерялась, позабыла все слова, тщательно отрепетированные заранее, и просто выпалила:

— Мне нужно кое-что вам рассказать!

— Да, я знаю, Грегори предупредил меня, — сказал Драко мягко. — Садитесь, пожалуйста, мисс Дэвис.

И он указал на своё собственное кресло у стола, сам же пересел на кровать.

Без единой мысли в голове она осторожно расположилась в кресле самого Драко Малфоя. Её пальцы автоматически расправили складочки на юбке, стараясь привести её в соответствие с безупречной мантией Драко.

— Итак, мисс Дэвис, что вы хотели мне рассказать?

Трейси заколебалась, но лицо Малфоя приобретало всё более нетерпеливое выражение, и тогда она выложила всё разом, практически не переводя дыхания: то, что Падма говорила о призраке Салазара Слизерина, направлявшего Гарри Поттера в его борьбе с хулиганами, и то, что Дафна говорила об участии Гермионы во всей этой истории.

Выражение лица Драко Малфоя не менялось на протяжении всего рассказа, ни на самую малость, и от этого ей всё сильнее становилось не по себе.

— Вы мне не верите!

Последовала недолгая пауза.

— Ну, — сказал Малфой с улыбкой, которая была далеко не такой очаровательной, как прежде, — я верю, что именно так говорили Падма и Дафна, — он поднялся с кровати, и Трейси, даже не задумываясь, вскочила с кресла, — так что в любом случае спасибо, мисс Дэвис.

Он проводил её к двери и уже взялся за ручку, когда Трейси сказала:

— Вы не спросили, что я хочу за эту информацию.

Драко посмотрел на неё очень странно — она даже не могла предположить, что должен был означать этот взгляд — но ничего не ответил.

— В любом случае, — сказала Трейси, внося поспешную корректировку в свой изначальный План, — я ничего не хочу за информацию, я рассказала вам просто по-дружески.

Тень удивления пробежала по лицу Малфоя, но когда он начал говорить, его лицо уже снова выглядело бесстрастным.

— Стать другом Малфоя не так просто, мисс Дэвис.

Трейси искренне улыбнулась:

— Тогда я и дальше буду вести себя по-дружески.

С этими словами она поспешно покинула комнату, впервые в жизни ощущая себя настоящей слизеринкой и твёрдо решив, что Драко Малфой тоже будет одним из её мужей.

* * *

После того как девочка вышла, Грегори вернулся в комнату, закрыл дверь и спросил:

— Вы в порядке, мистер Малфой?

Драко ничего не сказал своему слуге и другу. Его глаза смотрели в никуда, словно он пытался увидеть что-то сквозь стену спальни, сквозь озеро Хогвартса, которое окружало слизеринские подземелья, сквозь земную кору, атмосферу и межзвёздную пыль Млечного пути, сквозь лишённую света абсолютную пустоту между галактиками, которую никогда не видел ни один волшебник и ни один учёный.

— Мистер Малфой? — уже слегка взволнованно переспросил Грегори.

— Не могу поверить, что поверил каждому её слову, — сказал Драко.

* * *

Дафна дописала последний дюйм сочинения по трансфигурации и посмотрела на противоположную сторону слизеринской гостиной, где Милисента Булстроуд всё ещё делала домашнюю работу. Настало время принять Решение.

Если ЖОПРПГ будет охотиться за хулиганами, то тем это, очевидно, не понравится. И они в ответ устроят что-нибудь неприятное, что также было очевидно. С другой стороны, если хулиганы сделают что-то действительно мерзкое, то Гермиона может попросить помощи у Гарри Поттера, или девочки могут собрать все свои баллы Квиррелла и попросить профессора Защиты об услуге... Нет, больше всего Дафну волновало то, что таким образом можно испортить отношения с профессором Снейпом. Никто не хочет перейти дорогу профессору Снейпу.

С того дня, когда она вызвала Невилла на Древнейшую Дуэль, она заметила, что люди стали смотреть на неё иначе. Даже слизеринцы, которые высмеивали её, смотрели по-другому. Для неё стало откровением, что дочь Благородного и Древнейшего Дома Гринграсс может заработать гораздо больше знаков уважения, будучи прекрасной героиней, а не просто привлекательной благородной девочкой. Как будто твою роль теперь будет играть не дешёвый статист с визгливым смехом, а известная актриса.

Борьба с хулиганами, возможно, не была самым лучшим способом стать героиней. Но отец однажды предупредил её, что очень легко привыкнуть упускать возможности. Если один раз сказать себе, что просто ожидаешь возможность получше, то почему бы и в следующий раз не сказать то же самое. Отец говорил, что большинство людей проводят всю свою жизнь в ожидании подходящей возможности, а потом умирают. Отец говорил, что лучше хвататься за любую возможность, чем быть безнадёжным болваном, пусть это иногда и может привести к тому, что всё пойдёт наперекосяк. Отец говорил, что сначала она должна привыкнуть хвататься за любую возможность, а уже потом настанет время учиться быть разборчивой.

С другой стороны, когда-то мать предупредила её, что не всем советам отца стоит следовать. А также добавила, что Дафне нельзя спрашивать, чем занимался отец на шестом курсе, пока ей не исполнится хотя бы тридцать.

Но, в конце концов, отец заполучил-таки маму в жёны и стал частью Древнейшего Дома, так что его советы всё же заслуживали внимания.

Милисента закончила домашнюю работу и начала собирать вещи.

Дафна поднялась из-за стола и двинулась к ней.

Милисента встала, закинула сумку с книгами на плечо и озадаченно посмотрела на приближающуюся Дафну.

— Привет, Милисента, — Дафна старалась говорить тихо, изображая волнение в голосе, — угадаешь, что я сегодня выяснила?

— Что призрак Салазара Слизера помогает Грейнджер? — спросила Милисента. — Я уже это слышала.

— Нет, — ответила Дафна приглушённым шёпотом, — кое-что получше.

— Правда? — сказала Милисента, копируя взволнованный тон Дафны. — И что же?

Дафна заговорщицки огляделась по сторонам.

— Пойдём ко мне, и я тебе расскажу.

Они направились к лестнице, что вела вниз — личные комнаты находились даже ниже спален семикурсников.

Вскоре Дафна сидела за столом в своём удобном кресле, а Милисента присела на краешек кровати.

— *Квиетус*, — произнесла Дафна, когда они обе уселись, а затем, вместо того чтобы убрать палочку в карман мантии, она как будто невзначай опустила руку — на всякий случай.

— Ладно! — нетерпеливо воскликнула Милисента. — Так что это?

— Знаешь, что я поняла? — сказала Дафна. — Я поняла, что ты узнаёшь слухи слишком быстро. Ты узнаёшь, что случилось, даже раньше, чем это случается.

Дафна почти ожидала, что Милисента побледнеет и грохнется с кровати. Этого, конечно, не произошло, но Милисента сильно вздрогнула, а потом, запинаясь, начала всё отрицать.

— Не волнуйся, — прервала её Дафна с самой сладкой улыбкой, — я никому не скажу, что ты — прорицательница. Мы ведь друзья, верно?

* * *

Рианна Фелторн — семикурсница из Слизерина — старательно трудилась над очередным сочинением на два фута (она выбрала все предметы, кроме прорицаний и магловедения, поэтому для неё этот год состоял, казалось, из одних сплошных домашних заданий). И тут к столу, за которым она работала, подошёл её декан и рявкнул:

— Следуйте за мной, мисс Фелторн!

После чего он вышел, не дожидаясь даже, пока она торопливо соберёт свои пергамент, книгу и перо.

Когда Рианна выскочила из комнаты, она обнаружила, что профессор Снейп стоит у двери и как-то слишком пристально смотрит на неё из-под полуопущенных век. Не успела она спросить, в чём дело, как он молча развернулся и быстро зашагал по коридору, так что ей пришлось ускорить шаг, чтобы не отстать.

Они спустились по длинной лестнице, затем ещё по одной, и Рианна подумала, что теперь они находятся ниже уровня подземелий. Коридоры вокруг выглядели намного древнее, необработанный камень, скреплённый грубой известью, свидетельствовал об архитектуре многовековой давности. Рианна начала думать, не ведёт ли её профессор Снейп в настоящие подземелья — ходили слухи, что в Хогвартсе есть истинные подземелья, вход в которые запрещён всем, кроме преподавателей. Ещё она задумалась, что, быть может, профессор Снейп здесь делает что-то ужасное с невинными беззащитными девушками, но, вероятно, это были лишь её беспочвенные мечтания.

Они спустились ещё на один лестничный пролёт и оказались в комнате, которая оказалась вовсе не комнатой, а пещерой в ска-

ле с одной дверью и несколькими уводящими во тьму боковыми проходами. Пещера освещалась лишь светом старинного факела, который вспыхнул, когда они вошли.

Профессор Снейп вытащил свою палочку и начал накладывать заклинание за заклинанием. Рианна быстро сбилась со счёта. Закончив с чарами, профессор зельеварения повернулся к ней, пристально посмотрел ей прямо в глаза и заговорил ровным голосом, не растягивая слова, как он это делал обычно.

— Вы никому не расскажете о том, что здесь произойдёт, мисс Фелторн — ни сейчас, ни когда-либо в будущем. Если это приемлемо для вас, кивните. Если же нет, мы уйдём отсюда.

Она быстро кивнула, чувствуя, как дрожь испуга и странной надежды охватывает её сердце (и не только сердце).

— Задание, которое я вам дам, очень простое, мисс Фелторн, — произнёс профессор бесцветным голосом, — а щедрое вознаграждение в размере пятидесяти галлеонов, которое вы получите, послужит лишь компенсацией за то, что я сотру вам память по его завершении.

Рианна непроизвольно выдохнула. Пусть её родители были богаты, но у них были и другие дочери, поэтому карманными деньгами её особо не баловали и пятьдесят галлеонов были для неё очень крупной суммой.

Тут до Рианны дошли слова о стирании памяти, и она возмутилась: зачем ей это всё, если она не сможет сохранить воспоминания? За кого профессор её принимает?!

— Вы, разумеется, слышали о мисс Гермионе Грейнджер, — прервал её размышления Северус Снейп, — Солнечном генерале?

— Что? — воскликнула Рианна Фелторн, ощутив внезапный прилив ужаса и отвращения. — Но она же только первогодка! Фу!

Самоактуализация.

Часть 7.

Правдоподобное отрицание

К концу ужина зимнее солнце уже давно зашло, и Гермиона покидала Большой зал при тусклом свете звёзд, подмигивающих с зачарованного потолка. Она направлялась в Башню Когтеврана вместе со своим напарником по учёбе, Гарри Поттером, у которого, казалось, в последнее время для учёбы было возмутительно много времени. И у Гермионы не было ни малейшего представления, когда же он успевает делать домашнюю работу. Разве что её делают домовые эльфы, пока он спит.

Почти все в зале провожали их глазами, когда они проходили через массивные двери обеденного зала, которые были больше похожи на ворота крепости, чем на то, через что должны проходить ученики по дороге с ужина.

Они шли молча. Сзади доносился отдалённый гомон учеников. Через некоторое время после того, как он стих окончательно, Гермиона наконец заговорила:

— Гарри, зачем ты это сделал?

— Сделал что? — рассеянно переспросил Мальчик-Который-Выжил, словно его разум был где-то далеко и сейчас был занят гораздо более важными проблемами.

— Почему ты просто не сказал им «нет»?

— Ну, — протянул Гарри под перестук их обуви по каменному полу, — дело в том, что я не могу просто говорить «нет» каждый раз, когда кто-нибудь спрашивает меня о том, чего я не делал. Смотри, предположим, кто-нибудь спросит меня: «Гарри, это ты устроил розыгрыш с невидимыми чернилами?», я отвечу: «Нет», а потом меня спросят: «Гарри, ты не знаешь, кто заколдовал метлу грифф-

финдорского ловца?», и мне придётся ответить: «Я отказываюсь отвечать на этот вопрос». А это всё равно что признаться.

— И поэтому... — осторожно начала Гермиона, — ты сказал всем... — она сконцентрировалась, пытаясь точно вспомнить его слова. — Что если бы, чисто гипотетически, заговор против хулиганов действительно существовал, то ты не подтвердил бы и не опровергнул, что настоящий глава заговора — это призрак Салазара Слизерина. И более того, ты даже не признал бы, что такой заговор действительно существует, поэтому спрашивать тебя об этом не имеет смысла.

— Ага, — слегка улыбнулся Гарри Поттер. — Это научит их принимать всерьёз и гипотетические сценарии.

— И мне ты сказал не отвечать ни на что...

— Если ты будешь всё отрицать, они могут тебе не поверить, — сказал Гарри. — Поэтому лучше вообще ничего не говорить, если, конечно, ты не хочешь, чтобы тебя считали лгуньей.

— Но... — беспомощно возразила Гермиона. — Но... ведь теперь все думают, что я заодно с Салазаром Слизерином!

Как на неё смотрят гриффиндорцы... а уж как на неё смотрят слизеринцы...

— Такова уж доля героя, — сказал Гарри. — Ты же видела, что пишут в «Придире» обо мне?

На секунду Гермиона представила своих родителей, читающих газетную статью, в которой вместо рассказа о том, как она выиграла национальное первенство по орфографии, или ещё каком-нибудь её достижении, заслуживающем попасть на страницы газет, написано: «ДРАКО МАЛФОЙ ЗАЛЕТЕЛ ОТ ГЕРМИОНЫ ГРЕЙНДЖЕР».

Уже этого было достаточно, чтобы переосмыслить всю эту затею с женским героизмом.

— И, раз уж речь зашла об этом, мисс Грейнджер, как продвигается ваш квест? — с налётом официоза спросил Гарри.

— Ну, — начала Гермиона, — если призрак Салазара Слизерина не появится на самом деле и не скажет нам, где можно найти хулиганов, то вряд ли нам улыбнётся удача.

Не то чтобы она сожалела об этом.

Она мельком взглянула на Гарри — мальчик смотрел на неё странным пристальным взглядом.

— Знаешь, Гермиона, — сказал он тихо, словно очень хотел, чтобы кроме неё никто во всём мире его не услышал, — я думаю,

ты права. Некоторым людям гораздо сильнее помогают стать героем, чем другим. И я тоже считаю это нечестным.

Гарри схватил её за рукав мантии и потащил в боковой проход, на ходу вытаскивая палочку. Не успела Гермиона открыть рот от удивления, как они оказались в изгибе коридора, который был так узок, что им двоим едва хватало места. Гарри направил палочку в сторону, откуда они пришли, и тихо пробормотал «*Квиетус*», затем ещё раз, уже в другом направлении.

Мальчик внимательно огляделся, причём посмотрел не только по сторонам, но также вверх и вниз, после чего засунул руку в свой кошель и произнёс:

— Мантия-невидимка.

— Глип?!* — вырвалось у Гермионы.

А Гарри уже доставал из кошеля-скрытия сложенную мерцающую чёрную ткань.

— Не волнуйся, — с лёгкой улыбкой сказал он, — они настолько редкие, что никто не удосужился запретить их школьными правилами...

Гарри протянул ей тёмную бархатную ткань и неожиданно официально сказал:

— Не отдаю я, но одалживаю тебя, моя мантия, Гермионе Джин Грейнджер. Защищай её как следует.

Гермиона уставилась на мерцающий бархат мантии, которая поглощала практически весь падающий на неё свет и лишь изредка странно поблёскивала. Ткань была абсолютно чёрной, но на ней не было видно ни пылинки, ни пушинки — вообще ничего. И чем дольше Гермиона смотрела на неё, тем больше казалось, что она смотрит на пустое место, но стоило моргнуть и перед ней вновь была лишь чёрная мантия.

— Возьми её, Гермиона.

Почти бездумно девочка протянула руку к материи. Затем, когда её мозг наконец очнулся и она уже собиралась отдернуть руку, Гарри просто отпустил мантию. Та начала падать, и Гермиона инстинктивно подхватила её. В тот миг, когда пальцы коснулись мантии, что-то внутри неё вздрогнуло, как в тот раз, когда она впервые взяла в руки свою палочку. Она словно услышала песню, которая звучала почти беззвучно на самом краешке её сознания.

— Это один из моих квестовых предметов, Гермиона, — мягко сказал Гарри. — Она принадлежала моему отцу, и она незаменима. Потому не одалживай её никому, не показывай, не говори, что

она вообще существует... Но если она тебе понадобится на время, просто подойди ко мне и попроси.

— Я не могу...

— Ещё как можешь. Потому что нет ничего честного в том, что однажды утром я нашёл её в подарочной коробке около кровати, а ты... нет, — Гарри на секунду задумался. — Но если у тебя вдруг есть своя собственная мантия-невидимка, то не бери в голову.

Когда все выводы из того, что у Гарри есть мантия-невидимка, наконец сложились у неё в голове, Гермиона обвиняюще ткнула пальцем в Гарри (впрочем, так как они стояли очень близко, она не смогла даже нормально вытянуть руку) и от нахлынувшего возмущения чуть ли не закричала:

— Так вот как тебе удалось исчезнуть из кладовки в кабинете зельеварения! А ещё когда ты... — она прервалась — даже с учётом мантии-невидимки было непонятно, как ему удалось...

Гарри с наигранной безучастностью полировал ногти о свою одежду.

— Ну, ты же знала, что здесь замешан какой-то трюк, да? А теперь и героиня будет таинственным образом знать, где и когда найти хулиганов — словно она подслушала их планы, причём в её возрасте никто не смог бы стать невидимым, чтобы шпионить за ними.

Воцарилось молчание.

— Гарри... — сказала она, — я... я уже не уверена, что борьба с хулиганами такая уж стоящая затея.

Гарри пристально смотрел на неё.

— Потому что кто-то из девочек может пострадать?

Она кивнула. Просто кивнула.

— У них есть право выбора, Гермиона, как и у тебя. Сам я решил не делать очевидной глупости, которую все делают в книгах — я не стану оберегать тебя от всего, иначе ты будешь чувствовать себя одновременно защищённой и беспомощной. И ты всерьёз разозлишься, оттолкнёшь меня, пытаясь получить хоть немного свободы, и попадёшь в ещё большие неприятности, с которыми героически справишься, после чего у меня наступит прозрение и я наконец пойму... ну и дальше по тому же сценарию. Я уже знаю, к чему приведёт эта история, потому могу её просто пропустить. Если я в состоянии предугадать, о чём я буду думать позже, то ничто не мешает мне подумать об этом сейчас. В любом случае, я считаю, что тебе тоже не стоит пытаться ограждать своих друзей от опасностей. Просто скажи им прямо, что эта история наверняка закончится каким-нибудь кошмаром, и если после этого они всё ещё будут хотеть стать героинями, то пусть так и будет.

Именно в такие моменты Гермиона сомневалась, сможет ли она когда-нибудь привыкнуть к способу мышления Гарри.

— Гарри, я на самом деле, — на секунду у неё комок подкатил к горлу, — очень, очень не хочу, чтобы кто-нибудь из них пострадал! В особенности из-за чего-то, что начала я!

— Гермиона, — серьёзно ответил Гарри, — я уверен, что ты поступаешь правильно. И я не знаю, как можно сделать им в конечном итоге хуже, чем лишить возможности даже попробовать.

— А что если кто-то из них пострадает сильно? — ей стало трудно говорить. Гермиона вспомнила рассказ капитана Эрни о том, как Гарри смотрел прямо в глаза хулигана, когда тот всё сильнее и сильнее выворачивал ему палец, пока наконец не пришла помощь в лице профессора Спраут. Следующая мысль была о Ханне и её тонких пальчиках с ногтями, которые та каждое утро красит в жёлтый цвет Пуффендуя, и Гермиона постаралась выкинуть из головы эту картинку. — И после этого... они никогда уже не посмеют сделать что-нибудь отважное...

— Я не думаю, что одно влечёт за собой другое, — твёрдо сказал Гарри. — Даже если всё пойдёт наперекосяк и случится что-нибудь кошмарно невообразимое, я не думаю, что в наших головах всё происходит, как ты описала. Важно верить в себя, верить в то, что ты можешь вырваться за свои границы. Попытаться и пострадать — наверняка не может быть хуже, чем... застрять.

— Гарри, а что, если ты ошибаешься?

Гарри на мгновение задумался, чуть печально пожал плечами и ответил:

— А что если я прав?

Гермиона опять посмотрела на чёрную ткань, переброшенную через её руку. Внутренняя сторона мантии, касаясь руки, вызывала странное двоякое ощущение — мягкости и надёжности, будто мантия ободряюще сжимала её ладонь.

Гермиона вновь подняла руку, протягивая мантию Гарри.

Мальчик не шевельнулся.

— Я... — начала Гермиона, — я благодарна тебе, очень благодарна, но я ещё ничего не решила. Пусть она пока останется у тебя. И... Гарри, я не думаю, что шпионить за людьми — хорошо...

— Даже за теми, про кого известно, что они хулиганы и издеваются над слабыми? — уточнил Гарри. — Надо мной никогда не издевались, однако я прошёл через очень реалистичную симуляцию, и мне не понравилось. Над тобой когда-нибудь издевались?

— Нет, — тихо ответила Гермиона, по-прежнему протягивая Гарри мантию-невидимку.

Наконец Гарри забрал мантию — Гермиона почувствовала слабый укол потери, когда беззвучная песнь исчезла из её разума — и начал засовывать чёрную ткань обратно в кошель.

Когда кошель закончил поглощать мантию, Гарри повернулся, чтобы снять барьер тишины...

— И, эм-м... — замялась Гермиона. — Это ведь не та самая Мантия невидимости? О которой мы прочитали в библиотеке, на восемнадцатой странице «Иллюстрированного списка утраченных артефактов» Готтшалка в переводе Паулы Виеры?

Гарри вновь повернулся к ней и, слегка улыбаясь, тем же самым тоном, которым он разговаривал с учениками за ужином, сказал:

— Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, что обладаю магическим артефактом невероятной силы.

* * *

Наступила ночь, Гермиона уже легла в постель. Она до сих пор не могла решиться. Во время ужина, когда у неё ещё не было действенного способа находить хулиганов, её жизнь была проще. И теперь ей опять нужно было делать выбор, и на этот раз не за себя, а за своих друзей. Перед её мысленным взором стояло морщинистое лицо директора Дамблдора, на котором были видны отголоски скрытой боли, и она снова и снова слышала, как Гарри говорит: «У них есть право выбора, Гермиона, как и у тебя».

А ещё её пальцы помнили прикосновение мантии, и это ощущение возвращалось снова и снова. В нём была какая-то сила, заставлявшая мысли возвращаться к древнему артефакту и к песне, которую она одновременно ощущала и не ощущала на том краешке своего сознания и магии, который теперь снова окутывала тишина.

Гарри разговаривал с мантией, словно та была разумна, просил её позаботиться о Гермионе. Он также сказал, что мантия принадлежала его отцу, и что она незаменима...

Но... Ведь не мог же Гарри так сделать?

Вот так просто предложить ей один из трёх Даров Смерти, созданных за столетия до Хогвартса?

Она могла бы сказать, что чувствует себя польщённой, однако это выходило так далеко за границы польщённости, что ей оставалось только гадать — кем именно она является для Гарри.

Возможно, Гарри из тех людей, которые одалживают древние утраченные магические артефакты вообще любому, кого считают другом, и всё же...

Она задумалась — какую именно часть своей жизни, по словам Гарри, он решил пропустить — ту часть, в которой он пытался держать её в безопасности, под защитой...

Гермиона смотрела на потолок когтевранской спальни. Где-то в отдалении переговаривались Мэнди и Су. Гермиона настроила чары Тишины так, чтобы не было слышно, о чём именно они говорят, и до неё доносилось лишь неясное бормотание. Сон в общей спальне с остальными девочками дарил ей некое ощущение уюта.

Она знала, что Гарри всегда включает чары Тишины на полную мощность.

И у Гермионы появилась мысль, что, возможно, Гарри действительно... ну...

Как бы это...

Неравнодушен к ней.

Этой ночью Гермиона Грейнджер долго не могла заснуть.

А на следующее утро, проснувшись, она обнаружила торчащий из-под подушки клочок пергамента, на котором было написано:

В ПОЛОВИНЕ ОДИНАДЦАТОГО ТЫ НАЙДЕШЬ ХУЛИГАНА В ЧЕТВЁРТОМ
КОРИДОРЕ, НАЛЕВО ОТ КАБИНЕТА ЗЕЛЬЕВАРИЯ.

С.

* * *

Когда следующим утром Гермиона входила в Большой зал, в её животе порхали бабочки размером с гиппогрифа. До когтевранского стола оставалось лишь несколько шагов, а решения всё не было.

Она заметила, что рядом с Падмой есть свободное место. Если она хочет всё рассказать Падме и попросить ту передать это дальше Дафне и Трейси, ей нужно сесть именно туда.

Гермиона подошла к пустующему месту рядом с Падмой.

На языке крутились слова: «Падма, я получила таинственное сообщение...»

Но как будто какая-то толстая кирпичная стена мешала этим словам вырваться наружу. Если Гермиона это скажет, она подвергнет Ханну, Сьюзен и Дафну опасности. Поведёт их прямо навстречу неприятностям. И это Неправильно.

Конечно, она может попытаться справиться с хулиганом и в одиночку, ничего не говоря друзьям, но было совершенно очевидно, что это тоже Неправильно.

Гермиона знала, что столкнулась с моральной дилеммой, прямо как все те волшебники и ведьмы, о которых она читала в книгах. Вот только в книгах у людей всегда был правильный и неправильный выбор, а не как у неё, два неправильных, и это казалось немного несправедливым. Но у неё было чувство — возможно, навеянное рассказами Гарри про то, что потом напишут о них в книгах, — что она стоит перед Героическим выбором, и что сегодня утром, прямо сейчас, она определяет, в какую сторону пойдёт вся её дальнейшая жизнь.

Не оглядываясь по сторонам, Гермиона села за стол. Она смотрела перед собой, словно в столовом серебре и на тарелке мог скрываться ответ на мучающий её вопрос. Она думала изо всех сил...

Спустя несколько секунд она услышала, как Падма шепчет ей на ухо:

— Дафна знает, где можно будет найти хулигана, сегодня, в половине одиннадцатого.

* * *

Обречены.

По мнению Сьюзен Боунс, они все были обречены.

Тётушка иногда рассказывала ей истории, которые начинались похожим образом — люди совершали поступки, глупость которых им была заранее известна. Заканчивались эти истории обычно тем, что кто-то оказывался «обречён» по всему полу, стенам, и тётушкиным туфлям.

— Эй, Падма, — прошептала Парвати. Голос её был едва слышен за шорохом ног восьми девочек, следующих друг за другом по пятам по коридору, ведущему к классу зельеварения. — Не знаешь, почему Гермиона вздыхала всё утро?..

— Тихо! — зашипела Лаванда, причём её голос был гораздо громче шёпота Парвати. — У Зла повсюду есть уши!

— *Ш-ш-ш-ш!* — ещё громче зашикали три остальные девочки.

Крайне, полностью, абсолютно окончательно обречены.

Добравшись до четвёртого прохода слева от класса Зельеварения, где, по словам таинственного информатора Дафны, над кем-то будут издеваться, вся восьмёрка стала двигаться медленнее, звук шагов стал тише, и, наконец, генерал Грейнджер показала жестами: «Стойте, я посмотрю, что впереди.»

Тогда Лаванда подняла руку и, как только Гермiona повернулась к ней, озадаченно указала пальцем прямо по коридору, затем указала на себя и попыталась изобразить что-то ещё, чего Сьюзен не поняла...

Генерал Грейнджер помотала головой и повторно, в этот раз медленнее, чётко выраженными жестами воспроизвела сигнал: «Стойте, я посмотрю, что впереди.»

Лаванда с ещё более недоумённым выражением на лице указала в ту сторону, откуда они пришли, а другой рукой изобразила что-то прыгающее.

Теперь уже все девочки выглядели сбитыми с толку даже больше Лаванды, и Сьюзен с некоторой горечью подумала, что, очевидно, часа практики два дня назад было недостаточно, чтобы запомнить новый набор кодовых сигналов.

Гермиона указала пальцем на Лаванду, затем на пол под ногами Лаванды. Выражение её лица очень чётко показывало, что это значит: «Ты. Стой. Здесь.»

Лаванда кивнула.

Дум дум дум, — в голове Сьюзен звучал марш Легиона Хаоса, — *дум дум дум дум дум дум*¹...

Гермиона пошарила в своей мантии и достала небольшую палочку с зеркальцем на конце и окуляром. Очень, очень аккуратно она подкралась к стене, прямо к тому месту, откуда начинался боковой проход, и выставила за угол самый краешек зеркала.

Затем ещё чуть-чуть.

И ещё.

Потом генерал Грейнджер осторожно выглянула за угол сама. Обернулась к ним, кивнула и показала жестом: «следуйте за мной».

Крадущаяся Сьюзен почувствовала себя немного лучше. Часть Плана, по которой они должны были оказаться на месте за тридцать минут до хулигана, на самом деле сработала. Быть может, они только слегка обречены?..

* * *

В десять часов двадцать девять минут, почти по расписанию, появился хулиган. Если бы здесь кто-то был — хотя с виду коридор пустовал — он бы услышал, как уверенные шаги ботинок проследовали по главному

¹ Здесь присутствует непереводимая игра слов: «дум» — «doom» в оригинале — может также означать «обречены». — Прим. перев.

коридору, свернули на боковой проход, прошли до первого поворота, завернули за него и в некотором удивлении остановились при виде перегородившей проход кирпичной стены, которой раньше тут не было.

Хулиган пожал плечами, отвернулся и прислонился к стене, чтобы следить за главным проходом прямо за углом.

В конце концов, это замок Хогвартс.

За второпях трансфигурированными тонкими панелями, которым придали вид кирпичной стены, ждали девочки. Не разговаривая, не двигаясь, почти даже не дыша. Они лишь смотрели сквозь отверстия для глаз, которые предусмотрительно оставили в стене.

Когда Сьюзен увидела хулигана, у неё сердце ушло в пятки. Тот выглядел как семикурсник, если не старше, оторочка на его мантии была зелёной, а не красной, как они надеялись, у него были заметные мускулы, и, присмотревшись, как он движется, Сьюзен поняла, что у него есть опыт дуэлей.

Затем они все услышали шум множества ног, приближающийся по коридору. Гриффиндорцы и слизеринцы с четвёртого курса высыпали из класса зельеварения.

Шаги протопали мимо, потом начали стихать и затихли совсем. Хулиган ничего не предпринимал. На мгновение Сьюзен почувствовала облегчение...

Опять послышались шаги, на этот раз их было меньше.

Шаги опять прошли мимо, хулиган по-прежнему ничего не предпринимал.

Так повторилось несколько раз. Наконец, когда послышался очень слабый звук приближающихся шагов одного человека, семеро девочек услышали чёткий, холодный и негромкий голос хулигана:

— *Протего.*

Кто-то из девочек даже ахнул, хотя к счастью очень и очень тихо. Если они не могут рассчитывать даже на одно попадание...

Сьюзен осознала, что хулиганы уже учатся. Она не думала, что у ЖОПРПГ получится слишком многое до того, как хулиганы начнут принимать меры... Но... Гермиона уже победила троих... и вся школа вчера гудела, обсуждая призрака Салазара Слизерина...

Он ждёт нас!

Сьюзен хотела прошептать, что надо всё бросить, отказаться от плана. Но было невозможно донести это сообщение до...

— *Силенцио,* — спокойно и размеренно произнёс хулиган, направляя палочку в коридор. Вокруг слизеринца мерцала синяя дымка чар *Щита*. — *Акцио* жертва.

В поле их зрения показался юноша с четвёртого курса. Он висел вниз головой, как будто невидимая рука держала его за ногу. Мантия с красной оторочкой начала сползать по бедру, из-под неё показались подштаники. Рот юноши открывался и закрывался, но не было слышно ни слова.

— Думаю, тебе интересно, что происходит, — сказал слизеринец-семикурсник. — Не беспокойся. Всё настолько просто, что поймёт даже гриффиндорец.

С этими словами слизеринец сжал левую руку в кулак и сильно ударил гриффиндорца в живот. Четверокурсник отчаянно дёрнулся, но по-прежнему не было слышно ни слова.

— Ты моя жертва, — продолжил слизеринец. — Я хулиган. Я тебя изобью. И мы посмотрим, попробует ли кто-нибудь остановить меня.

В этот миг Сьюзен осознала, что это ловушка. И в этот же самый миг прозвенел оглушительно-пронзительный девчачий голос:

— Остановись, злодей! *Фините инкантиатем!*

Лаванда, — в ужасе подумала Сьюзен. Гриффиндорка вызвалась отвлечь внимание хулигана, чтобы остальные смогли неожиданно на него напасть. В этом и заключался план, но теперь...

— Во имя Хогwartса, — они не могли видеть Лаванду, но слышали её крик, — и во имя всех героинь, приказываю тебе убираться от... А-А-А!

— *Экспеллиармус*, — сказал хулиган. — *Ступефай. Аквио* дура-героиня.

Когда Лаванда вплыла в их поле зрения, без сознания и как будто подвешенная за одну ногу, Сьюзен моргнула: Лаванда была одета не в обычную мантию Хогwartса, а в яркую ало-золотую юбку и блузку.

Хулиган тоже удивлённо посмотрел на одежду девочки. Затем направил на неё палочку и сказал: «*Фините инкантиатем*». Но одежда не изменилась.

Хулиган пожал плечами и, по-прежнему стоя лицом к Лаванде — а не к висающему четверокурснику, — сжал руку в кулак...

— *Лаггн!* — завопили пять голосов, и пять зелёных спиралей вырвались из пяти палочек сквозь пять щелей в фальшивой стене. Мгновением позже Гермiona крикнула:

— *Ступефай!*

Пять зелёных спиралей безрезультатно разбились о синюю дымку. Красный стусок, посланный Гермioniой, отразился от дымки и попал в четверокурсника, который дёрнулся и замер.

Хулиган-семикурсник развернулся и зловеще улыбнулся. Девочки-первокурсницы с визгом бросились в атаку.

* * *

Глаза Сюэзен распахнулись, и она тут же откатилась с места, где лежала на полу. Её лёгкие ещё горели, и всё тело болело от пропущенного удара. Судя по всему, прошло всего несколько секунд боя — Ханна падала, всё ещё вытянув руку в её сторону. «*Глиссео!*» — крикнула Гермiona, но старшекурсник просто махнул вниз палочкой, оставляющей за собой светящийся зелёный след, и чары Гермiony прямо на глазах рассыпались облаком сине-белых искр. Затем, практически не останавливая движения палочки, хулиган сказал: «*Ступефай!*», и Гермionу отшвырнуло назад. Сюэзен, собрав всю оставшуюся у неё магию, крикнула «*Иннервейт*» в сторону Гермiony, и хулиган сразу же развернулся к пуффендуйке. Его палочка уже была направлена на неё, и крик Падмы «*Призматис!*» лишь на мгновение опередил «*Импедимента!*» слизеринца. Радужная сфера образовалась вокруг хулигана, и слизеринец с седьмого курса пошатнулся от своего собственного отражённого заклятия. Но мгновением позже он махнул палочкой, коснулся себя, а затем проткнул палочкой Призматическую Сферу Падмы, которая лопнула, как мыльный пузырь. «*Иннервейт!*» завопила Парвати в сторону Ханны, а Трейси и Лаванда одновременно выкрикнули «*Вингардиум Левиоса!*»...

* * *

Сжимающая палочку рука Ханны Аббот дрожала от истощения. У девочки не осталось сил даже на один *Иннервейт*.

В коридоре было тихо. На полу лежали Падма, Трейси и Лаванда. Гермiona и Парвати лежали друг на друге у стены. Сюэзен стояла как окаменевшая и лишь её глаза беспомощно следили за происходящим. Даже гриффиндорец неподвижно распростёрся здесь же (Гермiona разбудила его, и он тоже сражался, но этого оказалось недостаточно).

Это была очень короткая битва.

Хулиган по-прежнему улыбался. Единственным признаком, что ему пришлось приложить какие-то усилия, была рябь, пробегающая по окружающему его синему сиянию, да несколько капель пота на лбу.

Хулиган медленно вытер пот со лба и направился к Ханне словно летифолд в облике человека.

Ханна крутанулась на месте и бросилась наутёк. Крик застрял у неё в горле. Она промчалась мимо упавших панелей фальшивой кирпичной стены. Она бежала по коридору изо всех сил, петляя, чтобы увернуться от заклинаний, которые могут полететь ей в спину...

Ханна почти добежала до поворота, когда сзади раздалось короткое «*Клюс!*»*, и её ноги свело ужасной судорогой. Ханна упала, проскользила по полу и ударилась головой в стену. Но боль от этого удара была незаметна по сравнению с болью в перекручиваемых мышцах. Девочка закричала...

Она повернула голову и увидела, что хулиган по-прежнему неторопливо приближается к ней со злобещей улыбкой на лице.

Мышцы её ног будто завязали узлом. Превозмогая боль, Ханна перекатилась за угол и крикнула:

— Убирайся!

— Я так не думаю, — ответил хулиган. У него был низкий, пугающий голос, как у взрослого, и раздавался он уже совсем рядом.

Хулиган завернул за угол, и Дафна Гринграсс вогнала Древнейший Клинок ему прямо в пах.

Весь коридор озарила вспышка...

* * *

Семеро девочек покидали лазарет в подавленном состоянии. Их подруга осталась на больничной койке.

Мадам Помфри сказала, что через тридцать пять минут с Ханной всё будет в порядке. Порванные мышцы легко срастить.

Переговоры на себя взяла Дафна, и по её словам, у Ханны вышел несчастный случай с заклинанием Бегущей дороги, и именно он вызвал спазмы в ноге. Мадам Помфри пристально посмотрела на девочек, но ничего не сказала, несмотря на то, что для использования упомянутого заклинания нужно владеть магией на уровне семикурсника.

Мадам Помфри выдала Дафне зелье для лечения тяжёлого магического истощения и предостерегла её от использования любых заклинаний в течение следующих трёх часов. По словам Дафны выходило, что истощение вызвано безуспешными попытками спасти Ханну, используя *Фините*, а вовсе не чарами Древнейшего Меча, забравшими все её силы, чтобы пробить *Протега*.

Остальные девочки решили промолчать о синяках, скрываемых мантиями, а позже попросить старших девочек вылечить их чарами *Эпискей*. У красноречия Дафны был свой предел.

Всё приключение, думала Сьюзен, прошло на грани, совсем на грани. Если бы хулиган всего лишь заглянул за угол... Если бы он воспользовался паузой и восстановил своё заклинание Щита...

— Нам нужно остановиться, — сказала Сьюзен, как только они всемером оказались за пределами слышимости кабинета целителя. — Нам нужно прекратить всё это.

По какой-то причине все посмотрели на генерала Грейнджер, хоть они и должны были решать подобные вопросы голосованием. Солнечный генерал, казалось, не заметила их взглядов, она просто шагала, глядя куда-то вперёд.

Немного погодя, Гермiona задумчиво и слегка печально ответила:

— Ханна сказала, что не хочет, чтобы мы останавливались. Не уверена, что будет правильно, если мы... ради неё будем не такими храбрыми, как она.

Все девочки, кроме Сьюзен, кивнули.

— Думаю, дальше всё будет так же плохо, как сегодня, — сказала Парвати. — Но мы справимся. Мы это доказали.

Сьюзен не смогла придумать, как на это ответить. Ей показалось, что вопль во всё горло о вопиющем идиотизме и о том, что они ОБРЕЧЕНЫ, их не убедит. И просто взять и бросить остальных она тоже не могла. Неужели проклятия тяжёлой работы мало, почему пuffedуицы вдобавок ко всему остальному должны быть ещё и верными?

— Кстати, Лаванда, — заговорила Падма. — Во имя подштанников Мерлина, что это на тебе там было надето?

— Мой геройский наряд, — ответила гриффиндорка.

Не поворачивая головы, Дафна устало произнесла:

— Это костюм гриффиндорского солдата из пьесы «Хроники солдат Луны»*.

— Ты его трансфигурировала? — озадаченно спросила Парвати. — Но хулиган сказал *Фините*...

— Не-а! — воскликнула Лаванда. — Он настоящий! Я просто заранее трансфигурировала свой геройский наряд в обычную рубашку и юбку. Поэтому мне нужно было лишь использовать *Фините* на себя, когда я увидела хулигана. Парвати, хочешь себе такой же? Мне этот костюм вчера сделали Катарина и Джошуа с шестого курса за двенадцать сиклей...

— По-моему, — сказала генерал Грейнджер, — в этом мы будем выглядеть немного глупо.

— Ну, — произнесла Лаванда, — мы можем проголосовать...

— Лично я, — ответила генерал Грейнджер, — не хочу, чтобы мой труп нашли в таком костюме, и поэтому мне всё равно, как кто проголосует.

Сьюзен проигнорировала этот спор. Она пыталась придумать какую-нибудь умную стратегию, чтобы они все были не настолько обречены.

* * *

Большой Зал Хогвартса на мгновение затих, когда они всемером пришли на обед.

А затем послышались аплодисменты.

Они были редкими, это не была общая овация зала: большая часть аплодисментов доносилась из-за стола Гриффиндора, поменьше — от Пуффендюя и Когтеврана. Слизерин и вовсе не было слышно.

Лицо Дафны вытянулось. Она так надеялась... Ну, может быть, после того, как они спасут слизеринца от хулигана из Гриффиндора, остальные слизеринцы поймут...

Она посмотрела в сторону стола Пуффендюя.

Невилл Лонгботтом аплодировал, подняв руки высоко над головой, но не улыбался. Возможно, он уже знал, что случилось с Ханной, или просто недоумевал, почему её нет с ними.

Затем, не удержавшись, она обратила взгляд на преподавательский стол.

Профессор Спраут обеспокоенно хмурилась. Они с профессором МакГонагалл быстро что-то говорили, повернув головы к директору, который слушал их с серьёзным видом. Профессор Флитвик выглядел смирившимся, а Квиррелл вяло тыкал в суп ложкой, зажатой в дрожащем кулаке.

Профессор Снейп смотрел прямо на...

Неё?

Или... на Гермину Грейнджер, стоявшую рядом?

Едва заметная улыбка коснулась губ профессора Зельеварения — он поднял руки и один раз свёл их вместе движением слишком медленным, чтобы считаться настоящим хлопком, после чего вернулся к изучению содержимого своей тарелки, игнорируя разговоры окружающих.

Дафна почувствовала, как холодок пробегает по её спине, и поторопилась к столу Слизерина. Сьюзен, Лаванда и Парвати отделились от их группы, направившись к столам Пуффендюя и Гриффиндора в другой стороне Большого зала.

Они проходили мимо той части слизеринского стола, где сидела команда Слизерина по квиддичу, и в этот момент...

Гермиона внезапно споткнулась — споткнулась так сильно, словно кто-то дёрнул её за ногу — и с размаху рухнула между сидевшими за столом Маркусом Флинтом и Люцианом Боулом. Раздался хлюпающий звук — Гермиона упала лицом точно в тарелку Флинта с бифштексом и пюре.

Дальше всё происходило очень быстро, а может, это Дафна воспринимала всё слишком медленно. С негодующим рёвом Флинт дёрнул Гермиону назад и с силой бросил в сторону стола Когтеврана. Она налетела на чью-то спину и упала на пол.

Тишина разошлась как круги по воде.

Гермиона приподнялась на руках, но так и не встала на ноги. Дафна видела, как девочку бьёт дрожь, лицо Гермионы всё ещё было покрыто слоем пюре с кусочками мяса. Никто не разговаривал, никто не шевелился. И точно так же никто во всём Большом зале, как и сама Дафна, не мог вообразить, что случится дальше.

Затем голос Флинта, мощный голос капитана команды Слизерина, который привык отдавать приказы на поле для квиддича, угрожающе прогремел:

— Девчонка, ты испортила мою еду.

Снова повисла тишина. Дафна могла видеть, как Гермиона, всё ещё сильно дрожа, повернулась в сторону Флинта.

— Извинись, — произнёс тот.

Гарри начал вставать, но замер на полпути, словно вдруг что-то осознал...

Тогда пятеро других когтевранцев поднялись из-за стола.

Все игроки команды Слизерина по квиддичу тут же вскочили на ноги с палочками наготове. Тогда поднялся стол Гриффиндора, а затем и Пуффендуй. Дафна автоматически повернула голову к учительскому столу и увидела, что директор всё ещё сидит, наблюдая, просто наблюдая. Дамблдор просто сидел и наблюдал, одной рукой как будто придерживая профессора МакГонагалл — ещё секунда и кто-нибудь выкрикнет заклинание, и тогда будет слишком поздно. *Почему Дамблдор ничего не делает...*

И тут раздался голос:

— Мои извинения.

Дафна обернулась, и от потрясения у неё отвисла челюсть.

— *Скорджифай*, — произнёс тот же ровный голос, и всё пюре мигом исчезло, открыв изумлённое лицо Гермионы. Драко Малфой

приблизился к ней, убрал свою волшебную палочку, встал перед ней на одно колено и предложил руку.

— Простите за случившееся, мисс Грейнджер, — вежливо сказал Драко, — полагаю, некоторым из присутствующих показалось, что это смешно.

Гермиона приняла протянутую руку, и Дафна внезапно поняла, что должно случиться дальше...

Но Драко Малфой вовсе не приподнял Гермиону, чтобы затем бросить.

Он просто помог ей подняться на ноги.

— Спасибо, — сказала Гермиона.

— Пожалуйста, — громко ответил Драко. Он не смотрел по сторонам и не видел, как все четыре факультета школы Хогвартс уставились на него в полном изумлении. — Просто запомните: быть хитрым и целеустремлённым не означает быть... таким.

Он вернулся на своё место за столом Слизерина и уселся там, словно он только что не... только что не...

Гермиона добралась до ближайшего пустого места на скамье Когтеврана и опустилась туда.

Часть учеников медленно села на свои места.

— Дафна, ты в порядке? — спросила Трейси.

* * *

Сердце Драко билось так бешено, что он беспокоился, не вырвется ли оно наружу и не взорвётся, как от того заклинания, которое Амикус Кэрроу однажды применил к щенку.

Драко полностью контролировал своё лицо, потому что знал (ему вдалбливали это снова и снова), что, если покажет хотя бы толику страха, который он ощущал внутри себя, его товарищи по факультету набросятся и разорвут его на части, как выводок акромантулов.

Некогда было советоваться с Гарри Поттером, некогда было планировать или просто подумать, был лишь миг осознания, что начинать спасать репутацию Слизерина нужно прямо сейчас.

Со всех сторон слизеринского стола на Драко смотрели рассерженные лица.

Но гораздо больше было просто растерянных.

— Ну ладно, я сдаюсь, — сказал незнакомый шестикурсник, сидевший напротив Драко двумя местами правее. — Зачем ты это сделал, Малфой?

Хотя во рту ужасно пересохло, Драко не стал сглатывать, понимая, что это может выдать его страх. Вместо этого он подхватил с тарелки немного моркови — из всей еды на его тарелке в моркови было больше всего влаги — разжевал и проглотил, соображая с максимально возможной скоростью.

— Знаешь, — как можно более язвительно начал Драко. Его сердце забилося ещё чаще, все вокруг перестали разговаривать, чтобы послушать, что он скажет, — возможно, и существует способ выставить Слизерин в ещё худшем свете, чем нападать на первокурсниц со всех четырёх факультетов, которые объединились для борьбы с хулиганами, но у меня никак не получается его придумать. То, что делает Гринграсс, идёт нам на пользу.

Растерянное выражение с лиц присутствующих не исчезло.

— Что? — спросил шестикурсник.

— Подожди. Какую-такую пользу? — поинтересовалась пятикурсница, сидевшая справа.

— Благодаря этому Слизерин выглядит лучше, — пояснил Драко.

Слизеринцы недоумевающе смотрели на него, словно он пытался объяснить им алгебру.

— Выглядит лучше для кого? — уточнил шестикурсник.

— Но ты помог грязнокровке, — возразила пятикурсница. — Каким образом это должно выглядеть хорошо?

Рот Драко захлопнулся. Его мозг внезапно стал жертвой какой-то отвратительной неисправности, он не мог говорить ничего кроме правды...

И тут пятикурсник сказал:

— Возможно, это какая-то чрезвычайно умная схема Малфоя. Знаете, как в «Трагедии Лайта», где всё, что выглядит как неудача — часть плана*. А в конце — голова Грейнджер на пике, и никто не подозревает, что это его рук дело.

— А в этом есть смысл, — согласился кто-то из сидящих поодаль за столом, и многие закивали.

* * *

— А ты знаешь, что задумал босс? — вполголоса спросил Винсент. Грегори Гойл не ответил. В его голове звучали слова его господина, сказанные в день, когда поползли слухи о том, что Салазар Слизерин показывает Поттеру и Грейнджер, где находить хулиганов: «Не могу поверить, что я поверил каждому её слову».

— Мистер Гойл? — прошептал Винсент.
Губы Грегори Гойла сложились в беззвучное «О, нет».

* * *

В этот день Гермиона ушла с обеда пораньше: в силу определённых причин она не испытывала голода. Несколько секунд чудовищного унижения по-прежнему горели у неё в голове. Она всё ещё чувствовала, как её лицо окунается в картофельное пюре, как она отлетает в сторону, и слышала в ушах голос парня из Слизерина, который говорит «Извинись»... Впервые в жизни она ощущала, как *ненавидит* кого-то. Ненавидит парня, который швырнул её (ей сказали, что его зовут Маркус Флинт), и того, кто в начале сбил её с ног проклятием... Одно ужасное мгновение Гермионе хотелось пойти и сказать Гарри, что если он проявит в их отношении «креативность», она не будет возмущаться.

Не успела она отойти от Большого зала, как услышала, что её кто-то догоняет и, обернувшись, увидела, как к ней бежит Дафна.

И она выслушала то, что её Солнечный солдат хотела сказать.

— Как ты не понимаешь?! — голос Дафны едва не срывался на крик. — Если кто-то ведёт себя мило по отношению к тебе, это ещё не означает, что он твой друг! Он — Драко Малфой! Его отец — Пожиратель Смерти, родители всех его друзей — Нотта, Крэбба, Гойла, — все, буквально все, кто его окружают, — Пожиратели Смерти, понимаешь? Они все презирают маглорождённых, они хотят, чтобы все такие как ты умерли, они думают, что вы можете согнуться только на то, что быть принесёнными в жертву в ужасных Тёмных ритуалах! Драко — следующий лорд Малфой, его с рождения учили ненавидеть тебя и с рождения учили врать!

Яростно сверкающие серо-зелёные глаза Дафны требовали, чтобы Гермиона поняла и согласилась.

— Он... — начала было Гермиона: ей вспомнилась крыша Хогвартса, тот резкий толчок, когда она начала падать, и рука Драко Малфоя, сжимающая её руку так крепко, что потом у неё были синяки. Ей пришлось дважды просить его, прежде чем он позволил ей упасть. — Возможно, Драко Малфой не такой, как они.

Шёпот Дафны больше напоминал крик:

— Если в итоге он не причинит тебе боли в десять раз больше, чем сделал хорошего, его жизнь кончена, ты это понимаешь? Люциус Малфой лишит его наследства, и я это говорю совершенно

серьёзно. Ты хоть представляешь себе, каков шанс, что он не замышляет чего-нибудь?

— Крошечный? — еле слышно предположила Гермиона.

— Нулевой, — прошипела Дафна, — то есть никакой! Даже меньше, чем нулевой! Он настолько мал, что ты не найдёшь его с помощью трёх Увеличивающих заклинаний, Указывающего заклинания и... и... и древней карты вместе с кентавром-прорицателем! Все в Слизерине знают, что он замышляет что-то против тебя и не хочет, чтобы его подозревали. Я слышала, кто-то говорил, что видел, как он направил на тебя свою палочку перед тем, как ты споткнулась... Неужели ты не понимаешь? Это всё — часть плана Малфоя!

* * *

Драко ел бифштекс с соцветиями цветной капусты и огневичным соусом (настоящие яйца огневицы не использовались, просто на вкус он был как огонь), пытаясь не засмеяться и пытаясь не заплакать.

О правдоподобном отрицании он слышал. Но он не осознавал, насколько оно важно, пока не обнаружил, что у Малфоев его не может быть в принципе.

— Хотите знать мой план? — сказал Драко. — Вот мой план. Я планирую *ничего* не делать, и тогда в следующий раз, когда люди решат, что я что-то задумал, они будут в этом сомневаться.

— Ха... — отозвался пятикурсник. — Я тебе не верю, это звучит недостаточно хитро, чтобы быть правдой...

— Этого он от тебя и добивается, — сказала пятикурсница.

* * *

— Альбус, — угрожающе сказала Минерва, — вы всё это спланировали?

* * *

— Ну, если бы я и правда щёлкнул пальцами под столом, я бы не признался в этом так просто...

* * *

Дрожащая рука профессора Защиты опять уронила ложку в суп.

— Что значит, «я вас подставила»? — возмутилась Милисента. Сразу после обеда они направились из Большого зала в комнату Дафны и теперь вдвоём сидели на её кровати, скрестив ноги по-турецки. — Своими глазами прорицательницы, которые пронзают само Время, я видела, как вы побеждаете.

Слегка прищулив свои глаза простого смертного, Дафна внимательно смотрела на Милисенту.

— Этот парень нас ждал.

— Ну, да! — ответила Милисента. — Все знают, что вы охотитесь на хулиганов!

— В Ханну попало действительно болезненное проклятье, — сказала Дафна. — Ей пришлось пойти к целителю, Милисента! Мы же друзья, ты должна была меня предупредить!

— Послушай, Дафна, я сказала тебе... — слизеринка замолчала, будто припоминая что-то, и затем продолжила. — То есть, я говорила тебе: то, что я Вижу, должно произойти. Если я попытаюсь это изменить, если хоть кто-нибудь попытается это изменить, произойдут по-настоящему ужасные, кошмарные, нехорошие, очень плохие вещи. И затем это *в любом случае* произойдёт. Если я Вижу, что вас изобьют, я не могу это тебе рассказать, потому что тогда вы постараетесь не ходить, и тогда... — она замолкла.

— Что тогда? — скептически спросила Дафна. — Что случится, если мы просто не пойдём?

— Я не знаю! — воскликнула Милисента. — Но, возможно, по сравнению с этим стать закуской для летифолдов — просто увеселительный пикник!

— Послушай, даже я знаю, что пророчества так не работают, — Дафна на мгновение задумалась. — По крайней мере, в пьесах они работают не так...

Надо сказать, в тех трагедиях, где пытались избежать пророчества, именно это его и осуществляло, а в тех, где, напротив, пытались действовать согласно пророчеству, только поэтому оно и сбывалось. Герой мог подправить пророчество под себя, если был достаточно умён; или кто-то, кто сильно его любит, мог занять его место; или же, приложив достаточно усилий, можно было разрушить пророчество совсем... С другой стороны, в пьесах пророки не помнили, что именно они Видели...

Милисента, видимо, заметила сомнения Дафны, потому что стала выглядеть чуть уверенней.

— Ну, так это же не пьеса! — резко сказала она. — Давай так, я скажу тебе, если Увижу, будет ли схватка лёгкой или тяжёлой. Но это всё, что я могу сделать, понимаешь? И если я скажу «тяжёлой», вы не можете не приходить! Или... или... — глаза Милисенты закатились, и она глухо произнесла: — Те, кто попытаются обмануть судьбу, встретят печальный и мрачный конец...

* * *

Профессор Спраут, поджав губы, покачала головой.

— Но... — сказала Сьюзен. — Но в тот раз вы помогли Гарри...

— И мне предельно ясно объяснили, — сказала профессор Спраут так, будто кто-то применил Уменьшающие чары, чтобы сжать её горло, — что следить за порядком на факультете Слизерин — это работа профессора Снейпа, а не моя... Мисс Боунс, пожалуйста, вы совсем не обязаны...

— Нет, обязана, — безрадостно отозвалась Сьюзен. — Я пuffedуика, мы должны быть верными.

* * *

— Таинственный пергамент под подушкой? — в их защищённом Квиетусом укромном уголке, где они учились, Гарри Поттер поднял голову. Затем зелёные глаза мальчика сузились. — Он был не от Санта-Клауса?

Пауза.

— Ладно, — сказала Гермиона. — Я не буду спрашивать, а ты не будешь отвечать мне, и мы оба притворимся, что ты ничего не говорил, и я ничего об этом не знаю...

* * *

Как только девушка осталась одна, Сьюзен подошла к столу — предварительно оглядев гостиную и убедившись, что за ней никто не наблюдает (причём именно так, как учила её тётя, поэтому окружающим не было заметно, что она оглядывалась).

— Привет, Сьюзи, — сказала семикурсница с Пуффендуя. — Тебе уже нужны ещё...

— Скажи пожалуйста, я могу с тобой немного поговорить наедине? — попросила Сьюзен.

Джейме Асторга — семикурсник из Слизерина, считавшийся до недавнего времени восходящей звездой дуэлей среди молодёжи — стоял в кабинете профессора Снейпа по стойке смирно, стиснув зубы и ощущая, как пот градом катится по его спине.

— Я отчётливо помню, — произнёс декан факультета, сардонически растягивая слова, — что не далее как сегодня утром я предупредил вас и нескольких ваших товарищей о группе первокурсниц, встреча с которыми может оказаться весьма неприятной, если боец проявит неосмотрительность и позволит застать себя врасплох.

Профессор неторопливо обошёл Джейме кругом.

— Я... — начал Джейме: его лоб продолжал покрываться испариной, так как он прекрасно понимал, насколько нелепо и жалко прозвучат его оправдания. — Сэр, у них не должно было получиться, — одна первогодка не могла разбить его *Протега*, не важно насколько древним было её заклинание. — Гринграсс помогли...

Но было очевидно, что декан в это не поверит.

— О, я более чем согласен, — негромко протянул Спейп с явственной угрозой в голосе, — у них не должно было получиться. Я начинаю думать, что план мистера Малфоя, каким бы он ни был, не лишён смысла, Асторга. Вряд ли на репутации Слизерина хорошо скажется ситуация, когда наши бойцы, вместо того чтобы демонстрировать свою силу, проигрывают маленьким девочкам!

Голос Снейпа стал громче:

— Хорошо, что у вас хватило вкуса, чтобы быть поверженным первокурсницей факультета Слизерин из Благородного Дома. В противном случае я бы сам снял с вас баллы!

Эти слова заставили кулаки Джейме Асторги сжаться, но он не смог придумать достойного ответа.

Прошло ещё какое-то время, прежде чем Джейме было позволено покинуть кабинет декана его факультета.

И только стены, пол и потолок увидели улыбку Северуса Снейпа.

В тот вечер Драко посетила сова его отца — Танаксу. Она не была зелёной лишь потому, что в природе не существует зелёных сов. Лучшим вариантом, который отец смог найти, оказалась сова с оперением чистейшего серебристого цвета, с огромными светящимися зелёными

глазами и клювом, который по остроте и грозности не уступал зубам змеи. Текст на пергаменте, закреплённом на лапке Танаксу, был предельно коротким:

«Что ты делаешь, сын мой?»

Ответ, отправленный Драко, был столь же коротким:

«Я пытаюсь исправить ущерб, нанесённый репутации Слизерина, отец.»

Ровно через промежуток времени, который требуется сове, чтобы преодолеть расстояние от Хогwartса до Малфой-манора и обратно, семейная сова принесла ещё один пергамент, на котором было написано лишь:

«Что ты делаешь на самом деле?»

Драко устался на пергамент. Его руки дрожали, когда он протянул записку ближе к свету камина. Шесть слов, выведенных чёрными чернилами, не должны были страшить больше смерти.

Времени на размышления не было — его отец также знал в точности, сколько времени нужно сове, что добраться от Малфой-манора до Хогwartса и обратно, и он поймёт, если Драко будет медлить, сочиняя правдоподобную ложь.

Но Драко всё-таки дождался, пока его руки перестанут дрожать, прежде чем написать свой ответ — единственный довод, который, по его мнению, отец мог бы принять:

«Я готовлюсь к следующей войне.»

Драко обернул пергамент вокруг лапки совы и закрепил его, после чего отправил Танаксу в полёт сквозь коридоры Хогwartса в ночь.

Он подождал, но ответа не было.

Самоактуализация.

Часть 8.

Священное и мирское

Красный огненный сгусток попал Ханне прямо в лицо. Девочку перекувырнуло в воздухе, и она ударилась головой о каменную стену. Её бледное лицо, казалось, застыло на мгновение в окружении летящих прядей её золотисто-каштановых волос. Ханна рухнула на пол, и в этот же миг третий и последний залп зелёных спиралей разбил вражеские чары Щита.

Мартовские дни проходили один за другим, наполненные лекциями, занятиями и домашней работой, а также завтраками, обедами и ужинами.

Гриффиндорец напряжённо застыл, уставившись на их восьмёрку. Выражение его лица беззвучно менялось. А потом руки, вцепившиеся в отвороты мантии слизеринца, разжались, и он молча удалился. Девочки тоже ничего не сказали. (То есть, Лаванда явно хотела сказать что-то негодующее — возможно, потому что она лишилась возможности произнести свою речь. Она уже открыла рот, но, к счастью, Гермиона это заметила и жестом показала МОЛЧАТЬ.)

Время, конечно, уходило и на сон. Нельзя забывать о сне лишь потому, что это одно из самых обыденных занятий на свете.

— Иннервейт! — раздался голос Сьюзен Боунс, и Гермиона, резко выдохнув воздух, распахнула глаза. Ей было трудно дышать, словно у неё на груди лежало что-то очень тяжёлое. Ханна рядом с ней уже сидела, держась за голову с гримасой боли на лице. Дафна предупреждала, что это будет «тяжёлый» бой, что вызвало тревогу у Гермионы, да и у всей команды. Кроме, быть может, Сьюзен, которая просто появилась к означенному

времени, шла рядом, не вступая в разговоры, и сражалась с хулиганом-семикурсником, пока не оказалась единственной девочкой, оставшейся на ногах. Возможно, гриффиндорец чувствовал себя не в своей тарелке, сражаясь с младшей наследницей рода Боунс, или Сьюзен просто очень повезло, но так или иначе, когда Гермиона попыталась сесть, она поняла, что чувствует тяжесть на груди просто потому, что на ней лежит довольно крупное тело.

А ещё не следует забывать о магии. Пусть непосредственно колдовство занимает лишь очень малую часть времени, но, в конце концов, в чём смысл Хогвартса, если не в магии?

— Ладно, а как вы смотрите, если мы будем повсюду кататься на скейтбордах? — спросила Лаванда. — Так будет быстрее, чем ходить пешком. И на скейтбордах мы будем смотреться просто потрясающе. Да, магловские артефакты не такие быстрые, как мётлы, зато выглядят гораздо круче — давайте проголосуем...

В оставшееся же время можно заниматься тем, чем душе угодно: сплетничать о романах старшекурсников или корпеть над книгами.

Дрожащей рукой Гермиона подняла с пола свой экземпляр «Истории Хогвартса». Источник её душевного равновесия упал совсем рядом с тем местом, где рухнула она сама, после того как старшекурсница в мантии с красной оторочкой «случайно» впечатала её в стену и ушла, не оглядываясь, лишь прошепав: «Салазарская ...». Второе слово Гермиона знала, и оно задело её гораздо сильнее, чем всё, что слизеринцы обычно говорили про грязнокровок. Слово «грязнокровка» звучало для неё просто как странный термин, принятый среди волшебников.

У Гермионы по-прежнему не выходило, не получалось привыкнуть к тому, что её ненавидят. Каждый такой случай больно ранил. В особенности, когда ненависть шла от гриффиндорцев, которые по идее должны быть на стороне добра.

Как и было велено, Гарри распределил восьмерых своих солдат между остальными армиями. Он добровольно отдал даже двух лейтенантов Хаоса, направив Дина Томаса в Армию Драконов, а Симуса Финнигана — Солнечным, в обмен на Блейза Забини, которого, по мнению Гарри, «недоиспользовали» в Солнечном Отряде. Лаванда предпочла Солнечных, чтобы быть вместе с большинством девочек из ЖОПРПГ, а Трейси решила остаться с Хаосом.

— Думаешь, так тебе будет легче околдовать генерала Поттера? — спросила Лаванда. Гермиона изо всех сил старалась не замечать их разговор. — Должна сказать, Трейсик, по-моему

наш Солнечный генерал уже довольно сильно вскружила ему голову. Думаю, тебе лучше попробовать убедить Гермиону, что вам троим нужно, ну, договориться...

Никто так и не выяснил, что замышляет Драко Малфой.

— Уверен? — со слышимой неохотой переспросил Гарри Поттер. — Гермиона, ты же знаешь, рационалист ни в чём не уверен, даже в том, что дважды два — четыре. Я не могу прочесть мысли Малфоя. И даже если бы мог, оставалась бы возможность, что он идеальный окклюмент. Могу лишь сказать, что, судя по моим наблюдениям, вероятность того, что Малфой показывает слизеринцам лучший путь, гораздо больше, чем думает Дафна Гринграсс. И мы должны... мы должны полагаться на это, Гермиона.

(Итак, судя по всему, Гарри думает, что Драко Малфой — хороший. Но проблема в том, что Гарри также склонен доверять людям вроде профессора Квиррелла.)

* * *

— Профессор Квиррелл, — сказал Гарри, — меня беспокоит растущая ненависть со стороны Слизерина к Гермионе Грейнджер.

Они сидели в кабинете профессора Защиты — Гарри расположился в отдалении от преподавательского стола, (правда, чувство неотвратимой катастрофы всё равно присутствовало), а в пустом книжном шкафу как обычно отражался лысеющий затылок профессора Квиррелла.

На бедре Гарри держал чашку странного, вероятно-очень-дорогого китайского чая. И то, что Гарри принял осознанное решение его выпить, определённо говорило что-то о мыслях, посещавших его голову в последнее время.

— И это должно беспокоить меня потому что?... — спросил профессор Квиррелл и сделал глоток из своей чашки.

— Эм-м, н-да, пожалуй, это действительно не важно... О, перестаньте, профессор Квиррелл! Вы сами строили планы по восстановлению репутации Слизерина по меньшей мере с первой пятницы учебного года.

По краям тонких бледных губ будто скользнула улыбка, а может Гарри лишь показалось.

— Я думаю, в итоге факультет Слизерин преуспеет, мистер Поттер, вне зависимости от судьбы одной девочки. Но я соглашусь,

что нынешнее его состояние не благоприятно для вашей подружки. Хулиганы двух факультетов, многие из которых происходят из могущественных, обладающих массой связей семей, видят в мисс Грейнджер угрозу своей репутации и гордости. Это сильный мотив для того, чтобы причинить ей боль, но он не идёт ни в какое сравнение с неприкрытой завистью гриффиндорцев, на глазах у которых чужак собирает лавры героя, о которых они мечтают с детства.

Теперь профессор Квиррелл точно улыбался, пусть и слегка.

— Не говоря уже о слизеринцах, которые слышат, что призрак Салазара Слизерина предпочёл им грязнокровку. Интересно, в состоянии ли вы понять, мистер Поттер, какой будет их реакция? Те, кто не поверят в это, с радостью убьют мисс Грейнджер за оскорбление. А те слизеринцы, которые в глубине души, в самом потаённом уголке, опасаются, что это может оказаться правдой... Никому не известно, на какие действия их толкнёт паника, — профессор спокойно отпил чаю. — С опытом, мистер Поттер, вы научитесь предвидеть подобные последствия своих планов. А пока же ваше намеренное игнорирование человеческих качеств, которые вы находите неприятными, сослужило вам плохую службу.

Гарри глотнул чая.

— Эм-м, — протянул он, — профессор Квиррелл... не поможете?

— Я уже предлагал мисс Грейнджер свою помощь, — ответил тот, — как только понял, к чему всё идёт. И моя ученица вежливо попросила меня не вмешиваться. Не думаю, что и вы услышите что-то иное. А поскольку в этом деле мне особо нечего терять или приобретать, то я не намерен настаивать.

Профессор пожал плечами. Его пальцы крепко держали чайную чашку абсолютно правильным, изящным захватом — поверхность жидкости осталась неподвижной, даже когда профессор Квиррелл откинулся на спинку кресла.

— Не волнуйтесь так сильно, мистер Поттер. Эмоции бурлят вокруг мисс Грейнджер, но она в гораздо меньшей опасности, чем вы представляете. Когда вы станете старше, вы уясните, что охотнее всего заурядные люди не предпринимают ничего.

* * *

Конверт, который слизеринская почта доставила Дафне, был, как обычно, не подписан. На пергаменте внутри было время, место и короткая приписка: «тяжело».

Но не это беспокоило Дафну. Её беспокоило то, что за обедом Милисента не смотрела ни на неё, ни на Трейси — она просто ела, не отводя взгляда от тарелки. Лишь единожды Милисента подняла голову, быстро посмотрела в сторону стола Пуффендуя и вновь вернулась к еде. Дафне не удалось рассмотреть выражение её лица — Милисента сидела слишком далеко от неё и Трейси.

Дафна ела и размышляла. Внутри нарастало предчувствие чего-то ужасного. В тарелке оставалась ещё половина первого блюда, и тут девочка замерла.

То, что я Вижу, должно произойти... по сравнению с этим стать закуской для летифолдов — просто увеселительный пикник!

Дафна не принимала осознанного решения, как это должны делать настоящие слизеринцы. Не взвешивала выгоды для себя.

Вместо этого...

Дафна сказала Ханне, Сьюзен и всем остальным, что её источник предупредил: в этот раз целью станут пуффендуйки, и хулиган собирается наплевать на гнев учителей и по-настоящему, то есть действительно серьёзно ранить Ханну или Сьюзен, и им двоим следует на этот раз остаться в стороне.

Ханна согласилась.

Сьюзен...

* * *

— Что ты здесь делаешь? — завопила генерал Грейнджер, правда, шёпотом.

В лице Сьюзен ничего не изменилось, словно пуффендуйка неожиданно научилась делать такое же непроницаемое лицо, какое Дафна иногда наблюдала у своей матери.

— А я в самом деле здесь? — спокойно спросила Сьюзен.

— Ты сказала, что не придёшь!

— Я правда так сказала? — прислонившись к каменной стене коридора, где они ждали хулиганов, Сьюзен небрежно повертела в руке палочку. Её идеально уложенные тёмно-рыжие волосы контрастировали с жёлтой оторочкой пуффендуйской мантии, которая сидела заметно криво. — Интересно, почему. Возможно, я не хотела, чтобы Ханне в голову пришла какая-нибудь странная идея. О пуффендуйской верности, скажем.

— Если ты не уйдёшь, — заявила Солнечный Генерал, — я отменю операцию, и в классы вернёмся мы все, мисс Боунс!

— Эй! — воскликнула Лаванда. — Мы не голосовали по...

— Меня это устраивает, — сказала Сьюзен, не сводя глаз с дальнего конца коридора, где он сливался с выложенным плиткой проходом, в котором, как им сказали, и должен появиться хулиган. — Я просто останусь здесь сама.

— Почему... — Дафна прервалась, потому что у неё комок подкатил к горлу. *Если я попытаюсь это изменить, если хоть кто-нибудь попытается это изменить, произойдут по-настоящему ужасные, кошмарные, нехорошие, очень плохие вещи. И затем это в любом случае произойдёт...* — Почему ты так себя ведёшь?

— Это не похоже на меня, — сказала Сьюзен. — Я знаю. Но... — Сьюзен пожала плечами. — Понимаете, люди не всегда похожи на самих себя.

Они упрашивали.

Они умоляли.

Сьюзен вообще перестала отвечать, она лишь по-прежнему наблюдала за коридором и ждала.

Дафна чуть не плакала. Её терзала мысль, не она ли стала этому причиной. Если попытка изменить Судьбу сделала происходящее хуже...

— Дафна, — голос Гермiony прозвучал намного выше обычного, — сходи и приведи учителя. Бегом.

Дафна развернулась и бросилась по коридору в противоположном направлении, но вдруг осознала и повернулась обратно к девочкам, которые — за исключением Сьюзен — смотрели на неё, и, чувствуя себя так, как будто её сейчас вырвет, выдавила:

— Я не могу...

— Что ещё?! — спросила Гермiona.

— Мне кажется, чем больше с этим борешься, тем хуже становится.

Так происходило в пьесах, иногда.

Гермiona пристально посмотрела на неё, затем скомандовала:

— Падма.

Вторая когтевранка без возражений сорвалась с места. Дафна смотрела ей вслед. Она знала, что Падма бежит хуже неё, и теперь думала, что, быть может, именно из-за этого помощь опоздает...

— Хулиганы здесь, — лаконично сообщила Сьюзен. — Эх, да у них заложник.

Девочки крутанулись на месте и увидели...

Сразу троих хулиганов-старшекурсников. Дафна узнала Рису Белку — одну из лучших лейтенантов среди армий седьмого курса, Рэндольфа Ли — занимавшего второе место в дуэльном клубе

Хогвартса, и, что хуже всего, шестикурсника Роберта Джагсона III, чей отец почти наверняка был Пожирателем Смерти.

Всех троих окружали защитные заклинания. Синяя дымка просвечивала под поверхностью лент из других цветов, периодически показываясь на поверхности. Это были многослойные щиты — словно троица хулиганов собралась сражаться с серьёзными дуэлянтами и тратила энергию соответственно.

А следом за ними светящиеся верёвки тащили связанную Ханну Аббот. Её глаза были широко распахнуты от страха. Губы Ханны двигались, но из-за заклинания *Квиетус*, наложенного хулиганами, не было слышно ни слова.

Джагсон резко махнул палочкой, и светящиеся верёвки метнули Ханну к девочкам. Раздался негромкий хлопок, когда она пролетела через барьер Тишины. Палочка Сьюзен мгновенно указала на Ханну:

— *Вингардиум левиоса!*

— Бегите! — завопила Ханна, мягко опускаясь на пол.

Но коридор и впереди, и сзади уже перегораживало мерцающее серое поле — заклинание барьера, которое Дафна не знала.

— Мне нужно объяснять, что происходит? — с наигранной весёлостью спросил Ли. Дуэлянт-семикурсник улыбался, но его глаза оставались холодными. — Хорошо, просто на всякий случай. Вы — мелкие назойливые создания. Да, включая мисс Гринграсс. Из-за вас случилось достаточно неприятностей, и вы уже наговорили достаточно лжи. Мы привели вашу подружку просто, чтобы вы знали, что мы поймали вас всех... Полагаю, вторая когтевранка прячется за углом или где-то цепляется за потолок? Впрочем, не важно. Это ваше...

— Хватит болтовни, — прервал его Роберт Джагсон III. — Время боли. — он поднял палочку. — *Клюс!*

Сьюзен практически в тот же миг вскинула свою:

— *Призматис!*

В воздухе возникла маленькая радужная сфера. Миниатюрный барьер, такой плотный и яркий — он остался целым даже после того, как проклятье Джагсона ударило об него и отскочило в сторону Белки, палочка которой рассекла воздух, отводя тёмный сгусток в сторону. И в следующую секунду радужное сияние исчезло.

Глаза Дафны расширились. Она никогда не думала, что Радужную сферу можно использовать и так...

— Джагси, дорогуша, — губы Белки растянулись в хищной ухмылке, — мы же вроде обсуждали. Сначала победим, а уже потом поиграемся.

— П-пожалуйста, — упавшим голосом сказала Гермiona, — дайте им уйти... Я, я, я обещаю, я...

— О, неужели, — раздражённо отозвался Ли, — ты хочешь пожертвовать собой, чтобы остальные смогли уйти? Но ведь вы все уже у нас.

Джагсон улыбнулся:

— Забавно. Давай так — ты, грязнокровка, вылижешь мои ботинки, и тогда одна из твоих подружек сможет уйти. Выбери, какая тебе нравится больше всех, а остальные останутся страдать.

— Нет, — раздался голос Сьюзен Боунс, — этому не бывать.

Одним молниеносным, почти неразличимым для Дафны движением, девочка из Пуффендуя прыгнула влево, уходя от сногшибателя Белки, ударились об стену и, отскочив от неё, как резиновый мяч, врезалась ногами Джагсону в лицо. Удар не пробил щит, но от столкновения шестикурсник растянулся на полу, Сьюзен оказалась сверху. Её нога с размаху опустилась на руку хулигана, сжимавшую палочку, но щит опять выдержал.

— *Элмекиа!** — крикнул Ли.

— *Призматис!* — одновременно крикнула Парвати.

Радужная стена успела сформироваться, но синий заряд прошёл её насквозь, разминувшись со Сьюзен на несколько сантиметров.

В последовавшем вихре движений Дафна мало что уловила — ноги Белки взлетели в воздух, но ведьма-старшекурсница кувыркнулась назад, вскочила и тогда...

Дафна успела понять, её губы начали открываться:

— *Приз...* — но было уже поздно.

Три сверкающих заряда одновременно полетели в Сьюзен. Девочка подняла палочку, словно та могла её защитить. Соприкоснувшись с магической древесиной, заряды ярко вспыхнули, ноги Сьюзен дрогнули, и её швырнуло в стену. Голова девочки ударилась о камень со странным хрустом. Сьюзен упала на пол и не шевелилась, её голова была неестественным образом вывернута, а палочка по-прежнему сжата в вытянутой руке.

Момент абсолютной тишины.

Парвати бросилась к Сьюзен и сжала её запястье, чтобы прощупать пульс... Медленно, дрожа, гриффиндорка поднялась на ноги с ужасом на лице...

— *Виталис ревелио*, — произнёс Ли, прежде чем Парвати успела открыть рот. Тело Сьюзен окружило тёплое красное свечение. Семикурсник ухмыльнулся:

— Полагаю, просто сломанная ключица. Но попытка была неплохая.

— Мерлин, какие они прыткие, — отозвался Джагсон.

— Вынуждена согласиться, дорогуши, — семикурсница не улыбалась вовсе.

— *Тонаре!* — закричала Дафна, поднимая палочку над головой и концентрируясь, как никогда раньше. — *Рава калвариа! Люцис...*

Она даже не успела заметить заклятие, которое вырубил её.

* * *

Гермиона почувствовала лёгкий толчок *Иннервейта* и очнулась, но, повинаясь интуиции, не стала сразу вставать: битва была совершенно безнадежной. Она не знала, что может сделать в этой ситуации, но инстинкты подсказывали, что вскакивать на ноги — далеко не лучшая идея.

Гермиона приоткрыла глаза, и лучи света, проникнув в узкую щёлочку, явили её взору Парвати — последнюю из них, кто ещё держался на ногах, — отступающую от трёх хулиганов.

Палочка всё ещё находилась у Гермионы в руке, а Трейси лежала достаточно близко, поэтому Гермиона сделала едва заметное движение рукой и, стараясь не шевелить губами, прошептала: «*Иннервейт*», отчаянно надеясь, что слизеринка проявит больше здравого смысла, чем обычно.

Она почувствовала, что заклинание сработало, но Трейси не пошевелилась. Гермиона надеялась, что та просто выжидает момент...

Чтобы сделать что?

Гермиона не знала. Страх, отсутствовавший во время самого боя, теперь начал грызть её. Девочка лежала неподвижно, пытаясь придумать выход из безнадежной ситуации.

Вдруг Гермиона услышала звук падения. Она не могла видеть, но знала наверняка, что это Парвати.

Стало тихо.

— Теперь что? — произнёс страшный парень с мягким голосом.

— Будим грязнокровку, — чётко ответил страшный парень со строгим голосом, — и выясняем, кто на самом деле играет роль призрака Салазара Слизерина.

— Нет, дорогие мои, — возразила страшная девушка с приятным голосом, — сначала мы всех их свяжем, и очень крепко.

И тут раздался треск молнии и раскат грома. Гермиона распахнула глаза от удивления — она не смогла сдержаться, — и увидела, как

жёлтые электрические дуги, словно гигантские черви, окутывают страшного парня с мягким голосом, и тот бьётся в конвульсиях. Спустя миг он рухнул на пол, напоследок дёрнулся и затих. Его палочка отлетела в сторону.

— Все остальные уже спят? — сказал кто-то. — Замечательно.

Рядом с местом, где стоял страшный парень с мягким голосом, с пола поднялась Сьюзен Боунс. Её шея по-прежнему была странно искривлена. Но затем Сьюзен небрежно крутанула головой, и та встала на место.

Круглолицая первокурсница стояла лицом к лицу с двумя хулиганами, уперев одну руку в бок.

Усмехнулась.

И вокруг неё засияла ячеистая голубая дымка.

— Обратное! — прошипела девушка-хулиган.

— *Полифлюс Реверсо!* — проревел оставшийся парень.

Из его палочки вырвалось что-то похожее на зеркальный шарф...

Который без сопротивления пролетел сквозь дымку, окружающую Сьюзен...

На мгновение пuffedуйка осветилась странным зеркальным светом, оказавшись словно отражением себя...

Сияние погасло.

Девочка по-прежнему стояла, уперев руку в бок.

— Ошибка, — сказала она. — А сейчас будет истина. Вдруг вам никто раньше не говорил...

Маленькая рука вскинула палочку. Синяя дымка размывала движения.

— Не связывайтесь с пuffedуйками! — воскликнула Сьюзен. Полузакрытые глаза Гермионы резанула яркая серая вспышка, и началась настоящая битва.

Она продолжалась некоторое время.

Часть потолка расплавилась.

Девушка-хулиганка попыталась предложить перемирие, крикнув, что они хотят уйти и забрать Джагсона с собой. В ответ Сьюзен проорала слова проклятья, в которых Гермиона узнала Ужасающее увядание Аби-Далзима, запрещённое в семи странах*.

В итоге девушка-хулиганка оказалась на полу без сознания, последний парень-хулиган спасся бегством, оставив позади тела сообщников. Сьюзен прислонилась к стене, тяжело дыша и сжимая левой рукой правое плечо. Её лицо блестело от пота, на прожжённой в нескольких местах мантии виднелись мокрые пятна.

Через некоторое время Сьюзен выпрямилась и повернулась посмотреть на спящих на полу приятельниц-ведьм.

Ну, они должны были спать.

Лаванда уже сидела, её глаза были огромными как арбузы.

— Это... — сказала Лаванда.

— Было... — сказала Трейси

— Что?! — сказала Гермiona.

— То есть, ЧТО?! — сказала Парвати.

— Круто! — сказала Лаванда.

— О, чёрт! — сказала Сьюзен Боунс. Её залитое потом лицо и так было немного бледным, а теперь оно побледнело ещё сильнее, став почти пугающе белым. — Э-э... я могу убедить вас, что вам всё это привиделось?

Девочки быстро обменялись взглядами. Гермiona посмотрела на Парвати, Парвати посмотрела на Лаванду, Лаванда и Трейси посмотрели друг на друга.

Затем все четверо посмотрели на Сьюзен и помотали головами.

— О, чёрт! — повторила Сьюзен. — Слушайте, я вернусь через пару минут, мне действительно сейчас надо идти, пожалуйста, ничего не говорите, пока!

И прежде чем девочки сумели что-то сказать, Сьюзен убежала по коридору, двигаясь на удивление быстро.

— Нет, в самом деле, что это было? — спросила Парвати.

— *Иннервейт*, — произнесла Гермiona, направляя палочку на Дафну, которую только сейчас заметила. Лаванда направила палочку на Ханну и сказала то же самое.

Ханна открыла глаза, попыталась быстро вскочить на ноги, но рухнула обратно на пол.

— Всё в порядке, Ханна! — сказала Лаванда. — Мы победили.

— Мы что? — спросила Ханна с пола.

Дафна не шевелилась, но Гермiona видела, что её грудь поднимается и опускается. Ритм дыхания казался относительно нормальным.

— Думаю, с ней всё будет нормально. Но... — Гермiona сглотнула, во рту по-прежнему было сухо. Вся затея абсолютно, полностью, совершенно пошла наперекосяк. — Думаю, мы должны отнести Дафну к мадам Помфри...

— Конечно, конечно, только дай мне секундочку, и я приду в себя. Наверное, — сказала Парвати.

— Извините, — вежливо, но твёрдо произнесла Ханна, — а как мы победили? И почему потолок выглядит оплавленным?

Последовала тишина.

— Это сделала Сьюзен, — наконец ответила Трейси.

— Ага, — голос Парвати слегка дрожал. Она встала и начала отряхивать мантию. — Выяснилось, что Сьюзен Боунс — наследница Пуффендуй, и она нашла давно потерянный проход в Комнату Усердной Работы и Обучения Хельги Пуффендуй.

— А? — Ханна ощупывала себя, как будто пытаясь убедить себя, что все её части тела на месте. — Я думала, что профессор Спраут это говорила просто в качестве Назидания... Сьюзен что, в самом деле?..

Гермиона медленно приходила в себя. На самом деле весь этот дикий ужас длился не больше тридцати секунд — по крайней мере та его часть, которую она застала в сознании. Её мозг постепенно возвращался к нормальному состоянию.

— Вообще-то, — осторожно начала Гермиона, — я практически уверена, что профессор Спраут говорила именно в качестве назидания. В «Истории Хогwartса» или других книгах, которые я читала, не было ничего подобного.

— Она — двойная ведьма! — завопила Трейси настолько высоким голосом, что он сорвался. — Точно! Она — одна из них! Она всегда была двойной ведьмой!

— Что?! — закричала Парвати и развернулась к Трейси. — Это полный бред...

— Конечно! — воскликнула Лаванда. Она вскочила на ноги и запрыгала от восторга. — Я должна была догадаться!

— Сьюзен кто?! — спросила Гермиона.

— Двойная ведьма! — повторила Трейси.

— Понимаешь, — быстро заговорила Лаванда, — всегда ходили истории о детях, которые рождаются супермагами, которые могут использовать заклинания, недоступные другим. И что есть целая тайная школа, спрятанная в Хогwartсе, с классами, которые могут видеть и посещать только они...

— Это просто сказки! — воскликнула Парвати. — В реальности такого не бывает! То есть, конечно, я тоже читала эти книги...

— Подождите, пожалуйста, — остановила девочек Гермиона. Возможно, её мозг просто ещё не до конца пришёл в себя. — Вы хотите сказать, что несмотря на то, что вам уже приходится учиться в магической школе и всё такое, вы вдобавок хотите ходить в дважды магическую школу?

Лаванда озадаченно посмотрела на неё:

— Не поняла. Кто ж не хочет получить дополнительные супермагические способности, удивительную судьбу и всё такое! Это будет означать, что ты особенная!

Ханна, которая в это время подползла к Дафне проверить, не сломали ли ей что-нибудь, подняла голову и согласно кивнула:

— Хотела бы я быть двойной ведьмой... — и добавила, уже немного печальней, — хотя я никогда на самом деле в них не верила... А что именно сделала Сьюзен? В смысле, вы уверены, что всё это вам не почудилось, пока вы были без сознания?

Гермиона абсолютно и совершенно не могла найти слов.

Треиси вдруг развернулась так резко, что её мантия взметнулась, и посмотрела на вход в коридор:

— О, нет! Нам нужно убираться отсюда! Нам нужно исчезнуть, пока Сьюзен не вернулась с кем-то, кто сможет наложить на нас заклинание Супер-Изменения-Памяти!

— Сьюзен так не поступит! — воскликнула Парвати. — В смысле, даже если бы была...

— ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ? — раздался пронзительный визг, и в частично оплавленный коридор влетел профессор Флитвик, похожий на маленький, опасно сконцентрированный сгусток чистой учительской ярости. За его спиной тяжело дышала пепельно-бледная Падма.

* * *

— Что случилось?! — выпалила Сьюзен, увидев девочку, которая выглядела в точности как она сама, если не считать прожжённой мантии, промокшей от пота.

— О, отличный вопрос! — воскликнула вторая Сьюзен Боунс, быстро сбрасывая то, что осталось от одолженной одежды. Секундой позже девочка начала метаморфозу, и через небольшой промежуток времени Нимфадора Тонкс приобрела свой более привычный облик. — Извини, но я не смогла придумать ничего сама, поэтому у тебя есть примерно три минуты, чтобы решить, что на него ответить...

* * *

Как позже довольно едко заметила Дафна Гринграсс, в хитроумном плане Гермионы — что если их поймают, баллы со всех факультетов вычтут поровну — была прореха: он не учитывал возможные отработки.

Все девочки согласились молчать о таинственных способностях Сьюзен. Даже Трейси пообещала держать язык за зубами — после того, как Сьюзен пригрозила использовать на ней заклинание Супер-Изменения-Памяти. К сожалению, во время ужина выяснилось, что кто-то забыл сообщить об их договорённости хулиганам, и что Сьюзен Боунс принесла свою душу в жертву ужасным запретным силам, которые теперь поселились в её теле, и именно поэтому им всем назначили отработки.

— Гермiona? — неуверенно заговорил сидящий рядом с ней за столом Гарри Поттер. — Пожалуйста, не обижайся, я пойму, если ты скажешь, что это не моё дело, но мне кажется, что всё это начинает выходить из-под контроля.

Гермиона продолжала разминать ломтик шоколадного пирожного на своей тарелке в однородную массу из пирожного и глазури.

— Да, — слегка язвительным тоном ответила Гермiona, — именно это я и сказала профессору Флитвику, когда извинялась перед ним, что я знаю, что всё вышло из-под контроля. А он завизжал: «В самом деле, мисс Грейнджер? Вы так думаете?», причём так громко, что у меня загорелись уши. В смысле, мои уши действительно загорелись. Профессору Флитвику пришлось их тушить.

Гарри провёл рукой по лбу.

— Извини, — его лицо ничего не выражало. — Иногда мне до сих пор бывает сложно воспринимать такие вещи. А помнишь, Гермiona, мы когда-то были молодыми и наивными, и думали, что мир хоть как-нибудь можно понять?

Гермиона положила вилку и посмотрела на него.

— Гарри, тебе не хочется иногда быть просто маглom?

— Э? Ну конечно, нет! В смысле, даже будучи маглom, я наверняка попытался бы однажды захватить ми... — Гермiona пристально посмотрела на него, и мальчик быстро проглотил последнее слово и исправился. — То есть, я хотел сказать, оптимизировать, ну, Гермiona, ты же понимаешь, что я имел в виду! Смысл в том, что мои цели были бы такими же. Но с помощью магии всё это устроить будет гораздо проще, чем если бы я был ограничен инструментарием маглов. Если подумать логически, именно поэтому я пошёл в Хогвартс, а не проигнорировал это всё и не начал делать карьеру в области нанотехнологий.

Гермиона, закончив приготовление соуса из шоколадного пирожного, начала макать в него морковку и есть.

— А почему ты спросила? Может, ты сама хочешь вернуться обратно в мир маглов?

— Не совсем, — ответила Гермiona, хрустя одновременно морковкой и шоколадом. — У меня просто, ну, появились странные мысли по поводу желания быть ведьмой. Ты хотел быть волшебником, когда был маленьким?

— Конечно, — твёрдо ответил Гарри. — Ещё я хотел экстрасенсорные способности, супер-силу, укреплённые адамантием кости, свой собственный летающий замок, и поэтому иногда мне становилось очень грустно из-за того, что мне придётся довольствоваться ролью знаменитого учёного и астронавта.

Гермiona кивнула.

— Понимаешь, — тихо сказала она, — мне кажется, что ведьмы и волшебники, которые здесь вырастают, не ценят магию по-настоящему...

— Разумеется, они не ценят. И именно это даёт нам преимущество. Разве не очевидно? Я серьёзно, для меня это стало чертовски очевидно в первые пять минут, проведённые в Косом переулке.

Мальчик смотрел озадаченно, словно не понимая, почему она обращает внимание на что-то настолько обыденное.

Глава 74

Самоактуализация. Часть 9. Эскалация конфликтов

Гарри сделал шаг вперёд, затем другой, и так до тех пор, пока его не наполнило чувство тревоги, давящее на нервы. Он не произнёс ни слова, не поднял руки — чувство тревоги скажет всё за него.

Из-за закрытой двери кабинета донёсся холодный шёпот, который звучал так, будто двери не было вовсе.

— Сейчас не мои приёмные часы и не время нашей встречи. Я снимаю с вас десять баллов Квиррелла, и скажите спасибо, что не больше.

Гарри остался спокоен — приключение в Азкабана перекалибровало шкалу волнующих его событий. И потеря балла факультета, которая раньше оценивалась как пять из десяти, теперь равнялась примерно трём десяткам.

Голос мальчика также не выражал эмоций:

— Профессор, вы сделали проверяемое предсказание, и оно было опровергнуто. Я лишь хотел отметить этот факт.

Гарри уже развернулся, чтобы уйти, но услышал звук открывающейся двери и с некоторым удивлением обернулся.

Профессор Квиррелл сидел, откинувшись на спинку кресла с безвольно запрокинутой головой. Перед его глазами парил пергамент. Обе руки профессора покоились на столе. И если бы не ледяные голубые глаза, непрерывно бегавшие по тексту, его можно было бы принять за труп.

Пергамент исчез, и его место тут же занял следующий — так быстро, будто лист просто на мгновение шелохнулся.

Губы тоже пришли в движение.

— И какой же вывод, — прошептали они, — вы из этого сделали, мистер Поттер?

Гарри был потрясён зрелищем, но ответил всё так же ровно:

— Что заурядные люди не всегда ничего не делают, и что Слизерин опаснее для Гермионы Грейнджер, чем вы думали.

Губы едва заметно изогнулись.

— Значит, вы считаете, что я ошибся в оценке человеческой природы. Но едва ли это единственный возможный ответ, мальчик. Ещё варианты?

Гарри нахмурился, не отводя глаз от профессора Защиты.

— Меня это утомляет, — прошептал профессор. — Стойте там, пока не поймёте сами, или уходите.

И глаза профессора Защиты вновь принялись изучать пергамент, как будто Гарри вдруг перестал существовать.

Спустя шесть пергаментов Гарри сообразил и произнёс вслух:

— Вы считаете, что ваше предсказание оказалось неверным из-за того, что сработал какой-то неучтённый в вашей модели фактор. Что существует причина, по которой факультет Слизерина ненавидит Гермиону больше, чем вы предполагали. Это как с ошибкой в вычисленной орбите Урана, проблема была не в законах Ньютона, а в том, что никто не знал про Нептун...

Пергамент исчез, и следующий не появился. Голова поднялась со спинки кресла и теперь смотрела на Гарри более прямо. Голос оставался тихим, но в нём уже появилось какое-то выражение.

— Я думаю, мальчик, — сказал профессор Квиррелл с интонациями, близкими к его обычной манере говорить, — что, если бы весь Слизерин так сильно её ненавидел, я бы заметил это. И всё же три видных бойца этого факультета сделали больше, чем ничего. Рискнули, зная, чем им это грозит. Какая сила ими двигала или направляла их? — сверкающие льдом синие глаза профессора Защиты встретились с глазами Гарри. — Возможно, кто-то, обладающий влиянием в Слизерине. Какую выгоду можно извлечь, если девочке и её последовательницам будет причинён вред?

— Эм-м, — протянул Гарри, — это должен быть кто-то, кто чувствует в Гермионе угрозу или заработает какие-то очки, если она пострадает? Не знаю, кто подходит под это описание, но я и не знаю никого в Слизерине старше первого курса.

Гарри также пришла мысль, что единственное и довольно предсказуемое нападение кажется недостаточным свидетельством в поддержку априорно маловероятной гипотезы о существовании

тайного злого гения. Но ведь такое заключение сделал сам профессор Квиррелл...

Профессор Защиты не ответил, но его полуприкрытые веки словно выражали раздражение.

— И, да, — продолжил Гарри, — я совершенно уверен, что Драко Малфой не стоит за этим.

Шёпот пришёл похожим на вздох:

— Он сын Люциуса Малфоя, обученный по самым строгим стандартам. Всякий раз, когда вы видите его, даже в самые искренние моменты, когда маска слетает и кажется, что вы поняли, что под ней скрывается, даже тогда это может быть лишь личиной, которую он решил вам продемонстрировать.

Только если Драко способен вызвать патронажа, притворяясь. Но Гарри, конечно, не сказал это вслух. Он просто ухмыльнулся и заявил:

— Получается, вы либо действительно ни разу не читали его мысли, либо хотите, чтобы я так подумал.

Воцарилась тишина. Рука профессора шевельнулась, поманив Гарри пальцем.

Мальчик вошёл в кабинет и дверь за ним закрылась.

— Не стоит обсуждать такое вслух на человеческом языке, — тихо сказал профессор Квиррелл. — Легилименция на наследнике Малфоев? Если Люциус Малфой узнает об этом, то немедленно подошёл бы ко мне убийцу.

— Да, он попробует, — отозвался Гарри, надеясь заметить хоть какой-то отблеск веселья в глазах профессора, но лицо напротив было неподвижно. — Извините.

Профессор Квиррелл снова заговорил холодным шёпотом:

— Полагаю, я мог бы себе это позволить, и убийцу осталось бы лишь пожалеть, — он отвёл глаза от Гарри. Голова вновь откинулась на спинку кресла, наклонившись набок. — Но я и так лишь едва заинтересован во всех этих маленьких играх. Добавьте сюда легилименцию, и это уже перестанет быть игрой.

Гарри не знал, что сказать. Ему уже доводилось пару раз видеть профессора Квиррелла в сердитом настроении, но сейчас он казался каким-то «пустым», и Гарри не знал, как на это реагировать. Он не мог просто спросить: «Что вас беспокоит, профессор Квиррелл?».

— А в чём вы заинтересованы? — через пару секунд Гарри удалось выработать более безопасную форму вопроса, способную направить внимание профессора на что-то позитивное. Очевидно,

рассказ об экспериментах по ведению «дневника благодарности» как способа повысить уровень счастья вряд ли был бы хорошо воспринят*.

— Я расскажу вам, в чём я не заинтересован, — снова холодный шёпот. — Я не заинтересован в проверке предписанных Министерством сочинений, мистер Поттер. Но я принял должность профессора Защиты Хогвартса и намерен исполнять свои обязанности до самого конца.

Ещё один пергамент возник перед лицом профессора, и его глаза вновь забежали по тексту.

— Риса Белка занимала высокое положение в моих армиях до своей глупости. Я объясню ей, что у неё есть единственная возможность остаться в армии: сказать мне, какая именно сила направляла её. И я очень ясно дам ей понять, что случится, если она солжёт. Я позволяю себе читать лица.

Палец профессора указал мимо Гарри на дверь.

— Не важно, ошиблись ли вы в оценке человеческой природы, — сказал Гарри, — или здесь замешаны какие-то неучтённые силы в Слизерине. В любом случае, Гермиона Грейнджер в большей опасности, чем вы предсказывали. В этот раз — три сильных бойца, а что будет после...

— Она не желает ни моей помощи, ни вашей, — прервал его тихий холодный голос. — Ваши заботы не развлекают меня, как раньше, мистер Поттер. Ступайте.

* * *

Каким-то образом, несмотря на то, что между ними было равноправие и Гермиона определённо не была главной, всегда получалось, что в подобных ситуациях первой высказывалась именно она.

Четыре стола Хогвартса. Четыре факультета завтракали и посматривали в сторону, где собрались все восемь членов ЖОПРПГ.

Профессор Флитвик за столом преподавателей тоже строго глядел на них. Гермиона не смотрела на него, но спиной чувствовала его взгляд. В буквальном смысле. Это было довольно жутко.

— Вы сказали Трейси, что хотите поговорить с нами, мистер Поттер? — решительным тоном спросила она.

— Вчера вечером профессор Квиррелл выгнал Рису Белку из её армии, — ответил Гарри Поттер, — и запретил посещение прочих дополнительных занятий по защите. Кто-нибудь из вас понимает важность этого? Мисс Гринграсс? Падма?

Гарри обвёл их взглядом. Гермиона обменялась недоумёнными взглядами с Падмой. Дафна помотала головой.

— Ну, — тихо продолжил Гарри, — не то чтобы я ожидал ответа, но это значит, что вы в опасности, и я не знаю насколько серьёзной.

Мальчик расправил плечи и посмотрел на Гермиону.

— Я не собирался этого говорить, но... Я просто хочу предложить вам любую защиту, какую я могу обеспечить. Передайте всем, что те, кто тронут вас, будут иметь дело с Мальчиком-Который-Выжил.

— Гарри! — воскликнула Гермиона. — Ты же знаешь, я не хочу...

— Гермиона, некоторые из них и мои друзья тоже, — Гарри не отводил взгляд. — И это их решение, не твоё. Падма? Ты сказала, что я тебе ничем не обязан, несмотря на то, что сделал. Так сказал бы друг.

Гермиона посмотрела на Падму, та помотала головой.

— Лаванда? — обратился Гарри. — Ты хорошо сражалась в моей армии, и я буду сражаться за тебя, если ты хочешь.

— Спасибо, генерал! — решительно отозвалась Лаванда. — То есть, мистер Поттер. Но, нет. Я героиня и гриффиндорка, и я могу сама постоять за себя.

Повисла пауза.

— Парвати? — попробовал Гарри. — Сьюзен? Ханна? Дафна? Я не очень хорошо знаком с вами, но готов предложить то же самое любому, кто меня попросит.

Одна за другой все девочки отрицательно покачали головами.

Гермиона уже осознала, что сейчас произойдёт, но не видела ни единого способа этому помешать.

— А мой верный солдат, Трейси из Хаоса? — спросил Гарри Поттер.

— Правда?! — выдохнула Трейси, не обращая ни малейшего внимания на колкие взгляды со стороны Гермионы и остальных девочек. Как будто в порыве чувств она прижала ладони к щекам, хотя, насколько заметила Гермиона, покраснеть ей так и не удалось. А глаза Трейси пусть не сияли, но по крайней мере распахнулись очень широко. — Вы сделаете это? Для меня? То есть... то есть, конечно, я согласна, генерал Хаоса...

* * *

И этим же самым утром Гарри Поттер подошёл к столу Гриффиндора, а затем к столу Слизерина и объявил обоим факультетам, что

любой, кто тронет Трейси Дэвис, вне зависимости от того, чем она в тот момент будет заниматься, начало цитаты, познает истинную суть Хаоса, конец цитаты.

Драко Малфою потребовалось значительное усилие, чтобы не начать биться головой о свою тарелку с тостом.

Хулиганы Хогвартса не были учёными.

Но Драко знал, что даже они захотят это проверить.

* * *

Женская Организация по Продвижению Равных Прав на Героизм не объявила об этом. Скорее всего, ничего хорошего из объявления бы не вышло. Но они все тихо решили (ну, Лаванду остальным семерым девочкам пришлось перекричать) сделать перерыв в сражениях с хулиганами, пока деканы их факультетов не перестанут смотреть на них с такой укоризной, а старшекурсники не прекратят «случайно» врезаться в Гермиону.

Дафна просто сказала Милисенте, что они сделают перерыв.

Потому пару дней спустя Дафна была несколько удивлена, рассматривая пергамент, полученный за обедом. Почерком столь неровным, что его почти невозможно было прочитать, там было написано:

В два часа дня в коридоре вверх по лестнице от библиотеки
ОЧЕНЬ ВАЖНО чтобы были все.

Милисента

Дафна огляделась, но Милисенты в Большом зале не было.

— Сообщение от твоего источника? — уточнила Гермиона, когда Дафна рассказала ей. — Это странно... Я не...

— Что «не»? — спросила Дафна, когда когтевранка прервалась на полуслове.

Солнечный генерал помотала головой.

— Слушай, Дафна, я думаю, нам нужно выяснить, откуда приходят эти сообщения, прежде чем продолжать следовать им. Посмотри, что случилось в последний раз. Как кто-то мог знать, что там будут три хулигана, если этот кто-то не с ними?

— Не могу рассказать, — сказала Дафна. — То есть, ничего не могу рассказать, но я знаю, откуда приходят сообщения, и как этот кто-то всё узнаёт.

Гермиона пристально посмотрела на Дафну. На секунду когтевранка стала до жути похожа на профессора МакГонагалл.

— А-га, — произнесла Гермиона. — А знаешь ли ты, как Сьюзен вдруг стала супердевочкой?

Дафна отрицательно покачала головой.

— Нет, но я думаю, это может быть что-то очень важное, раз мы получили сообщение, в котором написано, что мы все должны быть там.

Дафна не видела, что случилось со Сьюзен, после того как Дафна попыталась изменить пророчество, ограждая ту от опасности. Но Дафне об этом потом рассказали, и теперь она боялась...

Что, возможно, она...

Что, может быть, она ЧТО-ТО СЛОМАЛА...

— А-га, — сказала Гермиона, снова посмотрев на неё как МакГонагалл.

* * *

Похоже, никто не знал, как это началось и кто это начал. Если бы кто-нибудь попробовал проследить всю цепочку к источнику, то, вероятнее всего, обнаружил бы, что цепь замыкается в один огромный круг.

Перегрину Деррика постучали по плечу, когда он выходил из класса зельеварения.

Джейми Асторга услышал шёпот за обедом.

Роберт Джагсон Третий обнаружил крошечную записку под своей тарелкой.

Карл Слопер подслушал, как два старших гриффиндорца шептались об этом, и они бросили на него многозначительный взгляд, проходя мимо.

Никто не знал, откуда пришло сообщение и кто первый его произнёс, но в нём были место, время, и было сказано, что цвет будет белый.

* * *

— Каждой из вас лучше уяснить это абсолютно чётко, — сказала Сьюзен Боунс. Пуффендуйка, или та странная сила, которая вселилась в неё, нормальной даже не притворялась. Круглолицая девочка шла по коридорам твёрдым уверенным шагом. — Если

там будет только один хулиган, вы можете сражаться с ним как обычно. Мои мистические суперспособности не проявят себя, если невинные не в опасности. Но если пять семикурсников выпрыгнут из чулана, то вы — что? Правильно, вы убегаете и оставляете меня разбираться с ними. Вызывать или не вызывать учителя — решайте сами, вам важно лишь сбежать, как только я создам для этого возможность. В подобных боях вы — обуза. Вы — гражданские, о защите которых мне придётся беспокоиться. Так что вы убегаете как можно быстрее и абсолютно точно не пробуете сделать хоть что-нибудь героическое или как-то помочь мне, иначе, когда вы встанете с больничных коек, я лично приду и надеру ваши задницы! Вам всё ясно?

— Да, — пискнули почти все девочки, хотя в случае Ханны, это прозвучало как: — Да, леди Сьюзен!

— Не зови меня так, — отрезала Сьюзен. — И, кажется, я не слышала вас, мисс Браун! Предупреждаю, у меня есть друзья, которые пишат пьесы. И если вы сделаете что-нибудь глупое, то потомки запомнят вас как Лаванду — Удивительно Глупую Заложницу.

(Гермиона начала беспокоиться: у скольких учеников Хогвартса помимо Гарри есть загадочные Тёмные Стороны, и не появится ли у неё такая же, если она продолжит с ними общаться?)

— Хорошо, капитан Боунс, — отозвалась Лаванда с необычным для неё уважением в голосе. Они в очередной раз повернули, следуя по кратчайшему пути в библиотеку, и вошли в довольно большой коридор с шестью двойными дверями, по три с каждой стороны. — А можно спросить — можно ли и мне как-нибудь стать двойной ведьмой?

— Запишись на программу подготовки авроров на шестом курсе, — ответила Сьюзен. — Это почти так же хорошо. Да, и если какой-нибудь знаменитый аврор предложит себя в качестве наставника на время летней практики, не обращай внимания на всех, кто будет говорить тебе, что он дурно на тебя повлияет или что ты почти наверняка умрёшь.

Лаванда закивала:

— Ясно, ясно.

(Падма, которая отсутствовала во время предыдущего боя, бросала на Сьюзен очень скептические взгляды.)

Внезапно Сьюзен остановилась и выхватила палочку.

— Протега максимус!

В кровь Гермионе хлынул адреналин. Она тоже выхватила палочку и крутанулась на месте...

Но сквозь плотную синюю дымку, которая окружила их, она не увидела ничего угрожающего.

Другие девочки, также принявшие позицию для боя, тоже выглядели озадаченными.

— Извините! — сказала Сьюзен. — Девочки, извините. Мне нужна секунда, чтобы проверить это место. Воспоминания об одном человеке навели меня на мысль, что коридор, где мы сейчас находимся, со всеми этими дверями, был бы идеальным местом для засады.

Момент тишины.

— Начали, — раздался грубый мужской голос, искажённый сопутствующим жужжанием настолько, что опознать его было совершенно невозможно.

Все шесть двойных дверей распахнулись.

Из дверей начали появляться люди в белых мантиях. Мантии полностью скрывали фигуру, а лица под капюшонами дополнительно скрывала белая ткань. Люди в белых мантиях выходили и выходили, заполняя просторный коридор. Их было сложно сосчитать. Вероятно, меньше пятидесяти. Определённо больше тридцати. И каждого окружала синяя дымка.

Сьюзен произнесла несколько Очень Плохих Слов, настолько ужасных, что в любой другой ситуации Гермиона сделала бы ей замечание.

— Сообщение! — с ужасом воскликнула Дафна. — Оно не от...

— Милисенты Булстроуд? — закончил жужжащий голос. — Нет. Видите ли, мисс Гринграсс, если одна и та же девочка посылает письмо слизеринской почтой каждый раз, когда вы сражаетесь с хулиганами, то довольно скоро кто-то может это заметить. Мы поговорим с ней после того, как закончим с вами.

— Мисс Сьюзен, — голос Гермионы начал дрожать, — можете вы быть настолько «супер», чтобы...

Множество рук вскинули палочки. После серии зелёных слепящих вспышек — массивной волны разбивателей щитов — от синего купола вокруг девочек не осталось и следа, а Сьюзен рухнула на колени, схватившись за голову.

В обоих концах коридора возникли барьеры из непроглядной тьмы. За двойными дверями, насколько могла видеть Гермиона, были только заброшенные классы, из которых совсем-совсем не было выхода.

— Нет, — произнёс мужской жужжащий голос, — она не может. На случай, если вы не заметили, — вы разозлили довольно много людей, и мы не намерены проигрывать в этот раз. Ну что ж, всем приготовиться стрелять.

Палочки вокруг вновь прицелились, достаточно низко, чтобы не задеть друг друга в случае промаха. И тут другой мужской голос, искажённый таким же жужжанием, произнёс:

— *Хоменум ревелио!*

И в тот же миг следующая волна разбивателей щитов и проклятий, выпущенных рефлекторно, полетела во внезапно возникшую фигуру, разбивая щиты, которые было начали формироваться вокруг неё.

Фигура упала на пол. Воцарилась тишина.

— Профессор Снейп?! — воскликнул второй голос. — Это он вмешивался?

На каменном полу без сознания лежал профессор зельеварения Хогвартса. Грязная мантия тоже улеглась, палочка медленно выкатилась из раскрытой руки.

— Нет, — довольно неуверенно сказал первый мужской голос, но потом оживился, — нет, не может быть. Он наверняка услышал, как мы договаривались, и пришёл убедиться, что на этот раз никто не напортачит. Мы разбудим его позднее, извинимся, и он подправит память девчонкам — он профессор, так что сможет это сделать. В любом случае, нужно убедиться, что больше тут действительно никого нет.

— *Веритас окулум!*

Были произнесены две полных дюжины разных заклинаний, но больше невидимок не обнаружилось. Одно из заклинаний заставило сердце Гермионы сжаться — она узнала заклятье, упомянутое на одной странице с описанием Истинной мантии невидимости, оно не отменяло невидимость, но позволяло узнать — есть ли поблизости Мантия или ряд других особых артефактов.

— Девочки? — прошептала Сьюзен, медленно поднимаясь на ноги. Гермиона видела, как они дрожат и подгибаются. — Девочки, простите за мои слова. Если вы готовы попробовать что-нибудь умное и героическое, то действуйте.

— Ах да, — сказала Трейси Дэвис дрожащим голосом. — Чуть не забыла.

И слизеринка, набрав воздуха, крикнула тонким дрожащим голосом:

— Эй, вы все! Вы хотите и мне сделать больно?

— В общем-то, да, — ответил жужжащий голос лидера. — Хотим.

— Я под защитой Гарри Поттера! И любой, кто тронет меня, познает истинную суть Хаоса! Так что, вы меня отпустите? — это должно было прозвучать дерзко, но вышло довольно испуганно.

На несколько секунд стало тихо. Некоторые белые капюшоны повернулись друг к другу, затем снова в сторону девочек.

— Хм... — произнёс жужжащий мужской голос, — хм... нет.

Трейси Дэвис спрятала палочку в мантию.

Медленно, размеренно, она подняла правую руку высоко вверх и соединила большой и средний пальцы.

— Продолжай, — сказал голос.

Трейси Дэвис щёлкнула пальцами.

Повисла длинная, ужасная пауза.

Ничего не случилось.

— Ну, ладно, — начал было голос...

— *Акатла, мундатус сум**, — голос Трейси стал ещё тоньше и задрожал сильнее. Продолжая тянуть руку вверх, она щёлкнула пальцами второй раз.

Безымянный холодок пробежал по спине Гермियोны, озноб страха и дезориентации, как будто под ней закачался пол, намереваясь сбросить её во тьму, лежащую под ним.

— Что она... — послышался жужжащий женский голос.

На бледном лице Трейси была гримаса страха, но с её губ продолжали срывать слова песнопения:

— *Мабра, брахоринг, мабра...**

В закрытом коридоре поднялся холодный ветер, его тёмное дыхание ласкало лица и касалось рук льдом.

— Стреляем в неё по моей команде! — выкрикнул лидер. — Один, два, три!

Около сорока выкрикнутых заклинаний образовали огромный концентрический массив из сгустков энергии, который залил коридор светом ярче солнца...

...лишь на краткий миг. А затем заряды застряли и исчезли в гранях тёмно-красного восьмиугольника, который появился в воздухе вокруг девочек и через мгновение исчез*.

Гермиона видела его. Она видела его, но не могла вообразить. Не могла вообразить чары Цита столь сильные, что могут противостоять целой армии.

А голос Трейси продолжал петь. Он звучал всё громче и уверенней, и её лицо было перекошено, словно она старалась вспомнить что-то очень-очень точно.

— *Шаффл, даффл, маззл, мафф,
Фиста, виста, миста-кафф**.

И все, кто был в коридоре, и героини и хулиганы, почувствовали давящее присутствие чего-то Тёмного, покалывание в воздухе, словно что-то росло, росло и росло. Все синие дымки вокруг белых роб, все защитные заклинания исчезли, хотя никакие проклятья в них не попадали. Было ещё несколько вспышек — заклинаний, выпущенных в отчаянии, но они потухли на лету, как огонь свечи, коснувшийся воды.

Тёмные барьеры в концах коридора растворились как дым под нарастающим давлением. И обнаружилось, что проходы запечатаны плитами тёмного металла, которые были покрыты пятнами, похожими на кровавые.

А Трейси пела:

— *Лемаришан, Ламент, Лемаришан**.

Мертвенно-синий свет показался из-под плит и между ними. Объятые ужасом хулиганы в белых мантиях с воем кинулись к двойным дверям, но те с грохотом захлопнулись.

Трейси резко вытянула руку влево и выкрикнула «*Кхорнат!*», указала вниз и выкрикнула «*Слаанет!*», вверх: «*Нурголт!*» и вправо: «*ТЗИНЧИ!*»*.

Затем Трейси остановилась, чтобы вдохнуть побольше воздуха, и Гермiona, к которой вернулся дар речи, крикнула:

— Стой, Трейси, остановись!

На лице слизеринки сияла странная дикая улыбка. Она подняла руку вверх, щёлкнула пальцами в третий раз и снова заговорила нараспев высоким девчачьим голосом, к которому примешивался низкий тон, словно вместе с ней пел хор.

— *Тьма за тьмой, чернее чёрного,
Похороненная под рекой времени...
Из тьмы во тьму, твой голос звучит в пустоте,
Неведомый смерти, не познавший жизни**.

— Что ты творишь! — завизжала Парвати и попыталась схватить слизеринку, которая начала подниматься в воздух. Дафна со Сьюзен перехватили её руку, и Дафна крикнула:

— Мы не знаем, что случится, если ритуал прервать!

— Ну а что будет, если он ЗАВЕРШИТСЯ? — крикнула Гермiona, которая как никогда была близка к полному закипанию мозга.

Белая как мел Сьюзен прошептала:

— Прости меня, Шизоглаз...

А Трейси продолжала петь. Её тело поднималось всё выше над полом. Её чёрные волосы плетью хлестали вокруг лица, подхваченные ледяным ветром.

— Ты, кто знает врата, кто и есть врата,

ключ и стража врат:

*Открой путь ему, и яви мне его силу!**

Весь коридор утонул во тьме и тишине, было видно и слышно только Трейси, словно во вселенной не осталось ничего кроме неё и света, который светил на неё из безымянного источника.

Объятая светом девочка подняла руку в последний раз и с жуткой торжественностью соединила большой и средний пальцы.

И во тьме коридора Гермiona увидела, как глаза слизеринки стали точно такого же зелёного цвета, как у Гарри Поттера.

— *Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес!*

Гарри Джеймс Поттер-Эванс-Веррес!

ГАРРИ ДЖЕЙМС ПОТТЕР-ЭВАНС-ВЕРРЕС!

Щелчок прозвучал как гром, а затем...

* * *

Сидя в низком кресле перед большим столом директора Хогвартса, Гарри выбрал довольно расслабленную позу: одна нога закинута на другую, руки на подлокотниках.

Он изо всех сил старался не замечать шум от окружающих устройств, хотя одно из них, прямо за спиной, издавало звуки, похожие на отчаянное уханье совы, засунутой в щеподробилку, и его было довольно сложно игнорировать.

— Гарри, — обратился к нему старый волшебник из-за стола. Голос был ровен, синие глаза смотрели из-за сияющих очков-полумесяцев. Директор надел мантию в цвет полуночного пурпура — не строгую чёрную, но достаточно тёмную, чтобы выразить смертельную серьёзность, насколько это позволяла сделать мода волшебного мира. — Ты... за это ответственный?

— Не могу отрицать, что моё влияние сыграло свою роль, — ответил Гарри.

Старый волшебник снял очки, наклонился вперёд. Синие глаза пристально смотрели в зелёные.

— Я задам тебе один вопрос, — тихо сказал директор. — Считаешь ли ты то, что ты сделал сегодня... приемлемым?

— Там были хулиганы, и они пришли в этот коридор с прямым умыслом причинить боль Гермионе Грейнджер и семерым девочкам-первокурсницам, — спокойно ответил Гарри, — И, если я не слишком молод, чтобы понимать, что хорошо, а что плохо, то хулиганы — тем более. Нет, директор, они, конечно, не заслужили смерти. Но они точно заслужили быть раздетыми догола и приклеенными к потолку.

Старый волшебник снова надел очки. В первый раз Гарри видел, как директору не хватает слов.

— Мерлин свидетель, — сказал Дамблдор, — я не имею ни малейшего понятия, как на это реагировать.

— Такого эффекта я в принципе и добивался, — сказал Гарри. Он чувствовал, что сейчас самое время начать насвистывать весёлую мелодию, но, к сожалению, так и не научился толком свистеть.

— Нет смысла спрашивать, кто несёт прямую ответственность, — сказал директор. — Только три волшебника в Хогвартсе достаточно могущественны для этого. Я сам этого не делал. Северус заверил меня, что он тут ни при чём. А третий... — директор с тревогой покачал головой, — ты одолжил профессору Защиты свою Мантию, Гарри. Не думаю, что это было мудро. Теперь, когда его не смогли заметить с помощью простых заклинаний, он наверняка понял, что это Дар Смерти... если, конечно, он не осознал этого, едва коснувшись её.

— Профессор Квиррелл уже вычислил, что у меня есть мантия-невидимка, — ответил Гарри, — и, зная его, полагаю, он наверняка понял, что это один из Даров Смерти. Но так уж вышло, что в этот раз, директор, профессор Квиррелл был под одной из тех белых мантий, скрывающих лица.

Снова повисла пауза.

— Очень хитроумно, — сказал директор. Он откинулся на спинку своего кресла-трона и вздохнул. — Я говорил с профессором Защиты. Прямо перед твоим приходом. Не знаю, что и сказать. Я сообщил ему, что в Хогвартсе придерживаются иной политики в отношении нарушений дисциплины вне классов, и что его действия не кажутся мне подходящими профессору Хогвартса.

— И что ответил профессор Квиррелл? — поинтересовался Гарри, который был совсем не впечатлѐн текущей политикой Хогвартса в отношении дисциплины вне классов.

Директор выглядел смирившимся.

— Он сказал: «Увольте меня».

Каким-то образом Гарри умудрился не зааплодировать.

Директор нахмурился.

— Почему он это сделал, Гарри?

— Потому, что профессор Квиррелл не любит школьных хулиганов, а я попросил очень вежливо, — ответил Гарри. *А ещё ему было скучно, и я подумал, что это поднимет ему настроение.* — Или причина в этом, или произошедшее — часть какой-то невероятно сложной интриги.

Директор поднялся с кресла и начал ходить взад-вперѐд перед вешалкой для шляп, на которой висела Распределяющая шляпа и красные тапочки.

— Гарри, разве ты не чувствуешь, что всё это вышло...

— Круто? — предложил Гарри.

— Из-под контроля, причѐм целиком и полностью. Думаю, эти слова лучше подойдут, — сказал Дамблдор. — Я не уверен, что хоть раз за всю историю школы всё заходило настолько, настолько... У меня нет подходящих слов, Гарри. Потому что раньше никогда не случалось ничего подобного и никому не нужно было такие слова изобретать.

Гарри бы попробовал подобрать слова, чтобы описать, насколько он сейчас польщён, но в данный момент он слишком ухмылялся, чтобы говорить.

Директор же, наоборот, становился серьёзнее:

— Гарри, ты хоть понимаешь, почему я нахожу эти события тревожными?

— Честно? — спросил Гарри. — Нет, правда, нет. Профессор МакГонагалл, конечно, протестовала бы против всего, что нарушает скучную монотонность быта Хогвартса. Но профессор МакГонагалл не стала бы поджигать курицу.

На хмуром лице Дамблдора проступили морщины.

— Не это меня беспокоит, Гарри, — тихо сказал директор. — Полноценное сражение состоялось в этих стенах!

— Директор, — Гарри старался сохранять уважение в голосе. — Битву выбрал не я и не профессор Квиррелл. Её выбрали хулиганы. Мы просто решили обеспечить победу силам Света.

Я знаю, иногда моральные границы бывают размыты. Но в нашем случае граница, отделяющая злодеев от героинь, была двадцать метров в высоту и из белого пламени. Наше вмешательство могло показаться несколько причудливым, но точно не плохим...

Дамблдор вернулся ко столу, сел на свой трон и закрыл лицо руками.

— Я что-то упускаю? — спросил Гарри. — Я считал, что втайне вы нас поддержите, директор. Это было по-гриффиндорски. Близнецы Уизли бы одобрили, Фоукс бы одобрил... — Гарри бросил взгляд на золотую подставку, но она была пуста. Или у феникса были более важные дела, или директор не хотел, чтобы он присутствовал на сегодняшней встрече.

— В этом-то, — голос директора стал старым, усталым и каким-то приглушённым, — и заключается проблема. Не случайно юных смелых героев не ставят руководить школами.

— Хорошо, — Гарри не смог удержаться от ноток скептицизма. — Что я упустил в этот раз?

Старый волшебник поднял голову, теперь его лицо было серьёзным и более спокойным.

— Слушай, Гарри, — сказал он, — выслушай меня внимательно, ибо каждый обладающий властью должен выучить этот урок в своё время. Кое-что в этом мире, действительно, поистине просто. Если подобрать камень и уронить его обратно, Земля не станет тяжелее и звёзды в небе не сойдут со своих орбит. Мне хочется, чтобы ты понял — я не притворяюсь мудрым, когда говорю, что, хотя некоторые вещи и устроены просто, есть другие, которые устроены гораздо сложнее. Есть великие чары, которые оставляют следы в мире, и следы на тех, кто владеет ими, следы, которых не оставляют простые чары. И всё же самая сложная магия, известная мне, остаётся проще самой простой души. Люди, Гарри, люди всегда несут следы того, что они делают сами и что сделали с ними. Понимаешь ли ты теперь, что сказать «Здесь проходит граница между героем и злодеем!» недостаточно, чтобы оправдать свои действия?

— Директор, — ровно ответил Гарри, — я принял это решение не случайно. Да, я не знаю точно, какой именно эффект оно окажет на каждого из присутствовавших там хулиганов. Но если бы я всегда ждал абсолютно полной информации перед тем, как начать действовать, я бы никогда ничего не сделал. Что касается будущего психологического развития, скажем, Перегрина Деррика,

то вряд ли на нём хорошо сказалось бы избивание восьми первокурсниц. А просто остановить их, тихо и быстро, было бы недостаточно, поскольку они повторили бы свою попытку позже. Они должны были увидеть, что на страже стоит сила, которую следует бояться. — Гарри говорил по-прежнему ровно. — Но, безусловно, поскольку я — хороший парень, я не хотел нанести им необратимый вред или даже причинить им боль. И всё же наказание должно было быть достаточно весомым, чтобы достучаться до разума каждого, кто задумается о повторной попытке. Поэтому, оценив все возможные исходы лучшим возможным для моего ограниченно рационального интеллекта способом, я подумал, что мудрее всего приклеить хулиганов к потолку голыми.

Юный герой не дрогнув встретил взгляд старого волшебника, зелёные глаза спокойно смотрели в голубые сквозь стёкла очков.

И поскольку я там не был и ничего не делал лично, не существует законного способа наказать меня по школьным правилам Хогвартса. Действовал только профессор Квиррелл, а он увольнеупорный. Да и нарушать школьные правила, чтобы наказать меня, вряд ли будет мудро, если вы хотите вырастить героя для сражения с Лордом Волдемортом. В этот раз Гарри всерьёз попытался продумать заранее все последствия, прежде чем предложил свою идею профессору Квирреллу. И в кои-то веки профессор Защиты не назвал его дураком, лишь медленно улыбнулся, а затем начал хохотать.

— Я понимаю твои намерения, Гарри, — сказал старый волшебник. — Ты думаешь, что преподавал хулиганам Хогвартса урок. Но если бы Перегрин Деррик мог его выучить, он бы не был Перегрином Дерриком. Твои действия только спровоцируют его ещё сильнее — это несправедливо, это неправильно, но так обстоят дела, — старый волшебник на мгновение прикрыл глаза, будто от краткой боли. — Гарри, самая болезненная истина, которую должен усвоить герой, в том, что правая сторона не может, не должна побеждать в каждой битве. Всё это началось, когда мисс Грейнджер сразилась с тремя старшими противниками и победила. Если бы она этим удовлетворилась, то эхо от её действий со временем бы затихло. Но вместо этого она объединилась со своими однокурсницами и подняла палочку в открытом противостоянии Перегрину Деррику и всем похожим на него. И хулиганы не могли не ответить на вызов. Джейми Асторга начал свою охоту, и при нормальном ходе событий он бы одолел её. То был бы печальный

день, но тогда бы всё и закончилось. Во всех восьми ведьмах-первокурсницах вместе взятых не хватило бы магии, чтобы победить такого врага. Но ты не смог принять это, Гарри. Ты не дал мисс Грейнджер выучить её урок и направил профессора Защиты невидимкой приглядывать за ними и пробить щиты Асторги, когда Дафна Гринграсс сделала свой выпад...

Что? — мысленно удивился Гарри.

Старый волшебник продолжал:

— Каждый раз твоё вмешательство, Гарри, накручивало конфликт всё больше и больше. И в скором времени мисс Грейнджер уже противостояла сыну Пожирателя Смерти Роберту Джэгсону и двум его сильным союзникам. Для мисс Грейнджер поражение в этом сражении было бы действительно болезненным. Но опять, благодаря твоей воле и Квириусу, который действовал уже более открыто, она победила.

Гарри молчал — он всё ещё пытался представить профессора Защиты, который невидимкой следил за ЖОПРПГ, защищая героинь от серьёзного вреда.

— И вот что получилось в итоге, — продолжил старый волшебник. — Сорок четыре ученика напали на восемь ведьм-первогодок. Полноценное сражение в этих стенах! Я знаю, не таким был твой замысел, но ты должен принять часть ответственности. Такого не случалось в школе до того, как ты пришёл в неё — ни в десятилетия моего директорства, ни когда я сам был учеником, ни когда я был учителем.

— Большое спасибо, — спокойно ответил Гарри, — но, думаю, профессор Квиррелл заслуживает больших почестей, чем я.

Синие глаза распахнулись.

— Гарри...

— Эти хулиганы не первый год нападают на незащищённых учеников, — продолжил Гарри, повышая голос помимо воли. — Но, похоже, никто не объяснил ученикам, что они вправе давать сдачи. Я знаю, игнорировать полноценный бой гораздо сложнее, чем незащищённых жертв, которых ударили заклятием или чуть не вытолкнули из окна, но разве он хуже? Надо было мне прочесть побольше трудов Годрика Гриффиндора, чтобы я мог его цитировать, там наверняка есть что-то подходящее случаю. Открытое сражение может быть громче, чем тихие страдания жертв, и, возможно, с ним труднее притворяться, что ничего не происходит, но результат в итоге лучше...

— Нет, не лучше, — возразил Дамблдор. — Нет, Гарри. Всегда бороться с тьмой, никогда не давать злу уйти безнаказанным — это не героизм, а обычная гордыня. Даже Годрик Гриффиндор не думал, что в каждой войне стоит сражаться, пусть вся его жизнь и была чередой битв, — голос старого волшебника стал тише. — По правде, Гарри, в твоих словах нет зла, и всё же они пугают меня. Однажды ты можешь обрести великую власть над магией, над своими собратьями-волшебниками. И если в тот день ты всё ещё будешь думать, что ни одно зло не должно уйти безнаказанным... — в голосе директора зазвучало искреннее беспокойство. — Мир стал более хрупким со времён, когда был воздвигнут Хогвартс. Боюсь, он не выдержит ярости нового Годрика Гриффиндора. А ведь он был менее скор на гнев, чем ты.

Старый волшебник покачал головой.

— Гарри, ты слишком готов к бою. Слишком готов к бою. И Хогвартс вокруг тебя становится более жестоким местом.

— Ну, — начал Гарри, осторожно взвесив свои слова, — не знаю, поможет ли то, что я скажу, но мне кажется, у вас сложилось обо мне неверное представление. Я тоже не люблю открытые сражения. Они страшные и жестокие, и кто-то может пострадать. Однако, директор, сегодня я не сражался.

Директор нахмурился.

— Ты послал профессора Защиты вместо себя...

— Профессор Квиррелл тоже не сражался, — спокойно сказал Гарри. — Среди хулиганов нет настолько сильных волшебников, чтобы сразиться с ним. Сегодня мы не сражались, мы побеждали.

Какое-то время старый волшебник молчал.

— Может быть и так, — наконец сказал он, — но все эти конфликты должны быть закончены. Я чувствую напряжение в воздухе, и с каждым столкновением оно нарастает. Всему этому нужно положить конец, решительно и скоро, и ты не должен этому мешать.

Старый волшебник указал на широкую дубовую дверь кабинета, через которую Гарри и вышел.

* * *

Гарри прошёл мимо расступившихся перед ним огромных серых горгулий и, к своему удивлению, обнаружил Квиринуса Квиррелла, по-прежнему сгорбившегося у каменной стены коридора. Большая

нить слюны стекала из приоткрытого рта на профессорскую мантию. Когда Гарри поднимался по лестнице в кабинет директора, Квиррелл находился в той же самой позе.

Гарри подождал, но профессор так и не поднялся. Спустя несколько секунд неловкой тишины Гарри снова двинулся по коридору.

— Мистер Поттер? — раздался слабый зов уже после того, как Гарри минул пару поворотов. Тихий голос неестественным образом доносился через коридоры.

Когда Гарри вернулся, то застал профессора Квиррелла по-прежнему сидящим у стены, но теперь его бледные глаза светились острым умом.

Простите, что так изматал вас...

Гарри не мог произнести это. Он и раньше замечал связь между усилиями, прикладываемыми профессором, и временем, которое тот был вынужден проводить «отдыхая». Но Гарри предполагал, что если бы усилия были слишком болезненными или пагубными, профессор Квиррелл, конечно бы отказался. Теперь Гарри задумался, был ли его вывод правильным, и если нет — как извиниться...

— Как прошла ваша встреча с директором, мистер Поттер? — тихо спросил Профессор Защиты, оставаясь совершенно неподвижным.

— Сложно сказать, — ответил Гарри. — Не так, как я предполагал. Кажется, он считает, что Свет должен терпеть поражения куда чаще, чем я считаю мудрым. Вдобавок, я не уверен, что он понимает разницу между попыткой сражаться и попыткой победить. На самом деле, это многое объясняет...

Гарри не так уж много читал про Волшебную Войну, но он прочёл достаточно, чтобы узнать: хорошие парни наверняка достаточно точно вычислили, кем были самые сильные Пожиратели Смерти, и тем не менее, отправлять им сов с бомбами первым же делом не стали.

Бледные губы очень тихо усмехнулись.

— Дамблдор не понимает радости победы, точно так же, как он не понимает радости игры. Скажите, мистер Поттер, вы предложили свой небольшой план с осознанной целью развеять мою скуку?

— Это был один из моих мотивов, — ответил Гарри. Какой-то инстинкт предупредил его, что на этот вопрос нельзя просто ответить «Да».

— Знаете, — слегка задумчиво сказал профессор Защиты, — были люди, которые пытались смягчить моё тёмное настроение, и были люди, с чьим участием мои дни и в самом деле становились

ярче, но вы, мистер Поттер, стали первым человеком, у кого это получилось умышленно.

Профессор Защиты отстранился от стены необычным движением, в котором, похоже, участвовали не только мышцы, но и магия, и двинулся прочь, не оглядываясь на Гарри. Лишь едва заметный жест одним пальцем показал, что мальчику нужно идти следом.

— Особенно меня позабавило то песнопение, которое вы сочинили для мисс Дэвис, — спустя некоторое время сказал профессор. — Хотя мудрее, конечно, было бы проконсультироваться со мной, прежде чем отдавать его ей.

Рука профессора нырнула в мантию и вытащила палочку. Краткий взмах — и весь отдалённый шум Хогwartса стих.

— Скажите честно, мистер Поттер, вам довелось ознакомиться с теорией Тёмных ритуалов? Это не то же самое, что признаваться в намерении их использовать — принципы известны многим волшебникам.

— Нет... — медленно произнёс Гарри. Какое-то время назад он решил не пытаться пролезть в Запретную секцию библиотеки Хогwartса — примерно по тем же причинам, по которым он годом ранее решил не искать информацию, как делать взрывчатку в домашних условиях. Гарри гордился тем, что, по крайней мере, у него больше здравого смысла, чем кажется окружающим.

— Неужели? — профессор Квиррелл двигался уже более естественно, его губы изогнулись в подобии улыбки. — Тогда, похоже, у вас природный талант в этой области.

— Ага, — устало отозвался Гарри, — полагаю, у доктора Сьюза тоже талант в Тёмных ритуалах, ибо часть про «шафл, дафл, мазл, мафф» я взял из детской книжки «Бартоломью и Ублек»...

— Нет, я про другую часть, — голос профессора стал сильнее, в нём появились привычные учительские нотки. — Обычное заклинание, мистер Поттер, требует произнесения определённых слов и выверенных движений палочки и расходует часть вашей силы. Даже для сильных заклятий не нужно чего-то большего, если магия действенна и эффективна. Но если нужно сотворить величайшую магию, то одних слов недостаточно. Нужно совершить определённые действия, сделать значимый выбор. И восполнимой траты сил не хватит, чтобы привести магию в действие — ритуал требует необратимой жертвы. Сила такого великого заклинания в сравнении с обычными чарами подобна дню по сравнению с ночью. Но так уж случилось, что многие ритуалы — на самом деле,

большая их часть — требуют по меньшей мере одну жертву, которая может вызвать отвращение. И потому вся область ритуальной магии, содержащая все самые выдающиеся и интереснейшие достижения волшебства, общепринято считается Тёмной. За некоторыми исключениями, освящёнными традицией. — Голос профессора Квиррелла приобрёл сардонический тон. — Нерушимый обет слишком полезен определённым богатым Домам, чтобы быть объявленным вне закона, хотя связать волю человека на всю его жизнь — это воистину ужасный и отвратительный акт, более зловеющий, чем многие мелкие ритуалы, избегаемые волшебниками. Циник может заключить, что ритуалы запрещены не столько из моральных принципов, сколько по привычке. Но я отвлёкся... — профессор Квиррелл слегка откашлялся, — Нерушимый обет требует трёх участников и три жертвы. Тот, кто получает Нерушимый обет, мог бы поверить клянущемуся, но вместо этого решает потребовать у него обет, и потому он жертвует саму возможность поверить. Тот, кто даёт обет, решает делать то, что от него требуется, и потому он жертвует самой возможностью выбора. И третий волшебник, связывающий, безвозвратно жертвует небольшой частью собственной магии, чтобы поддерживать обет вечно.

— А, — протянул Гарри, — я-то удивлялся, почему это заклинание не используется повсеместно, в любой ситуации, когда двое людей не доверяют друг другу... хотя... почему бы волшебникам перед смертью не брать деньги за совершение Нерушимых обетов, чтобы оставить своим детям в наследство...

— Потому что они глупцы, — ответил профессор Квиррелл. — Существуют тысячи полезных ритуалов, которые можно было бы использовать, будь у людей чуть больше здравого смысла. Я могу легко назвать пару десятков, даже не переводя дыхание. Но, в любом случае, мистер Поттер, есть одна общая особенность, касающаяся всех ритуалов — не важно, назовёте вы их Тёмными или нет — и она состоит в том, что они созданы магически действенными, а не производящими впечатление. Полагаю, есть некоторая тенденция к тому, что более мощный ритуал требует более страшных жертв. Тем не менее, самый жуткий ритуал из известных мне требует лишь верёвку, на которой повесили мужчину и меч, которым убили женщину*. И это ритуал, который, как обещается, должен призвать саму Смерть — правда, что именно под этим подразумевается, я не знаю и не тороплюсь узнать, ибо упомянуто, что заклинание для избавления от призванной Смерти

оказалось утеряно. Самое страшное заклинание, что мне встречалось, не звучит и на сотую долю столь же страшно, как то, что вы сочинили для мисс Дэвис. Хулиганы, слегка знакомые с Тёмными ритуалами — а я уверен, что такие там были — должно быть, испугались сильнее, чем можно выразить любыми словами. Если бы реально существовал такой впечатляющий ритуал, мистер Поттер, он бы расплавил Землю.

— Эм-м, — сказал Гарри.

Губы профессора Квиррелла изогнулись сильнее.

— Да, но самое интересное в этой истории вот что: видите ли, мистер Поттер, заклинание для любого ритуала называет то, что должно быть принесено в жертву, и то, что должно быть получено. Заклинание, которое вы дали мисс Дэвис, сперва говорит о тьме за тьмой, чернее чёрного, похороненной под рекой времени, той, что знает врата и которая и есть врата. И во вторую очередь, мистер Поттер, в заклинании говорится о явлении вашей силы. При этом, всегда, в каждом элементе ритуала, сперва называется то, что жертвуется, а затем — то, что должно произойти.

— Я... понял, — Гарри шагнул по залам Хогвартса за профессором Квирреллом, следуя за ним к его кабинету. — То есть моё заклинание, в том виде, как я его написал, подразумевает, что Йог-Сотот, Внешний бог...

— Был необратимо принесён в жертву во время ритуала, который лишь на краткое время явил вашу силу, — закончил за него профессор Квиррелл. — Я думаю, завтра мы выясним, восприняли это кто-нибудь всерьёз, когда прочтём газеты и узнаем, объединились ли все магические нации мира в отчаянной попытке пресечь ваше вторжение в нашу реальность.

Профессор Защиты начал тихо смеяться, странными горловыми звуками.

До порога кабинета они не произнесли ни слова. У самой двери, уже взявшись за дверную ручку, профессор остановился.

— Как странно, — он опять говорил очень тихо, почти неслышно. Профессор не смотрел на Гарри, и Гарри видел лишь его спину. — Как странно... Было время, когда я бы пожертвовал палец руки, в которой держу палочку, ради того, чтобы проделывать с хулиганами Хогвартса что-то вроде того, что мы сделали сегодня. Чтобы заставить их бояться меня так, как сейчас они боятся вас, чтобы завоевать уважение всех учеников и преклонение многих... Я бы отдал за это палец. Сейчас у вас есть всё, что я хотел тогда.

Всё, что я знаю о человеческой природе, говорит, что я должен ненавидеть вас. И тем не менее это не так. Очень странно.

Это должно было прозвучать довольно трогательно, но Гарри почувствовал, как у него по спине побежали мурашки. Словно он был маленькой рыбкой в море, а какая-то огромная белая акула только что внимательно посмотрела на него и после видимых колебаний решила его не есть.

Профессор открыл дверь своего кабинета, вошёл внутрь и исчез.

Послесловие

Такие же, как и она сама, слизеринцы смотрели на Дафну словно... словно они совершенно не понимали, как на неё смотреть.

Гриффиндорцы смотрели на неё, словно они совершенно не понимали, как на неё смотреть.

Не показывая страха, Дафна Гринграсс, укутанная в непроницаемое достоинство дочери Благородного и Древнейшего Дома, шагнула в класс зельеварения. Прошло два часа с момента «Что это было?», когда случилось «Что это было?», а в голове у Дафны всё крутилось: «Что это было? Что это было? Что это было?»

В классе царила тишина. Все ждали профессора Снейпа. Лаванда и Парвати сидели недалеко от группы остальных гриффиндорцев в окружении безмолвных взглядов. Девочки проверяли друг у друга домашнюю работу. Больше никто не помогал и не заговаривал с ними. Раньше Дафна была готова поклясться, что Лаванду расстроить невозможно, но сейчас даже она казалась несколько подавленной.

Дафна села за свой стол, вытащила из сумки «Магические отвары и зелья» и начала просматривать свою домашнюю работу, изо всех сил стараясь действовать как обычно. Некоторые усталились на неё, но никто не произнёс ни слова...

Внезапно весь класс ахнул. И девочки, и мальчики вздрогнули и разом отшатнулись от двери, словно колосья пшеницы под дуновением ветра.

В дверях стояла Трейси Дэвис, укутанная в чёрный изодранный плащ поверх хогвартской формы.

Трейси медленно вошла в класс. На каждом шаге она слегка раскачивалась, будто пытаясь плыть по воздуху. Она села на своё привычное место, которое, так уж случилось, было справа от Дафны.

Трейси медленно повернула голову и посмотрела на Дафну.

— Видишь? — низким замогильным тоном произнесла она. — Я же говорила, что заполучу его раньше, чем она.

— Что? — вырвалось у Дафны, которая сразу же пожалела, что не промолчала.

— Я заполучила Гарри Поттера раньше Грейнджер, — Трейси по-прежнему говорила низким голосом, но её глаза сияли триумфом. — Понимаешь, Дафна, генерал Поттер ищет в девушках не милое личико и не красивую одежду. Он ищет девушку, которая захочет служить проводником для его ужасающих сил. Вот что ему нужно. Теперь я — его... а он — мой!

После этого заявления в классе воцарилась ледяная тишина.

— Прошу прощения, мисс Дэвис, — прозвучал крайне вежливый голос Драко Малфоя, который, казалось, не обращая внимания на происходящее, изучал свои записи по зельеварению. Наследник Древнейшего дома даже не потрудился оторвать свой взгляд от пергаментов, несмотря на то, что все остальные повернулись к нему. — Гарри Поттер в самом деле так вам сказал? Именно такими словами?

— Ну, нет... — ответила Трейси, после чего её глаза яростно сверкнули. — Но лучше бы ему принять меня, раз уж я пожертвовала ему свою душу и всё такое!

— Ты пожертвовала душу Гарри Поттеру?! — ахнула Милисента. В противоположной части класса раздался грохот — это Рон Уизли уронил чернильницу.

— Ну, я практически в этом уверена, — показалось, что на миг Трейси засомневалась, но только на миг. — То есть, я посмотрела на себя в зеркало, и сейчас я выгляжу гораздо бледнее, и я теперь всегда чувствую, как меня окружает тьма, и я была проводником для его ужасающих сил, и так далее... Дафна, ты ведь тоже видела, как мои глаза стали зелёными, да? Я не видела этого сама, но мне так сказали потом.

Тишина нарушалась лишь звуками, которые производил Рон Уизли, пытаясь очистить свой стол.

— Дафна? — сказала Трейси.

— Я не верю в это, — раздался сердитый голос. — Следующий Тёмный Лорд никак не мог выбрать невестой тебя!

Все медленно повернули головы и с изрядным недоверием уставились на Панси Паркинсон.

— Тихо, ты, — сказала Трейси, — или я... — она замешкалась. Затем её голос стал даже ещё ниже. — Тихо, или я пожру твою душу.

— Ты не можешь этого сделать, — заявила Панси уверенным тоном курицы, которая добилась наилучшего места в иерархии клевания и не собирается менять свои убеждения на основании каких-то там свидетельств.

Медленно, словно пытаясь парить, Трейси встала из-за стола. Раздались судорожные вздохи. Дафна как будто приросла к стулу.

— Трейси? — тихо окликнула Лаванда. — Пожалуйста, не делай этого снова. Пожалуйста.

Трейси наклонилась над столом Панси, и та определённо занервничала:

— Да что ты о себе возомнила? — впрочем, негодование в голосе у Панси получилось не слишком хорошо.

— Повторяю: я собираюсь пожрать твою душу, — угрожающе пояснила Трейси.

Она склонилась над застывшей Панси, и, когда их губы почти соприкоснулись, с шумом втянула воздух.

— Вот! — заявила Трейси выпрямившись. — Я съела твою душу.

— Нет, не съела! — возразила Панси.

— Ещё как съела, — сказала Трейси.

Повисла короткая пауза...

— Мерлин, она её съела! — воскликнул Теодор Нотт. — Ты теперь вся бледная, и твои глаза кажутся пустыми.

— Что? — взвизгнула Панси, бледнея. Девочка вскочила из-за стола и начала лихорадочно копаться в своей сумке. Достав зеркало, она посмотрела в него и побледнела ещё больше.

Дафна бросила все попытки сохранять аристократические манеры и с глухим звуком ударилась головой о стол, размышляя, действительно ли посещение одной школы с представителями всех важных семей стоит посещения одной школы с Легионом Хаоса.

— О-о-о, у тебя проблемы, Панси, — сказал Симус Финниган. — Не знаю, что там происходит с теми, кого целует дементор, но с теми, кого целует Трейси Дэвис, наверняка происходит кое-что похуже.

— Я слышал о людях без души, — подхватил Дин Томас. — Они носят чёрные одежды, пишут отвратительные стихи, и ничто никогда не приносит им счастья. Они все депрессивные.

— Я не хочу быть депрессивной! — закричала Панси.

— Очень жаль, — продолжил Дин Томас. — но придётся, ибо твоя душа пропала.

Панси развернулась и умоляюще протянула руку в сторону стола Драко Малфоя.

— Драко, — жалобно сказала она. — Мистер Малфой, пожалуйста, заставьте Трейси вернуть мою душу!

— Не получится, — сказала Трейси. — Я её съела.

— Пусть она её вытошнит! — завопила Панси.

Наследник Малфоев подался вперёд, обхватил руками голову так, что никто не мог видеть его лицо, и сказал:

— За что мне всё это?

В классе началось дикое перешёптывание. Трейси, удовлетворённо улыбаясь, вернулась к своему столу. Панси посреди класса заламывала руки, и у неё уже потекли слёзы...

— Тихо.

Профессор Снейп шагнул в класс, и его мягкий смертоносный голос, казалось, заполнил всё вокруг. Дафна никогда не видела его настолько злым. У неё по спине побежали мурашки, и она быстро уставилась в свою домашнюю работу.

— Садитесь, Паркинсон, — прошипел мастер зелий, — а вы, Дэвис, снимите этот idiotский плащ...

— Профессор Сне-е-е-е-ейп! — завывала Панси Паркинсон, заливаясь слезами. — Трейси съела мою ду-у-у-ш-у-у-у!

Самоактуализация. Финал. Ответственность

Извилистый коридор в сердце Хогвартса напоминал выбившуюся прядь волос. Казалось, иногда он пересекался сам с собой, но, поддавшись искушению срезать путь, дойти до его конца было невозможно.

В конце этого запутанного коридора, прислонившись к необработанному камню стен, стояли шестеро учеников в мантиях с зелёной оторочкой. Каждый оглядывал остальных. Факелы в закрытых канделябрах дарили свет, изгоняющий тьму, и тепло, спасающее от холода слизеринских подземелий.

— Я уверена, — отрезала Белка, — совершенно уверена, что это был не настоящий ритуал. Маленькие ведьмы-первогодки не способны на такую магию, а если и способны — кто-нибудь вообще слышал про Тёмный ритуал, в котором неизвестный ужас приносится в жертву ради... вот такого?

— А тебя... — начал Люциан Боул, — ну... когда та девчонка щёлкнула пальцами...

Белка бросила на него испепеляющий взгляд.

— Нет, меня — нет.

— Да, её не раздели, — протянул Маркус Флинт. Он стоял расслабленно, уперев широкую спину в шероховатую поверхность каменной стены. — Обсыпали шоколадной глазурью, но не раздели.

— Сегодня Поттер нанёс жестокое оскорбление нашим Додамам, — мрачно сказал Джейми Асторга.

— Прости меня, конечно, за прямоту... — спокойно вступил Рэндольф Ли. Дуэлянт-семикурсник потёр подбородок, на котором было дозволено вырасти некоторому подобию бородки. — Но, когда кто-то приклеивает тебя к потолку — это сообщение, Асторга. И оно говорит: «Я невероятно могущественный Тёмный волшебник,

который может сделать с тобой всё, что угодно, и которому плевать, оскорблён твой Дом или нет».

Роберт Джагсон Третий издал приглушённый низкий смешок, от чего у некоторых из присутствующих по позвоночнику побежали мурашки.

— Заставляет задуматься, не ошибся ли ты стороной, да? Я слышал рассказы о похожих... сообщениях, отправленных по приказу прошлого Тёмного Лорда...

— Я ещё не готов встать перед Поттером на колени, — сказал Асторга, с напряжением глядя на Джагсона.

— Я тоже, — кивнула Белка.

Джагсон машинально крутил в пальцах палочку, её кончик указывал то вверх, то вниз.

— Вы гриффиндорцы или слизеринцы? — сказал он. — Каждый имеет цену. Каждый, кто умён.

После этой фразы наступила тишина.

— А разве Малфой не должен быть здесь? — осторожно спросил Боул.

Флинт пренебрежительно махнул рукой.

— Что бы Малфой ни замышлял, он хочет выглядеть невинной овечкой. Ему нельзя исчезать одновременно с нами.

— Но все уже и так знают об этом, — сказал Боул. — Даже на других факультетах.

— Да, весьма неуклюже, — усмехнулась Белка. — Будь он даже трижды Малфой, но он лишь маленький первогодка и здесь будет только мешать.

— Я отправлю отцу сову, — тихо сказал Джагсон. — И он поговорит с самим лордом Малфоем...

Джагсон вдруг оборвался на полуслове.

— Не знаю, как вы, дорогуши, — сказала Белка приторно-сладким голосом, — но лично я не планирую бежать, поджав хвост, из-за фальшивого ритуала, и я ещё не закончила с Поттером и его ручной грязнокровкой.

Никто не ответил, все смотрели куда-то ей за спину.

Белка медленно повернулась, чтобы узнать причину замешательства.

— Вы не будете делать ничего, — прошипел декан их факультета. Северус Снейп был в ярости, вместе со словами из его рта летела слюна, пятная его и без того испачканную мантию. — Вы, глупцы, уже сделали достаточно! Опозорили мой факультет — проиграли

первогодкам — а теперь ещё хотите впутать благородных лордов Визенгамота в свои жалкие детские разборки? Я сам займусь этим делом. И вы не опозорите этот факультет ещё раз, даже не рискнете его опозорить! Ваши битвы с ведьмами закончены, и если я узнаю, что кто-то из вас попытался...

* * *

Если вы подумали, что после всего произошедшего они сели рядом за обеденным столом, вы весьма ошиблись.

— Да что она от меня хочет? — раздался жалобный голос мальчика, который по-прежнему был слегка наивен в некоторых областях, несмотря на большое количество прочитанной научной литературы. — Она что, хотела, чтобы её избили?

Двое старшекурсников Когтеврана, сидевших рядом с ним за обеденным столом, обменялись быстрыми взглядами, а затем, по молчаливому соглашению, более опытный из них заговорил.

— Послушай, — начал Арти Грей, семикурсник, который был опытнее своего товарища на три ведьмы и одного профессора Защиты, — ты должен понять, что её гнев вовсе не значит, что ты теряешь баллы. Мисс Грейнджер сердится потому, что она сильно испугалась, а ты — тот, кого можно обвинить, понимаешь? Но в то же время, пусть она и не признаёт это, она тронута тем, что её парень пошёл на такой идиотский и откровенно безумный поступок, чтобы её защитить.

— Да причём тут баллы, — процедил Гарри сквозь сжатые зубы. Его обед стоял нетронутым на столе. — Речь о справедливости. И я. Не. Её. Парень!

Это заявление вызвало смешки у всех окружающих.

— Ну да, конечно, — сказал другой семикурсник с Когтеврана. — Полагаю, после того, как её поцелуй спас тебя после встречи с дементором, а ты ради неё приклеил к потолку сорок четыре хулигана, мы можем оставить позади «она правда не моя девушка» и задуматься о том, какие у вас будут дети. Чёрт, а это страшная мысль... — Когтевранец запнулся и сказал уже тише: — Пожалуйста, не смотри на меня так.

— Слушай, — сказал Арти Грей. — Прости, что говорю вот так прямо, но добиваться можно и справедливости, и девушек, но не того и другого сразу, — он дружески похлопал Гарри Поттера по плечу. — У тебя есть потенциал, малыш, больше, чем у любого волшебника, которого я встречал, но тебе надо научиться его использовать,

понимаешь? Будь чуть обходительнее с ними, изучи пару заклинаний, чтобы привести в порядок то, что у тебя вместо причёски. Но прежде всего тебе надо научиться лучше скрывать свою злую сторону — не идеально, а просто чуть лучше. Девочки достаются симпатичным ухоженным парням, и Тёмным волшебникам девочки тоже достаются, но симпатичным ухоженным парням, которых подозревают в тайных Тёмных делах, достаётся больше девочек, чем ты можешь вообразить...

— Не интересуется, — категорически заявил Гарри, бесцеремонно скинув руку старшекурсника со своего плеча.

— Скоро всё изменится, — провозгласил Арти Грей низким голосом пророка. — О да, скоро!

Где-то за тем же самым столом...

— Романтично?! — голос Гермионы Грейнджер сорвался на крик, и некоторые из сидящих рядом девочек вздрогнули. — Что из произошедшего было романтично?! Он меня не спрашивал! Он никогда не спрашивает! Он просто натравливает призраков на людей и приклеивает их к потолку, и делает с моей жизнью всё, что ему вздумается! С моей жизнью!

— Разве ты не понимаешь? — удивилась ведьма с четвёртого курса. — Это означает, что, несмотря на то, что он злой, он тебя любит!

— Не в этом дело, — сказала Пенелопа Клируотер, сидевшая немного поодаль, но на неё не обратили внимания. Когда Гермиона уселась на противоположном от Гарри конце стола, несколько ведьм постарше двинулись к Гермионе, но быстрая стая юных ведьмочек опередила их, окружив Гермиону непроницаемым барьером.

— Мальчикам не должно быть позволено любить девочек без разрешения! — заявила Гермиона Грейнджер. — Это правило замечательно во многих отношениях, но особенно, когда дело доходит до приклеивания к потолку людей!

На это излияние тоже не обратили внимания.

— Совсем как в пьесе! — вздохнула девушка с третьего курса.

— В пьесе? — переспросила Гермиона. — Хотела бы я посмотреть пьесу с таким сюжетом.

— О! — воскликнула третьекурсница. — Я просто вспомнила одну по-настоящему романтическую пьесу, в которой очень красивый, очаровательный парень неправильно произносит место назначения в каминной сети и попадает в комнату, набитую Тёмными волшебниками, которые совершают жуткий запретный ритуал, и они приносят в жертву семь человек, чтобы распечатать врата для древнего ужаса, который должен выполнить желание того, кто

его освободит, и, конечно же, появление парня прерывает ритуал, и древний ужас поедает всех Тёмных волшебников, и все умирают, и парень в последний миг думает о том, что у него так никогда и не было девушки, и в следующий момент он оказывается лежащим на коленях прекрасной девушки, глаза которой пылают жутким светом, и она совершенно не представляет, как ведут себя люди, и парню приходится постоянно останавливать её, когда она собирается сожрать кого-нибудь живьём*. Всё совсем как в этой пьесе, только у нас вместо парня — ты, а вместо девушки — Гарри Поттер!

— Это... — начала Гермиона в полном удивлении. — Это действительно чем-то похоже...

— Правда?! — вырвалось у девочки со второго курса, сидящей напротив. Она наклонилась вперёд, выглядя испуганной и в то же время ещё более очарованной.

— Нет! — отрезала Гермиона. — Я хочу сказать... он мне не парень!

Через две секунды до Гермионы дошло, что она только что сказала.

Ведьма с четвёртого курса положила руку на плечо Гермионы и ободряюще сжала.

— Мисс Грейнджер, — сказала она утешающе, — думаю, если бы вы были честны с собой, вы бы признали, что настоящая причина вашего гнева в том, что ваш Тёмный повелитель явил свою невыразимую мощь через Трейси Дэвис, а не через вас.

Гермиона открыла рот, но слова застряли где-то в горле, что, возможно, было и к лучшему, потому что она могла что-нибудь разбить своим криком.

— Кстати, а как это вообще возможно? — спросила третьекурсница. — В смысле, как Гарри Поттер мог проявить свою мощь через другую девочку, несмотря на то, что он так привязан к тебе? У вас троих есть что-то типа... ну, знаешь... договорённости?

— Кх-х-х-х, — послышалось от Гермионы Грейнджер. Её горло по-прежнему не пропускало никаких слов, мозг вошёл в ступор, а голосовые связки издавали странные звуки, как будто она что-то выкашливала.

* * *

(Позже.)

— Не понимаю, чем ты недовольна, — сказала ведьма со второго курса, занявшая место ведьмы-третьекурсницы, после того как Гер-

миона пригрозила той, что попросит Трейси съесть её душу. — Нет, правда. Если бы кто-то вроде Гарри Поттера спас меня, я бы... посылала ему открытки с благодарностями и обнимала его, и... — девочка слегка покраснела, — надеюсь, целовала.

— Да! — вторила другая ведьма-второгодка. — Я вообще не понимаю, почему в пьесах девушки сердятся, когда главный герой из кожи вон лезет, чтобы сделать им приятное. Если бы я нравилась герою, я бы так не поступала.

Гермиона Грейнджер уронила голову на обеденный стол и начала медленно дёргать себя за волосы.

— Ты просто не разбираешься в мужской психологии, — авторитетно возразила ведьма с четвёртого курса. — Грейнджер должна делать вид, будто она загадочным образом способна противиться его обаянию.

* * *

(Ещё позже.)

И вскоре Гермиона Грейнджер вернулась к единственному оставшемуся человеку, с которым она могла поговорить, человеку, который гарантированно мог понять её точку зрения...

— Они все с ума посходили, — заявила Гермиона Грейнджер, энергично шагая в направлении башни Когтеврана. С обеда она ушла пораньше. — Все, кроме нас с тобой, Гарри. В смысле, исключая нас, абсолютно каждый в замке Хогвартс полностью безумен. И когтевранки в особенности. Я не знаю, что именно эти когтевранки начинают читать, становясь старше, но я уверена, что им такое читать нельзя. Одна ведьма спросила меня, не связаны ли наши с тобой души, и вечером в библиотеке я собираюсь выяснить, что это вообще значит, но я уверена, что такого точно не бывает...

— Для этого вида ошибочного мышления я не знаю даже названия, — заметил Гарри Поттер. Мальчик шёл с обычной скоростью, из-за чего ему приходилось довольно часто пробегать несколько шагов, чтобы угнаться за её взвинченным от негодования шагом. — Я всерьёз опасаясь, что если бы это зависело от них, нас бы сию минуту потащили менять фамилии на Поттер-Эванс-Веррес-Грейнджер... Бр-р, я произнёс это вслух и понял, как ужасно это звучит.

— Ты хочешь сказать, твоё имя будет Поттер-Эванс-Веррес-Грейнджер, а моё будет Грейнджер-Поттер-Эванс-Веррес, — сказала Гермиона. — Да, страшно даже вообразить.

— Нет, — возразил мальчик, — Поттеры — благородный дом, так что эта фамилия должна стоять в начале...

— Что?! — негодуяше воскликнула она. — Кто сказал, что мы...

Внезапно наступившее жуткое молчание нарушалось только звуком шагов.

— Не важно, — поспешно сказала Гермиона, — некоторые из безумных вещей, что мне наговорили за обедом, заставили меня задуматься. Так что я хочу сказать, Гарри, я действительно благодарна за то, что ты спас меня и остальных от избиения. И даже если кое-что сегодня меня расстроило, я уверена, что мы сможем спокойно всё обсудить.

— Э-м-м... — выдавил Гарри со слабой нерешительной улыбкой. В его глазах читалась смесь смущения и опасения. — Это... хорошо, так ведь?

Если точнее, на размышления Гермиону навели слова четверокурсницы: что, раз уж Гарри Поттер — злой волшебник, влюбившийся в Гермиону, а Гермиона — чистая невинная девушка, которая может или спасти его или пасть на Тёмную сторону сама, то она должна вечно возмущаться всем, что бы Гарри ни сделал, даже если он героически спасает её от неминуемой гибели, чтобы их роман не распался до конца четвёртого акта. А затем Пенелопа Клируотер, о которой Гермиона была лучшего мнения, громко заявила, что по той же причине для Гермионы невозможно просто подойти к Гарри и разумно обсудить с ним причины её страданий. И в любом случае, Тёмных магов в девушках привлекает вызывающее неповиновение, а не логика. Услышав эти слова, Гермиона вскочила со скамьи, стремительно подошла к месту, на котором сидел Гарри Поттер, и спокойным тоном попросила его пройти с ней и во всём разобраться.

— Другими словами, — сказала Гермиона как можно спокойней, — я на тебя не слишком обижена, я всё ещё с тобой разговариваю, мы по-прежнему друзья и вместе учимся. Мы не ссоримся. Так?

— Так, — почему-то ещё нерешительнее отозвался Гарри Поттер.

— Отлично! — воскликнула Гермиона. — Итак, мистер Поттер, вы уже вычислили, что вывело меня из себя?

Пауза.

— Ты хочешь, чтобы я не совал нос в твои дела? — осторожно спросил Гарри. — В смысле, я знаю, что ты предпочитаешь всё делать сама. И я действительно стоял в стороне до тех пор, пока не узнал, что на тебя устроили засаду трое малолетних Пожирателей Смерти, чего я, если честно, не ожидал. Сам профессор Квиррелл

этого не ожидал. Я начал беспокоиться, не прыгнула ли ты выше головы, и потом, Гермиона, без обид, но засада из сорока четырёх хулиганов — это такая ситуация, с которой вообще никто не справится без помощи. Вот почему я и подумал, что тебе понадобится помощь в этот...

— Нет, здесь всё нормально, — перебила Гермиона. — Мы действительно прыгнули выше головы. Пожалуйста, следующее предположение, мистер Поттер.

— Э... — протянул Гарри. — То, что сделала Трейси... тебя шокировало?

— Шокировало, мистер Поттер? — в её голосе появились ядовитые нотки. — Нет, мистер Поттер, мне было страшно. Я была в ужасе. Я бы не хотела признаться, что боюсь драконов каких-нибудь, — люди могут решить, что я трусиха, — но когда вдалеке звучат голоса, кричащие «Текели-ли! Текели-ли!»*, и из-под всех дверей начинает рекой течь кровь, вполне нормально испугаться.

— Прости, — сказал Гарри с искренним сожалением. — Я думал, ты поймёшь, что это я.

— И все мы так сильно испугались лишь потому, мистер Поттер, что вы не спросили разрешения! — вопреки её намерениям, Гермиона снова повысила голос. — Ты должен спрашивать меня, прежде чем устраивать такие фокусы, Гарри! Ты должен был сказать совершенно конкретно: «Гермиона, можно я сделаю так, чтобы кровь текла из-под дверей?» В таких делах важно упоминать все мелочи!

Мальчик на ходу потёр шею.

— Я... если честно, я просто подумал, что ты бы наверняка сказала «нет».

— Да, мистер Поттер, я могла бы сказать «нет»! В этом весь смысл спрашивать разрешения, мистер Поттер!

— Нет, я в том смысле, что тебе пришлось бы сказать «нет», вне зависимости от того, что тебе хотелось бы сказать на самом деле. А потом бы вас всех избили, и я был бы виноват, потому что спросил разрешения.

Брови Гермионы удивлённо вздёрнулись. Она прошла несколько шагов, пытаясь осмыслить сказанное.

— Что? — наконец спросила она.

— Ну... — протянул мальчик. — Я хочу сказать... ты же Солнечный генерал. Ты ведь не можешь разрешить мне пугать людей, даже хулиганов, даже чтобы спасти друзей от избиения. Ты могла бы сказать «нет», и потом пострадала бы. А теперь ты можешь

честно говорить всем, что ничего не знала и это не твоя вина. Вот почему я не предупредил тебя.

Гермиона остановилась и развернулась к Гарри лицом к лицу, вместо того чтобы просто повернуть к нему голову. И с осторожностью сказала:

— Гарри, тебе нужно прекратить придумывать хитроумные поводы для совершения глупостей.

Брови Гарри взлетели вверх. После небольшой паузы он ответил:

— Дело в том... Я понимаю, конечно, что ты хочешь сказать, но всё-таки остаётся вопрос — может, это и впрямь хорошая идея, а не только хитроумная...

— Я понимаю, почему ты сегодня сделал то, что сделал, — перебила его Гермиона. — Но я хочу, чтобы ты пообещал, что с этого момента ты всегда будешь спрашивать у меня разрешения, даже если придумаешь причины, по которым этого делать не стоит.

Молчание затянулось, и у Гермионы упало сердце.

— Гермиона... — начал Гарри.

— Почему?! — отчаяние уже переполняло Гермиону. — Что в этом такого ужасного?! Тебе нужно просто спросить!

Гарри очень серьёзно смотрел на неё.

— Кого из ЖОПРПП ты стараешься защитить больше всех, Гермиона? За кого ты сильнее всего боишься, когда дело доходит до драки?

— За Ханну Аббот, — без раздумий ответила Гермиона и почувствовала себя немножко неуютно, ведь Ханна старалась изо всех сил и делала успехи...

— Как тебе понравится идея доверить кому-нибудь ещё — например, Трейси — окончательную ответственность по защите Ханны? Если ты узнаешь, что Ханна вот-вот попадёт в засаду, и у тебя будет план, как защитить её, понравится ли тебе идея позволить Трейси решать, использовать этот план или нет?

— Ну... нет? — озадаченно ответила Гермиона.

Мальчик-Который-Выжил, не мигая, смотрел ей прямо в глаза.

— Оставишь ли ты за самой Ханной последнее слово, принимая решения о её защите?

— Я... — начала Гермиона и осеклась. Странно, она знала, как должна ответить на этот вопрос, но при этом понимала, что этот ответ на самом деле неверный. Ханна изо всех сил старалась доказать, что она не боится — даже когда это было не так, — и было легко представить, как пuffedуика может перестараться...

Тут Гермиона поняла, на что намекает Гарри.

— Ты думаешь, я похожа на Ханну?

— Не совсем... — Гарри запустил пальцы в свои растрёпанные волосы. — Послушай, Гермиона, что бы ты предложила сделать, если бы я тебя предупредил о засаде из сорока четырёх хулиганов?

— Я бы поступила ответственно и рассказала бы профессору МакГонагалл. И предоставила бы ей с этим разобраться, — твёрдо ответила Гермиона. — И в этом случае не было бы тьмы, кричащих людей, ужасного синего света...

Но Гарри только помотал головой.

— Это совсем не ответственное поведение, Гермиона. Это поведение того, кто исполняет роль ответственной девочки. Да, я думал обратиться к профессору МакГонагалл. Но она предотвратила бы катастрофу лишь один раз. Скорее всего, даже до начала беспорядков, например, дав хулиганам понять, что всё знает. Если бы хулиганов наказали только за то, что они что-то планировали, наказанием было бы снятие баллов с факультета или, в самом худшем случае, день отработок. Ничего такого, что бы действительно их испугало. А потом хулиганы повторили бы попытку. Меньшим числом, с лучшей конспирацией, так, чтобы даже я не узнал. Они могли бы устроить засаду только на одну из вас. У профессора МакГонагалл нет полномочий на устрашающие действия, которые позволили бы защитить тебя, и она не станет превышать свои полномочия, потому что на самом деле она не ответственна.

— Профессор МакГонагалл не ответственна? — недоверчиво переспросила Гермиона. Она упёрла руки в бока, буравя его взглядом. — Ты спятил?

Мальчик даже не моргнул.

— Наверное, это можно назвать героической ответственностью, — уточнил Гарри Поттер. — Она не похожа на обычную ответственность. Ответственность героя означает: если что-то случилось — не важно что — значит, это твоя ошибка. Только твоя.. Даже если ты сказал профессору МакГонагалл, за то, что произойдёт, отвечает не она, а ты. Школьные правила — не оправдание, то, что у руля кто-то другой, — не оправдание, даже то, что ты старался изо всех сил — не оправдание. Оправданий вообще не существует, ты должен сделать дело несмотря ни на что, — лицо Гарри посуровело. — Именно поэтому я сказал, что ты мыслишь безответственно, Гермиона. Героиня не должна думать, что её работа закончена, когда она сказала профессору МакГонагалл. Это всё равно, что

подумать: если избили Ханну — это нормально, потому что я в этом не виновата. Быть героиней означает, что твоя работа не закончена, пока ты не сделала абсолютно всё, чтобы остальные девочки были в безопасности навсегда, — в голосе Гарри звенела сталь, которая появилась в тот день, когда Фоукс оказался на его плече. — Нельзя думать, что если ты следовала правилам, то ты выполнила свой долг.

— Мне кажется, — спокойно сказала Гермиона, — что мы по-разному смотрим на некоторые вещи, мистер Поттер. Например, кто из вас, ты или профессор МакГонаггалл, более ответственен, и нормально ли для ответственного человека заставлять людей бегать и кричать, и насколько верна идея следовать школьным правилам. И то, что мы разошлись во мнениях, мистер Поттер, не означает, что за вами осталось последнее слово.

— Ну, — сказал Гарри, — ты спросила, что такого ужасного в том, чтобы просить у тебя разрешения, и это был удивительно хороший вопрос, так что я заглянул в свой разум и вот что выудил. Мне кажется, на самом деле я боюсь того, что, если Ханна окажется в беде и я придумаю план для её спасения, который покажется странным, Тёмным или ещё каким-нибудь, ты можешь не учесть последствий для Ханны. Возможно, ты откажешься от героической ответственности, которая заключается в том, чтобы придумать хоть какой-нибудь способ её спасти, какой угодно, несмотря ни на что. Вместо этого ты исполнишь роль Гермионы Грейнджер, благоразумной когтевранской девочки, и в этой роли ты машинально ответишь отказом, не важно, есть ли у тебя план получше. И тогда сорок четыре хулигана будут по очереди избивать Ханну Абботт, и в этом буду виноват я, поскольку я знал, пусть я и не хотел, чтобы история пошла по такому пути, потому что я знал. Даже если я и не хочу, чтобы реальность была такой, я знал, что так всё и будет. Я убеждён, что это и был мой тайный, безмолвный, невыразимый страх.

Внутри неё снова поднялась волна отчаяния.

— Это моя жизнь! — вспыхнула Гермиона. Она могла представить, на что будет похожа её жизнь, если в неё постоянно будет вмешиваться Гарри, постоянно выдумывающий оправдания, чтобы не спрашивать сперва разрешения и не слушать её возражений. Не должно быть так, чтобы ей нужно было выиграть спор, просто чтобы... — Всегда будут какие-нибудь причины, ты всегда сможешь сказать, что я неправильно мыслю! Я хочу жить своей жизнью! Иначе я сбегу, Гарри, честно сбегу.

Он вздохнул.

— Я не хотел, чтобы всё закончилось именно так, и вот пожалуёйста. Ты же боишься того же самого, что и я? Боишься, что мы разобьёмся, если ты отпустишь руль, — его губы скривились, но на улыбку это не тянуло. — Это я могу понять.

— Я думаю, что ты меня совсем не понял! — резко возразила Гермiona. — Ты говорил, что мы партнёры, Гарри!

Это его остановило, она увидела, что это его остановило.

— Давай так, — наконец сказал Гарри, — я обещаю сперва спрашивать разрешения, прежде чем делать что-либо, что можно истолковать как вмешательство в твои дела. Но только если ты, Гермiona, пообещаешь мне быть разумной. В смысле, остановиться секунд на двадцать и всерьёз, по-настоящему обдумать моё предложение, признать его в качестве реальной альтернативы. Разумной в том смысле, что ты должна понимать, что я предлагаю способ защитить остальных девочек, и что если ты машинально ответишь «нет», не обдумав его должным образом, то реальным последствием окажется Ханна Аббот на больничной койке.

Гермiona смерила Гарри взглядом, когда перечисление условий было закончено.

— Что скажешь? — спросил тот.

— Я не должна давать обещаний, — заявила Гермiona, — ради того, чтобы со мной консультировались по поводу моей собственной жизни. — Девочка повернулась и, не глядя на Гарри, зашагала в направлении башни Когтеврана. — Впрочем, я подумаю об этом.

Она услышала, как Гарри облегчённо выдохнул. Некоторое время они шли молча. Миновав арку из какого-то красноватого металла, похожего на медь, они оказались в точно таком же коридоре, как и предыдущий, только пол в нём был вымощен пятиугольными плитками, а не квадратными.

— Гермiona... — сказал Гарри. — С тех пор, как ты сказала, что будешь героем, я наблюдаю за тобой и думаю. Ты смелая. Ты сражаешься за то, что правильно, даже против врагов, которых многие бы испугались. У тебя безусловно хватает умственных способностей, и, скорее всего, внутри ты гораздо более хороший человек, чем я. Но при всём при этом... Гермiona, если говорить честно... Я не могу представить тебя на месте Дамблдора, ведущую магическую Британию в бой против Сама-Знаешь-Кого. По крайней мере, пока.

Гермiona повернула голову и уставилась на Гарри. Тот спокойно шёл рядом и, казалось, полностью погрузился в свои мысли. На чьём месте?! Она никогда даже не пробовала представить себя на месте

Дамблдора. Она не могла даже представить себя представляющей что-то в таком духе.

— Или, может быть, я ошибаюсь, — сказал Гарри через некоторое время. — Может быть, я прочёл слишком много книг, где герои никогда не делали то, что разумно, не следовали правилам и не рассказывали ничего своим профессорам МакГонаггалл, поэтому мой мозг не считает тебя правильным героем книги. Возможно, из нас двоих именно ты — здравомыслящий человек, а я — просто дурак. Но каждый раз, когда ты говоришь о том, что нужно следовать правилам и полагаться на преподавателей, у меня возникает одно и то же чувство, будто это последнее, что останавливает тебя, последнее, что погружает в сон твою РС-составляющую и снова превращает тебя в НРС... — Гарри вздохнул. — Возможно, поэтому Дамблдор и сказал, что у меня должны были быть злые отчим и мачеха.

— Он действительно так сказал?!

Гарри кивнул.

— Я до сих пор не знаю, шутил ли директор или... Дело в том, что в некотором смысле он прав. У меня были любящие родители, но я никогда не чувствовал, что могу доверять их решениям, они не были достаточно разумны. Я всегда знал, что, если я не продумаю всё самостоятельно, я могу пострадать. Профессор МакГонаггалл сделает то, что необходимо, только если я не отстану от неё по этому поводу — она нарушит правила лишь под контролем героя. А профессор Квиррелл — это именно тот человек, который сделает дело несмотря ни на что, и он — единственный из всех, кого я знаю, кто замечает, например, что снитч портит квиддич. Но я не могу полагаться на доброту его намерений. Как это ни печально, я думаю, что именно так получают люди, которых Дамблдор называет героями — люди, которым не на кого переложить окончательную ответственность и которые поэтому приучаются отслеживать всё самостоятельно.

Гермиона ничего не ответила, но задумалась об одной фразе, которую Годрик Гриффиндор написал ближе к концу своей очень короткой автобиографии. Кратко и без объяснений, ибо свитки в те времена переписывали вручную. Лишь столетиями позже магловский печатный станок вдохновил волшебников на изобретение Переписывающего Пера.

Нет спасителя у спасителя, — писал Годрик Гриффиндор. — Нет властителя у защитника, нет ни отца, ни матери, нет никого над ним.

Если герой должен заплатить *такую* цену, Гермiona уже не была уверена, что готова пойти на это. Или, возможно, — хотя такая мысль и не пришла бы к ней в голову, пока она не начала общаться с Гарри, — возможно, Годрик Гриффиндор ошибался.

— А Дамблдору ты доверяешь? — спросила Гермiona. — Я хочу сказать, он ведь прямо тут, в школе, и он — самый легендарный герой во всём мире...

— Он был самым легендарным героем, — заметил Гарри. — А теперь он поджигает куриц. Ну, честно, тебе самой Дамблдор кажется надёжным?

Гермiona не ответила.

Они вместе начали подниматься по огромной винтовой лестнице с чередующимися ступеньками из бронзового металла и синего камня, ведущей к портрету, который глупыми загадками охранял дверь в башню Когтеврана.

— Кстати, думаю, я должен кое-что сказать тебе, — нарушил молчание Гарри, когда они прошли примерно половину лестницы. — Так как это повлияет на твою жизнь, ну и вообще... Считай, что это аванс...

— И что же это? — спросила Гермiona.

— Я полагаю, что ЖОПРПГ скоро прекратит своё существование.

— Прекратит? — Гермiona чуть не споткнулась о ступеньку.

— Ага, — сказал Гарри. — В смысле, я, конечно, могу ошибаться, но я подозреваю, что учителя собираются жёстко пресекать драки в коридорах. — Гарри ухмыльнулся. Какая-то искорка в его глазах, за стёклами очков, намекала на тайную осведомлённость. — Наложат новые чары, чтобы определять агрессивные проклятия, или станут проверять все жалобы на хулиганов под сывороткой правды... Я вижу несколько возможных способов. Но если я прав, то тебе есть что отпраздновать, Гермiona. Ты подняла достаточно сильный переполох, чтобы заставить их действительно что-то *сделать* по поводу хулиганов. С хулиганами как явлением.

Пусть и не сразу, но улыбка появилась на лице Гермiony, а когда она дошла до верха лестницы и двинулась к портрету, то почувствовала, что ей стало гораздо легче шагать, какая-то удивительная лёгкость распространилась по всему телу, будто её накачали гелием.

Почему-то, несмотря на все приложенные ими усилия, такого результата она не ожидала. Она не ожидала, что у них действительно получится.

Им удалось что-то изменить...

Это произошло за завтраком на следующее утро.

Ученики всех курсов замерли на своих местах за столом, повернув головы к столу преподавателей, перед которым на негнущихся ногах, не шевелясь, стояла одинокая первокурсница. Она стояла с задранной головой и не сводила глаз с декана Слизерина.

Лицо профессора Снейпа было искажено яростью и триумфом, мстительное, как на любой картине, изображающей Тёмного волшебника.

Позади него, за столом, сидели остальные профессора, наблюдая за происходящим. Их лица были словно высечены из камня.

— ...распускается навсегда, — прошипел профессор Зельеварения. — Моим решением, как профессора, ваше так называемое Общество объявляется вне закона в стенах Хогвартса! Если ваше Общество или любой из его членов будет вновь замечен за драками в коридорах, вы, Грейнджер, персонально ответите за это, и я лично исклечу вас из школы чародейства и волшебства Хогвартс!

Эта первокурсница стояла здесь, перед преподавательским столом, куда её прежде вызывали только затем, чтобы наградить похвалой и улыбкой. Стояла, выпрямив спину и высоко подняв голову, как натянутый лук кентавра, не показывая своих эмоций врагу.

Эта юная ведьма стояла здесь, скрывая слёзы и гнев. Её лицо застыло, и в её внешнем облике ничего не менялось, но что-то внутри медленно ломалось, она чувствовала, как оно ломается.

Это что-то сломалось ещё сильнее, когда профессор Снейп с насмешкой назначил ей две недели отработок за насилие в школе. Его лицо выражало презрение, как на самом первом уроке Зельеварения, а кривая улыбка говорила о том, что профессор точно знал, насколько он несправедлив.

Что бы там ни было внутри неё, но оно треснуло по всей длине, сверху до низу, когда профессор Снейп отнял сотню баллов у Когтеврана.

Затем всё закончилось, и Снейп сказал, что она может идти.

Она обернулась и за столом Когтеврана увидела Гарри Поттера. Он сидел неподвижно на своём месте, отсюда она не могла видеть выражение его лица, она видела на столе его кулаки, но не могла разглядеть, стиснуты ли они так же крепко, как её. Когда профессор Снейп вызвал Гермиону, она успела шепнуть Гарри, что он не должен ничего делать без спроса.

Гермиона развернулась, чтобы вновь взглянуть на учительский стол, как раз в тот момент, когда Снейп отвернулся от неё, садясь на своё место.

— Я сказал, что вы можете идти, девочка, — сказал Снейп насмешливо, с довольной улыбкой, как будто только и ждал, чтобы она что-нибудь предприняла...

Гермиона сделала ещё пять шагов к учительскому столу:

— Директор? — её голос сорвался.

В Большом зале воцарилась гробовая тишина.

Директор Дамблдор не сказал ничего, не сдвинулся с места. Как будто он тоже был просто вырезан из камня.

Гермиона перевела взгляд на профессора Флитвика, голова которого была едва заметна за столом, но он как будто бы не мог отвести взгляд от чего-то у себя на коленях. Лицо профессора Спраут, сидевшей рядом, было сильно напряжено, она, похоже, заставляла себя наблюдать за происходящим, её губы дрожали, но она промолчала.

Кресло профессора МакГонагалл пустовало — заместитель директора не появилась за завтраком этим утром.

— Почему вы все молчите? — спросила Гермиона Грейнджер. В дрожи её голоса слышалась её последняя надежда, что-то внутри неё в последний раз отчаянно протянуло руку, прося о помощи. — Вы же знаете, что он неправ!

— Ещё две недели отработок за дерзость, — вкрадчиво добавил Снейп.

Что-то внутри неё рассыпалось на мелкие кусочки.

Ещё несколько секунд она смотрела на стол преподавателей — на профессора Флитвика, профессора Спраут и пустующее место профессора МакГонагалл. А потом Гермиона Грейнджер повернулась и зашагала к столу Когтеврана.

Ученики преодолели оцепенение и начали перешёптываться.

И когда она почти подошла к столу Когтеврана...

Шум зала разрезал бесстрастный голос профессора Квиррелла:

— Сто баллов мисс Грейнджер за то, что она делала то, что правильно.

Гермиона чуть не упала на месте, но удержалась и продолжила шагать, а позади неё что-то сердито кричал Снейп, профессор Квиррелл откинулся на спинку кресла и начал хохотать, и даже Дамблдор сказал что-то, но она не расслышала.

И вот она оказалась за столом Когтеврана, рядом с Гарри Поттером, который сидел, застыв на месте, будто не смея шевельнуться.

— Всё в порядке, — машинально сказала она ему, не думая и не выбирая слова, хотя, на самом деле, всё было плохо. — Но не можешь ли ты придумать, как избавить меня от отработок у Снейпа, как ты это сделал для себя в прошлый раз?

Гарри Поттер кивнул — одним резким движением головы.

— Я... — сказал Гарри. — Я... Прости, всё это... во всём виноват я...

— Гарри, не говори глупостей.

Удивительно, как нормально звучал её голос, и ей даже не приходилось задумываться, что сказать. Гермиона бросила взгляд на тарелку с завтраком, но есть совсем не хотелось, в животе что-то бурлило и пенилось, и она чувствовала, что её вот-вот стошнит, и в то же время она готова была поклясться, что всё её тело онемело и ничего не чувствовало.

— И если ты захочешь нарушить школьные правила или что-то ещё, — продолжила она, — ты можешь спокойно меня спросить, обещаю, я не скажу «нет», не подумав.

* * *

Non est salvatori salvator,
neque defensori dominus,
nec pater nec mater,
nihil supernum.

Годрик Гриффиндор,
1202 н. э.

Глава 76.

Интерлюдия с исповедью: Необратимые издержки

Рианна Фелторн спускалась по ступеням из шершавого камня, скреплённого грубой известью. В промежутках между редкими светильниками она поднимала над головой палочку с горящим Люмосом.

Она дошла до пустой пещеры в скале с несколькими уводящими во тьму боковыми проходами. Пещера освещалась лишь светом старинного факела, который вспыхнул при входе Рианны.

Больше здесь никого не было, и после нескольких минут нервного ожидания она начала трансфигурировать мягкий диван такого размера, чтобы два человека могли на нём усесться, а может быть, даже прилечь. Куда проще было бы создать простую деревянную табуретку — она могла бы сделать её за пятнадцать секунд, но... ну...

Даже когда трансфигурация была завершена, профессор Снейп так и не появился, и она уселась на диван с левой стороны. В груди бешено стучало сердце. От ожидания Рианна почему-то нервничала всё сильнее и сильнее.

Она знала, что это их последняя встреча.

Последняя встреча перед тем, как все эти воспоминания будут стёрты, и Рианна Фелторн с удивлением обнаружит себя в таинственной пещере, не понимая, что происходит.

Чем-то это напоминало смерть.

В книгах говорилось, что правильно наложенное заклинание Обливиэт безопасно, ведь люди всё время что-то забывают. Люди спят, потом просыпаются и не помнят своих снов, а заклинание даже не создаёт сколько-нибудь сильных обрывов реальности — лишь краткий миг дезориентации, как будто вас отвлёк какой-то громкий

звук, а потом вы не смогли вспомнить, о чём только что думали. Так было написано в учебниках, и потому Министерство полностью одобряло чары Забвения для любых одобренных им целей.

И тем не менее, эти мысли, мысли, которые были у неё в голове прямо сейчас... Скоро их не будет. Она думала о будущем, и получалось, что эти мысли некому будет додумать. Даже если в ближайшие минуты ей удастся найти концы всех мысленных ниточек, всё равно ничего потом не останется. Не об этом ли размышляют люди, зная, что через минуту они умрут?

Послышался приглушённый звук шагов...

В пещере появился Северус Снейп.

Его глаза устремились к сидящей на диване девушке, и на его лице мелькнуло странное выражение. Странное, ибо оно не было ни сардоническим, ни сердитым, ни холодным.

— Спасибо, мисс Фелторн, — тихо сказал Снейп, — вы очень предусмотрительны.

Профессор зельеварения достал палочку и произнёс привычные заклинания для обеспечения секретности, затем подошёл к трансфигурированному дивану и тяжело уселся рядом с ней.

Теперь её пульс бился сильно уже совсем по другой причине.

Она медленно повернулась, чтобы посмотреть на профессора Снейпа, и увидела, что он запрокинул голову на спинку дивана и закрыл глаза. Но он не спал. Его лицо выглядело натянутым, напряжённым, и на нём была видна боль.

Внезапно она поняла, что ей позволено это увидеть лишь потому, что вскоре она ничего не будет помнить, и что никому прежде не позволялось видеть профессора Снейпа таким.

Лихорадочный диалог в голове Рианны звучал примерно так:

Я могу просто наклониться и поцеловать его — Ты совсем выжила из своего крохотного ума — У него глаза закрыты, спорим, он не успеет остановить меня — Спорим, пройдут годы, прежде чем кто-то найдёт твоё тело...

Но профессор Снейп открыл глаза (к её внутреннему разочарованию и облегчению) и произнёс уже более обычным голосом:

— Ваша оплата, мисс Фелторн, — из складок мантии он достал рубин, огранённый по стандартам Гринготтса, и протянул ей. — Пятьдесят граней. Я не буду возражать, если вы их пересчитаете.

Она протянула дрожащую руку, надеясь, что Снейп вложит рубин прямо в её ладонь и она сможет почувствовать прикосновение его пальцев...

Но Снейп лёгким движением просто уронил рубин ей в руку, а потом снова запрокинул голову на спинку дивана.

— Вы вспомните, что нашли его на полу этой пещеры, куда вы пришли, исследуя замок, — сказал Снейп. — И так как никто вам не поверит, вы подумаете, что деньги лучше всего положить в отдельный сейф в Гринготтсе.

Наступила тишина, нарушаемая лишь слабым треском факела.

— Зачем... — спросила Рианна Фелторн. *Он знает, что я это забуду.* — Зачем вы это сделали?! Я хочу сказать... вы попросили сообщать вам, где будут хулиганы, и кто именно, но не сообщать, будет ли там Грейнджер. И я знаю, как работает Маховик времени — если вы хотели сделать так, чтобы Грейнджер оказалась там, вам нельзя было знать заранее, что она туда пришла. И потому я пришла к выводу, что именно мы говорили ей, куда идти. Ведь это были мы, не так ли?

Снейп молча кивнул и снова закрыл глаза.

— Но, — продолжила Рианна, — я не понимаю, зачем вы её полагали. А теперь... после этой сцены с Грейнджер в Большом зале... Я вообще ничего не понимаю.

Рианна никогда не считала себя особенно хорошей. Она не обращала особого внимания на споры вокруг Солнечного генерала. Но каким-то образом, помогая Грейнджер сражаться с хулиганами, Рианна... привыкла думать, что её действия помогают стороне добра, и привыкла думать, что и она сама находится на стороне добра. И обнаружила, что ей это в самом деле нравится. С этой мыслью тяжело было расстаться.

— Почему вы так поступили, профессор Снейп?

Снейп покачал головой, его лицо напряглось.

— Вы не хотите.... — запинаясь, спросила Рианна. — Я хочу сказать... Пока мы тут... Вы не хотите о чём-нибудь поговорить?

Кое-о-чём она и сама хотела бы сказать, но она не могла заставить себя произнести эти слова.

— Есть одна тема, — ответил Снейп после паузы. — Если вам интересно, мисс Фелторн.

Глаза профессора по-прежнему были закрыты, и потому она не могла просто кивнуть. Её голос чуть не сорвался, когда она заставила себя сказать «Да».

— Вы нравитесь юноше из вашего класса, мисс Фелторн, — сказал Снейп, не открывая глаз. — Я не стану называть его имя. Каждый раз, когда вы проходите мимо, и когда он думает, что вы не смотрите на него, он не сводит с вас глаз. Он мечтает о вас и желает обладать вами, но он никогда не просил у вас даже поцелуя.

Её сердце забилося ещё сильнее.

— Пожалуйста, скажите мне честно, мисс Фелторн. Что вы думаете об этом юноше?

— Ну... — она путалась в словах. — Я думаю... Даже ни разу не спросить о поцелуе... Это...

Грустно.

Просто слишком жалко.

— Слабость, — завершила она дрожащим голосом.

— Согласен, — сказал Снейп. — Но, предположим, что тот юноша прежде помогал вам. Почувствуете ли вы себя обязанной, если он попросит о поцелуе?

Она резко набрала воздух...

— Или вы подумаете, — продолжил Снейп, по-прежнему не отрывая глаз, — что он просто назойлив?

Слова впивались в неё, как нож, и она не смогла удержаться от судорожного вздоха.

Глаза Снейпа резко открылись, их взгляды встретились.

Затем профессор Зельеварения начал смеяться, короткими печальными смешками.

— Нет, речь вовсе не о вас, мисс Фелторн! — сказал он. — Не о вас! Мы действительно говорим об одном юноше. Он сидит с вами в одном классе на уроках зельеварения на самом деле.

— А-а, — выдохнула она. Рианна пыталась вспомнить, о чём только что говорил Снейп, теперь слегка нервничая из-за того, что какой-то парень наблюдает за ней, всё время молча наблюдает. — Ну, м-м, в этом случае... Вообще-то, это довольно жутко. Кто он?

Профессор Зельеварения покачал головой.

— Это не важно, — сказал он. — Мне просто любопытно, что бы вы подумали, узнав, что он по-прежнему любит вас годы спустя?

— М-м, — произнесла она, слегка запутавшись, — что это выглядит крайне жалко?

Снова тишину пещеры нарушал лишь треск факела.

— Так странно, — тихо сказал Снейп. — В моей жизни было два наставника. Оба были чрезвычайно проницательны, и ни один из них ни разу не сказал мне о том, чего я сам не понимал. Вполне очевидно, почему ничего не сказал первый, но второй... — его лицо напряглось. — Полагаю, с моей стороны было бы слишком наивно спрашивать его, почему он промолчал.

Тишина тянулась, пока Рианна лихорадочно пыталась придумать, что бы на это ответить.

— Так странно, — по-прежнему тихо сказал Снейп, — всего лишь в тридцать два года оглядываться на прожитое и спрашивать себя, когда именно вся жизнь оказалась безвозвратно разрушена. Решилось ли всё в тот миг, когда Распределяющая шляпа прокричала мне «Слизерин»? Это кажется нечестным, ведь мне не предложили выбора — Шляпа заговорила, едва коснувшись моей головы. Тем не менее, я не могу сказать, что меня распределили неверно. Я никогда не ценил знание ради самого знания. Я не был верен единственному человеку, которого звал другом. Во мне не было праведной ярости, ни тогда, ни сейчас. Смелость? Нет смелости в том, чтобы рисковать уже разрушенной жизнью. Мои маленькие страхи всегда управляли мной, и я никогда не сворачивал с дорожек, которыми они вели меня вниз. Нет, Распределяющая шляпа никогда не смогла бы отправить меня на её факультет. Быть может, уже тогда было предначертано, что я потеряю её навсегда. Честно ли это, спрашиваю я, пусть даже Распределяющая шляпа была права? Честно ли, что у некоторых детей больше смелости чем у других, и таким образом жизнь человека предreshена?

Рианна Фелторн начала осознавать, что всё это время совершенно не представляла, кем является её профессор Зельеварения на самом деле, но, к сожалению, все эти тёмные скрытые глубины совсем не помогли ей решить свою проблему.

— Но нет, — продолжил Снейп, — я знаю, когда всё пошло не так последний раз. Я могу назвать точно день и час, когда я потерял свой последний шанс. Мисс Фелторн, Распределяющая шляпа предлагала вам Когтевран?

— Да, — не задумываясь, ответила она.

— Вы хорошо разгадываете загадки?

— Да, — снова сказала она. Что бы он ни собирался сейчас сказать, она не услышит это, если ответит «нет».

— Я совсем не умею отгадывать загадки, — отстранённо произнёс Снейп. — Однажды мне загадали загадку, и даже самую простую её часть я разгадал, лишь когда стало уже слишком поздно. Даже то, что загадка предназначена именно мне, я понял, лишь когда уже стало слишком поздно. Я думал, что всего лишь случайно подслушал её, тогда как правда заключалась в том, что это меня подслушали. И я продал свою загадку другому, и именно тогда моя жизнь оказалась безвозвратно уничтожена, — голос профессора был по-прежнему задумчив, в нём было больше рассеянности, чем печали. — И даже сейчас я не понимаю чего-то важного. Например, предположим, некий

человек с ножом споткнулся о ребёнка и зарезал сам себя. Мисс Фелторн, скажете ли вы, что этот ребёнок, — голос Снейпа стал низким, будто имитируя чей-то ещё более низкий голос, — **НАДЕЛЁН МОГУЩЕСТВОМ ПОБЕДИТЬ** его?

— Э-э... нет? — нерешительно ответила она.

— Тогда что же означает быть наделённым могуществом победить кого-то?

Рианна задумалась о загадке. (Уже не первый раз в жизни жалея, что она не выбрала Когтевран, и к чёрту родительское неодобрение. Но Распределяющая шляпа никогда не предлагала ей Гриффиндор)

— Ну... — мысли было нелегко облечь в слова. — Это значит, что у вас есть сила, но вы не обязаны её использовать. Это значит, что вы могли бы это сделать, если бы попытались...

— Выбор, — сказал профессор Зельеварения всё так же отстранённо, словно он вообще разговаривал не с ней. — Должен быть выбор. Вот что подразумевает эта загадка. И этот выбор не является предрешённым для выбирающего, ибо загадка не говорит «победит», но лишь «наделён могуществом победить». Как взрослый человек может отметить ребёнка, как равного себе?

— Что? — удивилась Рианна. Она совершенно не поняла эту фразу.

— Отметить ребёнка — просто. Любое сильное Тёмное проклятие надолго оставляет шрам. Но это можно сделать с любым ребёнком. Какая отметка обозначит ребёнка, как равного?

Она выдала первое же, что пришло в голову:

— Если вы подписываете с кем-то контракт о помолвке, это означает, что однажды вы станете с ней равными, когда она вырастет и вы поженитесь.

— Это... Это наверняка не то, мисс Фелторн, но спасибо за попытку, — профессор потёр виски своими тонкими изящными пальцами, способными смешивать зелья с необычайно высокой точностью. — Столько намёков в таких хрупких словах — от этого можно сойти с ума. Силой, что неведома... это обязано быть чем-то большим, чем просто неизвестное заклинание. Не тем, что можно получить обычной учёбой и тренировками. Какой-то врождённый талант? Нельзя научиться быть метаморфомагом... и всё же это не похоже на силу, что неведома ему. Точно так же я не понимаю, как каждый из них может уничтожить другого, почти ничего не оставив. Я могу представить это в одном направлении, но не в обратном... — Снейп вздохнул. — И всё это не имеет никакого смысла для вас, мисс Фелторн, не так

ли? Слова — ничто. Слова — это лишь тени. Её интонация — вот что несло смысл, и что я никогда не мог...

Голос профессора оборвался, а Рианна не сводила с него глаз.

— Пророчество?! — чуть ли не пискнула она. — Вы слышали пророчество?! — Она ходила на Прорицание пару месяцев. Потом отвращение пересилило, но к тому моменту она узнала достаточно, чтобы понимать принципы.

— Последняя попытка, — сказал Снейп. — Раньше я этого не пробовал. Мисс Фелторн, вслушайтесь в звук моего голоса, в то, как я говорю, не обращайтесь внимания на сами слова и скажите, что это могло бы означать. Вы можете это сделать? Хорошо, — она послушно кивнула, хоть и совсем не была уверена, что понимает, что от неё требуется.

Северус Снейп глубоко вдохнул и произнёс:

— *ИБО НЕ МОГУТ ИХ НЕСХОЖИЕ ДУФЫ СУЩЕСТВОВАТЬ В ОДНОМ МИЛЕ**.

Звучание слов вызвало озноб, и ещё хуже было знать, что эти замогильные слова имитировали настоящее пророчество. От испуга она выпалила первую же мысль, пришедшую в голову, которая, возможно, была навеяна личностью её собеседника:

— Эти два ингредиента не могут находиться в одном котле?

— Но почему, мисс Фелторн? В чём смысл подобного утверждения? Что тут говорится на самом деле?

— А... — она рискнула — Если эти два ингредиента смешать, они могут вспыхнуть и прожечь котёл?

Лицо Снейпа даже на самую малость не поменяло выражения.

— Очень может быть, — после жуткой тишины, которая, казалось, тянулась минуты, наконец нарушил молчание Снейп. — Это может объяснить слово «должно». Спасибо, мисс Фелторн. Вы мне снова очень помогли.

— Я... — прошептала она, — я была рада... — и слова застряли у неё в горле. По голосу профессора Зельеварения она поняла, что время Рианны Фелторн, которая помнит эти мгновения, подходит к концу. — Я бы хотела помнить об этой встрече, профессор Снейп!

— Я бы хотел, — произнёс Северус Снейп так тихо, что она едва могла слышать его, — чтобы всё было иначе...

Профессор Зельеварения поднялся с дивана, ощущение его присутствия рядом пропало. Он повернулся, достал из мантии свою палочку и направил на неё.

— Подождите... — сказала она. — Перед тем как...

Почему-то было невероятно трудно сделать первый шаг от фантазии к реальности, от воображения к действию. Даже если этот шаг останется единственным, и никакого продолжения не последует. Пауза растянулась, как пропасть между двумя горными вершинами.

Распределяющая шляпа никогда не предлагала ей Гриффиндор...

...честно ли это, что таким образом жизнь женщины предreshена?

Если ты не можешь сказать это сейчас, когда потом ты даже не будешь этого помнить... когда на этом всё и закончится, как если бы ты умерла... то скажешь ли ты это вообще кому-нибудь?

— Вы можете меня сначала поцеловать? — произнесла Рианна Фелторн.

Чёрные глаза Снейпа изучили её так пристально, что она покраснела до самой груди. Рианна подумала: может, он прекрасно знает, что от одного его присутствия у неё подгибаются ноги, и что на самом деле она хотела не поцелуй?

— Почему бы и нет, — тихо сказал профессор, наклонился к ней и поцеловал.

Это ничем не напоминало её фантазии. В них поцелуи Снейпа были неистовыми, срываемыми силой, а сейчас... на самом деле, сейчас это было попросту неуклюже. Губы Снейпа слишком сильно прижались к её губам, и наклон был не тот, и их носы мешали друг другу, и его губы оказались слишком напряжены, и...

Только когда профессор выпрямился и снова поднял палочку, она поняла.

— Это же... — сказала она удивлённо, глядя на него снизу вверх. — Это же не... это был... ваш первый...

Рианна Фелторн моргнула и оглядела пещеру. В ладони она сжимала огромный рубин, найденный здесь, в углу, прямо в грязи. Ей удивительно повезло, и она не понимала, почему при взгляде на этот рубин ей становится грустно, словно она что-то забыла, что-то очень ценное для неё.

Самоактуализация. Послесловия: Внешность обманчива

Послесловие: Альбус Дамблдор и...

Старый волшебник сидел в одиночестве за письменным столом в тишине директорского кабинета посреди бесчисленных незамечаемых устройств. Он был одет в мантию из мягкой ткани спокойного жёлтого цвета, непохожую на одеяния, что он обычно носил на людях. Перо в морщинистой руке скрипело над официального вида пергаментом. Если бы вы здесь каким-то образом оказались и увидели старца, то обнаружили бы, что прочесть что-нибудь по его лицу ничуть не проще, чем разобраться в этих загадочных устройствах. Вероятно, вы бы нашли его слегка грустным, слегка усталым, но, опять же, Альбус Дамблдор всегда так выглядел, когда оставался один.

На дне камина лишь россыпь золы напоминала об огне: эта магическая дверь была запечатана столь крепко, что с тем же успехом её могло не существовать вовсе. Что же касается физической реальности, то громадная дубовая дверь кабинета была заперта на замок, а Бесконечная Лестница за ней оставалась недвижима. Внизу лестницы горгульи, закрывающие проход, пребывали на своих местах — их псевдо-жизнь ушла, оставив лишь твёрдый камень.

Перо всё ещё выводило очередное слово, оно всё ещё выводило очередную букву...

Старый волшебник вскочил на ноги с такой скоростью, что изумил бы любого наблюдателя. Брошенное перо, так и не дописав букву, упало на пергамент. Волшебник молниеносно развернулся к дубовой двери — жёлтая мантия взметнулась, волшебная палочка ужасающей мощи прыгнула ему в руку...

И так же внезапно старый волшебник остановился, прервав её движение.

Чья-то рука трижды постучала в дубовую дверь.

Теперь уже медленнее беспощадная палочка вернулась в чехол, завязками прикреплённый внутри рукава его одежд. Старик сделал несколько шагов вперёд, выпрямился, принял официальный вид, сделал спокойное лицо. Перо на столе поднялось и опустилось рядом с пергаментом, будто его там аккуратно положили, а не бросили впопыхах, а сам пергамент перевернулся чистой стороной вверх.

Повинуясь безмолвному усилию воли, дубовая дверь распахнулась.

Сверкнули зелёные глаза, суровые как камень.

— Признаю, я впечатлён, Гарри, — тихо сказал старый волшебник. — Мантия невидимости позволила бы тебе избежать моих несовершенных средств обнаружения, но я не почувствовал ни движения големов, ни вращения лестницы. Как ты сюда попал?

Мальчик сделал несколько шагов внутрь кабинета, позволив двери закрыться за его спиной.

— Я могу попасть, куда мне будет угодно, с разрешением или без, — голос мальчика казался спокойным. Может, даже слишком спокойным. — Я в вашем кабинете, потому что я так решил, и к чёрту пароли. Вы сильно ошибаетесь, директор Дамблдор, если считаете, будто я остаюсь в этой школе потому, что я здесь узник. Я просто не решил — пока — уйти. А теперь, учитывая это, ответьте: почему вы велели своему агенту, профессору Снейпу, нарушить договор, который мы заключили в этом самом кабинете, что он не будет издеваться над учениками четвёртого курса и младше?

Несколько секунд старый волшебник просто смотрел на юного героя... А потом — медленно, чтобы не встревожить мальчика — его морщинистые пальцы открыли один из множества ящичков в столе, вытащили лист пергамента и опустили на столешницу.

— Четырнадцать, — сказал старый волшебник. — Вчера вечером было отправлено четырнадцать сов. Это считая лишь тех, что были посланы семьям, которые имеют право голоса в Визенгамоте, либо семьям, владеющим значительным богатством, либо семьям, которые уже заключили союз с твоими врагами. Либо, как в случае с Робертом Джэгсоном, всё сразу, ибо его отец — лорд Джэгсон — Пожиратель Смерти, а его дед — Пожиратель Смерти, который погиб от палочки Аластора Хмури. Что в этих письмах написано, я не знаю, но догадаться нетрудно. Теперь ты понимаешь, Гарри Поттер? Каждый раз, когда Гермiona Грейнджер побеждала, как

ты выразился, опасность для неё со стороны Слизерина возрастала, снова и снова. Но теперь слизеринцы одержали над ней верх, легко и безопасно, без насилия и увечий. Они победили, и больше нет нужды в драках... — старый волшебник вздохнул. — Так я планировал. Так я надеялся. Так бы оно и вышло, не вмешайся профессор Защиты. Теперь на попечительском совете Северус выступит против профессора Защиты и одолеет его — так это будет выглядеть, но слизеринцам это не заменит ощущения мгновенной победы, которое бы их успокоило.

Мальчик сделал ещё несколько шагов вперёд. Его голова задраглась выше — он не сводил взгляда с очков-полумесяцев. И почему-то создавалось ощущение, что мальчик смотрит на директора сверху вниз, а не снизу вверх.

— Значит, этот лорд Джагсон — Пожиратель Смерти? — тихо сказал он. — Отлично. Значит, его жизнь уже куплена и оплачена, и я могу сделать с ним всё, что угодно, не испытывая этических проблем...

— Гарри!

В голосе мальчика звенел лёд, созданный из воды чистейшего родника.

— Похоже, у вас сложилось мнение, что Свету положено жить в страхе Тьмы. Я же говорю: должно быть наоборот. Я бы предпочёл не убивать этого лорда Джагсона, хоть он и Пожиратель Смерти. Но одного часа мозгового штурма с профессором Квирреллом с лихвой хватит, чтобы придумать какой-нибудь творческий способ уничтожить его финансово или изгнать из магической Британии. Думаю, это послужило бы хорошим примером.

— Признаться, — медленно проговорил старый волшебник, — мысль разорить пятисотлетний Дом и развязать с Пожирателем Смерти войну до победного конца из-за потасовки в коридорах Хогвартса не приходила мне в голову, Гарри.

Старик поднял палец и подтолкнул им очки-полумесяцы, немного сползшие к кончику носа во время недавнего внезапного всплеска активности.

— Осмелюсь сказать, — продолжил он, — она не пришла бы в голову и мисс Грейнджер, и профессору МакГонагалл, и Фреду с Джорджем.

— А это будет не по поводу коридоров, — пожал плечами мальчик. — Это будет воздаянием за его прошлые злодеяния. И я бы так поступил только в ответ на действия Джагсона. Смысл не в том, чтобы люди видели во мне стихийное бедствие, а в том,

чтобы дать всем понять, что нейтральной стороне от меня ничего не грозит, но тыкать в меня палкой чрезвычайно опасно, — мальчик улыбнулся одними губами. — Возможно, я закажу в «Ежедневном пророке» объявление о том, что любой, кто хочет и дальше выступать против меня, познает истинную суть Хаоса, но тот, кто оставит меня в покое, может спать спокойно.

— Нет, — голос старого волшебника стал глубже, в нём появилось что-то от его истинного возраста и могущества. — Нет, Гарри, такого случиться не должно. Ты ещё не знаешь, что такое битва, не понимаешь, что по-настоящему происходит, когда враги сходятся в бою. И потому ты мечтаешь, как и все мальчишки, научить врагов тебя бояться. Меня пугает, что ты в своём слишком юном возрасте уже, возможно, обладаешь достаточной силой, чтобы претворить некоторые из этих мечтаний в жизнь. С этой дороги нет поворота, не ведущего во тьму, Гарри, ни одного. Это дорога Тёмного Лорда, можешь быть уверен.

Мальчик заколебался и бросил взгляд на пустой помост, где Фоукс иногда давал отдых крыльям. Мало кто заметил бы это быстрое движение глаз, но старому волшебнику оно было очень знакомо.

— Хорошо, оставим вопрос о том, что нужно научить их меня бояться, — наконец сказал мальчик. Его голос был всё так же твёрд, но утратил часть холодности. — Тем не менее, я считаю, вы всё равно не имеете права допускать страдания детей из страха, что могут сделать люди вроде лорда Джагсона. Весь смысл вашей работы — защищать детей. Если лорд Джагсон действительно попытается помешать вам, сделайте всё, чтобы его остановить. Дайте мне полный доступ к моим банковским хранилищам, и я лично возьму ответственность за всё, что произойдёт после запрета хулиганства в Хогвартсе. И не важно, кто попробует вмешаться — лорд Джагсон или кто-нибудь ещё.

Старый волшебник медленно покачал головой.

— Гарри, похоже, ты считаешь, что стоит мне только использовать всё моё могущество, и всех моих врагов сметёт, как пушинок. Ты ошибаешься. Люциус Малfoy манипулирует министром Фаджем. Через «Ежедневный Пророк» он воздействует на всю Британию, и ему лишь на малую долю не хватает власти в попечительском совете, чтобы изгнать меня из Хогвартса. Амелия Боунс и Бартемиус Крауч — союзники, но даже они отступят в сторону, если мы начнём действовать безрассудно. Мир, который тебя окружает, гораздо более хрупок, чем тебе кажется, и мы должны тщательно обдумывать каждый шаг. Старая Война волшебников так и не закончилась,

Гарри, она просто приняла другую форму. Чёрный король уснул, и его фигурами до поры распоряжается Люциус Малфой. Думаешь, он позволит тебе безнаказанно взять пешку своего цвета?

Мальчик улыбнулся. От его улыбки опять веяло холодом.

— Ладно, я придумаю способ сделать так, чтобы соратникам лорда Джагсона показалось, будто он предал собственную сторону.

— Гарри...

— Препятствия означают, что пора мыслить творчески, директор. Они не означают, что нужно бросить детей, которых вы должны защищать. Пусть Свет победит, и если это приведёт к новым неприятностям, — мальчик пожал плечами, — пусть Свет победит снова.

— Так, быть может, сказали бы фениксы, умей они изъясняться словами. Но ты не понимаешь какова *цена феникса*.

Последние два слова старый волшебник произнёс необычайно отчётливо, его голос будто бы породил эхо, и кабинет наполнился грохотом.

Между древним щитом на стене и вешалкой Распределяющей шляпы камень стен начал струиться и течь. Он перелился в две ограждающие колонны с проходом между ними, в котором виднелась лестница, ведущая наверх, во тьму.

Старый волшебник развернулся и зашагал к этой лестнице, а потом оглянулся на Гарри Поттера.

— Идём! — в голубых глазах старого волшебника не было привычной искорки. — Раз уж ты настроен настолько серьёзно, что без приглашения прорвался в мой кабинет, почему бы не пойти ещё дальше.

* * *

У каменной лестницы не было перил, поэтому, сделав несколько шагов, Гарри достал палочку и сказал: «*Люмос*». Директор не оглянулся. И, казалось, он не смотрел под ноги, словно взбирался по этим ступеням достаточно часто, чтобы ему не нужно было их видеть.

Мальчик знал, что ему надо бы испытывать любопытство или страх, но места для этого в голове уже не оставалось. Все его силы уходили на то, чтобы не дать медленно кипящему внутри гневу выплеснуться наружу.

Лестница оказалась короткой, всего один прямой пролёт без поворотов или изгибов.

Ступени привели к цельнометаллической двери. В голубом свете заклинания Гарри дверь выглядела чёрной, значит, сам металл был либо чёрным, либо, возможно, красным.

Альбус Дамблдор взмахнул длинной палочкой перед собой и тем же странным голосом, который отдался эхом в ушах Гарри, словно впечатываясь в его память, произнёс: «*Судьба феникса*».

Последняя дверь открылась, и Гарри проследовал за Дамблдором внутрь.

Зал внутри выглядел сделанным из того же чёрного металла, что и ведущая в него дверь. Чёрные стены, чёрный пол. Потолок тоже был чёрным, но с него на белой цепи свисал хрустальный шар, от которого исходило серебряное сияние. Оно словно имитировало свечение Патронуса, хотя и было понятно, что это не настоящий свет Патронуса.

В зале стояли постаменты из чёрного металла. На них можно было разглядеть движущиеся фотографии, цилиндры, наполовину заполненные какой-то тускло-мерцающей серебряной жидкостью, одинокие маленькие предметы: обгоревшее серебряное ожерелье, смятая шляпа, невредимое золотое обручальное кольцо... На многих постаментах было всё сразу: фотография, серебряная жидкость, предмет. Также на многих постаментах лежали волшебные палочки — сломанные, обгоревшие. Некоторые выглядели так, словно дерево каким-то образом расплавилось. Целых палочек было мало.

Гарри не сразу понял, где он оказался, но затем его горло внезапно перехватило. Казалось, ярость внутри получила удар молотом, возможно, сильнейший удар за всю его жизнь.

— Это не все погибшие в моих войнах, — сказал Альбус Дамблдор. Он стоял спиной к Гарри, и мальчик видел только его седые волосы и отливающие жёлтым одежды. — Далеко не все. Только мои ближайшие друзья и те, кто погиб из-за худших моих решений. Тут покоится память о них. Это место тех, о ком я жалею больше всего.

Гарри попробовал посчитать постаменты и не смог. Наверное, около сотни. Зал из чёрного металла был не маленьким, и в нём явно хватало места для новых постаментов.

Альбус Дамблдор повернулся к Гарри. Глубокие голубые глаза под бровями отливали сталью, но голос его был спокоен.

— Мне кажется, ты ничего не знаешь о цене феникса, — тихо сказал он. — Мне кажется, ты не злой человек, а лишь ужасно невежественный, и твёрдый в своём невежестве, как я когда-то давно. Однако я ни разу не слышал Фоукса так ясно, как ты в тот день. Наверное я был уже слишком стар и полон горя, когда ко мне пришёл мой феникс. Если я что-то не понимаю в том, насколько я должен быть готов сражаться, поделись со мной этой мудростью.

В голосе старого волшебника не было злости. Удар, перехватывающий дыхание, как после падения с метлы, нанесли обгоревшие и разбитые палочки, тускло отсвечивающие своей смертью в серебряном свете.

— Или же развернись и покинь это место, но тогда я не желаю больше слышать об этом.

Гарри не знал, что сказать. В его жизни не случилось ничего подобного, и все слова пропали. Если бы он искал, он бы их нашёл, но в этот миг ему не верилось, что у этих слов будет смысл. Неправильно, если человек может победить в любом споре просто потому, что люди умирали из-за его решений, но даже понимая это, Гарри не мог ничего сказать. Не было таких слов, которые Гарри имел бы право произнести.

И Гарри почти развернулся и ушёл из этого места, но вдруг осознал, что, вероятно, какая-то часть Альбуса Дамблдора всегда находится в этой комнате, всегда, не важно, где бы ни был он сам. И что, находясь в подобном месте, можно сделать что угодно, потерять что угодно, если это будет значить, что тебе не придётся сражаться вновь.

Один из постаментов привлёк внимание Гарри — фотография на нём не двигалась, не улыбалась и не махала рукой — это была магловская фотография женщины, серьёзно смотревшей в камеру. Её каштановые волосы были заплетены в косы в обычном магловском стиле, какого Гарри не видел ни у одной колдуньи. Рядом с фотографией стоял цилиндр с серебристой жидкостью, но никаких предметов — ни оплавленного кольца, ни сломанной палочки.

Гарри медленно сделал несколько шагов вперёд и остановился перед постаментом.

— Кто она? — спросил он, и собственный голос показался ему незнакомым.

— Её звали Трисия Глассвелл, — ответил Дамблдор, — мать маглорождённой дочери, которую убили Пожиратели Смерти. Она была сыщиком правительства маглов и после смерти дочери передавала информацию от властей маглов в Орден Феникса. Но её предали, и она попала в руки Волдеморта, — голос старого волшебника дрогнул. — Её смерть не была лёгкой, Гарри.

— Она спасла кому-нибудь жизнь? — спросил Гарри.

— Да, — тихо произнёс волшебник, — спасла.

Гарри поднял взор от постамента и взглянул на Дамблдора:

— Стал бы мир лучше, если бы она не сражалась?

— Нет, не стал бы, — устало и печально отозвался Альбус. Он казался ещё более согбенным, как если бы складывался сам в себя. — Вижу, ты до сих пор не понимаешь. Думаю, и не поймёшь, пока сам... Ох, Гарри. Давным-давно, когда я был не сильно старше тебя нынешнего, я узнал настоящее лицо насилия и его цену. Давать волю смертельным проклятиям по любой причине — по любой причине, Гарри — дурное дело, порочное по своей природе, ужасное, как темнейший из ритуалов. Насилие, однажды начавшись, нападает на любую жизнь рядом с собой, подобно летифолду. Гарри, я бы... предпочёл, чтобы ты избежал урока, на котором это понял я.

Гарри отвёл взгляд от голубых глаз и уставился в чёрный металл пола. Директор, очевидно, пытался донести до него нечто важное. И это не было чем-то, что Гарри мог счесть глупым.

— Жил когда-то маг по имени Махатма Ганди, — начал Гарри, смотря в пол, — который считал, что правительство магловской Британии не должно править его страной. И он отказался сражаться. Он убедил всю свою страну не сражаться. Вместо этого он сказал своим людям идти к британским солдатам и дать убить себя без сопротивления, и когда Британия не смогла больше этого выносить, мы оставили его страну. Когда я читал об этом, я думал, что это прекрасно, я думал, что это превосходит все войны, которые вели с помощью орудий или мечей. Они правда добились своего, это действительно работало.

Гарри набрал воздуха.

— Но потом я узнал, что во время Второй Мировой Ганди сказал своим людям, что в случае вторжения нацистов они должны придерживаться той же политики мирного сопротивления. Но нацисты просто застрелили бы всех попавшихся на глаза. И, возможно, Уинстон Черчилль всегда чувствовал, что должен быть путь лучше, какой-то умный путь к победе, который не требует причинения боли никому. Но он не смог найти его, и ему пришлось сражаться.

Гарри взглянул на директора, который смотрел на него:

— Уинстон Черчилль — это человек, который пытался убедить Британское правительство не отдавать Чехословакию Гитлеру в обмен на мирное соглашение, убеждал дать немедленный отпор....

— Мне знакомо это имя, Гарри, — отозвался Дамблдор. Губы старого волшебника дёрнулись вверх. — Хотя честность заставляет меня сказать, что старина Уинстон никогда не был склонен к моральным терзаниям, даже после дюжины рюмок огневиски.

— Смысл в том, — продолжил Гарри, когда пришёл в себя после осознания, с кем он разговаривает, и подавил внезапно вернувшееся

ощущение, что он чудовищно обнаглевший невежественный ребёнок, который не имеет права находиться в этой комнате и задавать вопросы Альбусу Дамблдору, — смысл в том, что фраза «насилие — это зло» — не ответ. Она не говорит, когда сражаться, а когда — нет. Это трудный вопрос, но Ганди отказался искать на него ответ. И поэтому я стал меньше уважать его.

— А каков твой ответ, Гарри? — тихо спросил Дамблдор.

— Можно сказать, что никогда нельзя отвечать насилием на насилие, — ответил Гарри. — Что рисковать чьей-то жизнью можно лишь, чтобы спасти ещё больше жизней. Это хорошо звучит. Но проблема в том, что если полицейский видит, как грабитель лезет в чей-то дом, он обязан попытаться его остановить. Даже с учётом того, что грабитель может начать сопротивляться и кто-нибудь может пострадать или даже погибнуть. Даже с учётом того, что грабитель, возможно, пытался украсть только драгоценности, которые всего лишь вещи. Потому что, если никто не будет осложнять жизнь грабителям, то грабителей будет всё больше и больше. И даже если они будут воровать всего лишь вещи, то... основа общества... — Гарри сбился. В этой комнате его мысли оказались не столь упорядочены, как ему обычно представлялось. Ведь должно быть какое-то прекрасное логичное объяснение на языке теории игр, он должен его хотя бы увидеть... Но оно ускользало от него. Ястребы и голуби...

— Разве вы не понимаете? Если злодеи готовы прибегнуть к насилию для получения желаемого, а добрые люди всегда будут уступать, поскольку насилие слишком ужасно, чтобы его применять, то это — это не то общество, в котором стоит жить, директор! Неужели вы не осознаёте, что хулиганы делают с Хогвартсом, и более всего с факультетом Слизерина?

— Война слишком ужасна, чтобы так рисковать, — ответил старый волшебник, — и всё же она грядёт. Волдеморт возвращается. Чёрные фигуры собираются. Северус — одна из важнейших наших фигур в этой войне. Но наш злобный профессор зельеварения должен внешне, как говорится, соответствовать своей роли. Если за это можно заплатить чувствами детей, всего лишь их чувствами, Гарри, — голос старого волшебника был очень тих, — то нужно быть чудовищно невежественным в военных делах, чтобы счесть это плохой сделкой. Это не сложный выбор, Гарри. Сложный — выглядит вот так.

Волшебник никуда не показывал. Он просто стоял на месте посреди постаментов.

— Вам нельзя быть директором, — выдавил Гарри сквозь жжение в горле. — Мне очень, очень жаль, но нельзя пытаться быть школьным директором и одновременно вести войну. Хогвартс не должен быть частью всего этого.

— Дети выживут, — устало прикрыл глаза волшебник. — Они бы не пережили Волдеморта. Не интересовался ли ты, Гарри, почему дети в Хогвартсе редко говорят о своих родителях? Потому что всегда, в пределах слышимости, есть кто-нибудь, потерявший мать или отца, или обоих. Вот что оставил Волдеморт в прошлый раз. Ничто не стоит того, чтобы такая война началась снова хотя бы на день раньше чем должно или длилась на день дольше чем должно.

В этот раз старый волшебник повёл рукой, как будто указывая на все сломанные палочки:

— Мы сражались не потому, что так было правильно! Мы сражались, когда было необходимо, когда не оставалось иного выхода. Таким был наш ответ.

— Вы поэтому ждали так долго, прежде чем сразиться с Гриндевальдом? — выпалил Гарри, прежде чем успел подумать.

Время замедлилось. Голубые глаза рассматривали его.

— С кем ты разговаривал, Гарри? — спросил старый волшебник. — Нет, не отвечай. Я уже понял.

Дамблдор вздохнул:

— Многие задавали мне этот вопрос, и всегда я уводил разговор в сторону. Однако в своё время ты должен будешь узнать всю правду. Покаянёшься ли ты никогда не обсуждать это с другими, пока я не дам согласия?

Гарри хотелось бы получить разрешение рассказать Драко, но...

— Клянусь.

— Гриндевальд владел древним и ужасным устройством. И пока это устройство было у него, я не мог сломить его защиту. Я не мог победить в нашей дуэли, наш поединок длился много часов, и в итоге Гриндевальд пал от истощения сил. И я бы умер после этого, если бы не Фоукс. Но пока его союзники-маглы приносили кровавые жертвоприношения, поддерживая его силы, Гриндевальд бы не пал. Никто не должен знать о том зловещем устройстве, принадлежавшем Гриндевальду. Никто не должен подозревать о нём, не должно быть ни единого намёка, и больше я тебе сейчас ничего не скажу. Вот так, Гарри. Никакой морали, никакой мудрости. Вот, что тогда произошло.

Гарри медленно кивнул. Это не было совершенно невероятным по стандартам магии...

— А затем, — ещё тише продолжил Дамблдор, словно разговаривая с самим собой, — поскольку победил его именно я, когда я сказал, что он не должен умереть, все повиновались мне, хотя его крови требовали тысячи. И был он заключён в Нурменгарде, тюрьме, построенной им самим, и пребывает там по сей день. Я не собирался убивать Гриндевальда на той дуэли, Гарри. Понимаешь, однажды, давным-давно, я уже пробовал убить его, и это... это было... это оказалось... ошибкой, Гарри...

Старый волшебник держал перед собой свою тёмно-серую палочку и смотрел на неё так, словно это был хрустальный шар из магловской фэнтези, чаша, в которую можно заглянуть и увидеть ответы.

— И тогда я думал... Думал, что я никогда не должен убивать. А потом появился Волдеморт.

Старый волшебник вновь поднял взгляд на Гарри и хрипло продолжил:

— Он не похож на Гриндевальда, Гарри. Ничего человеческого в нём не осталось. Его ты должен уничтожить. Ты не должен колебаться, когда наступит время. К нему одному, из всех существ в этом мире, ты не должен выказать милосердия. И когда закончишь, ты должен забыть об этом, забыть, что ты сделал, и вернуться обратно к жизни. Сохрани свою ярость для этого и только для этого.

В кабинете повисла тишина.

После множества долгих секунд она была прервана коротким вопросом:

— Есть ли дементоры в Нурменгарде?

— Что? — переспросил старый волшебник. — Нет! Даже его я бы не обрёк на такую участь...

* * *

Старый волшебник смотрел на юного мальчика, который выпрямился и изменился в лице.

— Другими словами, — мальчик словно забыл, что в комнате кроме него есть ещё кто-то, — уже известно, как удержать могущественного Тёмного волшебника в тюрьме без дементоров. И люди знают, что они это знают.

— Гарри?..

— Нет, — мальчик поднял голову, и его глаза вспыхнули зелёным огнём, — я не принимаю ваш ответ, директор. Фоукс поручил мне миссию, и теперь я знаю, почему он доверил её мне, а не вам.

Вы готовы принять соотношение сил, при котором плохие парни побеждают. Я — нет.

— Это тоже не ответ, — на лице старого волшебника не отразилась его боль, он давно научился её скрывать. — Отказ что-то принять ничего не меняет. Быть может, ты просто слишком юн, чтобы понять этот вопрос, Гарри, несмотря на то, как ведёшь себя внешне. Лишь в детских мечтаниях можно выиграть все битвы и не оставить без внимания ни одно злодеяние.

— Вот почему я могу уничтожить дементоров, а вы — нет. Потому что я верю, что тьма может быть разрушена.

У старого волшебника перехватило дыхание.

— Цена феникса не неизбежна, — сказал мальчик. — Это не часть какого-то глубокого равновесия, встроенного в мироздание. Это всего лишь та часть задачи, где вы ещё не придумали способ сжульничать.

Старый волшебник открыл рот, но не произнёс ни слова.

Серебряный свет падал на разломанные палочки.

— Фоукс поручил мне миссию, — повторил мальчик, — и я не отступаю от этой миссии, даже если мне понадобится разрушить всё Министерство для её выполнения. Вот та часть ответа, которую вы упускаете. Нельзя просто остановиться и сказать: «Ну что ж, похоже, мне никак не удастся придумать способ положить конец хулиганству в Хогвартсе», — и так это и оставить. Нужно просто искать ответ, пока он не найдётся. И если он потребует разрушить всю коалицию Люциуса Малфоя, что ж — прекрасно.

— А настоящая битва, битва против Волдеморта? — дрожащим голосом спросил старый волшебник. — Что ты сделаешь, чтобы выиграть её, Гарри? Разрушишь весь мир? Даже если ты когда-нибудь получишь такое могущество, этого не хватит, чтобы совсем избежать потерь. Возможно, ничего для этого не хватит! Если ты уже сейчас ведёшь себя так, это не что иное, как безумие!

— Я спросил профессора Квиррелла, почему он засмеялся после того, как наградил Гермиону сотней баллов, — сказал мальчик ровным голосом. — И профессор Квиррелл ответил, это не точные его слова, но он сказал примерно следующее: его чрезвычайно позабавило, что великий и добрый Альбус Дамблдор сидел там и ничего не делал в ответ на мольбу о помощи бедной невинной девочки, а он сам наоборот её защитил. И ещё он сказал, что, когда добрые высокоморальные люди завязываются узлом, они обычно не делают ничего, а если всё-таки начинают действовать, то их едва ли можно отличить от тех, кого мы называем плохими. В то же время он сам

может помочь невинной девочке когда захочет, потому что он не является хорошим человеком. И мне следует помнить об этом всякий раз при мысли о том, чтобы вырасти хорошим.

Старый волшебник не показал силу полученного удара. Только если бы кто-нибудь смотрел очень внимательно, он смог бы заметить немного расширившиеся глаза.

— Не волнуйтесь, директор, — сказал мальчик. — У меня ещё не перемкнуло цепи. Я знаю, что должен учиться доброте у Гермионы и Фоукса, не у профессора Квиррелла или вас. Что возвращает меня к настоящей цели моего визита. Время Гермионы слишком ценно, чтобы тратить его на отработки. Профессор Снейп отменит их, заявив, что я его шантажировал.

Поколебавшись, старый волшебник кивнул головой, серебряная борода медленно качнулась.

— Это будет не лучшим вариантом для неё, Гарри, — сказал он, — но можно устроить, что она будет отрабатывать своё наказание у профессора Биннса, и вы сможете заниматься вместе в его аудитории.

— Хорошо, — ответил мальчик. — Думаю, я обсудил с вами всё, что хотел. Можете быть уверенны, что в следующий раз, когда мне покажется, что вы действуете на стороне плохих парней или позволяете им победить, я сделаю всё, что, по моему мнению, Фоукс сказал бы мне, невзирая на то, сколько неприятностей может за этим последовать. Надеюсь, мы прояснили этот вопрос.

Мальчик замолчал, повернулся и вышел из комнаты сквозь открытую дверь из чёрного металла. Спустя секунду послышалось «Люмос!», и показался свет волшебной палочки.

Старый волшебник молча стоял в тишине среди осколков судеб, которые ему пришлось оставить позади. Дрожащая морщинистая рука потянулась к очкам-полумесяцам...

Голова мальчика вынырнула из проёма.

— Вы не включите лестницу, директор? Я бы предпочёл не повторять заново всё, что я сделал, чтобы уйти тем же путём, которым я пришёл.

— Ступай, Гарри Поттер, — ответил волшебник, — лестница примет тебя.

(Чуть позже, более ранняя версия Гарри, которая с девяти вечера невидимой ждала у горгулий, прошла за заместителем директора через открытый для неё проход, вместе с ней доехала до самого верха на вращающихся ступенях, а затем, не снимая Мантию, трижды повернула Маховик времени.)

Послесловие: Профессор Квиррелл и ...

На тёмной лесной поляне, небрежно прислонившись спиной к грубой серой коре бука, ждал профессор Защиты. В эти поздние дни марта дерево ещё не успело покрыться листвой, и его ствол и крона походили на бледную руку, тянущую из земли к небу тысячу растопыренных пальцев. Несмотря на раннюю весну — лишь на немногих деревьях начали появляться почки — ветви вокруг профессора Защиты и над ним росли так густо, что с земли было почти невозможно увидеть небо. Паутина древесной сети пересекалась столь часто, что, если бы над ними и оказался летун на метле, ищущий кого-то внизу, ему было бы легче полагаться на слух, а не на зрение. Особенно с учётом того, что в Запретном лесу уже практически стемнело, невидимое солнце уже почти опустилось за горизонт и лишь несколько его затухающих лучей подсвечивали верхушки самых высоких деревьев.

Послышался очень тихий звук шагов, почти неслышных даже на лесной почве. Судя по походке, человек привык двигаться незаметно. Не хрустнула ни одна веточка, не зашелестел ни один листик...

— Добрый день, — сказал профессор Квиррелл, не потрудившись даже перевести взгляд в сторону гостя. Его руки по-прежнему свисали по бокам.

На поляне из воздуха проявилась фигура, закутанная в чёрный плащ. Она посмотрела налево, затем направо. В опущенной правой руке была палочка — настолько серая, что казалась почти серебряной.

— Не понимаю, почему для встречи вы выбрали именно это место, — холодно произнёс Северус Снейп.

— О, я подумал, что вы предпочтёте сохранить этот разговор в тайне, — профессор Квиррелл ответил настолько ленивым тоном, словно этот вопрос не имел ни малейшего значения. — У стен Хогвартса есть уши, и вы ведь не хотели бы, чтобы директор узнал о вашей роли во вчерашней истории?

Казалось, мартовский холод усилился.

— Я не знаю, о чём вы говорите, — ледяным тоном заявил профессор зельеварения.

— Вы прекрасно знаете, о чём мы говорим, — весело ответил профессор Квиррелл. — В самом деле, мой дорогой профессор, не стоит лезть в дела идиотов, если вы не готовы мгновенно защитить себя от любого применения силы с их стороны. — (Руки профессора Защиты по-прежнему расслаблено висели по бокам.) — И тем не менее, кажется, ни у кого из этих идиотов не сохранилось

в памяти зрелище вашего падения, и ни одна юная леди не помнит о вашем присутствии. В связи с этим встаёт крайне занимательный вопрос: зачем вы пошли на столь выдающиеся меры — осмелюсь даже сказать, отчаянные меры — как применение аж пятидесяти двух заклинаний забвения? — профессор Квиррелл повернул голову. — Вы испугались, что о вас подумают какие-то там ученики? Думаю, нет. Вас ужаснуло, что эта история станет известна вашему доброму другу, лорду Малфою? Но эти глупцы прямо на месте придумали вполне убедительное оправдание вашему присутствию. Нет, есть лишь один человек, чья власть над вами столь велика, и который будет очень возмущён, узнав, что вы плетёте интриги без его ведома. Ваш настоящий и тайный хозяин, Альбус Дамблдор.

— Что?! — прошипел профессор зельеварения. На его лице отчётливо читалась ярость.

— Но сейчас, судя по всему, вы действуете самостоятельно. И я крайне заинтригован тем, что вы задумали и почему.

Профессор Защиты внимательно посмотрел на чёрный силуэт профессора зельеварения взглядом человека, который обнаружил чрезвычайно интересное насекомое, но и только.

— Я не слуга Дамблдора, — холодно сказал профессор Снейп.

— В самом деле? Поразительная новость, — профессор Защиты слегка улыбнулся. — Расскажите об этом поподробнее.

Последовало длительное молчание. С какого-то дерева ухнула сова. В тишине звук показался очень громким. Ни один из мужчин даже не моргнул.

— Вы же не хотите, чтобы я стал вашим врагом, Квиррелл, — очень тихо произнёс Северус Снейп.

— Правда? Откуда вы знаете?

— С другой стороны, — продолжил тем же тоном профессор зельеварения, — у моих друзей появляется много возможностей.

Человек, прислонившийся к серой коре, поднял брови:

— Например?

— Я знаю многое об этой школе. Много, о чём вы можете даже не подозревать, — профессор Снейп выжидающе умолк.

— Чрезвычайно занимательно, — профессор Квиррелл с утомлённым видом принялся изучать ногти. — Продолжайте.

— Я знаю, вы... исследовали... коридор на третьем этаже.

— Вы ничего такого не знаете, — профессор Защиты выпрямился. — Не блефуйте, Северус Снейп, меня это раздражает, а вы не в том положении, чтобы раздражать меня. Любой знающий

волшебник с первого взгляда заметит, что директор опутал коридор безумным количеством защитных чар, паутин, ловушек и ложных ловушек. Более того, там наложены чары древнейшей мощи, установлены магические устройства, про которые до меня не доходило даже слухов, использованы приёмы, которые должно быть взялись из сокровищницы знаний самого Фламеля. Даже Тому-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут было бы сложно пройти через всё это незамеченным, — профессор Квиррелл задумчиво потёр пальцем щёку. — Но запирает всё это *Коллопортус* на обычной дверной ручке, наложенный настолько слабо, что он не удержал бы и мисс Грейнджер в тот день, когда она вошла в Хогвартс. Никогда в жизни я не встречал настолько очевидной ловушки, — глаза профессора Защиты сузились. — Я не знаю никого во всём мире, против кого все эти фантастические средства обнаружения имели бы хоть какой-то смысл. Если есть какой-либо волшебник, владеющий древним знанием, о котором я ничего не знаю, и против которого поставлена эта ловушка, вы можете обменять эту информацию, мой дорогой профессор, на любое молчание с моей стороны, и я вам ещё буду должен большую услугу.

Можно было поклясться, что профессор Квиррелл посмотрел на Северуса Снейпа с искренним интересом. Даже слабая тень улыбки не коснулась его губ.

Над поляной снова повисла тишина.

— Я не знаю, кого именно боится Дамблдор, — наконец сказал Снейп. — Но я знаю, какую он положил наживку, и кое что о том, как она на самом деле охраняется...

Голос профессора Квиррелла опять поскучнел:

— Я похитил её несколько месяцев назад и оставил на её месте фальшивку. Но большое спасибо за предложение.

— Вы лжёте, — помедлив, сказал Северус Снейп.

— Да, я лгу, — профессор Квиррелл опять прислонился к стволу дерева и устремил взгляд на плотную сеть ветвей. Ночное небо едва виднелось сквозь сложные переплетения. — Я просто хотел узнать, поддержите ли вы мою ставку, раз уж вы притворяетесь, что знаете так мало.

Профессор Защиты улыбнулся сам себе.

Профессор зельеварения выглядел так, будто он сейчас подавится собственной яростью:

— Чего вы хотите?!

— На самом деле ничего, — профессор Квиррелл продолжал изучать лесной свод. — Мне лишь любопытно. Думаю, мне просто

стоит посмотреть, к чему приведут ваши интриги. И я ничего не скажу директору — конечно, пока вы будете готовы оказывать мне услуги время от времени, — профессор Защиты сухо улыбнулся. — Можете идти, Северус Снейп. Хотя я бы не отказался побеседовать с вами в скором времени, если вы захотите честно поведать мне, кому принадлежит ваша верность. Подчёркиваю, честно, без масок, которые вы надели сегодня. У вас может оказаться больше союзников, чем вы думаете. Подумайте об этом на досуге, друг мой.

Послесловие: Драко Малфой и ...

Радужная полусфера — сплошной купол магии, сам по себе практически бесцветный и лишь отражающий расщеплённый свет — переливалась всеми цветами под сиянием великолепных люстр гостиной Слизерина.

Под куполом можно было разглядеть искажённое ужасом лицо юной ведьмы, которая никогда не сражалась с хулиганами, не входила ни в одну из армий профессора Квиррелла и на уроках Защиты получала в лучшем случае «Удовлетворительно». Сама она не создала бы Радужный барьер даже под страхом смерти.

— Ну, хватит, — произнёс Драко Малфой, изо всех сил изображая голосом скуку, хотя под мантией он весь взмок от пота. Его палочка была направлена на барьер, укрывающий Милисенту Булстроуд.

Он не мог вспомнить, как он принял это решение. Только что два старшекурсника собирались наложить проклятье на Милисенту, вся гостиная молча взидала на происходящее, и тогда рука Драко просто вытащила палочку и создала барьер, вынудив сердце колотиться от адреналина, а несчастный мозг — судорожно искать внутри себя объяснения...

Старшекурсники, ранее нависавшие над Милисентой, повернулись к Драко. На их лицах читалась смесь ярости и потрясения. Грегори и Винсент рядом с ним тоже вытащили палочки, но пока не направляли их на противника. В любом случае, даже втроем они не могли победить.

Но старшекурсники не будут кидаться в него проклятиями. Никто не может быть настолько глуп, чтобы кинуть проклятие в следующего лорда Малфоя.

Не из-за боязни летящих проклятий Драко вспотел и сейчас отчаянно надеялся, что капли пота не видны на его лбу.

Драко вспотел, потому что у него появилась болезненная уверенность, что даже если он сейчас и выкрутится, то нынешний

путь приведёт его к краху, и не исключено, что он уже не будет следующим лордом Малфоем.

— Мистер Малфой, — заговорил самый старший с виду парень, — почему вы её защищаете?

— Итак, вы обнаружили главу заговора, — Драко изобразил Ухмылку номер два, — и, позволю себе сказать прямо, ею оказалась первокурсница по имени Милисента Булстроуд. Она лишь посредник, гений!

— И что? — ответил старшекурсник. — Она всё равно им помогала!

Драко убрал палочку, и Радужная сфера исчезла. Тем же скупающим голосом он спросил:

— Вы знали, что вы делаете, мисс Булстроуд?

— Н-нет, — заикаясь, ответила Милисента. Она по-прежнему сидела за столом.

— Вы знали, кому предназначены слизеринские сообщения, которые вы передавали?

— Нет! — воскликнула Милисента.

— Спасибо, — сказал Драко. — Вы все, пожалуйста, оставьте её в покое, она всего лишь пешка. Мисс Булстроуд, можете считать, что я вернул вам долг за услугу, которую вы оказали мне в феврале, — и Драко повернул голову к своей домашней работе по зельеварению, отчаянно взывая к Мерлину, чтобы Милисента не ляпнула какую-нибудь феерическую глупость вроде «Какую услугу?»

— Тогда почему, — громко спросил голос с другой стороны гостиной, — эти ведьмы пошли туда, куда им предписывала прийти записка Милисенты?

Вспотев ещё сильнее, Драко поднял голову и посмотрел на Рэндольфа Ли.

— Что именно было написано в фальшивой записке? — спросил Драко. — Там было сказано: «Приказываю вам явиться именем Тёмной Леди Булстроуд» или «Пожалуйста, ждите меня там, искренне ваша Милисента»?

Рэндольф Ли открыл рот, помедлил долю секунды...

— Я так и думал, — сказал Драко. — Это не очень хорошая проверка, мистер Ли. Возможно... — потребовалась безумно-нервная секунда, чтобы придумать, как высказать свою мысль, не используя слова Гарри вроде «ложный положительный результат». — Возможно, ведьмы пришли туда потому, что кто-то из них просто дружит с Милисентой.

И Драко опять устался в свою работу по зельеварению, словно вопрос был полностью исчерпан. Он не обращал внимания на шепотки, поползшие по залу. Но его не отпускало ужасное болезненное предчувствие.

И лишь краем глаза Драко заметил пристальный взгляд Грегори в его сторону.

* * *

Глаза Драко скользили по домашней работе по астрономии, но он не мог себя заставить на ней сосредоточиться. Он пытался выбросить из головы то, о чём ему рассказывал Гарри Поттер. Но сейчас он смотрел на картинку с ночным небом в учебнике и понимал, что практически невозможно заставить себя думать так, будто он не знает законы движения планет. Астрономия — благородное, престижное искусство, символ учёности и знания... Но только маглы владеют тайными современными артефактами, которые позволяют заниматься ей в миллион миллиардов раз лучше. Гарри пытался объяснить, как это делается, но Драко до сих пор не мог ничего понять, кроме того, что, судя по всему, чтобы заставить неодушевлённые предметы заниматься арифмантикой даже не нужно магии.

Драко смотрел на рисунки созвездий и размышлял, происходит ли что-то подобное на других факультетах? Угрожают ли постоянно друг другу ученики в Когтевране?

Гарри Поттер однажды рассказал ему, что на самом деле солдаты на поле боя сражаются не за свою страну. Патриотизм может привести их на поле боя, но когда они уже там, они сражаются, чтобы защитить друг друга, друзей, с которыми они служат плечом к плечу. И Гарри заметил — и Драко понял, что тот прав — нельзя использовать верность лидеру, чтобы вложить силу в заклинание Патронуса. Это не совсем та счастливая мысль, в ней нет правильного тепла. Но если думать о защите кого-то, кто рядом с тобой...

Гарри тогда задумчиво добавил, что, вероятно, именно поэтому Пожиратели Смерти разбежались сразу же, как Тёмного Лорда не стало. В их отношениях было недостаточно теплоты друг для друга.

Можно собрать группу, включающую Беллатрису Блэк и Амикуса Кэрроу вместе с лордом Малфоем и мистером МакНейром, и удерживать их в строю проклятием Круциатус. Но в то мгновение, когда хозяин Тёмной Метки исчез, армии не стало, остался кружок знакомых. Именно поэтому отец проиграл. На самом деле,

это даже не была его вина. Отец вообще ничего не мог сделать, он унаследовал Пожирателей Смерти, которые не были друг для друга настоящими друзьями.

И хотя Драко должен был защитить именно факультет Слизерин — ведь именно ради спасения Слизерина они с Гарри объединились — иногда он не мог удержаться от мысли, что командовать тренировками армии менее утомительно. В армии он работал лишь с учениками трёх других факультетов. Стоит увидеть и озвучить проблему, и её уже нельзя не замечать, и с каждым днём она всё больше и больше раздражает.

— Мистер Малfoy? — раздался голос Грегори Гойла. Тот лежал на полу рядом со столом Драко в его маленькой, но отдельной спальне. Грегори делал домашнее задание по трансфигурации, и в этом ему часто нужна была помощь.

Драко обрадовался поводу отвлечься от своих мыслей.

— Да?

— Вы ведь вовсе не интригуете против Грейнджер, — произнес Грегори. — Так ведь?

Судя по голосу, Грегори боялся этого вопроса ничуть не меньше, чем сам Драко.

— На самом деле вы помогали Грейнджер — в тот день, когда вы помогли ей подняться, — продолжил Грегори. — И раньше, в тот раз, когда вы удерживали её на крыше. Вы помогли грязнокровке...

— Ну да, — Драко без малейшей запинки или колебаний изобразил сарказм в голосе и снова уткнулся в свою работу по астрологии, изображая абсолютное спокойствие. Он давно опасался подобного разговора, но по крайней мере он уже не раз его мысленно репетировал и придумал, как его правильно начать. — Включи мозги, Грегори, ты же сражался с ней, ты ведь знаешь, насколько она сильна. И что, какое-то магловское отродье может быть сильнее тебя, сильнее Теодора, сильнее любого чистокровного на нашем курсе, не считая меня? Ты что, не веришь тому, что говорит отец? Она приёмш. Её родители погибли на войне, и кто-то отдал её паре маглов, чтобы спрятать. Генерал Грейнджер никак не может быть настоящей грязнокровкой.

Драко казалось, что в тишине комнаты можно услышать, как стучит его сердце. Он очень хотел узнать, ему было необходимо узнать, какое выражение лица сейчас у Грегори. Однако он совершенно не мог отвести взгляд от стола, только не сейчас — Грегори должен был заговорить первым.

И тут...

— Это Гарри Поттер сказал вам? — спросил Грегори.

Голос задрожал и оборвался. Драко поднял глаза от домашней работы и увидел слёзы в глазах Грегори.

Очевидно, уловка не сработала.

— Я не знаю, что делать, — прошептал Грегори. — Я не знаю, что теперь делать, мистер Малfoy. Вашему отцу... когда он об этом узнает... ему это не понравится, мистер Малfoy!

Это не твоё дело — решать, что понравится отцу, Гойл...

Драко слышал, как в его голове отцовский голос сурово произносит эти слова. Именно так отец сказал ему отвечать, если Винсент или Грегори осмелятся сомневаться в его действиях, а если это не работает, то Драко должен был ударить их проклятием. Они не равня ему, говорил отец, и Драко никогда не должен забывать об этом. Драко командует, они подчиняются. А если Драко не в состоянии удерживать такое положение вещей, то он не достоин унаследовать Дом Малфоев...

— Всё в порядке, Грегори, — сказал Драко со всей возможной мягкостью. — Всё, что от тебя требуется — обеспечивать мою безопасность. Никто не обвинит тебя в том, что ты следовал моим приказам, ни мой отец, ни твой, — Драко говорил, вкладывая всю теплоту в голос, словно призывая Патронуса. — И в любом случае, следующая война не будет похожа на предыдущую. Дом Малфоев существовал задолго до Тёмного Лорда, и иногда лорд Малfoy должен вести себя не так, как его предшественник. Отец об этом знает.

— Он знает? — произнёс Грегори дрожащим голосом. — Правда? Драко кивнул.

— Профессор Квиррелл тоже знает, — сказал он. — Именно для этого и нужны армии. Профессор Защиты прав, когда наступит следующая война, отец не сможет объединить всю страну, люди ещё будут помнить о предыдущей войне. Но все, кто сражался в армиях профессора Квиррелла, вспомнят, кто были сильнейшие генералы, и будут знать, кто достоин вести их. Они провозгласят своим лордом Гарри Поттера, а я стану его правой рукой, и дом Малфоев окажется на вершине, как и всегда. А если Поттера не окажется рядом, люди даже могут прийти ко мне, поскольку будут мне доверять. Именно над этим я сейчас и работаю. Отец поймёт.

Грегори вытер слёзы и опустил взгляд на свою домашнюю работу по трансфигурации.

— Хорошо, — сказал он неуверенно. — Если вы так говорите, мистер Малfoy.

Из-за лжи, которую он только что сказал своему другу, в душе чувствовалась пустота. Но Драко лишь снова кивнул и вернулся к звёздам.

Послесловие: Гермиона Грейнджер и ...

Невидимость должна выглядеть как-то поинтереснее. Например, коридоры Хогвартса должны приобретать контуры странных цветов или что-то вроде того. Но на самом деле, по мнению Гермионы, ощущения под Мантией невидимости ничем не отличались от ощущений без Мантии невидимости. Когда сдёргиваешь завесу мягкой чёрной ткани капюшона со своего лица, даже не замечаешь, как она струится перед тобой, и, похоже, Мантия совсем не затрудняла дыхание. Да и мир вокруг выглядел точно так же, разве что, когда ты проходил мимо металлических предметов, в них не было и намёка на твоё отражение. Портреты не обращали на тебя внимание — они продолжали заниматься всеми теми странными делами, которыми бы занимались, будучи в одиночестве. Гермиона ещё не пыталась пройти мимо зеркала, она не была уверена, что хотела бы этого. Ты идёшь, и тебя как будто и нет вовсе — ни рук, ни ног, только перемещение точки обзора. Нервирующее ощущение, будто ты не просто невидимая — ты не существуешь.

Гарри не задал ни одного вопроса: едва она произнесла слово «невидимость», как он принялся вытаскивать мантию-невидимку из кошель. У неё даже не было возможности рассказать о чрезвычайно секретной встрече с Дафной и Милисентой Булстроуд или о том, что мантия поможет ей защитить других девочек — Гарри просто вручил ей предмет, который скорее всего был Даром Смерти. Если говорить по справедливости, а она старалась быть справедливой, то нужно было признать, что Гарри иногда мог быть самым настоящим другом.

Само секретное совещание оказалось огромной неудачей.

Милисента заявила, что она провидец.

Гермиона тщательно — и довольно подробно — объяснила Милисенте и Дафне, что это в принципе невозможно.

На ранней стадии их с Гарри исследований они ознакомились с прорицаниями — Гарри настоял, чтобы они прочли всё, что можно было найти на тему пророчеств не в Запретной секции. Как заметил тогда Гарри, они сэкономят множество усилий, если просто найдут провидца, который напроорочествует им всё, что они откроют в бли-

жайшие тридцать пять лет. (Или, говоря на языке Гарри, любые способы получить информацию из далёкого будущего могут привести к мгновенной глобальной победе).

Но, как Гермiona и объяснила Милисенте, предсказания нельзя было контролировать — невозможно было заказать пророчество о чём-нибудь конкретном. На самом деле (так говорилось в книгах) существовало своеобразное накапливающееся «давление» на Время, когда какое-либо значимое событие старалось произойти, или же старалось не произойти. И прорицатели были похожи на слабые места, через которые выпускалось это давление, если поблизости оказывался правильный слушатель. Поэтому пророчества говорили лишь о важных, значительных событиях, ибо только они создавали необходимое давление. И практически всегда о событии говорил только один предсказатель, так как после произнесения пророчества давление исчезало. Кроме того, как Гермiona далее объяснила Милисенте, провидцы никогда не помнили своих пророчеств — ведь сообщение предназначалось не им. И сообщения получались загадками, и только тот, кто присутствовал при первом произнесении пророчества, мог расслышать все смыслы, заложенные в загадку. Милисента совершенно никак не могла пророчествовать в любое удобное для неё время о школьных хулиганах, и при этом запоминать пророчества, а если бы всё-таки могла, у неё бы получалось что-то вроде «скелет — это ключ», а не «Сьюзен Боунс должна быть там»¹.

К этому времени Милисента выглядела уже довольно напуганной, и Гермiona, которая стояла, уперев руки в бока, немного расслабилась, успокоилась и осторожно заметила, что она рада, что Милисента им помогала, но следуя советам Милисенты они несколько раз попадали в ловушки, и поэтому Гермiona правда хотела бы знать, откуда эти сообщения приходили на самом деле.

На что Милисента очень тихо сказала:

«Но... но она говорила мне, что она прорицательница...»

Когда Милисента отказалась выдать свой источник информации, Гермiona сказала Дафне не давить на неё. Дело было не только в том, что Гермiona чувствовала себя ужасно при виде испуганной Милисенты. Просто у Гермiony было сильное предчувствие, что, даже если они найдут того, кто передавал сообщения Милисенте, выяснится, что он утром просто находил конверты под подушкой.

¹ Непереводаемая игра слов. Фамилия «Боунс» буквально переводится как «кости». — *Прим. перев.*

На неё накатило такое же отчаяние, какое она испытывала перед битвой на Рождество при виде схемы Забини с огромным количеством цветных линий и прямоугольников и... и только сейчас она осознала, почему именно Забини показал ей эту схему.

Она почувствовала, что даже для когтевранки жизнь может оказаться слишком переусложнённой.

Гермиона начала подъём по короткой спирали жёлтых мраморных ступеней, выступающих из центральной оси. Это был общеизвестный «тайный» проход — один из самых быстрых путей из подземелий Слизерина в башню Когтеврана. Но им могли пользоваться только ведьмы. (Гермиона немного недоумевала, почему именно девочкам нужен быстрый способ попадать из Когтеврана в Слизерин и обратно). Поднявшись по лестнице до самого верха и оказавшись в основной части Хогвартса — уже далеко от подземелий Слизерина, — Гермиона остановилась и сняла мантию-невидимку.

Когда кошель проглотил мантию, Гермиона повернула направо, в короткий коридор. Теперь она машинально осматривалась во всех направлениях, её блуждающий взгляд упал на затенённый альков...

(чувство дезориентации)

...и тут, внезапно, словно удар сногшибателя, на неё нахлынули потрясение и страх. Гермиона даже не успела задуматься о том, что она делает, как палочка сама оказалась у неё в руке и нацелилась на...

...кого-то в чёрном плаще — настолько широком и бесформенном, что было совершенно непонятно: скрывается под ним мужская фигура или женская. Венчала фигуру чёрная широкополая шляпа, под которой клубилось что-то, похожее на чёрную дымку, мешающее разглядеть лицо.

— И снова здравствуй, Гермиона, — прошептал свистящий голос из-под чёрной шляпы, из-за чёрной дымки.

У Гермионы уже неистово колотилось сердце, она чувствовала, что её мантия уже промокла от пота, во рту уже ощущался привкус страха. Девочка не знала, почему её так внезапно захлестнул поток адреналина, но рука сжала палочку ещё сильнее.

— Кто вы? — требовательно спросила Гермиона.

Шляпа слегка наклонилась, в пришедшем из чёрной дымки, сухом, как пыль, голосе не было ни тени эмоций:

— Последний союзник, — проговорил свистящий шёпот. — Тот, кто отвечает, когда все остальные молчат. Возможно, я — твой единственный настоящий друг во всём Хогвартсе, Гермиона. Ибо ты недавно была свидетельницей, как другие предпочли промолчать, когда ты так нуждалась...

— Ваше имя?

Чёрный плащ слегка повернулся — туда, сюда, это не выглядело, как пожимание плечами, но смысл был тот же.

— Это загадка, юная когтевранка. Пока ты её не разгадаешь, можешь называть меня, как тебе вздумается.

Её ладонь уже вспотела, но палочка крепко сидела в руке благодаря спиральным насечкам на дереве.

— Ну, мистер Невероятно Подозрительная Персона, — ответила Гермиона, — что вы хотите от меня?

— Неправильный вопрос, — раздался шёпот из чёрной дымки. — Тебе следует спросить, что я могу тебе предложить.

— Нет, — твёрдо произнесла девочка, — не думаю, что мне действительно следует задавать такой вопрос.

Из-за чёрного тумана послышался смешок.

— Не власть, — прошептал голос, — не богатство. Тебя мало заботят подобные материи, не так ли, юная когтевранка? Знание. Вот что у меня есть. Я знаю, что разворачивается в школе, все скрытые планы, всех игроков, все ответы этой загадки. Мне известна истинная причина того холода, что ты замечаешь в глазах Гарри Поттера. Я знаю истинную причину загадочной болезни профессора Квиррелла. Я знаю, кого на самом деле боится Дамблдор.

— Замечательно, — сказала Гермиона Грейнджер. — А вы знаете, сколько раз надо лизнуть конфету на палочке, чтобы добраться до начинки?

Чёрная дымка, казалось, слегка потемнела, а в зазвучавшем голосе послышались нотки разочарования.

— Значит тебе совсем не любопытно узнать правду, скрытую завесой лжи, юная когтевранка?

— Сто восемьдесят семь, — сказала она. — Я однажды попробовала, и получилось именно столько.

Палочка едва не выскальзывала из пальцев: в них ощущалась такая усталость, будто прошли не считанные минуты, а несколько часов...

Голос прошипел:

— Профессор Снейп — тайный Пожиратель Смерти.

Гермиона чуть не выронила палочку.

— Ага, — удовлетворённо прошептал голос. — Я подумал, что это может заинтересовать тебя. Итак, Гермиона, хочешь ли ты узнать ещё что-нибудь о своих врагах или о тех, кого ты зовёшь друзьями?

Она не отрывала глаз от чёрной дымки под широкой шляпой, лихорадочно пытаясь собраться с мыслями. Профессор Снейп —

Пожиратель Смерти? Кто бы мог захотеть рассказать что-то подобное ей? Зачем? Что происходит?

— Это... — произнесла дрожащим голосом Гермиона, — это чрезвычайно серьёзное дело, если это действительно правда. Почему вы говорите это мне, а не директору Дамблдору?

— Дамблдор не сделал ничего, чтобы остановить Снейпа, — прошептал чёрный туман. — Ты сама видела это, Гермиона. Хогвартс гниёт с головы. Все беды этой школы — абсолютно все — начались с безумного директора. Ты одна осмелилась бросить ему вызов... и поэтому я разговариваю с тобой.

— А с Гарри Поттером вы разговаривали? — спросила Гермиона, стараясь говорить как можно спокойнее. Если это и есть помогающий ему призрак...

Чёрный туман стал темнее, а потом посветлел, как будто избражая отрицание.

— Меня пугает Гарри Поттер, — послышался шёпот. — В его глазах холод, за его спиной поднимается тьма. Гарри Поттер — убийца, и все, кто встанут на его пути — умрут. Даже ты, Гермиона Грейнджер, если посмеешь по-настоящему противостоять ему. Тьма, прячущаяся в его глазах, дотянется до тебя и уничтожит. Это я знаю точно.

— Значит, вы не знаете и половины того, что вы якобы знаете, — голос Гермионы стал твёрже. — Гарри действительно меня пугает. Но не из-за того, что он может когда-либо сделать мне. Меня пугает, что он может сделать, чтобы защитить меня...

— Ты ошибаешься, — шёпот не допускал даже возможности для возражений. — Когда-нибудь Гарри Поттером полностью овладеет тьма, Гермиона, и он обратится против тебя. Однажды он растопчет тебя, не пролив ни слезинки, он даже не заметит этого.

— Это вы ошибаетесь! — воскликнула Гермиона, хотя по её спине побежали мурашки. Она вспомнила одну из фраз Гарри. — Что вы знаете и почему вы думаете, что вы это знаете, кстати?

— Время... — казалось, голос оборвал сам себя, — для этого ещё будет время. Ибо сейчас, ибо сегодня Гарри Поттер тебе не враг. И тем не менее, ты находишься в величайшей опасности.

— Вот в это я могу поверить, — сказала Гермиона Грейнджер. Ей отчаянно хотелось взять палочку в другую руку: казалось, что правая рука сейчас просто отвалится, голова раскалывалась от боли, как будто она смотрела в эту чёрную дымку уже дни напролёт. Гермиона никак не могла понять, почему она устала так быстро.

— Люциус Малфой обратил на тебя внимание, Гермиона. — Шёпот поднялся, оставив былую бесстрастность и приобретя различимую нотку озабоченности. — Ты унизила Слизерин, ты победила его сына в битве. Ты и раньше смущала всех сторонников Пожирателей Смерти, ибо ты — маглорождённая, которая обладает большей волшебной силой, чем какой-либо чистокровный. А теперь ты становишься известной, весь мир следит за тобой. Люциус Малфой ищет способ раздавить тебя, Гермиона, причинить тебе боль, а возможно, даже убить, и у него есть свои средства, чтобы этого добиться! — шёпот стал настойчивым.

— Это всё? — не услышав продолжения, спросила Гермиона. Если бы на её месте оказались бывший полковник Забини или Гарри Поттер, они бы наверняка начали задавать хитрые вопросы, чтобы собрать побольше информации. Но Гермиона чувствовала, что её мысли текут медленно и устало. Больше всего ей было нужно выбраться отсюда и на какое-то время лечь и отдохнуть.

— Ты мне не веришь, — послышался шёпот, теперь более тихий и печальный. — Почему, Гермиона? Я всего лишь пытаюсь тебе помочь.

Гермиона отступила на шаг от тёмного алькова.

— Почему, Гермиона?! — потребовал голос, перейдя в шипение. — Хотя бы такую малость ты можешь мне сказать? Ответь мне, а потом... — голос прервался, и продолжил уже спокойнее. — А потом, полагаю, ты можешь идти. Только скажи мне... почему...

Возможно, ей не следовало отвечать, возможно, ей стоило просто повернуться и сбежать, или ещё лучше сначала вызвать Радужную Стену, а потом сбежать, крича, что есть сил. Но неподдельная боль, звучащая в этом голосе, остановила её и заставила ответить.

— Потому что вы выглядите чрезвычайно Тёмной, жуткой и подозрительной личностью, — сказала Гермиона, стараясь говорить вежливо, несмотря на то, что её палочка по-прежнему целилась в фигуру в чёрном плаще, в безликую чёрную дымку.

— И это всё? — недоверчиво прошестел голос, казалось, его переполняет печаль. — Я думал о тебе лучше, Гермиона. Уверен, такая когтевранка как ты, самая умная когтевранка своего поколения, которой Хогвартс может гордиться, знает, что внешность бывает обманчива.

— Да, я знаю, — ответила Гермиона. Она сделала ещё один шаг назад, усталые пальцы стиснули палочку. — Но люди иногда забывают, что, хотя внешность и может быть обманчива, обычно это не так.

Голос помолчал.

— Ты умна, — сказал он наконец. Чёрный туман рассеялся. Гермиона увидела лицо, которое он скрывал, узнавание панически впрыснуло в кровь ударную дозу адреналина...

(чувство дезориентации)

... и тут, внезапно, словно удар сногсшибателя, на неё нахлынули потрясение и страх. Гермиона даже не успела задуматься, о том, что она делает, как палочка сама оказалась у неё в руке и нацелилась на...

... сияющую даму, в длинном белом платье, которое колыхалось словно от невидимого ветра. Ни руки, ни ноги дамы не были видны, лицо скрывала белая вуаль, и вся она светила. Не как призраки, не как прозрачные существа, а лишь будто её окружал мягкий белый свет.

Гермиона с открытым ртом уставилась на это прекрасное видение, не понимая, почему её сердце так колотится и почему она так напугана.

— И снова здравствуй, Гермиона, — из белого сияния под вуалью донёсся дружелюбный шёпот. — Меня послали помочь тебе, поэтому, прошу тебя, не бойся. Я буду во всём твоей верной слугой. Ибо тебе, моя леди, предначертана удивительнейшая судьба...

Комментарии

Стр. 12. «Они понятия не имели, как всё вокруг устроено, и потому просто говорили: „Всё есть вода” или „Всё есть огонь”». — В этом рассуждении Гарри несколько лукавит, сравнивая тёплое с мягким. В современной методологии описанный им подход называется *предельной (или категориальной) рамкой* и вполне эффективно используется как инструмент построения и анализа моделей.

Стр. 13. «Одноразовым паролем для горгульи была фраза „брезгливый ягнятник”». — В августе 1977 года в журнале Scientific American появилось первое описание криптосистемы RSA. В качестве примера читателям было предложено вычислить фразу, зашифрованную с помощью этого алгоритма. Это оказалась фраза «The Magic Words are Squeamish Ossifrage» («Волшебные слова: брезгливый ягнятник»).

Стр. 14. «Директор нахмурился, пальцы беззвучно выбивали дробь на иссиня-чёрной поверхности пластины с надписью „Лелиэль”». — Лелиэль (Лелиил) — Ангел Ночи из аниме «Евангелион». «Тело» этого Ангела представляет собой практически плоское (3 нанометра) образование, напоминающее тень и поглощающее все объекты на поверхности.

Стр. 24. «...это доказывается через математическую индукцию...» — Математическая индукция — метод, согласно которому можно доказать истинность некоторого утверждения для всех натуральных чисел. Суть метода заключается в том, что утверждение, зависящее от N , доказывается для $N=1$, а также доказывается, что если утверждение верно для $N=k$, то оно верно и для $N=k+1$. Если оба шага выполнены, значит, утверждение верно для любого N .

Стр. 24. «...понаблюдая вместе со всеми родившимися на Старой Земле за угасанием Солнца...» — Очень похоже на сюжет эпизода «Конец света» — из 1 сезона возобновлённого «Доктора Кто» (2005).

Стр. 24. «...раньше я боялся, что не найду способа покинуть эту вселенную прежде, чем в ней закончится негэнтропия...» — Негэнтропия — философский и физический термин, обозначающий противоположность энтропии. В самом общем смысле означает меру упорядоченности и организованности системы.

Стр. 30. «...он взял в руки хрустальный шар, внутри которого виднелась рука, обнятая пламенем...» — Это явно палантир («видящий камень») из «Властелина Колец», конкретно — палантир гондорского наместника Денэтора, с которым тот взойшёл на погребальный костёр.

Стр. 97. «Гермиона не отрывала глаз от запечатанного воском конверта, на поверхности которого было написано число 42». — В уже упоминавшейся книге Дугласа Адамса «Автостопом по галактике» число 42 — это ответ на «главный вопрос жизни, вселенной и вообще».

Стр. 105. «И тогда пламя леди Когтевран обрушилось на тьму, что скрывала левый фланг армии лорда Фаула...» — Лорд Фаул — главный злодей в серии книг «Хроники Томаса Ковенанта» Стивена Дональдсона.

Стр. 106. «Дулак». — Как вы помните, обычное заклинание темноты — «Нокс». А заклинание, которое использует Гарри, принадлежит волшебнику Рейстлину Маджере из серии книг Трейси Хикмен и Маргарет Уэйс «Сага о Копье». Этим словом Рейстлин гасит свечение шара — завершая своего магического посоха.

Стр. 127. «Возможно, они произошли от кристаллов, или от больших пульсирующих капель...» — Возможная отсылка к другому произведению Юджовского — повести «Тройной контакт» (Three Worlds Collide).

Стр. 127. «Я мечтаю, — прозвучал голос Гарри, — что однажды о разумных существах будут судить по их мыслям, а не по цвету или форме, и не по веществу, из которого они сделаны, и не по тому, кто их родители». — Возможная отсылка к знаменитой речи Мартина Лютера Kinga 28 августа 1963 года. В ней Мартин Лютер King говорит, что мечтает о мире, где белые и чернокожие будут иметь равные права. Речь считается шедевром ораторского искусства.

Стр. 132. «...чтобы остерегался зелёной обезьяны, — эта фраза была тайным знаком в одной из пьес, что он когда-то видел». — Цитата из веб-комикса The Order of the Stick, посвящённого настольным ролевым играм.

Стр. 134. «...Насколько Гарри знал, животными с самым маленьким мозгом и при этом с хоть какими-то речевыми способностями были африканские серые попугаи, которых обучала Ирен Пепперберг». — Эксперименты проводились начиная с 1980-х годов. Основным объектом экспериментов был жако по имени Алекс. Он научился определять до пятидесяти различных объектов, мог различать семь цветов и пять типов фигур, а также осознавать понятия «больше», «меньше», «одно и то же», «разные», «над» и «под». Словарный запас попугая составлял около 150 слов, причем он понимал, о чём говорит, верно отвечая на вопросы о форме, цвете или материале предметов.

Стр. 135. «Гарри молил Ктулху, чтобы эта история была просто сказкой, которой она, судя по всем признакам, и являлась». — Ктулху — владыка миров, божество мифического пантеона, придуманного Говардом Лавкрафтом. После смерти автора пантеон обрёл такую популярность, что не только породил множество продолжений и подражаний в литературе, но и начал восприниматься частью читателей как реально существовавший — наряду с греческим, индийским или скандинавским.

Стр. 138. «Ох, слава Азатоту...» — Азатот — безумный бог, султан демонов, верховное божество лавкрафтовского пантеона.

Стр. 143. «Необычное? — повторил Гарри. — Да нет, всё как всегда. Четыре сидения, четыре колеса, два огромных лошадиных скелета с крыльями...» — Здесь присутствует непереводаемая игра слов. Квиррелл использует слово «odd», которое может означать как «необычное», так и «нечётное». Гарри в ответ шутит, что всё вокруг присутствует в чётном количестве.

Стр. 145. «Тарелку зелёного чечевичного супа с соевым соусом, — сказал профессор Квиррелл официантке. — И чили Тенорманов для мистера Поттера». — Циничный намёк на то, что озабоченный разумностью еды Гарри попадает буквально на трапезу каннибалов. Зелёный чечевичный суп с соевым соусом — отсылка к зелёному сойленту (от *soybean* — соя и *lentil* — чечевица), растворимому порошку, заменившему человечеству еду в антиутопии Гарри Гаррисона «Подвиньтесь! Подвиньтесь!» о перенаселённом и лишённом ресурсов мире (и её экранизации «Зелёный сойлент»). Зловещая тайна порошка заключалась в том, что его производили из самого дешёвого сырья: человеческих останков. Чили Тенорманов — отсылка к первой серии пятого сезона мультсериала «Южный парк», в которой Эрик Картман вызывает старшеклассника Скотта Тенормана на кулинарный поединок и кормит его чили, приготовленным из трупов его родителей. Далее в тексте упоминается, что вместе с супом и чили официантка приносит для профессора Защиты бокал кьянти. Это любимый напиток главного героя серии романов Томаса Харриса и их экранизаций (например, оscarоносного «Молчания гнят») Ганнибала Лектера — серийного убийцы и людоеда.

Стр. 147. «Обоудная иллюзия прозрачности: он думал, что понял её, она думала, что он понял её...». — Иллюзия прозрачности — когнитивное искажение, побуждающее людей переоценивать как проницательность собеседника, так и свою собственную способность понимать других, причём неважно, идёт ли речь о понимании смысла высказываний, распознавании лжи или о проявлении/сокрытии эмоций.

Стр. 147. «С тех пор, как Конфундо, применённое Гриндевальдом к Невиллу Чемберлену, было приписано Аманде Нокс, из всех ошибочно осуждённых судебной системой магической Британии он самый невиновный». — Конфундо — заклинание «беспорядка в мыслях». Возможно, во вселенной Юдковского премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен подписал Мюнхенское соглашение не по своей воле, хотя, не исключено, что речь идёт о какой-то другой его ошибке. Имя Аманды Нокс взято из дела об американской студентке, несправедливо обвинённой итальянской полицией в убийстве своей соседки по комнате 1 ноября 2007 года. Следствие длилось больше 4-х лет, а оправдательный приговор сперва был обжалован и отменён, и только потом подтверждён судом высшей инстанции. Дело Аманды Нокс получило шумную огласку.

Стр. 153. «...правило тридцать четыре: с-стань анимагом». — Забавно, что в оригинальном тексте Питера Анспака под этим номером значится правило: «Я не буду превращаться в змею. Это не помогает».

Стр. 156. *«А она до сих пор не закончила сочинение на шесть дюймов по ломиллиалорному дереву...»*. — Ломиллиалор — крайне редкое магическое дерево из «Хроник Томаса Ковенанта» Стивена Дональдсона. С помощью жезлов из ломиллиалора можно аккумулировать и проводить магическую энергию, кроме того между парами жезлов можно устанавливать связь.

Стр. 161. *«...когда дверь спросила: «Почему солнце светит днём, а не ночью?»*, Падма смогла ответить правильно лишь с третьей попытки». — «Почему солнце светит днём, а звёзды — ночью?» — программный вопрос из учебника по естествознанию для государственных начальных школ. В мире маглов, разумеется.

Стр. 170. *«Рыба меч дыня друг, — сообщил Гарри пароль замку, и тот открылся»*. — Мега-пароль сконструирован из двух частей. Первая — рыба-меч — взята из комедии «Лошадиные перья» (1932) уже упоминавшихся братьев Маркс, а затем перекочевала во многие другие фильмы, книги, компьютерные игры и прочее творчество (хотя об известном фильме «Пароль „рыба-меч“» 2001 года Гарри не мог знать по очевидным причинам). Вторая часть — дыня-друг — взята из «Властелина колец»: дыня по-английски — melon; почти так же звучит на эльфийском слово «друг», открывающее врата Мории.

Стр. 175. *«Сделать первый шаг на пути, который ведёт к Кимболлу Киннисону, капитану Пикарду и Лайону-О из Тандеры, но определённо не к Рейстлину Маджере»*. — Кимболл Киннисон — главный герой уже упоминавшейся «Саги о ленсменах» Эдварда «Дока» Смита, Капитан Пикард — персонаж сериала «Звёздный путь: Следующее поколение», воплощённый на экране Патриком Стюартом, Лайон-О — наследный принц государства Тандера из мультсериала «Громокошки». Рейстлин Маджере — один из главных героев «Саги о Копье», волшебник, ступивший на путь Тьмы.

Стр. 175. *«Всё равно что выбросить одежду, из которой вырос, или перейти наконец на новый уровень игры после одиннадцатилетнего блуждания по миру 3, уровню 2 „Супер Марио“»*. — Super Mario — серия фэнтези-игр в жанре платформера, созданная в 1985 году компанией Nintendo. В «Книге рекордов Гиннесса» названа самой продаваемой игрой в истории. Главный герой — сантехник Марио, который должен освободить из заточения принцессу.

Стр. 193. *«Своих детей он назвал Су и Као...»*. — Ли Као — герой фантастической трилогии Барри Хьюарта «Хроники Мастера Ли и Десятого Быка», великий мудрец и пьяница, «учитель с изъёмом в характере», живущий в мире мифологического Китая. Су Ли несколько раз упоминается как соученица Гарри и Гермiony.

Стр. 194. *«Его единственным утешением, за исключением жалования, было то, что его коллеги отлично играли в драконий покер»*. — Драконий покер — карточная игра из цикла книг Роберта Асприна «МИФические истории». Игра очень сложна, потому что обстоятельства, в которых происходит партия (такие как день

недели, погода, количество участников, наличие в помещении предметов определённого цвета и т.п.), выступают модификаторами, усложняющими и изменяющими расклад.

Стр. 201. «...их битва скорее напоминала его тренировочный бой против мадам Тармы в первый год учёбы на аврора...» — Воительница Тарма — одна из главных героинь цикла книг американской писательницы Мерседес Лэки «Валдемар». Тарма характерна довольно нетерпимым отношением к мужчинам.

Стр. 239. «...Беллатриса спит, теперь только его воля, точнее, ожидания должны управлять этими сферами аннигиляции...» — Сферы аннигиляции — один из классических магических предметов в «Подземельях и драконах». Будучи не физическим объектом, а дырой в ткани мироздания, сфера уничтожает всё, чего касается, однако, может управляться усилием воли.

Стр. 273. «Он читал о классическом эксперименте по психологии тюрем, в котором обычные студенты начали проявлять садистские наклонности, как только их назначили на роль тюремных охранников». — Стэнфордский тюремный эксперимент в 1971 году провёл американский психолог Филипп Зимбардо. Сейчас появились данные о том, что он был поставлен некорректно, поскольку исследователи поощряли или даже провоцировали определенное поведение студентов.

Стр. 286. «А если Глаз Вэнса чего-то не видит, значит, этого не существует». — Отсылка к знаменитому американскому фантасту Джеку Вэнсу и его самому известному роману «Глаза другого мира». Также в «Подземельях и драконах» есть злодей Векна — древний бессмертный маг, некогда потерявший левую руку и левый глаз, считающиеся с тех пор мощными артефактами. Имя «Векна» — анаграмма фамилии Вэнса (Vance — Веспа), своеобразный оммаж, поскольку система магии из произведений Вэнса послужила основой для системы магии в «Подземельях и драконах».

Стр. 303. «...и передать профессору Флитвику следующее сообщение: „Деревья в серебре“». — Отсылка на роман Сьюзен Купер «Silver on the Tree». Это пятая и заключительная книга цикла «Восход тьмы», в котором описывается мир, основанный на кельтской мифологии и артуровском архетипе. Главному герою цикла — мальчику Уиллу Стэнтону — как и Гарри Поттеру в первой книге (и, кстати, Эндеру Виггину из «Игры Эндера» на момент его главной битвы) — 11 лет.

Стр. 305. «Сейчас Гарри использовал шифр первого типа, но это было лучше, чем ничего». — Гарри использует «шифр Цезаря», он же «шифр сдвига». Его суть в том, что каждый символ заменяется другим, находящимся в алфавите на некотором постоянном числе позиций левее или правее. Например, в шифре со сдвигом вправо на 3, А была бы заменена на Г, Б станет Д, и так далее. Если вы не хотите сами попробовать расколоть шифр, даём подсказку: \mathbb{Z}_{26} — группа сдвига.

Стр. 331. «...а угнетённый народ Урулата получил свободу...». — Урулат — страна из фэнтезийной дилогии Жаклин Кэри «Разделение» (Sundering). История во многом базируется на «Сильмариллионе» Дж.Р.Р.Толкина, но рассказана с точки

зрения персонажей, считающихся в том мире тёмными, злыми. Своеобразный аналог «Чёрной книги Арды».

Стр. 334. «Предполагается, что он создаёт двустороннюю связь с невыносимо прекрасной вейлой по имени Верданди». — Изначально Верданди — одна из трёх норн, богинь судьбы в скандинавской мифологии. Но раз уж речь идёт о вейле и договоре связи, то, вероятно, имеется в виду богиня Верданди из манги и аниме «Моя богиня!», невероятно добрая и терпеливая, в результате ошибки оказавшаяся связанной договором с обычным человеком, студентом Морисато Кэйити.

Стр. 334. «Скажи мне, что вы хотя бы добавили яд клешнепода». — Яд клешнепода (Mackled Malaclaw) приводит к фатальному невезению в течение недели.

Стр. 334. «Иоканский порошок?» — смертельный яд из книги Уильяма Голдмана «Принцесса-невеста» и её одноимённой экранизации.

Стр. 334. «Ступор Баля?» — Отсылка к термину Idiot Ball (мяч идиота), означающему ситуацию, когда автор для развития сюжета заставляет персонажа делать очевидную глупость. Термин предложил американский актёр Хэнк Азария в шоу «Голова Германа»: «Ну, кто сегодня поймал идиотский мяч?»

Стр. 336. «Можно натолкнуться на что-нибудь интересное, вроде бронзовой статуи пушистого существа, похожего на ребёнка, со странным плоским копьём в лапах...» — Вероятнее всего это либо эвок из вселенной «Звёздных войн» (хотя его Гарри, по идее, должен был опознать), либо пушистик из «Вселенной терранского человечества» Бима Пайпера.

Стр. 341. «Гарри смотрел в яркое синее небо и думал об эксперименте Милгрэма» — Стэнли Милгрэм (1933–1984) — американский социопсихолог и педагог, исследователь феномена подчинения авторитету и связности социальных сетей («Теория шести рукопожатий»). Считается одним из наиболее влиятельных психологов XX века. Описанные эксперименты проводились начиная с 1963 года (и проводятся по настоящее время) с разными вариациями, которые в целом подтверждают изначальные результаты.

Стр. 351. «Атака единорога?» — Robot Unicorn Attack — flash-игра в жанре платформера, полная розового цвета, фей, радуг, блёсток и звёздочек.

Стр. 357. «Другие фанфики, которые вы могли бы читать». — В дополнительных материалах безжалостно рационализированы (или, по крайней мере, упомянуты) следующие произведения:

«Властелин Колец» Дж.Р.Р.Толкина,

«Лев, колдунья и платяной шкаф» Клайва Льюиса,

«Мои маленькие пони: Дружба — это чудо» Hasbro Studios,

«Наруто» Масаси Кисимото,

«Нарцисс в цепях» Лорел Гамильтон,

«Судьба/ночь схватки» (Fate/stay night) Type-Moon,

«Имя ветра» Патрика Ротфусса,

«Гуррен-Лаганн» Хироюки Имаиси,
 «Warhammer 40,000» Games Workshop,
 «Громокошки» (он же «Громовые Коты») Rankin-Bass Productions,
 «Сумерки» Стефани Майер,
 «Волшебная лампа Алладина»,
 «Хи-Мен и властелины вселенной» Filimation,
 «Трагическая история о Гамлете, принце датском» Уильяма Шекспира,
 «Алиса в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла,
 «Моби Дик, или Белый кит» Германа Мелвилла,
 «Матрица» братьев/сестёр Вачовски.

Стр. 367. *«Я придумал поистине чудесную историю для этого кроссовера, но поля здесь слишком узки для того, чтобы вместить её».* — Аллюзия на знаменитый комментарий Пьера Ферма к своей теореме (для любого натурального $n > 2$ уравнение $a^n + b^n = c^n$ не имеет решений в натуральных числах a, b, c), оставленный им в 1637 году на полях «Арифметики» Диофанта: «Я нашел поистине удивительное доказательство этому, но поля здесь слишком узки для того, чтобы вместить его».

Стр. 376. *«И любой двойной слепой эксперимент подтвердит, что лекарство не работает».* — На ход эксперимента могут повлиять различные субъективные факторы, как со стороны испытуемого, так и со стороны экспериментатора. Чтобы их исключить, используются слепой метод (испытуемый не знает, оказался он в основной группе или в контрольной) и двойной слепой метод (даже экспериментатор не знает, какой испытуемый попал в какую группу). Для примера можно рассмотреть упомянутое в тексте исследование эффективности лекарств. При обычном слепом методе испытуемый не знает, дают ли ему настоящее лекарство или плацебо. При двойном слепом методе даже экспериментаторы во время эксперимента не знают, какому пациенту дают настоящее лекарство, а какому — плацебо. Это позволяет, например, исключить случаи, когда экспериментатор, зная о том, что пациенту давалось настоящее лекарство, убедит себя в том, что видит улучшение симптомов. Также про слепой метод уже упоминалось в главе 22 (описание эксперимента Блондло).

Стр. 378. *«В понедельник на уроке травоведения Венерина огнеловка вырвалась из-под контроля».* — Венерина огнеловка — крайне опасное растение из игры «Супербратья Марио».

Стр. 382. *«...и позже, когда она возражала, что Питер Певенси ещё слишком молод...»* — Питер Певенси — один из главных героев «Хроник Нарнии» Клайва Льюиса, ставший Верховным Королём Нарнии.

Стр. 436. *«Это вы не застали профессора Барни».* — Добродушный плюшевый тиранозаврик Барни — главный герой детского юмористического шоу «Барни и друзья».

Стр. 438. *«Я говорю о Люпе Кэсериле и других, подобных ему»* — Люп Кэсерил — главный герой цикла романов Лоис Буджолд «Шалион», рыцарь,

в результате предательства оказавшийся в рабстве, но позже вернувшийся на родину и сумевший найти в себе силы для новой жизни.

Стр. 438. «...и лишь Симорен Линдервол была ведьмой» — Симорен Линдервол — главная героиня юмористической серии книг «Заколдованный Лес» Патриции Рэде. В серии пародируются сюжеты волшебных сказок, в частности, Симорен (принцесса волшебного королевства) вместо того, чтобы выйти замуж за прекрасного принца, сбегает, чтобы заключить сделку с драконом.

Стр. 460. «Глип?! — вырвалось у Гермiony». — В цикле романов Роберта Асприна «МИФические истории» «глип» — единственное слово, которое умеет произносить молодой дракон, питомец главного героя. Долгое время Глипа считают неразумным, хоть и милым, зверьком, но впоследствии Глип преподносит героям Асприна немало сюрпризов.

Стр. 470. «Ключ!» — В серии романов Джека Вэнса «Властители Зла» ключ — сильнейший яд, не имеющий противоядия.

Стр. 471. «Это костюм гриффиндорского солдата из пьесы „Хроники солдат Луны“». — Отсылка к культовой франшизе «Сейлор Мун» о приключениях команды девочек-волшебниц, которых также называют «воины в матросках».

Стр. 475. «Знаете, как в „Трагедии Лайта“, где всё, что выглядит как неудача — часть плана» — Отсылка к уже упоминавшимся аниме и манге «Тетрадь Смерти».

Стр. 489. «Элмекиа! — крикнул Ли». — Слабое заклинание астрального копья из серии книг «Рубаки» и одноимённого аниме-сериала.

Стр. 491. «В ответ Сьюзен проорала слова проклятья, в которых Гермiona узнала Ужасающее увядание Аби-Далзима, запрещённое в семи странах». — Некромантское заклинание 8-го уровня из уже неоднократно упоминавшихся «Подземелий и драконов», мгновенно испаряющее всю жидкость из тела противника. Некоторым читателям оно может быть также знакомо по компьютерной игре «Baldur's Gate».

Стр. 500. «Очевидно, рассказ об экспериментах по ведению «дневника благодарности» как способа повысить уровень счастья вряд ли был бы хорошо воспринят». — Такой метод «воспитания оптимизма» предложен американским психологом Мартином Селигманом, открывателем феномена выученной беспомощности и основоположником позитивной психологии.

Стр. 507. «Акатла, мундатус сум» — слова обряда вызова демона из сериала «Баффи — истребительница вампиров».

Стр. 507. «Мабра, брахоринг, мабра» — заклинание на языке демонов из романа Роджера Желязны «Дилвиш Проклятый».

Стр. 507. «А затем заряды застряли и исчезли в гранях тёмно-красного восьмиугольника, который появился в воздухе вокруг девочек и через мгновение исчез». — Героини защищены АТ-полем из аниме «Евангелион» — непроницаемым

силовым барьером, который может пробить разве что позитронная пушка, но никак не заклинания старшекурсников Хогвартса.

Стр. 508. *«Шафл, дафл, мазл, мафф, фиста, виста, миста-кафф»* — волшебные слова из книги Доктора Сьюза «Бартоломью и Облек» (на русский язык не переводилась).

Стр. 508. *«Лемаршан, Ламент, Лемаршан»* — В XVIII веке французский игрушечных дел мастер Лемаршан создал шкатулки-головоломки, которые, будучи собраны определённым образом, открывают врата в ад. Вокруг этих артефактов разворачивается действие цикла книг Клайва Баркера «Восставший из ада» (и их одноимённых экранизаций). Наиболее известной из этих шкатулок является «Конфигурация плача» (англ. Lament configuration), показанная в фильмах.

Стр. 508. *«Трейси резко вытянула руку влево и выкрикнула „Кхорнат!“, указала вниз и выкрикнула „Слаанет!“, верх: „Нурголт!“ и вправо: „ТЗИНЧИ!“*» — Кхорн, Слаанеш, Нургл и Тзинч — четыре бога Хаоса из вселенной Warhammer 40,000, также известные как Тёмные Боги или Губительные Силы. Причины, по которым Трейси выкрикивает похожие, но не точно совпадающие имена, доподлинно неизвестны. Возможно, это какой-то сложный замысел Гарри Джеймса Поттера-Эванса-Верреса.

Стр. 508. *«Тьма за тьмой, чернее чёрного, похороненная под рекой времени...»* — отрывки опаснейших заклинаний из серии книг и аниме-сериала «Рубаки». *«Из тьмы во тьму, твой голос звучит в пустоте...»* — первая строка заклинания, открывающего Дверь в Бездну в «Care о Копье» Маргарет Уэйс и Трейси Хикмена. *«Неведомый смерти, не познавший жизни...»* — отрывок из арии Арчера в Fate/Stay Night (в оригинале — «Unknown to death, Nor known to life...»).

Стр. 509. *«Ты, кто знает врата, кто и есть врата, ключ и стража врат: открой путь ему, и яви мне его силу...»* — Трейси заканчивает своё выступление воззванием к Богу Врат Йог-Сототу из пантеона Ктулху.

Стр. 518. *«Тем не менее, самый жуткий ритуал из известных мне требует лишь верёвку, на которой повесили мужчину и меч, которым убили женщину»*. — Упомянутый ритуал взят из цикла книг Лоуренса Уотт-Эванса «Легенды Этшара». Он создаёт смертоносную и неостановимую субстанцию, известную как Клокочущая Погибель. Правда, кроме меча и веревки для ритуала нужны ещё кровь дракона и яд гадюки.

Стр. 528. *«...и в следующий момент он оказывается лежащим на коленях прекрасной девушки, глаза которой пылают жутким светом, и она совершенно не представляет, как ведут себя люди, и парню приходится постоянно останавливать её, когда она собирается сожрать кого-нибудь живём»*. — Отсылка к веб-комиксу Ow, my sanity, который в свою очередь, является пародией на уже упоминавшуюся мангу «Моя богиня!». В веб-комиксе богиня, свалившаяся на главного героя, словно бы вышла напрямую из пантеона Ктулху.

Стр. 531. «...но когда вдалеке звучат голоса, кричащие „Текели-ли! Текели-ли!“, и из-под всех дверей начинает рекой течь кровь, вполне нормально испугаться». — «Текели-ли!» — звуки, которые издают чудовища-шогготы из вселенной Лавкрафта. Шогготы — искусственные создания, порождённые древними Старцами как слуги, но впоследствии восставшие против них и ныне обитающие в ледяных развалинах древнего города где-то в Антарктиде. В общем, есть чего испугаться.

Стр. 547. «ИБО НЕ МОГУТ ИХ НЕСХОЖИЕ ДУФЫ СУЩЕСТВОВАТЬ В ОДНОМ МИЛЕ». — Это не опечатки. В оригинале слова тоже даются в искажённом виде: «...for those two different spelllets can not exist in the same vuld...»

Оглавление

Глава 38. Смертный грех.....	5
Глава 39. Притворная мудрость. Часть 1	13
Глава 40. Притворная мудрость. Часть 2	34
Глава 41. Лобовое столкновение.....	39
Глава 42. Храбрость.....	46
Глава 43. Человечность. Часть 1.....	56
Глава 44. Человечность. Часть 2	76
Глава 45. Человечность. Часть 3	80
Глава 46. Человечность. Часть 4.....	90
Глава 47. Теория личности.....	102
Глава 48. Утилитарные приоритеты	134
Глава 49. Априорная информация.....	143
Глава 50. Эгоизм	156
Глава 51. (Название скрыто). Часть 1.....	166
Глава 52. Стэнфордский тюремный эксперимент. Часть 2.....	175
Глава 53. Стэнфордский тюремный эксперимент. Часть 3.....	185
Глава 54. Стэнфордский тюремный эксперимент. Часть 4	189
Глава 55. Стэнфордский тюремный эксперимент. Часть 5.....	205
Глава 56. СТЭ. Часть 6. Условная оптимизация	224
Глава 57. СТЭ. Часть 7. Вынужденное познание.....	235
Глава 58. СТЭ. Часть 8. Вынужденное познание.....	247
Глава 59. СТЭ. Часть 9. Любопытство	259
Глава 60. Стэнфордский тюремный эксперимент. Часть 10.....	272
Глава 61. СТЭ. Часть 11. Секретность и открытость	283
Глава 62. Стэнфордский тюремный эксперимент. Финал	301
Глава 63. Стэнфордский тюремный эксперимент. Послесловия.....	316

Глава 64. Дополнительные материалы 4.	
Параллельные вселенные	356
Глава 65. Ложь порождает ложь	375
Глава 66. Самоактуализация. Часть 1.....	389
Глава 67. Самоактуализация. Часть 2	394
Глава 68. Самоактуализация. Часть 3	405
Глава 69. Самоактуализация. Часть 4	419
Глава 70. Самоактуализация. Часть 5.....	429
Глава 71. Самоактуализация. Часть 6.....	444
Глава 72. Самоактуализация.	
Часть 7. Правдоподобное отрицание.....	458
Глава 73. Самоактуализация. Часть 8. Священное и мирское	482
Глава 74. Самоактуализация. Часть 9. Эскалация конфликтов...	497
Глава 75. Самоактуализация. Финал. Ответственность	524
Глава 76. Интерлюдия с исповедью: Необратимые издержки	541
Глава 77. Самоактуализация.	
Послесловия: Внешность обманчива	549
Комментарии	577

Все права принадлежат правообладателям: в частности, Джоан Роулинг. Оригинальный тираж этой книги (21 000 экземпляров) был напечатан на средства, собранные краудфандингом, и предназначался для участников краудфандинга, а также для отправки на просветительские цели и в библиотеки.

Все собранные деньги потрачены на печать, организаторы этого некоммерческого проекта не извлекают прибыли.

Позже вёрстка была выложена в свободный доступ, чтобы любой желающий мог распечатать себе экземпляр.

Коммерческое использование текста без разрешения правообладателей может преследоваться по закону.

Продажа этой книги незаконна и в зависимости от масштаба может повлечь уголовную, административную или гражданскую ответственность.

Элиезер Шломо Юдковский

Гарри Поттер и методы рационального мышления

Книга вторая

Редактура — Михаил Самин
Комментарии — Лин Лобарёв
Дизайн обложки — Татьяна Anforumeru
Вёрстка — Лин Лобарёв

Организатор проекта — Михаил Самин
Электронный адрес: www.mishasamin.me
E-mail: hpmor@mishasamin.xyz
ВКонтакте: vk.com/hpmor_print
Telegram: t.me/hpmorprint

Этот макет можно свободно использовать для печати в личных некоммерческих целях, однако нельзя изменять без разрешения авторов вёрстки.

